Министерство культуры Калужской области
Государственное бюджетное учреждение культуры Калужской области
«Калужский объединённый музей-заповедник»

ВОПРОСЫ
АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ И ПРИРОДЫ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Материалы
XIX Всероссийской научной конференции,
посвящённой 650-летию Калуги, 125-летию Г. К. Жукова
и 60-летию Первого полёта человека в космос

Калуга
2021

ББК 63А(2)
В 74

Художник
В. М. Типикин

Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: материалы
В 74 XIX Всероссийской научной конференции, посвящённой 650-летию Калуги, 125-летию Г. К. Жукова и 60-летию Первого полёта человека в космос. Калуга, 7–8 апреля 2021 г.— Калуга: Издатель Захаров С. И. («СерНа»), 2021.— 288 с.

ISBN 978-5-907177-46-8

Сборник включает материалы XIX Всероссийской научной конференции, посвящённой 650-летию Калуги, 125-летию Г. К. Жукова и 60-летию Первого полёта человека в космос, проходившей 7–8 апреля 2021 г. в Калужском объединённом музее-заповеднике и посвящённой результатам исторических и естественно-научных исследований в Верхнем Поочье и сопредельных регионах России.

Статьи рассчитаны на широкий круг читателей: научных работников, краеведов, студентов.

ББК 63А(2)

ISBN 978-5-907177-46-8
9 785907 177468

© ГБУК КО «Калужский объединённый музей-заповедник», 2021
© Авторы публикаций, 2021
© Издатель Захаров С. И. («СерНа»). Оформление, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Кометчиков И. В. Партизан Великой Отечественной войны номер один: штрихи к историческому портрету Е. И. Осипенко . . . 6

Решетникова Н. М. Великая Отечественная война и калужская флора . . . 10

АРХЕОЛОГИЯ

Маркина И. Б. Атрибуция и реставрация археологических изразцовых коллекций на примере коллекции изразцов «Тула, ул. Советская и Менделеевская» из собрания Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле» . . . 15

Пуцко В. Г. Средневековые литики в Верхнем Поочье . . . 21

Тропин Н. А., Боброва А. Г., Лукашов И. А., Лукашова Л. Н. Ранний период в застройке Калужского посада в XVII в. (по материалам раскопок 2019 г.) . . . 26

Зацаринный С. В. Керамическая серия XVI–XIX вв. Из коллекции археологических находок, собранных при музеефикации дома купца П. А. Пронина в г. Чекалине . . . 30

Болдин И. В., Массалитина Г. А. История и проблемы локализации Столпицкой крепости Козельских засек . . . 37

Екимов Ю. Г. Об одной группе находок из культурного слоя Сорокинского городища в исторической части Алексина . . . 44

Ефимов А. Е., Ефимова Е. Е. Городище Мошарово на р. Шане . . . 50

Ефимов А. Е., Ефимова Е. Е. Выявление фундамента церкви святого Георгия Победоносца в д. Адамовское Дзержинского района Калужской области . . . 58

ИСТОРИЯ

Трофимов Е. П. Локализация города Лужи. . . . 64

Пилипенко А. Д. Казаки на посаде: к составу городской общины Серпухова середины XVI в. . . . 68

Савосичев А. Ю. Монастыри Новосильского уезда в начале XVII в. . . . 71

Бессонов В. А. Император Пётр I на Калужской земле . . . 73

Лошкарёва Н. П. Владения представителей рода Се(и)нявиных в Боровском уезде XVII — середины XIX в. (к вопросу о родословной дворян Се(и)нявиных) . . . 79

Лошкарёва Н. П. Прошение вице-адмирала Д. Н. Сенявина императору Александру I о незаконном владении имением его отца Н. Ф. Синявина девицей Беседновой (к вопросу о споре господ Се(и)нявиных с девицей Беседновой из-за наследства). . . . 87

Абакулов В. И. Село Борищево Перемышльского уезда и его владельцы в XIX — начале XX в. . . . 90

Маркина И. В., Маркин А. К. Здание Городского театра по описи общественного имущества г. Калуги за 1893–1894 гг. . . . 98

Вещев М. Ю. Деятельность акционерного общества «Троицко-дашковской бумаго-картонной фабрики» (1895–1904 гг.) . . . 101

Власов А. Е. Социальный портрет калужского жандарма (на примере биографии унтер-офицера М. А. Варфоломеева и ротмистра В. В. Добромыслова) . . . 106

Никитина Н. Н., Неустроева А. В. Конфискация помещичьих имений в Калужской и Тульской губерниях в 1917–1918 гг. . . . 112

Мельников Р. А., Штепа А. В. Становление органов советской милиции в Калужской губернии: к постановке проблемы . . . 114

Кондратьев Ю. В. Работа партийных органов калужской деревни в период проведения волостной реформы 1920-х гг. . . . 118

Сумская С. Е. Первая школа-колония Малоярославецкого уезда . . . 121

Курбацкий А. Н. «Мешает расширению нашего деточага и ясель своим присутствием»: Закрытие Крестовоздвиженской церкви бывшего Крестовского монастыря в г. Калуге в начале 1930-х гг. (по документам московских архивов) . . . 125

Букланов Г. Б. Гарнизон Калуги летом — осенью 1941 г. . . . 131

Чернов В. А. Боевые действия на Детчинском направлении (от реки Угра до рек Нара и Черничка) в октябре 1941 г. . . . 134

Грин Г. Я. Выход из Вяземского котла группы численностью 3 тысячи человек под командованием майора Б. Н. Попова — начальника разведки 60-й сд (бывшая 1-я ДНО). Маршрут: Спас-Деменск — Вязьма — Юхнов — Боровск — Верея — д. Редькино. 4–21 октября 1941 г. . . . 138

Исаченко А. М. Варшавское шоссе как военно-автомобильная дорога . . . 144

Сёмочкина О. В., Сёмочкин Н. Ю. Выдвижение А. Л. Чижевского на соискание Ленинских премий . . . 149

Зиновкина Н. В. История города Калуги в выставках и публикациях Государственного архива Калужской области в XXI в. . . . 151

Симоненкова С. С. Анализ тематики исследований в читальном зале Государственного архива Калужской области в 2009–2020 гг. . . . 156

КУЛЬТУРА

Пушков В. П. Калужский феномен книжных записей первой половины XVII в. (по собраниям РГАДА) . . . 159

Меленчук В. И. Штрихи к истории усадьбы Панское под Малоярославцем . . . 162

Павельева В. Д. Западноевропейские гравюры «Святой Иаков Старший» и «Святой Марк евангелист» из собрания Тарусской картинной галереи . . . 169

Заложных Ю. С. Художественные искания поздних передвижников на примере произведений из фондов Калужского музея изобразительных искусств . . . 172

Пуцко В. Г. Портрет Я. М. Евреинова — неизвестное произведение Г. Г. Хойзера . . . 179

Гужова И. В. Портрет неизвестной из собрания КМИИ. Идентификация личности модели . . . 181

Сандакова Е. В. Пётр Суходольский — уроженец земли Калужской: художник и гражданин . . . 186

Корнелюк Э. А. Работы В. В. Верещагина в собрании Калужского музея изобразительных искусств . . . 190

Зверева М. В. К вопросу об атрибуции двух альбомов из собрания Калужского музея изобразительных искусств . . . 195

Зубкова И. А., Фомичёва Т. И. Городской костюм XVII — начало XX в. г. Калуги . . . 199

Востриков В. Б. Народные художественные промыслы Калужской области. История и современность . . . 217

Моисеенко Н. А., Силаев М. В. Изучение некоторых общих и семейных техник изготовления традиционной хлудневской игрушки Калужской области по этнографическим сборам в Думиничском районе . . . 223

Столярская Ж. Ф. К вопросу изучения влияния троицкой обрядности на бытование традиционных крестьянских кукол в начале XX века в бывшем Жиздринском уезде Калужской губернии . . . 228

Архипцева Е. В. Бортовая библиотека имени К. Э. Циолковского: история и состав. К 60-летию Первого полёта человека в космос . . . 233
Максимовская Н. А., Спиченко А. А. К вопросу об установке памятного знака в честь Юрия Гагарина на площади Старый Торг в Калуге . . . 241
Роянова Г. И. «Этот День Победы». Предметы фонда «Филумения» Калужского объединённого музея-заповедника, посвящённые Дню Победы . . . 243
Золотова С. В. Опыт работы военно-исторического музея «Кремёнки» в работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья . . . 246

ПРИРОДА

Новиков В. П. Поповский родник на реке Угре . . . 249
Алексанов В. В. К Чёрной книге Калужской области (животный мир): предварительные итоги и перспективы изучения чужеродных беспозвоночных . . . 254
Шмытова И. В. Чешуекрылые (Insecta, Lepidoptera) ООПТ регионального значения памятник природы «Река Вытебеть и её пойма» . . . 257
Воронкина Н. В., Лебедева Ю. А. Водоросли озера Святое Дзержинского района Калужской области . . . 260
Попов Е. А. Зимняя орнитофауна аэродрома Калуга (Грабцево) . . . 268
Шмытов А. А. Предварительный список сосудистых растений ООПТ регионального значения памятник природы «Река Вытебеть и ее пойма» . . . 276

ПАРТИЗАН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НОМЕР ОДИН: ШТРИХИ К ИСТОРИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ Е. И. ОСИПЕНКО[1]

И. В. Кометчиков,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института истории и права, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского

Ефим Ильич Осипенко родился 7 января 1902 года (27 декабря 1901 года по старому стилю) в деревне Ильсов Черниговской губернии. По национальности — белорус (по другим данным — русский). Трое детей бедной крестьянской семьи рано остались без матери, которая умерла, когда Ефиму было 8 лет. С раннего детства он трудился в домашнем хозяйстве, а в 10 лет работал пастухом. В церковно-приходской школе ему удалось получить лишь начальное образование (в 1913 г. окончил 4 класса сельской приходской школы в с. Ильсов Стародубского уезда Черниговской губернии). С 15-ти лет Ефим около 2 лет батрачил в графском имении, но, будучи удалённым оттуда «за непокорность», работал в родных местах подёнщиком. С детства познав тяготы жизни бедняка, Осипенко восторженно принял Октябрьскую революцию.

Послужной список Е. И. Осипенко таков: с апреля 1918 по октябрь 1920 г. работал пастухом по найму у крестьян. С октября 1920 по ноябрь 1922 г. он — командир отделения 34-го стрелкового полка 4-й стрелковой дивизии Белорусского военного округа. В 18 лет Ефим Осипенко был призван в РККА. В составе 4-й Смоленской стрелковой дивизии имени Германского пролетариата он сражался в советско-польской войне. После окончания полковой школы красноармейца Ефима Осипенко определили в отряд по борьбе с бандитизмом (действовавший в районе Борисов — Минск), а затем он охранял западную границу, с ноября 1922 по ноябрь 1924 г. был командиром отделения 14-го пограничного отряда ОГПУ.

После демобилизации из РККА в 1924 г. Ефим Ильич обратился с ходатайством о приёме на службу в милицию, где он начал с рядового в административной команде[1]. С ноября 1924 по май 1927 г. Ефим Осипенко — младший милиционер уездной милиции Стародубского уезда Черниговской губернии. С мая 1927 по июнь 1929 г. Осипенко служил старшим милиционером уездной милиции Стародубского уезда Черниговской губернии. С июня 1929 по сентябрь 1931 г. — участковым милиционером районного отделения милиции г. Погар Западной области, с сентября 1931 по август 1932 г. был курсантом школы старшего начальствующего состава милиции в г. Воронеже.

С августа 1932 по июнь 1933 г. Ефим Осипенко — инспектор отдела наружной службы Управления милиции Западной области, с июня 1933 по май 1934 г. — помощник начальника 1-го отделения Управления милиции Западной области. С мая 1934 по февраль 1935 г. являлся начальником паспортного стола районного отделения милиции г. Ярцево Западной области. В 1936 г. Осипенко окончил Воронежскую школу милиции, что позволило ему занимать руководящие должности. С февраля 1935 по июнь 1938 г. он — начальник районного отделения милиции Андреевского района Западной (Смоленской) области, а с июня 1938 по октябрь 1941 г. — начальник районного отделения милиции Сухиничского района Западной (Смоленской) области. В июне 1931 г. Осипенко вступил в ВКП(б) кандидатом (Погарский РК ВКП(б) Западной области), в апреле 1938 г. принят членом ВКП(б) (Андреевский РК ВКП(б)).

В начальный период войны центральная власть неслучайно возложила на органы НКВД наряду с партийным аппаратом и Красной армией обязанность организации партизанского движения. Тем самым были востребованы навыки чекистов и милиционеров по конспирации, ведению оперативно-розыскной деятельности, обращению с оружием, взрывчаткой, средствами связи, а главное — хорошее знание местных условий и особенностей. Начальник управления милиции

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 20–09–00031 «Региональное чиновничество в процессе капиталистической трансформации Советского государства (конец 1920-х — 1960-е гг.)».

УНКВД по Смоленской области Г. И. Шишков вспоминал: «Одновременно мы приняли активное участие в организации партизанских отрядов, снабжении партизан документами, вооружении их огнестрельным и холодным оружием и в заброске в тыл врага. Из областного аппарата милиции были выделены лучшие оперативные работники…» Областное управление милиции указало аппаратам районных милиций вести партизанскую борьбу. В результате в тылу врага остались целиком аппараты милиции Дорогобужского, Сафоновского, Бельского, Пречистенского, Усвятского и других районов. Начальники ряда районных милиций встали во главе крупных партизанских отрядов. При последующей, вторичной, оккупации немцами северо-западной части Смоленской области в партизанских отрядах осталось до 200 человек работников милиции, из них 15 начальников райотделов милиции и 40 оперативных работников[2].

В Тульской области, на территории которой партизанил Осипенко, ГК и РК ВКП(б) совместно с органами НКВД занялись формированием партизанских отрядов с сентября 1941 г. К началу боевых действий на территории области партизанские отряды были созданы в 30-ти районах и насчитывали около 800 чел. Было сформировано и вооружено 80 диверсионных групп общей численностью 350 чел. За вторую половину ноября и декабрь 1941 г. было сформировано, обучено, вооружено и переброшено в тыл противника 219 партизанских отрядов общей численностью до 1 тыс. чел.[3]

7 октября 1941 г. гитлеровские войска вступили в Сухиничи. Созданную здесь партизанскую группу постигла трагическая судьба. Её руководителями были первый секретарь Сухиничского райкома ВКП(б) П. Ф. Шорохов и второй секретарь Г. К. Орёл, которые в условиях колоссальной нагрузки по организации экстренной эвакуации допустили ряд оплошностей из-за отсутствия опыта. Продовольственная база партизан у Богдановых Колодезей была разграблена. Прорыв немцев к Сухиничам не позволил вовремя вывести членов партизанской группы в лес. В результате Шорохов и Орёл были схвачены и замучены гитлеровцами. Из группы Шорохова в лес сумел уйти только Осипенко. Когда гитлеровцы ворвались в город, он руководил эвакуацией на станции Сухиничи-Главные.

Оказавшись отрезанным от места, где был назначен сбор группы, он в одиночку пробрался на партизанскую базу в районе Богдановых Колодезей. Увидев, что она разграблена, Осипенко направился под Козельск. Там он встретился с несколькими патриотами, сумевшими, как и он, уйти из оккупированных Сухиничей и Козельска. Объединившись в диверсионную группу, они стали пробираться к Белёву Тульской области. В пути они встретились с бойцами Черепетского партизанского отряда «Передовой», в котором Ефим Ильич стал начальником штаба, минёром и командиром группы подрывников[4]. Отряд действовал на железнодорожной ветке Лихвин — Козельск — Сухиничи и насчитывал 11 человек[5].

Командиром отряда «Передовой» был Д. Т. Тетерчев, сержант милиции, помощник оперативного уполномоченного уголовного розыска Черепетского РО НКВД[6], комиссаром — П. С. Макеев, житель г. Лихвина Тульской области, до войны — оперативный уполномоченный Черепетского РО НКВД, сержант государственной безопасности. Отряд вёл боевые действия на территории Черепетского и Белёвского районов Тульской области и Козельского района Смоленской области до момента их освобождения от оккупации, то есть до 25 декабря 1941 г. За время борьбы с врагом отряд уничтожил 36 гитлеровцев, 9 коллаборантов, пустил под откос воинский эшелон с живой силой и военным имуществом врага, вывел из строя пять паровозов, подорвал рельсы, что привело к скоплению на ст. Лихвин и Мышбор большого количества эшелонов врага с военным имуществом и продовольствием[7].

Все эти победы давались дорогой ценой. Потери отряда составили: один человек повешенный гитлеровцами, один — раненый и один — пропавший без вести. Не вернулся из Лихвина связной Д. Клевцов. Был арестован оккупантами девятнадцатилетний Г. Штыков, оставленный для подпольной работы в городе. Ничего не добившись истязаниями, гитлеровцы убили патриотов. По доносу предателя была арестована и расстреляна связная отряда Е. Арсенина[8].

В отряде «Передовой» геройски сражался и погиб разведчик-комсомолец Александр Чекалин[9], воевавший вместе со своим отцом. Он был выдан немцам 44-летним каменщиком Н. Авдюхиным, который при немцах добровольно вызвался быть старостой деревни Песковатское. Заболевший Чекалин скрывался в деревне, где его заметил и задержал Авдюхин. Сашу гитлеровцы увезли

в Лихвин и там повесили. Авдюхин был арестован НКВД и расстрелян в апреле 1942 г. вместе со своим помощником А. Осиповым[10].

Мужество и силу духа партизан отмечали даже гитлеровцы. 6 ноября 1941 г. генерал Г. Хайнрици, командующий 43-м корпусом в составе 2-й танковой армии Г. Гудериана, находясь в Лихвине, записал в своём дневнике: «Партизанская активность под Лихвином заметно растёт. <…> Все впечатлены партизанской силой духа. Ни один ничего не выдаёт, все молчат и идут на смерть…»[11] 19 ноября Хайнрици вновь отметил стойкость и силу духа партизан: «Почти всегда эти люди встречают смерть со стоическим хладнокровием. Они никого не выдают и ни о чём не рассказывают. На многочасовых допросах они повторяют лишь: «Я выполнял приказ». 18-летний парень, назвавшийся командиром партизан-кавалеристов, сам накинул на себя петлю, крикнул «Я умираю за коммунизм» и спрыгнул вниз. Мой денщик, который ходил на рыночную площадь смотреть казнь, сказал: «Он буквально жаждал смерти». И таких фанатичных борцов за коммунизм тут множество…»[12]

В январе 1942 г. Тульский ГорКО направил ГКО СССР ходатайство о награждении партизана Е. И. Осипенко, после оккупации Сухиничского района гитлеровцами решил остаться во вражеском тылу и вести партизанскую войну с захватчиками. 16 октября 1941 г. в лесу он встретил партизан отряда Черепетского района и, дав клятву бороться с гитлеровцами, вступил в отряд. В отряде Осипенко проявил себя как храбрый диверсант-подрывник. 28 октября партизаны организовали нападение на автомашину противника, 6 ноября — захватили обоз с награбленным гитлеровцами продовольствием, 15 ноября был уничтожен немецкий патруль на железной дороге, причём Осипенко убил немецкого офицера. 24 ноября был уничтожен совершивший вынужденную посадку немецкий бомбардировщик.

Именно Макеев, согласно представлению к его награждению Тульского ГорКО, узнав, что гитлеровцы в Лихвине грузят в эшелоны военное имущество и трофеи, решил провести подрыв железнодорожного полотна[13]. Осипенко вместе с Макеевым заложили под полотно 9 кг аммонала, попытавшись взорвать его дистанционно. Однако сделать это не удавалось. Осипенко дважды бросал в сторону заложенного под рельсы заряда гранаты, но они, рикошетируя, взорвались в стороне[14].

Осипенко решил даже ценой своей жизни не позволить гитлеровцам вывезти военное имущество. Подобравшись к месту минирования, он вручную произвёл взрыв, которым был тяжело ранен и контужен. В результате гитлеровцы вынуждены были бросить на ст. Лихвин и Мышбор свыше 350 вагонов. В оставленных эшелонах находилось 130 грузовых машин, 100 велосипедов, много автоматического оружия, мин, патронов, несколько вагонов с мясом, консервами, вином, другими продуктами, 2 цистерны спирта. Захваченного продовольствия хватило на то, чтобы полностью снабдить две гвардейские дивизии Красной армии[15].

По мнению руководства Тульского ГорКО, «за беспощадную борьбу» с гитлеровцами и проявленный при этом героизм Осипенко был достоин награждения орденом Ленина[16]. 4 февраля 1942 г. указом Президиума Верховного Совета СССР П. С. Макеев, Е. И. Осипенко, Д. Т. Тетерчев были награждены орденами Ленина. А. Чекалин посмертно удостоен звания Герой Советского Союза[17]. Кроме ордена Ленина Е. И. Осипенко был награждён орденом Красного Знамени и медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

Всего, по неполным данным, на 21 февраля 1942 г., тульские партизаны уничтожили 15 вражеских танков, 1 самолёт, 150 автомашин с военными грузами и войсками, 100 повозок с боеприпасами и продовольствием, 45 мотоциклов, 6 орудий, много стрелкового вооружения. Убито, ранено и захвачено в плен 1 600 гитлеровцев, в том числе около 100 офицеров[18]. Партизанами было установлено расположение 961 огневой точки врага, 698 мест скопления его войск, 398 мест нахождения его мотомеханизированных частей и обозов, 215 мест расположения штабов[19].

Ефим Осипенко был далеко не единственным сотрудником органов НКВД, прошедшим суровую школу партизанской и подпольной борьбы. Высоким был удельный вес сотрудников органов внутренних дел и государственной безопасности, прошедших из партизанских отрядов, в органы милиции и государственной безопасности Смоленской области после её освобождения от оккупации. Когда после её оккупации в Московской области были расформированы областные и районные аппараты УНКВД и милиции, часть их работников была распределена по тыловым

регионам, а около 400 чел. было призвано в армию. К маю 1942 г. из 350 сотрудников смоленской милиции, командированных в тыловые области СССР, большинство было отозвано и работало в освобождённых районах Смоленщины[20].

На 1 июля 1944 г. из 143 сотрудников НКВД, состоящих в номенклатуре Смоленского обкома ВКП(б), 51 чел. прибыл в область на работу по путёвкам НКВД СССР, 58 чел. было реэвакуировано, 34 чел. прибыло из партизанских отрядов, из числа 66 чел. сотрудников госбезопасности были направлены в область на работу по путёвкам НКГБ СССР, 36 были реэвакуированы и 8 прибыли из партизанских отрядов[21]. Из числа сотрудников Смоленского УНКГБ, входивших в номенклатуру ЦК ВКП(б) и Смоленского обкома ВКП(б), 12 чел. находились в партизанских отрядах, 10 чел. были награждены боевыми наградами. Всего же награждённых было 24 чел. В справке, посвящённой кадровому составу УНКГБ, отмечалось, что «работники органов НКГБ, находясь в тылу противника, показали себя преданными делу партии Ленина — Сталина и случаев предательства и трусости со стороны этих работников не было…»[22]. На сайте УВД РФ по Смоленской области представлены краткие биографические справки о 34 милиционерах, сражавшихся в партизанских отрядах. Всего на территории области в годы войны погибло 54 милиционера[23].

Как складывалась судьба Е. И. Осипенко после ранения? С декабря 1941 по ноябрь 1942 г. Е. И. Осипенко находился на лечении в госпитале г. Сарапул-Ижевск Удмуртской АССР, с ноября 1942 по март 1843 г. был на лечении в Институте им. Гельмгольца (г. Москва). С марта 1943 по апрель 1944 г. проживал в г. Шигоны Куйбышевской области как пенсионер. С апреля 1944 по 1981 г. проживал в Сухиничах Смоленской (с 5 июля 1944 г. — Калужской) области. Мужество не покинуло Осипенко, хотя очень тяжелы были военные и первые послевоенные годы. Слепой, он наравне с подраставшими сыновьями косил траву, работал в огороде, вырыл погреб. Вместе с женой воспитывал сыновей, старший из которых стал инженером, а младший — хирургом[24].

Е. И. Осипенко занимал активную гражданскую позицию, был бессменным председателем торговой комиссии, его много лет выбирали депутатом горсовета, он многое сделал для восстановления и благоустройства Сухиничей. Ефим Ильич — почётный гражданин Суворовского района Тульской области и Сухиничей. В его честь названа одна из улиц Сухиничей, а его награды с копией медали «Партизану Отечественной войны» 1-й степени № 000001 выставлены в экспозиции Музея УМВД России по Калужской области. Оригинал хранится в Центральном музее МВД России в Москве[25].

Примечания

1 Первый награждённый партизанской медалью // [Электронный ресурс «Памятный мемориал «Герои-летчики земли Брянской»]. URL: https://kamozin100.ucoz.net/publ/inye-stati/pervym_nagrazhdjonnyj_partizanskoj_medalju/2–1–0–44 (дата обращения: 06.04.2021 г.).

2 Наша история // [Электронный ресурс сайт УВД РФ по Смоленской области]. URL: https://67.xn — b1aew.xn — p1ai/gumvd/Nashi_geroi/Nasha_istorija (дата обращения: 06.04.2021 г.).

3 Битва за Тулу. Сборник документов и материалов. Изд. 4-е, доп. и испр. Тула, 1969. С. 233.

4 Битва за Тулу. С. 233. Первый награждённый партизанской медалью // [Электронный ресурс «Памятный мемориал «Герои-летчики земли Брянской»]. URL: https://kamozin100.ucoz.net/publ/inye-stati/pervym_nagrazhdjonnyj_partizanskoj_medalju/2–1–0–44 (дата обращения: 06.04.2021 г.).

5 Битва за Тулу. С. 218–219.

6 Всё для победы. Тульская область в годы Великой отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов и материалов / отв. ред. А. П. Плотников; сост. А. М. Аполлонова, З. М. Баташова, В. И. Камахина, Б. Л. Перчик, В. А. Сухов, Н. П. Тарасов, Н. К. Фомин. Тула, 1985. С. 104–106.

7 Там же. С. 106–107.

8 Первый награждённый партизанской медалью // [Электронный ресурс «Памятный мемориал «Герои-летчики земли Брянской»]. URL: https://kamozin100.ucoz.net/publ/inye-stati/pervym_nagrazhdjonnyj_partizanskoj_medalju/2–1–0–44 (дата обращения: 06.04.2021 г.).

9 Битва за Тулу. С. 236.

10 Заметки о войне на уничтожение. Восточный фронт 1941–1942 гг. в записях генерала Хайнрици / под ред. Й. Хюртера. пер. с нем., предисл. к русск. изд., комментарии О. Бэйды и И. Петрова. СПб., 2018. С. 120.

11 Там же. С. 120.

[12] Там же. С. 126–127.
[13] Всё для победы. С. 108–109.
[14] Первый награждённый партизанской медалью // [Электронный ресурс «Памятный мемориал «Герои-летчики земли Брянской»]. URL: https://kamozin100.ucoz.net/publ/inye-stati/pervym_nagrazhdjonnyj_partizanskoj_medalju/2–1–0–44 (дата обращения: 06.04.2021 г.).
[15] Всё для победы. С. 107.
[16] Государственный архив документов новейшей истории Калужской области. Ф. П-4573. Оп. 1. Д. 496. Л. 1, 2.
[17] Битва за Тулу. С. 225, 226.
[18] Там же. С. 233, 234.
[19] Там же. С. 221.
[20] Государственный архив новейшей истории Смоленской области (далее — ГАНИСО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 942. Л. 5.
[21] Там же. Д. 1483. Л. 21.
[22] Там же. Л. 52.
[23] Милиционеры — герои партизанского движения // [Электронный ресурс сайт УВД РФ по Смоленской области]. URL: https://67.xn — b1aew.xn — p1ai/gumvd/Nashi_geroi/mgpd/1/ (дата обращения: 06.04.2021 г.) Наша история // [Электронный ресурс сайт УВД РФ по Смоленской области]. URL: https://67.xn — b1aew.xn — p1ai/gumvd/Nashi_geroi/Nasha_istorija (дата обращения: 06.04.2021 г.).
[24] Первый награждённый партизанской медалью // [Электронный ресурс «Памятный мемориал «Герои-летчики земли Брянской»]. URL: https://kamozin100.ucoz.net/publ/inye-stati/pervym_nagrazhdjonnyj_partizanskoj_medalju/2–1–0–44 (дата обращения: 06.04.2021 г.).
[25] Там же.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И КАЛУЖСКАЯ ФЛОРА

Н. М. Решетникова,
доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник,
Главный ботанический сад им. Н. В. Цицина РАН

Со времени Великой Отечественной войны прошло уже более 75 лет, но некоторые её итоги становятся понятными только сейчас. Например, феномен произрастания некоторых центрально-европейских видов растений на месте дислокации немецких войск.

Ранее (до 2010-х гг.) центрально-европейские виды считались реликтовыми на территории Средней России, их нередко предлагали к охране. В первое издание Красной книги Калужской области (2006) были включены Овсяница нитевидная (*Festuca filiformis* Pourr.), Щучка извилистая (*Lerchenfeldia flexuosa* (L.) Schur.), Осока трясунковидная (*Carex brizoides* L.), Кольник колосистый (*Phyteuma spicatum* L.), Schur.) были предложены к охране (наши предварительные списки для издания в 2015 г.): Бухарник мягкий (*Holcus mollis* L.), Тысячелистник птармика (*Achillea ptarmica* L.). Неясен таксономический статус у Келерии пирамидальной (*Koeleria pyramidata* (Lam.) Beauv.), который в понимании некоторых авторов является подвидом охраняемой Келерии гребенчатой (*Koeleria cristata* (L.) Pers.) (Красная книга Калужской области…, 2015).

Отдельные факты произрастания видов на местах расположения войск всё же были указаны, например, А. К. Скворцов (2005) считал, что Мятлик Ше (*Poa chaixii* Vill.) у д. Кобелево Смоленской области «вероятно? был занесён во время войны (здесь вообще много и других следов войны»). Пожалуй, первый человек, который пытался обратить внимание на находки видов как на исторический феномен, был смоленский краевед, историк Меринков (2003), который в небольшой заметке написал, что найденные им в Красном Бору у Смоленска Герань тёмная (*Geranium phaeum L.)* и Первоцвет высокий (*Primula elatior*) растут на месте немецких складов и могли быть занесены во время войны. Однако его сообщение осталось без внимания, а эти два редких вида предложены к охране в области. Внимание ботаников к этой проблеме привлёк А. Н. Сенников, который обратил внимание на произрастание некоторых европейских видов именно за чертой блокады Ленинграда и связал это с военной историей (Сенников, 2012). Он предложил для них использовать термин *полемохоры.* Растения-полемохоры — чужеродные растения, оказавшиеся за пределами естественного

ареала в результате военных действий. Это определение было использовано финскими ботаниками при описании растений, попавших на Карельский перешеек и в Центральную Финляндию во время советско-финской войны 1939–1940 гг. (Mannerkorpi, 1944; Alm et al., 2001). «В СССР полемохоры не привлекли внимания ботаников, несмотря на длительность оккупации обширной части страны и культовый статус воспоминаний о войне» (Сенников, 2012).

Предполагалось, что растения-полемохоры были занесены на территорию страны с сеном и иным фуражом (Решетникова и др., 2021, в печати). Во время Второй мировой войны кавалерия ещё существовала как отдельный род войск, значительная часть артиллерии имела конную тягу, а дороги в лесных областях Восточной Европы бóльшую часть года были непроезжими для автотранспорта. В немецкой пехотной дивизии (которые составляли более двух третей войск) по штату полагалось 5375 лошадей (Buchner, 2001), а каждая лошадь ежедневно требовала более 10 кг фуража (Fowber, 2001). «Поскольку заготовка сена оккупационными армиями непосредственно на местах была бы крайне неудобна, а местное население по понятным причинам не желало снабжать оккупантов, провизия для лошадей привозилась в огромном количестве: германской армией из Южной Германии и советской армией с центра и востока Европейской России» (Сенников, 2012). Первоначальный список растений-полемохоров, который был предложен А. Н. Сенниковым, включал всего 8 видов.

Целью наших работ 2018–2020 гг. стали специальные поиски полемохоров. Основное внимание мы уделили территориям, где ранее уже были известны отдельные находки таких растений, а также местам, где во время войны длительное время дислоцировались немецкие войска, и окрестностям военных складов и железнодорожных станций. На каждом изученном участке мы составляли полный список всех растений. Все встреченные центрально-европейские виды, а также нетипичные для Средней России формы аборигенных видов, нуждающиеся в дополнительном изучении, были собраны в гербарий. Образцы переданы в Гербарий им. А. К. Скворцова ГБС им. Н. В. Цицина РАН (MHA), дублеты — в Гербарий им. Д. П. Сырейщикова МГУ им. М. В. Ломоносова (MW).

В 2018–2020 гг. центрально-европейские растения были обнаружены на 18 из 25 специально обследованных участков. Совпадение состава видов в разных точках дислокации немецких войск и отсутствие их на остальной территории области подтверждает их общее происхождение. В различных пунктах было встречено от 1 до 20 видов[1]. В анализ включены также материалы А. В. Крылова и Н. В. Воронкиной, полученные в мае 2020 г. на участках, где нами было зарегистрировано большое число полемохорных видов (Крылов и др., 2021). Наибольшее число полемохоров (примерно по 20 видов и форм) найдено на 4 участках:

1) Гнездиловские высоты — в Спас-Деменском районе Калужской области;
2) Окрестности д. Лазинки Спас-Деменского района — «высота 242» на топографических картах;
3) Городской бор г. Жиздры;
4) Окрестности д. Харинки — по направлению к д. Рыляки Юхновского района.

Два из наиболее интересных участков — «высота 242» у с. Лазинки и Гнездиловские высоты в Спас-Деменском районе — расположения линий обороны, построенных немцами в начале 1943 г., на первой и второй позициях (Решетникова и др., 2020, Решетникова и др., 2021 в печати). Территория Спас-Деменского района долговременно (1 год и 10 месяцев) находилась под оккупацией, и фураж уже можно было заготовить на территории региона. Первая линия немецкой обороны обычно везде шла по господствующим высотам, где строились ротные опорные пункты — дзоты, траншеи, наблюдательные пункты, блиндажи, укреплённые землянки для отдыха солдат (Buchner, 2001). В некоторых местах копались противотанковые рвы, эскарпы или контрэскарпы, перед опорными пунктами полностью вырубались деревья и кустарники (Аристов, 1968). Максимальную «плотность» полемохорных видов мы наблюдали на участках, где располагались земляные сооружения (остатки блиндажей, складов, траншей и земляных складов), при этом многие из них росли прямо на земляных валах. По дорогам и по краям леса со времени войны растения-полемохоры распространились на расстояние более километра.

[1] Некоторые сборы групп, нуждающихся в подтверждении специалиста, пока идентифицировать точно не удалось.

Мы предполагаем, что на месте специально построенных ранней весной полевых укреплений 1943 г. мог осуществляться специальных подсев газонных немецких смесей с целью маскировки. Это подтверждается тем, что некоторые из найденных видов известны и на территории старых усадеб, где выращивались европейские газоны. В другое время года при постройке укреплений летом и осенью их маскировали дёрном, заготовленным поблизости. Поэтому лишь в Калужской области и только на этой линии обороны мы наблюдаем такой «газонный» состав растений (это совпадает лишь с Ленинградской областью, где имеется линия обороны того же времени) (Решетникова и др., 2021, в печати).

В городском бору г. Жиздры на участке, где обнаружены полемохоры, сосен не осталось, но сохранился старый берёзовый лес с многочисленными полянами (Решетникова и др., 2020, Решетникова и др., 2021, в печати). В течение всей оккупации в этом городе имелся небольшой (несколько сотен солдат и полицейских) гарнизон, в основном нёсший караульную службу. Кроме того, осенью 1942 г. здесь располагался штаб 47-го танкового корпуса вермахта, а в 1943 г. последовательно дислоцировались 9-я и 5-я танковые дивизии, являвшиеся подвижным резервом 2-й немецкой танковой армии (На Орловском…, 2003). Штатная численность немецкой танковой дивизии составляла около 13 700 человек (Исаев, 2004). Эти соединения при переброске должны были практически полностью вывезти содержимое своих складов. Таким образом, серьёзным требованием к размещению складов становилось удобство подъездов к ним автомашин и быстрая погрузка. Мы предположили, что единственное место близ г. Жиздры, удовлетворяющее этим требованиям,— примыкающая к бывшей железной дороге часть бора (в аналогичном Красном бору у Смоленска нами также были найдены растения-полемохоры) (Решетникова и др., 2018). И действительно, на полянах вблизи бывшей станции нами и А. В. Крыловым найдено большое число центрально-европейских видов, причём некоторые впервые в регионе (интересно, что многие совпадают с Красным бором у Смоленска). В глубине леса находилось несколько небольших землянок среди еловых посадок. Пройдя по следам грунтовых дорог в глубину леса у большой поляны, мы встретили ровный участок размером примерно 250×150 м, покрытый злаками и напоминавший газон. Мы предположили, что это мог быть полевой аэродром. При анализе карт времён Великой Отечественной войны оказалось, аэродром у г. Жиздры действительно существовал. При строительстве и эксплуатации грунтовых аэродромов со времени зарождения авиации и до наших дней во всех странах предусмотрено использование специальных аэродромных травосмесей (Доусон, 1957; Руководство…, 1994, и др.).

Четвёртый участок — это наш последний и первый обследованный объект. Начиналось с поисков в 2014 г. растения для Красной книги — Кольника колосистого (*Phyteuma spicatum*), указанного по дороге из Рыляк в Харинки. Годом раньше на линии немецких укреплений по рекам Пополта и Перекша и Ресса на 4 участках был найден уникальный для Средней России вид с атлантическим ареалом — Овсяница нитевидная (*Festuca filiformis*), известная ранее в регионе из 2 точек (Решетникова, 2016), а в Средней России — ещё из двух местонахождений. Историк А. С. Коваленко (НП Угра) сообщил, что немецкий штаб этой линии обороны находился несколько в строне от Рессы — в д. Харинки. Мы решили пройти по дороге передовой к штабу вместе со школьниками московской школы 179. На реконструированной немцами дороге было отмечено 10 центрально-европейских видов (Решетникова, 2015а). С этого и начались наши исследования полемохоров. В 2020 г. — мы с Е. О. Корольковой нашли другую дорогу из Рыляк в Харинки, ведущую к укреплениям и землянкам в лесу, а на ней обнаружили ещё не менее 10 видов, причём 3 из них — впервые в России (Майоров, Решетникова, 2021 в печати).

На остальных участках число полемохоров меньше. Около от 5 до 7 разных видов и форм отмечено между д. Лазинки и Петровское в долине р. Снопот в Куйбышеском районе, у дороги от д. Жданово к укреплённой немцами высоте у бывшей д. Дворищи в Спас-Деменского района, к востоку от д. Девятовка у р. Пополта в Мосальском районе.

По 1–3 вида найдено близ Варшавского шоссе: у д. Слободка Спас-Деменского района, у отметки 304 км (к югу от д. Сутоки Спас-Деменского района), близ д. Буда Спас-Деменского района и в лесу близ поворота к д. Утешково в Куйбышевском районе; на территории заповедника Калужские засеки (Ульяновский район): у дороги к северу от с. Сорокино, к югу от д. Ягодное

и близ старой дороги недалеко от с. Середичи Орловской области; на территории национального парка «Угра» (в Юхновском районе) — близ старых немецких блиндажей около бывшей д. Русиново в долине Угры; а также у д. Сигово в долине Рессы Юхновского района, у ст. Зикеево Жиздринского района, у д. Мощины в долине Пополты и у с. Ленск на р. Ресса Мосальского района, в окрестностях г. Людиново.

Специфика исследований растений-полемохоров требует отдельного подхода. Например, у с. Лазинки, где с 2003 г. проходит практика студентов МПГУ (ранее МГГУ им. М. А. Шолохова), ранее в результате многолетних исследований удалось найти всего 3 вида из растений-полемохоров (Природа…, 2013). После предпринятых нами в том же месте специальных поисков число видов этой группы в этом месте возросло до 18. В 2010 г. при проведении работ по проектированию памятника природы «Городской бор г. Жиздры» Н. М. Решетниковой и А. В. Крыловым центрально-европейские виды обнаружены вообще не были. Дело в том, что основное внимание было уделено наиболее хорошо сохранившимся природным участкам, которые находились в других частях бора. В 2019–2020 гг. при обследовании окрестностей бывшей железнодорожной станции Жиздра мы нашли 18 заносных растений этой группы. Этим в какой-то степени объясняется то, почему раньше на полемохоры не обращали внимания — ботаники не работали на военных укреплениях, а стремились изучить природные уникальные объекты.

Общий список полемохоров в Центральной России, по нашим подсчётам (сделанным по результатам 2020 года), насчитывает уже более 45 видов и форм. Наибольшее обилие полемохоров в Центральной России наблюдалось не в Калужской области, а на территории Ржевско-Вяземского плацдарма Тверской области, где были сосредоточены большие силы противника. В Калужской области преимущественно на месте дислокации немецких войск отмечено 35 растений. Из них 17 видов в области отмечены впервые, несмотря на долгую историю изучения её флоры (Решетникова, 2015*б*, 2016, 2018, 2020; Крылов и др., 2021, в печати). Наиболее характерными полемохорами в Калужской области оказались: Овсяница нитевидная (*Festuca filiformi*s), Осока трясунковидное (*Carex brizoides* L.), Осока шариконосные (*Carex pilulifera* L.), Ожика ожиковидная (*Luzula luzuloides* (Lam.) Dandy et Wilmott.), Борщевик обыкновенный (*Heracleum sphondylium* L.), Бедренец большой (*Pimpinella major* (L.) Huds.), Первоцвет высокий (*Primula elatior* (L.) Hill.).

Некоторые из растений-полемохоров (более 10) впервые найдены в Центральной России при наших исследованиях (Решетникова, 2016, 2020; Крылов и др., 2021, в печати); Майоров, Решетникова, 2021, в печати). Многие из них известны в России были известны только под Ленинградом — под Гатчиной и под Лугой, или в Псковской области, а некоторые отмечены впервые. Особенно трудно идентифицировать растения, которые вообще в России не были найдены.

В охране полемохорные виды, конечно, не нуждаются, но их исторический интерес очевиден. Проблема их выявления сложнее, чем кажется на первый взгляд. В определение видов-полемохоров входит то, что они занесены из других регионов во время войны. Однако следует учитывать, что естественная граница расселения некоторых видов походит достаточно близко к изучаемому региону, и на территории области они могли расселиться другими путями. Кроме того, вместе с сеном могли быть занесены семена аборигенных на территории области видов (но генетический материал у этих растений иной). А некоторые центрально-европейские виды могли распространиться шире за прошедшие 70 лет и мы не связываем их расселение с войной. Сейчас мы анализируем растения, которые были известны и раньше, но чья численность резко возросла после 1945 г.

Каждый новый экспедиционный выезд приносит новые находки и открытия. Поэтому исследования этой группы растений необходимо продолжить — и в уже известных местах, и в новых точках, где сохранились следы дислокации немецких войск.

Автор благодарит коллег и друзей, вместе с которыми изучалась флора участков, где дислоцировалась немецкая армия: А. В. Щербакова (МГУ), Е. О. Королькову (МГПУ), А. В. Крылова и Н. В. Воронкину, а также Е. Литвинову, (МГУ), Н. А. Решетникова, учеников и преподавателей школы № 179 г. Москвы и в первую очередь Е. О. Кудрявцеву и Е. Г. Петраш. Автор глубоко признателен за обсуждение полученных результатов и помощь в определении видов С. Р. Майорову (МГУ), А. А. Нотову (ТвГУ), А. Н. Сенникову (БИН РАН).

Список литературы

1. *Аристов И.* Фронтовыми дорогами (Из записок офицера). Днепропетровск: Промінь, 1968.
2. *Доусон Р. Б.* Создание и содержание газона / пер. с англ. Б. Я. Сигалова. М.: Изд-во Мин-ва коммунального хоз-ва РСФСР, 1957.
3. *Исаев А. В*. Антисуворов. М.: ЭКСМО; Яуза, 2004.
4. Красная книга Калужской области. Калуга: Золотая аллея. 2006.
5. Красная книга Калужской области. Т. 1. Растительный мир. Калуга: ООО «Ваш Домъ, 2015.
6. *Крылов А. В., Воронкина Н. В., Решетникова Н. М*. Дополнения к флоре Калужской области и Средней России по материалам 2020 г. // Бюлл. МОИП. Отд. биол. 2021. Т. 126. № 3. (В печати.)
7. *Майоров С. Р., Решетникова Н. М*. Дополнения к флоре Калужской области и Средней России // Бюлл. МОИП. Отд. биол. 2021. Т. 126. Вып. 3. (В печати.)
8. *Меринков В. Г.* Флористические находки в Смоленской области // Бюлл. МОИП. Отд. биол. Т. 108. 2003. № 3. С. 82–83.
9. На Орловском направлении // Огненная дуга. М.: АО «Московские учебники и Картолитография», 2003. С. 365–376.
10. Природа окрестностей АБС «Лазинки» (Спас-Деменский район Калужской области) / Е. О. Королькова и др. М.: РИЦ МГГУ им. М. А. Шолохова, 2013.
11. *Решетникова Н. М*. Путь появления некоторых западноевропейских растений в Калужской области — путь следования немецкой армии в 1941–1943 // Рос. журн. биол. инвазий. 2015а. № 4. С. 95–104.
12. *Решетникова Н. М*. Дополнения к флоре Калужской области по материалам 2014 г. // Бюлл. МОИП. Отд. биол. 2015б. Т. 120. № 6. С. 69–74.
13. *Решетникова Н. М*. Новые и редкие для Средней России виды растений, найденные в Калужской области // Бюлл. МОИП. Отд. биол. 2016. Т. 121. № 3. С. 66–69.
14. *Решетникова Н. М*. Дополнения к флоре Калужской области по материалам 2015–2016 гг. // Бюлл. МОИП. Отд. биол. 2018. Т. 123. № . 3. С. 64–70.
15. *Решетникова Н. М*. Дополнения к флоре Калужской области и Средней России по материалам 2019 г. // Бюлл. МОИП. Отд. биол. 2020. Т. 125. Вып. 3. С. 51–57.
16. *Решетникова Н. М., Щербаков А. В., Королькова Е. О.* Три участка военной истории — растения-полемохоры Калужской области // Вестн. ТвГУ. Сер. Биология и экология. 2020. № 4 (60). С. 106–132.
17. *Решетникова Н. М., Щербаков А. В., Королькова Е. О.* Поиски центральноевропейский растений на месте дислокации немецких войск в Калужской области // Рос. журн. биол. инвазий. 2021. Т. 14. (В печати.)
18. *Решетникова Н. М., Щербаков А. В., Фадеева И. Ф.* Материалы к флоре «Красного бора» — уникальной охраняемой территории Смоленской области // Вестн. ТвГУ. Сер. Биология и экология. 2018. № 4. С. 160–190.
19. Руководство по эксплуатации гражданских аэродромов Российской Федерации (РЭГА РФ-94), утверждённое приказом Директора Департамента воздушного транспорта от 19.09.1994 № ДВ-98. https://docs.cntd.ru/document/1200029032.
20. *Сенников А. Н.* Горькая память земли: Растения-полемохоры в Восточной Фенноскандии и Северо-Западной России // Проблемы изучения адвентивной и синантропной флор России и стран ближнего зарубежья. Ижевск: ИИКИ, 2012. С. 182–185.
21. *Скворцов А. К*. Несколько дополнений к флоре Смоленской области // Бюлл. МОИП. Отд. биол. Т. 110. 2005. № 2. С. 65–66.
22. *Ahti T., Hämet-Ahti L.* Hemerophilous flora of the Kuusamo district, northeast Finland, and the adjacent part of Karelia, and its origin // Ann. Bot. Fenn. V. 8. 1971. № 1. P. 1–91.
23. *Buchner A.* Das Handbuch der Deutschen Infanterie 1939–1945: Gliederung, Uniformen, Bewaffnung, Ausrüstung, Einsätze. Dörfler: Nebel-Verlag, 2001.
24. *Mannerkorpi P.* Uhtuan taistelurintamalle saapuneista tulokaskasveista // Ann. Bot. Soc. Zool.-Bot. Fenn. «Vanamo».V. 20. 1944. № 5. P. 39–51.
25. *Fowler J. T.* Axis Cavalry in World War II. Oxford: Osprey Publ, 2001.

АТРИБУЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИЗРАЗЦОВЫХ КОЛЛЕКЦИЙ НА ПРИМЕРЕ КОЛЛЕКЦИИ ИЗРАЗЦОВ «ТУЛА, УЛ. СОВЕТСКАЯ И МЕНДЕЛЕЕВСКАЯ» ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО И ПРИРОДНОГО МУЗЕЯ ЗАПОВЕДНИКА «КУЛИКОВО ПОЛЕ»

И. Б. Маркина,
младший научный сотрудник, художник-реставратор по керамике 2-й категории,
Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле»

В 2005 г. отрядом Тульской археологической экспедиции под руководством К. Н. Фомина проводились охранные археологические исследования в Центральном районе г. Тулы, на пересечении ул. Советской и Менделеевской. В ходе обработки полученного материала собрана небольшая, но репрезентативная коллекция фрагментов печных изразцов. Изразцы на тот момент встречались в культурном слое города крайне редко и представляли большой научный интерес. Находки были сделаны на территории, где на протяжении XVII–XVIII вв. развивалась плотная городская застройка. Можно отметить, что все изразцы происходили из объектов, планеграфически относящихся к XVII и XVIII в.[1] Изразцы были изготовлены из светложгущейся глины, что говорило о местном производстве данных изделий[2].

Изразцовая коллекция поступила в фонды Государственного музея-заповедника «Куликово поле» после камеральной обработки и нуждалась помимо атрибуции в реставрации. Коллекция насчитывает 62 фрагмента, полных по форме изразцов не представлено. В коллекции имеются практически все виды изразцов, встречающихся при археологических раскопках в Туле. От самых ранних — неглазурованных широкорамочных относящихся к началу XVII в., до гладких расписных экземпляров — второй половины XVIII в. Многие из находок имеют прямые аналогии среди московских серий.

Исходя из типологии, разделяющей изразцовые печные наборы по стилям, находки из данной коллекции можно отнести к нескольким категориям: изразцы от печей готического, ренессансного и барочного типов[3]. Данная типология позволяет систематизировать разнородный изразцовый материал в археологических коллекциях.

В нашей коллекции представлены два фрагмента изразцов готического печного набора. Это широкорамочные неглазурованные стенные (лицевые) рельефные изразцы со скошенной коробчатой румпой, бытовавшие на протяжении первой половины XVII в. По имеющимся на данный момент сведениям, в готический печной набор входили также перемычки и городки[4]. Первоначально подобные изразцы белили либо наносили слой ангоба. Ближе к середине XVII в. рамочные изразцы стали покрывать зелёной глазурью. Изразцы имели квадратную форму и выступающую по периметру широкую прямую рамку, внутри которой размещался рельефный орнамент. Изготавливались они в двух размерах — изразец «большой руки» (около 20 см) и изразец «малой руки» (около 13–14 см). Предположительно размер зависел от местоположения изразца в конструкции печи. Самыми распространёнными изобразительными мотивами на подобных изразцах были растения, мифические животные и сюжеты из различных сказок.

---

[1] *Фомин К. Н.* Отчёт об археологических исследованиях в г. Туле и Тульской области в 2005 г. С. 24.

[2] *Маркина И. Б.* Рельефные поливные изразцы Тульской гончарной слободы середины XVII — начала XVIII вв. // Русский сборник. Вып. 10. 2021. С. 50.

[3] *Немцова Н. И.* О стилях архитектуры русских изразцовых печей XVII–XVIII веков // Коломенское: материалы и исследования. Вып. 5. Ч. 1. 1993. С. 32.

[4] *Баранова С. И.* Русский изразец. Записки музейного хранителя. М., 2011. С. 98.

Рис. 1. Изразцы печей готического стиля: *1* — неглазурованный рельефный стенной широкорамочный с растительным орнаментом (фрагмент); *2* — неглазурованный рельефный стенной широкорамочный «барсы под деревом» (фрагмент)

Первый предмет (рис. 1:1) имеет размер 7,4×7,5 см. Рамка шириной 1,4 см. Внутри рамки располагается фрагмент растительного трехжгутового орнамента в виде сердцевидного листа на стебле, острым концом направленного в угол рамки, также видны фрагменты соседних стеблей. Изразцы с подобным растительным орнаментом были широко распространены в Москве[1].

Второй фрагмент (рис. 1:2), относящийся к готическому набору, имеет размер 6,5×8,8 см. Рамка шириной 1 см. Внутри рамки видны туловище, лапы и хвост животного (барса). Это известный сюжет, часто встречающийся на московских изразцах[2]. На изразце изображались два барса, сидящие друг напротив друга под деревом. Данный экземпляр относится к изразцам «малой руки». Несколько подобных фрагментов также было найдено в Туле.

Рис. 2. Изразцы печей в стиле ренессанс: *1* — угловой рельефный полихромный (до реставрации, два фрагмента); *2* — угловой рельефный полихромный (после реставрации); *3* — плоский пояс, рельефный полихромный (неполный по форме); *4* — городок, рельефный полихромный (два фрагмента)

Изразцы, относящиеся к ренессансному печному набору, представлены в основном небольшими фрагментами. Это глазурованные полихромные (зелёный фон в сочетании с белым и жёлтым цветом) изразцы с рельефным орнаментом, которые входят в употребление со второй половины

[1] *Розенфельдт Р. Л.* Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. 1968. Вып. Е1–39. Табл. 21. С. 119.

[2] *Глазунова О. Н.* Красные широкорамочные изразцы Новодевичьего монастыря // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья: материалы научного семинара. Вып. 12. 2019. С. 336.

XVII в. Ренессансный печной набор мог включать помимо стенных лицевых изразцов различные сложнопрофилированные и плоские пояса, подзоры, ножки и городки. Для данного типа изразцов характерны орнаментальные мотивы с различного вида листьями, переплетающимися стеблями и плодами в стилизованных вазонах, распространяющиеся на несколько изразцов. Наряду с полихромными, широкое распространение получили зелёные «муравленые» изразцы.

Наиболее интересны и показательны несколько экземпляров. Угловой изразец (рис. 2:2) (размеры 9,6×13,0 см), украшенный орнаментом в виде гребенчатой рамки и фигурных листьев, также плоский пояс (рис. 2:3) (размер 10,8×8,7 см) с орнаментом в виде крупной ягоды, которую обрамляют дугообразные стебли и листья с заострёнными краями. Оба изразца являются классическими примерами ренессансных изразцов[1]. В коллекции представлены фрагменты фигурного городка (рис. 2:4) (примерный общий размер 6,0×15,0 см) с рамкой по верхнему краю и элементами геометрического орнамента из ряда точек и линий.

Рис. 3. Изразцы печей в стиле ренессанс (рельефно-расписные): *1* — рельефный стенной полихромный (после реставрации, склейка двух фрагментов); *2* — рельефный стенной полихромный (фрагмент); *3* — рельефный стенной полихромный (восстановлена полная форма); *4* — плоский пояс, рельефный полихромный (фрагмент)

В начале XVIII в. появляются полихромные рельефные изразцы с элементами росписи. В тульской коллекции данные изразцы представлены фрагментами лицевых (стенных) рельефных изразцов (примерный общий размер 22,0×18,0 см) в двух вариантах колеровки (рис. 3:1–2). В фигурной рамке из витиеватых листьев и побегов, выходящих из упрощённого вазона, размещается выпуклый медальон, окружённый бусинами овальной и круглой формы. В нашем случае на медальоне присутствует рельефный орнамент (возможно вазон), расписанный синей поливой по рельефному

[1] *Баранова С. И.* Изразцовая летопись Москвы. М., 2012. С. 18.

рисунку. Фон белый, внутри растительной рамки — зелёный (во втором варианте — синий), рельефный орнамент украшен глазурью жёлтого и синего цветов. В Туле ранее уже встречались подобные изразцы (рис. 3:3). Видимо, к одному печному набору относится и фрагмент плоского пояса (размер 8,4×7,7 см) (рис. 3:4) с орнаментом в виде выпуклого медальона с росписью в центре, обрамлённого фигурной рамкой из побегов и листьев. Колористическое решение совпадает с лицевыми изразцами.

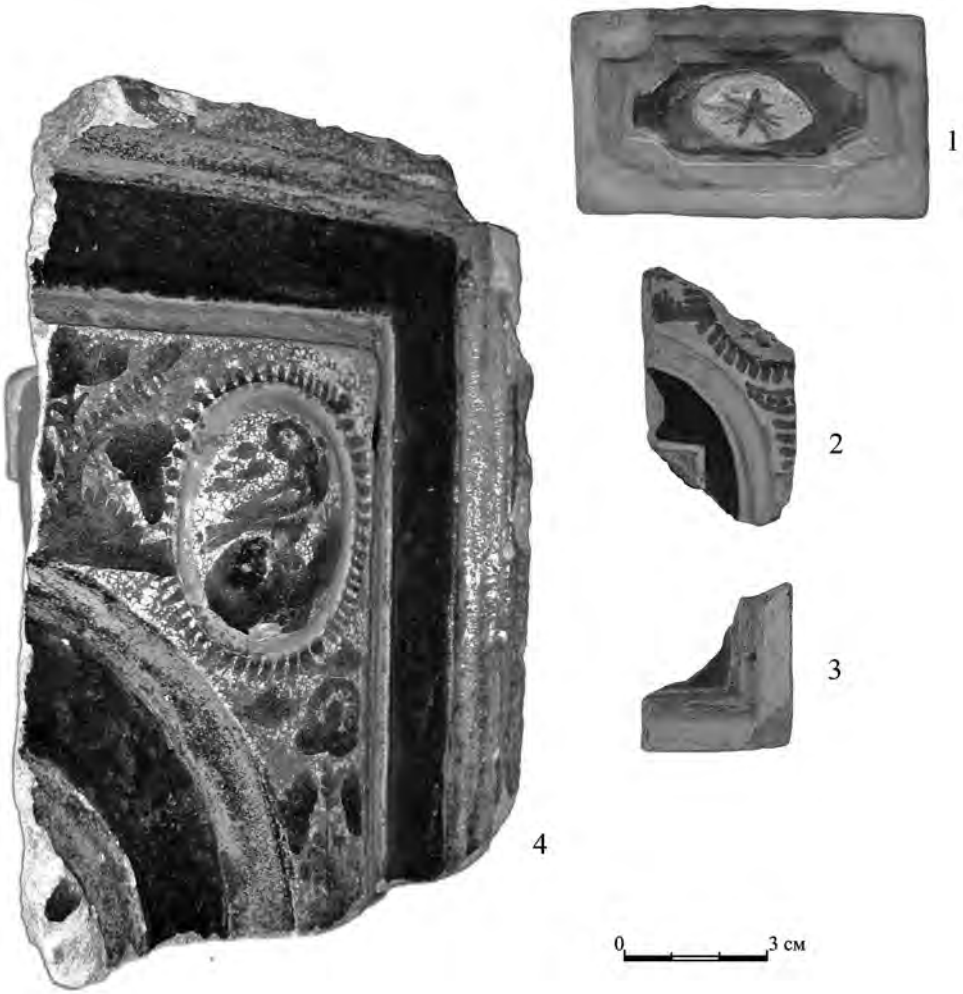


Рис. 4. Изразцы печей в стиле ренессанс (рельефно-расписные): *1* — плоский пояс, рельефный, полихромный, белый фон, рамка жёлтая, внутри рамки фон синий, с синей росписью (после реставрации, восстановлена полная форма); *2* — стенной(?), рельефный, полихромный, белый фон, рамка жёлтая, внутри рамки фон синий, с синей росписью (фрагмент); *3* — рельефный, полихромный, белый фон, рамка жёлтая, внутри рамки фон синий, с синей росписью (фрагмент); *4* — стенной, рельефный, полихромный, белый фон, рамка жёлтая, внутри рамки фон синий, с синей росписью

К печам ренессансного типа также относится небольшая группа фрагментов с рельефной рамкой жёлтого цвета и росписью (рис. 4:1–3). Во время раскопок на территории бывшего Успенского женского монастыря в Туле было найдено несколько целых аналогичных изразцов[1] (размер 20,4×14,0 см) (рис. 4:4). Видимо, эти экземпляры являлись частью зеркала печи, которое состояло из нескольких изразцов, составлявших большую орнаментальную композицию. Наиболее сохранившиеся предметы относятся к плоским поясам (размер 12,4×7,1 см) (рис. 4:1). Орнамент в виде фигурной двойной рамки, внутри которой располагается овальный медальон с простым цветком. Фон белый, фигурная рамка — жёлтая, поле внутри рамки — синего цвета. Роспись выполнена также синим.

[1] В собрании Калужского объединённого музея-заповедника автором выявлены прямые аналогии данных изразцов. Происхождение изразцов из Калуги пока не определено.

При определении периода бытования изразцов ренессансного типа стоит обращать внимание на характер орнамента и общее колористическое решение. У более ранних изразцов, относящихся ко второй половине XVII в., зеркало печи выглядит как замысловатый «ковровый» узор, часто с прямоугольной рамкой, заполненной декором. В то время как у изразцов начала XVIII в. орнамент замыкается внутри одного изразца и представляет собой рамку-картуш, обрамлённую пышными растительными завитками. Внутри рамки помещается выпуклый медальон с росписью, преобладающий фон — белый.

В начале XVIII в. происходит смена культурных и технологических традиций в изразцовом деле. В моду входят гладкие изразцы, появляются печи в стиле барокко, в начале с однотонной синей росписью, затем коричневой и многоцветной. И в то же время изготавливаются полихромные рельефные изразцы с элементами росписи в стиле ренессанс.

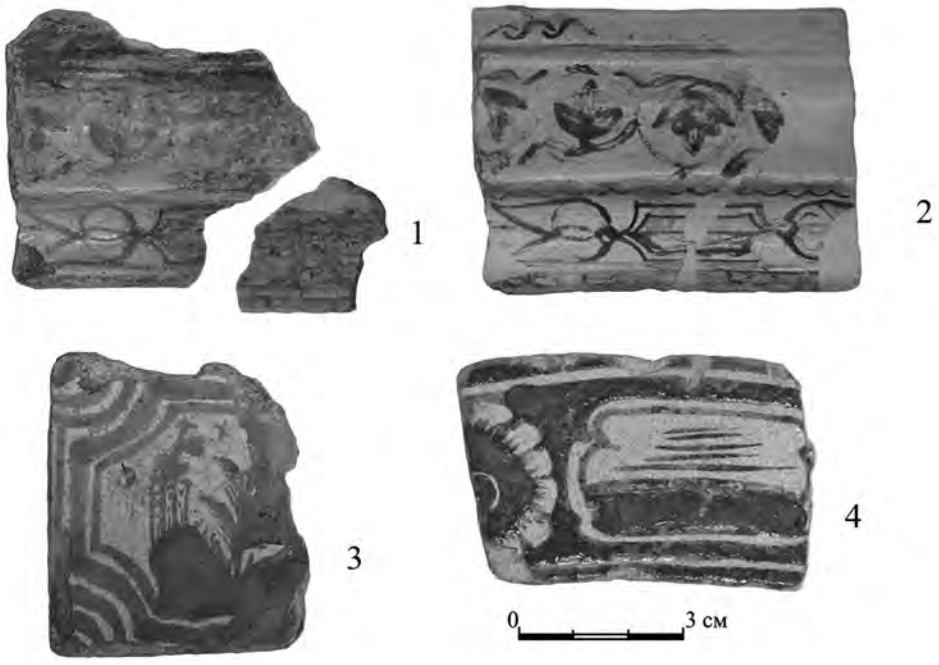


Рис. 5. Изразцы печей в стиле барокко: *1* — карнизный пояс, сложнопрофильный, гладкий, белый фон с синей росписью (до реставрации, два фрагмента); *2* — карнизный пояс, сложнопрофильный, гладкий, белый фон с синей росписью (после реставрации, восстановлена полная форма); *3* — плоский пояс, гладкий, белый фон с синей росписью (неполный по форме); *4* — фигурный пояс, гладкий, белый фон с коричневой и синей росписью (неполный по форме)

Печной набор барочного типа был весьма разнообразен и состоял, помимо ранее использующихся элементов, из различного вида балясин и изразцов фигурного завершения. В нашей коллекции представлен тремя неполными по форме изразцами и несколькими фрагментами. Это карнизный сложнопрофильный пояс (размер 8,4×11,0 см) (рис. 5:2), который украшен растительным орнаментом в виде повторяющихся цветов и побегов. Роспись выполнена синим цветом, фон белый. Плоский пояс (размер 8,4×7,2 см) (рис. 5:3) с фрагментом сюжетного орнамента в виде двойной фигурной рамки, обрамляющей условный пейзаж. Роспись выполнена синим цветом, фон белый. Изразцы с росписью синего цвета бытовали в провинции до середины XVIII в. А также более поздний экземпляр середины — второй половины XVIII в. — фигурный пояс-изразец (размер 6,2×9,3 см) (рис. 5:4) с орнаментом в виде условного пейзажа (земля, небо), обрамлённого фигурной рамкой. Сбоку от рамки располагается половинка раскрытого цветка, рамка и цветы ограничены сверху и снизу тонкой линией. Роспись выполнена синим и коричневым цветом, фон белый. Барочные печи начали входить в моду с 30-х гг. XVIII в. и бытовали на всём его протяжении. Популярными мотивами в росписи были аллегорические сюжеты, изображения пейзажей, к последней трети XVIII в. стали преобладать различные композиции из цветов.

Таким образом, в начале XVIII в. бытует сразу несколько видов изразцов, имеющих стилистические и технологические отличия. Зачастую самым сложным в атрибуции изразцов является определение принадлежности небольших фрагментов к тому или иному стилистическому типу и элементу в печном наборе и, соответственно, периода бытования предмета. При атрибуции печных изразцов стоит рассматривать множество факторов: стилистические особенности, характер поверхности, общее колористическое решение, изобразительные мотивы.

Зачастую реставрация предшествует научному изучению археологических изразцов (в силу фрагментированности материала) и является необходимой частью данного процесса. При реставрации изразцов, как и при любых реставрационных мероприятиях, необходимо соблюдать принципы неприкосновенности подлинника, отличимости привнесённых дополнений, обратимости реставрационных материалов, а также ограниченности реставрационного вмешательства[1]. Существует несколько подходов при реставрации изразцов, отличающихся по степени вмешательства в памятник. Первый подход заключается в консервации черепка (включающей также очистку), без восполнения утрат (рис. 3:1). При очистке от поверхностных загрязнений необходимо учитывать характер поверхности, степень сохранности глазурного слоя и черепка в целом. Главная задача заключается в прекращении или замедлении разрушительных процессов, придании предмету долговременной сохранности. Второй — восполнение объёма в местах утрат (рис. 2:2; рис. 5:2), при котором оттенок восполнения подбирается в тон черепка без цветовой имитации глазурного слоя (на глазурованных изразцах). При этом чётко видна степень сохранности предмета и место восполнения утраты. Третий подход — восполнение объёма в местах утрат с последующей имитацией цвета глазурного слоя (для глазурованных изразцов) (рис. 4:1). Граница реставрационного восполнения должна быть различима при близком рассмотрении предмета. Изразец приобретает вид, наиболее близкий к первоначальному состоянию.

Стоит отдельно отметить необходимость постоянного контроля над состоянием глазурного слоя на археологических изразцах. Глазурь вследствие длительного нахождения во влажной почве, подвержена деструктивным изменениям в виде коррозии, проявляющейся в помутнении глазури, появлении белесоватого налёта. В конечном итоге происходит расслаивание и разрушение глазурного слоя. Коррозия является одной из главных проблем при сохранении подобных предметов. Для защиты и укрепления глазури применяются растворы, образующие плёнку на поверхности. Эти растворы являются атмосферостойкими, имеют гидрофобные свойства и придают утраченный блеск глазури.

Степень реставрационного вмешательства зависит от сохранности, научной обоснованности того или иного вмешательства, а также эстетической потребности (в случае экспонирования или каталогизации). Археологические изразцы требуют большого внимания со стороны фондовых сотрудников, постоянное наблюдение может обеспечить стабильное состояние данных предметов.

Список литературы

1. *Андреева Л. Н., Антонян А. С., Барабанова Т. И. и др.* Реставрация музейной керамики. Методические рекомендации. М., 1999.
2. *Баранова С. И.* Русский изразец. Записки музейного хранителя. М., 2011.
3. *Баранова С. И.* Изразцовая летопись Москвы. М., 2012.
4. *Баранова С. И.* Московский архитектурный изразец XVII века в собрании Московского государственного объединённого музея-заповедника Коломенское — Измайлово — Лефортово — Люблино. М.,2013.
5. *Беляев Л. А.* Московские печные изразцы до начала XVIII в. (опыт археологической систематизации) // Коломенское: материалы и исследования. 1993. Вып. 5. Ч. 1.
6. *Воронов Н. В., Сахаров И. Г.* О датировке и распространении некоторых видов московских изразцов // Материалы и исследования по археологии Москвы. 1955. Т. III.
7. *Глазунова О. Н.* Красные широкорамочные изразцы Новодевичьего монастыря // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья: Материалы научного семинара. 2019. Вып. 12.
8. *Маркина И. Б.* Рельефные поливные изразцы Тульской гончарной слободы середины XVII — начала XVIII вв. // Русский сборник. 2021. Вып. 10.

[1] *Андреева Л. Н., Антонян А.С, Барабанова Т. И. и др.* Реставрация музейной керамики. Методические рекомендации. М., 1999. С. 21.

9. *Маслих С. А.* Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.,1983.
10. *Немцова Н. И.* Исследование и реставрация русских изразцовых печей XVII–XVIII веков. М., 1989.
11. *Немцова Н. И.* О стилях архитектуры русских изразцовых печей XVII–XVIII веков // Коломенское: материалы и исследования. 1993. Вып. 5. Ч. 1.
12. *Розенфельдт Р. Л.* Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. 1968. Вып. Е1–39.
13. *Федосеева Т. С., Малачевская Е. Л.* Исследование консервантов, рекомендуемых для защиты экспонатов из корродированного стекла // Художественное наследие. 2000. № 18.
14. *Фомин К. Н.* Отчёт об археологических исследованиях в г. Туле и Тульской области в 2005 г.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЛИТИКИ В ВЕРХНЕМ ПООЧЬЕ

В. Г. Пуцко,
заслуженный работник культуры РФ, старший научный сотрудник,
Калужский музей изобразительных искусств

Литиками, или пастами, называют стеклянные иконки. Это соответствует немецким терминам Glaskameen, Glaspasten. В течение длительного времени литики, чаще всего имитирующие византийские камеи, тщательно изучал наиболее авторитетный знаток средневековой глиптики известный немецкий учёный Ганс Вентцель (1913–1975), выявивший 171 изделие при пятидесяти пяти иконографических типах[1]. Принимая во внимание западную художественную традицию, а также существование литиков византийского стиля как с греческими, так и с латинскими сопроводительными надписями, исследователь заключил, что центром изготовления этой продукции была Венеция. Изделия же, изготавливаемые в период существования Латинских королевств Греции, по его мнению, предназначались для грекоязычного населения. Но и после появления в печати аргументации в поддержку этого тезиса американский специалист и антиквар Марвин Росс продолжал настаивать на константинопольском происхождении литиков, относя их изготовление к XI–XIII вв.[2] Позже в пользу этого мнения высказалась В. Н. Залесская, считающая, что при латинском господстве в течение 1204–1261 гг. Константинополь не утратил своё значение как христианский центр, посещаемый паломниками, для которых изготовляли эти евлогии-образки, в том числе в итальянской колонии византийской столицы[3]. Только позже прослеживается бытование литиков в Москве, причём, вероятно, местного происхождения, изготовленных с учётом византийских образцов[4]. Что касается импортного материала, то он изредка встречается и на русских землях[5]. О двух находках в пределах нашего региона здесь пойдёт речь.

В мае 2007 г. на берегу Угры, у её впадения в Оку, недалеко от Спасо-Воротынского монастыря (рис. 1), было обнаружено изделие, вскоре опубликованное, пока не исчезло бесследно[6]. Это оказалась маленькая рельефная иконка из стеклянной пасты, имитирующей зеленовато-коричневый камень, заключённая в серебряную оправу (рис. 2). Она миниатюрных размеров — 2,7×2,1 см, с оправой — 3,1×2,4 см. Оправа из тонкого листа с чеканным валиком по периметру, отдалённо напоминающим жемчужную обнизь; подобный же валик сбоку у гладкой тыльной стороны. Толщина изделия не превышает 0,6 см. Литик закреплён зубчиками с лицевой стороны оправы, судя по петлям шарнира вверху имевшей оглавие. Такого типа оправы украшают русские каменные иконки XIII–XIV вв.[7] Но, конечно, нельзя исключать и византийское происхождение обрамления, скорее всего относящегося ко времени изготовления литика. Оправа относительно хорошей сохранности, но с фрагментарными утратами в правой части изделия, вызванными хрупкостью металла, в течение длительного времени находившегося в земле. Далеко не идеальные условия сказались также в частичном разрушении материала самого литика, по краю вверху и справа, в результате чего при обнаружении образка исчезли рельефные монограммы Христа в верхней части композиции. Предотвратить процесс разрушения сразу, к сожалению, не удалось, хотя были предприняты все меры, способствующие сохранности. Находка остаётся в частном владении. На литике изображено Распятие с предстоящими у креста Богоматерью и юным Иоанном Богословом (рис. 2). Фигуры хорошего рисунка и высоких пластических качеств, свидетельствующих о мастерстве исполнения. Вряд ли можно

Рис. 1. Спасо-Воротынский монастырь «на усть Угры на Оке». Снимок 1970-х гг.

сомневаться, что в рельефе воспроизведён элитарный оригинал. Некоторая обобщённость в трактовке фигур, свойственная произведениям малых форм, усиливает их художественную выразительность. В то же время мастер не отказывается от возможной проработки деталей, что преимущественно проявляется в трактовке складок одежд. Черты лиц менее различимы, скорее всего по причине неудовлетворительной сохранности. Фигуры предстоящих у креста динамичны. Тело распятого Христа, изогнутое в торсе, с провисшими длинными руками и склонённой к правому плечу головой, ноги укороченных пропорций, с раздельно изображёнными ступнями, опирающимися на подножие, буквально лежащее на позёме. Крестное древо выделено по контуру рельефным контуром, но только в верхней части, с обозначением поперечной перекладины. Таким же приёмом обозначены нимб Христа с обычным перекрестьем и нимбы предстоящих с выразительными жестами печали, касаясь рукой щеки. Фигуры имеют живописную драпировку одежд, выразительно подчёркивающую анатомическое строение человеческого тела, исключая схематизацию.

Рис. 2. Распятие. Иконка-литик, найденная в 2007 г. Первая половина XIII в. Частное собрание

Иконографическая схема Распятия по своим основным типологическим признакам византийская, активно проникающая в XIII в. в искусство мастеров, выполнявших заказы крестоносцев[8]. Для этих произведений показательна уже отмеченная выразительность жестов, находящая определённые параллели и в искусстве ранней готики. Судя

Рис. 3. Распятие. Иконка-литик. Первая половина XIII в. Санкт-Петербург, Государственный Русский музей

Рис. 4. Распятие. Иконка-литик. Первая половина XIII в. Санкт-Петербург, Государственный Русский музей

Рис. 5. Распятие. Иконка-литик. Первая половина XIII в. Вашингтон, Думбартон Оке

по каменным иконкам XIII в., такая интерпретация евангельского события с повышенным вниманием к психологическому состоянию изображённых не была типичной для творчества русских мастеров: здесь проявилось использование эллинистической традиции, интерпретированной многими поколениями византийцев[9].

Описанная находка при всей своей уникальности имеет типологические аналогии, представленные в различных музейных собраниях. Одна из них (по высоте 3,6 см), отличающаяся в деталях, находится в городском музее Турина[10]; другие — в Британском музее в Лондоне, в музеях Мадрида и Филадельфии, в собрании Думбартон Оке в Вашингтоне[11]. Последний из упомянутых литиков (3,2×2,6 см) от обнаруженного на берегу Угры отличается иной трактовкой деталей (рис. 5), что особенно заметно на примере фигур предстоящих у креста. Два литика с изображением Распятия, скорее всего коллекционного происхождения, хранятся в Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге; их размеры соответственно 3,5×2,8 см и 2,8×2,0 см, причём оба они сравнительно хорошей сохранности[12] (рис. 3, 4). Один из них довольно близок рассматриваемому и, кроме того, заключён в аналогичную оправу. Ещё один литик, из стекловидной пасты глухого красного цвета, размером 2,7×2,1 см, оказался в Музее истории Киева[13]. Не исключено, что этот экземпляр происходит из известной в литературе коллекции Т. В. Кибальчича[14]. Последняя была в основном составлена из находок в регионе Поднепровья, хотя, конечно, могла включать в свой состав и коллекционные экземпляры. Упомянутый литик с изображением Распятия в целом близкий рассматриваемому, но фигуры в его композиции производят впечатление более массивных.

Упомянутыми экземплярами явно не исчерпывается фонд сохранившихся литиков с изображением Распятия, изготовленных в период существования Латинской империи на Востоке, следовательно в 1204–1261 гг., причём в довольно большом количестве. Этот поток ремесленной продукции предопределён её назначением для паломников. Казалось бы, логично локализовать производство подобных литиков именно в Иерусалиме, что, возможно, и будет сделано, хотя основания для этого кажутся несколько шаткими. Но ведь сравнительно недавно установлено изготовление там средневековых паломнических ампул, типологически ориентированных на воспроизведение широко известных образцов VI–VII вв.[15]

«Монастырь Спасский на усть Угры реки», как он именуется в писцовой книге 1626–1627 гг., возник примерно на рубеже XV–XVI вв., а существующие в нём храмы относятся, соответственно, к XVI и XVII вв.[16] Но его местонахождение в окрестностях древнего Воротынска свидетельствует

Рис. 6. Св. Феодор Драконоборец. Иконка-литик, найденная в 1983 г. в Серенске. Музеи Московского кремля

Рис. 7. Св. Феодор Драконоборец. Иконка-литик. Первая половина XIII в. Частное собрание

Рис. 8. Св. Феодор драконоборец. Иконка-литик. Первая половина XIII в. Санкт-Петербург, Государственный Русский музей

о том, что местность была давно обжитой. Поэтому находка литика не представляется совершенно невероятной, Палестинские реликвии и евлогии в отмеченный период проникали и в другие русские земли[17]. Тем не менее каждая их находка представляет несомненный научный интерес и заслуживает всестороннего тщательного изучения.

Другой литик обнаружен значительно раньше, в 1983 г., при раскопках древнерусского города Серенска, в пределах Мещовского района Калужской области, на территории большого селища за валом окольного города. Изделие было изучено и неоднократно издано[18]. Он тоже овальной формы, размером 3,1×2,7 см, с рельефным изображением святого всадника — мученика Феодора Стратилата на коне, пронзающего копьём крылатого дракона (рис. 6). Композиция хорошо вписана в пространство медальона, умело моделированы рельефные фигура в воинских доспехах, вооружение, фигура галопирующего коня, детали упряжи, как и прижатое к земле чудовище. Особо надо выделить треугольной формы щит с латинским крестом, напоминающий предмет вооружения западноевропейских рыцарей, а также рельефную греческую колончатую сопроводительную надпись с именем святого по сторонам его изображения. Все отмеченные черты свидетельствуют о том, что использована тщательно выполненная модель, воспроизводимая многочисленными экземплярами.

Рис. 9. Св. Феодор Драконоборец. Иконки-литики. Первая половина XIII в. Вашингтон, Думбартон Оке

Если Гансу Вентцелю к 1959 г. были известны 171 иконка-литик, то позже появился по крайней мере не один десяток только учтённых исследователями. Сопоставляя серенскую находку с некоторыми из них, можно сделать вывод, что отличается она не столько иконографией, сколько степенью сохранности, а также условиями отливки. Скажем, экземпляр южнонемецкого частного собрания (высотой 3,1 см) с обломанным краем и менее чётким рельефом[19] (рис. 7). Значительно лучше сохранился экземпляр Государственного Русского музея, в серебряной оправе с ушком[20] (рис. 8). Порой могут казаться явно вариативными литики в собрании Думбартон Оке, но и между ними

различия несущественные, хотя первый из них был датирован XII в., а второй отнесён к следующему столетию[21] (рис. 9). Явно все упомянутые здесь экземпляры логично отнести всё же к XIII в.

Самым уязвимым оказывается вопрос локализации, решение которого, в сущности, сводится к частному мнению нескольких исследователей. Венецианско-константинопольский фактор действительно не исключает налаженное производство части литиков в византийской столице, в отличие от моделей, прочно связанных с католической иконографической традицией, рассчитанных на западных паломников к местам почитания изображённых святых. Но если литики с изображением Распятия могли изготавливать непосредственно в Иерусалиме, то и обсуждаемая проблема утрачивает свою остроту, как и иные гибридные формы, отличающие развитие христианского искусства XIII в. с его византийской и западной составляющими. Это один из результатов крестовых походов.

Примечания

1 *Wentzel H.* Mittelalterliche Gemmen in der Sammlungen Italiens // Mitteillungen des Kunsthistorischen Institute in Florenz. Bd. VII. Heft 3–4, 1956. S. 239–278; *Wentzel H.* Das Medaillon mit dem Hl. Theodor und venezianischen Glaspasten in Byzantinischen Stil // Festschrift für Erich Meyer. Hamburg, 1959. S. 50–67; *Wentzel H.* Zu dem Enkolpion mit Hl. Demetrios in Hamburg // Jahrbuch der Hamburger Kunstsammlungen, Bd. 8. Hamburg, 1963. S. 11–24.

2 *Ross M. C.* Catalogue of the Byzantine and Early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Vol. I. Washington, 1962. P. 87–91.

3 *Залесская В. Н.* Литики XIII в. в собрании Государственного Эрмитажа // Древнерусское искусство: Русь. Византия. Балканы. XIII век. СПб., 1997. С. 150–156.

4 *Беляев Л. А.* Московские литики // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 316–327.

5 *Гуревич Ф. Д.* Новые данные о стеклянных иконках-литиках на территории СССР // Византийский временник. Т. 43. М., 1982. С. 178–182. Рис. 1–6.

6 *Пуцко В. Г.* Средневековый литик с берегов Угры: об одной необычной археологической находке // Московский журнал. 2008. № 7(211). С. 56–57.

7 *Николаева Т. В.* Древнерусская мелкая пластика из камня. XI–XV вв. М., 1983. № 46, 193, 202, 211, 218.

8 *Weitzmann K.* Icon Painting in Crusader Kingdom // Dumbarton Oaks Papers, Vol. 20. Washington, 1966. P. 56–66. Fig. 9, 10, 22, 27.

9 Ср.: *Николаева Т. В.* Древнерусская мелкая пластика из камня. № 90, 105, 111, 286; *Пуцко В. Г.* Распятие в византийской и русской каменной пластике XII–XIII вв. // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. № 1(2). М., 2015. С. 37–52.

10 *Wentzel H.* Mittelalterliche Gemmen in der Sammlungen Italiens. S. 272. Taf. A. № 6.

11 *Wentzel H.* Das Medallion mit dem Hl. Theodor und venezianischen Glaspasten in Byzantinischen Stil. S. 64; *Ross M. C.* Catalogue of the Byzantine and Early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collections. Vol. I. P. 91. Pl. LVII. № 109.

12 *Gurevich F. D.* New finds of glass medallions in the U.S.S.R. // Journal of Glass Studies. Vol. 24, 1982. P. 45–46. Fig. 3,4.

13 *Пекарская Л. В.* Неизданные произведения средневековой мелкой пластики в Киеве // Памятники культуры. Новые открытия. 1995. М., 1996. С. 367–368.

14 *Кибальчич Т. В.* Южнорусские геммы. Берлин, 1910. Табл. XV. № 439.

15 *Kötzsche L.* Zwei Jerusalemer Pilgerampullen aus der Kreuzfahrerzeit // Zeitschrift für Kunstgeschichte. Bd. 51. 1988. S. 13–31.

16 *Фехнер М.* Калуга. Боровск. М., 1972. С. 156–158.

17 *Пескова А. А.* Паломнические реликвии Святой земли в древнерусском городе // Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества. СПб., 2001. С. 113–126.

18 *Никольская Т. Н.* Редкая находка из Серенска // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 45–47; Византийские древности. Произведения искусства IV–XV веков в собрании Музеев Московского Кремля. Каталог. М., 2013. С. 252. № 50 (текст И. А. Стерлиговой); Серенск — город в земле вятичей. Калуга, 2014. С. 233–235; *Пуцко В. Г.* Художественное ремесло в древнерусском Серенске (по материалам археологических находок) // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XVI Всероссийской научной конференции. Калуга, 2015. С. 49. Рис. 2.

19 *Wentzel H.* Zu dem Enkolpion mit dem Hl. Demetrios in Hamburg. S. 18. Kate 39. Abb. 8.

20 *Никольская Т. Н.* Редкая находка из Серенска. С. 46. Рис. 2.

21 *Ross M. C.* Catalogue of the Byzantine and Early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Vol. I. P. 83–90. Pl. LVII. № 106, 107.

РАННИЙ ПЕРИОД В ЗАСТРОЙКЕ КАЛУЖСКОГО ПОСАДА В XVII в. (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2019 г.)

Н. А. Тропин,
доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник,
Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина;
А. Г. Боброва, И. А. Лукашов, Л. Н. Лукашова,
научные сотрудники ООО «Фонд научного краеведения Липецкой области»

В 2019 г. в историческом центре г. Калуги по ул. Карпова, 22 проводились спасательные археологические раскопки в связи с планируемым строительством жилого дома. Исследуемый раскопками участок расположен в непосредственной близости от городских торговых рядов — памятника архитектуры XVIII в. Раскоп площадью 314 кв. м позволил изучить часть городского квартала до регулярной застройки. Исследованы 67 объектов XVII–XVIII вв: погреба, ямы, частокольные канавки (рис. 1,*1*). Нижняя часть культурного слоя связана с пашней. Слои XVIII в. перекрываются каменными фундаментами зданий рубежа XVIII–XIX вв. и рубежа XIX–XX вв. (Тропин, 2019).

В раскопе обнаружено более 5 тысяч фрагментов посуды из глины: горшки, кувшины, миски, стаканы, крышки. Интересны около сотни фрагментов изделий из стекла: оконца, штофы, рюмки. С реконструкцией интерьера дома связаны фрагменты изразцов XVII–XVIII вв.: муравленые, полихромные, голландские. Благодаря влажности культурного слоя сохранились архитектурные деревянные конструкции (опечек, подклады под сруб, детали нижних венцов и пола сооружений), деревянная лавка, многочисленные обрезки и остатки обуви, в т. ч. изношенных туфель, тапочек, сапог. Изделия из кожи указывают на ремесленный характер деятельности жителей (Осипов, Тропин, 2020). Получена серия монет преимущественно времён правления Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. Обнаружены медные и серебряная монета XVII в. (вероятно 1650-х — 1662 гг.) из разрушенного в Средневековье клада при перестройке сооружения. К сожалению, изделия из чёрного и цветного металла сохранились неудовлетворительно в результате агрессивной почвенной среды. Значение раскопок велико. Они указывают на насыщенный находками слой и его значительные информативные возможности в перспективе дальнейших исследований.

Стратиграфия участка. Верхний слой — напластования балласта мощностью 1,18–2,26 м. Он представлен перемешанным и перемещённым к югу в сторону склона грунтом, битым кирпичом, щебнем, слоями глины, щепой, находками XX в. Ниже залегал непотревоженный слой на нивелировочных отметках 230–280 см. Он состоял из стратифицированных слоёв гумуса, глины, угольков мощностью 0,73–0,92 м. Весьма информативным оказался нижний горизонт культурного слоя — слой пашни, залегающий на материке. Его мощность — 0,13–0,33 м. Материк — жёлтая глина.

Следует сказать, что привлечение к раскопкам почвоведа А. А. Гольеву (ИГ РАН) позволило обратить внимание на тот факт, что застройке территории предшествовала выкорчёвка деревьев и распашка. В дальнейшем на свободных от застройки участках функционировали небольшие огороды. В свою очередь, археологические находки: медные монеты, муравленый и полихромный рельефный изразец — указывали на XVII в. как на раннее время жизни. Находки более раннего времени, включая керамику, не встречены. Это обстоятельство позволило нам внимательней отнестись к выявленным сооружениям на предмет вычленения из общей массы объектов, достоверно относящихся к XVII в., т. е. к наиболее раннему времени застройки на данном участке (рис. 1, *2*).

Сложности в исследовании представляла плотная застройка участка и нарушенный каменным фундаментом хозяйственной постройки рубежа XIX–XX вв. культурный слой в северной части раскопа. Выбранная методика способствовала решению поставленной задачи. Благодаря делению раскопа на секторы 4×4 м мы смогли детально проследить стратиграфию взаимно перекрывающихся сооружений, глинобитных площадок как маркеров нового строительного горизонта на старом месте. Привязка находок к слоям позволила фиксировать ранние и поздние слои засыпки.

Результаты исследований. К ранним объектам относятся следы выкорчёвки деревьев и сожжения их корневищ, зафиксированные в северной части раскопа (объекты № 2, 4–6). За исключением объекта 2 у них овальная в плане форма, пологие, неровные стенки, неровное дно

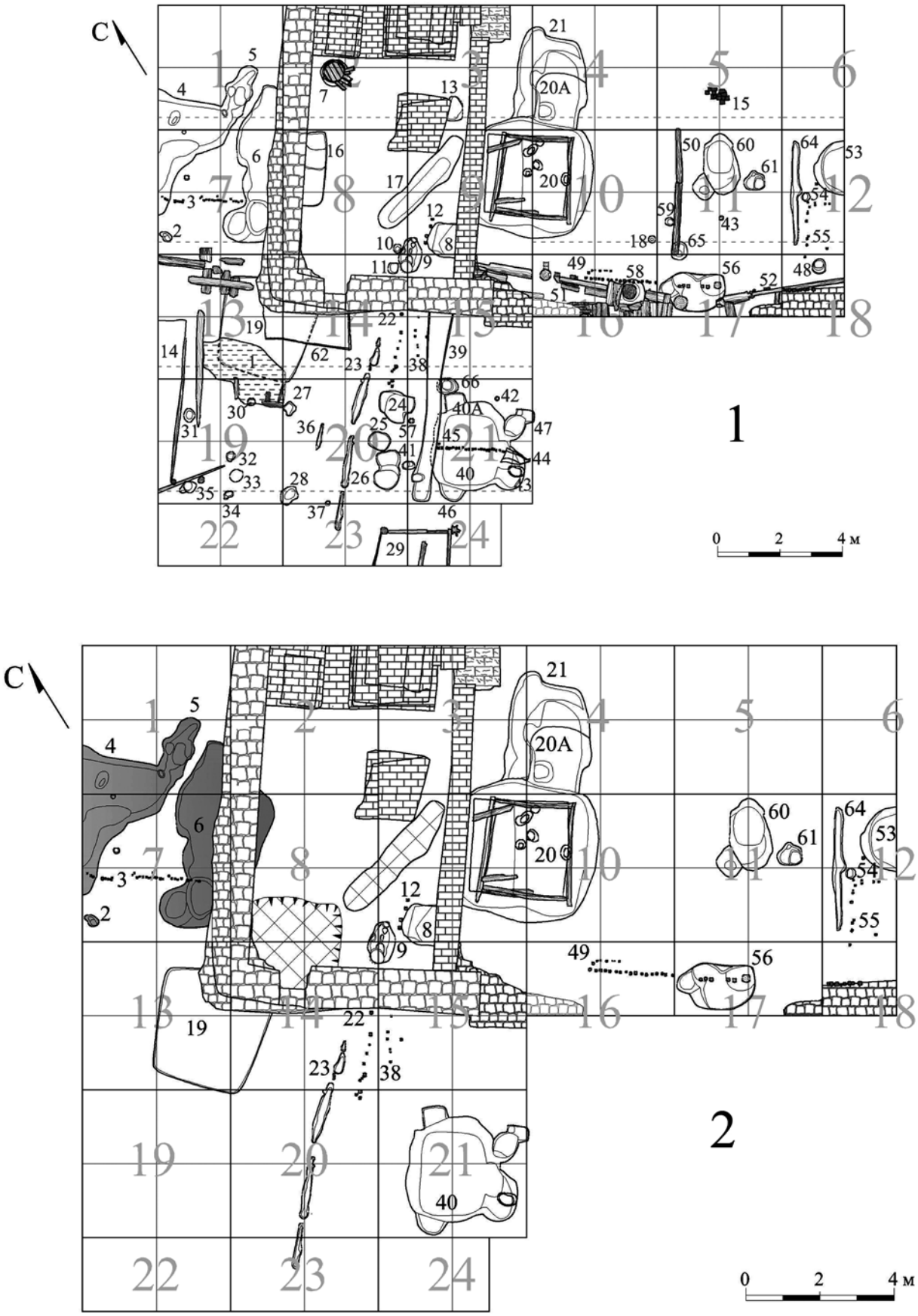


Рис. 1. Калуга, ул. Карпова, 22. План раскопа (1). План сооружений XVII в. (2)

с разными глубинами (0,05–0,3 м). Заполнение подобных ям состоит из серого гумусированного суглинка с включениями песка и угольков. В свою очередь, пашня отчётливо в виде серого суглинка прослежена по всей площади раскопа, за исключением участков, повреждённых впускными в материк объектами. Её мощность — 0,13–0,33 м. Уверенно датировать слой пашни мы не можем, однако в ней встречены немногочисленные фрагменты белоглиняной керамики XVII в.

Раскопками зафиксированы системно расположенные столбовые ямы и канавки, указывающие на дворовую застройку участка. Одна их линия трассировки *(линия 1)* проходила с северо-запада на юго-восток и зафиксирована в секторах 7 (объект 3), 16–18 (объект 49). Она пересекала объекты, связанные с сожжением корневищ (об.4, 6), и более раннюю яму (объект 56), которая образовалась на месте многократного закапывания опорного столба под дом. Следовательно, объект 56 является более ранним по отношению к данной линии трассировки, а с учётом его многократного использования он мог в дальнейшем вписаться в линию частокола.

Перпендикулярно трассировке — *линии 1* — зафиксированы ещё две линии в направлении северо-восток на юго-запад. Наиболее выразительная по сохранности *линия 2,* проходящая в секторах 9 (об. 9, 12), 14 (об. 9, 22, 23), 15 (об. 9), 20 и 23 (об. 23). Она состояла из канавок и столбовых ям.

Линия 3 зафиксирована лишь на восточном участке раскопа в секторе 12 (об. 54,55, 64).

Историзм археологии. Зафиксированные линии трассировки столбовых ям и канавок указывают на дворовую застройку участка с признаками ремонта. Однажды построенная в XVII в, линия в целом сохраняла своё направление и в елизаветинскую эпоху. Основной общей линией трассировки следует считать линию 1, ориентированную с северо-запада на юго-восток, к ней к западу и востоку примыкали дворы. В раскоп попали «задворки» дворов. Их фасадная часть к востоку выходила на ул. Карпова и в западной направлении — к проулку в квартале, ведущему от торговых рядов через арку. Размеры дворов по археологическим данным неизвестны, но их ширину можно определить по промежутку между линиями 2 и 3, что составляет чуть более 10 м (около 5 сажень).

Дворы — элемент городской структуры. Обозначим условно участки дворовладений как дворы А, Б, В, Г, Д, явно относящиеся к XVII в (рис. 2). Предполагаем, что некоторые из них могли быть засыпанными в начале XVIII в.

Двор А, расположенный в северной части раскопа, в секторах 1–3, 7–9, не сохранил археологических объектов, вероятнее всего, по причине заглублённого каменного фундамента.

Двор Б. Здесь зафиксирована хозяйственная постройка — объект № 21, перекрываемая ледником (об. № 20) и входом в ледник (об. 20 а), а также наземная постройка (об. 50). Севернее наземной постройки в секторе 5 найден клад из 15 медных и 1 серебряной копейки XVII в. Они представляли собой переотложенный и разрушенный клад из 11 сохранившихся монет (общим весом 3 г) и 5 медных оплавков (общий вес 2,9 г).

Двор В. Изучена лишь половина хозяйственного сооружения. Объект № 53 круглой формы диаметром 1,7 м, вероятно, яма-хранилище.

Двор Г. Исследована подпольная яма от жилища (об. № 19). Её размеры 2,96×3,22 м, глубина в материке — 1,32 м.

Двор Д. Исследована подпольная яма жилища (об. № 40). Размеры по верху — 2,45×2,85 м, по дну — 1,8×2,2 м, глубина в материке — 1–1,1 м.

Выводы. До застройки посада территория использовалась под пашню, датировка которой требует дополнительных аргументов. Распашке предшествовала выкорчёвка деревьев. Не вызывает сомнений дворовая застройка калужского посада, признаками которой являются остатки частокола в виде системно расположенных канавок и столбовых ямок. О размерах дворов по данным археологии говорить преждевременно, требуются новые исследования. Полагаем, что в письменных источниках XVII–XVIII вв. эти данные имеются. Отмечена закономерность в застройке дворов, которую можно объяснить как мера противопожарной безопасности. В смежных дворах, в сравнительной близости друг от друга, располагались разнотипные постройки. Во дворах Б и Г — хозяйственные постройки, во дворах Г и Д — жилища, причём удалённые друг от друга около 6 м. Уменьшение уплотнённой жилой застройки способствовало снижению риска пожаров. Отметим также наличие небольших огородов внутри дворов. Ярко выраженные признаки

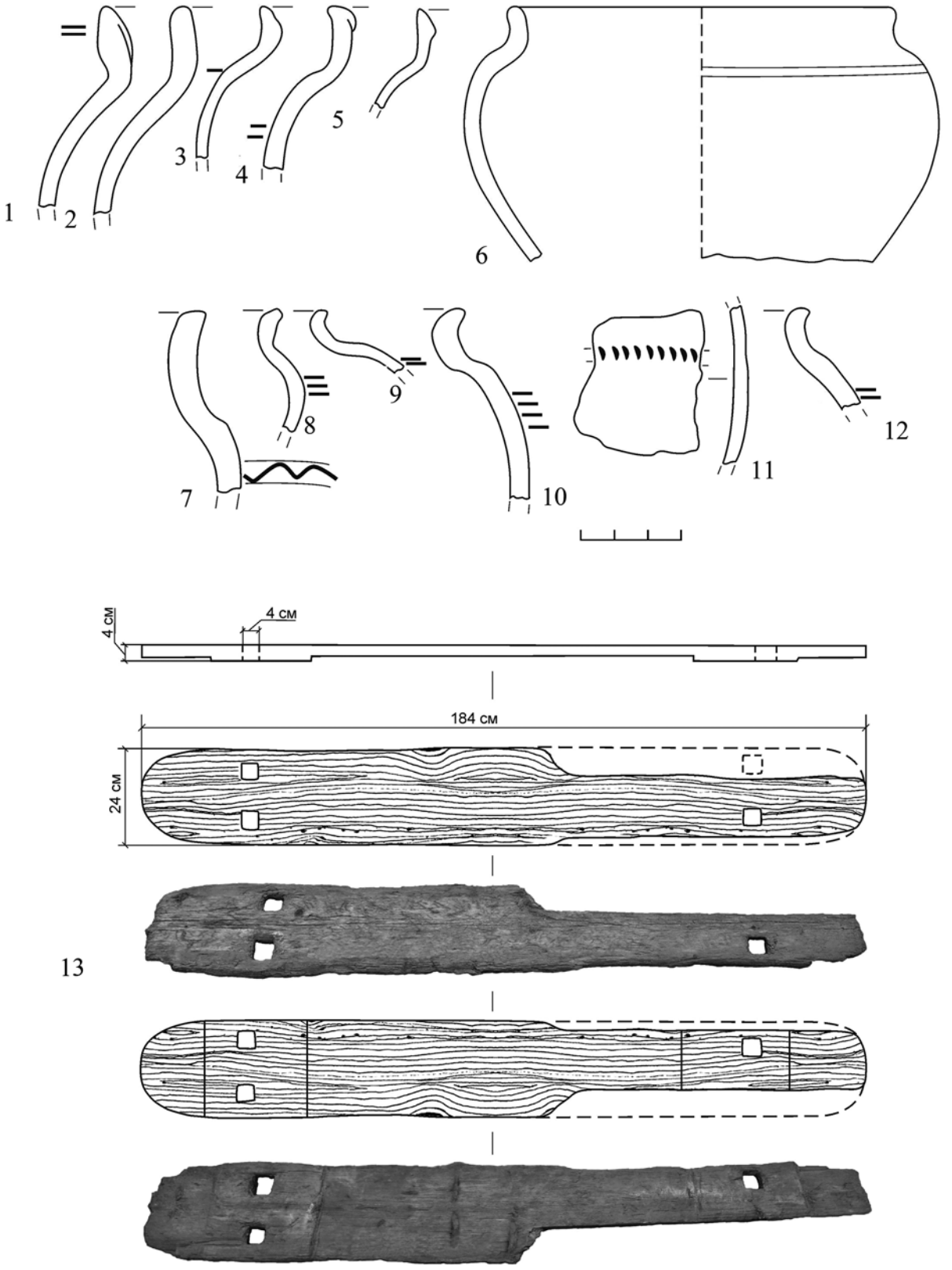


Рис. 2. Находки из раскопок. Белоглиняная керамика XVII в. из об. 20, нижний слой (1–5); об. 53, дно (6); об. 40, из разных слоёв (7–12). Лавочка из об. 19 (13)

хозяйственной деятельности, указывающие на кожевенное ремесло, зафиксированы во дворах Б и Г. Следует сказать, что в раскопе Г. А. Массалитиной 2014 г., расположенном рядом, южнее в 30 м, также зафиксированы многочисленные фрагменты кожи XVII в. Вероятно, что близость торговых рядов определяла социальный облик жителей на данном участке калужского посада.

Список литературы

1. *Осипов Д. О., Тропин Н. А.* Калужская коллекция изделий из кожи XVII–XVIII веков //КСИА. 2020. № 4. Вып. 259. С. 345–354.
2. *Тропин Н. А.* Исследования в историческом центре г. Калуги в 2019 г. (предварительная информация) // Filo Ariadne. 2019. № 4. С. 22–28. URL: filoariadne.esrae.ru/18–303.

КЕРАМИЧЕСКАЯ СЕРИЯ XVI–XIX вв. ИЗ КОЛЛЕКЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК, СОБРАННЫХ ПРИ МУЗЕЕФИКАЦИИ ДОМА КУПЦА П. А. ПРОНИНА В г. ЧЕКАЛИНЕ

С. В. Зацаринный,
старший научный сотрудник, ГУК ТО «Тульское музейное объединение»

В 2019 г. в связи с благоустройством г. Чекалина и в рамках подготовки к празднованию 500-летия Тульского кремля и Большой засечной черты осуществлялась реконструкция и музеефикации одного из исторических зданий — дома купца П. А. Пронина (ул. Калужская, 37)[1]. Здание представляет собой прямоугольное в плане кирпичное одноэтажное строение с перекрытой сводами подвальной частью. Главный фасад дома с пятью оконными проёмами различной ширины позволяет увидеть в нём торговую лавку XIX в. К этому столетию относится и подавляющая часть находок (в том числе и нумизматических), выявленных внутри здания при его перепланировке и замене напольного покрытия. Более ранние археологические артефакты были собраны сотрудниками Девягорско-Лихвинского историко-ландшафтного музея-заповедника[2] (филиал ГУК ТО «Тульское музейное объединение») в переотложенном грунте, извлечённом реставраторами при земляных работах, связанных с гидроизоляцией фундамента с внешней стороны здания: строительная траншея шириной и глубиной около 1,0 м оконтуривала периметр дома[3]. Со слов сотрудников музея археологические находки залегали в нижней части культурного слоя, сложенного серым гумусированным суглинком, на глубине от 0,4 до 0,8 м. Судя по всему за пределами кирпичных стен дома купца П. А. Пронина, возведённых на ленточном фундаменте, сохранился исторически ценный культурный слой предшествующего времени. Таким образом, собранная в отвалах керамическая серия позволяет не только диагностировать культурный слой посада, что весьма актуально[4],

[1] В 1941 г. в период оккупации г. Лихвина в этом здании находилась немецко-фашистская комендатура, где в начале ноября содержался и допрашивался партизан отряда «Передовой» А. П. Чекалин. В 2021 г. после реконструкции в доме открылась постоянно действующая музейная экспозиция «Военные страницы Лихвина».

[2] Пользуясь случаем, выражаю благодарность своим коллегам-музейщикам А. Г. Кудрявцеву и А. В. Юлину, собравшим археологические артефакты и осуществившим их первичную камеральную обработку.

[3] К сожалению, тульские чиновники разных уровней не посчитали необходимым сопроводить данные земляные работы научными изысканиями, связанными с охраной археологического наследия.

[4] Напомним, что начиная с конца XIX в. археологическое обследование г. Лихвина ограничивалось главным образом изучением его детинца, а также сельской округи. Лихвинское городище, именуемое также Соборной горой, Козьим островом или Бульваром, было впервые изучено членом Калужской учёной архивной комиссии И. Д. Четыркиным в 1899 г. [22]. В XX в. оно неоднократно обследовалось археологами А. В. Никитиным, В. Г. Мироновой, О. Л. Прошкиным [1. С. 187–188; 5. С. 25–47]. В 2019 г. на территории детинца были проведены масштабные охранные работы экспедиции ИА РАН под руководством О. Л. Прошкина. Однако более чем вековой период археологического изучения крепости оказался пока очень скудно отражён в научных публикациях исследователей, не дающих целостного представления как о самом памятнике, так и о материальной культуре

но и сформировать хотя бы самое общее представление о гончарной традиции этого города периода позднего Средневековья и раннего Нового времени[1].

В результате наблюдений за земляными работами с внешней стороны исторического здания была собрана серия фрагментированной круговой посуды XVI–XIX вв. в количестве 345 единиц, а также несколько глиняных игрушек[2]. Анализ этой коллекции показал, что подавляющая часть сосудов (95,7 %) изготовлена из неожелезнённой глины, остальная посуда сформована из слабоожелезнённой глины. Почти вся керамика (за исключением нескольких фрагментов) содержит в тесте примесь мелкозернистого песка. Сосуды окислительного обжига составляют в коллекции 82,9 %, а окислительно-восстановительного — 17,1 %, что в целом характерно для комплексов XVII в. (табл. 1).

Таблица 1

Общая характеристика серии круговой посуды

	Венчики	Стенки	Донца	Ручки	Всего
Окислительный обжиг	59	201	25	1	286 (82,9 %)
Окислительно-восстановительный обжиг	7	47	3	2	59 (17,1 %)
Всего	*66*	*248*	*28*	*3*	*345 (100 %)*

Керамика окислительного обжига включает столовую посуду, главным образом, кувшины. Их поверхности обработаны качественным и сравнительно плотным лощением. Вся керамическая коллекция характеризуется в основном полным горновым обжигом (сосуды неполного обжига составляют около 4,3 %). Приведём общую характеристику посуды внутри каждой из двух групп, выделенных по режиму обжига.

Серия посуды *окислительного обжига* представлена 59 венчиками, 201 стенкой, 25 донцами и 1 ручкой. Венчики, в свою очередь, принадлежат горшкам (50 фр.), крышкам (3 фр.), мискам (5 фр.) и кувшинам (1 фр.). Венчики горшков по морфологии могут быть отнесены к нескольким типам. Самыми массовыми (44 фр.) являются сосуды с прямой или слабоотогнутой шейкой, на внутренней стороне которой сформован сравнительно широкий полуовальный валик, образованный заворотом чернового края сосуда (рис. 1, *7–9, 11–15*; 2, *1–33*). Согласно типологии круговой керамики бассейна Верхней Оки, разработанной И. В. Болдиным, эта группа венчиков относится к горшкам типа «Е» [4. С. 43]. Автор определяет диапазон бытования сосудов этого типа в пределах XII–XVII вв. при массовом их распространении в XIV–XVI вв. [4. С. 139–141]. Как нам представляется, массовое распространение горшков этого типа приходится главным образом на XVI–XVIII вв. В частности, эти сосуды доминируют в датированных комплексах XVI — начала XVII в. г. Алексина [7; 10]. Другая группа горшков (5 фр.) объединяет сосуды, черновой край венчиков которых оформлен в виде валика на внешней стороне шейки (рис. 1, *1, 3–6*). Они соответствуют типу «З» (по И. В. Болдину). И лишь один венчик (рис. 1, *2*) с архаичной профилировкой может быть отнесён к поздним вариантам «эсовидных» горшков, которые в XVI в. ещё ограниченно бытуют (Кренке, 2020. С. 153, 160, рис. 2; 9, *12–13*). Менее четверти венчиков горшков (11 фр.) украшено прочерченным орнаментом. Основная их часть (8 фр.) декорирована по плечу короткими дуговидными линиями (рис. 1, *1, 9, 11, 13–15*; 2, *1–2*), отдалённо

оставившего его населения. Что же касается археологического изучения обширного посада средневековой крепости, расположенного по данным письменных источников XVII–XVIII вв. между р. Б. Речица и Лихвинка, то оно фактически не производилось: объективные археологические данные для его локализации и характеристики культурного слоя получены не были. Поэтому любые археологические артефакты, выявленные в этой части городской территории, представляют для истории Чекалина несомненный научный интерес.

[1] На сегодняшний день единственной работой, посвящённой изучению лихвинской керамики, является лишь тезисная статья калужского археолога И. В. Болдина, в которой приводится обобщённая характеристика небольшой керамической серии XV–XVII вв., собранной на Лихвинском городище в процессе его разведочного обследования коллегами из Калужского областного краеведческого музея в 90-е годы прошлого века [2].

[2] В коллекции присутствует также единственная стенка лепного сосуда раннего железного века с примесью дресвы в тесте, которая к средневековым городским материалам отношения не имеет.

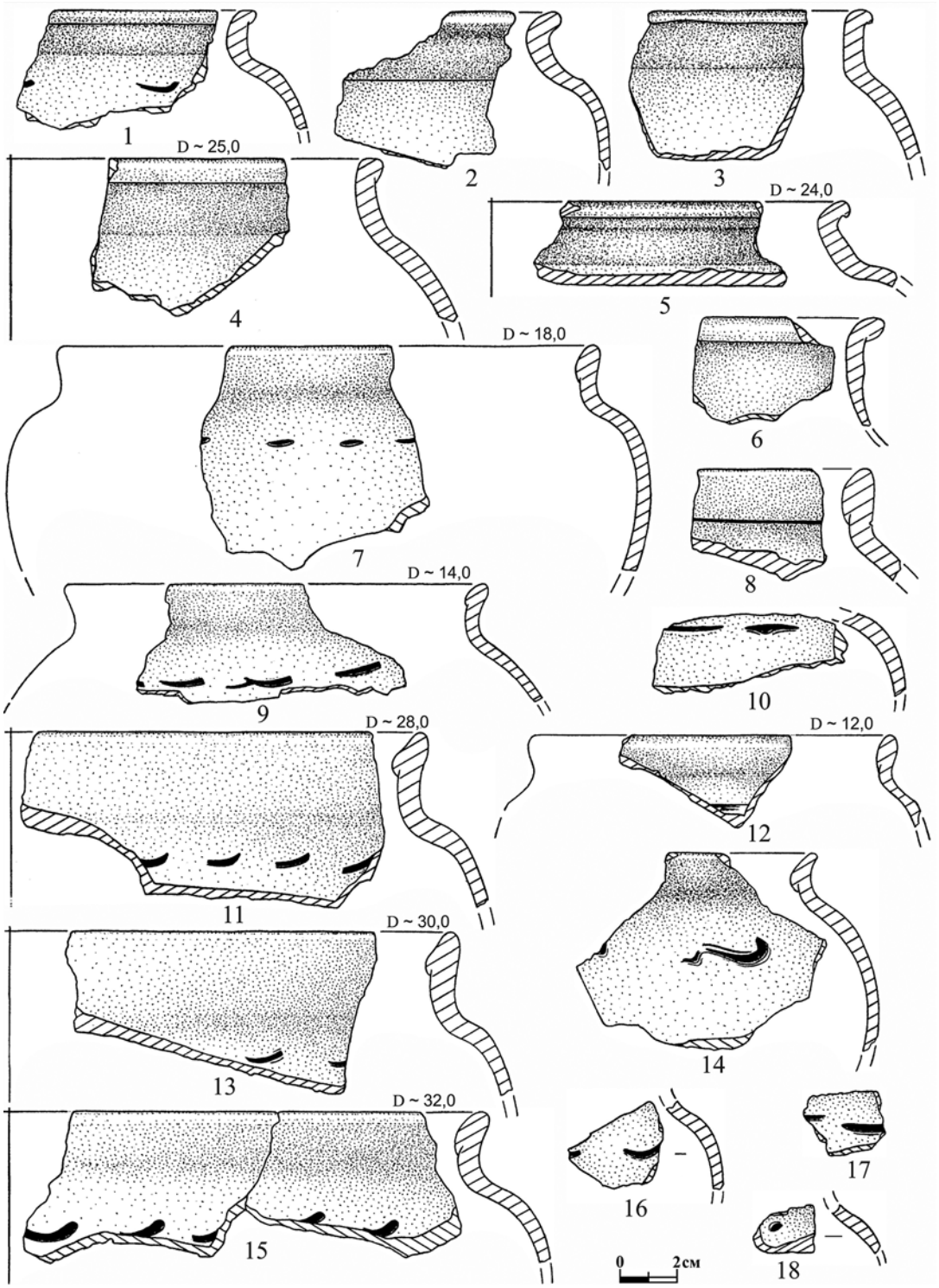


Рис. 1. Город Чекалин. Археологические находки, обнаруженные при реконструкции дома купца П. А. Пронина в 2019 г. Образцы круговых горшков XVI–XVIII вв. из культурного слоя: *1–11*, *13–18* — окислительный обжиг; *12* — окислительно-восстановительный обжиг, лощение

напоминающими деградировавшую прерывистую волну. Ещё один обломок украшен подобными прямыми короткими горизонтальными резами (рис. 1, *7*). Два венчика декорированы в основании шейки и по плечу линейным прочерченным орнаментом (рис. 1, *8*; 2, *15*). Из 11 орнаментированных стенок горшков 6 фрагментов украшены дуговидными линиями (рис. 1, *16*; 2, *36*), 2 стенки — короткими резами (рис. 1, *17*; 2, *37*), 2 стенки — «зерновидными» и «ногтевыми» вдавлениями

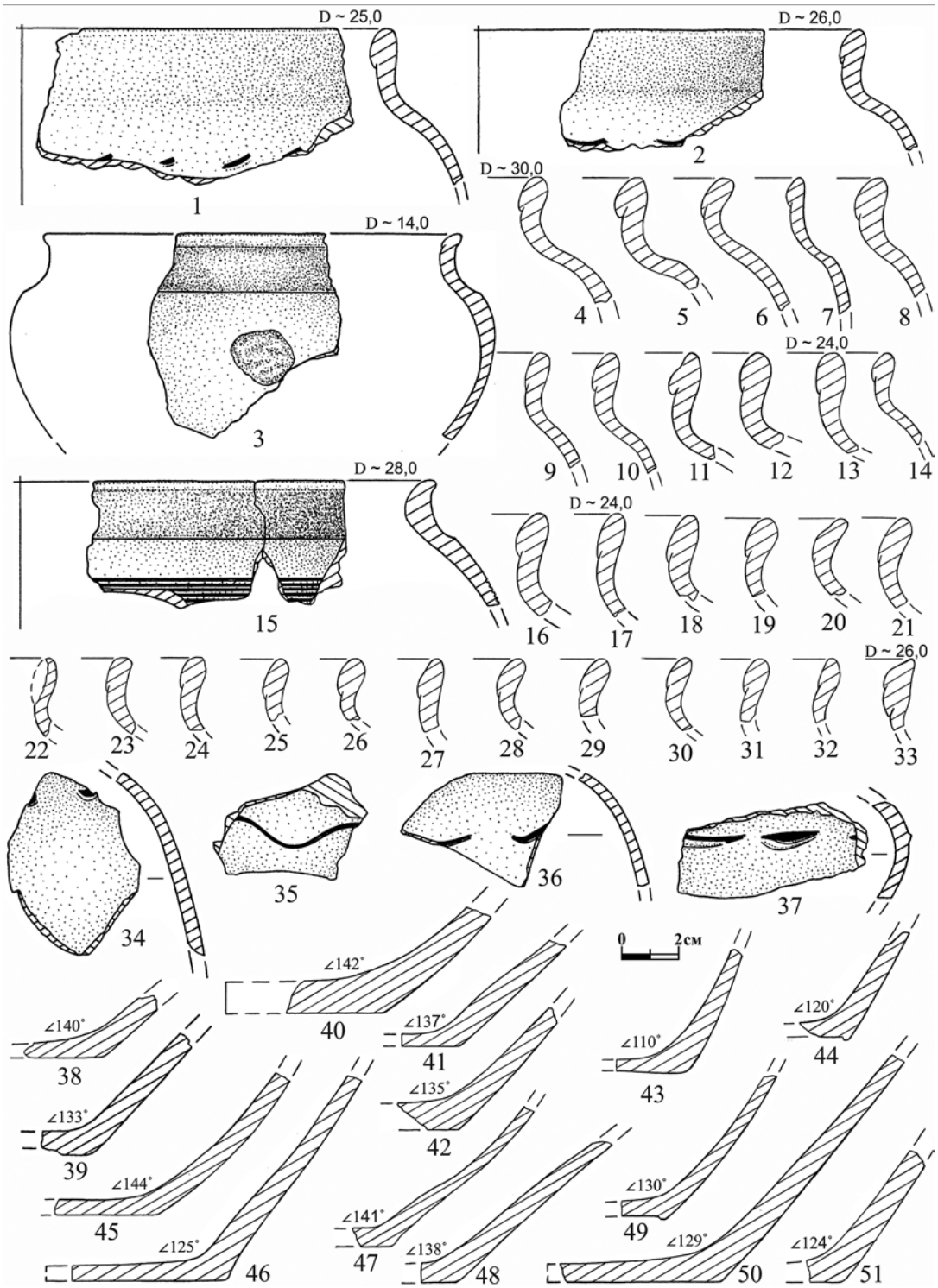


Рис. 2. г. Чекалин. Археологические находки, обнаруженные при реконструкции дома купца П. А. Пронина в 2019 г. Образцы круговых сосудов XVI–XIX вв. из культурного слоя: *1–38, 40–51* — окислительный обжиг; *39* — окислительно-восстановительный обжиг, лощение

(рис. 1, *18*; 2, *34*) и единственный обломок — волной (рис. 2, *35*). Таким образом, в серии преобладают горшки, украшенные по плечу поясом из дуговидных линий. Горшки с подобным орнаментом появляются в керамических комплексах Алексина ближе к концу XVI — началу XVII в. [6. С. 110. Рис. 4, *3*; 7. С. 324, 327. Рис. 2, *5, 7*]. Известны они в Козельске [3. С. 155. Рис. 160], на сельских памятниках в Белёвском районе Тульской области [9. С. 235. Рис. 4, *12*], а также

в Курском Посеймье [23. С. 129. Рис. 4, 66, 94]. Единично, в качестве привозной посуды, такие сосуды встречаются и в Туле в слоях XVII в. [11. С. 176. Рис. 11, *5*; 12. С. 167. Рис. 28, *4*]. Горшки с тычковым орнаментом («зерновидными» или «ногтевыми» вдавлениями), судя по алексинским материалам, распространяются в середине XVI в. [6. С. 110. Рис. 4, *8–9*; 7. С. 323. Рис. 1] и бытуют в течение последующих двух столетий (однако в XVIII в. их вытесняют сосуды с линейной орнаментацией на плече). В Туле в виде импортной посуды они встречаются в слоях 2-й половины XVI — XVII в. [11. С. 185. Рис. 20, *2*, С. 187. Рис. 22, *1*, С. 192. Рис. 27, *8–9,* С. 197. Рис. 32, *1*]. Верхнеокские горшки, орнаментированные по плечу однорядной волной, происходят преимущественно из слоёв XVI в., причём в комплексах 1-й половины этого столетия они абсолютно доминируют [10. С. 279, 283. Рис. 1, 3].

Венчики крышек (3 фр.) принадлежат изделиям уплощённо-конической формы. Все они характеризуются наличием широкого валика вдоль края на внешней поверхности предмета (рис. 3, *7*). С разрядом крышек связана и одна петельчатая ручка с участком стенки (рис. 3, *2*). Венчики мисок (5 фр.) представлены тремя типами: 1) без дополнительного оформления (рис. 3, *9*), 2) с валиком на внешней стороне стенки (рис. 3, *3–4, 6*) и 3) «тарелковидной» формы (рис. 3, *1*). Один из сосудов украшен по тулову прочерченным волнистым орнаментом (рис. 3, *6*). Миска третьего типа покрыта изнутри жёлтой глазурью и может быть датирована XIX в. Единственный кувшин окислительного обжига имеет уплощённый срез венчика с валиком на внешней стороне (рис. 3, *10*). Из 25 донцев 22 обломка характеризуются наличием подсыпки средне- и крупнозернистого песка; 3 фрагмента имеют закраины (рис. 2, *39, 44, 49*). На одном из обломков сохранился участок гончарного клейма, которые изредка встречаются на верхнеокской посуде XVI в. [10. С. 278–281. Рис. 2Б]. Два донца принадлежат поливным сосудам XIX в. Профилировка донных частей горшков, отражающая пропорции сосудов и являющаяся хроноиндикатором средневековой керамики [8], указывает на то, что в этой серии ограниченно присутствуют даже горшки 1-й половины XVI в. (рис. 2, *43–44, 46, 49–51*), хотя большая их часть соотносится с сосудами XVII–XVIII вв.

Серия посуды *окислительно-восстановительного обжига* включает 7 венчиков, 47 стенок, 3 днища и 2 ручки. Венчики принадлежат горшкам (1 фр.), крышкам (1 фр.), кувшинам (3 фр.) и мискам (2 фр.). Единственный горшок этой серии (тип «Е» по И. В. Болдину) является лощёным: лощение нанесено на нижнюю часть плеча сосуда и, вероятно, в его придонной части (рис. 1, *12*). Крышка с широким уплощённым валиком вдоль края с обеих сторон подлощена достаточно плотной разнонаправленной штриховкой (рис. 3, *8*). Среди кувшинов два сосуда характеризуются устьем с уплощённым срезом без дополнительного утолщения (рис. 3, *16*), а один — оформлен по внешнему краю горловины широким полуовальным валиком (рис. 3, *13*). Шейки горловин покрыты вертикальным или горизонтальным лощением. С аналогичными сосудами связаны и две ручки уплощённо-овального сечения (рис. 3, *18*). Среди стенок кувшинов 9 обломков плечевой зоны орнаментированы поясами горизонтально прочерченных линий (рис. 3, *12*). На одном фрагменте место максимального расширения тулова кувшина трассированно двумя параллельными горизонтальными желобками (рис. 3, *17*). Миски различаются между собой лишь расположением валика: на внешней или на внутренней стороне венчика (рис. 3, *5, 11*). Донца сосудов этой серии также характеризуются наличием песчаных подсыпок.

В керамическом комплексе помимо круговой посуды присутствуют три аэрофонные игрушки, также, вероятно, относящиеся к продукции местного производства. Две из них являются свистульками-птичками, а одна — дудочкой-сопелью[1]. Все игрушки изготовлены из неожелезнённой глины с примесью в тесте мелкозернистого песка, их обжиг осуществлён в окислительной среде.

[1] Несмотря на мнение ряда исследователей, связывающих дудочки-сопели исключительно с атрибутикой скоморохов, мы всё же склонны рассматривать основную их часть в качестве детских игрушек. В нашем случае на это косвенно указывает локальное залегание сопели с двумя игрушками-свистульками. Об этом же косвенно позволяют судить и находки подобных узкодатированных керамических дудок: некоторые сопели из вещевого клада (?) целых дудок, найденного в д. Латыши Калужской области, имели на внешней поверхности прочерченные даты их изготовления в пределах 1875–1885 гг. [20. С. 502. Рис. 7]. Представляется очевидным, что, по крайней мере, эти дудки вряд ли имели какое-либо отношение к скоморошьим игрищам.

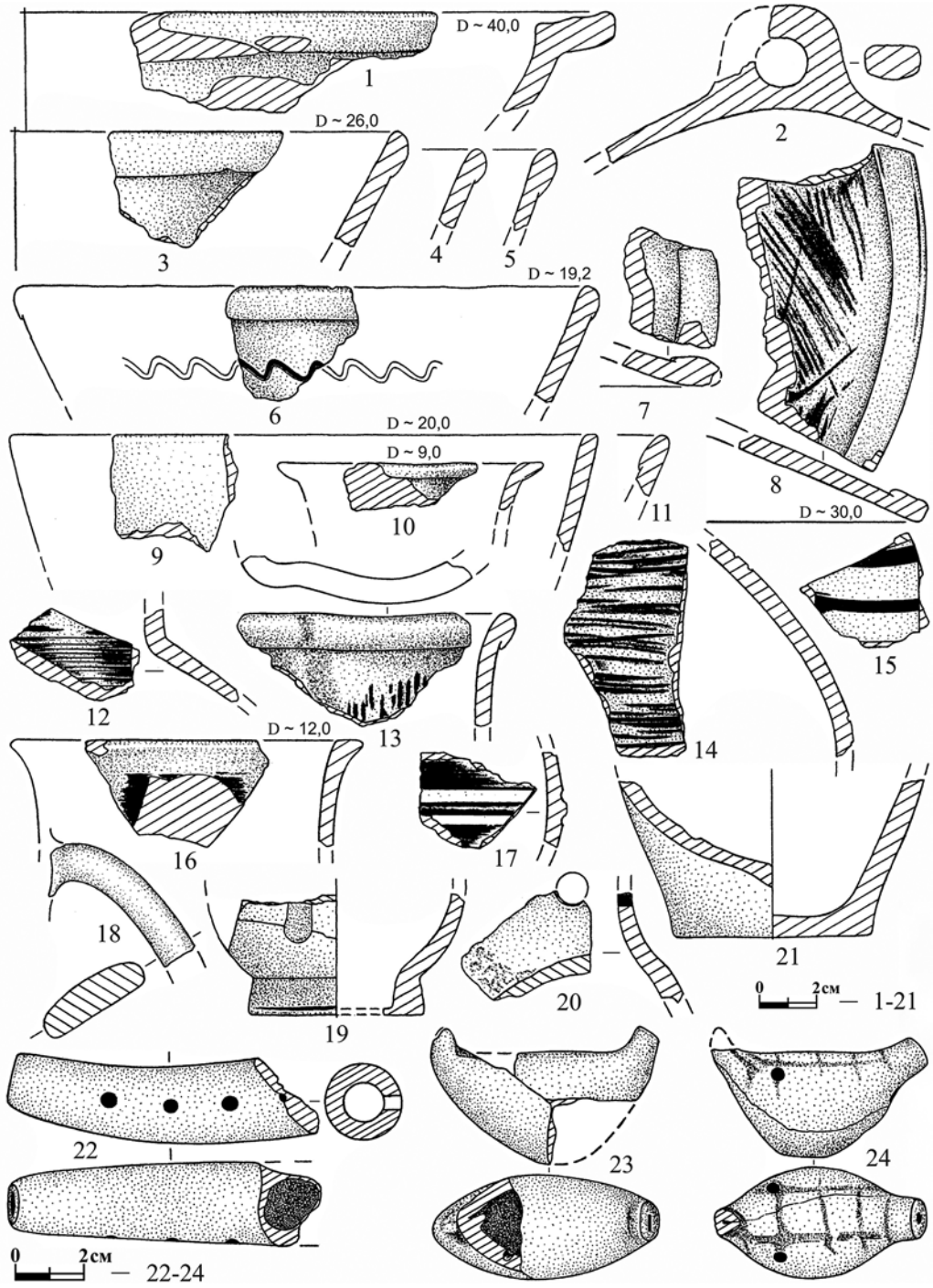


Рис. 3. Город Чекалин. Археологические находки, обнаруженные при реконструкции дома купца П. А. Пронина в 2019 г. Керамические изделия XVI–XIX вв.: *1–21* — образцы круговой посуды (*1–4, 6–7, 9–10, 15, 19–21* — окислительный обжиг /*1, 19* — глазуровка; *15* — роспись ангобом/; *5, 8, 11–14, 16–18* — окислительно-восстановительный обжиг, лощение); *22* — дудочка-сопель (фрагмент), *23–24* — игрушки-свистульки (окислительный обжиг /*24* — роспись ангобом/)

Свистульки-птички имеют полое тулово эллипсоидной формы, на противоположных сторонах которого сформованы головка и хвост с воздуходувным отверстием (рис. 3, *23–24*). Их размеры: 6,5×3,2×3,0 и 6,1×3,0×3,2 см. На спине каждой из птичек ближе к головке расположены по два тональных отверстия (лады) диаметром 4 мм. Одна из игрушек украшена в верхней части тулова розовой ангобной росписью в виде сетки (рис. 3, *24*). Керамическая дудочка-сопель

представлена обломком длиной 8,9 см (рис. 3, *22*). Она является палочковидной безраструбной и имеет устье с сужением выходного отверстия. Внешний диаметр устья — около 1,5 см, внутренний — 0,7 см. Диаметр сопели в средней части: внешний — 2,4 см, внутренний — 1,4 см. Судя по фрагменту, изделие имело дуговидную форму. На одной стороне предмета по продольной оси в один ряд с интервалом в 1,3 см расположены четыре тональные отверстия диаметром 0,4 см. Обжиг игрушки неполный (черепок в изломе трёхслойный). Керамические дудочки периодически встречаются исследователям при изучении городских и сельских памятников. Они известны, например, в Москве [17. С. 39; 14. С. 119], Гжели [16. С. 483. Рис. 5, *8*], Вязёмах [19], Коломне [21. С. 318], Твери [18] и Нижнем Новгороде [13]. Судя по материалам Р. Л. Розенфельдта, в Москве похожие «флейты» изготавливали и «в чернолощёной технике» [17. С. 39. Табл. 14, *12–14*]. Однако самая представительная их серия происходит с территории Калуги и Калужской области, в том числе отдельные предметы были найдены и в близлежащих к Чекалину районах — Козельском и Перемышльском [20]. Подавляющая часть дудочек датируется исследователями XVII–XVIII вв. Вероятно, к этому же времени относится и лихвинская сопель.

Таким образом, новые археологические находки убедительно свидетельствуют о наличии в этой части города исторически ценного культурного слоя, который соотносится с посадом XVI–XVIII вв. (сохранившийся дом купца П. А. Пронина был возведён уже в соответствии с регулярным планом Лихвина). Полученная керамическая выборка даёт представление (хотя и самое общее) о сложившейся в Лихвине традиции керамического производства. Рассмотренная керамика в целом характерна для Верхнеокского региона (главным образом, для его левобережной части). Аналогичная посуда условно определяется нами в ряде работ как «керамика верхнеокского типа» [10; 11. С. 163–164; 12. С. 132–133]. Безусловно, ограниченный объём выборки пока не позволяет уверенно выделить локальные (этнографические) особенности Лихвинской керамической традиции, но они, очевидно, есть. Формовочная масса сосудов с примесью мелкозернистого песка, наличие на донцах следов подсыпок из крупнозернистого песка, морфология венчиков горшков и ряд других признаков сближают рассмотренную коллекцию с керамической серией, собранной в 1990-е гг. на Лихвинском городище и изученной И. В. Болдиным [2].

Список литературы

1. Археологическая карта России. Тульская область. Ч. 1. М., 1999.
2. *Болдин И. В.* Предварительные итоги изучения гончарной керамики (XV–XVII вв.) городища в г. Чекалине (Лихвине) // Материалы краеведческих чтений. К 75-летию Тульского областного краеведческого музея. Тула: Рарус, 1995. С. 30–31.
3. *Болдин И. В.* Круговая керамика Козельска // Приложение 2 в кн.: *Нигматуллин Р. А., Прошкин О. Л., Массалитина Г. А., Хохлова Т. М.* Древний Козельск и его округа: Труды отдела охранных раскопок. ИА РАН. Т. 4. М.: ИА РАН, 2005. С. 145–155.
4. *Болдин И. В.* Круговая керамика бассейна Верхней Оки во II тыс. н. э. (проблемы периодизации и хронологии). Калуга: Буки Веди, 2012.
5. *Введенин В. Л.* Трагедия «Злого города»: Козелеск, Козельск, Лихвин? Калуга: Золотая аллея, 2008.
6. *Зацаринный С. В.* Закрытый комплекс XV века с Сорокина городища (к вопросу о локализации летописного Алексина) // Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Т. 2. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2003. С. 96–112.
7. *Зацаринный С. В.* Круговая посуда финального этапа заселения Сорокина городища (средневековый Алексин) // Битва на Воже — предтеча возрождения средневековой Руси. Рязань: Поверенный, 2004. С. 319–331.
8. *Зацаринный С. В.* К вопросу об информационных возможностях придонных частей позднесредневековых круговых горшков (морфологический аспект) // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Т. 1. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2004. С. 212–223.
9. *Зацаринный С. В.* Новые археологические памятники XII–XVII веков в Белёвском районе по материалам краеведа Е. Р. Барбашова // Белёвские чтения. Вып. 5. М.: ГОУ ВПО МГУЛ, 2005. С. 218–247.
10. *Зацаринный С. В.* К вопросу о традициях позднесредневекового керамического производства в правобережье Верхней Оки // Битва на Воже и Куликовское сражение (история и культура средневековой Руси). Сб. науч. статей. Рязань: Политех, 2006. С. 274–291.

11. *Зацаринный С. В., Екимов Ю. Г., Шеков А. В.* Круговая посуда XVI–XVII вв. из культурного слоя Тульского кремля (по материалам раскопок 1999–2000 гг.) // Позднесредневековый город: археология и история. Сб. статей в 2-х частях. Ч. 1. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2007. С. 132–206.
12. *Зацаринный С. В., Екимов Ю. Г., Наумова Т. В.* Керамические комплексы XVI — начала XIX века из раскопа по улице Спортивная, 15 в исторической части Тулы // Позднесредневековый город III: археология и история. Сб. статей. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2011. С. 111–203.
13. *Иванова Н. В.* Нижегородская игрушка. По материалам археологических раскопок 1999 г. в Крутом переулке // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: сб. трудов: ежегодник. Нижний Новгород, 2000.
14. *Колызин А. М.* Игрушки и игры XII–XVII вв. (по данным археологических исследований Московского кремля) // РА. 1998. № 2. С. 113–122.
15. *Кренке Н. А., Ершов И. Н., Раева В. А.* Керамика Вязьмы XIII–XVII вв. // Смоленская керамика XVIII–XIX вв. Новые материалы и старые коллекции. Смоленск: Свиток, 2020. С. 142–164.
16. *Полюлях А. А.* Археологические исследования в селе Гжель: характер и особенности культурного слоя и состава керамического комплекса. Белоглиняные горшки // Археология Подмосковья. Вып. 12. М.: ИА РАН, 2016. С. 476–546.
17. *Розенфельдт Р. Л.* Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. М.: Наука, 1968.
18. *Сафарова И. А., Хухарев В. В.* Керамические дудки-сопели из археологических раскопок в Твери // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 6. Тверь: Тверская областная типография, 2010. С. 258–266.
19. *Смирнов А. Н.* Скоморошья свирель из раскопок дворца Годунова в Вязёмах // Археология Подмосковья. Вып. 9. М.: ИА РАН, 2013. С. 216–225.
20. *Фёдорова Л. И., Ткаченко В. А., Фёдоров В. В.* Калужские керамические дудки в эволюционной системе свистковых музыкальных инструментов: особенности изготовления и хронология бытования // Археология Подмосковья. Вып. 14. М.: ИА РАН, 2018. С. 497–504.
21. *Черкасов В. В.* Коломенская глиняная игрушка XV–XVIII веков в игровой культуре средневековой Руси (по материалам археологических раскопок в Коломне в 1990–2000 годах) // Археология Подмосковья. М.: ИА РАН, 2004. С. 309–320.
22. *Четыркин И. Д.* Пробные раскопки Лихвинского городища 14 и 15 июля 1899 г. // Известия Калужской учёной архивной комиссии. Калуга, 1899. Вып. 2. С. 18–19.
23. *Чубур А. А.* Монастырь Троицкая Льпинова Пустынь по археологическим данным // Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Сб. статей в 2-х т. Т. 2. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2003. С. 113–133.

ИСТОРИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ СТОЛПИЦКОЙ КРЕПОСТИ КОЗЕЛЬСКИХ ЗАСЕК

И. В. Болдин,
кандидат исторических наук, заведующий научно-исследовательским отделом,
Калужский объединённый музей-заповедник;
Г. А. Массалитина,
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Национальный парк «Угра»

Проблема локализации Столпицкого городка, располагавшегося на одноимённой линии укреплений в пределах Козельского звена Засечной черты, имеет уже почти 20-летнюю историю. Целенаправленные попытки определить конкретный участок его расположения в пределах засеки путём натурного обследования местности предпринимались неоднократно. Несмотря на то что в исторических документах местоположение крепости указывается вполне определённо — где Большая Белёвская дорога (соединяла Белёв с Козельском) пересекает р. Песочную — вопрос до сих пор остаётся открытым. На сегодняшний день имеется три варианта локализации, причём в случае с авторами настоящей статьи — в виде очень осторожной версии, в двух других случаях — как несомненный факт.

Первым свой вариант предложил И. Л. Чернай, работавший на территории бывших Козельских засек в 2002 г. Место пересечения р. Песочной с современной автодорогой Белёв — Козельск не вдохновило его на поиски: низкое, заболоченное, залесенное. Предположив (умозрительно), что железная дорога, идущая неподалёку в том же направлении, могла быть проложена на основе старой грунтовой белёвской дороги, он исследовал тот её участок, где она также пересекает р. Песочную. Здесь имелась сухая и ровная, свободная от леса площадка, на которой исследователь усмотрел целую систему линейных углублений, в его видении — имеющих замкнутую планировку четырехугольной формы. Он принял их за остатки крепостных рвов и именно здесь локализовал Столпицкую крепость [Чернай, 2003].

Выехав на место, мы обнаружили совсем иную картину: наблюдаемые углубления не имели правильной геометрической формы с прямыми углами, как на схеме И. Л. Черная, — это были крутые, петлеобразные излучины старицы р. Песочной. Современное русло реки на этом участке имеет искусственное происхождение (под железнодорожным мостом — совершенно прямой отрезок длиной около 80 м) и связано со строительством дороги. Тем не менее для разрешения всех сомнений мы выполнили топографическую съёмку местности и заложили три археологических шурфа.

Топографический план, снятый инструментально, не имел ничего общего с глазомерной схемой И. Л. Черная. Конфигурация неровностей рельефа, русло реки и, что особенно важно, — её старицы, у него были показаны с очень большими погрешностями. Признаки культурного слоя и следы какого-либо антропогенного вмешательства в трёх шурфах общей площадью 20 кв. м на этом участке поймы р. Песочной отсутствовали [Массалитина, Болдин, 2007. С. 66–79].

Получив подобный результат, свои поиски в начале 2000-х гг. мы сосредоточили на месте пересечения р. Песочной с существующей шоссейной дорогой Козельск — Белёв. Здесь на незначительном удалении друг от друга (в пределах нескольких сотен метров) были выявлены три участка нахождения земляных валов и рвов разных размеров, конфигурации и протяжённости. Выяснение времени их сооружения и функционального назначения требовали специальных серьёзных исследований — полевых и архивных. На том этапе мы ограничились археологическим обследованием лишь одного из участков, но и это не позволило получить какой-либо определённости. Тем не менее в отчёте о выполненных работах мы высказали предположение, что данный объект может представлять собой остатки укреплений Столпицкого городка, приведя для этого ряд косвенных соображений [Массалитина, Болдин, 2006].

В следующий раз мы вернулись к рассматриваемой теме лишь в 2020 г.: в связи с празднованием 500-летия Тульского кремля как начала создания Засечной черты Московского государства она актуализировалась. Кроме того, к этому времени появился ещё один краеведческий вариант локализации Столпицкой крепости — на территории д. Красный Клин Козельского района, близ границы с Тульской областью [Новиков, Сухоруков, 2018. С. 135–144]. Осмотрев место, мы быстро убедились в его несостоятельности: никаких фактических внешних признаков для предложенной реконструкции городка не наблюдалось, равно как и малейших следов средневекового культурного слоя (местность обследовалась весной, при наличии обширной свежей распашки).

Итак, местоположение Столпицкого городка до сих пор не найдено. Для уточнения района натурных исследований было решено более детально подойти к определению границ собственно Столпицкой засеки и трассы Большой Белёвской дороги. С этой целью в очередной раз анализировались исторические документы и данные имеющихся научных публикаций, а также сопоставлялись географические реалии и населённые пункты времени функционирования Засечной черты с современными.

Основой представления о топографии Засечной черты в целом и в наши дни является работа, проделанная в начале XX в. А. И. Яковлевым. Расположение составляющих её административных звеньев устанавливалось им по описаниям разрядных росписей и писцовых книг. Этот монументальный труд включает и карту засек, составленную преимущественно с опорой на названия населённых пунктов [Яковлев, 1916]. Она также до сих пор широко используется, хотя современные исследователи отмечают отдельные неточности при отображении Черты.

История Козельской Столпицкой засеки неплохо (в сравнении с другими звеньями) документирована [Никитин, 1955. С. 194–195]. Наиболее ранние сведения о ней относятся к 1641 г. [Акты

археографической экспедиции. 1836. С. 447–451. № 303–305]. Отметим, что именно их в середине XIX в. историк фортификации Ф. Ф. Ласковский привлёк для характеристики основных элементов засечных сооружений как таковых, а также на основе имеющего в этих документах описания предпринял попытку реконструировать укрепления Столпицкого городка [Ласковский. 1858. С. 135–141, 294–295; Карты… Л. 19, 20].

В 2020 г. коллектив тульских и московских исследователей опубликовал монографию «Засечная черта Русского государства XVI–XVII вв.», ставшую итогом 10-летних археологических и архивных изысканий. Она, вне всякого сомнения, является существенным вкладом в дело изучения этой грандиозной оборонительной системы Средневековья. Несмотря на то что географические рамки полевых исследований ограничены в издании современной Тульской областью, общая история Засечной черты предстаёт в нём довольно цельно. Имеется там и важная для нас информация о Столпицкой засеке [Бурцев, Дедук, Столяров, 2020].

По имеющимся данным, Столпицкая засека тянулась от замка (места схождения засечных звеньев) Лихвинской Слободецкой и Перемышльской засек на севере до Белёвской Бобриковской засеки на юге на 31 версту 478 саженей, из них 22 версты 460 саженей приходилось под лесной завал (рис. 1). Река Песочная делила засеку на две части: «польскую» (южную) и «русскую» (северную). С русской стороны, по данным А. И. Яковлева, лежали села и деревни Дешёвка, Березичи, Волосово, Жукова, Слободка, Марьина, Дебри, Мушкань; с польской — Гостькова, Озерно, Грынь, Вейно, Чернышино, Хряпкина слобода, Киреевская, Слаговищи, Красный Клин, Сырая Тварня, Веинка. В настоящее время часть из них исчезла.

Очень важным источником для реконструкции границ Столпицкой засеки является топографическая карта 1765 г. [Бурцев, Дедук, Столяров, 2020. С. 21], поэтому необходимо несколько слов сказать об отображаемой ею ситуации. На протяжении XVII в. Черта регулярно подновлялась — в 1638, 1640-х, 1652, 1659–61, 1670-х, 1680-х гг. Указом от 27 марта 1701 г. засеки, находившиеся в юрисдикции Артиллерийского приказа, были переведены в Казённый приказ. В 1708–1709 гг. леса Черты засекались последний раз. В 1738 г. засечные леса, расположенные

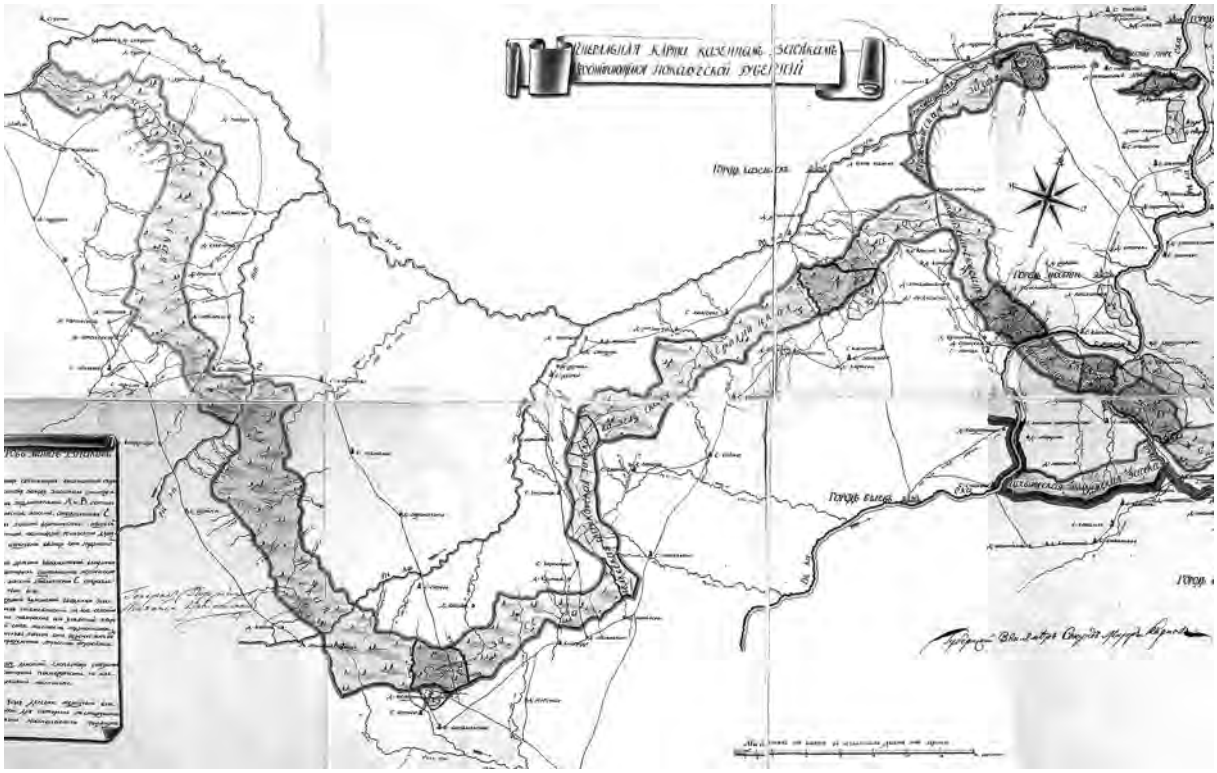


Рис. 1. Козельская Столпицкая засека на «Генеральной карте казённым засекам, простирающимся по Калугской губернии». 1784 г. (РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Ед. хр. 1784)

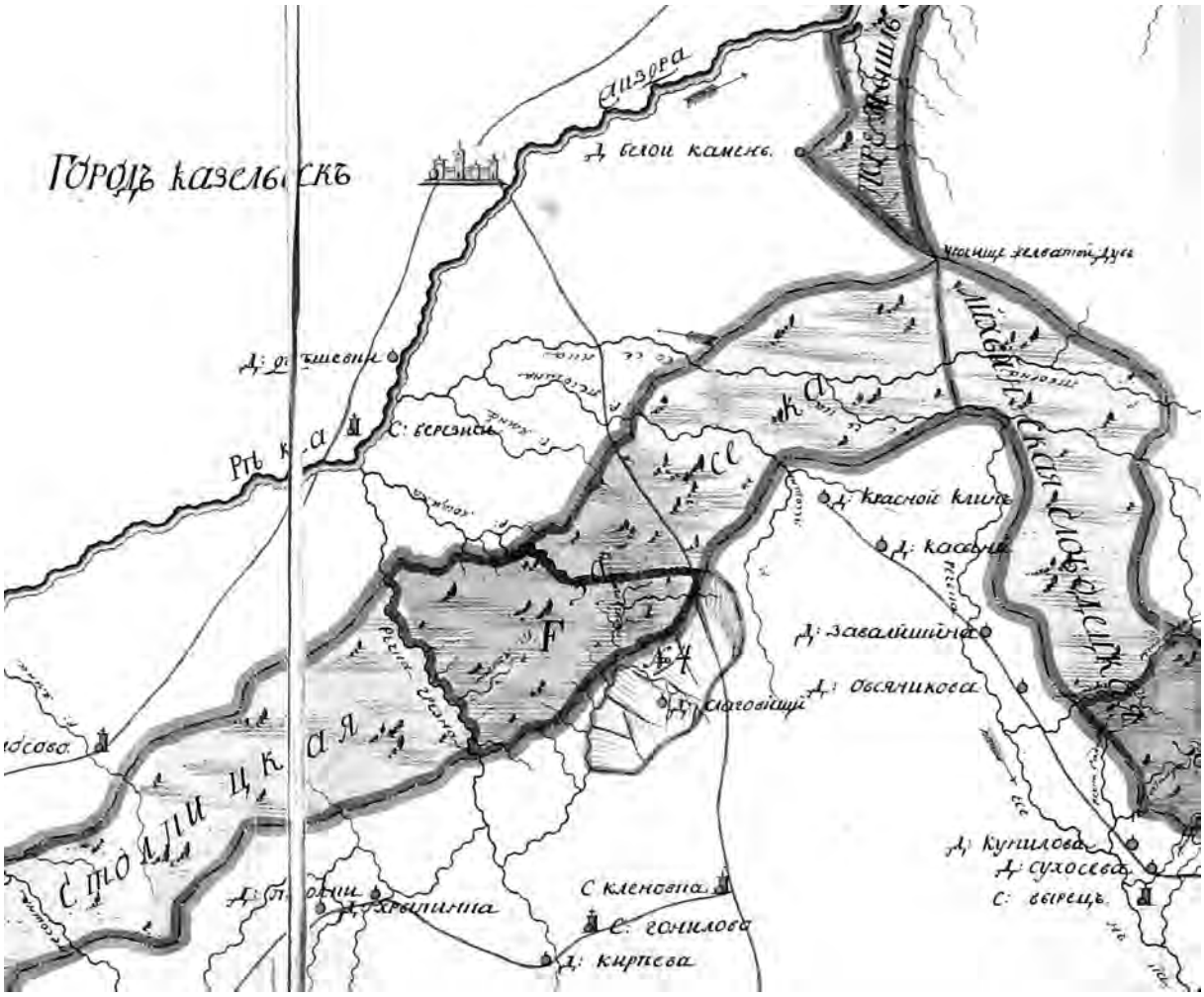
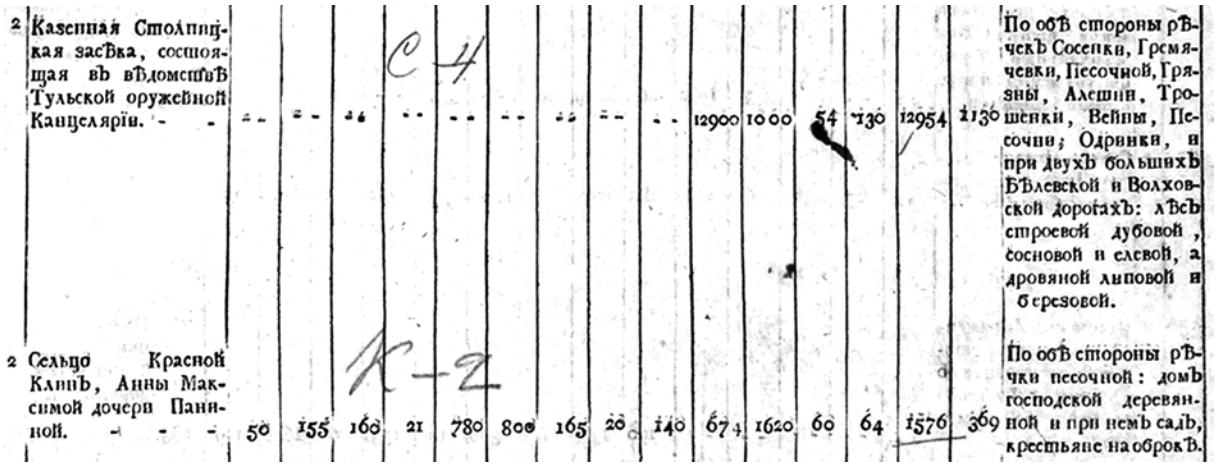


Рис. 2. Деревня Красный Клин близ замка Столпицкой Козельской и Лихвинской Слободецкой засек. Фрагмент «Генеральной карты казённым засекам, простирающимся по Калутской губернии». 1784 г.

в Калужской губернии, приписываются к Тульскому оружейному заводу. В 1764–65 гг. подновлялись пограничные ориентиры засечных участков — межевые валы, рвы и ямы, а сами засеки были картографированы специальной командой инженер-капитана А. В. Тучкова. Следовательно, карта 1765 г. составлена по реальной ситуации расположения Столпицкой засеки.

Возвращаясь к локализации Столпицкого городка на территории д. Красный Клин, подчеркнём, что на «Генеральной карте казённым засекам, простирающимся по Калужской губернии» 1784 г., на которой границы засек показаны с использованием карты 1765 г., д. Красный Клин находится вне пределов Столпицкой линии обороны (рис. 2). Кроме того, необходимо отметить следующее. В указанной выше монографии 2020 г. очень важным методическим моментом, на наш взгляд, является определение авторами критериев для отнесения того или иного объекта к фортификационным сооружениям Засечной черты: наличие культурных слоёв XVI–XVII вв., упоминание его в дозорных книгах засек или в документах по их ремонту, государственная (казённая) принадлежность земли, на которой расположен объект. Обратимся в этой связи к «Описаниям и алфавитам к Атласу Калужского наместничества» за 1782 г. Помимо информации о «Казённой Столпицкой засеке, состоящей в ведомстве Тульской оружейной Канцелярии», в них имеются и сведения о земельном участке, включающем территорию «сельца Красный Клин» (рис. 3) и расположенном «по обе стороны речки Песочной: дом господской деревянный и при нём сад, крестьяне на оброке», который принадлежал «Анне Максимо(во-?)й дочери Паниной» [Описания и алфавиты к Калужскому атласу. 1782. С. 49].



2	Казенная Столпицкая засѣка, состоящая въ вѣдомствѣ Тульской оружейной Канцеляріи.	--	--	26	--	--	--	--	--	--	12900	1000	54	130	12954	1130	По обѣ стороны рѣчекъ Сосенки, Гремячевки, Песочной, Грязны, Алешни, Трошенки, Вейны, Песочни; Одринки, и при двухъ большихъ Бѣлевской и Волховской дорогахъ: лѣсъ строевой дубовой, сосновой и елевой, а дровяной липовой и березовой.
2	Сельцо Красной Клинъ, Анны Максимой дочери Паниной.	50	155	160	21	780	800	165	20	140	674	1620	60	64	1576	369	По обѣ стороны рѣчки песочной: домъ господской деревянной и при немъ садъ, крестьяне на оброкѣ.

Рис. 3. Сведения о земельном участке, включающем территорию «сельца Красный Клин» в «Описаниях и алфавитах к Атласу Калужского наместничества» за 1782 г.

Таким образом, целый набор данных свидетельствует о том, что д. Красный Клин находилась вне территории засек.

Изложим коротко итоги последних наших работ, свои сомнения и соображения. «Описная книга укреплений Одоевских и Лихвинских засек досмотра стольников князей Василия Ивановича Хилкова и Алексея Юрьевича Звенигородского» от января 1662 г. содержит следующую запись: «А где сошлись грани Слободецкие и Козельские, и Перемышльские схожие грани на усть речки Тварны и Сосенной, и вдоль речек место топко» [Бурцев, Дедук, Столяров, 2020. С. 505]. Наиболее раннее (из известных нам) обозначение р. Сосенная имеется на указанной карте 1765 г. На карте «Военная съёмка Калужской губернии» (1851–1852 гг.) она названа Сосенкой, в неё впадает речка Атварна. На современных картах р. Сосенка своё название сохраняет, а приток меняет; сейчас это Атворка. Идентификация устья речки Тварны, указанной в «Описной книге…», и современного устья речки Атворка подтверждается соотнесением протяжённости Слободецкой засеки от р. Оки до замка со Столпицкой засекой. Согласно «Описной книге…», от «Оки до Слободецкого острожка 50 сажень не сечено», так как этот участок приходился на болото, а от болота «посечено лесного завалу на 280 сажень… всего от Слободецкаго отрожка до Козельских опчих граней 6 175 сажен» [Бурцев, Дедук, Столяров, 2020. С. 504–505]. Расстояние от Оки до начала Столпицкой засеки, в соответствии с этим, равнялось 6 505 саженям. При подсчёте расстояний необходимо учесть, что для XVII в. (а именно к этому времени относится большинство документальных сведений о размерах засек и сооружений) характерна пестрота мер длины: известны сажени «большая», «простая», «мерная», «казённая», «печатная», «маховая» и другие, версты «путевая», «межевая». В источниках можно встретить указания, в чём конкретно производились измерения. Так, в документах Разрядного приказа записано: «А мерено на Столпицкой засеке всякия засечныя крепости и лесной завал вдоль и поперёк тою государевой саженью, какова к нам от вас из Тулы прислана…» [Акты Московского государства… 1894. С. 91]. На основе материалов дозора 1634/35 гг. Слободецкая засека, по подсчётам тульских исследователей, тянулась от р. Оки до Столпицкой засеки на 12 верстах (12 960 м) [Бурцев, Дедук, Столяров, 2020. С. 196], по нашим подсчётам — до 14 050 м. По современным картам расстояние от р. Оки до устья речки Атворки составляет около 13,5 км. Таким образом, северная граница Столпицкой засеки определяется на местности достаточно точно.

На юге Столпицкая засека граничила с Бобриковской, которая от р. Оки в западном направлении простиралась на 27 вёрст (29 160 км). Сходились эти засеки у д. Гостьковой [Яковлев, 1916. С. 36]. На военно-топографической карте 1850-х гг. она обозначена как Госькова, сейчас — Госьково. На современных картах от р. Оки (в восточном направлении) она находится на расстоянии около 28–29 км. Современная д. Госьково, следовательно, расположена на том же месте, что и в XVII в.

Теперь обратимся к документальному указанию местоположения Столпицкой крепости — при пересечении р. Песочной и Большой Белёвской дороги. Ориентиры, казалось бы, очень определённые, но на деле не всё оказывается однозначно. Отметим, что в районе прохождения Столпицкой засеки имеется целый ряд речек с таким названием. Две из них, Песочная и Песочня, протекающие непосредственно в её пределах, указываются в «Описаниях и алфавитах к Атласу Калужского наместничества» за 1782 г. О «Казённой Столпицкой засеке, состоящей в ведомстве Тульской оружейной Канцелярии», там говорится, что она расположена «по обе стороны речек Сосенки, Гремячевки, *Песочной*, Грязны, Алешни, Трошенки, Вейны, *Песочни*, Одринки, и при двух больших Белёвской и Волховской дорогах…». Ситуативно речь, вероятнее всего, идёт о той из них, которая течёт параллельно р. Сосенке, двумя километрами южнее последней. На карте 1765 г. она названа Песошня, на карте генерального межевания 1785 г. — Песочная, на военно-топографической карте 1850-х гг. — Городок, на современных картах — вновь Песочная.

Что касается Большой Белёвской дороги, то, пожалуй, именно её древняя трасса на сегодняшний день является ключевым вопросом в деле поиска местоположения Столпицкой крепости. Сопоставление данных всех вышеуказанных карт позволяет утверждать, что ещё в середине XVIII в. она совпадала с современной автомобильной дорогой Козельск — Белёв (рис. 4). Имея в виду предположение И. Л. Черная об использовании участка исторического Белёвского тракта для прокладки железной дороги, мы приглашали сотрудников лаборатории геоморфологии Института географии РАН для изучения геоморфологического строения территории, по которой проходят обе современные дороги — железная и шоссейная. По их заключению, старая Белёвская дорога должна в общем своём направлении совпадать с современной шоссейной, поскольку последняя проходит кратчайшим путём и по наиболее удобному маршруту, занимая преимущественно водоразделы рек и лишь изредка пересекая их долины в верхнем течении [Жидков, Лихачёва, Массалитина, 2005, С. 5–6]. Железная же дорога на интересующем нас отрезке пролегает по низменному заболоченному участку нижних течений рек Сосенки, Песочной и более мелких правобережных притоков Жиздры, выходя далее в долину р. Грязны. Только современные строительные технологии сделали возможной её прокладку здесь.

Наряду с генеральной трассой, у старой Белёвской дороги, как у любого путепровода (будь он древний или современный), могли быть ответвления и объезды. Возможно, именно о таковом идёт речь у авторов локализации Столпицкой крепости в д. Красный Клин, считающих, что

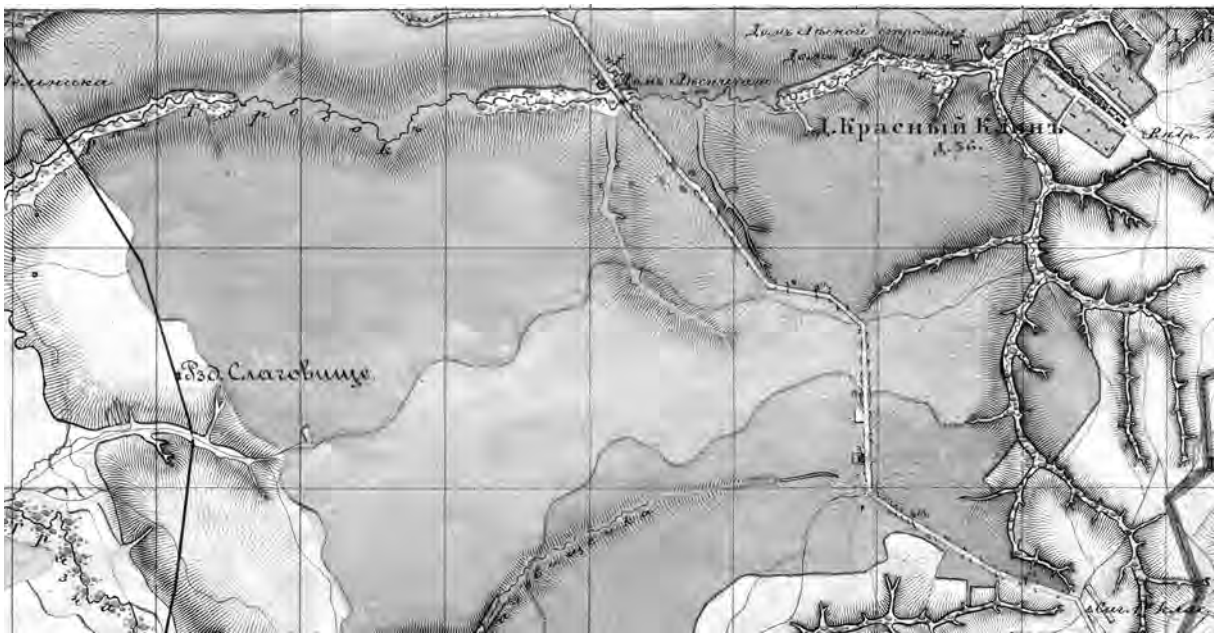


Рис. 4. Трасса дороги Козельск — Белёв на карте военной съёмки 1851–1852 гг.
(/РГВИА. Ф. 386 Оп. 1, ч. 2. Ед. хр. 3141. ч. 1–2)

Рис. 5. Одна из старых заброшенных дорог, выводящих к правобережной пойме р. Песочной близ д. Красный Клин. Фото И. В. Болдина

они нашли небольшой отрезок (около 3 км) насыпи исторической дороги из Козельска в Белёв, ныне заброшенный. Весной 2020 г. мы прошли его с целью обследования места пересечения с р. Песочной. Оказалось, что эта, действительно хорошо выраженная дорога, идущая сейчас по густому лесу с многочисленными и трудно преодолеваемыми завалами деревьев, на подходе к долине р. Песочной резко исчезает. Мы обнаружили здесь несколько гораздо менее отчётливо выраженных участков со следами дорог, когда-то подходящих непосредственно к руслу реки, правого её берега. На левом берегу наблюдалась та же картина: явное место пересечения некой «основной трассы» с рекой здесь отсутствует, но также имеется несколько старых заброшенных дорог, идущих по низкой и топкой пойме (рис. 5). Несомненно, обозначенная проблема требует дальнейшего изучения.

На данном этапе исследований мы по-прежнему склоняемся к тому, что поиск остатков Столпицкой крепости следует — уже более детально — вести в районе пересечения современной автодороги Козельск — Белёв с р. Песочной, на левом берегу последней. Косвенным обоснованием этому может служить расстояние от замков засек до крепости. В «Отписке воевод Н. Белосельского и М. Пустошкина о постройке Козельской Столпицкой засеки; роспись постройкам» читаем: «А от замка Лихвинской и Перемышльской засек до Козельских до Столпицких ворот засечных сечено лесного завалу 4 версты 100 сажень, а от Козельских от Столпицких ворот до замка Белёвской, Бобриковской засеки сечено лесного завалу 18 вёрст 360 сажень…» [Акты Московского государства… 1894. С. 91]. Так как речь в документе идёт только о лесных завалах, приведённые расстояния можно рассматривать как минимальные до объекта (Столпицкие ворота), но не как точные, поскольку здесь могли быть и не засечённые по каким-либо причинам участки [Яковлев, 1916. С. 35].

В заключение отметим ещё раз объективные сложности, связанные с непосредственным выявлением остатков Столпицкой крепости на местности. Традиционные археологические методы применимы здесь с трудом. В пределах Засечной черты имеется множество остатков крепостей и городков, основой для которых послужили более древние поселения-городища, существовавшие задолго до строительства Черты. Столпицкий городок относился к иному типу: он был поставлен там, где большая дорога входит в засечный лес. Место не выбирали, его определяла ситуация. Сама крепость и сопутствующие ей сооружения были деревянными, не сохранились. Предполагается, что, как и все засечные крепости, она не была жилой, в ней находился лишь дежурный дозор, поэтому культурный слой, вероятнее всего, на её месте должен быть выражен слабо. Единственным ориентиром в рельефе, на который следует рассчитывать, могут служить рвы и валы, составлявшие часть оборонительной системы Столпицкого городка.

Список литературы

1. Акты археографической экспедиции. Т. III. СПб., 1836.
2. Акты Московского государства, изданные Императорскою Академией наук. Том II. Разрядный приказ. Московский стол. 1635–1659. СПб., 1894.
3. *Бурцев И. Г., Дедук А. В., Столяров Е. В.* Засечная черта Русского государства в XVI–XVII вв. Тула, 2020.
4. *Жидков М. П., Лихачёва Э. А., Массалитина Г. А.* Столпицкие засеки и Столпицкие ворота (Козельские засеки) — поиски сохранившихся объектов // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: материалы XII Всероссийской научной конференции. Вып. 12. Калуга, 2008. С. 30–33.
5. *Ласковский Ф.[Ф.].* Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 1. Опыт исследования инженерного дела в России до XVIII столетия. СПб.,1858.
6. *Массалитина Г. А., Болдин И. В.* Археологическое обследование земляных конструкций в месте предполагаемого расположения Столпицкой крепости // Архив национального парка «Угра». Б/н., 2006.
7. *Массалитина Г. А., Болдин И. В.* Выявление топографии Козельских засек — одного из звеньев оборонительной системы Московского государства // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Вып. 8. Калуга, 2007.
8. *Никитин А. В.* Оборонительные сооружения Засечной черты XVI–XVII вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 44. М.,1955.
9. *Новиков В. П., Сухоруков С. А.* Новая реконструкция Столпицких ворот в натурной экспозиции музея Козельских засек // Природа и история Поугорья. Вып. 9. Калуга, 2018.
10. Описания и алфавиты к Калужскому атласу. СПб., 1782.
11. *Чернай И. Л.* Отчёт о натурном изучении оборонительных сооружений северной части Козельских засек // Архив национального парка «Угра». Б/н., 2003.
12. *Яковлев А. И.* Засечная черта Московского государства в XVII веке. М., 1916.

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ НАХОДОК ИЗ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ СОРОКИНСКОГО ГОРОДИЩА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЧАСТИ АЛЕКСИНА

Ю. Г. Екимов,

зав. отделом археологии, ГУК Тульской области «Тульское музейное объединение»

Алексин… Один из старейших русских городов в меридиональном течении Верхней Оки. Сегодня — это районный центр Тульской области. Его левобережная часть (так называемый «соцгород») сформировалась во второй половине 30-х гг. прошлого века в связи со строительством химкомбината (Пономарёва, 1998. С. 133–134). Правый, высокий, берег Оки занимает историческая часть Алексина (рис. 1), который, судя по жалованной грамоте Великого князя московского Ивана Васильевича на митрополичью слободу Караш от 17 марта 1483 г. (АФЗХ. Ч. 1, С. 23,24), существовал уже в первой четв. XIV в. В документе сказано, что «Олексин, место домовное

Рис. 1. Ситуационный план калужско-алексинского участка бассейна Верхней Оки (А) и топографический план г. Алексина (Б) с местом расположения городищ «Острог» (1), Ильинское (2) и Сорокинское

святые Богородица» был куплен ещё митрополитом Петром, период пребывания которого на митрополичьем престоле охватывает 1308–1326 гг. Сама формулировка текста даёт весомые основания для предположения о ещё более раннем появлении города.

В пределах правобережной части современного Алексина, на участке протяжённостью более 2,0 км, есть три места, которые могут рассматриваться в качестве исторического городского центра или его участков: городище на Ильинской горе, городище «Острог» и Сорокинское городище (АКР. Тульская область. Ч. 1. С. 90–92). Первое из них, хотя и считается местом древнейшей Алексинской крепости, в значительной степени уничтожено карьером или застроено (Наумова, 2019. С. 268–269; Пономарёва, 1998. С. 12–13). Собранный здесь подъёмный материал отнесён к XIII–XV вв. На городище «Острог» (территория городского парка в центральной части современного города) в 1996 г. был лишь заложен шурф, средневековая часть культурного слоя

в котором содержала свидетельства XV–XVII вв. (Шеков, 1997. С. 191). В отличие от первых двух объектов, Сорокинское городище, расположенное на юго-западной окраине правобережной части Алексина, в течение трёх полевых сезонов исследовалось стационарными раскопками (Екимов, 1996. С. 193–247; он же, 1998. С. 1–177; он же, 1999. С. 1–164).

Городище занимает узкий мысовой участок высотой 40–65 м и протяжённостью более 200 м. Оно состоит из двух площадок, на которых двумя раскопами было исследовано 688 кв. м, выявлены многочисленные жилые и хозяйственные постройки, получена представительная серия разнообразных находок, отражающих различные стороны жизни его обитателей. Результаты работ свидетельствуют о заселённости территории городища с XI до начала XVII в. при наличии небольшой группы материалов мощинской культуры середины I тыс. н. э. (Екимов, Зацаринный, 2003).

Среди обилия находок, относящихся к средневековой эпохе, выделяется группа разных по назначению предметов, свойственных преимущественно городским культурным напластованиям. Их совокупное присутствие в культурном слое памятника маркирует уровень духовной культуры его обитателей и статус самого объекта исследования. Все находки происходят с территории раскопа № 2 на нижней площадке городища.

В данную группу входят два писала — железное и костяное. Традиционно подобные находки расцениваются как одно из свидетельств грамотности населения и распространения письменности на Руси (Медведев, 1960. С. 63; Медынцева, 1997. С. 150; Янин, 1997. С. 135). Железное писало было обнаружено в чёрном углистом слое, залегавшем ниже основания постройки № 6 и развала печи этого сооружения. Постройка отнесена к IV этапу существования городища и датирована в пределах второй пол. XVI — нач. XVII в. Стратиграфическая позиция находки позволяет предположить её связь с одним из предшествующих этапов (II или III), в целом охватывающих период конца XIV — начала XVI в. (Екимов, Зацаринный, 2003. С. 26–28). Писало представляет собой деформированный железный стержень с фигурной головкой общей длиной 16,3 см (рис. 2). На большей части длины стержень имеет округлое сечение, ближе к рабочему, заострённому концу он приобретает гранёный характер. Верхняя часть орудия завершается коническим выступом и двумя валикообразными кольцевыми утолщениями, разделёнными короткой шейкой. По своим морфологическим характеристикам находка (по классификации А. Ф. Медведева) может быть отнесена к писалам 15-го типа, характеризующимся отсутствием лопаточки для разглаживания воска (Медведев, 1960. С. 79). Материалом для писания подобными инструментами служили деревянные доски, береста и иные виды твёрдых поверхностей (Медведев, 1960. С. 86). Писала этого типа из железа и кости в Новгороде бытуют с сер. XIII до нач. XVI в. (Медведев, 1960. Рис. 4, 6; Медынцева, 1997. С. 150). Находки аналогичных металлических изделий отмечены в культурных напластованиях Москвы XIV — нач. XVI в. (Беленькая, 1975. С. 47. Рис. 1, 2, 3), в слое второй пол. XV в. городища «Городок» в Нижнем Новгороде (Грибов, 2018. С. 128. Рис. 107, 5, 6), на городище Никульчино в Прикамье в горизонте XIV–XV вв. (Макаров, 2001. С. 98. Рис. 54, 11) и др.

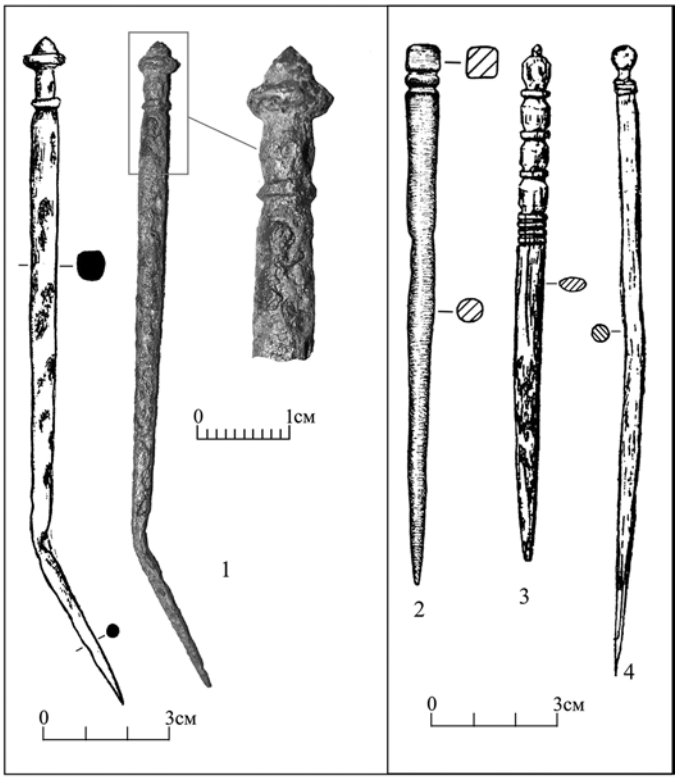


Рис. 2. Железное писало с Сорокинского городища (1) и находки того же типа с городища «Городок» в Нижнем Новгороде (2) и Новгороде (3, 4)

местах. По наблюдению Б. Б. Овчинниковой, писала 15-го типа в XIV–XV вв., чрезвычайно редкие для Новгорода и Северо-Западной Руси, становятся наиболее характерным вариантом для Рязанского, Владимиро-Суздальского, а позднее Московского княжеств (Овчинникова, 2000. С. 63, 64).

Второе, костяное, писало имеет вид тонкого, овального в сечении стержня длиной около 10,0 см с заполированной поверхностью, верхний край которого завершается лопаточкой подтреугольной формы (рис. 3). Рабочий край изделия оформлен косым односторонним срезом (не исключено — вторичного характера). Угол лопаточки и остриё писала обломаны. Предмет обнаружен в основании полностью сгоревшей постройки № 4, но сам следов обжига не имеет. Не исключено его выпадение в слой непосредственно перед её сооружением. Постройка отнесена к группе комплексов III этапа: конец XV — первая пол. XVI в. (Екимов, Зацаринный, 2003. С. 27). Особенности формы верхней части данной находки сближают её с новгородскими писалами 12-го типа, для которых характерны лопаточки треугольной формы (Медведев, 1960. С. 78–79). Время бытования костяных и металлических прототипов писал этого наиболее массового типа в Новгороде связано с горизонтами конца X — середины XIV в. (Овчинникова, 2000. С. 56–57. Рис. 9, 10, 12, 13, 15; 18). В Нижнем Новгороде (городище «Городок») аналогичное железное писало встречено в основании ямы 1А второй четв. XV в. (Грибов, 2018. С. 128. Рис. 109, 4). Определённая небрежность в изготовлении сорокинской находки позволяет рассматривать её как поздний дериват изделий данного типа. Наличие косого среза, формирующего рабочую часть орудия, может свидетельствовать либо о его вторичном (после облома) характере, либо об изначальном, ранее не отмечавшемся приёме оформления острия.

Следующий блок находок «городской» группы — костяные шахматные фигурки. Они представлены тремя изделиями. Одно из них встречено у северо-восточного края постройки № 3 (III этап: конец XV — нач. XVI в.), на уровне её основания (рис. 4, *2*).

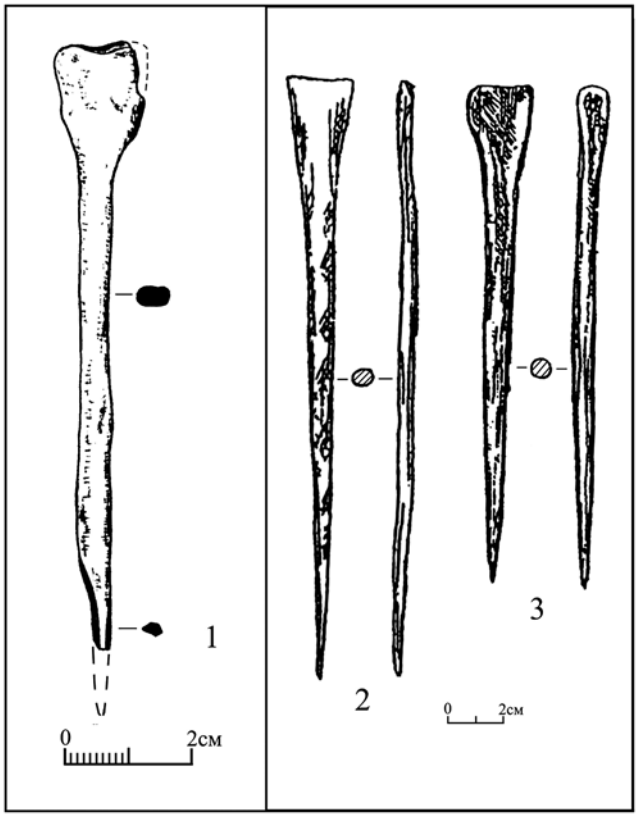


Рис. 3. Костяное писало с Сорокинского городища (1) и находки 12-го типа из культурного слоя Новгорода (2, 3)

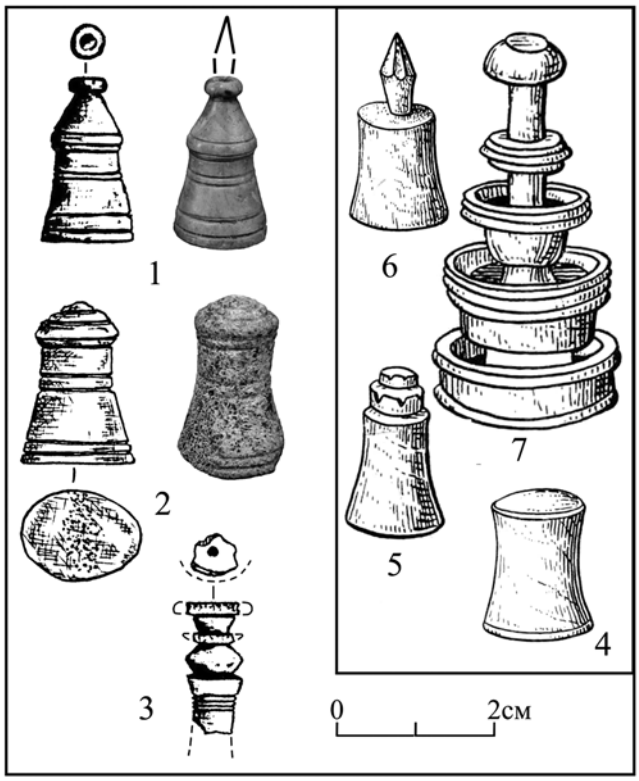


Рис. 4. Шахматные фигуры абстрактного типа с Сорокинского городища (1–3) и из культурных слоёв Друцка (4, 7) и Новгорода (5, 6)

Фигурка представляет собой «пешку» высотой около 2,0 см, изготовленную из рога на токарном станке. Она имеет форму усечённого конуса с плавным сужением в средней части. Основание фигурки овальное (1,5×1,2 см), плоское, верх слегка выпуклый, диаметром около 1,0 см. Поверхность заполирована и украшена четырьмя парами узких концентрических линий. В центре верхней части сохранился след от крепления заготовки в токарном станке. По своим морфологическим признакам «пешка» относится к разряду русской модификации (рис. 4, *4*) арабских шахмат абстрактно-геометрического типа (Линдер, 1964. С. 60, 73–74). В Новгороде почти все фигуры такого облика происходят из слоя XIV–XV вв. (Рыбина, 1991. С. 94. Рис. 4, 36, 38, 39), аналогичная находка, датированная XII–XIII вв., обнаружена в Друцке (Рыбина, 1991. С. 97, 98. Рис. 6, 20), в Тайницком саду Московского кремля весьма близкая по форме «пешка» найдена в слое начала XVI в. (Бадеев, 2017. С. 108. Рис. 1, 3).

Вторая шахматная фигура происходит из средней части культурного слоя, ниже основания постройки № 4 (синхронна постройке № 3), возле её северного угла. Как и «пешка», она изготовлена на токарном станке, поверхность прекрасно заполирована и украшена группами концентрических линий (рис. 4, *1*). Её общая высота — 2,0 см, размер основания — 0,9×1,2 см. Морфологически фигурка, хотя в целом и близка рассмотренной ранее, отличается от неё конусовидным характером верхней части, завершающейся кольцевым выступом диаметром 0,5–0,6 см с небольшим углублением сверху. Такая многоярусность свойственна западноевропейским шахматам «новой абстракции» с выраженным геометризованным обликом, вошедшим в обиход с XIII в. и появившимся на Руси на рубеже XIV–XV вв. (Рыбина, 1991. С. 88–89; 95–96. Рис. 5). По всей видимости, мы имеем дело с образчиком русского варианта абстрактных шахмат, впитавших и арабские, и западноевропейские традиции. При отсутствии прямых аналогий достаточно сложен вопрос интерпретации данной шахматной фигурки. Если за доминанту принять западноевропейскую составляющую, то она вполне может рассматриваться в качестве «пешки» (Рыбина, 1991. Рис. 5, 19–21). В то же время, учитывая наличие углубления в верхней части фигурки, куда мог вклеиваться дополнительный стержневидный элемент, она могла быть также королём или ферзём. К примеру, тип фигур этого достоинства в виде усечённого конуса с биконическим навершием или дополнительными выступами (рис. 4, *5, 6*) стал наиболее характерным для новгородских шахмат XIV–XV вв. (Рыбина, 1991. С. 93).

Рис. 5. Фрагменты железных оконниц с остатками слюды с Сорокинского городища (1, 2), фрагмент слюдяной пластины из культурного слоя XVII в. Тульского кремля (3) и фрагмент «косящатого» окна конца XVII в. из экспозиции музея-усадьбы «Ботик Петра I» (4, по: Ямщикова Н. Б. Окна в прошлое...)

В непосредственной близости от предыдущей находки, в верхнем горизонте культурного слоя был обнаружен фрагмент третьей шахматной фигурки (рис. 4, *3*). Она сохранилась на длину 1,8 см и представляет собой верхнюю часть короля или ферзя, выполненную в стиле западноевропейской абстракции. Фигурка изготовлена на токарном станке и, по-видимому, была достаточно близка многоярусным находкам (рис. 4, *7*), сделанным в Новгороде, Полоцке,

Друцке, Смоленске (Рыбина, 1991. С. 98, 99. Рис. 5, 1, 3, 5, 6). Отсутствие среди них прямых аналогий позволяет и эту находку рассматривать как производный, сугубо русский вариант абстрактных фигур. Учитывая время появления и распространения шахматных фигур западноевропейского типа на Руси (XIV–XV вв.), можно сказать, едва ли появление этой находки в слое Сорокинского городища могло произойти ранее конца XV–XVI вв.

Ещё одной разновидностью находок «городского» облика являются фрагменты слюдяных оконниц. Достоверно они представлены семью обломками металлических рам шириной около 1,0 см из согнутых пополам железных пластин (рис. 5, *1, 2*). В пазах нескольких из них сохранились части тонких слюдяных вставок, которые, судя по наличию небольших отверстий диаметром не более 1,5 мм, крепились с помощью заклёпок. Основная группа находок происходит из заполнения постройки № 3, относящейся к III этапу функционирования городища (кон. XV — нач. XVI в.), и средней части культурного слоя в районе её восточного угла. Вполне вероятно, что эта группа находок может быть существенно расширена за счёт многочисленных и трудно верифицируемых обломков узких железных пластин, встреченных в культурном слое и сооружениях того же этапа, а также небольших по размеру гвоздей, выделенных в отчётах в категорию крепёжных изделий декоративного характера.

Существование крупных, так называемых «косящатых» окон со слюдяными оконницами, наряду с преобладавшими «волоковыми», отмечено в богатых домах в целом ряде русских городов XIII–XVII вв. (Раппопорт и др., 1985. С. 143; Екимов, 2007. С. 79). Их наличие предусматривало существование печей, топившихся по-белому. По замечанию И. Е. Забелина, даже в царском дворце, вплоть до Петра I, преобладали слюдяные окна с различными вариантами металлических переплётов и дополнительного крепежа (Забелин, 1990. С. 141–142).

Присутствие в культурном слое Сорокинского городища группы предметов явно «городского» облика лишний раз подтверждает ранее высказанную мысль о правомерности его отождествления, по крайней мере с конца XIV в., либо с собственно летописной Алексинской крепостью, либо — с частью её городских укреплений (Екимов, Зацаринный, 2003. С. 28). Этому не противоречит как стратегическое положение памятника на излучине Оки, откуда она на несколько километров великолепно просматривается в юго-западном и северо-западном направлении, так и общий состав находок, в котором практически отсутствуют орудия труда и промысловой деятельности при обилии инвентаря, принадлежавшего служилому населению (оружие, элементы защитного доспеха, снаряжение коня, детали костюма и амуниции, обувные подковы и пр.).

Список литературы

1. Археологическая карта России (АКР). Тульская область. Ч. 1. М., 1999.
2. Акты феодального землевладения и хозяйства (АФЗХ). Ч. 1. М., 1951. № 1.
3. *Бадеев Д. Ю.* Предметы для «игр на досках» из археологических исследований в Московском кремле // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. М., 2017. С. 105–110.
4. *Беленькая Д. А.* О грамотности московских горожан в XIV–XVII вв. // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 144. М., 1975. С. 47–53.
5. *Грибов Н. Н.* Нижний Новгород в XV веке: в поисках утраченного города. Материалы спасательных археологических исследований. Т. 24. М., 2018.
6. *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI–XVII столетиях. Кн. первая. Государев двор или дворец. М., 1990.
7. *Екимов Ю. Г.* Отчёт археологической экспедиции Объединения «Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей» об исследовании поселений Мельгуново-1 и Мельгуново-3 в Узловском районе и Сорокина городища в г. Алексин Тульской области в 1996 году // Архив ИА РАН.
8. *Екимов Ю. Г.* Отчёт археологической экспедиции Объединения «Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей» о раскопках Сорокина городища в г. Алексин Тульской области в 1998 году // Архив ИА РАН.
9. *Екимов Ю. Г.* Отчёт археологической экспедиции Объединения «Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей» о раскопках Сорокина городища в г. Алексин Тульской области и на территории Тульского кремля // Архив ИА РАН.

10. *Екимов Ю. Г., Зацаринный С. В.* Этапы заселения и хронология средневекового Сорокина городища // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: материалы X Региональной научной конференции. Калуга, 2003. С. 24–28.
11. *Екимов Ю. Г.* Археологические исследования на территории Тульского кремля в 1999–2000 гг. // Позднесредневековый город: археология и история. Ч. 1. Изучение позднесредневековой Тулы. Тула, 2007. С. 66–131.
12. *Линдер И. М.* Шахматы на Руси. М., 1964.
13. *Макаров Л. Д.* Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск, 2001.
14. *Медведев А. Ф.* Древнерусские писала X–XV вв. // Советская археология. № 2. 1960. С. 63–88.
15. *Медынцева А. А.* Эпиграфика, писала (стити) и церы // Древняя Русь. Быт и культура / Археология. М., 1997. С. 140–152.
16. *Наумова Т. В.* Истоки Тульской археологии. Тула, 2019.
17. *Овчинникова Б. Б.* Писала-стилосы Древнего Новгорода X–XV вв. // Проблемы истории России. Вып. 3. Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Ижевск, 2000. С. 45–105.
18. *Пономарёва В. М.* Алексин (страницы истории города и района). Тула, 1998.
19. *Раппопорт П. А., Колчин Б. А., Борисевич Г. В.* Сооружения. Жилище // Древняя Русь. Город, замок, село / Археология СССР. М., 1985. С. 136–153.
20. *Рыбина Е. А.* Из истории шахматных фигур // Советская археология. 1991. № 4. С. 86–101.
21. *Шеков А. В.* Исследования в Тульской области // Археологические открытия 1996 года. М., 1997. С. 190–192.
22. *Янин В. Л.* Новгородские берестяные грамоты // Древняя Русь. Быт и культура / Археология. М., 1997. С. 130–139.

ГОРОДИЩЕ МОШАРОВО НА р. ШАНЕ

А. Е. Ефимов, *кандидат исторических наук, научный сотрудник;*
Е. Е. Ефимова, *научный сотрудник,*
МБУК «Районный краеведческий музей» Дзержинского района Калужской области

Памятник археологии городище Мошарово выявлен в 2019 г. Угра-Шанской археологической экспедицией ГБУК Калужской области «Калужский объединённый музей-заповедник». Памятник находится в Медынском районе Калужской области, в 580 м к югу от юго-западной окраины д. Мошарово Медынского района в 1 270 м к северо-западу от северо-западной окраины д. Свитино Медынского района.

Памятник, который, по мнению авторов, можно отнести к типу островных городищ, выявлен на первой и второй надпойменных террасах левого берега р. Шани (на останце), ограниченного с запада поймой левого берега р. Шаня в современном русле, с юга и востока — руслом старицы р. Шани, с севера — безымянным ручьём, левым притоком р. Шани. Площадь городища, равная 41 150 м^2, имеет подтрапециевидную конфигурацию, вытянутую по линии северо — северо-запад — юго — юго-восток параллельно левому берегу р. Шани. Расстояние до р. Шани 61–183 м. Площадка городища неровная. В центральной части с отклонением к западу (к р. Шане) имеется возвышенность также подтрапециевидной формы, площадью 9 028 м^2. Сама возвышенность имеет плоскую поверхность, её превышение над остальными участками городища — 1,8–6 м. Превышение над уровнем воды в р. Шани — 9–16 м, превышение над уровнем поймы р. Шаня — 3,5–9 м (рис. 1). Почти по всей площади поверхность городища занята искусственной посадкой хвойных деревьев. Валы не прослежены, что можно объяснить весьма плотной посадкой хвойных деревьев с предварительными работами по выравниванию площадки.

Культурный слой городища исследован через зачистки обнажений культурного слоя (2), закладку шурфов (3) и сбор подъёмного материала.

Полученная в основном не in situ коллекция кремнёвых артефактов (5) представлена кремнёвыми отщепами (3) и пластинами (2) коричневого (2), чёрного (2) и серого кремня без вторичной обработки (рис. 3. *1, 2*).

Судя по характеру первичного расщепления, незначительному количеству пластин только неправильного огранения, не исключено, что имеются следы аренсбургских традиций обработки

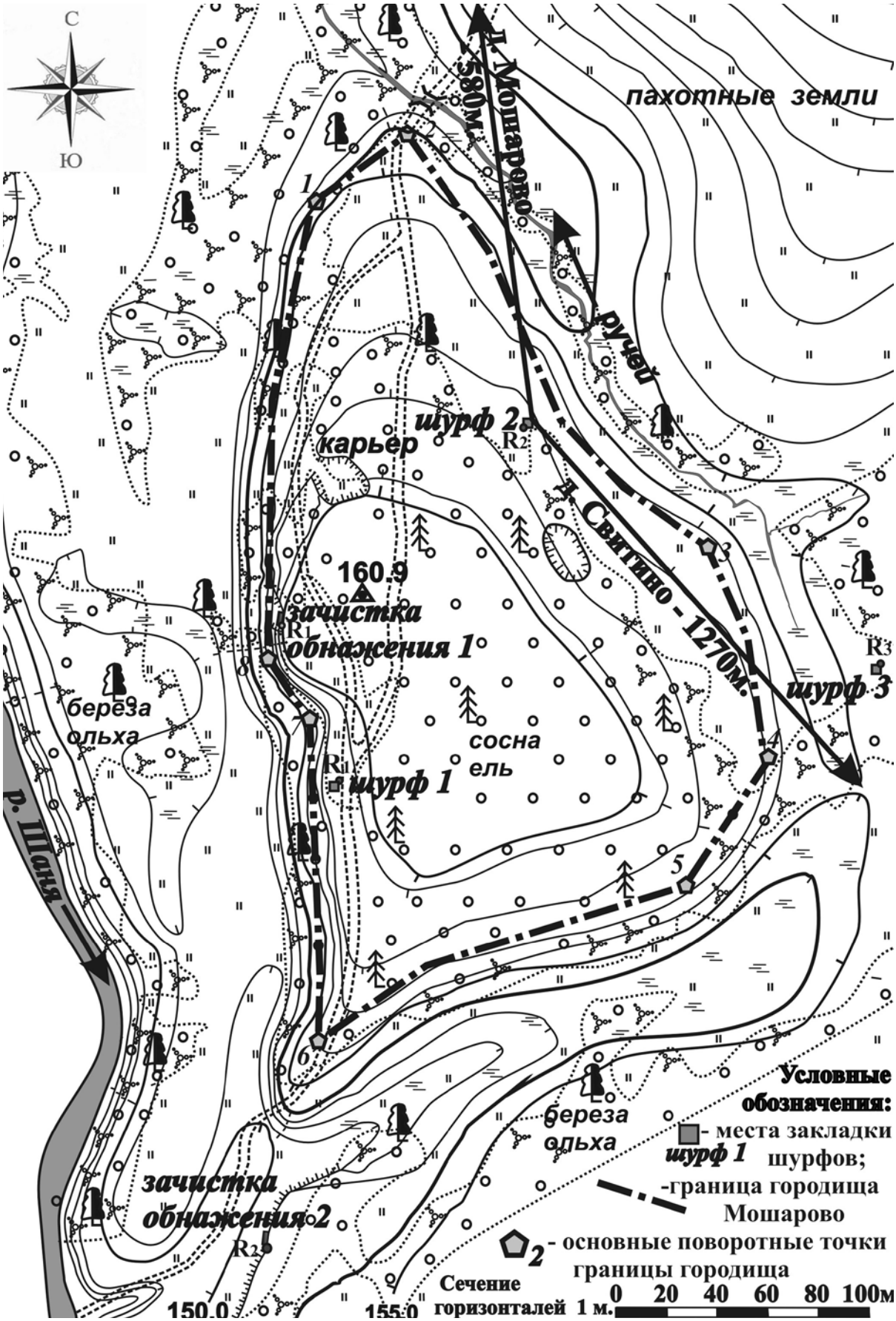


Рис. 1. Топографический план городища Мошарово

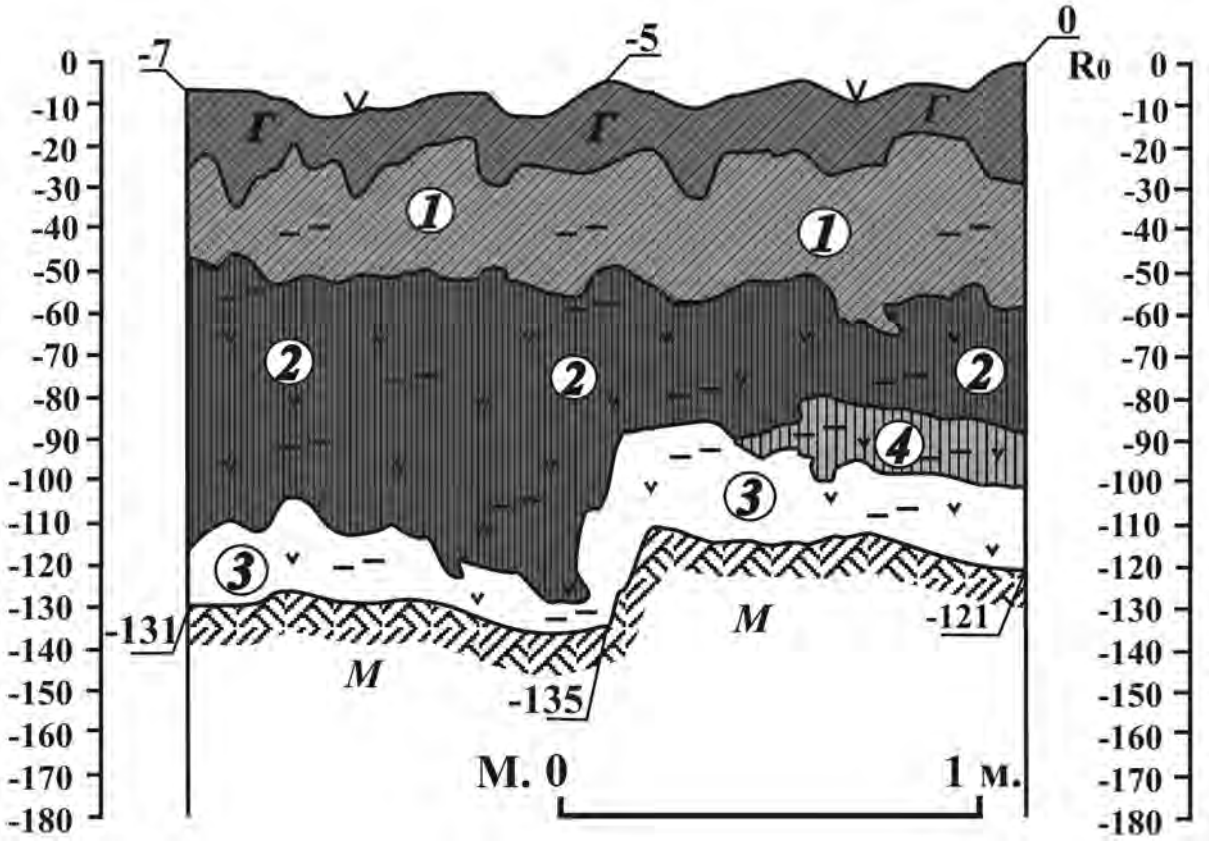


Рис. 2. Городище Мошарово. Зачистка обнажения культурного слоя 1.
Г — гумус + тёмно-серо-коричневая супесь; **М** — светло-серо-жёлтый песок+красно-коричневый суглинок; *1* — серо-коричневая супесь+черная супесь+тлен; *2* — чёрная супесь+уголь+тлен+светло-серо-жёлтый песок; *3* — светло-серо-жёлтый песок+уголь+тлен+тёмно-серая супесь; *4* — серая супесь+уголь+тлен+светло-серо-жёлтый песок+чёрная супесь

кремня, которые являются нередким явлением на памятниках иеневской археологической культуры, в частности на ближайших (16–18 км к ЮЮВ) выявленных стоянках Кондрово 2, 3, 5 Дзержинского района Калужской области[1].

Зачистка обнажения культурного слоя № 1 была заложена в центральной части западной границы городища Мошарово (т.е. именно на возвышенной части городища), на осыпях края второй надпойменной террасы левого берега р. Шани. Превышение современной дневной поверхности зачистки обнажения № 1 над уровнем поймы левого берега р. Шани — 9 м, над уровнем воды в р. Шани — 13,8 м. Расстояние от уровня воды в р. Шани к востоку — 129. Зачистка ориентирована почти ровно по линии север — юг, длина зачистки — 2 м. К началу работ поверхность была задернована.

Совокупная характеристика надматериковых напластований по зачистке обнажения культурного слоя № 1 представлена сверху-вниз следующим образом (рис. 2).

[1] *Ефимова Е. Е., Ефимов А. Е.* Археологические разведки в пригородной зоне г. Кондрово // От села Кондырево до г. Кондрово: материалы 2-й районной краеведческой конференции. 22–23 ноября 2012. Калуга, 2013; *Ефимова Е. Е., Ефимов А. Е.* Памятники каменного века г. Кондрово // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга, 2013; *Ефимова Е. Е., Ефимов А. Е.* Археологические исследования в городской зоне города Кондрово в 2014 году // От села Кондырево до г. Кондрово: материалы 3-й районной краеведческой конференции 6–7 ноября 2014. Калуга, 2016; *Ефимова Е. Е., Ефимов А. Е.* Исследования памятников каменного века г. Кондрово в 2014 г. // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга, 2015. С. 82–85; *Ефимова Е. Е., Ефимов А. Е.* Новые памятники каменного века в г. Кондрово // Природа и история Поугорья. Вып. 8. Калуга, 2016. С. 151–158.

1. Слой в виде сочетания гумуса, незначительного количества корневой системы деревьев с тёмно-серо-коричневой супесью, мощностью 0,09–0,15 м.
2. Слой тёмно-серо-коричневой супеси с включениями органики, мелких камней, угля, тлена и чёрной супеси, частично корневой системы деревьев, мощностью 0,11–0,31 м.
3. Слой чёрной супеси с включениями органики, мелких камней, угля, тлена и светло-серо-жёлтого песка, мощностью с учётом разреза ямы в северной части зачистки обнажения со смещением к югу 0,21–0,74 м.
4. Только в южной части длиной 0,35 м прослежен слой серой супеси с включениями угля, тлена, светло-серо-жёлтого песка и чёрной супеси.
5. Нижний предматериковый слой светло-серо-жёлтого песка с включениями чёрной супеси, красно-коричневого суглинка, угля и тлена, мощностью 0,08–0,29 м.

Материк представлен светло-серо-жёлтым песком с включениями красно-коричневого суглинка.

Для городища Мошарово прослеживается планиграфически разнообразное распределение отдельных условных групп лепной керамики (УГК) и отдельных групп круговой керамики.

Всего фрагментов лепной керамики при зачистке обнажения культурного слоя № 1 найдено 68, в том числе 61 фрагментов стенок, 2 фрагмента плечиков, 2 фрагментов донц и 3 фрагмента верхних частей сосудов с включением венчиков. Ввиду, как правило, мелких размеров фрагментов можно только предположительно отнести все предметы к частям горшковидных сосудов средней величины.

С учётом технологических характеристик, орнаментации и морфологических характеристик все указанные фрагменты лепной керамики можно разделить на 3 условные группы керамики (УГК).

Условная группа лепной керамики I (УГК I) в основном из предматерикового слоя светло-серо-жёлтого песка (слой № 3), реже из слоёв серой (слой № 4) и чёрной супеси (слой № 2), представлена 36 фрагментами, в том числе 34 фрагментами стенок, 1 фрагментом плечика и 1 фрагментом верхней части лепного сосуда с включением венчика (рис. 3. *1–7*). Основная отличительная черта данной условной группы — преобладание в качестве примесей дресвы в основном крупных размеров для всех 34 фрагментов. Для всех фрагментов указанной условной группы поверхность бугристая. Для всех фрагментов примесь дресвы сочетается с примесью кварцевого песка, иногда в дополнение со слюдой в 6 случаях и в одном случае с ожелезнением. Предварительно можно предполагать использование ожелезненных глин. Все сосуды, которым принадлежат фрагменты УГК I, сформованы в технике ленточного налепа из красножгущейся глины. В подавляющем большинстве случаев обжиг или двух- (17) или трехслойный (18).

Всего орнаментированных фрагментов УГК I зафиксировано 7. Весь прослеженный орнамент с различными видами вдавлений нанесён горизонтальными линиями — 1 или две 2 по плечикам сосуда или по горлу или (и) по краю венчика, реже хаотично. Преобладают ногтевые вдавления — 2 и ямчатый штамп — 2. В одном случае зафиксированы пальцевые защипы и в одном случае линейный орнамент в сочетании с ямчатым. Интересен венчик № 7 (рис. 3.*4*) с покатыми слабовыраженными плечиками, слегка отогнутой вовнутрь шейкой, вертикальным, с сужающимся к краю венчиком, с орнаментом в виде пальцевых защипов по краю венчика.

Перечисленные черты керамического производства для УГК I лепной керамики городища Мошарово находят полные аналогии с керамикой с поселения Горнево, которое находится в 5,5 км к юго-востоку от городища Мошарово на том же левом берегу р. Шани[1]. В совокупности характеристики лепной керамики УГК I городища Мошарово соответствуют 3 (поздней) стадии бытования на Днепре, Западной Двине и Угре днепро-двинской археологической культуры[2].

---

[1] *Ефимова Е. Е.* Отчёт о проведении археологических разведок с осуществлением локальных земляных работ на территории бассейна среднего и нижнего течения р. Угры (левый приток р. Оки) в границах Дзержинского, Медынского районов Калужской области в 2018 г. / Архив ИА РАН. Р. 1.; *Ефимова Е. Е., Ефимов А. Е.* Поселение Горнево на р. Шане // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга. В печати.

[2] *Шмидт Е. А.* Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. М., 1992. С. 95, 96.

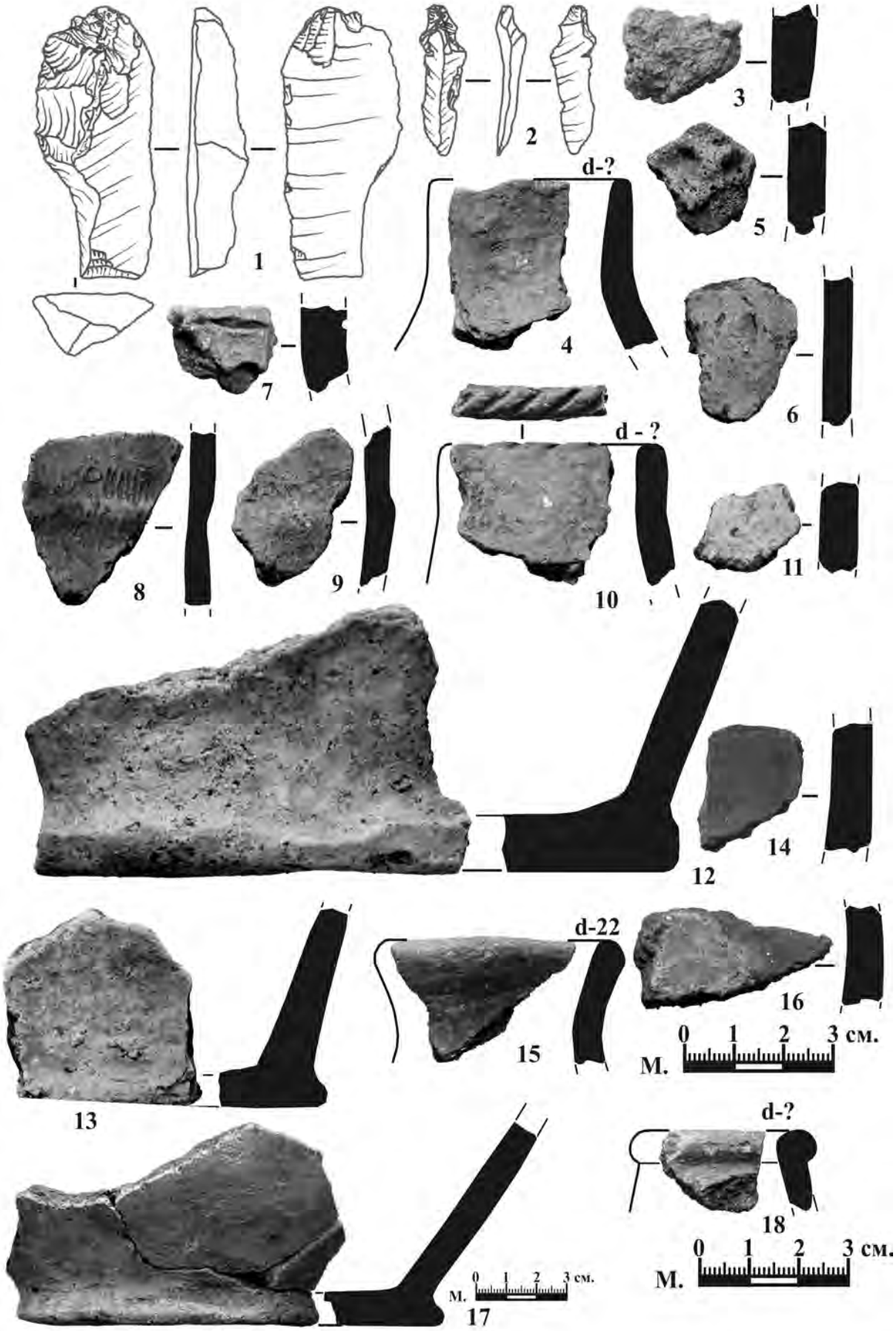

1
2
3
d-?
4
5
6
7
d - ?
8
9
10
11
12
14
13
d-22
15
16
0 1 2 3 см.
М.
d-?
18
17

Рис. 3. Городище Мошарово. Археологический материал.
1 — двухгранная высокая пластина коричневого кремня № 2 по описи. Подъёмный материал; *2* — двухгранная высокая пластина чёрного кремня № 3 по описи. Подъёмный материал; *3* — фрагмент стенки лепного светло-красноглиняного сосуда с примесями крупной дресвы и крупного песка № 1 по описи. Зачистка обнажения культурного слоя 1; *4* — фрагмент венчика лепного горшка лепного светло-красноглиняного с примесями дресвы и крупного песка № 7 по описи. Овар. Вдавления по краю. Зачистка обнажения культурного слоя 1; *5* — фрагмент стенки лепного светло-красноглиняного сосуда с примесями крупной дресвы и крупного песка № 17 по описи. Ямчатый орнамент. Зачистка обнажения культурного слоя 1; *6* — фрагмент стенки лепного светло-красноглиняного сосуда с примесями крупной дресвы и песка № 19 по описи. Орнамент — ногтевые вдавления. Зачистка обнажения культурного слоя 1; *7* — фрагмент плечика лепного сосуда с примесями крупной дресвы и крупного песка № 36 по описи. Ямчатый и линейный орнамент. Зачистка обнажения культурного слоя 1; *8* — фрагмент стенки лепного сосуда с примесями слюды, крупного песка и дресвы № 43 по описи. Орнамент — ногтевые вдавления в две полосы. Зачистка обнажения культурного слоя 1; *9* — фрагмент плечика лепного светло-красного сосуда с примесями крупного песка и дресвы № 58 по описи. Зачистка обнажения культурного слоя 1;*10* — фрагмент венчика лепного сероглиняного сосуда с примесями крупного песка и дресвы № 45 по описи. Орнамент — насечки по краю венчика. Зачистка обнажения культурного слоя 1; *11* — фрагмент стенки лепного сосуда кремового цвета с примесями крупного песка и шамота № 61 по описи. Зачистка обнажения культурного слоя 1; *12* — фрагмент дна горшка лепного кремового цвета с примесями крупного песка, шамота и слюды № 59 по описи. Без подсыпки. Заглаженная поверхность. Зачистка обнажения культурного слоя 1; *13* — фрагмент дна лепного горшка кремового цвета с примесями крупного песка, шамота и слюды № 66 по описи. Без подсыпки. Зачистка обнажения культурного слоя 1; *14* — фрагмент стенки лепной чёрного цвета с примесями песка и слюды № 67 по описи. Сплошное лощение. Зачистка обнажения культурного слоя 1; *15* — фрагмент венчика лепного сосуда чёрного цвета с примесями песка и слюды № 68 по описи. Сплошное лощение. Зачистка обнажения культурного слоя 1; *16* — фрагмент стенки кругового красножгущегося горшка с примесями дресвы, крупного песка № 69 по описи. Зачистка обнажения культурного слоя 1; *17* — фрагмент дна горшка кругового белоглиняного с примесями дресвы, крупного песка № 73–75 по описи. Без подсыпки. Из трёх фрагментов. Зачистка обнажения культурного слоя 1; *18* — фрагмент венчика кругового красноглиняного горшка с примесями мелкой дресвы и песка № 83 по описи. Шурф 2

При этом аналогии прослеживаются с памятниками типа Упа 2 бассейна Верхней Оки[1]. В любом случае датировка второго этапа обживания территории городища Мошарово не выходит за рамки II в. до н.э. — I в.н.э. Тем не менее вопрос о культурной принадлежности обитателей городища Мошарово в это время остаётся полностью открытым. Пока можно фиксировать, что относить полностью все памятники раннего железного века в бассейне среднего и нижнего течения р. Угры, её притоков (прежде всего р. Шани) к верхнеокской археологической культуре нельзя.

Условная группа лепной керамики II (УГК II) из зачистки обнажения № 1, в основном из слоя чёрной супеси (слой № 2), частично из слоя светло-серо-жёлтый песка представлена 30 фрагментами, в том числе 26 фрагментами стенок, 2 фрагментами донц, 1 фрагментом плечика (№ 58, рис. 3.*9*) и 1 фрагментом верхней части лепного сосуда с включением венчика (№ 45, рис. 3.*10*). Для всех фрагментов прослежена шероховатая поверхность. Все фрагменты изготовлены из красножгущегося теста с включениями, как правило (19 фрагментов), мелкрупнодисперсного песка, из которых 11 в сочетании с дресвой (11), с дресвой и слюдой (7), с дресвой и органикой (3), с крупной дресвой, органикой и слюдой (4), со слюдой (2), с шамотом (5). Для всех фрагментов характерен низкотемпературный обжиг при непродолжительном влиянии температуры каления.

Из всех перечисленных фрагментов орнамент зафиксирован на 6. Преобладают пальцево-ногтевые вдавления (№ 40–43, рис. 3.*8*), реже можно проследить только ногтевые вдавления (№ 44) или насечки по краю венчика (№ 45, рис. 3.*9*).

Выявлены фрагменты придонных плоскодонных частей (№ 59, 66, рис. 3. *12, 13*) без подсыпки, с ярко выраженной закраиной, с углом наклона стенок придонной чести от верхней части тулова 50 градусов и фрагмент слабопрофилированного плечика (№ 58, рис. 3. *9*). Один фрагмент верхней части лепного сосуда с включением венчика № 45 (рис. 3.*10*), характеризуется невыраженным переходом от плечиков к высокому подвертикальному горлу со слегка приостренным,

[1] *Столяров Е. В.* Культурные традиции бассейна Верхней Оки в эпоху раннего железного века (VI в. до н.э. — I в.н.э.). Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 2013. С. 23, 24.

почти ровным венчиком с наклонными насечками по краю. Вероятны аналогии этого фрагмента с горшками типа 1 мощинской культуры[1].

УГК III представлена 1 фрагментом стенки и 1 фрагментом верхней части лепного сосуда с включением венчика лепных сосудов, вероятнее всего мисок (№ 67 и 68, рис. 3.*14, 15*). Оба фрагмента принадлежат сосудам, изготовленным из ожелезнённой глины с тёмно-серым цветом после восстановительного обжига в изломе и изнутри, толщиной до 6 и до 8 мм, с примесями мелкого песка и слюды, однослойного восстановительного обжига, со сплошным чёрным лощением снаружи по заглаженной поверхности. Все фрагменты неорнаментированные. Перечисленные характеристики УГК 3 имеют аналогии с лощёной керамикой мощинской археологической культуры[2].

Круговая керамика с зачистки обнажения культурного слоя № 1 городища Мошарово насчитывает 7 фрагментов — 6 фрагментов стенок и 1 фрагмент донца, в т. ч.

– 3 фрагмента стенок круговых сосудов (рис. 3.*16*) характеризуются формовкой из красных ожелезнённых глин с включениями среднедисперсного (1–2 мм) песка и слюды, формовкой на круге средней скорости вращения, обжигом при кратковременном воздействии температур каления с неравномерной прокаленностью, отсутствием дополнительной обработки поверхности, без орнамента, по технологическим характеристикам имеют общую датировку XII–XIII вв.[3]
– 1 фрагмент стенки кругового сосуда сформован из красных неожелезнённых глин с включения мелкодисперсного песка (0,5–1 мм) на круге быстрой скорости вращения, с окислительным равномерным обжигом при продолжительной температуре каления, без дополнительной обработки поверхности, с общей датировкой XVI–XVIII вв.[4];
– 2 фрагмента стенок круговых сосудов и 1 фрагмент (из 3 фрагментов) донца (рис. 3.*17*), сформованны из белых неожелезнённых глин с включениями среднедисперсного песка (1–2 мм) на круге средней скорости вращения, с окислительным обжигом при температуре каления с различной выдержкой, с волнистым орнаментом приплечиковой зоны для фрагмента № 77, с ярко выраженной закраине на донце (№ 73–75) без подсыпки, без дополнительной обработки поверхности, с общей датировкой XIV — первая половина XVII в.[5]

Шурф 1 размерами 1×1 м был заложен в юго-западной части предполагаемой территории городища Мошарово (рис. 1), в 112 м к северо-востоку от уреза воды в р. Шане. Основные надматериковые напластования представлены двумя слоями: под дёрном прослежен слой светло-серо-коричневой супеси с включениями тёмно-серо-коричневой супеси и светло-серо-жёлтого песка, мощностью 0,10–0,25 м. Ниже над материком прослежен слой тёмно-серо-коричневой супеси с включениями чёрной супеси, угля, тлена, печины, светло-серо-жёлтого песка, мощностью 0,15–0,25 м. Материк в шурфе 1 представлен светло-серо-жёлтым песком с включениями красно-коричневого суглинка.

В нижнем слое шурфе 1 выявлено 5 фрагментов стенок лепных сосудов. При этом 2 фрагмента полностью соответствуют УГК I с зачистки обнажения культурного слоя № 1, а 3 фрагмента соответствуют УГК II с зачистки обнажения культурного слоя № 1.

Зачистка обнажения культурного слоя № 2 была заложена в 135 м к ЮЗЗ от шурфа 1, для обоснования южной границы распространения культурного слоя городища, на осыпях края первой надпойменной террасы левого берега р. Шани и мысовидном выступе, сформированном современным левым берегом р. Шани и её левым берегом её старицы. Превышение зачистки

---

[1] *Массалитина Г. А.* Мощинская культура. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 1994. С. 5; *Массалитина Г. А.* К вопросу о керамических традициях окских племён // Археологические памятники среднего Поочья. Вып. 5. Рязань, 1996. Рис. 1.

[2] *Массалитина Г. А.* Лепная керамика городища и селища Мощины // Краткие сообщения Института археологии. № 208. М., 1993. С. 47–49; *Болдин И. В., Грудинкин Б. В., Ефимов А. Е., Массалитина Г. А., Прошкин О. Л., Хохлова Т. М.* Археология Калужской области. Калуга. 1999. С. 76–78, рис. 62. *1–7.*

[3] *Болдин И. В.* Круговая керамика бассейна Верхней Оки во II тыс. н. э. (проблемы периодизации и хронологии). Калуга, 2012. С. 111, 112, 118–124.

[4] Там же. С. 113–115, 118–124.

[5] Там же. С. 113–115, 118–124.

обнажения № 2 над уровнем воды в р. Шаня — 7 м. Расстояние от уровня воды в р. Шане к востоку — 84 м. Длина зачистки — 2 м. К началу работ поверхность была задернована.

Совокупная характеристика надматериковых напластований по зачистке обнажения культурного слоя № 2 представлена слоем дёрна, слоем серо-коричневой супеси с включениями светло-серо-жёлтого песка, частично органики и мелких камней, мощностью 0,03–0,18 м, и северной части предматериковым слоем тёмно-серой супеси с включениями светло-серо-жёлтого песка тлена, мощностью до 0,11 м. Материк представлен светло-серо-жёлтым песком с включениями красно-коричневого суглинка. Археологического материала не выявлено, зачистка обнажения № 2 может служить обоснованным ориентиром для определения южной границы городища Мошарово.

Шурф 2 размерами 1×1 м был заложен в северной части предполагаемой территории городища Мошарово (рис. 1), на левом коренном берегу р. Шани, в 260 м к востоку от уреза воды в р. Шане. Основные надматериковые напластования представлены слоем тёмно-серо-коричневой супеси с включениями угля, тлена и печины, мощностью 0,08–0,25 см. Археологический материал из шурфа 2 представлен 1 фрагментом верхней части кругового сосуда с включением венчика из красножгущейся ожелезнённой глины, с примесью дресвы, трехслойного обжига, светло-коричневого цвета снаружи и изнутри, чёрного в изломе, с примесью дресвы, низкотемпературного окислительного обжига, без дополнительной обработки поверхности, без орнамента (№ 83, рис. 3.*18*), с короткой вертикальной шейкой, утолщённой губой с наружной стороны, с оттянутым наружу краем, с отсутствием щеки, т.е. со всеми морфологическими характеристиками типа «В» по И. В. Болдину[1] и, соответственно, с датировкой в рамках XII — первой половины XIV в.

Шурф 3 размерами 1×1 м был заложен к востоку от предполагаемой территории городища Мошарово (рис. 1), в 108 м к юго-востоку от шурфа 2, на левом коренном берегу р. Шаня, в 23 м к СВВ от русла старицы р. Шаня, на бывшей первой надпойменной террасе левого берега старицы р. Шаня. Высота от уровня воды в р. Шане — 10,2 м. Основные надматериковые напластования представлены слоем серо-коричневого суглинка с включениями тлена, светло-серо-жёлтой супеси и тёмно-серо-коричневого суглинка мощностью 0,14–0,35 м. Были выявлены 4 фрагмента стенок круговых сосудов, из которых 2 фрагмента по технологическим характеристикам можно датировать в рамках XIV–XVI вв.[2], другие 2 фрагмента датируются в рамках XVII–XX вв.[3] Материк в шурфе 3 представлен светло-серо-жёлтым песком с включениями красно-коричневого суглинка.

Таким образом, на месте закладки шурфа 3 полноценно все признаки наличия культурного слоя не прослежены. Выявленные в надматериковых напластования фрагменты керамики в основном датируются поздним средневековьем — новейшим временем — и могли на данную территорию попасть при распашке вместе с органическими удобрениями.

Подводя итоги первичному исследованию городища Мошарово, можно уверенно констатировать 5 этапов обживания участка данного памятника археологии:

1. XI–IX тыс. до н.э. — стоянка конца верхнего палеолита с распространённым в центральной и северо-западной частях памятника предположительно иеневской археологической культуры.
2. Уверенно выделяемый этап — II в. до н.э. — I в. н.э. — заключительный период бытования днепро-двинской археологической культуры.
3. Расположение на исследованной территории в III–V вв. н.э. поселения мощинской археологической культуры. Как и для предыдущего периода, можно констатировать расположение этого поселения, вероятно неукрепленного, в западной и центральной частях городища.
4. Более большую территорию занимало городище XII–XIII вв. Участок выявления артефактов указанного этапа находится в основном на второй надпойменной террасе левого берега р. Шарни и занимает западную, центральную и северо-восточную части памятника.

[1] *Болдин И. В.* Указ. соч. С. 40, 111, рис. 15, таб. 3.
[2] Там же. С. 113–115.
[3] Там же. С. 113–115.

5. Не следует исключать существование городища в XIV–XVI вв. н.э. Участок выявления артефактов указанного этапа находится в основном на второй надпойменной террасе левого берега р. Шари в западной части памятника.

В любом случае городище Мошарово не имеет полноценных аналогов в бассейне всего течения р. Шани и требует дальнейшего изучения. При учёте площади городища, наличия керамики XII–XIII вв. и основываясь на письменных исторических источниках возможно сопоставление выявленного городища Мошарово с городом Женння Великая Смоленского княжества (см. Устав Ростислава 1136 г.)[1].

ВЫЯВЛЕНИЕ ФУНДАМЕНТА ЦЕРКВИ СВЯТОГО ГЕОРГИЯ ПОБЕДОНОСЦА В д. АДАМОВСКОЕ ДЗЕРЖИНСКОГО РАЙОНА КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

А. Е. Ефимов, *кандидат исторических наук, научный сотрудник;*
Е. Е. Ефимова, *научный сотрудник,*
МБУК «Районный краеведческий музей» Дзержинского района Калужской области

В июне 2019 г. по просьбе администрации СП «Деревня Никольское» и жителей д. Адамовское археологической экспедицией МБУК «Районный краеведческий музей» Дзержинского района в центральной части указанной деревни были проведены разведочные работы по выявлению местонахождения уничтоженного вместе с цокольной частью в 1956 г. церкви Святого Георгия Победоносца 1914 г. постройки. Актуальность разведочных работ помимо желания жителей д. Адамовское построить на месте утраченного храма часовню была продиктована и намерением арендаторов земельного участка, на котором, вероятно, находился храм, без историко-культурной экспертизы и соответствующего разрешения от Управления по охране объектов культурного наследия построить автомойку. Исследованный участок находится в 11 м к юго-западу-западу от автотрассы 29К-008 (Киевское шоссе — г. Медынь). Расстояние по автодороге до Медыни — 13 км, до Калуги — 48 км. Расстояние от северо-западного угла участка до домовладения № 6 д. Адамовское — 36 м. Участок исследований по выявлению церкви Святого Георгия Победоносца был выбран с учётом результатов опроса местного населения.

В целом исследованный участок предположительного местонахождения фундамента храма Святого Георгия Победоносца имеет подтрапециевидную форму с сужением к ЮЮВ, площадь 2 954 м^2. По геоморфологической характеристике церковь Георгия Победоносца находится на второй надпойменной террасе левого берега р. Летёбушки, правого притока р. Медынки, правого притока р. Суходрев, левого притока р. Шани, правого притока р. Угры. Расстояние до уреза воды в р. Летёбушки — 77 м. Выявленный фундамент расположен в 1 240 м к юго-западу-западу от места впадения р. Летёбушки в р. Медынку (рис. 1). В настоящее время на рассматриваемом участке находятся остатки хозяйственных построек второй половины XX в. Поверхность участка имеет понижение к юго-востоку, перепад высот доходит до 2,5 м, в основном задернована, по периметру в северной и восточной частях фрагментарно залесена лиственными и кустарником. В начале XXI в. территория была засыпана щебнем, во время производства археологических работ в центральной части участка находились насыпи завезённых строительных материалов.

Участок исследовался визуально, включая сбор подъёмного материала с применением металлодетектера. В ходе указанных работ достоверно было прослежено интенсивное антропогенное изменение природного ландшафтного облика в нач. XXI в., выразившееся в нивелировке участка через подсыпку щебнем разной мощности. Ввиду описанных факторов полученный

[1] *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX–XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. С. 44–47.

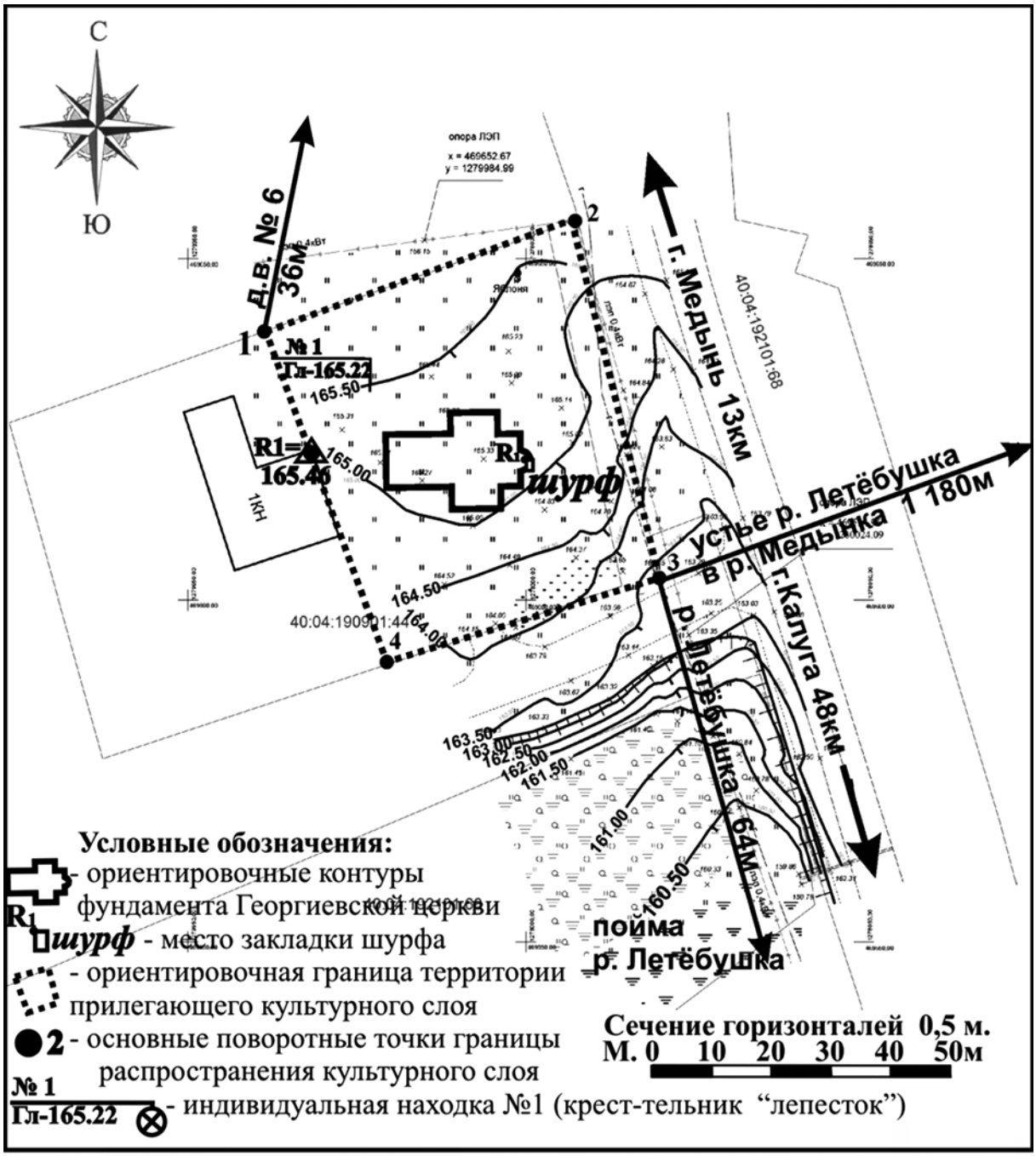


Рис 1 . Фундамент церкви Святого Георгия Победоносца и прилегающий культурный слой в д. Адамовское Дзержинского района Калужской области. Топографический план участка

археологический материал представлен только литым медным крестом-тельником, так называемым «лепестком» (рис. 3.*1*). Находка была сделана в северо-западном углу участка исследований, на глубине 0,20 м от уровня современной дневной поверхности, в слое коричневой супеси с включениями красной кирпичной крошки, известняковой крошки, угля и тлена. Крест имеет размеры 53×33×1,2 мм, внешний диаметр оглавия — 5,7 мм. В средней части крест слегка вогнут во внутреннюю сторону, сильно коррозирован. Крест прямоугольноконечный с прямым углом в средокрестии, листовидный двухсторонний с удлинённой нижней лопастью; по контуру орнаментирован растительными завитками. Контур окаймлён тонким рельефным ободком с обеих сторон. Оглавие массивное в виде уплощённой бусины. На оборотной стороне поле в виде

Рис 2. Часть апсиды церкви Св. Георгия Победоносца и фундамент предыдущей постройки. Фото на уровне материка. Вид с юга

четырёхконечного креста нечитаемо, вероятно, было занято молитвой из келейного правила. Вероятная датировка — вторая половина XIX — нач. XX в.[1]

Кроме визуального обследования участка предположительного местонахождения церкви Святого Георгия Победоносца, был заложен один шурф в центральной части исследуемого участка, в 27 м к западу от трассы М3 — Медынь, в 30 м в востоку от здания по адресу д. Адамовское, ул. Полевая, 67, на второй надпойменной террасе левого берега р. Летёбушки, в 80 м к северу от уровня воды в р. Летёбушки. Превышение над уровнем воды в р. Летёбушке — 5,1 м. Место закладки шурфа задерновано, в более раннее время было засыпано для выравнивания щебнем. Перепад высот с северо-запада к юго-востоку не превышает 0, 15 м. Итоговые размеры шурфа составили по линии запад — восток — 1,5 м, по линии север-юг — 2 м. Современная дневная поверхность шурфа была задернована, мощность слоя дёрна достигала 0,16 м. Слой дёрна представлен гумусом с тёмно-серо-коричневой супесью и щебнем. Находок в слое дёрна не выявлено.

Ниже под слоем дёрна материка прослежены напластования строительного мусора, состоящие из двух основных слоёв. Непосредственно под слоем дёрна за исключением северо-восточного угла шурфа выявлен слой серо-коричневой супеси с включениями щебня, красной кирпичной крошки и тлена, мощностью до 0,41 м. Под указанным слоем по всей площади шурфа прослежен слой известняковой крошки с включениями щебня, красной кирпичной крошки, серо-жёлтого песка и серо-коричневой супеси мощностью 0,08–0,28 м. В указанных слоях археологических находок не выявлено. Указанные слои можно интерпретировать как напластования, связанные с разрушением постройки из красного кирпича и последующим выравниванием территории.

[1] *Коршун В. Е.* Исследования. Нательные кресты поморских типов XVIII — нач. XX в. Рязанской губернии. История, хронология, классификация // Родная старина. 2009. № 2. С. 36–41, рис. 2, 5.

Под указанными слоями на пощади более 2/3 от всей площади шурфа, в центральной и западной частях прослежен фундамент постройки 1 (рис. 2), характеризующийся тремя составляющими, а именно: двумя уложенными по окружности рядами необработанных известняковых плит и внутренним заполнением из коричневато-тёмно-серой супеси с мелкой известняковой крошкой. Максимальная ширина указанной дуги фундамента, прослеженного от северного до южного бортов шурфа, составляет 0,66 м. Максимальные размеры необработанных известняковых блоков — 0,48×0,32×0,24 м. Пространство между блоками заполнено цементным раствором. В северной половине шурфа с внутренней (западной) стороны известняковых плит прослежена дуга из красного кирпича в бетонном растворе с включениями известковой крошки, длиной 1,06 м, шириной 0,09–0,14 м. Прослежена прокладка блоков в три ряда, их вынос от верхнего ряда доходит до 0,12 м. Промежутки между валунами заполнены крупным кирпичным щебнем, обломками известняка, известняковой крошкой, в верхней части — цементным раствором. Таким образом, прослеженная архитектурная конструкция постройки 1 представляет сегмент полукруга с дугой фундамента и внутренним заполнением с западной стороны внутри сегмента. Примерный диаметр общей окружности фундамента по наружной стороне фундамента составляет 6 м. Фундамент постройки 1 прослежен от уровня выявления на глубину 0,66–0,82, на уровень нивелировочных отметок материка –120–124. Постройка 1 может быть интерпретирована как южная половина фундамента апсиды храма.

В восточной части шурфа в основном с уровня выявления постройки 1, частично с более верхних нивелировочных отметок под слоем известняковой крошки вновь прослежен слой серо-коричневой супеси с включениями щебня, красной кирпичной крошки и тлена, мощностью 0,23–0,41 м. В указанном слое выявлены:

1) 6 фрагментов круговых керамических сосудов, в том числе
   - 1 фрагмент стенки красноглиняного сосуда, сформованного на круге быстрого вращения из ожелезнённой глины с примесями мелкого песка, высокотемпературного окислительного равномерного обжига, без дополнительной обработки поверхности, без орнамента, т.е. с вероятной датировкой по технологическим характеристикам в рамках XVII–XIX вв.[1] (рис. 3);
   - 3 фрагмента стенок белоглиняных сосудов, сформованных на круге быстрого вращения из неожелезнённой глины с примесями мелкого песка, высокотемпературного окислительного трехслойного обжига с серым цветом в изломе, без дополнительной обработки поверхности, без орнамента, т.е. с вероятной датировкой по технологическим характеристикам в рамках XVII–XX вв.[2];
   - 1 фрагмент стенки красножгущегося сосуда из неожелезнённой глины, с включениями мелкодисперсного песка (0,5–1 мм), сформованного на круге быстрой скорости вращения, с обжигом при продолжительной температуре каления, с морением и лощением горизонтальными внешней поверхности, т.е. с датировкой XVIII — начало XX в.[3] (рис. 3.*3*);
   - 1 фрагмент стенки красножгущегося сосуда из неожелезнёной глины, с включениями мелкодисперсного песка (0,5–1 мм), сформованного на круге быстрой скорости вращения, с обжигом при продолжительной температуре каления, с зелёной поливой изнутри, т.е. с вероятной датировкой по технологическим характеристикам в рамках XIX–XX вв.[4];
2) 2 гвоздя железных кованых;
3) 1 фрагмент красного кирпича с зелёной глазурью;
4) 1 фрагмент красного кирпича с тёмно-серо-зелёной краской (рис. 3.*2*).

---

[1] *Болдин И. В.* Круговая керамика бассейна Верхней Оки во II тыс. н. э. (проблемы периодизации и хронологии). Калуга, 2012. С. 115–117.

[2] Там же.

[3] *Калмыкова Л. Э.* Народное гончарство Московской области XIX — начала XX вв. Каталог из коллекций Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника. М., 1995. С. 16.

[4] *Полюлях А. А.* Аспекты изучения культурного слоя Москвы нового времени // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Ч. 3. Труды Музея истории города Москвы. Вып. 10. М., 2000. С. 220.

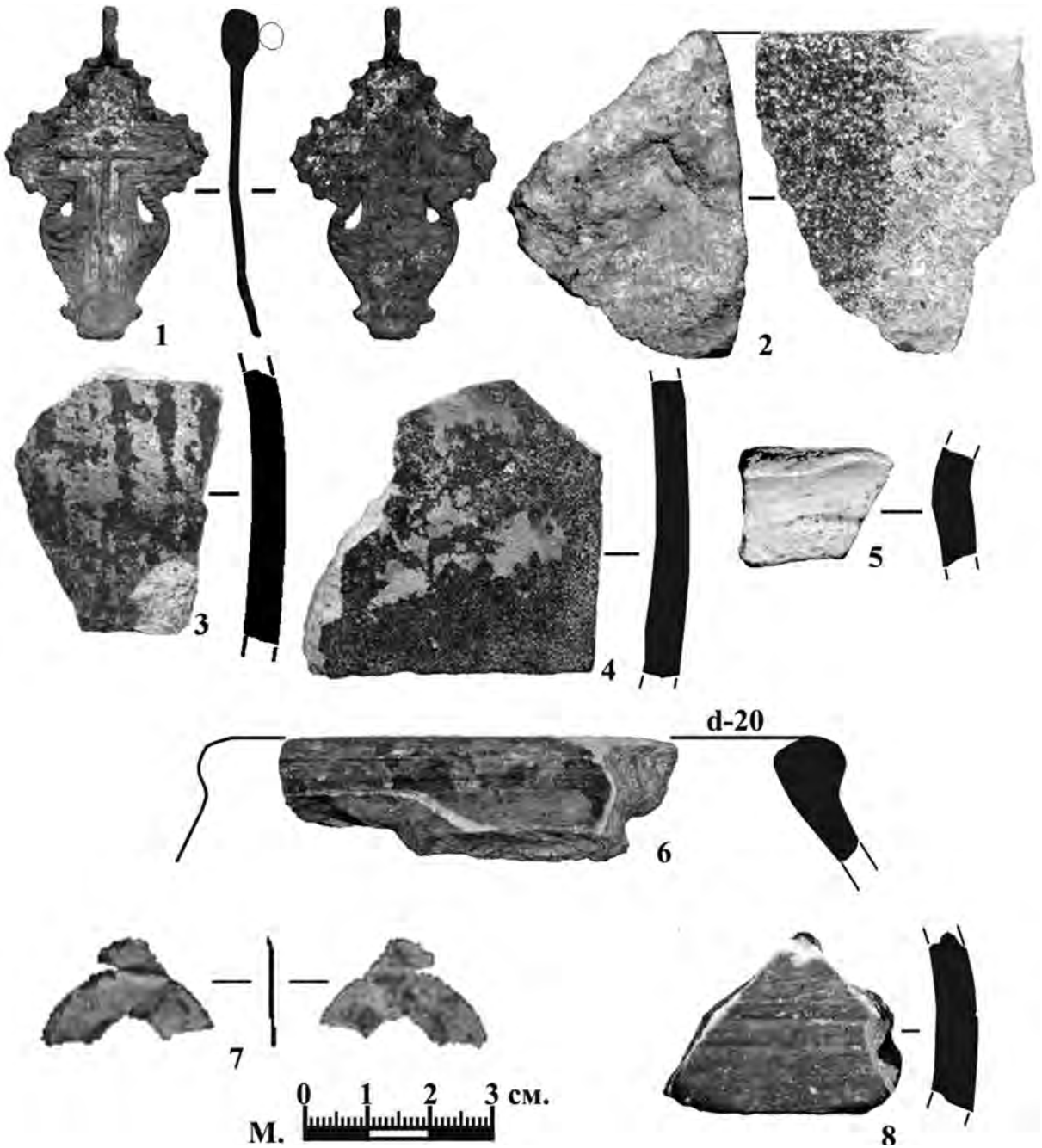


Рис. 3. Археологический материал из исследований фундамента церкви Святого Георгия Победоносца в д. Адамовское.

1 — крест нательный медный (лепесток) с изображением распятия на лицевой стороне и молитвы на обороте. № 1 по описи. Подъёмный материал; *2* — фрагмент красного кирпича с сохранившейся тёмно-серой краской на лицевой стороне № 4 по описи. Шурф 1. Слой серо-коричневой супеси с включениями щебня, красной кирпичной крошки и тлена; *3* — фрагмент стенки кругового белоглиняного сосуда с примесями песка № 5 по описи. Подлощение. Шурф 1. Слой серо-коричневой супеси с включениями щебня, красной кирпичной крошки и тлена; *4* — фрагмент стенки кругового белоглиняного сосуда с примесями песка № 7 по описи. Шурф 1. Слой тёмно-серо-коричневой супеси с включениями красной кирпичной крошки, угля и тлена; *5* — фрагмент стенки кругового белоглиняного сосуда с примесями песка № 8 по описи. Шурф 1. Слой тёмно-серо-коричневой супеси с включениями красной кирпичной крошки, угля и тлена; *6* — венчика кругового красноглиняного фрагмент с примесями песка № 9 по описи. Шурф 1. Слой тёмно-серо-коричневой супеси с включениями красной кирпичной крошки, угля и тлена. Морение; *7* — фрагмент изделия из цветного металла (оклад иконы) № 6 по описи. Шурф 1. Слой тёмно-серо-коричневой супеси с включениями красной кирпичной крошки, угля и тлена; *8* — фрагмент стенки кругового красноглиняного сосуда с примесями мелкого песка № 10 по описи. Морёный. Линейный орнамент (2 полосы)

В нижней трети указанного слоя в северо-восточной части шурфа прослежен фундамент предположительно отдельной постройки 2 (рис. 2). Западная часть указанного фундамента перекрыта фундаментом постройки 1. Фундамент постройки 2 выложен из известняковых блоков аморфной формы, аналогичных камням фундамента постройки 1, но несколько меньших размеров, с максимальными 0,22×0,19×0,14 м. Пространство между камнями заполнено цементным раствором. Прослеженная ширина кладки — 1,10 м. Не исключено, что данный фундамент можно рассматривать как опорную конструкцию под основной фундамент для укрепления края террасы. Также возможно, что данный фундамент является фундаментом устроенной в 1908 г. церковной школы с приделом, деревянной на каменном фундаменте. Таким образом, рассматриваемый слой коричневой супеси связан с периодом возведения и бытования храма и имеет вероятную датировку в рамках начала XX в.

Под описанным слоем только в юго-восточном углу шурфа поверх материка прослежен слой коричневой супеси с включениями красной кирпичной крошки, тлена и угля, мощностью 0,44–0,51 м. В указанном слое выявлены:

1) 5 фрагментов круговых сосудов, а именно:
   - 2 фрагмента стенок белоглиняных сосудов, сформованных на круге быстрого вращения из неожелезнённой глины с примесями мелкого песка, высокотемпературного окислительного трехслойного обжига с серым цветом в изломе, без дополнительной обработки поверхности, без орнамента, один с нагаром, т.е. с вероятной датировкой по технологическим характеристикам в рамках XVII–XX вв.[1] (рис. 3.*4,5*);
   - 1 фрагмент стенки и 1 фрагмент верхней части красножгущихся сосудов из неожелезнённой глины, с включениями мелкодисперсного песка (0,5–1 мм), сформованные на круге быстрой скорости вращения, с обжигом при продолжительной температуре каления, с горизонтальными морением и лощением внешней поверхности, с линейным орнаментом на фрагменте стенки, т.е. с датировкой XVIII — начало XX в.[2] (рис. 3.*6,8*);
   - 1 фрагмент стенки красножгущегося сосуда из неожелезнённой глины, с включениями мелкодисперсного песка (0,5–1 мм), сформованного на круге быстрой скорости вращения, с обжигом при продолжительной температуре каления, с зелёной поливой изнутри, с дополнительным воздействием температуры каления (возможно пожар 1907 г.), т.е. с вероятной датировкой по технологическим характеристикам в рамках XIX–XX вв.[3];
2) 1 фрагмент изделия из цветного металла (предположилельно верхняя часть оклада иконки (рис. 3.*7*)).

Общая мощность надматериковых напластований за исключением кладок фундаментов в шурфе варьируется от 0,41 до 1,10 м. Материк представлен красно-коричневым суглинком с включениями светло-серо-жёлтой супеси.

С учётом указанной стратиграфии описанных выше архитектурных конструкций и полученных находок можно проследить следующие этапы обживания участка данного памятника археологии.

П е р в ы й э т а п — по полученному археологическому материалу XVII — начало XX в. н.э., по другим источникам, с более раннего времени — период бытования сельского неукреплённого поселения с деревянным храмом. С данным этапом связано формирование надматерикового слоя коричневой супеси с включениями красной кирпичной крошки, тлена и угля.

В т о р о й э т а п — 1908–1956 гг. — период постройки нового храма Св. Великомученика Георгия Победоносца и обживания территории в 20–50 гг. XX в. — формирование нижней части слоя серо-коричневой супеси.

Т р е т и й э т а п — 1956 г. — начало XXI в. — период разборки храма. С этим этапом связано формирование слоя известняковой крошки и верхней части слоя серо-коричневой супеси.

Таким образом, описанные археологические исследования позволили не только достоверно установить местонахождение фундамента церкви Георгия Победоносца 1914 года постройки, но и проследить отдельные периоды и события истории села Адамовское в XVII–XX вв.

---

[1] *Болдин И. В.* Указ. соч. С. 115–117.
[2] *Калмыкова Л. Э.* Указ. соч. С. 16.
[3] *Полюлях А. А.* Указ. соч. С. 220.

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ГОРОДА ЛУЖИ

Е. П. Трофимов,
краевед, г. Обнинск

Город Лужа упоминается в «Списке русских городов дальних и ближних» в XIV в. среди так называемых Залеских городов. Он впервые упоминается в Договорной грамоте 1382 г., когда устанавливалась граница между Московскими и Рязанскими землями (грамота великого князя Олега Ивановича великому князю Дмитрию Ивановичу). Великий князь Дмитрий Иванович Донской включил их в состав Московского княжества. К Москве отошли Новый Городок, Лужа, Верея и Боровск.

Затем Донской уступает Новый Городок, Лужу и Боровск своему двоюродному брату Владимиру Андреевичу Серпуховскому. В Договоре между ними от 1389 г. написано: «*...далъ ти есми Лужу и Боровеск...*»[1].

В 1390 г. Лужа и Боровеск вновь фигурируют в Договоре, но уже между великим князем Василием Дмитриевичем и князем Владимиром Андреевичем Боровско-Серпуховским «*...и отъездная места... Боровеск, Лужа...*»[2]. И в этом же договоре читаем далее: «*А о Лужьскихъ слободахъ о новыхъ послати ны по бояарису, ини розьедуть, кому будеть что [при]гоже*»[3].

То есть, во-первых, появляются, а точнее сказать каким-то образом приобретаются, новые Лужские слободы, и речь идёт уже о территории волости. Во-вторых, князь разрешал своим боярам самим выбирать себе новые деревни и земли. Это может говорить нам о том, что происходил активный процесс освоения Москвой земель волости.

В 1401 г. Владимир Андреевич Серпуховской и Боровский составляет завещание, в котором своей жене княгине Елене Ольгердовне (они обвенчались в 1371 г.) оставляет:

«*А жоне своей, княгине Олене, дал есмь ей Лужу и со всеми слободами, и с волостми, и с околицами, и с селы, и з бортью, и с тамгою, и с мыты, и со озеры, и со всеми пошлинами. И что в Луже села за слугами и в слободах, и те села все княгине моей, Козлов брод з бортью, и с селы, и со оброчники, и со всеми пошлинами, Бадееву слободку, а слободы Лужовские и волости княгине моей: Ловышина, Ярьцева слободка, Сосновецъ, Турьи горы, Буболь, Вепрейка, Якимова слободка, Маковець, Сетунка, Терехова, Спиркова, Ортемова слободка, Скомантова, Гриди Ярцова, Михалкова, Степана Осипова, Дынка Мосолова, Гриди Федотова Лукина*»[4].

Обратим наше внимание на различные промысловые и торговые сборы и пошлины, собираемые с Лужи. Тамга, мыты, рыбная ловля, бортничество, оброк, кроме того, в слободах могли быть и иные сборы. Мы видим слуг князя — «слободчиков», которым он давал здесь земли в кормление. Некоторые эти древние фамилии дошли до наших дней, сохранившись в названиях сёл. И дальше:

«*А коли выйдет дань великога княза ко Ордъ<...> княгини мои возмёт дань с Лужы, и со всего своего Удела, и с Лужовских волостей, и слобод, и околиц, и сёл, и с Козлова броду, и з Бадеевы слободки, восмьдесятъ рублевъ и восмь рублевъ...*». «*А учинится в Луже душогубство, или в волостех в Лужевских, и в слободах, и в волицах* (околицах)*, удела княгини моей, и те душегубства потянутъ к Луже, а дети мои в те душегубства не въступаются*»[5]. Интересно было знать: какие душегубства князь имеет в виду? На случай же её смерти он так делит её земли — Лужу и волости получают Семён, Андрей и Василий.

В 1402 г. великий князь Василий Дмитриевич в Договоре с Рязанским князем Фёдором Олеговичем вновь подтверждает свою власть над Новым городом, Лужей, Вереёй и Боровском.

В Договоре 1433 г. между великим князем Василием Васильевичем и Серпуховско-Боровским князем Василием Ярославичем (внуком Владимира Андреевича) читаем: «*А что Удел деда моего, кнаж Володимеров Андреевича, тре/я(ь) в Москве и в пошлинах, и Серпыхов с волостми, Боровескъ*

с волостми, Лужа с волостми числаных людей тре/я(ь), тог(о), г(о)фгоди)не, кназ(ь) велики, тобе и твоей бра/я(ь)и молодшои блюсти, ни вступатиб^а), ни обидети»[6].

Мы видим Лужу в одном ряду с Вереёй, Боровском, Серпуховом. Статусное равенство с этими городами, а также разнообразие лужских пошлин, которое мы видели выше, свидетельствует о достаточно развитом пространстве бассейна реки Лужи.

В этом же 1433 г. Духовную грамоту составила вдова князя Владимира Андреевича Серпуховского и Боровского (он умер в 1410 г.) княгиня Елена Ольгердовна (она скончалась в 1437 г.):

«*А внук(а) своего бла(го)словляю, кназ(а) Васильа Ярославич(а), ... а в Луж(ъ) селы Юрьевъское з деревнями, и з Деготьскимъ, Осеневьскимъ, Аврамовским, Михалковымъ, Миседьским, Сосновьским, и з деревнАми, и что х тем селом потагло…*». «*А снох(у) свою, княиню Семёнову Василису, бла(го)словляю, по своемъ жывотв, ... в Луже) селы Бубольскимъ да Бт>ньскимъ з деревнями,…*». «*А что мои долъгъ, что есми заимовала, а платила за своего внука отъчину, за кназ(а) за Василья… а за Луж(у) плтсот рублев, и ос(поди)нъ мои, кназ(ь) велики, вотьчинъку мою Лужу взал, а дал внуку моему, а долъгъ мои алъса заплатити, и внук мои, кндз(ь) Василеи, свои долгъ триста рублев заплатилъ без двадацати, а Лужевъского заплатил сто рублев, а за нимъ са остало четыресъта рублей,… чтобы на мене дольжники мои не плакали, ни мои снохи*»[7].

Эта грамота заслуживает отдельного нашего внимания, поскольку возникают очень любопытные вопросы, ответы на которые, если только мы найдём их, помогут раскрыть нам новые и, на мой взгляд, важные исторические детали.

Итак, мы видим, что волость Лужа вотчина Елены Ольгердовны. Напомню, что вотчина — это родовое, наследственное земельное владение. Видимо, скорее всего, речь идёт о семейной вотчине уже после замужества. Хотя мы знаем, что в 1368 г. во время войны с Москвой Ольгерд захватил на Протве Оболенск, то есть фактически соседнее Оболенское княжество. В 1370 и 1372 гг. он вновь ходил на Москву.

Кому в этот период конца XIV в. принадлежала Лужа? Формально Москве но, скорее всего, в период с 1368 до 1371 г. — время женитьбы Елены и Владимира, часть волости могла быть Литовской (Вяземской). Вся эта карусель событий 1368–1403 гг. крайне пагубно сказывалась на её развитии.

Это первое. И второе — это сам дух завещания — подробный и справедливый. Обратите внимание, с какой нежностью Елена Ольгердовна называет Лужу — *Вотчинька моя — Лужа*. Я считаю, что это не может быть фигурой речи княгини. Ласкательная форма существительного явно говорит о чувственности и большой привязанности к этим местам. Так как Лужа была пограничным пространством, долгое время находящимся между Литвой и Московским княжеством, то наверняка среди людей, населяющих эти места, ещё были живы воспоминания о родственном Литве племени галиндов. А может, кто-то и отождествлял себя с ними? Да и сама Елена была дочерью великого князя Литовского Ольгерда Гедиминовича.

Изначально, входившая в состав Верховских княжеств, относившихся к Литовско-Русскому государству, волость Лужа в условиях постоянно меняющихся границ между княжествами была какое-то время пограничной Литовско-Рязанской, а затем и Литовско-Московской территорией, а её города являлись форпостами противоборствующих сторон. В любом случае, мы видим, что во второй половине XIV в. волость, скорее всего, является предметом торга между Москвой, Рязанью и Литвой. Косвенным подтверждением этому может быть то, что впервые упоминаются названия других лужецких сёл и деревень.

В 1447 г. в Договоре великого князя Василия Васильевича с князем Серпуховским и Боровским Василием Ярославичем вновь подтверждаются права последнего, в том числе на Лужу и Боровск с их волостями. И в этом же году они упоминаются в Договоре с великим князем Рязанским Иваном Фёдоровичем. В 1450–51, 1456 гг. также.

В Духовной грамоте великого князя Василия II Васильевича «Тёмного» 1461 г. Лужу он завещает своей жене великой княгине Марии Ярославне.

Во второй половине XIV в. Боровско-Серпуховской удел был упразднён, и Лужа, как часть удела, окончательно перешла в великокняжеское владение.

Далее в Платёжной книге Боровского уезда за 1614 г. достаточно подробно упоминаются волости уже Лужецкого стана.

На основании данных Духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XVI вв. можно сделать некоторые выводы. Расцвет волости напрямую связан с её упоминанием в духовных и договорных грамотах. Это вторая половина XIV — первая половина XV в. Автор уверен, что во многом это развитие связано с Боровско-Серпуховским князем Владимиром Андреевичем (Храбрым) и его женой Еленой Ольгердовной.

В настоящий момент точное местонахождение самой крепости Лужа всё ещё не определено. На этот счёт существует несколько точек зрения. Предлагаем собственный взгляд на этот вопрос. Вначале необходимо рассмотреть расположение известных на сегодняшний день самых древних мест поселений на территории бывшей Лужецкой волости, а главное, её крепостей. К сожалению, Т. Н. Никольская при исследовании района реки Лужа не обнаружила двух, на наш взгляд, важных Лужских городищ — Николо-Лужецкого и Хитровского, а также некоторых погребений. Позже археологи О. Л. Прошкин и А. В. Кашкин дополнительно локализовали только Николо-Лужецкое городище. Однако до 1986 г. существовало ещё и городище в деревне Хитрово, которое было уничтожено карьером, но остались его фотографии. Однако существование этого городища — один из неотъемлемых и важнейших факторов для наиболее полного воссоздания картины прошлого волости Лужа. Итак:

- городище бывшего села Николо-Лужецкое мысового типа. Расположено в ста метрах от современного Никольского кладбища, в двухстах метрах от деревни Висящево и трёхстах метрах от деревни Тюнино, на мысе при впадении речки Сушки в речку Бобровку (притока Лужи). В историографии это городище ошибочно называют Отяковским, и для автора, как краеведа, это только больше запутывает и затрудняет локализацию как крепости Лужа, так и других поселений волости. Обращаем внимание, что Николо-Лужецкое городище не имеет к селу Отяково никакого отношения — ни территориального (до села 2 км), ни приходского (разные церкви), ни погребального (разные кладбища), ни коммуникационного (на Отяково не было полноценной дороги), а в отдельные периоды истории и административного. Далее мы будем определять его только как Николо-Лужецкое;
- Хитрово. Городище овражно-мысового типа. Располагалось за крутым берегом реки и далее оврагом, на мысе этого оврага. Высота над рекой — 20–25 м. Детинец округлый, диаметром 30 м. Вал с напольной стороны порядка 2-х метров, ров — около 1,5 метра;
- Лужное. Городище 1. Мысового типа;
- Лужное. Городище 2. Овражно-мысового типа.

Итак, сегодня мы можем уверенно утверждать, что крепость Лужа находилась в одном из трёх мест, там, где собственно крепости и были — это Николо-Лужецкое, Хитрово и Лужное.

Обращает на себя внимание тот факт, что расстояние между Николо-Лужецким и Хитрово всего 4 километра, а между Хитрово и Лужное — 8 километров. Такая концентрация крепостей на небольшом пространстве явилась одной из дополнительных причин возникновения здесь достаточно крупной волости.

Кстати, даже поверхностный анализ всех трёх городищ показывает, что все они почти одинакового размера и подходят под определение феодальных замков. Эти три «гнёзда» и были основой волости. Есть городище и в селе Кременское, однако этот город более позднего Средневековья не всегда входил в Лужецкую волость. Но все эти городища среднего и верхнего течения реки Лужи расположены с левой стороны реки, и создаётся ощущение, что они поставлены для охраны определённых границ.

А теперь возвратимся к вопросу локализации крепости Лужа, так как споры по этому вопросу ещё продолжаются. За время работы по этой теме автор несколько раз менял своё мнение на прямо противоположное, так как исходной информации крайне мало. В результате не вполне корректных предположений ранее автором было высказано в печати ошибочное мнение по этому вопросу. Но в конце концов в результате дополнительной проработки, сопоставления и анализа данных автор вынужден опровергнуть своё утверждение, что село Николо-Лужецкое — это древний город Сушов. В итоге на сегодня вся собранная нами аргументация выглядит следующим образом.

Прежде всего отметим, что крепость Лужа — это не Хитрово, то есть не Абрамовское, так как Абрамовское упоминается как село Лужецкой волости. Таким образом, у нас остаются два варианта нахождения Лужи: Николо-Лужецкое и Лужное. В этом вопросе сбивает с толку и очень мешает один и тот же корень этих слов — «лужа». Взвесим все за и против по обеим крепостям.

Первое. Когда начинаешь изучать вопрос, может создаться впечатление, что бывшее село Николо-Лужецкое, руины и следы которого, находящиеся в километре от самой реки Лужи и едва ли не на самом краю Лужецкой волости, в стороне от главных волостных дорог, вряд ли могло быть административным центром достаточно обширной территории.

Второе. Центром 2-го стана в XIX в., то есть правопреемником Лужи, уже было село Боболи, расположенное совсем в другой части волости на дороге Боровск — Медынь и на расстоянии всего пяти километров от деревни Лужное. Можно сказать, что рядом с ней, и самое главное в центре Лужецкого стана. Но подробное изучение материала раскрывает настоящие смыслы.

На расстоянии 2-х километров от Нижнелужецкого городища в XVIII в. мы видим погост Сущевской с церковью Георгия Страстотерпца, а в XIX в. на этом же месте село Сошево. Такое название погоста и села — серьёзный аргумент, чтобы локализовать древний Сушов (впервые упоминаемый в 1374 г.). А вот деревня Лужное раньше имела ещё одно название — Волынка или Болынь, которое ныне утрачено. Это даёт основание для некоторых сомнений связывать названия крепости и деревни.

На археологических картах Боровского района в работах и А. В. Кашкина, и Ю. А. Краснова видно, что большинство археологических памятников волости Лужа сконцентрировано в районе второго изгиба реки, между городищами деревни Хитрово и села Нижнелужецкого[8]. При этом указаны ещё и не все археологические памятники, находящиеся между ними. Это говорит о том, что не только в начале новой эры, но и на рубеже 1-го и 2-го тысячелетий именно здесь была сосредоточена основная масса населения будущей волости.

Археологи считают Николо-Лужецкое городище феодальным замком-усадьбой. Если это так, то эта крепость вполне могла быть той самой вотчиной (княжеским городком) Елены Ольгердовны, упоминаемой ею в завещании. И всё же главные аргументы следующие.

В XVI и XVII вв. мы видим существующие отдельно «Боболской стан» и отдельно «стан Лужетцкой». То есть это разные административные центры, и у второго сохранилось его древнее название. Значит, и искать нужно в этом районе. А в этом районе один из главных ответов на этот вопрос находится в названии села — «Николо-Лужа».

Как мы знаем слово «лужа» в этой местности — одно из самых древних. А первая часть слова появилась в честь Святителя Николая уж никак не раньше XIV или даже XV вв. Лужа крестилась поздно, не исключено, что из-за остатков живущей здесь голяди. Остаётся главный этимологический корень — «лужа». Уверен, что Николо-Лужецкое — это и есть первоначальный и главный центр древней волости Лужа. Его связь с протвинскими городами, вероятно, осуществлялась по реке Бобровка через волок (1,5 км) к речке Мжилона, впадающей в Протву в селе Беницы.

Теперь о локализации Сушова. В. Н. Дебольский связывал местонахождение Сушова с рекой Сушкой (притоком реки Бобровки, притока Лужи). В. Н. Темушев также показывает Сушов в этом районе, но, как обычно, слишком обобщает и не указывает его точное местонахождение. На картах XVIII и XIX вв. село Сушов находится на месте современного села Отяково или рядом с ним. Далее в Верейской десятине в 1725 г. Сушев упоминается в связи с постройкой там церкви святого великомученика Георгия[9]. Исходя из вышеперечисленных данных, можно утверждать, что Сушов — это сегодня село Отяково.

Версии и доказательная база предположений по названиям крепостей в деревнях Хитрово и Лужное будут представлены в дальнейших публикациях.

Примечания

[1] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / подг. к печати Л. В. Черепнина; отв. ред. С. В. Бахрушин. М.-Л., 1950. С. 31.
[2] Там же. С. 37.
[3] Там же. С. 39.
[4] Там же. С. 47.
[5] Там же. С. 49.
[6] Там же. С. 70.
[7] Там же. С. 73.
[8] *Краснов Ю. А.* Арх. карта России. М., 1992. С. 37; Кашкин А. В. Арх. карта России. М., 2006. С. 170.
[9] *Холмогоровы В. и Г.* Исторические материалы о церквах и сёлах. 1913. С. 56.

КАЗАКИ НА ПОСАДЕ: К СОСТАВУ ГОРОДСКОЙ ОБЩИНЫ СЕРПУХОВА СЕРЕДИНЫ XVI в.

А. Д. Пилипенко,
старший научный сотрудник, Серпуховский историко-художественный музей

Роль казачества в истории русских рубежных городов эпохи раннего Нового времени — бесспорна и вроде бы вполне определённа: это пришлая, сугубо внешняя для городского мира сила. Данный постулат, однако, теряет незыблемость при знакомстве с самым ранним детальным описанием г. Серпухова, а именно: 1/10 перечисленных там оседлых, постоянных, городских жителей — называется *казаками.* Разбору этого замечательного факта и посвящён предлагаемый доклад.

Документ, о котором пойдёт здесь речь, — *Сотная серпуховская с книг письма князя Василя Семёновича Фуникова с товарищы,* 1552 г. То была пора взятия Казани: первого всем очевидного успеха реформ, проводимых московским правительством ещё с 1530-х гг. — вначале от имени малолетнего государя Ивана Васильевича, которого потом назовут *Грозным*, а после и под его руководством. В этой политике централизация хозяйства вновь объединённой Руси сочеталась с определённым развитием самоуправления. В 1-й пол. 1550-х гг. волостные и посадские общества изымаются из ведения государевых наместников; выборным земским властям передаются сбор податей и суд на местах[1]. Вот события, с которыми можно связывать перепись Серпухова и окрестностей, проведённую кн. В. С. Фуниковым с помощниками[2]. Её результаты по городу — дошли до нас в виде *Сотной.*

Сотная выпись — значит извлечение из переписных книг, выданное определённой общине жителей описанной области: в нашем случае серпуховскому посаду, — и содержащее сведения именно по этой общине[3]. Название данного рода документов напоминает нам о том, что *сотней: «стом»* на Руси XI–XVII вв. называлось административно-территориальное образование, включающее не менее 100 *тяглых* — податных дворов[4]. Экземпляр *Сотной* серпуховского посада с личной печатью государева переписчика кн. В. С. Фуникова ещё в 1870-х гг. хранился в архиве Городской управы Серпухова. Там он был обнаружен инспектором местной прогимназии Павлом Фёдоровичем Симсоном и издан им как приложение к замечательной книге «*История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством и вообще с отечественною историею*» (М., 1880). В дальнейшем этот ценный документ, к сожалению, был утерян — однако в Российском государственном архиве Древних актов имеются его списки XVII в. По крайней мере, столетие со времени своего составления *серпуховская Сотная* сохраняла значение «*своего рода уставной грамоты для серпуховского посада*» (так назвал её М. Н. Тихомиров): некоторой «конституции», удостоверявшей владельческие права и обязанности общины[5]. Как на «*старую сотную*» на неё ссылаются, например, составители *строельных* (переписных посадских) книг 1649 г. Перепись кн. В. С. Фуникова была, возможно, первой в истории города, во всяком случае — старейшей из упомянутых в наших документах[6].

Перепись 1552 г. фиксирует границы Серпухова, которые город в целом сохранял до сер. XIX в.: по обоим берегам р. Нары, примерно между нынешними *Новым* и *Варгинским* (*Ленинского комсомола*) мостами, причём западная окраина проходила в районе современной Пролетарской, а восточная — Ситценабивной и Калужской улиц; 17 храмов, расположенных в данной части Серпухова, — к тому времени уже существовали. В *Сотную* включены 623 посадских двора, 796 проживающих в них горожан, — при этом перепись указывает одних домохозяев,

---

[1] *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 397–400, 422–436.

[2] В 1552 г., помимо Серпухова, ими были описаны земли Окологородного стана Серпуховского уезда — земля Серпуховская. Документы и материалы// История города Серпухова и Серпуховского края XIV–XVI вв. (Материалы и исследования). Тула, 2009. С. 214, 228.

[3] Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуск 26. М., 2002. С. 240–241; *Чечулин Н. Д.* Начало в России переписей и ход их до конца XVI в. // Библиограф. 1889. № 2. С. 59; *Неволин К. А.* Об успехах государственного межевания в России до Императрицы Екатерины II // *Неволин К. А.* Полное собрание сочинений. Т. VI. СПб., 1859. С. 469–470.

[4] Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 26. М., 2002. С. 244–246.

[5] *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 141.

[6] *Симсон П. Ф.* История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством и вообще с отечественною историею. М., 1880. С. 133.

глав семейств. Для того чтобы представить реальную численность посада,— по системе, предложенной Н. Д. Чечулиным, указанную цифру можно принять за количество взрослых (от 15-ти лет) мужчин. К этому надо прибавить выводимую уже по документам XVII в. квоту детей мужского пола, 633 мальчика на каждую тысячу *мужей,* поскольку состояние рождаемости для обоих столетий было примерно одинаковым. Полученный результат следует ещё удвоить так как женское население по численности тогда почти равнялось мужскому, с небольшим лишь превышением. Итак, по формуле Чечулина, на посаде Серпухова в 1552 г. получается около 2 600 жителей. Речь здесь не о духовных и не о служилых, но только о торгово-промышленных, точнее, о *тяглых людях,* т.е. нёсших за город повинности: с целью учёта таковых и составлена выпись. И вот свыше 10 % данного сообщества: 84[1] человека в 69 дворах (– это лишь внесённые в перепись; считая же вместе с членами их семей— приблизительно 274 серпуховича), определены *Сотной* как *казаки*.

Слово *казак* имеет в русском языке целый ряд исторически обусловленных значений. В источниках XV и 1-й пол. XVI в. ими были: 1) татарский легковооружённый воин— представитель низшего разряда ордынского войска; 2) член самоуправляющейся вольной воинской общины и 3) свободный человек, работающий по найму (однако же не земледелец)[2].

Казачество действительно родом из Золотой Орды, о чём сообщает нам и само слово *казак*: оно тюркское, со значением— *вольный и безродный человек, бродяга*[3]. Но при этом русский, восточнославянский элемент сыграл в происхождении казачества незаменимую роль. Нужно представлять себе, что зависимость русских княжеств от Орды выражалась, помимо дани денежно-натуральной, ещё и в *дани кровью*. По общему для восточных завоевателей обычаю (вспомним также о египетских мамлюках; османских янычарах), ханы забирали с покорённой Руси юношей для военной службы. Эти воины-невольники однако же, по-прежнему, православные христиане, были водворены в степной полосе между Волгою и Днепром, и там они наряду с местными кочевниками, с русскими колонистами домонгольского периода и образовали закваску будущего казачества. Важным фактором его появления мы считаем самоопределение христиан Орды в момент её исламизации, проводимой с 1320-х гг.— поры прекращения былой веротерпимости ханов. Такие условия при благоприятстве ордынской «*замятни*»— смуты 2-й пол. XIV в.— могли породить, с одной стороны,— автономные христианские военные общины в *Диком поле*, а с другой— исход русскоязычных *казаков* из земель Орды на север, где они находили приют в качестве вольнонаёмных рабочих в городах и монастырях Руси.

Если раннее известие о *вольных*, степовых казаках составляет предание об участии их отряда, на стороне великого князя Димитрия, в Донской 1380 г. битве, то первое упоминание о казаках как наёмных работниках содержит грамота новгородского Мало-Кириллова монастыря от 1395 г. Прежде всего в этом значении слово *казак* вскоре становится употребимым на Руси[4]: разгром, нанесённый Золотой Орде Тимуром в кон. XIV в., должен был ещё усилить приток этих беженцев. Неудивительно, что они выбирали северорусские земли, с которыми связано большинство известий о работных *казаках*, во-первых, беглецы из Орды старались обеспечить себе максимальную безопасность, а во-вторых, север был промышленно активным регионом. Характерно, что *казаки* на Руси брались за любой труд, кроме земледельческого[5],— это отличало их от других категорий наёмных работников: *наимитов, бобылей.* Сходным образом в Войске Донском до начала XVIII в. держался строгий запрет на хлебопашество: донцу надлежало жить скотоводством, рыбной ловлей, охотою: «*с травы и воды*», тут, возможно, сказался пережиток ордынского периода; культурное неприятие земледелия монголами при этом знаменательно…

---

[1] По подсчётам П. Ф. Симсона— 81 чел. (История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством и вообще с отечественною историею. М., 1880. С. 153); Н. Д. Чечулина— 83 (Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889, С. 182); *Колчин Б. А.* Обработка железа в Московском государстве в XVI веке // Материалы и исследования по археологии СССР; Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. II. № 12. М.-Л., 1949. С. 195.

[2] См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. М., 1980. С. 15–16.

[3] Согласно наиболее авторитетному толкованию— *Фасмер М. Р.* Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1986, С. 158.

[4] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I. СПб., 1893. Стб. 1173–1174.

[5] *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. Книга IV (т. 7–8) М., 1960. С. 46.

С середины XVI в. на Руси были ещё *городовые, сторожевые казаки*. Они являлись пограничной стражею Московского государства, подчинённой, как и другие войска, Стрелецкому приказу[1]. Московские (как и ордынские) власти старались обеспечить эту необходимую, но трудную и, очевидно, непрестижную службу людьми любого разбора. Например, Судебник 1550 г. грозит обращением в *казаки украинных* городов *ябедникам*-лжесвидетелям[2].

Что до *казаков* Серпухова в 1552 г., то в них следует видеть единственно вольнонаёмных промышленных людей, не воинов, как думал П. Ф. Симсон[3]. Об этом недвусмысленно говорит сам факт их включения в *сотную выпись* тяглого посада[4].

В Серпухове *казаки* наряду с прочими посадскими различаются как *середние*, или же *молодые чёрные люди.* Всё это общественные категории, оформленные Судебником 1550 г., совсем незадолго. *Чёрными*, иначе *торговыми людьми* назывались все непривилегированные осёдлые жители городов, нёсшие повинности, платившие налоги и в этом качестве составлявшие гражданскую общину — *посад*. *Середние* посадские приравнивались к *боярским людям добрым*; штраф за наносимое им *бесчестье* определялся в 5 руб. — в несколько больше, чем за мелких дворян. Честь же *молодых* (младших) посадских оценивалась по 1 рублю: наравне с крестьянами. В Серпухове абсолютное большинство живших на посаде *казаков* было отнесено к *людям молодым*; только один, *Власко казак,* — к *середним* (впрочем, этот счастливец, кажется, пока что не снискал значения в городе, отчество его составителям *Сотной* неведомо). Но даже *молодые казаки* из серпуховской *Сотной* 1552 г. в любом случае состояли на одном уровне с большинством посада: около ¾ всех его жителей относится к категории *молодых*.

Большей частью *казаки* Серпухова располагают дворами: из общего числа 84 таких по крайней мере 53. В отношении дворов владельческие права хозяев абсолютного большинства записанных в *Сотную* горожан определяются формулировкой: *во дворе такой-то.* Она указывает на общинную, посадскую, принадлежность данной собственности. Возможно, в Серпухове пришлые люди, *казаки,* вступали в посадское общество, которое наделяло их городской землёю за несение положенной им доли государева *тягла*[5].

Впрочем, принадлежность к посаду и тогда, и ещё почти на столетие в будущем, — не означала «*безлетной и бесповоротной*» кабалы, которая будет оформлена лишь *Соборным уложением* 1649 г.; посадские XVI в. были лично свободными людьми.

Как места особой концентрации *казаков* на посаде Серпухова следует отметить 13 дворов рядом с владениями Высоцкого монастыря: «*у манастырского села у Сельца сумес с манастырскими дворы*», — и ещё 12 дворов за Нарою: в *Кузьмодемьянском переулке* и, видимо, в соседней с ним *Ивановской слободке.* Облик этих двух очагов, судя по описанию различен. Близ *Сельца* заметнее фактор оседлости, семейственности: например, *казаки Васюк Ларивонов* и *Михал Коняхин* проживают в родительских домах; *Онашко Ондреев* — у дяди-кузнеца. В Занарье же, наоборот, явная картина новоселья: там около половины *казаков* живут по дворам у людей других занятий. Но по обеим сторонам Нары дворы *казаков* сосредоточены на южных окраинах посада и в соседстве с монастырями. Вероятно, эти посадские попали в городскую среду через монастырские слободки, хорошо известные по тогдашней Руси, промышленно активные.

Круг деятельности посадских *казаков* нам представить непросто: для *Сотной* определение *казак*, пожалуй, синоним *свободной профессии…* Всего в пятнадцати случаях *казаки* делят дворы с лицами других занятий, возможно, в качестве помощников или компаньонов? Тогда их соседями выступают гончар, *бочарник, рукавичник*, два кузнеца, *поневник* (изготовитель понёв — шерстяной женской одежды или тканей для неё), кожевник, портной мастер, каменщик («*за камнем стоит*»), сапожник и ещё *сапожный мастер*, два *торговых человека*, скоморох и *доморник*

---

[1] *Соловьёв С. М.* Указ. соч. С. 20 — составляя близкий аналог *реестровым казакам* Речи Посполитой. Сношения же с Войском Донским и другими вольными казачьими обществами московское правительство вплоть до кон. XVII в. вело через Посольский приказ.

[2] Там же, С. 118.

[3] *Симсон П. Ф.* История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством и вообще с отечественною историею. М., 1880. С. 153. Хотя в середины XVI столетия Серпухов должен был иметь постоянный гарнизон, никаких сведений о составе его войск у нас пока что нет.

[4] *Чечулин Н. Д.* Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889. С. 222, примечание 2.

[5] *Загоскин Н. П.* О праве владения городскими дворами в Московском государстве. Казань, 1877. С. 22–23.

(музыкант, играющий на домре, или же делатель этих инструментов?). Допуская причастность серпуховских *казаков* к столь разнообразным занятиям, мы должны сделать вывод не о ремесленной, а, скорее, о служебной, организаторской их деятельности: поставщиков необходимого производителям сырья или продавцов их изделий; в общем, предпринимателей… Лишь единожды занятие *казака* сообщается более определённо: *Офонко Савин, соляной казак.* Этот серпухович должен быть связан с весьма отдалёнными областями Руси — от костромских владений Троице-Сергиева монастыря и до бассейнов Северной Двины и Камы: соль в 1-й половине XVI в. добывалась именно там[1]. Поприщем для казацкого предпринимательства мог стать и наиболее развитый в Серпухове 1552 г. кожедельный промысел: *сотная* насчитывает в городе 36 кожевников, 23 сапожника и вдобавок 25 *сапожных мастеров*. В то время крупные поставки кож велись также с севера: из ярославских, вологодских земель с их развитым скотоводством[2]. Как поставщики, так и потребители, видимо, были также за рубежом: в Турции, которая через посредство Крыма до середины XVI в. была главным торговым партнёром Московской Руси[3], и в этих отношениях г. Серпухов на «*крымской украйне*» — должен был играть совершенно особую роль.

МОНАСТЫРИ НОВОСИЛЬСКОГО УЕЗДА В НАЧАЛЕ XVII в.

А. Ю. Савосичев,
доктор исторических наук, профессор кафедры теологии, религиоведения и культурных аспектов национальной безопасности,
Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева

Наши основные источники — дозорная книга Петра Есипова и подьячего Венедикта Махова 1614/15 г. и дозорная книга вотчин Троице-Сергиева монастыря 1613/14 г. Фёдора Семёновича Вельяминова и подьячего Алексея Михайлова[4]. Дозор Есипова и Махова охватил город и все три стана уезда[5]. Во всех трёх станах зафиксированы монастырские владения Шаровкина Успенского, Свято-Духова, Анастасова Богородице-Рождественского и Троице-Сергиева монастырей.

За игуменом Кириллом, настоятелем Шаровкина монастыря, с братией было описано с. Глубки на р. Зуше под большим новосильским лесом в Городском стану. В селе церковь Николы Чудотворца, монастырский двор, 2 двора церковного причта, 22 двора крестьян и 8 дворов бобыльских. К селу тянули две пустоши (ранее деревни) Городилова и Брусны. Обе на р. Зуше. В земельной даче 463 четвертей доброй земли, из которых распахано только 28. В качестве документа, удостоверяющего владельческие права, братия предъявила выпись из книг письма и меры Андрея Заболотского и подьячих Петра Афанасьева и Юрия Артемьева 1570/71 г.[6]

Свято-Духову монастырю принадлежали две дачи. В Пятницком стану д. Задушная на Задушном враге под большим новосильским лесом; в Никольском стану сельцо (бывшая деревня) Игумнова под новосильским чёрным лесом. К селу припущена пустошь (бывшая слободка) без названия под Новосильским лесом. Сам монастырь располагался на р. Зуше на Задушном враге и был разорён «от черкас и литовских людей» в 1610/11 г. В монастыре церковь Святой Троицы с приделом святителя Николая Чудотворца. Братия немногочисленна: игумен Сильвестр и 9 человек монахов. При храме живёт дьячок. Комплекс строений предельно аскетичен — келья игумена и 5 братских келий. Земельные владения обители обнимают 70,5 четвертей доброй земли. Монастырские детёныши (монастырский двор в Задушном), 25 человек крестьян и 13 бобылей

[1] *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. Книга IV (т. 7–8). М., 1960. С. 38; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 121–122.

[2] *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 124.

[3] Там же. С. 137–138.

[4] Дозорная книга города Новосиля и Новосильского уезда дозорщика Петра Есипова до подьячего Венедикта Махова 7123 (1615) г. // *Сычёв Н. В.* Новосильско-Одоевское княжество. М., 2016. С. 328–462.

[5] *Веселовский С. Б.* Сошное письмо. М., 1916. Т. 2. С. 612; Писцовые книги Юго-Западного порубежья. М., 2013. С. 117–118.

[6] *Сычёв Н. В.* Указ. соч. С. 349–350.

распахивали 15 четвертей. Остальное — перелог и дикое поле. Грамоты и писцовые выписи на вотчину и реку сгорели, как город Новосиль и Духов монастырь в 1610/11 г. литовские люди жгли[1].

Анастасову Богородице-Рождественскому монастырю принадлежали деревни Вышняя Яковлева и Нижняя Яковлева под Яковлевым лесом на р. Зуше в Никольском стану. Двор монастырский, где проживал служка Петрушка Кожухов. Шесть дворов крестьян, пять — бобылей. 199 четвертей доброй земли, из которых распахано только три четверти. Вотчина зафиксирована за монастырём по списку с межевой грамоты письма Андрея Заболотского и подьячего Владимира Мальцева 1569/70 г. и «по выпросу сторонних людей»[2].

Троице-Сергиев монастырь владел в Пятницком стану шестью пустошами: Становое (бывшее сельцо) на Настасовской поляне; Жердева; Удерев Казначеева; Кривина Удерев Тростенского; Крутой Враг (все бывшие деревни под большим чёрным лесом на р. Колпне) и Жеравлиная (б. д.) на Колпенском отвершке. Имение в полном упадке. 421 четверть доброй земли лесом поросла[3].

Три из четырёх монастырей — отдалённые от Новосиля обители. Шаровкин Успенский монастырь располагался в Перемышльском уезде близ с. Ильинского. От обители до новосильской вотчины порядка 200 км. Община относительно недавнего основания. Начальник монастыря св. Феогност умер 8 февраля 1545 г., следовательно, монастырь был основан где-то в первой половине XVI в.[4] Селище Глубки «да Городилово болото» «в Новосили на реке Зуше» дал Шаровкину монастырю князь Александр Иванович Воротынский в 1560 г.[5]

Одоевский Анастасов Богородице-Рождественский монастырь находился рядом с г. Одоевом, на противоположном берегу р. Упы. До новосильской вотчины порядка 150 км. Монастырь также основан в первой половине XVI в.[6] Время и способ приобретения вотчины определить не удалось. Судя по межевой грамоте, предъявленной монастырскими властями дозорщикам, и по времени основания монастыря, дача в Новосильском уезде была приобретена братией где-то в первой половине XVI в.

Троице-Сергиев монастырь получил деревни на Крутом враге, Кривую «у дерев», Казначееву «другую у дерев», Жердеву и починок Становой с «присадой» Верхней Жеравиной под большим под чёрным лесом в 1570/71 г. по данной Матрёны, вдовы Григория Ивановича Заболотского[7].

Духов монастырь располагался недалеко от г. Новосиля. Время и обстоятельства основания монастыря неизвестны. В. В. Зверинский приводит лишь нижнюю дату: в 1619 г. обитель уже существовала[8]. По П. М. Строеву, первый известный настоятель Духова монастыря — строитель Порфирий[9]. Данные дозорной книги позволяют уточнить дату первого упоминания обители в источниках — 1610/11 г. — и удлинить список настоятелей, дополнив его игуменом Сильвестром.

Если подвести итоги, то можно констатировать, что Новосильскому уезду свойственны особенности монастырской инфраструктуры, аналогичные тем, что были выявлены автором по отношению к монастырям Орловско-Севской епархии. Новосильский уезд не был затронут монастырской колонизацией XIV–XV вв. Монастыри региона тяготели к городам и были весьма небольшими обителями. С другой стороны, для Новосильского уезда характерна практически не встречающаяся в Орловском крае инфильтрация в структуру землевладения вотчин «иногородних» монастырей. Это, безусловно, заслуга князей Воротынских, владетелей Перемышля, Одоева и Новосиля, пожертвованиями которых приумножалось благосостояние местных монастырей. Особняком стоит Троице-Сергиев монастырь, которому новосильская вотчина досталась, явно, по случаю.

---

[1] *Сычёв Н. В.* Указ. соч. С. 350–351, 432–433.

[2] Там же. С. 458–459.

[3] Там же. С. 461–462.

[4] *Леонид (Кавелин), архим.* Церковно-историческое описание упразднённых монастырей, находящихся в пределах Калужской епархии. М., 1863. С. 2.

[5] Там же. С. 37–38.

[6] *Троицкий Н. И.* Одоевский Анастасов Богородице-Рождественский монастырь: летописный очерк. Тула, 1910. С. 7.

[7] *Садиков П. А.* Из истории опричнины. № 48 // Исторический архив. М.-Л., 1940. Т. 3. С. 252–253.

[8] Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи: с библиографическим указателем / сост. и изд. В. В. Зверинский. СПб., 1890. С. 139.

[9] Списки иерархов и настоятелей монастырей Российские церкви / Павел Строев. СПб., 1877. Стб. 795.

ИМПЕРАТОР ПЁТР I НА КАЛУЖСКОЙ ЗЕМЛЕ

В. А. Бессонов,
кандидат исторических наук,
генеральный директор Калужского объединённого музея-заповедника

На протяжении уже двух веков исследователи Калужского края, рассказывая о пребывании императора Петра I на Калужской земле, касаются посещения им в 1722 г. минеральных вод и железного завода Вернера Миллера, располагавшегося на реке Истье (Истии).

Первым, кто ввёл эту историю в краеведческий оборот, был известный исследователь Калужского края, учитель Калужской гимназии Г. К. Зельницкий, который в издаваемом им в 1804 г. журнале «Урания» в статье «Минеральные воды» поведал о четырёхнедельном пребывании в 1722 г. Петра I на железном заводе. При этом он сообщил, что император «в последний день своего там пребывания собственноручно 18 пуд железа сковал и каждую полосу клеймом своим означил»[1]. Эта же история была упомянута в «Летописи Калужской от отдалённых времён до 1841 г.», увидевшей свет в 1878 г. Здесь указывалось, что в 1722 г. Пётр I около месяца находился в Боровском уезде на реке Истье, употребляя минеральные воды, и «накануне отъезда своего на тамошних железных заводах вытянул собственными руками полосу железа в 18 пуд и заклеймил оную своим штемпелем»[2]. Ту же самую информацию о пребывании в 1722 г. около месяца Петра I на железном заводе Вернера Миллера, пользовании минеральными водами и изготовлении полосы железа в 18 пудов сообщил в своей работе «Калужская губерния в историческом отношении» учитель истории Калужской гимназии П. С. Щепетов-Самгин. Единственным отличием от «Летописи Калужской» стало указание о том, что железный завод располагался в Малоярославецком уезде[3]. Практически слово в слово повторил текст Щепетова-Самгина в изданном в 1912 г. «Опыте исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии» известный исследователь Калужского каря Д. И. Малинин[4]. С этого времени данная версия описания истории пребывания Петра I на Калужской земле стала хрестоматийной. В последующее столетие она неоднократно воспроизводилась в краеведческих изданиях, подвергаясь иногда небольшой «корректировке». Так, исследователь Боровской земли А. А. Антипов отметил, что Пётр I жил в 1722 г. на заводе Вернера Миллера не около месяца, а месяц, и не употреблял минеральные воды, а «пользовался там минеральными ваннами»[5].

Следует отметить, что на протяжении всего этого времени при переписывании текста, восходящего к «Летописи Калужской», не только никого не смутило то, что император собственными руками вытянул полосу железа весом около 295 кг (18 пудов), но и никто не нашёл нужным заглянуть в изданный в 1855 г. «Походный журнал» Петра I за 1722 г., в котором ни слова нет о пребывании государя на Калужской земле. Таким образом, при внимательном рассмотрении краеведческой традиции оказалось, что ставший уже хрестоматийным рассказ о посещении императором железного завода на реке Истье в действительности не отражает реальной картины событий, поэтому необходимо, опираясь на документальные источники, введённые в значительном числе в научный оборот, восстановить реальную картину посещения Петром I Калужского края.

История о пребывании императора на Истьинском (Истинском) железном заводе впервые была опубликована Яковом Яковлевичем Штелиным в книге «Подлинные анекдоты о Петре Великом», которую он собирал более двух десятилетий, записывая рассказываемые современниками «достопамятные анекдоты о Петре Великом»[6]. Книга впервые была опубликована в 1785 г.

---

[1] *[Зельницкий Г. К.]* Минеральные воды // Урания. 1804. № 1. С. 120.

[2] *Ханыков В. В.* Летопись Калужская от отдалённых времён до 1841 г. М.,1878. С. 70.

[3] *Щепетов-Самгин П. С.* Калужская губерния в историческом отношении // Памятная книжка Калужской губернии на 1861 г. Калуга, 1861. С. 127.

[4] *Малинин Д. И.* Калуга: опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга, 1912. С. 33.

[5] *Антипов А. А.* Живые корни России: историко-краеведческие очерки. Калуга, 2007. С. 100.

[6] *Штелин Я. Я.* Подлинные анекдоты о Петре Великом. М., 1830. Ч. 1. С.VI.

на немецком языке в Лейпциге. Но уже в 1786 г. она была издана в переводе К. К. Рембовского в Москве и Т. П. Кирияка в Санкт-Петербурге. Интерес к изданию был настолько велик, что книга постоянно переиздавалась. Так, в переводе Рембовского в типографии Пономарёва второе издание «Анекдотов» было выпущено 1787 г., третье — в 1789 г., а четвёртое — в 1793 г.

В своей книге Штелин, касаясь посещения монархом Истьинского завода, зафиксировал историю, услышанную от «Петра Миллера, сына Вернерова»[1]. Следует отметить, что, по сведениям И. Х. Гамеля, использовавшего в работе над книгой «Описание Тульского оружейного завода, в историческом и техническом отношении» документы московских архивов, Истьинский завод был построен Вахрамеем (Вернером) Петровичем Миллером в 1680 г. «на счёт» своего пасынка Ивана Филимоновича Акемы. После его смерти в 1693 г. завод переходит матери Анне Елизаровне и её детям от второго брака Вахрамею и Петру Вахрамеевичам Миллерам, на что в 1695 г. была выдана грамота. В 1712 г. покидает этот мир Анна Елизаровна, и Истьинский завод остаётся во владении братьев Миллеров. В 1748 г. умирает Пётр, оставив сыновей Петра, Вахрамея и Елизара, а в 1750 г. уходит из жизни Вахрамей, не имевший детей. После кончины последнего брата завод был высочайше пожалован в 1751 г. графу А. И. Шувалову[2]. Из этого можно заключить, что историю о пребывании Петра I на Истьинском заводе Штелин мог услышать от его владельца — Петра Миллера, сына Вернера (Вахрамея), а упоминаемым хозяином завода был его родной брат и совладелец Вернер (Вахрамей) Миллер.

Как сообщает Штелин, Пётр I «посещал рачительно всякие фабрики и мастерские и ободрял работников. Часто бывал он на Миллеровых железных заводах в Истии, за 90 вёрст от Москвы по Калужской дороге. Некогда живши там четыре недели, дабы пить тамошнюю минеральную воду». В это время он тщательно расспрашивал о плавлении и ковке железа, а также учился тянуть «в полосы железо». Незадолго до отъезда в один день «выделал он один 18 пуд железа, и каждую полосу заметил своим штемпелем, при чём его придворные и бояре должны были носить уголья, раздувать огонь, действовать мехами и другую тому подобную работу отправлять». Вернувшись через несколько дней после этого в Москву, Пётр I пришёл к хозяину железного завода Вернера Миллеру, «хвалил его распоряжения на заводе и спросил: по чём платит он мастеру за пуд выкованного поштучно железа?» Миллер ответил, что по алтыну и Пётр I потребовал заплатить ему 18 алтын. «Вернер Миллер тотчас пошёл к ящику, где лежали деньги, взял 18 червоных и, отсчитавши их Царю, сказал: такому работнику, как ваше величество, меньше нельзя заплатить за пуд».

Необходимо отметить, что алтын в рублёвом эквиваленте соответствовал 3 копейкам, а червонец, делавшийся из золота и не имевший установленного номинала, в обороте оценивался более 2 рублей. Как видно, Вернер Миллер собирался заплатит Петру I за работу примерно в 70 раз больше, чем обычному работнику.

«Но, — пишет Штелин, — Пётр Великий не принял их и говорил: Мне не надобно твоих червонцев. Я не лучше других мастеров работал. Заплати и мне то же, что ты обыкновенно другим платишь. На эти деньги куплю себе новые башмаки, в которых мне теперь нужда». При этом Пётр I показал на свои уже чиненые и изношенные башмаки, взял 18 алтын, поехал в торговые ряды и купил себе новую обувь. Завершая рассказ Штелин, отметил, что государь «нося сии башмаки, часто показывал их в собраниях и притом обыкновенно говаривал: Вот башмаки, которые выработал я себе тяжёлою работою».

В примечаниях к этому анекдоту Штелин сообщает, что одна полоса с «царским штемпелем» находится на Миллеровых заводах в Истии, а другая, выкованная Петром I в Олонце, хранится в Кунсткамере[3].

---

[1] *Штелин Я. Я.* Указ. соч. С. 23.

[2] *Гамель И. Х.* Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М., 1826. С. 24–25. См. также: Азбучный указатель имён русских деятелей // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1888. Т. 62. С. 28; *Чарыков Н. В.* Посольство в Риме и служба в Москве Павла Менезия: 1637–1694. СПб., 1906. С. 493–494.

[3] *Штелин Я. Я.* Указ. соч. С. 21–23.

На сегодняшний день в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамере) экспонируется железная полоса с надписью «ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА РАБОТА 1724 DL NOVMBER», переданная на временное хранение из Государственного Эрмитажа[1]. Кроме того, по имеющимся сведениям, в Государственном Эрмитаже хранятся ещё три железных полосы с надписями о том, что они были изготовлены Петром I. Происхождение всех этих полос относят к 1724 г.[2]

Как видно, в рассказе Штелина отсутствует дата описываемых им событий. Этот пробел анекдота взялся исправить создатель фундаментального труда «Деяния Петра Великого» И. И. Голиков. Он посчитал, что после издания 5 февраля 1722 г.[3] устава о наследовании престола «великий государь, чувствуя в здравии своём слабость и частые припадки, поехал на железные заводы купца Вернера Миллера, отстоящие от Москвы за 90 вёрст в Истии по Калужской дороге, на которых открылись минеральные воды, дабы употребить оные в свою пользу»[4]. Далее Голиков пересказал опубликованный анекдот о пребывании монарха на Истьинском заводе, отметив, что эту историю Штелин слышал «от сына сего Вернера Петра Миллера». Кроме того, в подтверждение своей датировки Голиков процитировал письмо от 27 февраля 1722 г., написанное «от минеральных здешних вод», которое он получил от «г. Миллера»[5]. В данном случае речь идёт об известном исследователе Г. Ф. Миллере, который активно помогал Голикову в его работе над историей Петра I.

Таким образом, благодаря Голикову появилась чёткая датировка описанного Штелином события, которая была принята другими исследователями и активно использовалась на протяжении столетий. Однако как сведения о наличии сына Петра у бездетного Вернера Миллера, так и отнесение пребывания Петра I на Миллеровых заводах к 1722 г. были далеки от действительности. На самом деле монарх в феврале 1722 г. посещал минеральные воды, но не на Истьинском заводе, а на Петровском, построенном в 1703–1705 гг. к северу от Олонца на западном берегу Онежского озера, в устье реки Лососинки.

В Походном журнале Петра I за 1722 г. по этому поводу указано, что 6 февраля «его величество в ночь поехал из Москвы к водам». 7 февраля он был в Переславле, 8 — в Ярославле и 9 приехал в Вологду. 10 февраля он продолжил свой путь через погост Мстинский, Кириллов монастырь и Белоозеро. 14 февраля Пётр I прибыл на Петровский завод, 15 «приехал к колодезю Петровскому», 16 и 17 принимал лекарство, а с 18 до 26 февраля пил минеральную воду[6]. Как видно, ни о каком пребывании Петра I на Истьинском заводе в 1722 г. говорить не приходится.

Следует отметить, что в историографии была предпринята ещё одна попытка датировать рассказанную Штелином историю. Так, Гамель в своей книге, увидевшей свет в 1826 г., утверждал, что на Истьинском заводе «открыт был источник железистой воды, которою государь Пётр Великий в 1696 г. изволил пользоваться почти целый месяц»[7].

В данном случае год посещения Петром I Истьинского завода, судя по всему, был определён путём сопоставления со второй историей, рассказанной Штелину Петром Миллером. В ней говорилось о том, что Пётр I «на двадцать пятом году от рождения весьма опасно был болен горячкою». Находясь на пороге смерти, государь отказал в помиловании девяти «нечестивым ворам и убийцам», считая, что «Бог за самый этот правосудный поступок умилосердится надо мной, продлит мою жизнь и здоровье». После исполнения приговора Петру I стало лучше, и вскоре он совсем выздоровел. Пётр Миллер, поведавший эту историю, по замечанию Штелина, «в самый тот день был при Царском Дворе»[8].

Описываемые события должны были произойти после того, как Петру I исполнилось двадцать четыре года. То есть после 30 мая 1696 г. Вероятно, Гамель, определив время первой истории

---

[1] *Радзюн А. Б., Чистов Ю. К.* Ранние естественно-научные коллекции Кунсткамеры: путеводитель. СПб., 2011. С. 20.

[2] Государственный Эрмитаж. КПГЭ.1947–64/175; КПГЭ.1947–64/176; КПГЭ.1951–34/16.

[3] Все даты в тексте приводятся по старому стилю.

[4] *[Голиков И. И.]* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России. М., 1789. Ч. 8. С. 94

[5] Там же. С. 95–97.

[6] Походный журнал 1722 г. СПб., 1855. С. 27–28.

[7] *Гамель И. Х.* Указ. соч. С. 24.

[8] *Штелин Я. Я.* Указ. соч. С. 19–20.

Петра Миллера, решил, что и второй его рассказ о посещении государем Истьинского завода может быть отнесён к 1696 г. Однако это предположение не может считаться обоснованным. В этот год всё внимание Петра I было сосредоточено на взятии крепости Азов, о чём свидетельствует и Походный журнал 1696 г.[1]

Кроме того, интерес Петра I к минеральным водам появился гораздо позже 1696 г. Так, во время путешествия в Европу 17 июня 1717 г. он прибыл в известный своими целебными водами город Спа (Шпа) и с 21 июня «начал воду пить»[2]. Спустя три дня, 24 июня 1717 г., Пётр I направил в Сенат указ с требованием начать искать в России минеральные воды. Для этого назначался доктор Шуберт, который должен был летом и осенью обследовать места, где есть железные руды, и определять наличие «ключевых вод, которыми можно пользоваться от болезней, на приклад, какими в здешних краях пользуются, как Пирмонтсая, Шпавассер и проч.»[3].

Такие целебные воды были найдены близ Олонца у Петровских заводов. Именно на эти открытые в России «марциальные воды» 19 января 1719 г. отправился из Санкт-Петербурга Пётр I. 26 января он приехал на Петровский завод, откуда 28 числа отправился к целебным водам. «В 29-й день изволил его величество принимать соль, а в 30-й день начал употреблять воды». 15 февраля курс лечения был завершён, и 3 марта Пётр I вернулся в Санкт-Петербург[4]. А уже 20 марта 1719 г. было издано именное «Объявление о марциальных водах на Олонце», к которому приложены «Правила докторския, как при оных водах поступать». Тем самым публично сообщалось о пользе олонецких минеральных вод, указывалось, какие болезни они исцеляют, и объяснялось, «как оныя воды употреблять, дабы непорядочным употреблением оных не был никто своему здоровью повредитель»[5].

Из Походных журналов известно, что Пётр I ещё три раза посещал источник минеральных вод у Петровского завода. Так, в 1720 г. он приехал на завод 5 марта, на следующий день отправился «к колодезю», с 10 марта начал пить воду, а 22-го числа покинул источник и вернулся на завод[6]. Следующий визит относится к февралю 1722 г. В последний раз император посетил «марциальные воды» в 1724 г. 19 февраля он прибыл на Петровский завод, 23-го переехал «к водам», с 24 февраля приступил к их употреблению и закончил курс 7 марта[7].

И именно Походный журнал позволяет ответить на вопрос, когда Пётр I посетил источник минеральных вод у Истьинского завода. Согласно сделанным записям, это произошло 3 июня 1724 г. В этот день «его величество изволил путь свой восприять к новонайденным марциальным водам в Калужский уезд, на заводы Меллеровы, от Москвы в 100 верстах» и 4 июня «зачал воды пить»[8].

Обращает на себя внимание то, что в составленном практически синхронно с событием официальном документе, которым являлся Походный журнал, говорится о расположении Истьинского завода Вернера и Петра Миллеров не в Боровском или Малоярославецком, а в Калужском уезде. Следовательно, летом 1724 г. Пётр I посетил Калужскую провинцию, на территории которой были незадолго до этого обнаружены минеральные воды.

Однако следует заметить, что если в 1724 г. Истьинский завод входил в состав Калужского уезда Калужской провинции, то в феврале 1727 г., согласно собранным И. Кириловым в архиве Сената сведениям, он уже там не числился. В Калужском уезде в это время находилась только «зенфная фабрика компанейская» (от немецкого слова senf — горчица). А железные заводы «иноземцов Варфоломея да Петра Миллеров» показаны в Боровском и Малоярославецком уездах Московской провинции[9]. Вероятно, речь шла об Истьинском и Угодском заводах, которые в 1760-х гг. находились

[1] Походный журнал 1696 г. СПб., 1853.
[2] Походный журнал 1717 г. СПб., 1855. С. 22.
[3] Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 5. С. 498–499. № 3092.
[4] Походный журнал 1719 г. СПб., 1855. С. 113, 117.
[5] Полное собрание законов Российской империи … С. 684–685. № 3338.
[6] Походный журнал 1720 г. СПб., 1855. С. 10–12.
[7] Походный журнал 1724 г. СПб., 1855. С. 3–4.
[8] Там же. С. 8.
[9] *Кирилов И.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1831. С. 101, 117.

уже в составе Малоярославецкого уезда[1]. Последние территориальные изменения, возможно, оказали влияние на возникновение традиции связывать пребывание Петра I на Калужской земле с Малоярославецким уездом.

Что касается указанного в Походном журнале расстояния от Москвы до Истьинского завода, то оно, по всей видимости, было показано условно, обозначая порядок, а не точное число вёрст. Согласно данным, представленным в «Указателе дорог Российской империи» М. С. Вистицкого и «Атласе Калужского наместничества», Истьинский завод от Москвы находился на расстоянии немногим более 80 вёрст, а примерно в 100 верстах по дороге располагалась деревня Фоминка, не имевшая отношения к заводам Миллеров[2].

Сведения о посещении императором минеральных вод в Калужском уезде отразились в трёх дошедших до нас письмах, адресованных Петром I своей супруге императрице Екатерине Алексеевне. Все они начинались словами: «Катеринушка, друг мой сердешниннькой, здравствуй!».

Первое письмо было написано «з заводов» 4 июня 1724 г. В нём государь сообщал о своём благополучном приезде «сюда» 3 июня и начале «сегодни» употребления минеральной воды. Следует заметить, что в данном случае хронология событий полностью совпадает со сведениями из Походного журнала. Далее Пётр I сообщил жене, что «оную воду лучше нашли, неже о ней чаяли» и подробно коснулся действия вновь открытой воды. «Сколько возможно познать от первого дня,— писал государь,— сие у меня было: выпил 9 достаканов, первой с солью,— было 5 сталчаков, из которых последние два одна вода, и для того урины мало было. Голову жала и будто шуметь стал(о), так как и на Олонце, только от олонецких скоро отходит, а от сей долго держит». В заключение Пётр I обещал писать «что завтра и позавтрее будет» и выражал надежду, «что Бог даст доброе»[3].

Следующее письмо было написано государем собственноручно и подписано «из Торутина, в 7 день июня 1724». Следовательно, в этот день Пётр I оказался в селе Тарутино, лежавшем на дороге из Москвы в Калугу. Этот населённый пункт располагался на левом берегу реки Нары, примерно в 6 верстах от Истьинского завода. В письме Пётр I сообщал, что «воды, слава Богу, действуют изрядно, а особливо урину гонят не меньше алонецких; только опетит не такой, аднакож есть». В заключение говорилось о получении «третьего дня» письма от супруги и выражалась радость по поводу того, что ей стало «слабоднее»[4].

Последнее письмо было написано 9 июня 1724 г. без указания места. В нём государь благодарил супругу за уведомление, что она приходит «в старое здоровье». О себе Пётр I писал: «а мне гораздо лутче от вод стала и надеюсь с помощию божиею избыть болезнь, и чаю в пятницу к вам быть». В завершении письма государь просил Екатерину Алексеевну сделать распоряжения по Вышнему Волочку и позаботиться об установке на окна полотна от комаров[5].

Пётр I, как следует из Походного журнала, осуществил свои планы и, завершив лечение в пятницу 12 июня 1724 г., «в вечеру возвратился от новонайденных марциальных вод в Москву»[6]. Таким образом, император находился в Калужском уезде для употребления минеральных вод всего девять дней.

Где же конкретно располагался источник этих минеральных вод? В Походном журнале говорится, что Пётр I отправился к «марциальным водам» на «заводы Миллеровы». О нахождении императора на «заводах» в первый день употребления минеральных вод свидетельствует письмо Петра I супруге от 4 июня 1724 г. Это прямое указание на то, что источник минеральных вод был на самом заводе или в непосредственной от него близости, так как в начале лечения водами, действие которых на организм было непредсказуемо, Пётр I должен был оставаться на одном месте.

---

[1] Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. СПб., 1771. Т. 1. С. 93; *Полунин Ф. А.* Географический лексикон Российского государства. М., 1773. С. 110–111, 413.

[2] *Вистицкий М. С.* Указатель дорог Российской империи. СПб., 1804. Ч. 1. С. 25; Атлас Калужского наместничества. СПб., 1782.

[3] Письма русских государей и других особ царского семейства. М., 1861. С. 143. № 189.

[4] Там же. С. 143–144. № 190.

[5] Там же. С. 144. № 191.

[6] Походный журнал 1724 г. … С. 8.

О жизни императора на «железных заводах в Истии» сообщает Штелин со слов Петра Миллера[1]. В свою очередь, Зельницкий в статье «Минеральные воды», увидевшей свет в 1804 г, упоминает, что «марциальный ключ», по утверждению старожилов, находился на реке Истье «у самого пруда, который ныне зарос тросником и заволочён илом»[2]. По всей видимости, отголоски этих рассказов дошли и до Гамеля. В своей книге, изданной в 1826 г., он пишет, что «на Истинском заводе, близ плотины, открыт был источник железистой воды», который посетил Пётр I и «для чего там (у самой плотины) нарочно построен был дворец»[3].

Однако в историографии существует и другая версия локализации источника «марциальных вод», которые в 1724 г. употреблял император. Тот же Зельницкий в статье «Минеральные воды» категорически утверждает, что «на р. Истии ныне нет никаких признаков о сем марциальном ключе». При этом он указывает, что «в Малоярославецком уезде, на старой Московской дороге расстоянием от Калуги на 70 вёрст у самой деревни, Лыков овраг именуемой, находится источник, вода которого примечается целительною от внутренних болезней; многие, употребляя сии воды, получают желаемое облегчение. Вода сия, кажется, имеет железные частицы, вкусом горьковата и чрезвычайно холодна. По химическом испытании и по надлежащем расчищении, ключ сей может быть не уступил бы многим водам, целительною силою прославляемым. Но за недостатком испытателей природы остаётся неизвестным»[4]. Зельницкий полагал, что «сей источник есть тот самый, водами которого бессмертный монарх сей пользовался, потому что оный колодец от железного завода, принадлежащего Г[рафам] Шуваловым, отстоит менее 6 вёрст, и что нигде не примечается в сих странах другие, такового свойства, воды»[5]. Следует отметить, что менее 6 вёрст от деревни Лыков овраг (Лыков враг) находился не Истьинский, а Угодский завод, также принадлежавший в 1724 г. братьям Миллерам. Истьинский же завод располагался от указанного Зельницким источника на расстоянии около 14 вёрст по прямой, а по дороге необходимо было проехать более 20 вёрст. Как видно, данная версия противоречит имеющимся данным и в первую очередь личному свидетельству Петра I, который в письме супруге от 4 июня 1724 г. однозначно указывал, что в первый день лечения минеральной водой он находился на «заводах», а не в каком бы то ни было населённом пункте.

Таким образом, введённые в научный оборот документальные источники позволяют утверждать, что Пётр I был на Калужской земле всего один раз, с 3 по 12 июня 1724 г. При этом он специально отправился для лечения в Калужский уезд Калужской провинции на Истьинский завод Вернера и Петра Миллеров, где недавно был обнаружен источник минеральных вод. Из содержания писем императора своей супруге можно заключить о положительном действии этих вод на здоровье Петра I. К сожалению, в последующее время этот целительный источник на Истьинском заводе, отмеченный высочайшим посещением, оказался утрачен. И сегодня, благодаря записям в Походном журнале, письмам Петра I и зафиксированному Штелином рассказу Петра Миллера мы можем говорить о пребывании с 3 июня 1724 г. императора на Истьинском заводе, посещении 7 июня села Тарутино и изготовлении монархом незадолго до своего отъезда в Москву 18 пудов железа. За эту работу уже в Москве от Вахрамея Миллера Пётр I получил 18 алтын и до своего отъезда в Петербург, последовавшего 16 июня 1724 г.[6], потратил эти деньги на покупку себе новых башмаков.

Таким образом, обращение к опубликованным ещё в XIX в. документам способствовало исправлению допущенных в публикациях о пребывании Петра I на Калужской земле ошибок и неточностей, помогло уточнить время и место посещения, а также позволило детально рассмотреть конкретный эпизод в жизни императора, имеющий непосредственное отношение к истории Калужского края и затрагивающий одно из направлений деятельности Петра I, которое касалось открытия в России источников минеральных вод и использования их в лечебных целях.

---

[1] Походный журнал 1724 г. … С. 8.; Письма русских государей и других особ царского семейства … С. 143. № 189; *Штелин Я. Я.* Указ. соч. С. 21.

[2] *[Зельницкий Г. К.]* Указ. соч. С. 119–120.

[3] *Гамель И. Х.* Указ. соч. С. 24.

[4] *[Зельницкий Г. К.]* Указ. соч. С. 118.

[5] Там же. С. 119.

[6] Походный журнал 1724 г. … С. 8.

ВЛАДЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОДА СЕ(И)НЯВИНЫХ В БОРОВСКОМ УЕЗДЕ XVII — СЕРЕДИНЫ XIX в. (К ВОПРОСУ О РОДОСЛОВНОЙ ДВОРЯН СЕ(И)НЯВИНЫХ)

Н. П. Лошкарёва,
главный научный сотрудник, МКК «Стольный город Боровск»

Тема эта не столь широко изучена, но вызывает большой интерес, в первую очередь, в отношении тех представителей рода Се(и)нявиных, которые прославили его в качестве флотоводцев и офицеров Военно-морского флота Российской империи. С Боровским уездом Се(и)нявины тесно связаны с XVI в.: здесь они впервые были упомянуты в 1525 г., а в начале XVII в. их род числился среди значимых дворянских родов [1]. На протяжении XVIII — середины XIX в. Се(и)нявины продолжали владеть селениями и земельными угодьями в пределах уезда.

В ходе работы над темой были использованы ранее не публиковавшиеся документы Государственного архива Калужской области (ГАКО) таких фондов, как «Калужская палата гражданского суда» (Ф. 43), «Калужская губернская палата государственных имуществ» (Ф. 53), «Коллекция дел о действиях учреждений и отдельных лиц, бывших на рассмотрении правительствующего Сената» (Ф. 54), «Калужская провинциальная канцелярия» (Ф. 221), «Боровское духовное правление» (Ф. 79), «Боровская дворянская опека» (Ф. 406), «Боровский уездный суд» (Ф. 437) и объединённый архивный фонд «Церкви г. Калуги и Калужской губернии» (Ф. 277). Помимо этого, были привлечены опубликованные документы [2], дипломная работа студента Московского государственного историко-архивного института И. А. Киселёва [3], а также опубликованные работы кандидата искусствоведения Е. А. Шорбан и автора данного исследования [4]. Надеюсь, что это, пусть далеко не в полной мере, но всё же позволит расширить круг знаний о владениях Се(и)нявиных в Боровском уезде и о самой родословной их. Стоит оговорить такой важный аспект: написание фамилии в работе — Сенявины или Синявины — будет соответствовать написанию её в документах.

По Боровскому уезду в 1-й пол. XVII в. были известны владения Фёдора Михайловича, его детей и Ивана Давыдовича Синявиных. Иван Давыдович в 1622 и 1630 гг. значился дворовым, в 1649 г. — выборным. Сын его Афонасий в 1630 г. упоминался в качестве новика, в 1649 г. — городовым. Фёдор Михайлович находился на службе в 1604 г., тогда же были упомянуты его сыновья: Григорий, Медведь, Василий и Иван в качестве недорослей, старший Матвей — в качестве новика. В дальнейшем по Боровскому уезду Матвей Фёдорович упоминался в 1622 г. дворовым, в 1630 г. — выборным и в 1632 г. — дворянином московским, его брат Медведь Фёдорович в 1622 и 1630 гг. — дворовым [5]. Матвей Фёдорович в с. Комлево имел вотчину, которую ему в 1616 г. пожаловал царь Михаил Романов из поместья Фрола Тимофеевича Шипова (или Шипилова) «за Московское осадное сидение Королевича приходу» [6].

По сведениям 1622 г., за свою службу Матвей Фёдорович получал дворовой оклад 750 четей, его поместье в Боровском уезде составляло 328 четей и в Малоярославецком — 93½ чети, вотчина в Боровском уезде составляла 163½ чети и в Малоярославецком — 46½ чети, числилось за ним 5 крестьян и 11 бобылей, жалованье получал из Устюжской чети 39 рублей [7]. Сведения 1630 г. о его службе говорят следующее: «Матвей Фёдоров сын Синявин, по окладчикове скаске будет ему в государеве жалованье в первой статье, а на государеве службе будет на коне в саадаке с саблею, да за ним человек на коне с простым конём. Да и сам Матвей про службу свою сказал, что он на государеве службе будет против окладчиковы скаски. И Матвею государево жалование первая статья двадцать пять рублёв дано. А в государеве жалование в деньгах и службе по Матвее порука окладчики: Степан Загряский, Офонасей Челищев» [8]. В 1621, 1625 гг. в Боровске (ныне Боровское городище. — *Н. Л.*) Матвей Фёдорович имел осадный двор в длину 11 саж., поперёк 13 саж., его поместье приходилось на с. Комлево и ближние к нему земли. В поместье Матвея Фёдоровича было озеро, вода в котором принадлежала боровским посадским людям, а рыбная ловля — Высоковскому монастырю. Ещё два двора числились за Матвеем Фёдоровичем на городском посаде в Рождественском приходе [9].

Сын Матвея Фёдоровича Фрол Матвеевич унаследовал на Городище дворовое осадное место «меж тайника и тюрем» «в длину 11 саж, а поперёк тож», а в с. Комлеве — вотчину. В 1677 г. в селе стоял его вотчинников двор, ему принадлежали 8 крестьянских дворов, в которых проживали 53 человека, 7 — бобыльских, в них — 22 человека, и 3 двора задворных, в них — 9 человек. В 1681 г. с. Комлево также значилось вотчиной Фрола Матвеевича с 15 крестьянскими дворами. В 1686 г. — «село Комлево на горе, под ним болото и пруд на Папинской лощине, в селе церковь деревянная клёцки во имя Рождества Иоанна Предтечи, а построил… церковь после писца Василья Колычева он же вотчинник Фрол Синявин на старом кладбище… да в том же селе дв. вотчинников да крестьянских 15 дв., в них 89 челов.». В 1705 г. с. Комлево значилось в вотчине за сыном Фрола Матвеевича стольником Петром Фроловичем, а также Богданом Григорьевичем Синявиным и за Фёдором Даниловичем Дурным; в поместье вместе с сельцом Фатеевым — 34 крестьянских двора, в них — 145 человек [10].

Брат Матвея Фёдоровича Медведь Фёдорович Синявин, по сведениям 1622 г., получал денежный оклад из той же Устюжской чети, как сын боярский, 17 рублей. При разборе о нём было сказано, «что ему ныне на государеве службе за бедностью без ево государева жалованья быти не мочно, а з государевым жалованьем будет он ныне… на коне в саадаке». Его дворовый оклад составлял 550 четей, поместной земли за ним числилось 430⅓ чети, 1 крестьянин и 5 бобылей. В городе на посаде в Успенском приходе за ним был ещё двор [11].

Из Устюжской чети, по сведениям 1622 г., жалованье 8 рублей получал также Иван Давыдович Синявин. Его дворовый оклад составлял 500 четей, поместной земли за ним числилось 150 четей и 1 бобыль [12].

В начале XVIII в. вотчину в с. Комлево имел стольник Алексей Сенявин. По его челобитной в 1712 г. здесь вместо деревянного храма возвели каменный. Только в благословенной грамоте, разрешившей службы, храм поименовали во имя Усекновения главы Иоанна Предтечи, но уже в апреле следующего 1713 г. вышел очередной государев указ, по которому надлежало освятить построенную церковь в честь Рождества Иоанна Предтечи, выдав ей новый антиминс. Освящение должен был совершить архимандрит Пафнутьева монастыря Серапион [13].

В 1-й пол. XVIII в. вотчины Се(и)нявиных располагались и в других частях Боровского уезда. Тогда в его состав входила Вепрейская волость (в настоящее время это земли Малоярославецкого района. — *Н. Л.*). В ней находилась вотчина дворянина Акима Ивановича Синявина — село Савиново. В 1707 г. Аким Иванович по благословению митрополита Рязанского и Муромского Стефана построил в селе на старом церковном месте новую каменную церковь во имя святителя Николая Чудотворца [14].

По сведениям 1800 г., в той же волости, недалеко от с. Савинова, были владения к тому времени умершего адмирала и кавалера Алексея Наумовича Синявина (05.10.1722–11.08.1797) [15] — сельцо Васясово (Васисово), село Бабичева и деревня Верховская. В них стояли 58 дворов, в которых числилось душ мужского пола 300 человек и женского пола 291. Под поселением было занято 59 дес. 1709 саж., пашенной земли — 784 дес. 799 саж., сенокосной — 114 дес. 115 саж., лес дровяной занимал 562 дес. 1964 саж, неудобные места — 11 дес. 1865 саж. Всего земли числилось 1 532 дес. 1 652 саж. Простирались земельные владения Алексея Наумовича по обе стороны речки Дубровки, речки Благополучия и Безымянного оврага. Господский деревянный дом стоял в сельце Васясове. При доме по куртинам рос сад — иррегулярный с плодовыми яблоневыми и вишнёвыми деревьями, в овраге находились два пруда. В прудах разводили рыбу: карасей и линей. Рыба и плоды из сада употреблялись для господского расхода. В селе Бабичево стоял каменный храм во имя великомученика Георгия [16].

Помимо этого, Алексей Наумович в середине XVIII в. владел имением в с. Комлево. По купчей 24 сентября 1750 г., он продал его своему двоюродному брату Николаю Фёдоровичу Сенявину (ум. 01.06.1802) [17]. В свою очередь, Николай Фёдорович в 1753 г., будучи капралом лейб-гвардии Измайловского полка, «в роде своём не последний при свидетелях» продал полотняной парусной фабрике, состоявшей в уезде Ярославца Малого содержателю её Григорию Ивановичу Щепочкину, «жене ево и детям и наследникам» недвижимое своё имение, доставшееся от отца Фёдора Акимовича Сенявина и по разделу с братом родным Александром Фёдоровичем,

«а именно: в Мещовском уезде в селе Опокове да жеребей в дер. Озерках, да в Медынском уезде в Агеевой слободе Агеево тож четвёртая часть, как в Опокове, так и в вышеписанных деревнях с хлебом стоячим». Взял он за него 1500 рублей [18]. Женой Фёдора Акимовича, а значит, матерью Николая Фёдоровича и Александра Фёдоровича, была Катерина Ивановна, в девичестве, видимо, Лодыженская [19].

В состав вновь приобретённого Николаем Фёдоровичем имения входили не только комлевские, но ещё и земли близ расположенных деревень: Фатеевой и Кирилловой с пустошами. Владельцем данного имения он значился в 1767, 1776 и 1800 гг. При этом совладельцами его являлись полковник Андрей Богданович и сержант Александр Авраамович Синявины, а также капитан Иван Васильевич Зем(н)булатов. Синявины имели в с. Комлеве каждый по деревянному дому, при домах — иррегулярные сады [20]. По 5-й ревизии за Николаем Фёдоровичем в с. Комлеве, д. Кириловой, д. Маланьиной и в сельце Фатееве числилось 261 душа мужского пола, 235 душ женского пола вместе с новорождёнными «с их землями и всякими принадлежностьми равно и с отхожими многими пустошми». Также ему принадлежали образа с серебряными окладами, бриллиантовые и золотые разные вещи, серебряная и всякая другая посуда, экипажи и лошади. До своей отставки Николай Фёдорович успел послужить генеральс-адъютантом на военном флоте под началом своего двоюродного брата адмирала и кавалера Алексея Наумовича Синявина.

Женой Николая Фёдоровича была Марья Васильевна Хитрово (ум. 12(?) авг. 1804), которая родила ему сыновей Сергея и Дмитрия и дочь Федосью. Сергей в чине капитана 2-го ранга в 1791 г. был уволен с военно-морской службы с сохранением жалованья пожизненно после того как в ходе русско-шведской войны 1788–1790 гг. получил тяжёлое ранение в левую руку, командуя в августе 1789 г. в I-м Роченсальмском сражении бомбардирским кораблём «Перун». В связи с отставкой в 1791 г. он несколько месяцев прожил в Соловецком монастыре, затем, очевидно, обосновался в Боровском уезде. Дмитрий (06.08.1763–05.04.1831) продолжал нести военную службу. В 1800–1803 гг., будучи в звании контр-адмирала, он состоял капитаном Херсонского порта, в 1803–1804 гг. — капитаном Севастопольского порта. Дочь Федосья была замужем за поручиком Александром Авраамовичем Синявиным, скорей всего, являвшимся совладельцем Николая Фёдоровича по имению. Необходимо отметить, что Марья Васильевна внесла свою лепту в расширение комлевского имения, выкупив в 1790 г. долю капитана Ивана Васильевича Зем(н)булатова.

В 1802 г. Николай Фёдорович скончался, и из-за его боровской части наследства произошёл серьёзный спор. Тяжба велась его женой и детьми с девицей М. Д. Беседновой. Длившаяся более десяти лет, она закончилась в пользу детей Николая Фёдоровича [21]. В последующие десятилетия имение Николая Фёдоровича и его жены Марьи Васильевны продолжало оставаться за их детьми, внуками и правнуками.

В 1824 г. частью с. Комлева (в нём 71 душа) и д. Фатеевой (в ней 95 душ) владел вице-адмирал и кавалер Дмитрий Николаевич Синявин, а во владении жены и детей скончавшегося к тому времени флота капитана 2-го ранга Сергея Николаевича Синявина (ум. в 1818 г.) Марьи Яковлевны состояли в разных долях д. Кирилова (в ней 24 души), д. Кривская (в ней 33 души) и д. Маланьина (в ней 32 души) [22].

В 1825 г. жене Сергея Николаевича Марье Яковлевне было 50 лет (возможно, что происходила Марья Яковлевна из рода Челищевых или Бахметевых. — *Н. Л.*). Вместе с малолетними детьми она проживала в г. Боровске в приходе храма Успения Пресвятой Богородицы: Анне было 19 лет, Александре — 10 (или 16, или 20) лет, Вере — 13 лет и сыну Сергею — 7 лет. Иногда у неё гостила старшая дочь Надежда 26 лет [23]. Сын Константин 16 лет находился на учёбе в Санкт-Петербургском морском кадетском корпусе гардемарином, одна из дочерей состояла на воспитании в Санкт-Петербурге в Екатерининском институте [24].

Подраставшим детям Марья Яковлевна выделяла полагавшиеся им по наследству доли. Так, 19 октября 1826 г. она отписала положенную по наследству часть имения дочери Анне. В 1834 г. имение Анны состояло из 10 душ в д. Кривской с земельными угодьями. Её старшая сестра Надежда, в замужестве за титулярным советником Петровым, владела к тому времени 11 душами в сельце Маланьине с земельными угодьями. Обе сестры к 1834 г. скончались, и их имения

за долги Московскому опекунскому совету были взяты в Боровскую дворянскую опеку. Опекунами по данному делу выступили их родной брат мичман Константин Сенявин и флота капитан-лейтенант Д. А. Зыков. Закончилось дело благополучно: имения умерших сестёр из управления Боровской дворянской опеки в связи с уплатой долгов были исключены [25].

Сама Марья Яковлевна в 1848 г. владела недвижимым имением в д. Маланьиной (17 душ) и д. Кириловой (10 душ) вместе со 123 дес. земли. В своё время она это имение заложила Московскому опекунскому совету, а выплаты по залогу просрочила. Тогда Московский опекунский совет выставил её имение на продажу через публикацию 10 сентября 1848 г. за № 9199. Вырученные от продажи имения деньги должны были пойти на выплату долга Совету, а также коллежскому секретарю Н. Я. Попову. Оставшейся суммой могла распоряжаться Марья Яковлевна. Со своей стороны она стала настаивать на продаже имения в государственную казну, в чём её поддержали ходатайством принадлежавшие ей крестьяне. Палата государственных имуществ пошла им на встречу. Только вот Марья Яковлевна, желая получить от продажи имения финансовую выгоду, вступала с Палатой государственных имуществ в бесконечные препирательства, что тормозило процесс купли-продажи. В результате, когда имение за 2 700 руб. серебром было продано казне и об этом 2 июня 1851 г. за № 8923 был извещён Боровский уездный суд с тем, чтобы далее известить саму должницу, обязав её подписать купчую крепость, выяснилось, что Марья Яковлевна Сенявина 10 мая 1851 г. скончалась «по продолжительной водяной болезни от удара». К моменту смерти ей было 73 года, проживала она в Боровске в приходе Крестовоздвиженского храма. Похоронили Марью Яковлевну 12 мая на кладбище при Покровском храме на Высоком [26].

В связи со смертью Марьи Яковлевны купчая крепость на имение не была подписана, а значит, и не могла быть совершена до решения её наследников. О них Боровским уездным судом было доложено в Калужскую палату госимуществ, «что после смерти флота капитаньши 2 ранга Марьи Яковлевой Синявиной в настоящее время наследников в виду суда сего нет, и известно только суду, что у нея остался сын Сергей Сергеев Синявин, который находится на службе, по морскому ведомству, но в каком месте и где именно место пребывания его неизвестно» [27].

В 1859 г. флота лейтенант Сергей Сергеевич Сенявин значился среди помещиков Боровского уезда. (А вот унаследовал ли он имение матери или она ему в своё время выделила положенную долю в наследстве, или то и другое, пока неизвестно). Имение его находилось в д. Маланьиной и д. Кириловой, в которых по 10-й ревизии числилось 32 души мужского пола (по факту было 29 душ). Из них в д. Маланьиной крестьян числилось 19 душ (и по факту мужского пола душ было 19), в том числе тягол 7. Крестьянское имущество состояло из 6 дворов, 9 лошадей, рогатого скота 11. В д. Кириловой крестьян числилось 13 душ (по факту мужского пола душ 10), в том числе тягол 6. Крестьянское имущество состояло из 6 дворов, 8 лошадей, рогатого скота 9. Тяглецы состояли на оброке и платили с каждого в год 12 руб. серебром. Во владении помещика С. С. Сенявина находилась также земля: при д. Маланьиной 7 десятин усадебной, пашни 53 дес., сенокосу 5 дес., лесу мелкого, кустарника разного, по коему покос, 10 дес., неудобной 3 дес.; при д. Кириловой под поселением и усадьбами было 3 дес. 1 200 саж., пахотной 44 дес. 1 200 саж., сенного покосу 14 дес., мелкой поросли, по коей покос, 17 дес. 1 200 саж, дровяного лесу 14 дес. 1 200 саж, под болотами 1 600 саж. Означенная земля состояла в чресполосном владении. Количество её было указано по сведениям 12 февраля 1834 г. Господского строения в деревнях не было.

Данное имение Сергей Сергеевич 16 августа 1854 г. заложил в Московском опекунском совете в сумме 2 340 руб. серебром по обязательству, данному на 37 лет. В виду неуплаты им положенных годовых процентов Московский опекунский совет решил имение продать, и оно 22 марта 1859 г. поступило в управление Боровской дворянской опеки. Вотчинный староста крестьянин Фёдор Фёдорович Капускин в связи с описью имения сообщил, что планы и межевые книги на имение находятся у помещика, который служит в Севастополе. Каких-либо других казённых и частных долгов на имении не состояло, да и в опекунское управление оно поступило первый раз. Чтобы разрешить возникшую проблему, Боровская опека назначила над имением С. С. Сенявина опекуном помещика Боровского уезда подпоручика Ивана Петровича Филимонова. Исход дела благодаря ему завершился благополучно: долг был уплачен, и в 1865 г. имение исключили из управления Боровской дворянской опеки [28].

В пределах Боровского уезда находились владения и других потомков Сергея Николаевича Синявина. В частности, это были имения его внучек: малолетней девицы Екатерины Семёновны Лавровой, которую опекала, пока не умерла, родная бабушка флота капитанша 2-го ранга Марья Яковлевна Сенявина [29], и надворной советницы Таисии Константиновны Ознобишиной, которое, по сведениям 1863 г., находилось в д. Кириловой в долевом владении с родным дядей флота капитан лейтенантом Сергеем Сергеевичем Сенявиным [30].

Вернёмся к с. Комлеву, в котором сохранилось имение за адмиралом и кавалером Дмитрием Николаевичем Сенявиным. Рядом в д. Фатеевой значилось имение его жены Терезы Ивановны Синявиной (в документах её имя писали по-разному: Тереза, Терция или, по-православному, Таисия. — *Н. Л.*), состоявшее из 95 душ мужского пола. В 1827 г. Тереза Ивановна заложила своё имение сохранной казне Санкт-Петербургского опекунского совета, взяв у него 7600 рублей. Но с выплатой процентов по займу у неё возникли проблемы, поэтому её имение какое-то время состояло под управлением Боровской дворянской опеки [31].

После смерти мужа, очевидно, войдя в наследство, она переехала жить на его родину в Боровский уезд. В с. Комлево стоял теперь уже ей принадлежавший господский дом, а вблизи него — храм во имя Рождества Иоанна Предтечи. В 1835 г. по заказу Терезы Ивановны к храму пристроили тёплый придел во имя Николая Чудотворца. В этом храме её и похоронили в 1843 г., позже, в 1845 г., рядом с ней похоронили дочь Александру Дмитриевну Станкевич и в 1856 г. мужа последней — Александра Сергеевича Станкевича [32].

Александра Дмитриевна ещё в 1841 г. выкупила у матери Терезы Ивановны имение. Состояло оно из комлевской части и д. Фатеевой, в коих проживали 190 ревизских душ мужского пола. Но 14 июня 1845 г. Александра Дмитриевна «волею Божиею помре от прилива крови в голове на 40 году от рождения, и тело ея по чину православной церкви отпето в С. Петербургском в Исакиевском соборе, при сём и препровождено для предания земле по христианскому обряду Калужской губернии в собственном ея имении в церкви с. Комлева».

Александра Дмитриевна находилась в браке с Александром Сергеевичем Станкевичем — на тот момент подполковником Корпуса жандармов, состоявшим при шефе жандармов. У них было трое детей. Старший сын Дмитрий родился 7 марта 1835 г., его молитвовали и крестили в Сергиевском Всей Артиллерии собора г. Санкт-Петербурга. При крещении восприемниками были директор Департамента разных податей и сборов тайный советник и кавалер Пётр Сергеевич Кайсаров (в то время А. С. Станкевич, будучи надворным советником, служил в Департаменте разных податей и сборов Министерства финансов) и надворная советница Евдокия Ивановна Станкевич. Средний сын Сергей родился 20 апреля 1836 г., был молитвован и крещён в том же храме, восприемниками выступили те же лица. Только Евдокия Ивановна значилась в документе в качестве жены умершего надворного советника Сергея Финарьевича (?) Станкевича. (Видимо, это родители А. С. Станкевича. — *Н. Л.*). Третьей родилась дочь Таисия. На свет она появилась в имении бабушки Терезы Ивановны в с. Комлеве. Молитвована была 26 февраля 1838 г., крещена в храме Иоанна Предтечи с. Комлева «того же месяца тридцатого числа». При крещении новорождённой восприемниками выступили всё тот же действительный тайный советник Пётр Сергеевич Кайсаров и бабушка адмиральша Таисия (Тереза) Ивановна Сенявина, в честь которой, бесспорно, и была наречена внучка.

Перед смертью Александра Дмитриевна не успела распорядиться своим достоянием, претендентов на него, кроме детей и мужа, не оказалось. Поскольку дети были ещё малолетними, то отец обязан был опекать их и наследство до совершеннолетия первых. С таковой просьбой Александр Сергеевич и обратился в Боровскую дворянскую опеку, которая указом от 17 ноября 1846 г. за № 248 учредила опекунство отца над детьми и над боровским имением. При этом служить он продолжал в Санкт-Петербурге, жительство имел в его 4-й части 1-го квартала доме господина Глинки.

Для взятия А. С. Станкевичем имения покойной жены в опеку 3 декабря 1847 г. была произведена его опись. При ней присутствовали член Боровской дворянской опеки уездный судья Михаил Зембулатов(?) и двое благородных свидетелей: губернский секретарь Владимир Архипович Сендюков и штабс-капитан Константин Фёдорович Каратаев. Согласно описи, при

с. Комлеве по межевым планам значилось земли удобной и неудобной 458 десятин. Всего по комлевской части имения показано 502 дес. земли, сверх того ещё 50 дес. относились к владениям священно-церковнослужителей. Проживали в селе по последней ревизии 67 душ мужского пола и 71 — женского пола, а в действительности на момент описи их было — 80 мужского пола и 90 женского пола. В д. Фатеевой по межевым планам значилось удобной и неудобной земли 300 дес., проживали в ней по последней ревизии 72 души мужского пола и 77 — женского пола, а по факту на момент описи — 101 мужского пола и 91 женского пола. Занимались крестьяне хлебопашеством [33].

В 1849 г. владельцы имения продолжали жить в Петербурге в Литейной части 3 квартала в доме купца Калугина под № 91. Александр Сергеевич состоял по особым поручениям при графе Орлове в корпусе жандармов, дослужился до звания полковника. Дети обучались на дому, при дочери состояла ещё гувернантка. Иногда детей отправляли в имение матери отца. Поскольку сыновья подрастали, отец стал готовить их к поступлению в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, в которую их зачислили в 1849 г. Дочь Таисия в 1851 г. поступила на содержание и воспитание в Институт ордена св. Екатерины [34].

В 1856 г. старший сын Дмитрий, будучи совершеннолетним, уже вышел из-под опеки отца и служил в звании штабс-ротмистра. Средний сын Сергей — корнет лейб-гвардии кирасирского её величества полка — и дочь Таисия продолжали находиться под отцовской опекой, как и доли их наследства в Боровском уезде. Александр Сергеевич к этому времени вступил в долю своего наследства и стал законным помещиком Боровского уезда. Находясь в своём имении в с. Комлеве, он 25 сентября 1856 г. скончался, что было засвидетельствовано священником комлевского храма Фёдором Яковлевичем Малитиным (или Маликиным) и пономарём Дмитрием Щепетовым.

На данный период за А. С. Станкевичем по 9-й ревизии числилось душ в Боровском уезде: с. Комлеве дворовых — 2, крестьян — 35, д. Фатеевой крестьян — 26, д. Кириловой крестьян — 18, д. Маланьиной крестьян — 9, д. Кривской крестьян — 62. Также у него было имение в Медынском уезде в сельце Исакове, в котором числилось по той же ревизии дворовых — 5, крестьян — 191. Всего ему принадлежало по 9-й ревизии 348 душ. Помимо этого, в совместном владении с детьми его Дмитрием, Сергеем и Таисией в с. Комлеве числилось крестьян 90 и д. Фатеевой — 84. Всего 174. Недоимок на означенном имении не было, в залоге оно по Казённой Палате не состояло [35].

После смерти А. С. Станкевича его достояние должно было отойти детям, т.е. внукам адмирала и кавалера Дмитрия Николаевича Сенявина. Поскольку Сергей и Таисия являлись ещё малолетними (первому было 20, второй — 17 лет), то они 5 ноября 1856 г. обратились с просьбой в Боровскую дворянскую опеку с тем, чтобы над ними и их долями в наследстве определили попечителя — их двоюродного дядю отставного штабс-капитана Ивана Николаевича Станкевича, проживавшего в сельце Синютине Юхновского уезда Смоленской губернии. Сами брат и сестра проживали в имении госпожи Воронец в селе Бобынове того же Юхновского уезда [36].

В 1-й пол. XIX в. в с. Комлеве Боровского уезда находилось имение ещё одного представителя рода Се(и)нявиных. Имя и отчество его пока не установлено. Известно только, что он был в звании подпоручика и его женой, по сведениям апреля 1829 г., являлась Прасковья Алексеевна Рахманова (в девичестве Воейкова). Вместе с ней он проживал в своей вотчине в Боровском уезде (при этом у Сенявина в Москве в Пречистенской части был дом или квартира). Для Прасковьи Алексеевны это был второй брак, в первом браке она состояла замужем за подпоручиком Иваном Андреевичем Рахмановым, который скончался до 2 июля 1827 г. Подпоручик Иван Андреевич Рахманов был ещё одним владельцем имения, приходившегося на с. Комлево с деревнями. За ним числилось 79 душ крестьян, которые занимались хлебопашеством. В комлевском имении он успел построить новый дом, правда, довёл его только до потолка.

В связи с его смертью над имением и его малолетним сыном Алексеем в Боровской дворянской опеке 2 июля 1827 г. была учреждена опека. Опекунами определили мать Прасковью Алексеевну Рахманову (Сенявину), генерал-майора и командора Фёдора Михайловича Рохманова и отца Прасковьи Алексеевны капитана Алексея Петровича Воейкова. Позже вместо Рахманова опекуном определили второго мужа Прасковьи Алексеевны подпоручика Сенявина [37]. В 1837 г.

малолетний пасынок Сенявина Алексей Иванович Рахманов обучался в Московском университете. Его комлевское имение, да и сам он, продолжали находиться в опеке. Опекуном значился его дед Алексей Петрович Воейков, а вот матушка Прасковья Алексеевна к этому времени скончалась [38]. В качестве кого в данном случае выступал отчим Сенявин, пока не известно.

Итак, на основе вышеуказанного можно сделать вывод, что владения рода Се(и)нявиных в Боровском уезде, упомянутые ещё в XVI в., продолжали оставаться за представителями этого рода до 2-й пол. XIX в. (не исключено, что вновь выявленные дела позволят расширить границу до рубежа XIX–XX вв.). В основном здесь речь идёт о владениях, которые находились в с. Комлеве и ближних к нему деревнях. В связи с ними прослеживаются несколько ветвей рода Се(и)нявиных, представители которых передавали их по наследству столетиями. Одной из них является ветвь Николая Фёдоровича Се(и)нявина — отца адмирала и кавалера русского военного флота Дмитрия Николаевича Сенявина.

Список литературы

1. *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга. Изд. 2-е. СПб., 1895. Т. 1. С. 210; *Киселёв И. А.* Боровский уезд во второй половине XVI — первой половине XVII в. Историко-географическое исследование/ Дипломная работа студента 5 курса кафедры вспомогательных исторических дисциплин факультета архивного дела Московского государственного историко-архивного института. Москва, 1987. С. 33, 37. (Машинопись. Хранится в библиотечном № 249 и НВ фондах МКК «Стольный город Боровск»).
2. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1888; *Белоцерковский Г. М.* Боровская «разборная» десятня 1622 года / Ксерокопия: Биб-ка МКК «Стольный город Боровск». № 2071; *Холмогоровы В. И. и Г. И.* Материалы для истории, археологии и статистики церквей Боровского уезда с пригороды. Калуга, 1898 / Ксерокопия: Биб-ка МКК «Стольный город Боровск» № 2068; *Лобанов-Ростовский А. Б.* Указ.соч.
3. *Киселёв И. А.* Указ.соч.
4. *Лошкарёва Н. П.* О нравах боровского дворянства // Мансуровские чтения. Калуга, сентябрь 2009 г. Вып. 2. Издательский дом «Ясная Поляна», 2010. С. 190–195; *Она же.* Как поспорили в начале XIX века дворяне Синявины с девицей Беседновой из-за комлевского имения // Мансуровские чтения. Калуга, сентябрь 2012. Вып. 5. ГМПЗ «Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2013. С. 86–100; *Она же.* Храм во имя Рождества Иоанна Предтечи в с. Комлеве Боровского уезда // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: материалы XVI Всероссийской научной конференции. Калуга, 2015; *Шорбан Е. А.* Село Комлево Боровского уезда в XVII–XXI столетиях // Там же.
5. *Киселёв И. А.* Указ. соч. С. 37.
6. *Шорбан Е. А.* Указ. соч. С. 317; *Лобанов-Ростовский А. Б.* Указ. соч. С. 210.
7. *Белоцерковский Г. М.* Указ. соч. С. 31.
8. *Киселёв И. А.* Указ. соч. С. 14.
9. Книги города Боровска посаду писма и дозору Ильи Васильевича Чемесова, да подьячего Василья Прокорфьева лета 7129-го) // Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1888. С. 1; Книга г. Боровска письма и меры Ивана Петровича Турсково, да подьячего Воина Аврамова 133 г.) // Там же. С. 6; Писцовая книга пушкарских воротничьих и осадных дворов 1685 года // Там же. С. 106.
10. Писцовая книга г. Боровска 1685 г. // Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. С. 25; *Шорбан Е.* Указ. соч. С. 317–318.
11. *Белоцерковский Г. М.* Указ. соч. С. 20, 31; Писцовая книга г. Боровска 1685 г. // Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. С. 51; Писцовая книга пушкарских воротничьих и осадных дворов 1685 года // Там же. С. 106.
12. *Белоцерковский Г. М.* Указ. соч. С. 31.
13. *Лошкарёва Н. П.* Храм во имя Рождества Иоанна Предтечи в с. Комлеве Боровского уезда // Указ. сборник. С. 322–323.
14. *Холмогоровы В. И. и Г. И.* Указ. соч. С. 24.
15. Петербургский некрополь. СПб., 1913. Т. 4. С. 58–59.
16. РГВИА РФ. ВУА. Д. 18753. Ч. 1. Экономическое камеральное примечание городу Боровску и уезду на 1800 год. Л. 97. № 683.
17. *Лошкарёва Н. П.* Как поспорили в начале XIX века дворяне Синявины с девицей Беседновой из-за комлевского имения // Указ. сборник. С. 87, 89.

18. ГАКО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 84. Книга Калужской провинциальной канцелярии для записи купчих крепостей на продажу крестьян, имений помещиков и др. за 1753 г. Л. 202–203. № 178. — *Автор благодарит за предоставление этих сведений историка В. И. Абакулова.*
19. Там же. Д. 21 Книга Калужской провинциальной канцелярии для записи совершаемых в ней крепостей на продажу земли, дворовых людей и т. п. за 1741 г. Л.5об: «15 Генваря 1741 г. вдова Катерина Иванова дочь полковника Федоровская жена Акимова сына Синявина заняла она при свидетелях у вдовы Авдотьи Семёновой дочери каптенармуса Гавриловской жены Алексеева сына Сафонова денег 1 000 руб. до сроку генваря 1 числа будущего 1742 г., а ей Авдотье заложила она своё недвижимое имение в Вяземском (?) уезде … дер. Старую Шалину и др. … и по полюбовному разделу с братом своим Дмитрием Ивановым сыном Лодыженским…».
20. *Шорбан Е. А.* Село Комлево Боровского уезда в XVII–XXI столетиях // Указ. сборник. С. 318; РГАДА. Ф. 1355. Экономические примечания на 1776–1880 гг. № 459. Л.9; РГВИА РФ. Там же. Л. 7об–8об. Известно также, что в конце XVIII — начале XIX в. на бывших землях Боровского уезда значились имения капитана Ивана Синявина (жена Елизавета) и капитана командора Григория Синявина. Помимо них, упоминается майорша Анна Синявина, которая находилась в споре со своим племянником Дмитрием Поливановым из-за наследства: ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 904. Дело по прошению майорши Сенявиной о спорном с её племянником Поливановым имением. Л. 3об–5.
21. *Лошкарёва Н. П.* О нравах боровского дворянства // Указ. сборник. С. 121; *Она же.* Как поспорили в начале XIX века дворяне Синявины с девицей Беседновой из-за комлевского имения // Указ. сборник. С. 87, 88, 99.
22. *Лобанов-Ростовский А. Б.* Указ. соч. С. 213; *Лошкарёва Н. П.* Указ. соч. С. 99.
23. ГАКО. Ф. 277. Оп. 1. Д. 189. Исповедные ведомости Успенской церкви города Боровска за 1805–1834 гг. Л. 116об–117; Там же. Ф. 406. Оп. 1. Д. 4. Указы Боровской дворянской опеки с 1825 по 1831 г. Л. 203–204. — Необходимо отметить, что А. Б. Лобанов-Ростовский указал следующие даты рождения детей С. Н. Синявина (см. указ. соч. С. 214): Константин — род. 5 марта 1810 — ум. до 1843 г.; Сергей — род. 7 окт. 1817 г.; Любовь — род. ?; Мария — род. 1793 г.; Надежда — род. 1797 г.; Анна — род. 1804 г.; Вера — род. 1811 г.; Александра — род. 1813 г.
24. ГАКО. Ф. 406. Оп. 1. Д. 4. Л. 31–32.
25. Там же. Л. 203–204, 291; Там же. Д. 17. Об имении девиц Анны и Надежды Сергеевн Синявиных из-за неплатежа долга Московскому опекунскому совету. Л. 1–1об, 3, 5–8, 11–12, 22–22об. [*В документах данного дела фамилия сестёр написана через «е» и через «и»*].
26. ГАКО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 157. Дело о продаже с аукционного торга имения помещицы Боровского уезда дер. Маланьиной и Кириловой М. Я. Синявиной за неуплату ею долга Московскому опекунскому совету. Л. 4–7об, 11–12об, 49, 64–65об, 93–93об, 104–106. [*В данном деле М. Я. свою фамилию писала через «е», в большинстве документов её фамилия также написана через «е»*]; Там же. Ф. 79. Оп. 1. Д. 122. Метрические книги церквей Боровска и уезда за 1851 г. Л. 120об–121.
27. ГАКО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 157. Л. 114–114об, 122–122об.
28. Там же. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1570. Рапорт и отчёты опекуна Филимонова и Боровской дворянской опеки по управлению имением помещика Боровского уезда Сенявина за 1860–1864 годы. Л. 1–1об, 3–5, 7об, 15, 71–72. [*В данном деле фамилия Сенявина пишется в основном через «е»*].
29. Там же. Ф. 406. Оп. 1. Д. 73. Дело по прошению жандармского подполковника Станкевич Александра Сергеевича о принятии в ведение опеки имения его умершей жены, находящегося в д. Фатеевой и с. Комлеве Боровского уезда. Л.180.
30. Там же. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1570. Л. 54–57.
31. Там же. Ф. 406. Оп. 1. Д. 4. Л. 795–795об, 805.
32. *Лошкарёва Н. П.* Храм во имя Рождества Иоанна Предтечи в с. Комлеве Боровского уезда // Указ. сборник. С. 325.
33. ГАКО. Ф. 406. Оп. 1. Д. 73. Л. 1, 2, 3–6, 9, 16, 17, 43, 47об, 52об, 79, 80, 82–82об.
34. Там же. Л. 70об, 99об, 104, 105, 108, 108об, 239, 240, 295.
35. Там же. Оп. 2. Д. 5 По прошению малолетних помещиков Станкевич Сергея и Таисии Александровичей об учреждении опеки над их имением. Л. 2; Там же. Ф. 43. Оп. 4. Д. 63. Л. 1270–1270об.
36. Там же. Ф. 406. Оп. 2. Д. 5. Л. 11об, 3–3об; Там же. Ф. 43. Оп. 4. Д. 63. Л. 1266.
37. Там же. Ф. 406. Оп. 1. Д. 4. Л. 489–489об, 496–496об, 518об, 624, 823об. [*В данном деле фамилия Ра(о)хмановы пишется в основном через «а», Сенявины — чаще через «е»*].
38. Там же. Д. 26 Книга по имению дворянина Алексея Иванова сына Рахманова для записи прихода и расхода хлеба и денег. 1837 г. Л. 2, 4, 5об.

ПРОШЕНИЕ ВИЦЕ-АДМИРАЛА Д. Н. СЕНЯВИНА ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ I О НЕЗАКОННОМ ВЛАДЕНИИ ИМЕНИЕМ ЕГО ОТЦА Н. Ф. СИНЯВИНА ДЕВИЦЕЙ БЕСЕДНОВОЙ (К ВОПРОСУ О СПОРЕ ГОСПОД СЕ(И)НЯВИНЫХ С ДЕВИЦЕЙ БЕСЕДНОВОЙ ИЗ-ЗА НАСЛЕДСТВА)

Н. П. Лошкарёва,
главный научный сотрудник, МКК «Стольный город Боровск»

В Государственном архиве Калужской области в фонде 54 «Коллекция дел о действиях учреждений и отдельных лиц, бывших на рассмотрении правительствующего Сената» автором данной публикации было выявлено «Дело по прошению вице-адмирала Синявина о незаконном владении имением его отца девицей Беседновой по вынужденному у него перед смертью законному завещанию. 17 ноября 1811 г. — 27 февраля 1812 г.» [1]. В деле сохранилось составленное прославленным русским флотоводцем адмиралом Дмитрием Николаевичем Сенявиным (06.08.1763–05.04.1831) прошение на имя императора Александра I с автографом самого адмирала [2]. В прошении, как и в деле, речь идёт о незаконном «захвате» имения, принадлежавшего отцу адмирала Николаю Фёдоровичу Сенявину, некой девицей Марьей Дмитриевной Беседновой. По этой теме автор опубликовала два доклада: довольно подробный «Как поспорили в начале XIX века дворяне Синявины с девицей Беседновой из-за комлевского имения» и сокращённый вариант «О споре господ Синявиных с девицей Беседновой из-за наследства Н. Ф. Синявина» [3]. Выявленное прошение дополняет, и очень кстати, уже опубликованные материалы по указанному спорному делу, позволяет довольно правдиво охарактеризовать нравы, царившие в обществе в то время, в том числе отношение Дмитрия Николаевича к императору, а также ярко демонстрирует, какую важную роль играла в его жизни служба и насколько трепетно и уважительно он относился к своему семейству.

Прошение Дмитрий Николаевич составил 4 ноября 1811 г. [4] В это время он был в звании вице-адмирала и служил главным командиром Ревельского порта [5]. Прошение было подано императору Александру I, который «по выслушании просьбы Высочайше повелеть соизволил означенное дело привести к окончанию не в очередь (т. е. вне очереди. — *Н. Л.*)» и перенаправил его для исполнения в Сенат с тем, чтобы было установлено наблюдение «за безостановочным движением помянутаго дела» [6].

В ходе исполнения монаршей воли между ведомствами «сверху вниз» произошла переписка [7], в ходе которой выявились следующие обстоятельства. Во-первых, ещё несколькими годами ранее при рассмотрении вышепомянутого дела между 22 сенаторами «вышли разные мнения», потому что «нет в законах на сие точнаго и яснаго постановления». Дабы подобное в будущем не повторилось, сенаторы решили «войтить к государю императору со всеподданейшим докладом, чтоб во всех случаях, где наследники в своё время объявили спор на завещание предка своего о имении, брать оное в ведомство дворянских опек, и числить под запрещением в числе купчих и закладных до решения спора». Этот доклад 3 марта 1811 г. поступил от Сената в Государственный Совет, но вот решений по нему на момент подачи вице-адмиралом прошения императору так и не последовало [8].

Во-вторых, боровский уездный стряпчий Бердеников в ответ на полученный им 29 января 1812 г. ордер калужского губернского прокурора (подготовлен на основе предписания министра юстиции), обязывавший стряпчего «немедленно выправиться по делу, производимому здесь о завещанном генералс адьютантом Николаем Фёдоровичем сыном Синявиным девице Марье Беседновой недвижимом имении, состоящем здешнего уезда в с. Комлеве з деревнями, в каком оное находится положении», указав причину его медленности и «непременно с первою почтою», констатировал следующее. Обе спорившие стороны, когда их 29 апреля 1811 г. «через публику» вызывали в суд, «до сих пор никто» не явились. При этом стряпчий отметил, что Синявины сами просили «нужные справки» востребовать через уездный суд, которые и были сделаны [9]. О том, что обе тяжущиеся стороны не явились в суд, было доложено министру юстиции 7 февраля 1812 г. за № 44 [10].

Указанные обстоятельства, видимо, и являлись серьёзной помехой в окончательном принятии решения по данному спорному делу, включая и личное прошение вице-адмирала. Кстати, спорившие стороны не явились к рукоприкладству в Боровский уездный суд даже после вынесения окончательного решения по их делу ни к маю, ни к 19 сентября 1813 г. Судя по-всему, решение было вынесено в пользу прямых наследников генеральс-адъютанта Н. Ф. Синявина [11].

Ниже публикуется прошение вице-адмирала Д. Н. Сенявина, написанное красивым каллиграфическим почерком, очевидно, писарем и подписанное в конце вице-адмиралом. При публикации сохраняются особенности написания слов того времени и пунктуация, новое предложение начинается с заглавной буквы (в тексте это не всегда так).

Прошение вице-адмирала Д. Н. Сенявина императору Александру I. 4 ноября 1811 г.

(Л.2) В верхнем правом углу стоит виза: «Получ. от Е.И.В. 17 ноября 1811».

Всемилостивейший Государь!

К подножию Престола вашего Императорскаго величества, благородная Дворянская фамилия повергает всеподданнейшую просьбу о возвращении похищенной у неё собственности происками и коварством недворянки.

Женщина, известная в деле под имянем Беседновой, вкравшись в дом покойнаго моего родителя Генерал-адьютанта Николая Сенявина, успела в бытность мою на службе ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА удалить от его сердца законную его жену, мою родительницу. Все усилия Беседновой устремлены были к лишению нас доставшагося нам от предков небогатаго, но единственнаго наследства, на которое природа и Государственные законы предоставляли нам неотъемлемое право. Воспользовавшись изнеможением 70тилетняго старца, в небытность супруги и детей, Беседнова вынудила у моего родителя на одре смерти Духовное завещание, по коему родовое, заслугами отечеству приобретённое имение, состоящее Калужской Губернии Боровскаго Уезда в разных деревнях, имение составлявшее 271 душу мужеска пола, предоставлялось мимо законной жены и детей

(Л.2об) безродной женщине, которой права до сих пор в течении слишком десяти лет остаются ещё недоказанными.

Родительница моя известилась о болезни своего мужа тогда только, когда должно было предать земле тело покойнаго, и единственно по подвигам Беседновой, могла догадаться о нещастии постигшем все наше семейство. Не пропуская ни малейшаго времяни, до введения во владение, законные наследники представили куда следует спор противу неправильности Духовнаго завещания, и Боровской Уездный Суд, видя нашу справедливость тогдаже немедленно испросил от Губернскаго Правления повеления об оставлении по содержанию Докладных Смоленских Пунктов отданнаго имения за нами, доколе небудет решено: 1е) Имел ли Генерал-Адъютант Сенявин право дарить родовым имением мимо жены и детей, и 2е) Имеет ли Беседнова по роду своего происхождения, право владеть Дворянским имением.

Земский Суд, невзирая однакоже на предписание Губернскаго Правления, под предлогом неясности выражений: оставить в первобытном владении (подчёркнуто в тексте. — *Н. Л.*), вместо оставления имения во владении Сенявиных, предоставил оное владению и расхищению Беседновой, которой права оспариваемы были в Присутственном месте того же Города, в котором Земский Суд имел сам пребывание.

Уездный Суд, быв очевидным свидетелем нарушения законов и неповиновения начальственным предписаниям, представил вторично

(Л.3) Губернскому Правлению, которое вторично предписало привести решение Уезднаго Суда в исполнение, но видя и за сим упорство Земскаго Суда, оно формально отказало Беседновой и положило на Земский Суд штраф в пользу Приказа общественнаго призрения.

Беседнова будучи недовольна справедливостию Губернскаго Правления, жаловалась Правительствующаго Сената 6му Департаменту, который непризнав прав Беседновой, поручил имение в ведомство Дворянской Опеки.

Беседнова приносила на сие решение жалобу ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, которая разсматриваема была в общем собрании Сената, но и там Беседнова не могла получить противузаконнаго удовлетворения, и имение до сих пор остаётся в ведомстве Дворянской Опеки.

Хоть сие положение гораздо благоприятнее для законных наследников, однакоже ВСЕМИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ, они чрез то не менее лишены законнаго пользования собственностию их в продолжении более 10ти лет, и имение остаётся подверженным всем тем разстройствам и убыткам, которые естественно проистекают от недостатка надзора законных владельцов.

Быв во всё время продолжения сего дела в действительной службе ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, и находившись в безпрерывных походах, отделявших меня от всякаго сообщения с моим семейством, я ни о чём более не помышлял

(Л.3об) как о пользах службы ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, и был вне состояния принести какую нибудь пользу как по сему делу, так и вообще по делам моего семейства. Щастие приближившее меня к подножию Престола ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, и ВАШЕ ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ ГОСУДАРЬ непоколебимое правосудие, поощряют меня ныне повергнуться купно с бедным и многочисленным моим семейством под ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ покров АВГУСТЕЙШЕЙ ВАШЕЙ щедроты и благоволения.

Указами 136 и 137 Годов, и Уложенья 17й Главы 14м и 7м Пунктом повелено: Родовые вотчины отдавать только детям, внучатам и родственникам.

В указе 187 Года Июня 19го сказано: «Кто родовую или выслуженную, или купленную, буде купил выслуженную, или родовую вотчинну у родственника рода своего (подчёркнуто в тексте. — *Н. Л.*) напишет в Духовной мимо детей своих сыновей и дочерей, и Духовная хотя и свидетельствована, и у той Духовной рука будет его, или кто в его место руку приложил, и по тем Духовным тех вотчин недавать, а давать те вотчины по Уложенью, умершаго детям, и по Духовным таких вотчин недавать.»

В том же Году повелено давать по свидетельствованным Духовным те только вотчины, которыя кто кому напишет купленную или закладную, которую купил, или в заклад взял из чужаго рода (подчёркнуто в тексте. — *Н. Л.*).

(Л.4) В Указе 1679го Года Июля 19го сказано: «Которые люди поступают родовые, или выслуженные вотчины мимо детей, таких вотчин с сего Государева Указа за теми людьми по поступке не справливать, но отдавать те вотчины тех поступщиков сыновьям и внучатам и пр.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО по делу Сухотина с Вердеревским, Высочайшим Указом 1807го Ноября 30го дня изволили имянно повелеть: Родовое имение проданное Вердеревским в род свой, и после обратно им же купленное почитать имением родовым.

ВЫСОЧАЙШЕ конфирмованнаго Доклада Смоленскаго Генерал-Губернатора 1788го Года 9м Пунктом повелено: оставлять имения подобныя нашему за прежними владельцами, а дело решить по законам.

Основываясь на сих коренных Государственных законах, и возлагая всё упование на неизчерпаемую милость ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, я приемлю смелость всеподданнейше просить о ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕМ повелении, в силу решения Уезднаго Суда, возвратить в наше владение собственность, которая ни когда не преставала быть нашею, и которая в силу законов немедленно по кончине нашего родителя долженствовала быть предоставлена в наше владение, до совершеннаго окончания дела по спору о законности Духовнаго завещания, и о правах на владение

(Л.4об) Дворянским имением Беседновой, до сих пор ещё права своего недоказавшей.

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ ГОСУДАРЬ
ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
верноподданейший
Дмитрий Сенявин
Ноября 4го дня
1811го Года.

(ГАКО. Ф.54. Оп.1. Д.603. Л.2–4об. Подлинник. Рукопись. Чернила чёрного оттенка.)

Список литературы

1. ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 603. Л. 11.
2. Там же. Л. 2–4об.
3. *Лошкарёва Н. П.* Как поспорили в начале XIX века дворяне Синявины с девицей Беседновой из-за комлевского имения // Мансуровские чтения. Калуга, сентябрь 2012. Вып. 5. ГМПЗ «Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2013. С. 86–100; *Она же*. О споре господ Синявиных с девицей Беседновой из-за наследства Н. Ф. Синявина // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: материалы XV Всероссийской научной конференции. Калуга, 2013. С. 153–160.
4. ГАКО. Там же. Л. 4об.
5. Русский биографический словарь / под наблюдением А. А. Половцова. СПб., 1904. С. 333.
6. ГАКО. Там же. Л. 6, 6об.
7. Там же. Л. 6–10об.
8. Там же. Л. 5об.
9. Там же. Ф. 437. Оп. 1. Д. 148 Журнал заседаний Боровского уездного суда за 1812 г. Л. 49–51.
10. Там же. Ф. 54. Оп. 1. Д. 603 Л. 10–10об.
11. Там же. Ф. 437. Оп. 1. Д. 153. Л. 121–121об, 293об–294об.

СЕЛО БОРИЩЕВО ПЕРЕМЫШЛЬСКОГО УЕЗДА И ЕГО ВЛАДЕЛЬЦЫ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

В. И. Абакулов,
хранитель фондов отдела фондов,
Калужский объединённый музей-заповедник

В одной из своих работ мы уже рассказывали об истории Борищева, одного из старейших сёл Перемышльского уезда Калужской губернии, история которого насчитывает не одно столетие. Тогда мы рассматривали историю этого села и его владельцев на протяжении XVII–XVIII вв. В данном исследовании будет рассказано об истории этого села в XIX-начале XX века. Село расположено на берегах маленькой речки Кванки, правом притоке реки Высса, в 15 км от села Перемышль, в 20 км от г. Калуги.

Данное исследование проведено на основе изучения и анализа целого ряда документов, хранящихся в Государственном архиве Калужской области (Ф. 395 — Перемышльский уездный суд, Ф. 33 — Калужская духовная консистория, Ф. 32 — Канцелярия калужского губернатора, Ф. 30 — Калужское губернское по крестьянским делам присутствие, Ф. 43 — Калужская губернская палата гражданского суда, Ф. 66 — Калужское губернское дворянское депутатское собрание, Ф. 86 — Калужская губернская казённая палата, Ф. 260 — Калужский губернский предводитель дворянства и др.). Большинство из них используется впервые.

В начале XIX столетия в селе Борищеве на левом берегу речки Кванки продолжала действовать деревянная церковь Николая Чудотворца, упоминавшаяся в 1780-х гг. 16 июля 1811 г. умер дьячок указанной церкви Василий Филиппов. На освободившееся место указом Калужской духовной консистории № 3388 от 18 октября 1811 г. был определён ученик Калужской духовной семинарии Иван Семёнович Крылов. Он был сыном диакона села Козлова Перемышльского уезда Семёна Андреева и родился 6 января 1796 г.[1]

Во время Отечественной войны 1812 г. помещица Екатерина Челюскина поставила в Калужское ополчение от принадлежавших ей в селе Борищеве 13 душ крестьян мужского пола одного пешего воина — Аристарха Никифорова. 22 января 1814 года указом императора Александра I ополчения, участвовавшие в осаде Данцига, были распущены, в том числе и Калужское. Аристарху Никифорову повезло, и он вернулся к себе домой.[2]

В декабре 1812 г. в селе Борищеве сгорел скотный двор, принадлежавший поручику Ивану Семёновичу Хлюстину. В январе следующего года помещик подал прошение в Перемышльский земский суд, сообщив о случившемся, и представил туда же трёх своих крестьян подозреваемых в поджоге: Анну Афанасьеву 60 лет, Ивана Алексеева 40 лет и Лариона Родионова 40 лет. Просил разобраться в случившемся.[3]

Двое из представленных крестьян оказались не виновны, и суд их оправдал. Под давлением сельского старосты Петра Матвеева крестьянка Анна Афанасьева созналась в поджоге скотного двора Хлюстина. Перемышльский уездный суд 8 апреля 1813 г. постановил Анну Афанасьеву наказать в селе Борищеве «в страх другим кнутом», а затем отдать её в вотчину помещика.[4]

Согласно благочиннической ведомости за 1813 г. церковь в селе Борищеве показана деревянной без придела, в твёрдости, утварью была достаточна. К ней в том же году была приписана за малоприходством деревянная Успенская церковь села Ропщиц Перемышльского уезда. Частью земли, принадлежавшей священнику села Борищева, владел помещик поручик Иван Семёнович Хлюстин, а взамен той земли он давал священнику ругу: 11 четвертей ржи, 2 четверти пшеницы, 5 четвертей овса, 1 четверть круп, 2 четверика гороха, а также корм для скота 25 копён ржаного и столько же ярового. Дьячок и пономарь обрабатывали свою землю сами. За указанный год дохода причт получил 70 руб. В это время приходских дворов было 93, в них проживало 344 души мужского пола. В селе Борищеве проживал поручик Иван Семёнович Хлюстин. При нём был один дворовый мужчина. В том же селе помещику принадлежали 27 дворов, в них 84 души мужского пола крепостных крестьян.[5]

В 1813 г. в селе Борищеве коллежский асессор Владимир Чикин владел 1, его супруга Аграфена 6, коллежский асессор Андрей Полонский 6 душами мужского пола крепостных крестьян.[6]

По указу межевого департамента Правительствующего Сената от 23 июля 1813 г. за № 465 было начато дело о межевом споре о земле между помещиком села Борищева лейб-гвардии поручиком Петром Алексеевичем Челюсткиным и владелицей села Орли Перемышльского уезда Пелагеей Сергеевной Потёмкиной.[7]

В октябре 1814 г. дьячок села Борищева Иван Семёнов, прилагая одобрение от прихожан, просил епископа Калужского и Боровского Евгения посвятить его в стихарь. В это время священником в Николаевском храме описываемого села был Дмитрий Андреев 40 лет, вдовец. Пономарь Иван Филиппов скончался 23 августа того же года. У него оставались дети: Дмитрий 19 лет, обучавшийся в Калужской духовной семинарии, Фиона 21 года и Пелагея 16 лет. На это место просил его определить пономарь села Князь-Иванова Калужского уезда Григорий Петров, который епархиальным начальством был послан «для доучения арифметике». Дьячок Иван Семёнов был посвящён в стихарь 21 ноября 1814 г. калужским Владыкой в Богословской церкви, что при Калужской духовной семинарии.[8]

Ученик низшего отделения Мещовского духовного уездного училища Иван Щёголев, сын священника Георгиевской церкви села Ресы Мещовского уезда Владимира Алексеева, в сентябре 1818 г. просил епископа Калужского и Боровского Антония определить его на праздное дьячковское место в село Борищево. В причте храма этого села тогда были священник Дмитрий Андреев 45 лет и пономарь Григорий Петров 18 лет. Ученику Ивану Щёголеву из консистории был дан указ № 3678 от 27 сентября 1818 г. об определении дьячком в село Борищево.[9]

По благочиннической ведомости за 1820 г. при Николаевской церкви села Борищева приходских дворов с приписными было 93, в них проживали 409 душ мужского пола. Денежного дохода в 1822 г. причт получил 80 руб.[10]

В июле 1823 г. дьячок Николаевской церкви села Борищева Иван Владимиров просил Его Преосвященство Филарета епископа Калужского и Боровского произвести его во диаконы. Тогда же Владыке подали прошение прихожане указанного храма — действительный статский советник Сергей Яковлевич Тиньков, жена штабс-капитана Анна Дмитриевна Караваева, поручик Пётр Иванович Котов и Александра Фёдоровна Тинькова. Они также хотели видеть Ивана Владимирова диаконом при своей церкви. Дьячок Иван Владимиров был рукоположён во диакона 22 июля 1823 г. епископом Филаретом в кафедральном Троицком соборе г. Калуги. 31 июля того же года он получил грамоту. Причт села Борищева состоял из священника Дмитрия Андреева 49 лет, дьячка Ивана Владимирова 23 лет и пономаря Григория Петрова 24 лет. [11]

В селе Борищеве в 1824 г. жене майора Агафье Петровне Забусовой принадлежало 5, коллежскому асессору Андрею Ивановичу Полонскому 7, жене поручика Елизавете Алексеевне Хлюстиной 92, подпоручику Захару Афанасьевичу Чикину 1, коллежскому асессору Владимиру Афанасьевичу Чикину 2, Аграфене Чикиной 4, Екатерине Петровне Челюскиной 8 и губернскому секретарю Ивану Петровичу Челюскину 9 душ мужского пола крепостных крестьян.[12]

Владимир Афанасьевич Чикин определением Калужского дворянского собрания от 9 сентября 1824 г. был внесён в 3-ю часть дворянской родословной книги Калужской губернии. Сенатский указ об утверждении № 3130 от 17 июня 1846 г. В чине коллежского асессора он с 30 ноября 1824 г. по 13 января 1836 г. был заседателем Калужской палаты уголовного суда, с 26 января 1842 г. по 16 декабря 1844 г. заседателем Калужского советского суда, с 17 января 1842 г. по 14 декабря 1844 г. попечителем запасных хлебных магазинов по Калужскому уезду, с 14 декабря 1844 г. по 13 декабря 1850 г. заседателем Калужского уездного суда.[13] В 1816 г. В. А. Чикин получил бронзовую медаль в память Отечественной войны 1812 года.[14]

Согласно клировой ведомости за 1836 г. причт Николаевской церкви села Борищева состоял из священника Алексея Павлова 31 года, пономаря Григория Петрова 38 лет и дьячка Максима 30 лет. У священника были дети: Илья 4 лет, Василий 3 лет и Фёдор 1 года. У пономаря — Сергей 19 лет, Алексей 16 лет, Андрей 15 лет и Никанор 4 лет. [15]

1 июня 1839 г. жена титулярного советника Анна Андреевна Ильина купила у капитан-лейтенанта флота Сергея Андреевича Полонского в Калужской палате гражданского суда 7 душ мужского пола крепостных крестьян с их семьями, имуществом и землёю в селе Борищеве за 2800 руб. Это имение досталось С. А. Полонскому от покойного его родителя коллежского

асессора Андрея Ивановича Полонского. В августе того же 1839 г. А. А. Ильина Перемышльским уездным судом была введена во владение купленным имением.[16]

Калужское губернское правление через «Калужские губернские ведомости» в августе 1842 г. сделало публикацию о том, что за многочисленные долги разным лицам назначалось в продажу имение умершего коллежского советника Алексея Васильевича Куликова. В пустоши Казари при селе Борищеве было 36 дес. пахотной земли, которая находилась в чрезполосном владении с помещиками Хлюстиной, Челюскиным, Полонской, Щёголевой. Куликову принадлежала пятая часть этой пустоши и она была оценена в 464 руб. 40 коп. серебром.[17]

Алексей Васильевич Куликов определением Калужского дворянского собрания от 20 сентября 1817 г. был внесён в 3-ю часть дворянской родословной книги Калужской губернии. Сенатский указ об утверждении № 10610 от 28 ноября 1852 г.[18] В 1816 г. коллежский советник и кавалер, советник Калужского губернского правления А. В. Куликов получил бронзовую медаль в память Отечественной войны 1812 года.[19]

6 мая 1844 г. в селе Борищеве от прогорения печи случился пожар, в котором сгорели 9 крестьянских домов с надворным строением, принадлежавшие помещице Хлюстиной. В пожаре погибла солдатка Ирина Андреева 70 лет. Убыток составил 925 руб. серебром.[20]

Перемышльский уездный суд в апреле 1845 г. вызывал наследников, кредиторов и должников к оставшемуся после смерти жены поручика Елизаветы Алексеевны Хлюстиной недвижимому имению, состоящему в селе Борищеве и деревне Молоченках (173 души мужского пола). Наследником к имению объявил себя гвардии ротмистр Николай Иванович Хлюстин.[21]

В Калужской гражданской палате в июне 1847 г. была выдана штабс-капитану Григорию Васильевичу Васильеву владенная данная на купленное им с публичного торга в Перемышльском уездном суде у коллежского советника Алексея Васильевича Куликова недвижимое имение. Оно состояло из 4 мужского пола душ дворовых людей с их семействами и со всем принадлежащим к ним строением и землёю в селе Борищеве. За всё это Васильев заплатил 311 руб. серебром.[22]

30 июля 1847 г. всю землю, принадлежавшую ей в селе Борищеве, Анна Андреевна Ильина продала вольноотпущенному господина Жеребцова Андрею Петрову, на что в Белёвском уездном суде была совершена купчая крепость. За Ильиной и её наследниками в селе Борищеве земли больше не состояло, что 31 октября 1850 г. подтвердили жители этого села приставу 1 стана Перемышльского уезда. Однако решением Белёвского уездного суда 14 августа 1851 г. купчая крепость на проданную Ильиной вольноотпущенному Андрею Петрову землю в селе Борищеве была уничтожена.[23] Таким образом, возможно, что часть земли и несколько крепостных крестьян перешли во владение наследников умершей в 1849 г. А. А. Ильиной — её мужу коллежскому асессору Льву Абрамовичу и их детям Сергею, Николаю и Константину Ильиным. Л. А. Ильин и его сыновья были внесён во 2-ю часть дворянской родословной книги Калужской губернии определением Калужского дворянского депутатского собрания 26 февраля 1868 г., сенатский указ об утверждении № 1549 последовал 8 апреля 1868 г.[24]

6 июня 1856 г. сотский 1 стана Калужского уезда Борис Яковлев задержал в деревне Крутицы подозрительного неизвестного крестьянина с тремя лошадьми, и донёс об этом рапортом приставу 1 стана Калужского уезда. На допросе у пристава задержанный показал, что он крепостной крестьянин помещицы Воейковой из села Борищева и зовут его Ларион Иванов. 3 июня ночью он запряг в телегу своего гнедого мерина и выехал в поле за село с намерением украсть лошадей, продать их «по бедному его состоянию». В поле под Борищевым Ларион Иванов поймал гнедого мерина, принадлежавшего помещице жене титулярного советника Марии Козминичне Шёголевой, и рыжую кобылу, принадлежавшую солдату Ивану Авдееву, живущему в том же селе Борищеве. Вот отправился в Калугу, провёл там три дня, но украденных лошадей продать не смог. Тогда он отправился в Полотняный Завод, но по дороге в деревне Крутицы был остановлен крестьянами, которые заподозрили его в краже лошадей.

Лошади были оценены в 9 руб. серебром. При проведении следствия и родные, и односельчане Лариона Иванова объявили, что с тем «бывает временное помешательство рассудка». Ему в то время было 66 лет. Дело о краже лошадей слушалось в Перемышльском уездном суде, и члены его постановили виновного крестьянина Лариона Иванова «отдать в рабочий дом на шесть

месяцев, а взамен сего наказать розгами 50 ударами и потом отдать под надзор местной полиции или помещицы на два года».[25]

В январе 1857 г. был составлен раздельный акт на имения, оставшиеся после смерти штабс-капитана Ивана Николаевича Хлюстина. Сестре покойного жене поручика Александре Николаевне Воейковой досталось имение в селе Борищеве и деревне Молоченках Перемышльского уезда.[26]

Калужское губернское правление в апреле 1859 г. объявляло, что за неплатёж многочисленных долгов, оставшихся после смерти брата и родителей, было назначено в продажу имение жены поручика Александры Николаевны Воейковой, состоявшее в Перемышльском уезде в селе Борищеве и деревне Молоченках, заложенное в Московском опекунском совете. Всего должнице при этих населённых пунктах принадлежало 1 033 дес. 2 238 саж. земли. Крепостных крестьян, здесь проживавших, и принадлежавших Воейковой, было 152 мужского и 159 женского пола душ. В селе Борищеве были две деревянные людские избы, два деревянных амбара, старый деревянный хлебный амбар, каменный скотный двор с двумя каменными избами и старая деревянная хлебня (место, где выпекался хлеб.—*В. А.*). Имение было оценено в 10 000 руб. серебром. Торг должен был быть произведён в Калужском губернском правлении 8 июля 1859 г. При этом казённая недоимка должна была быть уплачена сверх объявленной цены.[27]

В июне 1860 г. титулярный советник Николай Яковлевич Щёголев подал прошение в Перемышльский уездный суд. Этот помещик проживал в селе Тырнове Перемышльского уезда. Он писал, что после смерти его матери Марии Козминичны Щёголевой осталось движимое и недвижимое имение, состоящее в селе Борищеве Перемышльского уезда, заключающееся в 75 дес. земли и 12 мужского пола душах крепостных крестьян, отдельных лугов и денежных капиталов. Наследниками к этому имению остались он и его сестра Надежда Яковлевна, урождённая Щёголева, «а по муже Покорская». Сестра от следуемой ей части наследства отказалась, и уступила таковую брату, о чём она объявила 29 февраля 1860 г. в присутствии Вяземского уездного суда. Н. Я. Щёголев просил Перемышльский уездный суд утвердить его в правах наследства на имение в селе Борищеве и ввести его во владение оным как единственного наследника. В уездном суде находилась также купчая крепость на покупку имения в селе Борищеве М. К. Щёголевой у капитана Караваева.[28]

Перемышльский уездный суд в июле того же 1860 г. следуя законам, вызывал других наследников, кредиторов и должников к имению умершей жены титулярного советника Марии Козминичны Щёголевой, которое состояло в селе Борищеве. К этому времени наследниками объявили себя только дети умершей—титулярный советник Николай Яковлевич Щёголев и жена подполковника Надежда Яковлевна Пикарская (в другом написании Покорская.—*В. А.*), урождённая Щёголева.[29]

В Перемышльском уездном суде по записке из дела приказали предписать Перемышльскому земскому суду ввести Н. Я. Щёголева во владение имением. Во исполнение указа Перемышльского уездного суда от 18 апреля 1861 г. за № 387, временное отделение Перемышльского земского суда 16 мая 1861 г. прибыло в село Борищево, где при собранных крестьянах «ввело во владение движимым и недвижимым имением титулярного советника Николая Яковлева Щёголева, доставшегося от матери его».[30]

Николай Яковлевич Щёголев (происходил из дворян Московской губернии) и его дети Анна, Пётр, Владимир и Николай определением Калужского дворянского собрания от 18 июля 1870 г. были внесены в 3-ю часть дворянской родословной книги Калужской губернии. Сенатский указ об утверждении Н. Я. Щёголева № 5005 последовал от 29 декабря 1841 г.[31]

20 октября 1861 г. была составлена, 23 декабря того же года утверждена и введена в действие уставная грамота села Борищева и деревни Молоченок на владение вдовы коллежского асессора Александры Николаевны Воейковой при мировом посреднике А. Рихтере. Уставные грамоты—это соглашения между крестьянами и помещиками, на основе которых производился раздел земли после их освобождения из крепостной зависимости в 1861 г. Мировые посредники избирались из числа дворян для урегулирования земельных споров между крестьянами и помещиками. За Воейковой в селе Борищеве и деревне Молоченках до 1861 г. было 151 мужского пола душа

крестьян. Последние и должны были по уставной грамоте получить наделы земли (дворовые люди права на надел земли не имели).

Всей земли в этом имении состояло 896 дес. 588 саж. В пользовании крестьян до обнародования положений состояло 600 дес. 205 саж. Пользование землёю было общинное.

Общее количество земли, оставляемой в пользовании крестьян составляло: усадебной 32 дес. 269 саж., прочей 458 дес. 1531 саж., всего 490 дес. 1080 саж., и кроме того предоставлялось крестьянам в собственность 19 дес. берёзового леса, находящегося в середине надела. На это им должна была быть выдана дарственная запись.[32]

В постоянное пользование крестьян предоставлялось на одну душу 3 дес. 600 саж. земли. На основании положения причиталось оброка с каждого душевого надела 9 руб. в год, а со всех 151 душевого надела 1359 руб. в год. До 1 октября 1861 г. крестьяне состояли на издельной повинности, а затем перешли на оброк. Оброк крестьяне обязаны были вносить по 679 руб. 50 коп.— 1 мая и 1 ноября за полгода вперёд. Из числа душевого оброка относилось на усадьбу 1 руб. 50 коп., повинность за пользование всею усадебною осёдлостью крестьянского общества составляла в год 226 руб. 50 коп., а выкупная сумма за всю осёдлость 3775 руб. 75,5 коп. За исправное отбывание повинностей крестьяне ответствовали круговой порукой. Крестьяне имели запасный магазин в сельце Кожемякине Перемышльского уезда обще с крестьянами этого селения.[33]

13 марта 1863 г. была составлена, утверждена и введена в действие ещё одна уставная грамота села Борищева на владение жены титулярного советника Николая Яковлевича Щёголева. Ему до 1861 г. принадлежало 12 крепостных крестьян мужского пола. Четыре крестьянина не наделялись землёй, т.к. до обнародования положения они ею не пользовались и не имели усадебной осёдлости: Никита Лаврентьев, Фёдор Моисеев, Сосипатр Никитин и Родион Никитин. Поземельный надел должны были получить 8 мужского пола душ.

Всей земли в означенном имении во владении Щёголева состояло примерно 93 дес. В пользовании крестьян состояло до обнародования положений 9 дес. (пашни 8 дес., под усадьбой 1 дес.). Водопой для скота был у крестьян и помещика общий в первом от плотины пруду. В пользовании крестьян по грамоте оставлялся уже существующий надел (9 дес.). Водопой и выгон оставались на прежних условиях.

За предоставленную в постоянное пользование крестьян землю в количестве 1 дес. 300 саж. на душу, с них на основании положения причиталось оброка с каждого душевого надела 4 руб. 78 1/8 коп., а со всех 8 душевых наделов 38 руб. 25 коп. в год. Рабочих за пашенную землю дней причиталось в пользу помещика с каждого душевого надела в год — 21 мужских и 15 ¾ женских, итого 36 ¾ дней. Всего со всех 292 дня. Оброк крестьяне были обязаны вносить в сроки 1 апреля и 1 октября по 19 руб. 12,5 коп. Из числа душевого надела оброка относилось на усадьбу 1 руб. 50 коп. Повинность за пользование всею усадебной осёдлостью крестьян временно-обязанных Щёголеву составляла в год 12 руб., а выкупная сумма за всю осёдлость 200 руб.[34]

3 июля 1863 г. временно-обязанные крестьяне села Борищева Н. Я. Щёголева Владимир Евсигнеев и Василий Иванов подали жалобу в Калужское губернское по крестьянским делам присутствие на своего бывшего помещика. Они писали, что до обнародования положения 1861 г. они пользовались сенокосом в Яцком лугу под селом Желоховым Перемышльского уезда, откуда вывозили до 40 возов сена. Также они пользовались прудом для водопоя своего скота. Ныне же господин Щёголев отказал им в пользовании лугом и прудом. При этом пруд был окопан, и стало неудобно прогонять скот. Крестьяне просили возвратить им луг и разрешить им пользоваться. Прошение за крестьян подписал унтер-офицер С. Мурашкин.[35]

В свою очередь в том же 1863 г. Н. Я. Щёголев подал жалобу в Калужское губернское по крестьянским делам присутствие, что временно-обязанные крестьяне села Борищева не отрабатываю на него положенных по уставной грамоте дней (т.н. «издельной повинности»). Мировой посредник 3 участка Перемышльского уезда В. Брадке, которому присутствие препроводило жалобу для разбирательства, отношением № 68 от 2 октября 1863 г. сообщал в губернское по крестьянским делам присутствие, что он приглашал Н. Я. Щёголева прибыть 16 сентября указанного года в село Борищево для разбирательства его жалобы. Однако помещик этого не сделал. Брадке приехал в Борищево, и Шёголева там не застал. Вследствие этого мировой посредник постановил оштрафовать помещика

Н. Я. Щёголева на 25 коп. серебром. После уплаты штрафа, он вновь мог обратиться к мировому посреднику с просьбой о разбирательстве. 23 февраля 1964 г. мировой посредник Брадке сообщал в присутствие, что он имел разговор с крестьянами села Борищева и те объявили ему, что «они не отбывают барщину за то именно, что скосили и убрали помещичий луг в зачёт рабочих дней».[36]

Своим чередом шла и жизнь церковного причта в Борищеве. В 1864 г. священнику Николаевской церкви было объявлено одобрение епархиального начальства, 16 мая 1865 г. за доброхвальное служение он был награждён набедренником.[37]

18 августа 1869 г. обозревая церкви вверенной ему Калужской епархии, село Борищево посетил архиепископ Григорий II.[38] Прихожане храма этого села не оставляли его без своего внимания. В том же 1869 г. они пожертвовали на ремонт кровли Николаевской церкви 66 руб.[39]

Мировой съезд посредников Перемышльского уезда 20 сентября 1870 г. постановил следующее. Крестьяне села Борищева помещика Н. Я. Щёголева получили в 1863 г. по уставной грамоте в постоянное пользование 9 дес. земли, но по точному измерению в крестьянском наделе оказалось 26 дес. с саженями, и с них следовало брать оброка уже 9 руб., а не о 4 руб. 78 1/8 коп. Съезд приказал сделать приписку об этом на уставной грамоте.[40]

В 1878 г. подпоручику Бородинского полка Владимиру Виноградову и прихожанам села Борищева была объявлена признательность епархиального начальства за пожертвование 352 руб. на устроение новой колокольни при Николаевском храме в означенном селе.[41] В 1882 г. было объявлено Архипастырское благословение Его Преосвященства дочери генерала Анне Сергеевне Тиньковой за пожертвование в церковь села Борищева на устроение придела 200 руб. и вещей на 325 руб.[42] Одобрение епархиального начальства получил в феврале 1893 г. воротынский мещанин Андрей Остов пожертвование в церковь села Борищева вещей на сумму 150 руб.[43]

У проживавшего в селе Борищеве помещика П. Н. Козляинова возникли неприязненные отношения вначале со священником этого села Никольским, а затем и сменившим его священником Лебедевым. В 1893 г. Козляинов просил епархиальное начальство о дозволении отправлять требы и молитвословия причту села Дмитровки Перемышльского уезда, приглашая его членов к себе в дом. Летом того же 1893 г. такое разрешение он получил. При этом консистория требовала, чтобы дмитровский причт вознаграждение за требоисправления передавал борищевскому причту. Также при домашних богомолениях в доме господина Козляинова борищевский причт должен был отпускать из своей церкви святые иконы по желанию помещика, но не иначе как в сопровождении и под надзором местного церковного старосты.[44]

Павел Нилович Козляинов определением Калужского дворянского собрания от 16 марта 1854 г. был внесён во 2-ю часть дворянской родословной книги Калужской губернии. Сенатский указ об утверждении Н. Н. Козляинова № 4076 последовал от 22 июля 1854 г. Жена Павла Ниловича Мария Фёдоровна определением дворянского собрания 31 января 1880 г. была записана в ту же часть дворянской родословной книги, что и её муж, Сенатский указ об утверждении № 1259 от 31 марта 1880 г. Подпоручик Павел Нилович Козляинов со 2 июня 1869 г. по 31 октября 1881 г. был заседателем Перемышльской дворянской опеки. С 10 января 1908 г. статский советник Н. Н. Козляинов был депутатом дворянства по Перемышльскому уезду:[45]

Отставной подпоручик Павел Нилович Козляинов в 1895 г. владел при селе Борищеве и пустоши Матюкове Перемышльского уезда 423 дес. земли.[46] В 1898 г. он назван коллежским асессором, и владел тем же количеством земли, что и тремя годами ранее. В том же 1898 г. дворянин Николай Николаевич Щёголев владел при селе Борищеве 80 дес. земли, воротынский купец Яков Андреевич Петров при сёлах Борищеве и Тырнове имел 244 ¼ дес., воротынские мещане Николай и Фёдор Никифоровичи Осиповы владели при селе Борищеве 20 ¼ дес. земли.[47]

События первой русской революции 1905–1907 гг. не прошли мимо крестьян села Борищева. Перемышльский уездный исправник рапортом № 64 от 8 февраля 1907 г. доносил калужскому губернатору, что 31 января того же года в чайной при селе Борищеве крестьянин указанного села Андрей Павлович Гаврилин порицал существовавший тогда государственный строй. Крестьянин задержан не был, т. к. выехал в Москву и стал проживать там.[48]

Калужскому губернатору перемышльский уездный исправник рапортом № 432 от 28 сентября 1907 г. просил выслать «в определённую местность» старосту Борищевского сельского общества

Заборовской волости Ефима Степановича Усанова «как вредного для среды крестьян села Борищева». В составленном в тот же день протоколе уездный исправник писал, что староста «внушал крестьянам уничтожить всех помещиков, путём избиения их и поджогов принадлежащих им усадеб, о чём открыто заявлял 22 сентября перед зданием Заборовского волостного правления, присовокупя, «нечего дожидаться Гос. Думы, надо самим расправляться с помещиками, земскими начальниками, а также и с Козляиновым» (это бывший земский начальник, землевладелец, экономия которого находится близ села Борищева)».[49]

В тот же день 28 сентября Е. С. Усанов был задержан и помещён в Перемышльскую пересыльную тюрьму. Ему в то время было 37 лет. У него в семье были жена Ирина Матвеевна 32 лет, мать Анна Ивановна 83 лет и дети: Прасковья 8 лет и Александра 7 лет.

8 октября 1907 г. крестьяне села Борищева просили калужского губернатора освободить их старосту из-под стражи, т. к. он, якобы, был оклеветан крестьянином их села Михаилом Колбасовым. В ответ вице-губернатор отношением № 4334 от 15 октября 1907 г. предписывал перемышльскому уездному исправнику объявить крестьянам села Борищева, что «срок ареста Усанова продолжен министром внутренних дел и освобождён быть не может».[50]

Калужский губернатор получил из департамента полиции секретное отношение № 92837 от 19 октября 1907 г. в котором сообщалось, что министр внутренних дел Российской империи постановил «выслать Усанова в Олонецкую губернию под гласный надзор полиции на два года, считая с 15 октября 1907 г.» 23 октября того же года Е. С. Усанов был отправлен по этапу в указанную губернию.[51]

Пробыл в ссылке Е. С. Усанов не долго. По постановлению министра внутренних дел, изложенному в отношении департамента полиции № 89292 от 5 апреля 1908 г. калужскому губернатору, борищевский староста из места ссылки в Олонецкой губернии был возвращён на родину под гласный надзор полиции.[52]

В январе 1910 г. была объявлена признательность епархиального начальства потомственной дворянке Елизавете Фёдоровне Кичиной за пожертвование в церковь села Борищева полного священнического облачения. Тогда же было преподано Архипастырское благословение Его Преосвященства коллежскому советнику Николаю Александровичу Бельченко за пожертвование в ту же церковь вещей на сумму 225 руб.[53] В марте того же 1910 г. было преподано благословение калужского Владыки священнику села Борищева Михаилу Троицкому за ревностные труды по ремонту храма в селе Ропщицах Перемышльского уезда.[54]

Согласно клировой ведомости за 1915 год, церковь в селе Борищеве была деревянная с такой же колокольней. Крыши были покрыты железом. Вокруг храма существовала деревянная ограда и рядом была деревянная же сторожка. Престолов было два: в настоящей во имя Святителя Чудотворца Николая, в приделе с 1892 г. во имя Божией Матери «Блаженное Чрево». К Николаевской церкви была приписана деревянная Успенская церковь в селе Ропщицах. Священником был Сергей Николаевич Некрасов. В приход входили: село Борищево, сельцо Садки, сельцо Сорокино, сельцо Кулешовка и деревни — Молоченки, Быковня, Абалдуевка, Мезенцево. В них в 220 дворах проживали 633 мужчины и 650 женщин.[55]

Вскоре грянет революция, и с установлением Советской власти жизнь в селе Борищеве изменится кардинальным образом. Это тема отдельного исследования.

Примечания

[1] Государственный архив Калужской области (далее — ГАКО). Ф. 33. Оп. 1. Д. 1802. Л. 1, 2, 5, 13.
[2] ГАКО. Ф. 86. Оп. 5. Д. 25. Л. 90 об.–91.
[3] ГАКО. Ф. 395. Оп. 1. Д. 143. Л. 54–54 об.
[4] Там же. Л. 20–20 об.
[5] ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 1802. Л. 10–10 об.
[6] ГАКО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 282. Л. 329, 329 об., 330.
[7] ГАКО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 664. Л. 63.
[8] ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 1802. Л. 8–8 об., 11–11 об., 26.
[9] ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 3157. Л. 1–5.

[10] ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 4309. Л. 6.
[11] ГАКО. Ф. 33. Оп. 1, Д. 4309. Л. 2–3 об., 6–6 об., 9 об.; ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 133. Л. 13 об.
[12] ГАКО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 720. Л. 142, 149, 154, 155.
[13] *Булычов Н. И.* Калужская губерния. Список дворян, внесённых в дворянскую родословную книгу по 1 октября 1908 г. и перечень лиц, занимавших должности по выборам дворянства с 1785 г. Калуга, 1908. С. 158. Приложения. С. XX, XXI, XXVIII, XXXII.
[14] ГАКО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 255. Л. 26 об.
[15] ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 179. Л. 10.
[16] ГАКО. Ф. 395. Оп. 1. Д. 318. Л. 1, 3, 5; ГАКО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 794. Л. 130 об.–131.
[17] Калужские губернские ведомости (далее — КГВ). № 31. 1 августа 1842. Прибавление. С. 246–247.
[18] *Булычов Н. И.* Калужская губерния. Список дворян, внесённых в дворянскую родословную книгу по 1 октября 1908 г. и перечень лиц, занимавших должности по выборам дворянства с 1785 г. Калуга, 1908. С. 125.
[19] ГАКО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 255. Л. 25 об.
[20] КГВ. № 23. 3 июня 1844. Прибавление. С. 178.
[21] КГВ. № 14. 7 апреля 1845. Отдел 1-й. С. 118.
[22] КГВ. № 24. 14 июня 1847. Часть официальная. Отдел 1-й. С. 194.
[23] ГАКО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 794. Л. 4–4 об., 54 об., 131, 134.
[24] *Булычов Н. И.* Калужская губерния. Список дворян, внесённых в дворянскую родословную книгу по 1 октября 1908 г. и перечень лиц, занимавших должности по выборам дворянства с 1785 г. Калуга, 1908. С. 40.
[25] ГАКО. Ф. 395. Оп. 1. Д. 652. Л. 1 об.–4 об., 7.
[26] КГВ. № 16. 18 апреля 1859. Часть официальная. Отдел 2-й. С. 165.
[27] Там же. С. 165–166.
[28] ГАКО. Ф. 395. Оп. 1. Д. 724. Л. 1–2 об., 3 об.
[29] КГВ. № 29. 16 июля 1860. Часть официальная. Отдел 1-й. С. 149.
[30] ГАКО. Ф. 395. Оп. 1. Д. 724. Л. 23, 25, 28.
[31] *Булычов Н. И.* Калужская губерния. Список дворян, внесённых в дворянскую родословную книгу по 1 октября 1908 г. и перечень лиц, занимавших должности по выборам дворянства с 1785 г. Калуга, 1908. С. 161.
[32] ГАКО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 624. Л. 2–3.
[33] Там же. Л. 3–3 об.
[34] ГАКО. Ф. 30. Оп. 2. Д. 2928. Л. 2–4об.
[35] ГАКО. Ф. 30. Оп. 2. Д. 99. Л. 1–1 об.
[36] ГАКО. Ф. 30. Оп. 2. Д. 659. Л. 2, 7.
[37] Калужские епархиальные ведомости (далее — КЕВ). № 7. 15 апреля 1864. Часть официальная. С. 43; КЕВ. № 12. 30 июня 1865. Часть официальная. С. 92.
[38] КЕВ. № 15. 15 августа 1869. Часть официальная. С. 177.
[39] КЕВ. № 16. 31 августа 1869. Часть официальная. С. 184.
[40] ГАКО. Ф. 30. Оп. 2. Д. 2928. Л. 8.
[41] КЕВ. № 20. 31 октября 1878. Часть официальная. С. 225.
[42] КЕВ. № 14. 31 июля 1882. Часть официальная. С. 212.
[43] КЕВ. № 3. 15 февраля 1893. Часть официальная. С. 47.
[44] КЕВ. № 12. 30 июня 1893. Часть официальная. С. 184.
[45] *Булычов Н. И.* Калужская губерния. Список дворян, внесённых в дворянскую родословную книгу по 1 октября 1908 г. и перечень лиц, занимавших должности по выборам дворянства с 1785 г. Калуга, 1908. С. 45. Приложение С. VI, LI.
[46] КГВ. № 29. 14 марта 1895. Часть официальная. С. 118.
[47] КГВ. № 35. 28 марта 1898. Часть официальная. С. 2.
[48] ГАКО. Ф. 32. Оп. 10. Д. 1780. Л. 1–1 об.
[49] ГАКО. Ф. 32. Оп. 10. Д. 1805. Л. 1–2 об.
[50] Там же. Л. 12 об.-14.
[51] Там же. Л. 15, 21.
[52] Там же. Л. 46 об.
[53] Калужский церковно-общественный вестник (далее — КЦОВ). № 3. 20 января 1910. С. 9.
[54] КЦОВ. № 8. 10 марта 1910. С. 11.
[55] ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 2205. Л. 65–71.

ЗДАНИЕ ГОРОДСКОГО ТЕАТРА ПО ОПИСИ ОБЩЕСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА г. КАЛУГИ ЗА 1893–1894 гг.

И. В. Маркина,
главный библиограф отдела краеведения и обменно-резервного фонда,
Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя
МБУ «Централизованная библиотечная система г. Калуги»;
А. К. Маркин,
студент 1-го курса направления «Педагогическое образование»
(профиль «История и иностранный язык (английский)»),
институт истории и права КГУ им. К. Э. Циолковского

Театральная жизнь города Калуги началась ещё в 70-е годы XVIII века [1]. До 70-х годов века XIX сменилось несколько театральных зданий [2]. В этой статье речь пойдёт о том из них, которое было выстроено на территории нынешнего сквера Мира, носившего в те годы название «Сенная площадь». Обратимся сначала к статье Василия Ивановича Ассонова «К истории театра в Калуге», опубликованной в 21-м выпуске «Известий Калужской Учёной Архивной Комиссии» в 1911 году: *«В 1874 году начата была постройка железной дороги от Ряжска до Вязьмы, через Калугу <…>Строитель Сызрано-Вяземской дороги Абрам Исаевич Горвиц обратил внимание на нужды города и представил губернатору Шевичу 6 тыс. руб., предоставляя ему израсходовать их по своему усмотрению. Шевич решил употребить эти деньги на устройство театра, при чём образовал также особый комитет, с участием представителя от города, который и занялся изысканием средств. Вскоре по частной подписке собрано было ещё 2 тыс. руб. и, кроме того, дума, по предложению губернатора, отпустила безвозмездно лесной материал из городского бора. Театр решено было построить на той же Сенной площади, где таковой был и прежде. Таким образом общими усилиями администрации города и частных лиц построено было здание театра, которое существует и до сих пор. Позднейшею пристройкою оно было несколько расширено»* [3].

В фонде Государственного архива Калужской области есть дело под названием «Переписка с Калужским губернским правлением, Жиздринским уездным исправником, городским головою, уездными предводителями дворянства Калужской губернии и др. об осмотре и построении здания городского театра в городе Калуге. 22 июня 1873 г.—16 января 1875 г.» [4], а также—«Отношение по предложению Калужского губернатора о созыве думы для изыскания средств к отстройке городского театра. 21 апреля—21 апреля 1875 г.» [5].

16 сентября 1875 года состоялось торжественное открытие красивого и изящного Калужского театра, построенного в русском стиле и походившего на «большую двухэтажную дачу». Его главный фасад был обращён на Садовую улицу (ныне—улица Кирова) [6].

Интересно, конечно же, как выглядело это театральное здание, какими были его интерьеры. Для ответа на эти вопросы следует обратиться к «Описи общественного имущества г. Калуги за 1893–94 годы» из фонда Государственного архива Калужской области. Итак, здание Калужского театра было деревянным, крытым железом. Снаружи имело вид двухэтажного, окрашенного в розовый цвет. Длина составляла 14,60 сажень (1 сажень—2,13 метра), то есть чуть более 31 метра, ширина—13,60 сажень или почти 29 метров. С передней, восточной, стороны находились два выступа и главный подъезд. С южной стороны—малый подъезд. С западной стороны—пристройка, где помещалась лестница, ведущая на галерею театра. С северной стороны к стене театра были пристроены два сарайчика для хранения театрального имущества. В одном из них был сделан ход под сцену.

Главный подъезд открывался с трёх сторон, имел железную крышу и покоился на деревянных колоннах. У подъезда был устроен тамбур, который вёл по лестнице сначала в переднюю, потом—в коридор и в зрительный зал. В тамбуре, где пол и потолок были деревянными, имелись три двери: одна створчатая с железными приборами, обитая клеёнкой; две стеклянные створчатые с такими же приборами. Из тамбура в переднюю вела деревянная лестница с несколькими площадками.

У малого подъезда также имелся крытый железом тамбур с двумя створчатыми дверями с железными приборами, здесь же находились два хода к печам, которые закрывались дверцами.

В двух крытых железом деревянных сарайчиках (пол и потолок в них были также деревянными) на северной стороне имелись две двери с железными запорами.

Внутренность театра. Первый ярус. Сцена.

Сцена театра была открыта снизу доверху. Пол был деревянным, стены — покрыты штукатуркой. Имелось пять окон с двойными рамами, расположенных в два яруса; две голландских печи с топкой под сценой, куда вела деревянная лестница; другая лестница шла наверх, в уборные. На сцене стояли столбы с разными пристройками для установки декораций. Сцена была отделена от зрительного зала («зрительной залы») и прямого сообщения с ней не имела.

Передняя. В передней большого подъезда, стены которой были оштукатурены и выкрашены, имелось пять дверей: две больших (одна стеклянная) входных и три малых. Эти три последних вели: та, что с правой стороны, — в кассу и уборные; средняя — в коридор; левая — в буфет.

Касса и уборные. Касса и три уборные помещались в четырёх дощатых маленьких комнатах, в которых было всего два окна, три двери и одна голландская печь с полным прибором.

Коридор первого яруса. Стены и потолок были оштукатурены, пол деревянный, имелись две печи с медными отдушниками, три обитые войлоком и клеёнкой входных двери с железными приборами, четыре окна с двойными рамами.

Ложи первого яруса. Вокруг партера, между ним и коридором, имелась двадцать одна ложа с отдельным входом в каждую из коридора. Все ложи, из них пять являлись литерными, с драпри, были обиты красным сукном. По бокам коридора, между ложами, с той и с другой стороны, имелись две двери, ведущие по спускающимся вниз двум лестницам в партер.

Партер. В партере было двенадцать рядов: два ряда кресел, семь — стульев, три — мягких скамеек, составлявших отделение «Сталь». Обивка была выполнена из красного сукна. Посередине партера был проход до барьера сцены. Между покрытым красным сукном барьером и сценой имелось небольшое пространство для оркестра, входом в которое служили две идущие из-под сцены лестницы.

Буфет. По другую сторону коридора, в пристройке, напротив партера, находился буфет, стены и потолок которого были оштукатурены, оклеены обоями. Имелись два окна с двойными рамами, одна голландская печь с полным прибором, кроме двери из передней, о которой уже говорилось, имелись ещё две двери с железными приборами. При буфете была ещё одна комната со столом, диваном и двумя креслами, в которой были два окна с двойными рамами и дверь.

Ретирад. Далее по коридору, в той же пристройке, рядом с буфетом, помещалось отхожее место, куда из коридора вели две двери. Пол в ретираде был цинковым, стены и потолок были оштукатурены и окрашены. В стене имелось одно окно с двумя рамами.

Пристройка. В противоположной стороне коридора к губернаторской ложе примыкала одна пристройка, о которой уже шла речь. В ней было два окна с двойными рамами, одна стеклянная дверь, одна голландская печь, деревянная лестница, которая вела на галерею третьего яруса.

Второй ярус. Коридор. Из коридора первого яруса две боковые лестницы вели в коридор второго яруса. Пол в нём был деревянным, стены и потолок были оштукатурены и окрашены. Имелось шесть окон с двойными рамами, три голландских печи с полным прибором, три входных двери с железными приборами и одна лестница на галерею.

Ложи второго яруса. Из коридора двадцать одна дверь с железными навесами вела в ложи второго яруса. Барьер лож был обит красным сукном. В трёх ложах имелись драпри.

Уборная. На противоположной стороне коридора, в пристройке, помещались три дощатые уборные с дверями и окнами с двойными рамами.

Декорационная комната. Комната предназначалась для разделки декораций. Потолок и стены в ней были оштукатурены, имелись четыре окна с двойными рамами и одна голландская печь. В эту комнату со сцены была проведена деревянная лестница.

Дамская уборная. Стены и потолок в ней были оштукатурены и оклеены обоями. Имелись два окна с рамами, одна голландская печь, одна створчатая дверь с железным прибором. При уборной имелось отхожее место с одним окном с двумя рамами и две двери с железными

приборами. В противоположной стороне, также в пристройке, помещалась деревянная лестница, которая вела на галерею третьего яруса, имелись два окна с двойными рамами.

Третий ярус. Галерея. В коридоре стены и потолок были оштукатурены. Имелись две голландские печи и одна дверь на чердак. В галерее с каждой стороны помещались по две скамейки, а в середине — купоны, в которые вели семь одиночных дверей с железными приборами. В пристройке имелся буфет, в котором были одна голландская печь, одна деревянная лестница и одна дверь с железным прибором.

Все эти строения были оценены в 30 000 рублей. Аренда театра приносила 2 010 рублей дохода в год [7].

Уже в 1895 году театральное здание нуждалось в капитальном ремонте, который в 1896 году произвёл его содержатель, Николай Дмитриевич Тиллинг (Кручинин). Были оборудованы два яруса лож, бенуар. В зрительном зале появилась «огромная» хрустальная люстра. В 1900 году — раздвижной занавес [8].

Интересно прочитать описание театра конца XIX столетия, оставленное Борисом Константиновичем Зайцевым в романе «Тишина» автобиографической тетралогии «Путешествие Глеба»: *«Театр <…> на окраине, площадь, где он стоит, пустынна — немощёная, кое-где травка, корова пасётся, жеребёнок может промчаться с детским своим ржанием. Мещанские одноэтажные домики вокруг, деревянные заборы, калитки. Место высокое. Открывается вид на Яченку, впадающую в Оку, на знаменитый бор. Левее излучина самой Оки»* [9]. Обращаясь к его же строкам из небольшого рассказа «Атлантида», можно представить себе стоящий *«за Садовой, на просторной площади, оцепленной мещанскими домишками, где летом иногда коровы ходят, откуда виден дальний бор за речкой Яченкой, — на площади, сейчас снегами занесённой, — дощато-красный “городской театр”»* [10].

Почётный архитектор России, калужский краевед Александр Сергеевич Днепровский-Орбелиани оставил воспоминания о Калужском театре, который он посещал в детстве, в 30-е годы XX столетия: *«Здание театра было в Калуге превосходное, деревянное, в форме подковы был зрительный зал, как в Малом театре, три яруса. Зал звучал, как внутри виолончели, а микрофонов и усилителей тогда в помине не было. Зал был, наверно, на 600 человек <…> Театр функционировал до лета 1941 года. Гибель театра в Калуге 25 декабря 1941 года была трагедией для многих калужан. Он сначала взорвался, а потом сгорел <…>»* [11].

Список литературы

1. *Малинин Д.* Начало театра в Калуге (к истории Калужскаго театра в XVIII веке): репринтное издание / Д. Малинин. Калуга: Губернская Типо-Литография, 1912. 28 с. — Текст: непосредственный.
2. *Бедлинский К. Б.* Калужский театр / К. Б. Бедлинский; [Предисл. Ю. Дмитриева, проф., д-ра искусствоведения]. Тула: Приок. кн. изд-во, 1977. 206 с., 16 л. ил.: ил. Текст, иллюстрации (двухмерные, неподвижные): непосредственные.
3. *Ассонов В.* К истории театра в Калуге / В. Ассонов. Текст: электронный // Известия Калужской Учёной Архивной Комиссии. 1899–1911. Вып. XXI / под ред. В. И. Ассонова. Калуга: Типография Е. Г. Архангельской, 1911. С. 69. // Государственная публичная историческая библиотека [Официальный сайт] 1863–2015. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/13501-vyp-xxi-1911#mode/inspect/page/81/zoom/5 (дата обращения: 16.11.2017).
4. Переписка с Калужским губернским правлением, Жиздринским уездным исправником, городским головою, уездными предводителями дворянства Калужской губернии и др. об осмотре и построении здания городского театра в городе Калуге. 22 июня 1873 г. — 16 января 1875 г. // Государственный архив Калужской области. Ф. 32. Оп. 1. Т. 2. Д. 896 // Архивная служба Калужской области. Управление по делам архивов [Официальный сайт] 2019. URL: https://archive.admoblkaluga.ru/imageViewer/img?url=mZaTmpGekprCL1vSzM3fL0EvQC9HLn4uc98de2nO3y59L0EvQ9/N3y9lL08vQi55L0ovRC5wLn8vRy5w3y9lL08vRC58L0kufi9FL0EvTC9B3y9MLnwvTi9KLn8vQi9PLn0vQS5/L0/fzsfIztLOx8fN3y9ML0zRj5uZ2ZyKjY2akYuvnpiaws7ZmoeLwtGPm5nZkJ2VmpyLwsnMzMjMx8nZnouLjcLOzMvLydmMmo2WnpPCycvHxs7Gzcs= (дата обращения: 11.02.2021). Текст, изображения (двухмерные, неподвижные): электронные.
5. Отношение по предложению Калужского губернатора о созыве думы для изыскания средств к отстройке городского театра. 21 апреля-21 апреля 1875 г. // Государственный архив Калужской области. Ф. 32.

Оп. 6. Т. 1. Д. 489 // Архивная служба Калужской области. Управление по делам архивов [Официальный сайт] 2019. URL: https://archive.admoblkaluga.ru/imageViewer/img?url=mZaTmpGekprCL1vSzM3fL0EvQC9HLn4uc98de2nJ3y59L0EvQ9/O3y9lL08vQi55L0ovRC5wLn8vRy5w3y9lL08vRC58L0kufi9FL0EvTC9B3y9MLnwvTi9KLn8vQi9PLn0vQS5/L0/fzsfIz9LOx8bN3y9ML0zRj5uZ2ZyKjY2akYuvnpiaws7ZmoeLwtGPm5nZkJ2VmpyLwsnMzMjJzc7ZnouLjcLOzMvLydmMmo2WnpPCx8rIysvIyA== (дата обращения: 11.02.2021). Текст, изображения (двухмерные, неподвижные): электронные.

6. *Бедлинский К. Б.* Калужский театр / К. Б. Бедлинский; [Предисл. Ю. Дмитриева, проф., д-ра искусствоведения]. Тула: Приок. кн. изд-во, 1977. С. 74–75. Текст, иллюстрации (двухмерные, неподвижные): непосредственные.
7. Опись общественного имущества г. Калуги за 1893–94 годы // Государственный архив Калужской области. Ф. 32. Оп. 4. Д. 97. Л. 135–138(об.).
8. *Бедлинский К. Б.* Калужский театр / К. Б. Бедлинский; [Предисл. Ю. Дмитриева, проф., д-ра искусствоведения]. Тула: Приок. кн. изд-во, 1977. С. 85–89. Текст, иллюстрации (двухмерные, неподвижные): непосредственные.
9. Тишина / Б. К. Зайцев. Текст: непосредственный // Собрание сочинений: в 5 т. / Б. К. Зайцев. М.: Русская книга, 1999. Т. 4: Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. 1999. С. 263. Текст: непосредственный; Зайцев Е. Н. Борис Зайцев и Калужский край / Е. Н. Зайцев. Калуга, 1995. 31 с. Текст: непосредственный.
10. Атлантида / Б. К. Зайцев. — Текст: непосредственный // Собрание сочинений: в 5 т. / Б. К. Зайцев. М.: Русская книга, 1999. Т. 2: Улица святого Николая: Повести. Рассказы. 1999. С. 435–449.
11. *Днепровский-Орбелиани А. С.* Калужская сага. Семейная хроника на историческом фоне / А. С. Днепровский-Орбелиани, Н. П. Рождественская. Калуга: Фридгельм, 2012. С. 162–167. Текст: непосредственный.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА «ТРОИЦКО-ДАШКОВСКОЙ БУМАГО-КАРТОННОЙ ФАБРИКИ» (1895–1904 гг.)

М. Ю. Вещев,
краевед, начальник отдела продаж ООО «Фэнстербург», г. Обнинск

1895 г. стал знаковым в истории фабричного производства в с. Троицкое Тарусского уезда. 24 ноября 1895 г. Николай II «Высочайше повелеть соизволил разрешить камер-юнкеру графу Владимиру Владимировичу Мусину-Пушкину и потомственному дворянину Сергею Николаевичу Коншину учредить акционерное общество, под названием: «Общество Троицко — Дашковской бумаго-картонной фабрики»[1]. В разрешении Императора первым учредителем назван 25 летний камер-юнкер граф В. В. Мусин-Пушкин. Казалось бы, какое отношение он имел к с. Троицкому. Ответ прост. В 1894 г. он женился на графине Марии Илларионовне Воронцовой-Дашковой, дочери владельца имения в с. Троицкое. Сам граф И. И. Воронцов — Дашков не вошёл в число учредителей общества, при том, что общество организуется в его имении и частью на его действующей фабрике. Вторым учредителем назван 32 летний Потомственный дворянин Сергей Николаевич Коншин. Он был сыном известного предпринимателя и владельца мануфактур в г. Серпухове Николая Николаевича Коншина. По Уставу основной капитал общества составляет 1 миллион 300 тысяч рублей, разделённых на 5 200 акций по двести пятьдесят рублей каждая. Всего было 3 выпуска акций. Первый выпуск (1896 г.) — 4 000 именных акций. В 1898 г. Комитет Министров утвердил второй выпуск акций на 500 000 рублей, но продать смогли только половину. Третий выпуск акций в 1899 г. на 300 000 рублей вообще не был реализован[2]. 26 февраля 1896 г. считается датой открытия деятельности акционерного общества. В первый состав Правления вошли статский советник Николай Николаевич Богданов, купеческий сын Александр Викторович Белоусов, камер-юнкер граф Владимир Владимирович

[1] Полное собрание законов Российской империи. Т. 15., 1895 г. стр. 626–627.
[2] Указатель действующих в империи акционерных общеста. 1903. С. 1384.

Мусин-Пушкин, а председателем был избран дворянин Сергей Николаевич Коншин. Само общество под названием «Троицко-Дашковская бумаго-картонная фабрика» создавалось «для приобретения, содержания и расширения бумажной фабрики, принадлежащей графу И. И. Воронцову-Дашкову … с контрактами и обязательствами, со складами в Москве и Серпухове и готовой продукцией»[1]. Я не располагаю данными за сколько и когда граф передал акционерному обществу свою собственность, и всю ли передал, но мною выявлен факт одновременной работы фабрик «Троицко-Дашковской картонной фабрики» и фабрики графа Воронцова-Дашкова, а по отчёту за 1903 г. общество имело задолженность /пассив/ перед графом И. И. Воронцовым -Дашковым в сумме 87 299 рублей 39 коп., что говорит или о тесном сотрудничестве графа с акционерным обществом, или о долге за графа, который взял под залог фабрики в банке деньги до того, как было объявлено об учреждении акционерного общества.

Правление общества поставило задачу расширение фабрики и увеличения производства с одновременным сокращение затрат. Для этого приступило в феврале 1896 г. к масштабной реконструкции имеющихся зданий и постройке «двух громадных корпусов для выработки требуемой целлюлозной массы, каковая до сих пор получалась фабрикой из-за границы»[2]. Строительство фабричных корпусов согласовывалось со строительным отделом Калужского губернского правления и старшим фабричным инспектором. Например, 12 июня 1897 г. строительный отдел передал фабричному инспектору «разрешение на устройство фабричного здания в с. Троицкое». На что инспектор сообщает, что «не оказалось объяснительной записки к чертежам, представленным помощником директора Т-Д фабрики М. В. Финиковым … и просит выслать», или «имею честь возвратить в строительное отделение дело по рапорту Тарусского исправника о постройке в с. Троицкое двух корпусов заводских зданий»[3]. К 1900 г. в с. Троицком сформировался целый фабричный городок, который «заключает в себе три обособленных фабрики на одном общем дворе, во всех нужных местах замощённом и имеющем …линию железной дороги лёгкого типа с переносными рельсами и вагонами-тележками. На общем дворе расположены:

Бумажная фабрика — двухэтажный каменный корпус в 530 квадратных саженей;

Целлюлозная фабрика, рассчитанная на выработку 500 пудов целлюлозы в сутки, вместе с бумажной фабрикой, имеющая 2 самочерпки, производительностью до 800 пудов бумаги в сутки (каменный, частью двух,— частью восьмиэтажный корпус в 650 квадратных саженей с деревянными пристройками, площадью в 680 квадратных саженей);

Бумажно-массная и соломенно-картонная фабрика — каменный корпус в 4 этажа. Все три фабрики располагают электрическими станциями, но кроме того имеется отдельная главная электрическая станция, (способная –автор) обслуживать все фабрики и жилые дома. Двор освещается керосинокалильными дуговыми фонарями. Кроме описанного, на дворе расположены обширные склады для материалов и готовых изделий, два двухэтажных каменных и шесть деревянных жилых домов для служащих. Для рабочих имеется изолированная от фабрики двухэтажная казарма с 32 большими комнатами». Кроме этого, при фабрике имеется плотина с цементным водобегом и турбиной, парк со старинным хвойным лесом, сад с фруктовыми деревьями и большим огородом, заливной луг в 15 десятин, кирпичный завод с жилыми и сарайными постройками, большая каменная извёстко-обжигательная печь, изготавливающая известь для варки соломы и для построек, отстоечные пруды для спуска отбросов с целлюлозного завода, с проложенными от фабрики чугунными трубами и с насосами, артезианский колодец для целлюлозного завода, больница, оборудованная всеми необходимыми хирургическими инструментами и кроватями, отдельный пожарный павильон с пожарными машинами и инструментами, большой конный двор с 30 лошадьми и помещеним для извозчиков. Во владении имеется 55 десятин земли. Всего по плану Страхового Общества 74 объекта. Стоимость владения по балансу за 1903 г. 1 658 549 рублей»[4]. По технической оснащённости, согласно отчёта инспектора Харитонова губернатору (1897),

[1] Устав общества «Троицко-Дашковская бумаго-картонная фабрика. Пункт 1.

[2] Шангин В. сТорговая и промышленная деятельность губерни // Паметная книга за 1898 г. С. 222.

[3] ГАКО Ф. 102. Оп. 1. Д. 38. Л. 36, 38, 40.

[4] Описание владения бывшей «Троицко-Дашковской писчебумажной фабрики» графа И. Воронцова-Дашкова. Киев, 1910. С. 1–3.

лучшей были «писчебумажные фабрики К. В. Говарда при с. Троицком и Кондрове Медынского уезда. … За фабриками К. В. Говарда следует картонно-бумажная фабрика «Троицко-Дашковского общества» и писчебумажная фабрика Д. Д. Гончарова в с. Полотняный Завод … «Троицко-Дашковская фабрика, в отличии от других, в большом количестве пользуется суррогатами… Фабрики эти паровые и пользуются водяными двигателями»[1]. Если на конец 1898 г. на фабрике было 3 паровых котла, то через два года (1901) уже 10, использовались восемь паровых двигателей и одна водяная турбина. В графе отчёта напротив электрических двигателей стоит прочерк, что говорит об использовании электричества в 1900 г. только для освящения. В 1900 г. установили новый саморежущий бумагу станок, а в 1903 г. две новых бумагоделательных машины[2].

Расширение фабрики привело к увеличению числа рабочих. В источниках есть расхождение о количество работающих, но в целом можно говорить, что с 250 человек в 1895 г. выросло примерно до 550 человек в 1900–1902 гг. Расхождения мы видим и в оценке стоимости произведённой продукции. Если нет опечатки в данных за 1895 г.[3] получается, что на момент создания акционерного общества сумма «выработки» была выше, чем последующие пять лет. Возможно это было связано с перестройкой фабрики и наладкой оборудования, когда фабрика частично не работала. Самая большая сумма «выработки» приходиться на 1901 г.— 700 000 рублей, но это не было показателем благополучия, так как на конец года «осталось (не реализовано — автор) бумаги готовой, на валиках и материалов (на сумму) 445 604 рубля 73 копейки, а убыток фабрики на 1 января 1902 г., с учётом предыдущих лет, достиг 283 037 рублей 76 копеек[4]. В книге Н. П. Мельникова «Исследование бумаги и картона», вышедшей в 1906 г. есть информация об «Троицко-Дашковской бумаго-картонной фабрике», но без указания года предоставления данных. Сведения интересны тем, что дают перечень выпускаемой бумаги: «Выработано бумаги цветной разной на 157 011 рублей, писчей и почтовой на 95 158 рублей, печатной и бел(ой) товар(ной) на 149 661 рубль, обёрточной на 79 874 рубля, пергамина на 8 122 рубля. Годовое производство (составило. — *М. В.*) 489 826 рублей». Для производства было использовано «целлюлозы 104 600 пудов, массы соломенной 1 000 пудов, древесной 20 000 пудов, тряпок 26 000 пудов»[5]. Продукцию фабрика реализовывала в г. Москве, Калуге и других городах России, имела большие склады готовой продукции в г. Киеве и г. Нижнем Новгороде.

Одним из требований работы фабрики в то время было наличие медицинского учреждения. Информация о врачебной помощи и больнице при фабрике есть в нескольких источниках. Не по всем годам сведения совпадают, а иногда просто отсутствуют. В 1900 г.: «Больничный покой находится в деревянном одноэтажном здании, крытого толью. В больнице 6 кроватей и одна в приёмном покое». Работали врач, фельдшер и акушер. «Лечение получили 63 рабочих и 33 из числа других лиц. Вне больницы на дому 606 и амбулаторно 1 205 человек. Расходы составили 3 403 рубля»[6]. Оказание врачебной помощи больным рабочим и членам их семьи осуществлялось безвозмездно. За время болезни рабочие получали выплаты от страховой компании и частично от фабрики. Несчастные случаи на производстве, к сожалению, были довольно часто. В 1900 г. «на фабрике был 21 несчастный случай. Пострадал 21 человек из них 4 потеряли на всегда часть способности к труду, а 17 выздоровели». Были и со смертельным исходом. 23 октября 1901 г. из Тарусы телеграмма старшему фабричному инспектору: «Несчастный случай Смерть рабочего Дашковская фабрика погиб рабочий Иван Иванович Конюхов»[7]. Причинами несчастных случаев было не только технический уровень машин того времени, но и человеческий фактор. К ним я отношу усталость рабочих от продолжительности рабочего дня и привлечение к сверхурочным работам, а так же текучку кадров, следствием чего является отсутствие опыта работы на сложных участках производства. Ежегодно правление фабрики согласовывало

[1] ГАКО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 1. Л. 37–37об.
[2] Там же. Д. 116. Л. 90–91.
[3] Статистический обзор Калужской губернии за 1895 г. Приложение 2.
[4] Отчёт общества «Троицко-Дашковской бумаго-картонной фабрик» за 1901 г. С. 1, 4.
[5] Мельникова Н. П. Исследование бумаги и картона. СПб., 1906. С. 117.
[6] ГАКО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 116. Л. 90–91.
[7] Там же. Л. 20, 90–91.

с фабричной инспекцией правила внутреннего распорядка, где прописывалось время работы, праздничные дни, расценки и т. д. вплоть до правил посещения бани. На фабрике в 1901 г. работали в две смены 6–30 до 18–30 и с 18–30 до 6–30 утра с перерывом 1,5 часа на обед и 30 минут на завтрак/ужин. Предполагаю, что фабричная инспекция постоянно следила за соблюдением времени работы на фабрике, так как много из отложивших документов в архиве посвящены этому вопросу. Тут и табеля выхода на работу как по месячные, так и подёно, сведения о сверхурочных работах и переписка по жалобам рабочих. Большое количество документов о самовольном уходе рабочих, не смотря на предусмотренное законом наказании, говорит о тяжёлых условиях труда и сложных межличностных отношениях. При фабрике работала продуктовая лавка, цены в которой контролировались инспекцией. Рабочие жили в заводских казармах, а тем, кто снимал жильё фабрика частично оплачивала его найм. На плечи фабрики легла забота о школе. В 1898 г. из 60 учеников школы только 10 были дети рабочих, а фабрика потратила на содержание школы 250 рублей[1].

1904 г. начался с сокращения как числа, так и заработной платы рабочих. Если при посещении фабрики инспектором 27 февраля рабочих было 390, то 5 июня 343 человека[2], а 15 августе прекратила работу. По документам, изученным мною, хронология закрытия фабрики выглядит так. 1 июня 1904 г. Тарусский уездный исправник телеграфирует фабричному инспектору о закрытии фабрики и, боясь начала волнения рабочих, срочно выезжает на фабрики. После посещения фабрики он сообщает: «1 июня мною было сообщено Вашему Высокоблагородию о закрытии фабрики и могущих произойти волнениях рабочих. Сообщение это было основано на официальном уведомлении правления фабрики, полученным директором фабрики в 10 утра 1 июня. Отправив сказанное сообщение, я выбыл на фабрику, где и узнал, что в 12 часов дня правление того же общества (дополнило сообщение — автор) и что фабрика останавливаться не будет, а только временно прекратит работы с 15 июня по 1 июля. Из 340 рабочих 150 будут продолжать работу по разным отделам, 50 будет заняты разборкой, чисткой машин и сортировкой товара и около 140 рабочих будут находиться без работы, но в это число войдут те рабочие, которые получали на фабрике большое материальное вознаграждение, а рабочие, получающие меньше плату, будет всё время продолжать работу». Дальше он пишет о больших расходах фабрики, что и стало причиной приостановки работы фабрики и завершает сообщение словами что «фабричная жизнь и работа идёт своим чередом и можно ждать что беспорядков не будет»[3]. Самого решения правления АО о закрытии фабрики и какого-то объяснения директора в фабричную инспекцию я не нашёл. Сохранилось несколько телеграмм. 3 июня директор Штейнгаген телеграфирует: «Действие фабрики будет прекращено работы в течении 7 июня по 7 июля». В инспекции ситуация вызывает тревогу и в случае недоразумения просят немедленно телеграфировать. 4 июня Штейнгаген сначала шлёт телеграмму: «Всё спокойно Недоразумений никаких не будет», а потом пишет письмо: «Подтверждаю посланные мною телеграммы и уведомляю вас, что (часть отделов — автор) будут остановлены около 15 числа, а аппаратный, сортировочный и упаковки будут продолжать работу до окончания всей выработанной бумаги. Рабочие будут рассчитаны по частям, начиная с 8 июня до конца июля, при чём при расчёте им будет уплачено за две недели вперёд, чем рабочие вполне удовлетворены и спокойно остаются на своих работах». В письме от 13 июля Штейнгаген сообщает, что «на 10 июля уволено 160 рабочих … и отчасти мастеровых при паровых котлах и машинах. Осталось не уволенным 180 человек, занятых при отделке бумаги … Отделка бумаги будет продолжаться приблизительно до 15 августа и этим закончиться действие фабрики». Итог деятельности акционерного «Общества Троицко — Дашковской бумаго-картонной фабрики» зафиксирован в письме на фирменном бланке фабрики от 21 августа 1904 г. из Москвы в фабричную инспекцию: «С 15 августа работы на Троицкой фабрике прекращены и директор фабрики Г. А. Штейнгаген оставляет службу»[4]. Попытка найти арендатора на фабричные корпуса не увенчалась успехом. 31 марта

[1] ГАКО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 62. Л. 8.
[2] Там же. Д. 168. Л. 21.
[3] Там же. Д. 168. Л. 24–24об.
[4] Там же. Д. 168. Л. 38.

1905 г. общее собрание акционеров постановило приступить к ликвидации дел общества, для чего, согласно Устава общества, избрало ликвидационную комиссию, в которую вошли не учредители, а М. А. Гонвери, С. Ю. Гольдберг и Г. М. Кобылин о чём «министр финансов донёс Правительствующему сенату»[1].

Рис. 1. Добромыслов Вячеслав Васильевич — адъютант Калужского губернского жандармского управления с 25 апреля 1912 по 1 марта 1915 г.
Фото из открытых источников

Причиной закрытия фабрики стала не рентабельность производства на фоне разразившегося мирового экономического кризиса в начале XX века. Коммерческие банки начали сокращать свои операции и требовать скорейшего возвращения выданных ими ранее ссуд. Началась полоса банкротств предприятий. Цена акций общества «Троицко-Дашковской бумаго-картонной фабрики» упала в 5 раз с 275 рублей (1900) до 50 рублей в январе 1902 г., а дальше торговля акциями вовсе прекратилась. Выплаты дивиденда акционерам не было ни разу[2]. Из числа акционеров больше всех пострадал Петроградский Частный Коммерческий банк, который в августе 1898 г. принял решение о приобретении акций на 500 тысяч рублей[3]. Фабрика работала без прибыли. И если первые годы убытки можно объяснить большими затратами на строительство фабричных корпусов, закупкой оборудования и частичного простоя фабрики при наладке производства, то рост убытков в период полной нагрузки говорят о больших издержках производства, что и стало причиной её закрытия. Начинали с убытка в сумме 50 183 рубля в 1896 г., и достигли к концу 1903 г. в общей сложности 712 372 рублей. И это в самый лучший, по просмотренным мною отчётам, год продажи продукции на сумму на сумму 844 059 рублей. Расходов действительно было много. В 1900 г. на фабрике сырья было использовано 193 727 пудов на сумму 321 760 рублей. Если посмотреть в разрезе что использовали в производстве, то картина выглядит следующим образом: «Тряпьё — 17 921 пудов на 32 755 руб., целлюлоза 70 922 пудов на 147 698 руб., древесная масса 26 609 пудов на 34 737 руб., химических материалов 38 153 пудов на 56 445 руб., брак бумажный 40 122 пудов на 50 125 руб.»[4]. Кроме сырья, большие расходы были по статье топливо — более 119 тысяч рублей. В отличии от своих конкурентов, фабрик Гончарова и Говарда, ж-д. сообщения Троицкая фабрика не имела и вынуждена перевозить на ж-д. станцию Серпухов (18 вёрст) в среднем до 360 000 пудов в год гужевым транспортом[5]. При фабрике была конюшня на 30 лошадей и содержался штат извозчиков. Самой большой не производственной статьёй расходов был процент по ссуде, учёту и и потеря покупателя на сумму почти в 131 тысячу. Это намного больше, чем расходы на заработную плату рабочим — 90 580 рублей. Содержание управление фабрики и правления в Москве — около 58 тысяч, страхование имущества, товара и рабочих — около 33 тысяч, налоги и повинности — около 11 тысяч рублей. А ещё ремонт и содержание квартир, больницы, школы и т. д. Фабрика не смогла справиться с грузом больших расходов. Имея более высокую, чем фабрики Гончарова и Говарда, себестоимость продукции, испытывала трудности в реализации. В 1903 г. не смогла продать и хранила на складе 1/3 произведённой продукции на сумму 414 077 рублей. Всё это и привело к тому, что 15 августа 1904 г. фабрика закрылась. Не привычно тихо стало в с. Троицком. «Замолчали» привыкшие

[1] Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1905 г., издаваемое при правительствующем сенате Отдел второй». С. 1428.

[2] Указатель действующих в империи акционерных предприятий. СПб., 1903. С. 1384.

[3] *Бовыкин В. И.* Зарождение финансового капитализма в России. М.: Московский университет 1967. С. 272.

[4] ГАКО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 116. Л. 90–91.

[5] Труды местных комитетов о нуждах с/х промышленности. Калужская губерния XIV. СПб., 1903. С. 80.

к двухсменной работе машины. Перестали «дышать» паровые котлы, и как потревоженная стая птиц с шумом и суетой «разлетелись» в разные стороны семьи рабочих. Остался на берегу и тоскливо смотрел глазницами своих окон на гладь воды текущей реки Протвы громадный фабричный городок в ожидании … чего!?

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ КАЛУЖСКОГО ЖАНДАРМА (НА ПРИМЕРЕ БИОГРАФИИ УНТЕР-ОФИЦЕРА М. А. ВАРФОЛОМЕЕВА И РОТМИСТРА В. В. ДОБРОМЫСЛОВА)

А. Е. Власов,
аспирант кафедры истории,
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского

В начале XX века для борьбы с распространением революционной пропаганды и предотвращения терактов действовали, созданные ещё во второй половине XIX в. губернские жандармские управления. Такого рода структурное подразделение функционировало и в Калужской губернии. Согласно штатному расписанию в составе губернского жандармского управления числился 24 человека (вместе с дополнительным штатом), среди них офицеров — 3, нижних чинов — 21. В данной статье речь пойдёт о ранее неизвестных фактах служебной и семейно-бытовой жизни отдельных персоналий политической полиции Калужской губернии среднего и низшего звена в 1910-х гг.: адъютантов и унтер-офицеров. Цель данной статьи ответить вопрос, как на практике профессионализм калужских жандармов помогал их продвижению по карьерной лестнице, а также как это сказывалось на их семейной ситуации. В основу статьи положена аттестация адъютанта Калужского губернского жандармского управления (далее — КГЖУ), ротмистра Вячеслава Васильевича Добромыслова, а также личное дело и «Записная книжка» унтер-офицера дополнительного штата КГЖУ Максима Афанасьевича Варфоломеева.

Рис. 2. Максим Афанасьевич Варфоломеев (род. 1860). *ГАКО. Ф. 784. Д. 907*

18 июня 1911 года приказом по Отдельному Корпусу Жандармов, в связи с переводом на новое место службы здание жандармского управления в Георгиевском переулке покинул ротмистр Павел Евгеньевич Низяев, с 17 октября 1910 по 18 июня 1911 года (8 месяцев. — *А. В.*) исполнявшего обязанности адъютанта КГЖУ [8, с. 718]. Его предшественник ротмистр Александр Александрович Гибер фон Грейфенфельс занимал ту же должность ещё более короткий промежуток времени — с 10 сентября по 17 октября 1910 года [9, с. 641]. С 1911 по 1912 год должность адъютанта КГЖУ оставалась вакантной. Проблему была разрешена 25 апреля 1912 г., когда в управление КГЖУ прибыл поручик Вячеслав Васильевич Добромыслов, 9 апреля переведённый из армии в Отдельный Корпус Жандармов (далее — ОКЖ). Именно Калужская губерния стала первым местом службы молодого жандармского офицера. Из его биографии известно, что он родился 29 февраля 1884 г. и происходил из потомственных дворян Новгородской губернии. Закончив 4 класса классической гимназии, поступил в Санкт-Петербургское юнкерское пехотное училище, где проучился 3 года, закончив его 9 августа 1904 г. по 2 разряду в чине подпоручика. Сразу после окончания военного училища В. В. Добромыслов для прохождения службы был направлен в 128-й пехотный

Старооскольский полк. В 1905 г. подпоручику Добромыслову (рис. 1) был пожалован орден Св. Владимира IV ст. с мечами и бантами, а 5 мая[1] того же года — орден Св. Анны IV ст. за храбрость. Прослужив в полку 4 года, В. В. Добромыслов в чине поручика был переведён в 85-й пехотный Выборгский полк, в котором прослужил ещё 4 года. 25 апреля 1912 года 28-летний Добромыслов прибыл в жандармское управление Калужской губернии, в котором прослужил почти 3 года, с 25 апреля 1912 по 1 марта 1915 года [9, с. 755].

Рис. 3. Адам Иванович Тышко (род. 1877).
ГАКО. Ф. 784. Д. 906

Здесь необходимо остановиться и сделать небольшую ремарку. Потенциальным кандидатам для перевода в Отдельный Корпус Жандармов требовалось наличие военного образования по 1 разряду, а при его отсутствии — окончание юнкерского училища по 1-му разряду. В монографии В. В. Хутарёва-Гарнишевского «Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи в 1913–1917 гг.» сказано, что «второразрядников (т. е. выпускников юнкерских училищ 2 разряда) ожидала служба в менее престижных железнодорожных жандармских управлениях…» [11, с. 55]. В научной литературе содержится немало примеров, когда в Корпус жандармов переводили способных офицеров, закончивших юнкерские училища по 2 разряду. Случай с Добромысловым служит наглядным тому доказательством. Ещё одним важным пунктом для перевода в ОКЖ было наличие чина штабс-капитана (в пехоте) или штабс-ротмистра (в кавалерии, жандармерии, пограничной страже). Как показывают документы, чин штабс-ротмистра был присвоен В. В. Добромыслову лишь спустя 8 месяцев после перевода в Корпус — 6 декабря 1912 года. По-видимому, эти месяцы являлись для Добромыслова испытательным сроком. Этот факт говорит качественном подходе со стороны начальника Калужского ГЖУ полковника А. С. Виноградова к подбору жандармского персонала, несмотря на проблему кадрового дефицита в управлении. По «Положению о приёме в Отдельный Корпус Жандармов», изменённому и дополненному в 1913 году был предусмотрен возрастной ценз для будущих офицеров ОКЖ — от 24 до 33 лет. Вячеславу Добромыслову на момент перевода в Корпус было 28 лет. Сразу после подачи поручиком В. В. Добромысловым краткой записки о своей службе за период с 1904 по 1912 год и докладной записки на имя начальника Штаба ОКЖ генерал-майора В. П. Никольского о желании служить в корпусе, новому начальнику Калужского ГЖУ полковнику (впоследствии — генерал-майору) В. З. Тархову, сменившему на этом посту в марте 1913 г. полковника А. С. Виноградова было перепоручено навести справки о личностных и деловых качествах офицера. Поскольку В. В. Добромыслову только предстоял перевод в ОКЖ, В. З. Тархов сделал запрос командирам 128-го Старооскольского (полковнику Товянскому Антону Иосифовичу) и 85-го Выборгского пехотного полков (полковнику Леонтьеву

Рис. 4. Фёдор Григорьевич Кравчук (род. 1875).
ГАКО. Ф. 784. Д. 908

[1] Все даты в тексте даны по старому стилю.

Максиму Николаевичу) о службе поручика В. В. Добромыслова. Автору не удалось найти ответы на эти запросы, но скорее всего отзывы были положительными. В противном случае Добромыслов не был бы допущен до вступительных испытаний. Мы не станем подробно останавливаться на самом ходе вступительных испытаний. Скажем только, что на жандармских курсах будущих офицеров ОКЖ знакомили с различными аспектами прохождения службы: организацией Корпуса жандармов, правами и обязанностями его чинов, сущностью политического розыска, историей революционного движения, особенностями производства дознаний, сущностью железнодорожной полицейской службы, основами уголовного и государственного права, антропометрией, дактилоскопией и т. д. От офицеров требовалось владение иностранными языками. В рапорте штабс-ротмистра В. В. Добромыслова читаем: «…из иностранных языком знаю французский. Разговорной речью владею, но не свободно. Могу читать французские газеты и знаком немного с французской литературой. По-немецки могу читать только лёгкую немецкую книгу с лексиконом (словарём). Из местных языков не знаю ни одного» [5, л. 5–5 об.].

Первое, в чём начал применять на практике свои знания занявший должность адъютанта жандармского управления Калужской губернии В. В. Добромыслов — это подготовка новых кадров среди низового аппарата железнодорожной жандармерии, а именно Сухиничского отделения Московско-Киевского жандармского полицейского управления железных дорог (далее — ЖПУЖД).

Занятия проходили в помещении самого отделения на протяжении 4 месяцев. Сохранились имена слушателей, участвовавших в этих занятиях. Это были унтер-офицеры Влас Демиденко, Николай Савченко и вахмистр Никита Юдаков. Занятия проводились ежедневно, кроме воскресений и празднования общегосударственных и церковных праздников, например, Сретения Господня. Занятия носили как теоретический, так и практический характер. Под теоретическими занятиями подразумевалось знание унтер-офицерами инструкций при проследовании императорских поездов, инструкций «к руководству». Будущие унтер-офицеры ЖПУЖД должны были чётко ориентироваться в участках, где им предстояло проходить службу, уделяя особое внимание описанию железнодорожных путей. В связи с этим, на одном из практических занятий, ротмистр Добромыслов поручил слушателю, унтер-офицеру Демиденко, обойти участок от станции «Калуга» до станции «Муратовка». Это делалось для оттачивания практических навыков при оперативном производстве дознаний в случае совершения преступлений в «полосе отчуждения», т. е. на участке подконтрольном ЖПУЖД. Помимо производства дознаний, унтер-офицеры железнодорожной жандармерии принимали участие в розыске уклонявшихся от армейской службы срочнослужащих. При этом самим унтер-офицерам поручалось писать отношение железнодорожному мастеру о вызове рабочих для сопровождения задержанных нижних чинов для последующей отправки к месту службы. Период с конца января по начало марта 1912 года проводились занятия по изучению шифровального дела. Отдельные дни посвящались закреплению и усвоению полученных знаний [5, л. 9–11 с об.].

Всё остальное время В. В. Добромыслов уделял службе, производя дознания по государственным преступлениям, заменяя несколько раз своего непосредственного руководителя, помощника начальника КГЖУ в Калужском, Жиздринском, Мещовском и Мосальском, Медынском и Перемышльском уездах подполковника Андрея Алексеевича Кравцова.

О его успехах на службе говорят общая и служебная характеристика, данные ему начальником Калужского ГЖУ генерал-майором Виктором Захаровичем Тарховым: «Физически развит правильно, не совсем крепкого здоровья, представительной наружности, но небольшого роста. Умственно развит правильно, нравственных качеств хороших, твёрдого спокойного характера, воли твёрдой, устойчиво держится правых взглядов и убеждений. Воспитан хорошо. В обществе держит себя с тактом, живёт по средствам и долгов не имеет… К товарищам относится хорошо, особых индивидуальных качеств и недостатков не имеет… Дисциплинированный, исполнительный и усердный в службе… Дознания производит правильно и вполне продуктивно. Правильно держит себя с начальниками, старшими и подчинёнными. Обладает в должной мере воспитательными навыками в отношении с подчинёнными и в руководстве последними… Вполне соответствует занимаемой должности адъютанта и может с успехом нести обязанности начальника ГЖУ

и начальника отделения железнодорожной жандармерии. Пером владеет удовлетворительно… По способностям, складу ума и развития признать хорошим» [3, л. 4–4об., 5].

1 марта 1915 года ротмистр В. В. Добромыслов покинул Калужскую губернию и был переведён на новое место службы в Вятскую губернию на должность помощника начальника губернского жандармского управления в Сарапульском, Елабужском и Малмыжском уездах, в котором он работал до февраля 1917 года [10, с. 742]. Оставленная В. В. Добромысловым должность адъютанта управления вновь стала вакантной.

Ещё одним представителем калужской жандармерии, но более низкого ранга, чем ротмистр Добромыслов, был унтер-офицер Максим Афанасьевич Варфоломеев (рис. 2), родившийся в 1860 г. в с. Нижне-Спасское, Нижне-Спасской волости, Тамбовского уезда Тамбовской губернии. Как и все его сослуживцы унтер-офицеры, он происходил из крестьян и был по профессии садовником. 5 ноября 1881 г. в возрасте 21 года Максим Варфоломеев был призван на военную службу [4, л. 1]. 20 августа 1886 г. был уволен из армии в запас. 11 октября 1896 г. по добровольному желанию поступил на 5 лет сверхсрочной службы в дополнительный штат КГЖУ с переименованием в унтер-офицеры (до это служил бомбардиром, фейерверкером в артиллерии) с награждением узким серебряным шевроном. 11 октября 1901 г. был награждён узким золотым шевроном [4, л. 2об]. Ещё через 5 лет, 11 октября 1906 г. был уволен в отставку [4, л. 3об], а спустя два дня, 13 октября 1906 г. вновь поступил на 5 лет сверхсрочной службы в дополнительный штат КГЖУ в Калужском, Жиздринском, Мещовском и Мосальском уездах. 10 декабря 1906 г. ему было выплачено денежное пособие от казны в размере 250 руб. Приказом по КГЖУ от 18 декабря 1906 г. за 10-летнюю сверхсрочную службу был награждён серебряной медалью с надписью «за усердие» для ношения на Аннинской ленте [4, л. 4].

24 декабря 1907 г. унтер-офицер Максим Варфоломеев стал филёром Калужского розыскного пункта Московского (Центрального) Районного Охранного Отделения (далее — МЦРОО) [2, л. 2]. 26 сентября 1910 г. по предписанию Департамента полиции унтер-офицер, филёр Варфоломеев с двумя коллегами Адамом Ивановичем Тышко (рис. 3) и Фёдором Григорьевичем Кравчуком (рис. 4) на 5 месяцев отбыли в служебную командировку в Москву в распоряжение начальника МЦРОО П. П. Заварзина. Перед отправкой в Москву каждому из них полковник А. С. Виноградов (с 24 сентября 1907 по 30 марта 1913 года начальник Калужского ГЖУ) выдал аванс в размере 25 руб. [2, л. 3об.]. Из донесения помощника начальника МЦРОО ротмистра А. Н. Турчанинова известно, что все трое унтер-офицеров «за всё время пребывания в Москве ни в чём предосудительном замечены не были и возлагаемые на них поручения исполняли добросовестно и аккуратно». Из того же донесения следует, что от сумм МЦРОО каждому из трёх калужских филёров был выдан аванс в 30 руб. 21 января 1911 г. вся тройка благополучно вернулась в Калугу [2, л. 4]. Через год филёра М. А. Варфоломеева ждала ещё одна служебная командировка в Варшавское генерал-губернаторство. Его определили в наряд в Привислянский край, через который в ноябре 1912 г. проезжал поезд с Августейшим семейством. Из отношения канцелярии помощника Варшавского генерал-губернатора по полицейской части: «Унтер-офицеру КГЖУ Максиму Варфоломееву за труды, понесённые в 1912 году в бытность его на охране в Привислянском крае при проследовании Их Императорских Величеств, Высочайше пожаловано 3 руб. 75 коп.» [2, л. 5]. В мае 1913 г. филёрский отряд в составе 3 унтер-офицеров КГЖУ Варфоломеева, Кравчука и Тышко отправилась в ещё одну служебную командировку во Владимирскую губернию, которая также, как и Калужская входила в состав МЦРОО. Начальник Владимирского ГЖУ полковник Константин Прокофьевич Немирович-Данченко оценил службу прикомандированных к его управлению калужских филёров положительно [2, л. 6]. В 1914 г. в связи с прекращением существования МЦРОО, унтер-офицер М. А. Варфоломеев был освобождён от обязанностей филёра и направлен на новое место службы в жандармский наблюдательный пункт в Медынский уезд. Путь унтер-офицера Варфоломеева к месту службы проходил по линии Московско-Камышинского ЖПУЖД, а потому незадолго до выезда Варфоломеева на новое место службы помощник начальника Калужского ГЖУ подполковник А. А. Кравцов написал отношение начальнику Калужского отделения Московско-Камышинского жандармского полицейского управления железных дорог ротмистру Михаилу Яковлевичу Малюге с просьбой выдать на предъявителя

удостоверение для бесплатного проезда в до города Медыни. Вскоре М. А. Варфоломеев явился в канцелярию начальника вышеуказанного отделения, где ему и выдали удостоверение за № 396. 29 апреля 1914 г. Варфоломеев прибыл в Медынь, о чём сообщил в рапорте помощнику начальника управления Кравцову, приложив к рапорту выданное удостоверение [5, л. 1]. Медынскую городскую управу поставили в известность о прибытии в город жандармского унтер-офицера, обязав её ежемесячно выплачивать из средств местного бюджета 10 руб. добавочных квартирных денег для снятия жилья. О получении денег унтер-офицер информировал в рапорте своё непосредственное начальство — помощника начальника КГЖУ подполковника Кравцова, который сразу же по получении рапорта от своего подчинённого заносил соответствующие данные в «записную книжку» — специальный документ с данными о послужном списке унтер-офицера, информацией о его ежемесячных доходах, включая жалованье, добавочные квартирные деньги, пособие на детей; предметы амуниции; табельный номер боевого оружия (револьвера, винтовки, шашка) и т.д. Месячное жалованье унтер-офицера Максима Варфоломеева составляло 25 руб. Размер детского пособия — 35 руб. Финансирование поступало от Штаба ОКЖ [4, л.16об]. Для содержания большого семейства этих средств было явно недостаточно. В семье Максима Афанасьевича было 5 дочерей и 4 сыновей. Подполковник Кравцов, вошёл в положение Варфоломеева и добился, чтобы ежемесячно фабрика Говарда выделяла Варфоломееву добавочные квартирные деньги в размере 5 руб., начиная с июня месяца 1914 года.

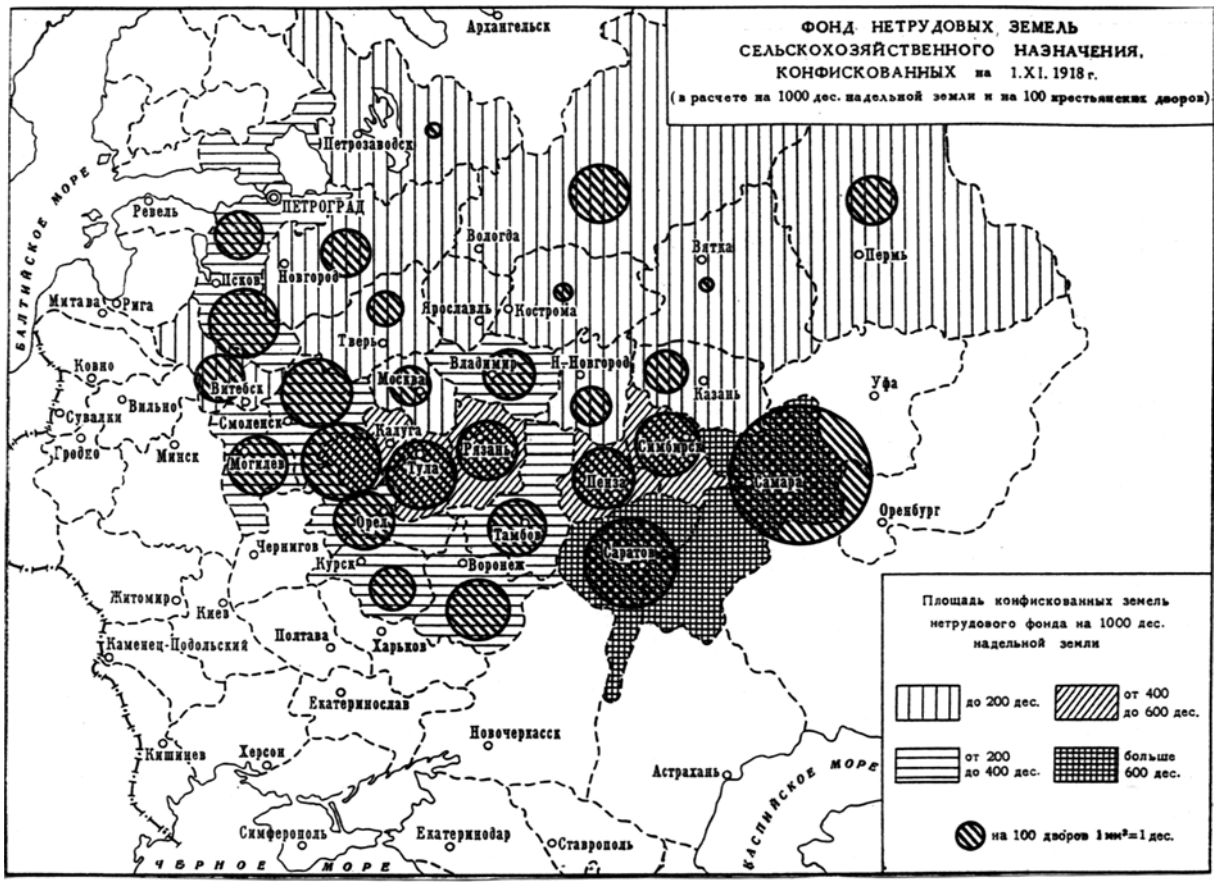
Зоной ответственности унтер-офицера М. А. Варфоломеева был жандармский наблюдательный пункт с центром в городе Медыни. Район вверенного ему участка включал в себя Дороховскую и Барсуковскую волости Медынского уезда [5, л. 5]. В самом городе располагалась канцелярия унтер-офицера. Канцелярия состояла из 2 так называемых «отделов» или частей. 1-й «отдел» составляли журналы «входящим и исходящим бумагам»; 2-й — «со сведениями о состоянии пункта в наблюдательном отношении», «с перепиской о розыске политически неблагонадёжных лиц», «с перепиской о лицах, состоящих под негласным наблюдением», «со сведениями о происшествиях», «с перепиской о негласных разведках по делам о государственных преступлениях» и, наконец, «с перепиской по строевой части». В конце года все книги и дела наблюдательного пункта, за исключением дел «к руководству», с приложением описи унтер-офицеры обязаны были представлять в канцелярию помощника начальника КГЖУ. В канцелярии «по строевой части» на казённых бланках хранятся рапорты унтер-офицера М. А. Варфоломеева о поездках для производства негласных разведок по предписанию подполковника Кравцова с приложением маршрутов поездки, указывая при этом расстоянии от одного населённого пункта до другого и т.д. Для объезда своего участка наблюдения Варфоломеев пользовался обывательскими подводами [5, л. 10–12 об]. Разбор канцелярии «с перепиской о происшествиях» показывает, что настоящим бичом для жителей всех уездов Калужской губернии был пожар. Медынский уезд не был исключением. Причём, пожар возникал постоянно по вине самих жителей, вследствие неосторожного обращения с огнём. В рапортах жандармского унтер-офицера говорится ещё об одной напасти для жителей Медынского уезда — сибирской язве, в результате которой в уезде начался падёж крупного рогатого скота. Медынский уездный исправник сделал распоряжение о вызове из Калуги 4 земских ветеринарных врачей для привития от оспы как скота, так и людей [7, лл. 1–6 с об.]. В «переписке о лицах, состоящих под негласным наблюдением», содержатся данные на 28 человек с указанием Ф.И.О, звания, происхождения, времени учреждения надзора, местожительства и рода занятий, а также фактов, давших основание к установлению наблюдению [6, лл.10–12 с об.]. И, наконец под «перепиской о негласных разведках по делам о государственных преступлениях» подразумевалось выяснение различных обстоятельств, имевших отношение к производимым ротмистром Добромысловым дознаниям, возбуждённым по фактам совершения преступлений против монархической власти. Не обходил ротмистр своим вниманием и взаимоотношения жителей уездных городов нашей губернии и проживавших в тех же городах иностранцев, в частности германских подданных. Рапорты унтер-офицера Варфоломеева показывают, что эти отношения доходили до взаимных словесных перепалок на патриотической почве [6, л. 1–22 с об.].

Работая в столь тяжёлых условиях, унтер-офицером Максим Варфоломеев всё же совершал ошибки по службе, в том числе при производстве негласных разведок. Отчасти это можно

Усадьба графов Бобринских в Богородицке[1]

объяснить возрастом — в 1914 г. ему исполнилось уже 54 года, а в своём наблюдательном пункте он работал один. Ему ещё надо было содержать свою семью. Это тоже сказывалось на качестве работы. Всё немногочисленное время досуга Максим Афанасьевич проводил в кругу своей семьи. Свою будущую жену, Ксению Андреевну Варфоломееву, он встретил примерно в начале 1890-х гг. 1 января 1894 г. у пары родился старший сын Александр. В 1908 г. Александр поступил в Первое городское 3-классное училище г. Калуги, находившееся на Золотарёвской улице (ныне ул. Пушкина). К 1914 г. 20-летний Александр Максимович был уже сам женат на крестьянке Анне Петровне, урождённой Юдиной. В том же году у молодой пары рождается сын Николай — внук унтер-офицера. Александр вместе с женой и сыном проживали в Смоленске. Сам Александр Варфоломеев работал в парикмахерском заведении Левитина мастером. В 1913 г. Варфоломеев-младший был приписан к призывному участку с. Сильковичи Мосальского уезда [5, л. 36–36об]. Помимо сына Александра Максим Афанасьевич и Ксения Андреевна Варфоломеевы имели ещё 5 дочерей — Марию (род. 1896 г.), Анну (род. 1899 г.), Надежду (род. 1902 г.), Наталью (род. 1905 г.), Антонину (род. 1913 г.); 3 сыновей — Владимира (10.07.1903 г.), Валериана (род. 15.09.1908 г.), Анатолия (род. 01.10.1909 г.). В служебных бумагах унтер-офицера М. А. Варфоломеева автором найдены сведения о месте крещения 5 детей. В частности, Владимир и Надежда Варфоломеевы были крещены в Знаменской церкви города Калуги (ныне — старообрядческий храм на ул. Знаменской, 2); Валериан и Анатолий — в церкви Преображения Господня, «что за верхом» (ныне на ул. Смоленской), ещё одна дочь Наталья — в церкви села Людиново Жиздринского уезда [5, л. 26–26об]. Информацию о том, где были крещены остальные дети жандарма, автору найти не удалось.

В заключении напомним, что профессия жандарма нередко вызывала крайнее отвращение в обществе калужских обывателей в первые годы реакции после подавления первой русской революции 1905–1907 гг. Унтер-офицер Варфоломеев и его семья испытали это на себе. Когда жена унтер-офицера Ксения Андреевна 15 июля 1908 г. явилась к инспектору Первого городского 3-классного училища Смирнову с письмом, в котором излагалась просьба выдать ей на руки метрическую выписку и свидетельство о сделанной её сыну Александр прививки от оспы, то узнав, что она жена жандарма, инспектор выставил её вон и порвал поданное ему письмо. Точно тем же закончился



Фонд нетрудовых земель сельскохозяйственного назначения, конфискованных на 1 ноября 1948 г.[1]

визит Варфоломеева-старшего вместе с сыном к тому же инспектору. Только благодаря вмешательству полицмейстера Е. И. Трояновского конфликт удалось погасить [1, л. 114, 115, 116, 117, 118 об.].

Анализ исторических источников, относящихся к работе личного состава жандармского управления Калужской губернии, приводит автора к выводу, что главной проблемой для жандармского начальства была острая нехватка офицерских кадров для несения службы на должности адъютантов управления и неразрешённая проблема по привлечению к работе свежих кадров на низовом уровне. Частый перевод жандармских офицеров из одного управления в другое по всей Российской империи в рассматриваемый период отрицательно сказывался на работе жандармских управлений. В истории Калужского губернского жандармского управления (далее — КГЖУ) такая ситуация складывалась дважды: в 1911–1912 и в 1915–1917 гг. Февральскую революцию 1917 года Калужская жандармерия встретила, в неполном составе, оставалась вакантной штатная должность адъютанта управления, который выполнял функцию заместителя начальника управления. Объём работы политической полиции в связи с началом Первой мировой войны в разы увеличился, а численность выполнявших эту работу унтер-офицеров и вахмистров основного и дополнительного штата оставалось неизменной: 1 вахмистр, 8 унтер-офицеров и 2 писаря в основном штате в Калуге; 1 вахмистр, 9 унтер-офицеров в дополнительном штате для работы в уездах [10, с. 42]. Как видно из статьи, основной костяк личного состава состоял из немолодых, обременённых большими семействами унтер-офицеров, для которых служба оставалась основным источником доходов. Именно такого характера вопросы и были рассмотрены в настоящей статье.

Список литературы

1. Государственный архив Калужской области (далее — ГАКО). Ф. 784. Оп. 1. Д. 740.
2. ГАКО. Ф. 784. Оп. 1. Д. 907.

3. ГАКО. Ф. 784. Оп.1. Д. 1113.
4. ГАКО. Ф. 784. Оп. 2. Д. 5.
5. ГАКО. Ф. 944. Оп. 1. Д.2.
6. ГАКО. Ф. 944. Оп. 1. Д. 4.
7. ГАКО. Ф. 944. Оп. 1. Д. 5.
8. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов по 13 ноября 1911 г. 1 и 2 части. — Петроград: Типография штаба отд. корп. жанд., Б. Вульфова, 23. 1912.
9. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов по 15 ноября 1912 г. 1 и 2 части. — Петроград: Типография штаба отд. корп. жанд., Б. Вульфова, 23. 1912.
10. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов по 1 июля 1915 г. 1 и 2 части. — Петроград: Типография штаба отд. корп. жанд., Б. Вульфова, 23. 1915.
11. *Хутарев-Гарнишевский В. В.* Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913–1917 гг. — М.: Изд-во института Гайдара, 2020.

КОНФИСКАЦИЯ ПОМЕЩИЧЬИХ ИМЕНИЙ В КАЛУЖСКОЙ И ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИЯХ В 1917–1918 гг.

Н. Н. Никитина, *кандидат исторических наук, доцент;*
А. В. Неустроева, *магистрант,*
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского

Конфискация частновладельческих хозяйств и передача их в распоряжение волостных земельных угодий и всего хозяйства нетрудовых владений началось ещё до Октябрьской революции. И вступил в активную фазу только после принятия Декрета о земле. В третьей статье данного декрета прямо было указано, что уездные Советы крестьянских депутатов при конфискации имений должны составить точную опись имущества для строжайшей охраны переходящего к народу хозяйства со всеми постройками, орудиями, скотом, запасами продуктов и прочее[1].

В. А. Белоусов

Взятие на учёт помещичьих владений одновременно означало фактическое изъятие учитываемого имущества хозяйственных построек у прежнего собственника и принятие его в распоряжение местных органов власти, осуществляющих советский закон о превращении земли в общенародное достояние. Процесс конфискации помещичьих имений часто сопровождалось выселением помещиков из дворянских семейных гнёзд. «Учёт всех средств производства конфискованных имений означал передачу их в общенародное достояние»[2].

Для проведения учёта земель и всего хозяйства помещиков Наркомземом были даны Инструкции земельным комитетам об урегулирование земельных и сельскохозяйственных отношений от 13 декабря 1917 года. Производство учёта возлагалась на комиссаров, которые избирались волостными земельными комитетами для каждого имения. Комиссары проводили учёт имений при участии представителей волостного земельного комитета Совета крестьянских депутатов. Подлинная опись предоставлялась в губернский земельный комитет, а копии передавались владельцу.

[1] Декреты Советской власти. Т. 1. М.: Гос.из-во политической литературы, 1957. С. 17.
[2] *Першин П. Н.* Аграрная Революция в России. Кн. 2. М.: Наука, 1966. С. 197.

При осмотре жилых помещений особо выделялись предметы обстановки, являющиеся редкими и имеющие художественную ценность. По ним составлялась специальная опись в целях дальнейшего использования для пополнения музеев и других общественных учреждений[1].

В Богородицком уезде Тульской губернии владельцам помещичьих имений, которые будут сами обрабатывать земли, предоставлено было право пользоваться живым и мёртвым инвентарём на «Равных основаниях со всеми гражданами»[2]. Более подробно рассмотрим усадьбу графов Бобринских.

До 1917 года усадьба жила яркой и насыщенной жизнью. В последний раз семья Бобринских полностью собралась в своём имении осенью 1917 года, а в скором времени судьбу дворца решили большевики, и кабинет бывшего владельца занял председатель ЧК. Предметы мебели, правда, остались на своих местах: «Один стол письменный. Один шкаф с бронзовым украшением. Один диван мягкий ручной работы. Четыре стула мягких резной [работы]. Одна угловая тумба чёрная с бронзовым украшением. Одна ваза. Одна картина в раме. Два подсвечника терракотовые. Одно кресло резной работы. Одно зеркало со столиком. Две шторы красного цвета с бордюрами. Два декоративных дерева в кадушках. Телефонный аппарат настольный»[4]. В первое время после Октябрьской революции крестьяне хорошо относились к бывшим хозяевам усадьбы. В свою очередь последние в 1918 году продолжали пользоваться имением. «Правда, во многом их ограничили: лошадей отобрали, обслугу превратили на более полезные дела, фруктовый сад и ягодники получили нового владельца — государство»[5]. У бывших владельцев усадьбы периодически изымались вещи на нужды молодого государства. В сентябре 1918 года президиум Богородицкого уезда принял постановление «О Выселении буржуазии из занимаемых ею помещений». В результате усадьба, бывшая родовым гнездом для четырёх поколений графов Бобринских, была национализирована. Хозяева и их родственники были рассредоточены по небольшим городским квартирам.

В Калужской губернии процесс конфискации помещичьего хозяйственного имущества проходил в те же года, что и в Тульской губернии, но в более жёсткой форме. Например, Мещёвский уездный Совет непосредственно после перехода власти в руки Советов предписал приступить к учёту всех владений. В его предписании было сказано6 «Земельные комитеты должны принять живой и мёртвый инвентарь, весь корм и весь хлеб на учёт, принимая всё в самом строгом порядке и соблюдая тишину. Кто будет посягать на принятое на учёт имение, тот должен подвергаться законной ответственности… Принятое имущество сдать тому же владельцу по описи и под расписку на хранение до особого распоряжения»[6].

П. Д. Скорбач

За время конфискации помещичьих имений в Калужской губернии было изъято от четырёхсот до шестисот десятин земли, а в Тульской губернии свыше шестисот десятин земли. Такой разброс связан в основном с территориальным признаком.

Список литературы

1. Декреты Советской власти. Т. 1. М.: Гос.из-во политической литературы, 1957.
2. *Першин П. Н.* Аграрная Революция в России. Кн. 2. М.: Наука, 1966.
3. Знаменитые Тульские усадьбы и их владельцы. М., 2015.

[1] Там же. С. 205.
[2] Там же. С. 199.
[3] Знаменитые Тульские усадьбы и их владельцы. М., 2015.
[4] Там же. С. 60.
[5] Там же.
[6] *Першин П. Н.* Указ. соч. С. 200.
[7] *Першин П. Н.* Указ. соч.

СТАНОВЛЕНИЕ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Р. А. Мельников, *аспирант кафедры истории;*
А. В. Штепа, *кандидат исторических наук, доцент кафедры истории,*
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского

История становления советской милиции берёт своё начало с постановления Народного комиссариата внутренних дел (далее — НКВД) РСФСР от 28 октября (10 ноября — по новому стилю) 1917 года «О рабочей милиции». Из замысла Советской власти организовать новые правоохранительные органы следовало, что имперские органы правопорядка нужно полностью упразднить, ликвидировать, а органы так называемой народной милиции, созданной Временным правительство реорганизовать в принципиально новые органы для охраны граждан и социалистической собственности [9].

Новая милиция должна была строиться на началах «всеобщего вооружения народа». Будущий глава советского правительства В. И. Ульянов (Ленин) ещё в марте 1917 г. Будучи в эмиграции в письме «О пролетарской милиции» ставил проблемный вопрос: «Какая милиция нужна нам, пролетариату, всем трудящимся? Действительно народная, т. е., во-первых, состоящая из всего поголовно населения, из всех взрослых граждан обоего пола, а во-вторых, соединяющая в себе функции народной армии с функциями полиции, с функциями главного и основного органа государственного порядка и государственного управления» [1].

Возникновение и дальнейшее развитие советской милиции неотъемлемо связано с развитием Советского государства, как составной части и механизма этого государства.

О победе Октябрьской революции в Петрограде в Калуге стало известно 26 октября 1917 г. На тот момент Калужская губерния представляла из себя слаборазвитый, в промышленном отношении, регион. На 1913 год насчитывалось 109 предприятий с 22 878 рабочими. Наиболее развитыми в промышленности были: Жиздринский уезд — на 25 предприятиях которого трудился 12 061 рабочий, Медынский уезд — 17 предприятий, 4018 рабочих, Боровский уезд — 8 предприятий, 3168 рабочих.

В других уездах губернии промышленность была представлена мелкими предприятиями и кустарным производством. Губернский центр имел одно крупное предприятие — Главные железнодорожные мастерские Сызрано-Вяземской железной дороги, которое начитывало более 2000 рабочих [3, с. 3,4].

Сельское хозяйство также было весьма в отсталом состоянии в связи с низкими урожаями и частыми недородами.

На такой почве приходилось формировать все институты новой власти в калужском регионе.

После революционных событий, в Калуге требовалось наладить охрану общественного порядка от противоправных посягательств со стороны криминальных элементов. Данную задачу предстояло решать Василию Александровичу Белоусову (1888–1967). В прошлом — рабочий Петроградского Путиловского завода, будучи большевиком и имевшим некоторый опыт работы в заводской милиции, он был назначен на должность Комиссара милиции города Калуги 4 декабря 1917 года [2 с. 45].

12 октября 1918 года НКВД и Народный комиссариат юстиции (НКЮ) издают Инструкцию «Об организации Советской Рабоче-Крестьянской Милиции», определившую требования к лицам, принимавшимся на службу в милицию. Это должны быть граждане РСФСР не моложе 21 года, вполне грамотные, признающие Советскую власть, пользующиеся активным и пассивным избирательным правом в советы. Не могли быть принятыми на службу лица, ранее судимые или состоявшие под следствием, частные торговцы, служители культов, а также служащие и агенты жандармских отделений и чины бывшей полиции, члены бывшего императорского дома [2, с. 44].

Тем не менее встречались и исключения. В Калужской губернии начальником уголовного розыска города до 1919 года был бывший частный пристав Александр Васильевич Шангин, а его помощником — бывший околоточный надзиратель Алексей Волатовский [2, с. 43].

15 ноября 1918 года Главное управление милиции (ГУМ НКВД РСФСР) утверждает планы и сметы Калужской губернской милиции, а в декабре ГУМ НКВД принимаются: Общая инструкция милиционерам, инструкция районным начальникам, инструкция об употреблении оружия.

Основной задачей милиции была охрана общественного порядка. Однако, помимо данного направления деятельности, в структуре милиции формировались также оперативные подразделения, одним из основных документов, давшим начало формирования розыскных подразделений послужило «Положение об организации отделов уголовного розыска», утверждённое НКВД РСФСР 5 октября 1918 года. Дополнялась работа введением в июле 1918 г. функции дознания в виде производства неотложных действий по обнаруженному преступлению с последующей передачей собранного материала в органы предварительного следствия, а принятие 30 ноября 1918 г. «Положения о народном суде» позволило милиции производить дознание в виде полного расследования по делам, рассматриваемым в народном суде с участием двух народных заседателей и дальнейшей передачей оконченного производства в суд [4, с. 46].

Как видно из принятых нормативно-правовых актов, несмотря на тяжесть положения в новом государстве, начавшуюся гражданскую войну и интервенцию, повсеместный разгул преступности, на протяжении 1918 года ведётся активное строительство правоохранительной системы, как надёжного инструмента в руках молодой советской республики. Не отставала в этом и Калужская губерния, успевшая стать с начала 1918 года Калужской Советской Республикой.

8 июля 1918 года Павел Дмитриевич Скорбач, будучи председателем Совнаркома Калужской Советской Республики утверждает инструкцию Калужской городской милиции, в первом разделе которой устанавливается её структура:

1. Калужская милиция подразделяется:
   а) городскую наружную;
   б) уголовно-розыскную.
2. Во главе наружной милиции стоит Городской комиссар.
3. Во главе уголовно-розыскной — Комиссар уголовно-розыскной милиции.
   Каждый комиссар имеет по одному помощнику.
4. Наружная милиция делится на три района (Комиссариата), во главе каждого районного Комиссариата стоит районный комиссар и два старших помощника.
5. Каждый район делится на четыре участка. Участками заведуют младшие помощники районных Комиссаров (по одному на каждый участок), им в помощь в каждом районе выделяется установленное число старших милиционеров.
6. Для постов, караульной и прочей службы, при каждом Комиссариате состоит положенный штат младших милиционеров [2, с. 45].

К середине 1919 г. штаты губернской и Калужской городской милиции были полностью укомплектованы.

Как отмечалось ранее, весть о совершившейся революции дошла до калужской земли уже на следующий день, но продолжавшаяся война с Германией, ухудшение продовольственного положения, общая отсталость развития губернии, а также действия в губернии значительных контрреволюционных сил оказывали влияние на криминогенную обстановку.

Ярче всего уровень преступности может проиллюстрировать статистика по осуждённым, но в силу того, что последние сведения о них датированы 1914 годом и лишь в 1919 году начали составляться соответствующие отчётные ведомости в Калужской губернии, доподлинно, непосредственно в революционный период, представить интересуемый нас показатель не представляется возможным [6, с. 172]. Но для сравнения возьмём 1914 год, как последний год по статистическим данным предвоенного времени и 1919, 1920 годы, как первые годы ведения отчётности в советских правоохранительных органах (табл. 1). Понятно, что уровень объективности данного сравнения не может быть полностью однозначным, но на данном сличении фактов можно проследить уровень работы сформированного полицейского аппарата Российской империи в период военного времени,

уровень работы нового аппарата советской милиции в период становления советского государства и гражданской войны, а также уровень преступных настроений у населения в сравниваемые периоды.

Таблица 1

Число осуждённых в Калужской губернии в 1914–1920 гг.

Год	Число осуждённых
1914	5495
1919	5163
1920	9201

Как видно из данных Таблицы 1, уровень преступности к 1920 г. резко возрастает. Касательно периодов с 1917 по 1919 год можно сделать предположение о том, что на данном этапе, когда происходит формирование новых органов правопорядка, уход старых, более опытных кадров, неотлаженность новой системы несомненно накладывала отпечаток на регистрацию преступлений и ведение учётного делопроизводства, несмотря на то, что в 1919 году штат милиции был укомплектован, вполне ясно, что он был недостаточен для обслуживания вверенных территорий с учётом имевшейся нагрузки. Так, например, в Жиздринского уезде, в пределах которого проживало 360 тысяч человек, правопорядок поддерживался всего 220 милиционерами [7].

Об уровне преступности в период 1917–1918 гг. свидетельствуют такие события как: взрыв на Бобруйском складе 11 мая 1918 г., контрреволюционные выступления в Жиздринском уезде в июле 1918, в Медынском и Боровском уездах в ноябре 1918 г. [8, с. 16, 17]. Несмотря на то, что разбирательством с данными фактами занимались органы ВЧК, но действовали они всегда совместно с милицией.

Преступность имела различный характер, помимо упомянутых контрреволюционных восстаний, имели место и преступления общеуголовной направленности: кражи, грабежи, драки, разбои, убийства и т.д., приходилось разоружать бывших помещиков, пресекать самоуправство и самовольную рубку леса.

Зачастую жизнь сотрудников милиции подвергалась опасности. Так в ноябре 1917 г. в Козельском уезде на почве захвата имения Л. А. Фрейберг и произошедшим вследствие этого столкновением между крестьянами был зарублен шашкой сельский милиционер Савостьян Фролов [3, с. 202, 203].

Случай в с. Корекозево Перемышльского уезда в августе 1918 года закончился расправой над членами комиссии, прибывшей в Троице-Лютиков Монастырь с целью конфискации лошадей для нужд Красной Армии в связи с началом гражданской войны. Несогласные с таким решением монахи, собравшие набатом крестьян из окрестных сёл, учинили расправу над прибывшей комиссией, из которой 6 человек были утоплены в р. Оке [5, с. 55, 56].

В марте 1920 года в пределах Калужского уезда агентами Губрозыска была задержана шайка громил, покушавшаяся на кражу соли в д. Ромодановские дворики, и совершившая таковую ранее на хуторе близ д. Еловка, похитив при этом 42 пуда соли [10, д. 112, л. 38].

Помимо борьбы с преступностью, охраны общественного порядка деятельность милиции осложнялась решением второстепенных вопросов при работе с населением: доставкой повесток от народных судей, подвозом продуктов, дров, оказанием помощи раненым и больным с доставкй в больницы.

Приходилось расследовать случаи крупных пожаров, например такого, который произошёл в богоявленской общине в Перемышльском уезде в апреле 1920 г. Результаты расследования документировались, происходил опрос пострадавших, свидетелей и очевидцев происшествия, необходимым моментом являлось составление описи утраченного имущества, построек, домашнего скота [10, д. 112, л. 20–21].

Несмотря на все трудности, развитие милиции набирает обороты, постепенно создаются научно-технические подразделения. Уже в начале 1919 г. коллегией НКВД утверждается смета на организацию кабинета судебной экспертизы, регистрационного и дактилоскопического бюро и музея.

С весны 1922 года при калужской губернской милиции начала действовать школа с пятидесятидневным курсом обучения. Начальником школы был назначен И. Кутьин [2, с. 47].

Подводя итог, хочется отметить, что история развития калужской губернской милиции закономерно неотъемлемо связана со всей историей молодого советского государства. Все процессы, происходящие в тот непростой период так или иначе касались нашего региона. В настоящей статье отмечены лишь некоторые моменты в формировании правоохранительной системы РСФСР, для дальнейшего раскрытия темы необходимо более детальное изучение как документальных источников, так и периодической печати того времени для изображения полной картины тех лет и органического встраивания истории калужской милиции в историю становления и развития советской милиции в целом.

Список литературы

1. *Ленин В. И.* Письма из далека. Письмо 3 // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 31. — М.: Госполитиздат, 1969. С. 34–47.
2. Калужская милиция: история и современность / ред. Ю. С. Кожевников; подгот. материалов А. П. Сафронов; отв. за изд. А. Ф. Павлов. — Калуга, 2002.
3. Установление Советской власти в Калужской губернии. Документы и материалы (март 1917 — июль 1918). — Калуга, 1957.
4. *Гирько С. И.* Деятельность полиции в уголовном судопроизводстве: монография / С. И. Гирько. — М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2013.
5. Калужский край: Документы и материалы. Книга третья. / сост. А. Д. Тарасова. — Тула: Приок. кн. изд-во, 1982.
6. Статистический сборник Калужского губстатбюро / под. ред. В. И. Сосницкого. — Калуга, 1925.
7. *Ларин В. Н.* Столетняя история создания Жиздринской милиции Калужской области 1917–2017 гг. // Сайт г. Жиздра. URL: http://www.zhizdra.ru/larin/zhizdra_milicia.doc (дата обращения 21.02.2021).
8. *Лебедев А. Г., Гапонова Ю. А.* К вопросу о подборе руководящих кадров правоохранительных органов в 1917–1929 гг. в Калужской губернии // Вестник КГУ. 2019. № 4. С. 15–25.
9. *Семёнов А. И.* Создание советской милиции // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 3(14). С. 91–96.
10. Государственный архив документов новейшей истории Калужской области. Ф. П-1. Оп. 3.

РАБОТА ПАРТИЙНЫХ ОРГАНОВ КАЛУЖСКОЙ ДЕРЕВНИ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ ВОЛОСТНОЙ РЕФОРМЫ 1920-х гг.

Ю. В. Кондратьев,
частный исследователь

Исследования аграрной истории 1920-х гг. продолжают оставаться актуальными и в наше время[1]. Это касается и Калужского края[2]. Целью данной статьи является рассмотрение некоторых аспектов работы партийных органов Калужской губернии в период проведения волостной реформы. Источниковой базой исследования послужили материалы Государственного архива документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО), главным образом, волостных комитетов партии, чья изученность ещё сравнительно невысока.

[1] *Филимонов В. Я., Журов Ю. В., Будаев Д. И.* История крестьянства Западного региона России. 1917–1941 / под ред. В. Я. Филимонова. Калуга, 2002.

[2] Калужский край в XX веке: исторические очерки / И.Б. Белова и др.; под ред. проф. В. Я. Филимонова. Калуга, 2014.

Основным содержанием волостной реформы, проводившейся в рамках ещё более крупных территориальных преобразований в стране, стало сокращение местных территориальных единиц и укрупнение сельских советов. 17 декабря 1923 г. на IX Калужском губернском съезде Советов председатель оргбюро Центрально-промышленной области Госплана К. Д. Егоров, накануне приехавший из Москвы, выступил с докладом об административном делении Калужской губернии. В качестве «программы-максимум» по районированию он предложил «с 1 января 1924 года приступить к организации 36 районов с упразднением уездного и волостного деления»[1], что и было принято съездом в п. 4 резолюции по данному докладу. Выступавший за К. Д. Егоровым И. И. Рещиков заявил: «Если районирование губернии в предстоящем году не будет проведено, то на этот случай мы изготовили половинчатую реформу, именно — «укрупнение волостей». Мы считаем, что «укрупнение волостей» есть переходная система к районированию»[2].

С 1923 по 1925 гг. число уездов в РСФСР сократилось с 602 до 426, волостей стало 4 514 вместо 9 599. В Калужской губернии с 1922 по 1924 гг. число уездов сократилось с 11 до 10, волостей — со 167 до 64[3]. Одной из главных целей этих преобразований было повышение роли и усиление значения местных органов советской власти. Важной задачей волостной реформы было повышение авторитета органов советской власти на местах, в крестьянской среде, что достигалось через укрупнение сельских советов и увеличение числа партийных ячеек. Параллельно с волостной реформой проводилась кампания по «оживлению Советов». Политическая активность населения действительно нуждалась в оживлении. Это можно проследить на таком характерном примере, как участие в перевыборах местных сельсоветов. В материалах Пятовского волостного комитета РКП(б) за 1925 г. содержатся сведения о числе жителей Пятовской волости, принимавших тогда участие в этих выборах. Волость охватывала 11 сельсоветов. Из 2947 человек, имеющих право голоса, на выборы явилось 1185 (40,2 %), из них мужчин 693 (50,5 %), женщин 492 (31,2 %)[4].

Характерно стремление партийных органов укрепить собственное влияние на крестьянских сходах и не допустить влияния зажиточных элементов деревни. В докладе ответственного секретаря Некрасовского волкома РКП(б) за 1924 г. отмечалось: «Крестьянские сходы в общественной жизни деревни имеют огромное значение. Все наиболее важные общественные вопросы сельсоветом переносятся на обсуждение крестьянского схода, и только после этого решения по вопросам приобретают законную силу. Как правило, для большинства мест тех или иных решений сельсовета, только тогда, когда они получили санкции от схода. Такое положение ставит перед местными партийными организациями задачи, с гораздо большим вниманием, чем это было до последнего времени, отнестись к работе крестьянских сходов»[5]. Это соответствовало и общей политике РКП(б), обратившей особое внимание на работу партии в деревенской среде.

2 июня 1924 г. ЦК РКП(б) образовал комиссию по работе в деревне, в задачи которой входили изучение социально-экономических процессов, протекавших на селе, разработка рекомендаций по вопросам кооперации, кредита, землеустройства, обобщение опыта партийной работы и практическая помощь сельским партийным комитетам. Эта комиссия затем была преобразована в Постоянное совещание при ЦК РКП(б) по работе в деревне[6].

Шефство города над деревней проявлялось в различных формах. Необходимо было, прежде всего, определить предприятия, на первоочередное восстановление которых требовалось направить значительное количество материальных и финансовых резервов. Партийные

---

[1] Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО). Ф. П-1. Оп. 6. Д. 73. Л. 71об.

[2] Там же. Ф. П-1. Оп. 6. Д. 73. Л. 72.

[3] *Филимонов В. Я., Журов Ю. В., Будаев Д. И.* История крестьянства Западного региона России. 1917–1941. Калуга, 2002. С. 268.

[4] ГАДНИКО. Ф. 1244. Оп. 1. Д. 5. Л. 76.

[5] ГАДНИКО. Ф. 1047. Оп. 1. Д. 7. Л. 114.

[6] История Коммунистической партии Советского Союза. В 6 т. Т. 4. Кн.1. М.: Политиздат, 1970. С. 334.

организации стояли перед задачей повышения производительности труда на предприятиях, улучшения сохранности государственных материалов и имущества. На конференции беспартийных представителей рабочих коллективов, состоявшейся в октябре 1921 г. по инициативе губкома партии, председатель губисполкома А. К. Самсонов отмечал, что после окончания гражданской войны первоочередной задачей становится восстановление разрушенного ею народного хозяйства и дальнейший переход к строительству социализма. Рабочие Калуги призвали крестьян губернии к увеличению посевных площадей и полному внесению продовольственного налога. В свою очередь они обещали повысить производительность труда и увеличить выпуск промышленных товаров[1].

При обследованиях волостных комитетов и низовых партийных ячеек выявлялись недочёты в работе главным образом низовых ячеек и технической работе канцелярий. Одна из производственных ячеек находилась на маслобойном заводе. В связи с тяжёлым положением завода, для поднятия производительности труда и укрепления дисциплины на завод были направлены рабочие-коммунисты. Директору завода было предложено «принять все меры к сокращению расходов, в особенности на канцелярском аппарате»[2] и даны директивы приложить все силы к тому, «лишь бы удержать завод и выйти из той задолжности, какую имеет завод к 1-му октября 1924 г. — около 100 тыс. руб.»[3]. В 1924 г. в стране проводилась кампания по приёму в компартию тысячи сельских учителей. Об этом свидетельствует одно из секретных писем Калужского губкома РКП(б) в Медынский уком, датированное 26 июля 1924 г. В нём указывалось, что «XIII съезд РКП подтвердил взятый партией курс на приближение основной массы сельского учительства к советскому строительству»[4]. В связи с этим укому предлагалось принять в партию 2 учителей из Медынского уезда (на Калужскую губернию было «развёрстано» к принятию 15 учителей) при строгом соблюдении всех предосторожностей и требований устава партии. «К приёму отнестись серьёзно и деловито, чтобы не засорить партию»[5].

В августе 1924 г., в связи с приближающейся кампанией по перевыборам в Советы, Калужский губернский комитет (губком) РКП(б) направил секретное письмо в Медынский уком, посвящённое этой кампании. В нём отмечалось, что сельсоветы и волисполкомы, вследствие реформы их укрупнения, стали сильными административными единицами, поэтому возрастает давление со стороны кулацкого элемента, желающего попасть в Советы. «Кулаческий элемент, видя авторитетность укрупнённого сельсовета и ВИКа и кроме того установившуюся правильную оплату труда работников, будет ещё больше стремиться попасть в Советы и заранее будет стараться всеми силами угодить и заслужить доверие со стороны ещё неопытной некоторой части населения и таким образом будет стремиться обеспечить себе место в Советах»[6]. Чтобы предотвратить такое развитие событий и не допустить «ни одного подобного типа в Советы», губком рекомендовал направить для работы в этом направлении наиболее «сильных в своём знании товарищей», пользующихся большим авторитетом среди бедноты и среднего крестьянства. Все свои действия было предписано согласовывать с губкомом[7].

Таким образом, деятельность партийных органов калужской деревни в 1920-е гг. заклдючалась в исполнении постановлений вышестоящих партийных исоветских органов, контроле за их исполнением на местах, усилении местных партийных организаций, повышении авторитета Советской власти в деревне, политической и хозяйственной помощи крестьянству, недопущении усиления зажиточных элементов деревни.

---

[1] Очерки истории Калужской организации КПСС / под общ. ред. А. Ф. Сладкова. Тула, 1967. С. 156.
[2] ГАДНИКО. Ф. П-13. Оп. 2. Д. 51. Л. 97.
[3] Там же.
[4] Там же. Оп. 1. Д. 175. Л. 122.
[5] Там же.
[6] Там же. Л. 136.
[7] Там же.

Колонисты и организаторы Первой школы-колонии в первые дни её существования). 1919 г.

ПЕРВАЯ ШКОЛА-КОЛОНИЯ МАЛОЯРОСЛАВЕЦКОГО УЕЗДА

С. Е. Сумская,
заместитель директора Малоярославецкого военно-исторического музея 1812 года

Первое послереволюционное десятилетие — время тотальной перестройки общества. Происходила кардинальная трансформация политической системы, социально — экономических отношений и системы образования. Советским руководством были поставлены задачи: ликвидации безграмотности и воспитания человека нового типа. По инициативе Наркомпроса РСФСР повсеместно организовывалась сеть детских домов, различных школ, колоний, коммун.

Открытие колоний и детских домов в Малоярославецком уезде, в 1919–1920 годы, было жизненно необходимо, но носило совершенно бессистемный характер. На 1921 год в уезде существовали: *«Чуркинская колония — 39 чел., Марьинский д/дом — 21 чел., Дольская д/колония — 39 чел., Чуркинский д/дом — 40 чел., Запажская колония — 35 чел., Спасская колония — 44 чел., Д\дом № 3 (младшие) — 77 чел., Неделенская колония — 23 чел., Д/дом № 2 (дети 5–6 лет) — 15 чел., Д\дом № 3 (дети7–16 лет) — 62 чел., Д/дом № 1 (дети 8–13 лет) — 86 чел., Детчинская школа-колония — 36 чел., Поливановская д/колония — 21 чел., Загорская колония — 7 чел., Дольская д/колония — 43 чел., Авчининская колония — 30 чел., Спас-Загорская колония — 41 чел.»*[1]. Желание организовать жизнь детей не совпадало с имеющимися возможностями. Это привело к серьёзным проблемам — невозможная перегруженность детских домов и колоний, голод, материальная необеспеченность, не налаженность педагогической работы[2]. Поэтому многие из них реорганизуют или закроют уже к 1924 году[3].

Удивительное время сочетавшее, казалось бы не сочетаемое — гражданская война, экономическая разруха и смелые идеи, творческие искания, экспериментами в области образования. Так школьной организацией железнодорожных школ при станции Малоярославец был намечен план создания Новой школы — школы нового социалистического общества. По постановлению Малоярославецкого уездного земельного отдела в апреле 1919 года имение Ю. И. Страдэ, Спасской волости близ д. Скрипорово, было передано под Первую школу-колонию. Надо отметить, что организация колонии проходила при непосредственном участии Опытной станции по народному образованию, как в предоставлении имения, так и в разработке самой идеи[4]. Целью воспитательной работы было воспитание социальной активности, духа коллективизма, настойчивости, трудолюбия. Детский коллектив формировался в ходе общего труда и связей с окружающей жизнью.

Трудиться предполагалось в сельском хозяйстве, что в те годы было и средством борьбы с экономической разрухой, и спасением от голода. Воспитание трудом стало основой работы колонии.

Рано утром 5 мая 1919 года группа детей и руководителей со своими лопатами, вилами, граблями прибыла в имение и приступила к трудной сельскохозяйственной работе. Весна была поздняя, местами ещё не растаял снег, а прибывшим колонистам негде было даже разместиться. Не было ни продовольствия, ни денег. Пропитание было скудное, а работать в поле и на огороде приходилось много, с раннего утра до позднего вечера. Нужно было иметь горячие, увлечённые головы, глубокую веру в лучшее будущее, чтобы работать в такой обстановке[5].

Что же собой представляло имение Страдэ в момент передачи его под школу-колонию? В 1918 году в нём была организована сельскохозяйственная трудовая коммуна, в которую вошли: сам владелец Ю. И. Страдэ, несколько семей беженцев-латышей, ранее работавших у него в качестве его подёнщиков, и один местный крестьянин. Хозяйство было запущено. Эта коммуна к весне 1919 года распалась и в марте была ликвидирована[6]. Из жилых построек был только один ветхий флигель 55м^2, да и то забитый семьями беженцев. Пришлось колонистам поселиться в первое время на сеновале. Надворные постройки были ветхими и нуждались в немедленном ремонте. Не было кос, вил, грабель, не хватало упряжей и повозок. Имевшиеся молотилка, веялка, плуги и бороны требовали капитального ремонта. Единственно, что составляло некоторую ценность имения, это четыре коровы, три лошади, четыре овцы, немного посевного материала. В связи с этим положение колонистов было крайне тяжёлым. Поля были запущены, некоторые были покрыты мелким кустарником, местами березняк и сосняк были уже 4–5 см. толщиной.

Наладить и привести в порядок эту «разбитую машину» было первой задачей колонистов. Помощь оказали уездный отдел народного образования и железнодорожная организация Малоярославца. Сотрудники колонии в поисках средств постоянно командировались в Калугу, в Москву, и почти везде им удавалось получить поддержку. В течение 1919 года был приобретён мелкий сельхозинвентарь: косы, лопаты, вилы, упряжь; домашняя утварь: посуда, мебель, одеяла; различные учебные пособия. Пополнялся скотный двор: к 1922 году у колонии было пять коров, четыре лошади, две тёлки, три бычка, десять овец, свиньи и куры. Были отремонтированы молотилка и веялка. Приобрели 150 кусков толя и лак для покрытия надворных построек. В течение осени 1919 и всего 1920 года в колонии работали столяры, плотники, кровельщики и слесари, приводя в порядок постройки и инвентарь. Главная задача 1919 года заключалась в том, чтобы построить жилые помещения, так как без этого было не перезимовать. В сентябре удалось приступить к строительству. Оно осуществлялось с большими трудностями: кирпич, доски и прочие строительные материалы привозились из разных мест, при плохом сообщении с городом переправлялись через реку на лодке. Вся перевозка производилась силами руководителей и колонистов. Ещё одной проблемой было то, что в течение двух с лишним месяцев приходилось кормить около десяти строителей за счёт тех продуктов, которые были выращены воспитанниками за лето. Рассчитывать во всём приходилось только на свои силы и урожай. Колония не оставляла незасеянным ни одного даже маленького участка. Обрабатывалось: пахотной земли — 30 десятин, луговой — 10 дес., облога — 5 дес., леса и кустарника — 10 дес., неудобий — 5 дес. Всего около 60 десятин. Колонисты выращивали: рожь, овёс, картофель, просо, гречиху, ячмень, горох, чечевицу, свёклу, морковь[7].

Жизнь колонии впервые годы её существования — это борьба с голодом и экономической разрухой. В таких условиях трудно было перейти к научной постановке работы в сельском хозяйстве и образовании. Но такие задачи ставились, неоднократно обсуждались и реализовывались активом колонии. Одним из нововведений стало школьное самоуправление. Детский коллектив признавался основным инструментом воспитания. *«…У нас не было детей — беспризорных правонарушителей и очень умело было организовано детское самоуправление, которое помогало нашим педагогам брать самые неприступные крепости в воспитании трудных детей-колонистов. Высшим органом самоуправления считалось общее собрание колонистов, на котором присутствовали педагоги с одинаковым правом голоса. Собрание вёл председатель, а секретарь записывал в протокол. Председатель и секретарь избирались на каждом собрании. Любой колонист или педагог мог поставить на обсуждение любой вопрос, который касался жизни коллектива, и любой участник мог выступить в прениях. Затем принималось решение большинством голосов.*

На общих собраниях выбирались различные комиссии по проведению праздников, по огородным и полевым делам, по уходу за скотом. Здесь же решались вопросы о нарушении дисциплины, слушались отчёты, обсуждались планы предстоящих экскурсий и др. Более сложные вопросы решались предварительно на собрании старших колонистов, которые входили в так называемую «организационную группу». Одновременно работал и педагогический совет учителей. И вся эта «школьная демократия» слаженно работала»[8]. Действительно, вся жизнь колонии протоколировалась: приём новых колонистов; организация учебного процесса на летний и зимний период; характер сельскохозяйственных работ на каждый год; санитарные вопросы колонии; вопрос организации мастерских, литературного и драмкружка и пр. В протоколах описывалось, как идёт связь руководителя группы с детьми, какие проводятся беседы.

Хорошо было налажено в Скрипоровской школе-колонии и самообслуживание. По очереди организовывалось дежурство по кухне. Дети сами готовили завтраки, обеды и ужины, накрывали и убирали столы, мыли посуду. Было чётко расписано дежурство по скотному двору, конюшням и так называемое «дворничество» — подвозка воды на лошади из-под горы, распилка дров и их раскалывание, выпас коров и свиней днём, а лошадей — ночью (ночное). В субботу занятий не было. В этот день обычно заготавливалось топливо, пилили и возили дрова из леса, подвозили сено из стогов к скотному двору и конюшням, доставляли удобрение на поля, мыли полы в комнатах, стирали и чинили одежду.

В колонии всегда остро стоял вопрос с помещениями, занятия проходили в зимний период в спальнях[9]. В марте 1922 года из с. Спаса, что в 8,5 км от колонии, была перевезена дача, всего было доставлено 100 подвод материала. Было осуществлено это только силами руководителей и колонистов, в перерывах между учебными занятиями, по мокрой дороге, при отсутствии у тех и других хорошей обуви и тёплой одежды[10]. К осени 1922 года смогли оборудовать два новых помещения. Было принято решение о расширении педагогической работы в двух направлениях — организация дополнительных групп старших колонистов и групп детей дошкольного возраста. Старшую группу, детей 17–18 лет, в 1922/23 учебном году командировали для продолжения образования в педагогический техникум Первой опытной станции по народному образованию. Младшую группу, детей 4–8 лет, сформировали из воспитанников детских домов г. Малоярославца, брали только круглых сирот. В протоколе заседания педагогического бюро Первой школы-колонии Малоярославецкого уезда от 4 декабря 1921 года читаем: *«Семья, как узкая родственная корпорация, во всей педагогической работе колонии играет большую роль. С этой семьёй не активно, а всею сущностью своей работы мы вынуждены вести постоянную борьбу, которая в конце концов должна привести нас к полному отрицанию семьи. Поставить широко вопрос о семье мы в данный момент не можем: это преждевременно, к этому нет ещё реальных предпосылок ... чтобы избежать такой двойственности, часто срывающей нашу педагогическую работу, следует признать необходимым — дальнейший приём в колонию детей производить только из среды круглых сирот»*[11]. В 1920-е годы на педагогических совещаниях и конференциях периодически говорилось о необходимости вытеснения семьи из процесса воспитания. Именно на государство возлагалась обязанность заниматься социальным воспитанием подрастающего поколения. Само понятие «образование» в 20-е годы заменяется понятием «социальное воспитание».

С осени 1922 года со старшими воспитанниками начала проводится профподготовка: на базе колонии были открыты столярная и швейная мастерские. Ответственным лицом по организации швейной мастерской была Е. Ф. Орлова. Столярно-слесарные мастерские размещались и на территории колонии и в одном из помещений города. Техническую работу по организации мастерских вёл Г. И. Ефимов, руководителем по столярному ремеслу был А. Е. Дмитриев[12].

От обычной школы Первая школа-колония отличалась тем, что получение знаний из учебников и классных занятий шло через призму трудового процесса. Классные занятия начинались несколько позже обычных школ, в октябре или ноябре, после того как заканчивали основные сельскохозяйственные работы. По этим же причинам занятия заканчивались несколько раньше, в апреле, чтобы успеть подготовиться к работе в поле и огороде. Учителя воспитывали у колонистов любовь к родному краю, к труду. Часто проводились экскурсии, диспуты, организовывались практические работы учащихся в поле, на огороде, в саду. Дети вели тетради наблюдений.

Вид Крестовского монастыря и Крестовоздвиженской церкви с южной стороны.
Дореволюционная открытка

Из дополнительных предметов, отводилось время занятиям живописью, музыкой, пением, пластикой. В описи имущества школы-колонии указаны такие музыкальные инструменты: пианино, мандолина, скрипка, гитары, балалайки, бубны[13]. Первая школа-колония рассматривалась как базис всей будущей педагогической работы Малоярославецкого уезда. На её территории неоднократно проводились педагогические съезды руководителей колоний и детских домов[14].

С самого первого года работы одной из основных задач школы-колонии являлось стать культурным центром района в педагогическом отношении и в сфере сельского хозяйства. Это было непросто, так как местное население в 1920-е годы к школам-колониям относилось настороженно, иногда даже враждебно. Организаторы колонии отмечали, что приходилось упорно бороться с тем консерватизмом, которым была пропитана вся деревня. Педагогический коллектив колонии занимался организацией учебной работы в деревенской школе, нередко в ущерб таковой в самой колонии, так как не хватало педагогов. Впоследствии на территории школы-колонии было построено новое здание школы, где обучались колонисты, дети деревень Скрипорово и Мелечкино, и дети хуторян. Были организованы курсы по повышению культурного уровня взрослого населения близлежащих деревень. Работу вели преподаватели и старшие колонисты, которых готовили к тому, чтобы в будущем стать культурными работниками. «*Контакт с деревней и крестьянской молодёжью у нас был полный. Сельская молодёжь бывала на всех наших вечерах и даже активно участвовала в художественной самодеятельности, в подготовке спектаклей, концертов, демонстраций, входила в единую комсомольскую организацию. В свою очередь, мы свободно посещали сельские праздники, народные гуляния. С сельской молодёжью у нас устанавливается настоящая дружба»*[15]. Культурно-эстетическому развитию детей в колонии уделялось огромное внимание. Хорошо была организована самодеятельность, дети часто готовили концерты, ставили спектакли и сценки. Любимым занятием были поездки и походы. На всю жизнь запомнили колонисты пеший поход в Калугу. С Первой опытной станцией по народному образованию колония поддерживала тесную связь. Колонисты не раз ходили на концерты классической музыки в школу С. Т. Шацкого, а те приходили на праздники к ним. Есть интересный документ, где руководители

Первой школы-колонии просят губернский отдел народного образования забронировать на неделю вагон для поездки в Москву с целью посетить Большой театр, картинную галерею, Кремль и другие объекты культуры[16].

Всё это — обогреть, накормить, образовать, приобщить к прекрасному — лежало на плечах удивительных людей, воспитателей и учителей колонии, подвижников своего дела.*«...Это была не совсем обычная школа и не совсем обычная колония для детей, как не совсем обычным педагогом был её организатор П. И. Музалевский. Высокий, стройный, с крепко поставленной на могучих плечах красивой головой, он пленял окружающих своей неповторимой, изумительно доброй улыбкой и покорял всех своей кипучей энергией. Он обладал большими организаторскими способностями. Никогда не повышал голоса на детей, не курил, не пил, не сквернословил. Всегда подтянутый, тщательно выбритый, он обладал огромной силой воли и самодисциплиной. Дети-сироты, которых опалило пламя гражданской войны, поставив на грань нищеты и беспризорности, интуитивно тянулись к нему, как растение тянется к солнцу. ...Пётр Иванович пользовался неизменной любовью колонистов, был душой организации всех дел, больших и малых. Всегда вместе со своими питомцами и в труде, и в учёбе, и на отдыхе. Он был и оставался всю жизнь очень скромным и даже немного застенчивым человеком. Он как бы светился какой-то особой физической и нравственной чистотой. И был для нас всех примером. Основой основ педагогического таланта П. И. Музалевского были труд и личный пример педагога, помноженные на силу коллектива детей и педагогов, его соратников, так же как и он беззаветно преданных своему благородному делу воспитания молодёжи»*[17].

Удивительно, но тогда не было должности директора, в документах указан коллектив руководителей: Музалевский Пётр Иванович, Озолин Иван Иванович, Габрущук Григорий Васильевич, Флоровский Виктор Лукич, Меренкова Марья Акинфьевна, Какурина Мария Алексеевна[18]. Все они были беззаветно преданы благородному делу воспитания подрастающего поколения. Кроме постоянно живущих в колонии руководителей были приходящие из города учителя-предметники: Кудрявцева Ольга Александровна (литература), Трояновская Анна Ивановна (живопись), Дмитриевская Софья Ивановна (математика и физика), Музалевский Семён Иванович (естествознание), Дмитриев Александр Ефимович, Соколова Мария Сергеевна, Орлова Елизавета Фёдоровна, Буковская М. И. (полное имя и отчество неизвестны). Лебедев Иван Гаврилович был фельдшером колонии. Орлов Фёдор Григорьевич, Теплова Пелагея Михайловна, Ильина Александра Павловна — технический персонал[19].

Жизнь разметала воспитанников колонии по всей стране, но они часто с удовольствием встречались и по возможности старались писать и помогать друг другу. Всю жизнь с теплом и радостью выпускники вспоминали свой дом — Первую школу-колонию Малоярославецкого уезда.

Список литературы

[1] ГАКО. Ф. Р-395. Оп. 1. Д. 85.
[2] Там же. Ф. Р-395. Оп. 1. Д. 44. Л. 12.
[3] Там же. Ф. Р-395. Оп. 1. Д. 44. Л. 25.
[4] *Шацкий С. Т.* Педагогические сочинения. Т. 2. М., 1964. С. 71.
[5] Архив МБУК «Малоярославецкий военно-исторический музей 1812 года». — Архив музея 1812 года.
[6] ГАКО. Ф. Р-530. Оп. 1. Д. 23. Л. 3–44, 50–108.
[7] Архив музея 1812 года.
[8] Воспоминания бывшего колониста В. Волкова. — Архив музея 1812 года.
[9] ГАКО. Ф. Р-395. Оп. 2. Д. 30. Л. 26.
[10] Там же. Ф. Р-395. Оп. 1. Д. 115. Л. 19.
[11] Архив музея 1812 года.
[12] ГАКО. Ф. Р-395. Оп. 1. Д. 130. Л. 87.
[13] Там же. Ф. Р-395. Оп. 2. Д. 30. Л.21.
[14] Там же. Ф. Р-395. Оп. 1. Д. 128. Л. 337. Л. 461.
[15] Воспоминания бывшего колониста В. Волкова — Архив музея 1812 года.
[16] ГАКО. Ф. Р-395. Оп. 2. Д. 30. Л. 5.

[17] Воспоминания бывшего колониста В. Волкова — Архив музея 1812 года.
[18] ГАКО. Ф. Р-395. Оп. 1. Д. 130. Л. 145–146; Там же. Д. 52. Л. 34–35. Л. 97. Л. 122.
[19] Там же. Ф. Р-395. Оп. 1. Д. 86. Л. 76–80.

«МЕШАЕТ РАСШИРЕНИЮ НАШЕГО ДЕТОЧАГА И ЯСЕЛЬ СВОИМ ПРИСУТСТВИЕМ»: ЗАКРЫТИЕ КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ БЫВШЕГО КРЕСТОВСКОГО МОНАСТЫРЯ В Г. КАЛУГЕ В НАЧАЛЕ 1930-х гг. (ПО ДОКУМЕНТАМ МОСКОВСКИХ АРХИВОВ)

А. Н. Курбацкий
начальник отдела АО «Атомстройэкспорт», г. Москва

В 1929 г. одновременно с окончательным свёртыванием нэпа, идеологическим и политическим разгромом его сторонников гонения на религию и верующих возобновились с новой силой. После утверждения секретного постановления Политбюро «О мерах по усилению антирелигиозной работы» (24 января 1929 г.), принятия совместного постановления Президиума ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» (8 апреля 1929 г.), внесения поправок в ст. 4 Конституции РСФСР, лишивших верующих свободы религиозной пропаганды (май 1929 г.), по всей стране были развёрнуты масштабные антирелигиозные кампании. Началось массовое закрытие церквей[1].

Согласно п. 36 постановления «О религиозных объединениях» «здание культа» могло быть изъято у верующих на основании мотивированного постановления краевого или областного исполкома, если это здание признавалось необходимым для «государственных или общественных надобностей»[2].

В ноябре и декабре 1929 г. в Калуге на основании решений Московского облисполкома и Калужского окружного исполкома было закрыто сразу девять церквей: Мироносицкая, Николо-Слободская, Спасо-Слободская, Архангельская, Георгиевская за лавками, Космодемьянская, Воскресенская, Ильинская, а также старообрядческая во имя Рожества Христова. В начале 1930 г. закрыли ещё две церкви: лютеранскую кирху и церковь Покрова под горой. По состоянию на 18 сентября 1930 г. в Калуге оставались действующими 18 православных церквей (в том числе главный старообрядческий храм во имя Сошествия Святого Духа), католический костёл и еврейская синагога[3].

В списке действующих значилась Крестовоздвиженская церковь бывшего Крестовского монастыря. Материалы о закрытии этой церкви в начале 1930-х гг. отложились в составе документов вышестоящих (областных) и центральных учреждений: Московского областного исполкома (ЦГАМО. Ф. 2157), Постоянной центральной комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК (ГА РФ. Ф. Р-5263), Комиссии по вопросам культа при Мособлсовете (ЦГАМО. Ф. 4570). История «ликвидации» Крестовоздвиженской церкви являет наглядный пример технологии, которую использовали власти в 1930-е годы для того, чтобы подвести свои административные решения под пункты действовавшего законодательства.

---

[1] Подробнее см.: *Курбацкий А. Н.* Очерки истории церквей города Калуги. К 300-летию храма Знамения Пресвятой Богородицы, что на Зелени. М., 2020. С. 442–446.

[2] Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1929. Отд. 1. № 35. Ст. 353. С. 478.

[3] Письмо Калужского горсовета в Президиум Мособлисполкома о количестве действующих и закрытых церквей от 18.09.1930 // ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 5. Д. 108. Л. 27–28. Храм во имя Сошествия Святого Духа до революции был единоверческим. В 1920 г. храм перешёл в пользование объединённой калужской старообрядческой общины. В 1919 г. единоверческая община Калуги решили перейти под омофор Московской старообрядческой архиепископии и объединиться со старообрядцами Никольской и Христорождественской старообрядческих общин в один общий приход — Сошественский. Объединение состоялось в 1920 г. (*Боченков В. В.* «Не ищи же воли своей…»: очерк по истории старообрядчества Калуги. Ржев, 2009. С. 34–37).

Первое имеющееся в нашем распоряжении решение о закрытии Крестовоздвиженской (Крестовской) церкви было принято на заседании Калужского окружного исполкома 6 января 1930 г. В постановлении говорилось:

«Слушали: Материалы о закрытии Алексеевской и Крестовской церквей в гор. Калуге.

Постановили: Имея в виду категорическое требование рабочих (1309 ч.) организаций о закрытии указанных церквей, а также принимая во внимание, что в районе железной дороги, где расположены эти церкви, ощущается чрезвычайно острый недостаток в помещениях под склады для заготовок зерна госфонда и учитывая удобство месторасположения указанных зданий Алексеевской и Крестовской церквей в полосе при железной дороге, близость к которой указанных помещений создаёт большие удобства для производства заготовительных операций в отношении подвоза со станции, возбудить ходатайство перед Мособлисполкомом о закрытии Алексеевской и Крестовской церквей для использования их под склады заготовок госфонда, учитывая, что закрытие этих церквей в гор. Калуге при наличии большого количества оставшихся молитвенных зданий (до 16) интересов верующих нисколько не нарушит»[1].

Прокурору Республики, Московскому облисполко-
Кому-му
Выписка из протокола № 104 Заседания от 1 февраля 1934 г.
ПРЕЗИДИУМА
Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета
СОВЕТОВ
СЛУШАЛИ: Постановление президиума Мособлисполкома от 8.XII-33 г. о ликвидации Крестовской церкви в г. Калуге.
(Вн. Комиссия)
Д. № 2-МО
ПОСТАНОВИЛИ: Постановление президиума Мособлисполкома утвердить, указанную церковь ликвидировать.
Секретарь ВЦИК (А. Киселев).
Приложение

Выписка из Протокола № 104 заседания Президиума ВЦИК от 1 февраля 1934 г. о «ликвидации» Крестовской церкви в г. Калуге

Положительное решение Президиума Московского облисполкома о закрытии указанных калужских церквей было принято 1 марта 1930 г. Соответствующее постановление предписывало «*названные церкви закрыть и здания их передать Калужскому Окрисполкому для использования под хлебохранилища»*. В постановлении также особо подчёркивалось, что *«в случае жалобы верующих во ВЦИК (в 2-х недельный срок со дня объявления настоящего постановления) ликвидация церквей может быть произведена не ранее рассмотрения жалобы ВЦИКом»*[2].

Жалобы прихожан во ВЦИК действительно позволили приостановить процесс закрытия храмов. Постоянная центральная комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК вынесла своё решение только через два года — 26 мая 1932 г. В протоколе Комиссии говорилось:

«Слушали: Постановление Президиума Мособлисполкома от 1 марта 1930 о ликвидации церквей Алексеевской и Крестовской в г. Калуге (№ 35-МО).

Постановили: Постановление Президиума Мособлисполкома в части ликвидации Алексеевской церкви утвердить, указанную церковь ликвидировать. В части ликвидации Крестовской церкви — отменить, оставив указанную церковь в пользовании верующих»[3].

Мы не располагаем документами о том, когда именно была закрыта, а затем снесена Алексеевская церковь. Из имеющихся документов следует, что в декабре 1933 г. церкви уже не существовало. О том, что Алексеевская церковь (ближайшая к Крестовской церкви) снесена, сообщается в жалобе представителей общины Крестовской церкви в Президиум ВЦИК от 22 декабря 1933 г.[4] По всей видимости, Алексеевская церковь была разрушена во второй половине 1932 г. или в 1933 г.

[1] Выписка из Протокола № 14 заседания рабочей части Президиума Калужского окружного исполкома от 6 января 1930 г. // ЦГА Москвы. Ф. Р-1215. Оп. 1. Д. 367. Л. 362.

[2] ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 502. Л. 6, 46–47.

[3] ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 15. Л. 20–20 об.

[4] ЦГАМО. Ф. 4570. Оп. 1. Д. 97. Л. 32 об.

Несмотря на решение Комиссии по вопросам культов Крестовоздвиженская (Крестовская) церковь недолго оставалась в пользовании верующих. После неудачной первой попытки закрыть церковь городские власти продолжили наступление. Теперь в качестве основания для закрытия «здания культа» решили использовать следующий аргумент: действующая церковь мешает развитию и расширению «деточага» (т.е. детского сада), созданного на территории бывшего монастыря.

В начале 1933 г. на Калужском машиностроительном заводе НКПС, Винзаводе и Калужском депо были организованы постановочные общие собрания с оформлением соответствующих протоколов, которые подписывались рабочими[1]. Так, например, 8 января 1933 г. Президиум калужского машиностроительного завода НКПС одобрил постановление общего собрания родителей и руководительниц деточага, а также собрания рабочих завода (от 6 января), по вопросу о возбуждении ходатайства перед Горсоветом о закрытии церкви. Президиум постановил, что *«находящаяся на территории деточага церковь не даст возможности шире развернуть культурно-воспитательную работу среди детей… ввиду малого помещения, с другой стороны на 1933 г. предполагается деточаг расширить до 1 000 чел. вместо 250, что вызывает необходимость расширения площади и строительства»*[2].

Любопытен текст соответствующего протокола собрания кузовного цеха машиностроительного завода в количестве 254 человек от 25 января 1933 г. Процитируем без изменений:

«Повестка дня: классовая сущность религии. Заслушав доклад тов. Белобородова[3] *о контрреволюционных действиях служителей священного культа, в особенности ярко и понятно для рабочих было выявлено во время Октябрьской революции и сегодняшнего момента, рабочий класс ПОСТАНОВИЛ:*

Войти с ходатайством через парт[ийные] и профорганизации о закрытии бывшего Крестовского монастыря, который из многих остальных, ещё функционирующих по городу Калуге, мешает расширению нашего деточага и ясель своим присутствием, где совершаются на глазах нашего будущего поколения, воспитывающихся в духе марксизма, своими классовыми вылазками, поэтому просим закрыть и снести таковой, ибо территория земельного участка находится на три четверти в распоряжении деточага с прекрасным бывшим садом, но запущенным благодаря обезличке данной церкви»[4].

Похожим образом были оформлены протоколы общего собрания колёсного цеха машиностроительного завода в количестве 124 человек (дата собрания в протоколе не указана) и общего собрания рабочих и служащих винзавода в количестве 150 человек от 26 января 1933 г.[5]

Следующим закономерным шагом стало принятие соответствующих постановлений городским и районным Советами. В постановлении Президиума Калужского горсовета от 20 апреля 1933 г. говорилось:

«Слушали: Ходатайство заводов НКПС (6 тыс. чел.), Калужского депо (600 чел.), Винзавода (150 чел.) и Трансзаводстроя (375 чел.) о закрытии Крестовской церкви для сноса её, так как её здание не даёт возможности развёртывать строительство детгородка завода НКПС и нарушает нормальную работу детплощадки и деточага завода НКПС.

Постановили: Считать недопустимым нахождение работающей церкви на территории детплощадки, деточага и общежития завода НКПС. Согласиться с мнением заводских организаций, что Крестовская церковь не даёт возможности дальнейшему развёртыванию детучреждений. Просить Райисполком возбудить ходатайство перед МОИКом[6] *о закрытии для сноса Крестовской церкви в порядке ст. 36, 37, 41 и 42 Постановления ВЦИК и СНК от 8/IV/29 г. и ст. 65 Инструкции о порядке проведения в жизнь законодательства о культах»*[7].

---

[1] ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1272. Л. 11, 17, 19–27.

[2] ЦГАМО. Ф. 4570. Оп. 1. Д. 97. Л. 39.

[3] В одном из документов в деле о закрытии Крестовской церкви тов. Белобородов значится как председатель шефобщества НКПС (ЦГАМО. Ф. 4570. Оп. 1. Д. 97. Л. 38).

[4] ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1272. Л. 29; ЦГАМО. Ф. 4570. Оп. 1. Д. 97. Л. 44.

[5] ЦГАМО. Ф. 4570. Оп. 1. Д. 97. Л. 41; ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1272. Л. 11.

[6] МОИК — Мособлисполком.

[7] ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1272. Л. 17.

Соответствующее решение Калужского райисполкома было принято ровно через два месяца и зафиксировано в Протоколе № 53 заседания Президиума Калужского РИКа от 20 июня 1933 г.[1]

Следует отметить, что перед принятием своего решения Калужский райисполком запросил в мае 1933 г. у калужского музея подтверждение того, что Крестовская церковь не состоит на учёте Главнауки как памятник архитектуры. Соответствующее подтверждение было выдано за подписью В. И. Извекова[2].

27 июня 1933 г. Калужский райисполком направил ходатайство о закрытии и сносе Крестовской церкви с приложением всех необходимых документов в Московский облисполком. Несколько месяцев вопрос рассматривался Комиссией по вопросам культа при Президиуме Мособлисполкома, которая в силу занятости не спешила с решением, запрашивала дополнительные материалы и уточняла детали. Планируемое постановление о «ликвидации» церкви решили дополнительно подкрепить фиктивным актом технической комиссии о признании здания церкви, построенной в 1830 г., ветхим[3]. На это указывает тот факт, что 25 августа 1933 г. Калужский райисполком направил в областную Комиссию «акт осмотра» Крестовской церкви (в архивном деле отсутствует). Кроме того, калужские власти сообщали, что «указанная церковь находится на расстоянии 400–500 метров от действующей кладбищенской [Пятницкой] церкви, куда и может быть передана группа верующих»[4].

Комиссия по вопросам культа при Президиуме Мособлисполкома вынесла положительное решение о закрытии Крестовской церкви 3 ноября 1933 г.[5] На этом же заседании Комиссия рассмотрела и удовлетворила целый ряд ходатайств районных исполкомов о закрытии 63 церквей в Московской области и одно ходатайство о сносе церкви[6].

Постановление Президиума Московского облисполкома в отношении Крестовской церкви было принято через месяц, 8 декабря 1933 г. В нём говорилось:

«Слушали: ходатайство Калужского РИКа о закрытии т. н. Крестовской церкви в г. Калуге.

Постановили: Принимая во внимание 1) ходатайство заводских организаций г. Калуги и общих собраний рабочих завода НКПС, Калужского депо, Винзавода и Трансзаводстроя о закрытии Крестовской церкви для развёртывания строительства детгородка, 2) что здание церкви приходит в полную ветхость вследствие отсутствия должного ремонта, о чём свидетельствует акт осмотра здания технической комиссии, 3) что группа верующих может перейти в ближайшую действующую церковь (расстояние около ½ км), Президиум Мособлисполкома, руководствуясь постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8/IV-29 г., ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Указанную церковь закрыть, а здание передать в распоряжение Калужского горсовета для развёртывания строительства детгородка. С предметами культа поступить согласно того же постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8/IV-29 г.»[7]

Постановление Мособлисполкома не содержит прямого указания о сносе Крестовской церкви. В нём есть только намёк на то, что здание ветхое. Ответственность за дальнейшую судьбу храма областные власти передали в руки чиновников Калужского горсовета.

Постановление Мособлисполкома было объявлено общине Крестовоздвиженской (Крестовской) церкви 17 декабря 1933 г.[8]

---

[1] Там же. Л. 16.

[2] ЦГАМО. Ф. 4570. Оп. 1. Д. 97. Л. 36–36 об.

[3] Согласно п. 50 постановления «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г., если техническая комиссия признавала «здание культа угрожающим обвалом» (в силу его ветхости), то в составленном акте должно было быть указано, подлежит ли здание сносу или же достаточно произвести только его ремонт, при этом до окончания ремонта общины были не в праве проводить в здании ни молитвенных, ни каких-либо иных собраний (Собрание узаконений… правительства РСФСР. 1929. Отд. 1. № 35. Ст. 353. С. 480).

[4] ЦГАМО. Ф. 4570. Оп. 1. Д. 97. Л. 35, 47.

[5] Протокол № 5 заседания Постоянной комиссии по вопросам культа при Президиуме Мособлисполкома от 3 ноября 1933 г. // ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 1058. Л. 68–68 об.

[6] Там же. Л. 68–70 об. Протокол № 5 заседания Комиссии от 3 ноября 1933 г. был официально утверждён постановлением Президиума Мособлисполкома от 31 декабря 1933 г. № 1988 (ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 1058. Л. 67).

[7] ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 1048. Л. 111.

[8] ЦГАМО. Ф. 4570. Оп. 1. Д. 97. Л. 30, 45.

Фёдор Тимофеевич Ремезов (1895–1974), генерал-лейтенант танковых войск, командир 18-й тд

Сергей Петрович Гапонов, командир 8-го ЗАБП, комендант Калуги (до октября 1941 г.)

Фёдор Самсонович Ковригин, помощник командира 8-го ЗАБП

Через несколько дней, 22 декабря, представители Крестовской общины направили во ВЦИК жалобу (её копию — в Мособлисполком), в которой они, в частности, указывали на заинтересованность значительной группы верующих трудящихся (около 3 000 человек) в дальнейшем существовании храма, на отсутствие государственной или общественной надобности в изъятии церковного здания, на явную недостаточность требований о закрытии храма, «предъявленных со стороны случайных групп рабочих, не могущих иметь никакой личной заинтересованности» в дальнейшей судьбе храма. Авторы жалобы также обращали внимание ВЦИК на тот факт, что о работе технической комиссии, признавшей храм ветхим, им ничего не было известно, что Крестовоздвиженский храм построен из великолепного кирпича, находится в хорошем состоянии и не требует никакого капитального ремонта, что в случае закрытия храма верующим негде будет «исполнять свои религиозные нужды» в связи с тем, что ближайшие две церкви, бывшего Лаврентьева монастыря и Алексея митрополита, были уже ранее закрыты и разобраны. Жалоба была подписана председателем общины Тарбеевской, членом общины Смольневичем и секретарём Митюковой[1].

Получив копию жалобы, Мособлисполком направил дело о Крестовской церкви в Постоянную комиссию при Президиуме ВЦИК по вопросам культов для рассмотрения по существу вопроса и подготовки заключения для заседания Президиума ВЦИК[2].

Соответствующее заключение было подготовлено ответственным секретарём Постоянной комиссии Воробьёвым 17 января 1934 г. В нём говорилось:

«Постановление Облисполкома о ликвидации и сносе церкви состоялось 8 декабря 1933 г. И мотивировано тем, что церковь, находящаяся на территории строящегося детгородка мешает развёртыванию строительства. Ближайшая церковь на расстоянии ½ км. Постановление обжаловано группою верующих во ВЦИК. В обжаловании указывается: в районе нахождения общины уже закрыты две церкви и с закрытием этой церкви не будет действующих. Полагаю: церковь ликвидировать и снести»[3].

Судьба Крестовской церкви была решена. На своём заседании 1 февраля 1934 г. Президиум ВЦИК постановил: «Постановление Президиума Мособлисполкома [от 8 декабря 1933 г.]

[1] ЦГАМО. Л. 30–32 об.
[2] Там же. Л. 29.
[3] ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1272. Л. 5.

утвердить, указанную [Крестовскую] церковь ликвидировать»[1].

Документы о дальнейшей судьбе храма в московских архивах нами не обнаружены. Изъятием церкви у верующих и последующим сносом церковного здания занимался уже Калужский горсовет. По всей видимости, Крестовоздвиженский храм, колокольня и ограда монастыря были разрушены в 1934–1935 гг. Тогда же было уничтожено и кладбище Крестовского монастыря, которое было официально закрыто по решению Калужского горсовета от 16 октября 1930 г.[2] Из построек монастыря до настоящего времени сохранились только два дома на ул. Поле Свободы: жёлтое двухэтажное здание — бывший братский корпус (д. 65) и бывшая просфорня (д. 65а).

Иван Дмитриевич Дряхлов, командир 266-й сд

Дмитрий Матвеевич Берестов, командир роты 23-го омсб. Послевоенное фото

В бывшем братском корпусе размещался тот самый «деточаг» машзавода НКПС, работе и расширению которого якобы мешал Крестовский храм. В этом «деточаге» с 1932 по 1939 г. воспитывался калужский старожил В. Н. Морозов. В его памяти остались развалины взорванной монастырской церкви и бывший монастырский некрополь с множеством могил и склепов с красивыми памятниками, где и проходили детские игры. По словам В. Н. Морозова, два самых больших памятника закопали в землю около бетонного забора школы, а остальные были установлены (уже с новыми надписями) на могилах некоторых городских начальников на Пятницком кладбище[3].

ГАРНИЗОН КАЛУГИ ЛЕТОМ — ОСЕНЬЮ 1941 г.

Г. Б. Букланов,
экскурсовод, Калужский объединённый музей заповедник

Вопрос формирования и дислокации воинских частей РККА в первый период Великой отечественной войны в Калуге в научной литературе не поднимался. Можно встретить упоминания об отдельных частях и соединениях принимавших участие в боях за город в октябре 1941 г. Вопрос о подготовке воинских контингентов, вкладе калужан и жителей района в формирование новых воинских частей летом 1941 г. до сегодняшнего дня оставался полностью неосвещённым. Между тем, перед войной в городе была дислоцирована крупная воинская часть, а с началом войны происходит развёртывание множества частей и соединений РККА. В Калуге был расположен гарнизон во главе с комендантом города, который принял активное участие в обороне города в октябре 1941 г. В этой статье перечисляются все воинские части сформированные в Калуге летом 1941 г., состав гарнизона и его командование. В статье использован материал из Центрального Архива Министерства Обороны (ЦАМО), а так же документы из электронного портала «Память Народа».

[1] Выписка из Протокола № 104 заседания Президиума ВЦИК от 1 февраля 1934 г. // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1272. Л. 1; Тот же документ // ЦГАМО. Ф. 4570. Оп. 1. Д. 97. Л. 29.

[2] ЦГАМО. Ф. 4570. Оп. 1. Д. 97. Л. 37.

[3] *Морозов В. Н.* Воспоминания старого калужанина. Калуга, 2020. С. 14–15.

В 1941 г. город Калуга с одноимённым районом организационно входили в состав Тульской области. В военном отношении Калужский район и город входил в состав Московского Военного Округа (МВО). Части дислоцированные на территории города входили в состав МВО. Формированием, оснащением новых частей организационно занималось командование МВО. 30 июня 1941 г. командующим МВО был назначен генерал-лейтенант Артемьев Павел Андреевич. Летом 1941 г. именно этот военачальник отвечал за формирование новых частей РККА, подготовку Можайской линии обороны.

Перед ВОВ в городе была расквартирована 18-я танковая дивизия (тд), организационно входившая в состав 7-го механизированного корпуса. Эта дивизия была сформирована летом 1940 г. Основой для её формирования послужили подразделения 39-й легкотанковой бригады, до этого расквартированные в городе. Дивизию возглавил Ремезов Фёдор Тимофеевич. В дивизию входили следующие подразделения: 35-й танковый полк, 36-й танковый полк, 18-й мотострелковый полк,18-й гаубичный артиллерийский полк,18-й разведывательный батальон, 18-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион, 18-й отдельный батальон связи, 18-й автотранспортный батальон, 18-й ремонтно-восстановительный батальон, 18-й понтонный батальон, 18-й медико-санитарный батальон, 18-я рота регулирования, 18-й полевой автохлебозавод, 228-я полевая почтовая станция, 112-я полевая касса Госбанка[1].

С началом Великой Отечественной войны 18 тд была приведена в боевую готовность, а уже вечером 24 июня получает боевой приказ на передислокацию в район города Вязьма. Управление дивизии выехало по железной дороге 25 июня, остальные подразделения перебрасывались своим ходом. В дальнейшем 18 тд приняла участие в неудачном контрнаступлении в районе Сенно-Лепель, где понесла большие потери. После активного участия в Смоленском оборонительном сражении 18 тд была расформирована[2].

В апреле 1941 г. на базе 18 тд начинается развёртывание 8 запасного авто-бронетанкового полка (8 ЗАБП). Командный и рядовой состав поступили из частей 18 тд. Окончательно полк был сформирован 12.07.1941[3]. В полку был постоянный состав, в его обязанности входила подготовка призывников по военно-учетным специальностям, и переменный состав, поступающий из военкоматов для прохождения военной подготовки, а затем убывающий в воинские части на фронт. В полку готовили механиков-водителей и командиров на средние и лёгкие бронеавтомобили[4].

Структура полка: управление (штаб, политический отдел, техническая часть, диспетчерско-контрольный пост, боепитание, хозяйственное снабжение, комендантский взвод, музыкальный взвод). Броне автомобильные батальоны 1–4 (штаб, 1–5 строевые роты), рота выздоравливающих, приемно-распределительная рота. Подразделения обеспечения: полигон, клуб, пункт медпомощи, ремонтная рота, транспортный взвод, мастерская и склад[5].

Летом полк был расположен в летних лагерях в районе станции Тихонова Пустынь. В сентябре был расквартирован в казармах в черте города: штаб улица Никитская, дом 7, 1–2-й батальон Никитинские казармы, 3-й батальон Герценские казармы, 4-й батальон Пролетарские казармы. В конце сентября началось строительство землянок в районе д. Андреевское. Военный городок и полигон находились в районе ст. Тихонова Пустынь[6].

Командиром полка был назначен подполковник Сергей Петрович Гапонов. Он же был назначен военным комендантом города. Сергей Петрович родился в 1896 г. в г. Ворошиловград, русский, член ВКП(б) с 1919 г., русский, участник Гражданской войны, окончил в 1932 г. технические курсы усовершенствования начальствующего состава в г. Ленинград. Калуга ул. Луначарского дом 53, кв. 5. Комиссаром полка был назначен старший политрук Владимир Георгиевич Спрыгин, 1910 г. Горьковская обл. г. Сергач, чл. ВКП(б) с 1931 г., высшее (летчик-наблюдатель г. Новочеркасск 1932), Калуга, ул. Ленина, дом 55, кв. 14. Начальником штаба был назначен майор Алексей Константинович Рекк,

[1]РККА в годы ВОВ. [Электронный ресурс] URL: https://www.rkkawwii.ru/division/18tdf1 (дата обращения 07.03.2021).

[2]Там же.

[3]Центральный Архив Министерства Обороны (ЦАМО). Ф. 3662. Оп. 326278. Д. 1.

[4]Там же.

[5]ЦАМО. Ф. 3662. Оп. 254778. Д. 3.

[6]Там же.

1902 г. Москва, чл. ВКП(б) с 1926 г., 2 К.К.К. (1923), Мото-Мех К. по усов. н/с (1923), Каз.К.т/с АБТВ (Казань, 1937), 1-й курс Академии им. Фрунзе. Калуга, ул. Достоевского, дом 57, кв. 4. Помощником командира полка стал майор Фёдор Самсонович Ковригин 1901 г. Куйбышевская обл., Колокольцевский район, село Криволучье-Ивановка, чл. ВКП(б) с 1926 г., среднее АКТУС (1936), нормальная школа, АБКУКС, участвовал в конфликте на КВЖД 1927(?) г., Калуга, ул. Луначарского, дом 53[1].

24.07.1941 в полк прибыла первая группа призывников — 2414 человек (по списку 2307)[2]. Основными районами из которых прибывали призывники были восточные районы Западной (Смоленской) области, жители Калужского района. Следующая команда призывников будет направлена в полк только в конце лета. Это было связано с развёртыванием на территории Калужского района 266-й стрелковой дивизии (сд).

В июне 1941 г. руководство страны принимает решение о дополнительном развёртывании стрелковых частей РККА, не предусмотренным планом мобилизации. Дивизия стала развёртываться согласно постановлению № ГКО-207сс от 19.07.41. Формирование дивизии должно было закончится к 12.08.1941. Согласно штатов в состав дивизии входило больше 11000 чел. Большая часть призывников поступила в дивизию из Калуги и близлежащих районов. Командиром дивизии был назначен полковник Дряхлов Иван Дмитриевич[3] Состав дивизии: 1006-й, 1008-й и 1010-й стрелковые полки (сп), 832-й артиллерийский полк (ап), 360-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион (оиптд), 553-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион (озад), 379-й разведывательный батальон (рб), 575-й сапёрный батальон (сапб), 738-й отдельный батальон связи (обс), 295-й медсанбат (мсб), 361-я отдельная рота химической защиты (орхз), 751-й автотранспортный батальон (атб), 434-й полевой авто-хлебозавод (пах), 941-я полевая почтовая станция (ппс), 807-я полевая касса госбанка (пкг)[4].

История этого соединения была короткой и трагичной. 18.08.1941 передовые эшелоны с личным составом дивизии стали прибывать на Западный фронт в район Гомеля, где немецкие войска развивали наступление. Передовые части 266-й сд были частично уничтожены, частично попали в окружение вместе с командиром дивизии полковником И. Д. Дряхловым. Уже 20.08.1941 командиром 266-й сд был назначен генерал-майор В. И. Неретин. Под его командованием 266-я сд принимала участие в оборонительном сражении с составе Брянского, а затем Юго-Западного фронтов. 30.08.1941 генерал-майор В. И. Неретин погиб, поднимая своих бойцов в атаку. 266-я сд погибла в середине сентября, в ходе Киевской оборонительной операции в районе города Нежин. Дивизия расформирована 27.12.1941[5]. В ЦАМО документов на это соединение РККА не поступало.

К началу октября 1941 г. в Калуге были расположены следующие части РККА:

23-й отдельный местный стрелковый батальон (омсб). Бойцы этой части несли службу по охране Бобруйских артиллерийских складов и других военных объектов на территории города. Службу в этом батальона проходил ст. лейтенант Дмитрий Матвеевич Берестов.

64-й отдельный путевой ж/д батальон. Строительство, восстановление и обслуживание железнодорожных полотен и путевой инфраструктуры, охрана железнодорожных объектов.

38-й Укреплённый Район (КаУР). КаУР входил в Можайскую линию обороны. Имел в своём составе сформированный артдивизион. Другие части и подразделения находились в стадии формирования. Документы в ЦАМО от этой части не поступали.

Военные госпитали № 1082, 1879. С возникновением угрозы захвата города немецкими войсками, были эвакуированы на восток.

Части 3-й дивизии войск НКВД по охране железнодорожных сооружений (Управление войск НКВД по охране тыла Брянского фронта). Предположительно, речь может идти о подразделениях 79-го стрелкового полка НКВД по охране железнодорожных сооружений. Части НКВД охраняли стратегические объекты на Киевской ж/д.

---

[1] ЦАМО. Ф. 3662. Оп. 326278. Д. 1.

[2] Там же.

[3] РККА в годы ВОВ. [Электронный ресурс] URL: https://www.rkkawwii.ru/division/266sdf1 (дата обращения 7 марта 2021).

[4] Там же.

[5] Там же.

Список литературы

1. Центральный Архив Министерства Обороны (ЦАМО). Ф. 3662. Оп. 254778. Д. 3.
2. ЦАМО. Ф. 3662. Оп. 326278. Д. 1.
3. РККА в годы ВОВ. [Электронный ресурс] URL: https://www.rkkawwii.ru/division/18tdf1 (дата обращения 7марта 2021 г.).
4. РККА в годы ВОВ. [Электронный ресурс] URL: https://www.rkkawwii.ru/division/266sdf1 (дата обращения 7 марта 2021 г.).
5. Портал Память Народа. [Электронный ресурс] URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/kld-card_uchet_officer3453082 (дата обращения 7 марта 2021 г.).
6. Портал Память Народа. [Электронный ресурс] URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_kartoteka1004313225 (дата обращения 7 марта 2021 г.).
7. Портал Память Народа. [Электронный ресурс] URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_kartoteka1267226549 (дата обращения 7 марта 2021 г.).
8. Портал Память Народа. [Электронный ресурс] URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/kld-card_uchet_officer2613068 (дата обращения 7 марта 2021 г.).
9. Портал Память Народа. [Электронный ресурс] URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_kartoteka1420675835 (дата обращения 7марта 2021 г.).

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ДЕТЧИНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ (ОТ РЕКИ УГРА ДО РЕК НАРА И ЧЕРНИЧКА) В ОКТЯБРЕ 1941 г.

В. А. Чернов,
исследователь, инженер Института океанологии им. П. П. Ширшова
Российской академии наук

Со 2 по 8 октября 1941 г. всё шло по немецким планам — был закрыт Вяземский котёл. А после 8 октября ни один немецкий план дня выполнен не был, хотя эти планы с каждым днём и становились всё скромнее. Как удалось остановить эту махину, только что практически поглотившую Брянский, Западный и Резервный фронты?

16 июля 1941 года Государственный Комитет Обороны принял решение о строительстве Можайской линии обороны (МЛО) в 120–130 километрах от Москвы. Состояла она из нескольких укрепрайонов (УР) — Волоколамского, Можайского и Малоярославецкого.

Детчинский сектор обороны Малоярославецкого УР тянулся южнее Варшавского шоссе, от р. Угра до р. Нара, а затем ещё на 10 км дальше, а по ширине он приблизительно ограничен Старо-Калужской дорогой.

В Пояснительной записке, созданной по результатам работы рекогносцировочной партии, южная часть будущего Малоярославецкого УР характеризовалась так:

«*...Передний край этого участка проходит... от Ильинское, по р. Выпрейка, до М. Шубинка, далее сворачивает через Подсосино, отм. 186,6 и 194,1 и на западные скаты выс. 175,4 у Касилово*».

Немецкая разведка на 8 октября не зафиксировала выдвижения новых советских частей ни на Малоярославецкий рубеж обороны ни в полосе наступления 12 армейского корпуса (АК), ни в полосе 57-го танкового корпуса (ТК), несмотря на бомбёжку их на марше. Подольские курсанты, 17-я танковая бригада (тбр), пулемётные батальоны, артчасти были оставлены без серьёзного внимания немецкого командования. Оно было в полной уверенности, что путь на Москву уже открыт, и поспешило сообщить об этом всём своим войскам, чем их серьёзно дезинформировало. 57-му ТК на 9 октября немецким командованием был отдан приказ: захватить по Варшавскому шоссе территорию от р. Изверь до р. Протва, т.е. пройти насквозь всю Можайскую линию обороны по осевой линии или охватом Малоярославецкого УР на глубину свыше 60 км.

Но обещанных свободных дорог на Москву не оказалось. Неожиданно появившиеся части Красной армии на следующий день стали большим «сюрпризом» для немецких войск, не ожидавших сопротивления.

С приближением линии фронта к ранее находящейся в тылу МЛО, в 22.45 9 октября 1941 г. директивой Ставки № 002815 Можайская линия обороны была переименована в Московский Резервный фронт. Г. К. Жуков, вернувшись из Калуги в Москву 9 октября, узнал, что его собираются назначить командующим не только Московского Резервного, но и Западного фронта, но официальное решение об этом пока ещё не было принято. Просуществовал этот фронт (в документах использовалось наименование «Фронт Можайской линии обороны». — *В. Ч.*) всего 3 дня, до 12 октября. Все укрепрайоны преобразовывались в соответствующие боевые участки.

Командующим Малоярославецким боевым участком с 9 октября был назначен командир 312-й стрелковой дивизии (сд) — полковник А. Ф. Наумов. Он прибыл в Малоярославец 9 октября и принял командование у коменданта 37-го (Малоярославецкого) УР полковника А. М. Смирнова.

Кадровая неразбериха в переходный период переформирования 37-го УР в Малоярославецкий боевой участок, а затем в полосу 43-й армии Западного фронта, на несколько дней во многом затруднила управление обороной Москвы. Полковник А. Ф. Наумов в течение всех трёх дней своего командования Малоярославецким боевым участком не мог добиться разрешения распоряжаться действующими на его участке 17-й и 9-й танковыми бригадами, не понимая, почему они не согласовывают с ним свои действия, в то время как они подчинялись непосредственно Ставке.

Чтобы пройти на Детчинское направление, немецкий 12-й АК начал бои за переправы через р. Угра в районе Калуги и Товарково. Ему противостояли случайно попавшие на этот боевой участок 5-я гв сд (в районе Калуги) и 616-й сп 194-й сд (в районе Товарково), одна рота 175-го запасного стрелкового полка (зсп), дислоцировавшегося с сентября 1941 г. в районе Полотняного завода, а также выходящие из окружения мелкие группы Красной армии.

Упорная оборона переправ через р. Угра в течение 3–4-х дней дала возможность за это время занять оборону южного (Детчинского) сектора Малоярославецкого УР Подольским курсантам, а также 1079-му и 1081-му сп 312-й сд, прибывшим в течение 10–11 октября. 10 октября переправу в районе Товарково обороняли всего 200 человек с небольшим количеством артиллерии и танками, 5 из которых в ходе боя были подбиты.

11 октября 1079-й и 1081-й сп 312-й сд прибыли в район Детчино и заняли стратегически важные участки Малоярославецкого боевого участка, чередуясь с уже находившимися здесь с 7 октября 3 и 4-м батальонами подольского пехотного училища (ППУ). В этот день немецкие войска уже подошли к Полотняному заводу, готовясь к прорыву главной линии обороны на Детчинском участке и последующему окружению всего Малоярославецкого боевого участка. Курсанты 4-го батальона ППУ и приданные им артиллеристы из ПАУ (Подольского артиллерийского училища) уже вступили с ними в бой в районе Устье, а также преподнесли «сюрприз» — неожиданно ворвались в уже занятый немцами Полотняный Завод. А. Ф. Наумов доложил об этом в штаб Московского Резервного фронта.

По Старой и Новой Калужским дорогам с 12 октября наступали, соответственно, немецкие 34 и 98-я пехотные дивизии (пд), составляющие 12-й АК. Советская 312-я сд с 12 по 18 октября обороняла Ново-Калужскую дорогу на Детчинском участке Малоярославецкого рубежа обороны. Противостоящая ей немецкая 98-я пд, наступавшая по Ново-Калужской дороге, состояла из 282-го, 289-го, 290-го пехотных полков (пп), 198-го артиллерийского полка и нескольких специальных батальонов. По Старой Калужской дороге, не входящей в полосу Малоярославецкого боевого участка, но находившейся в непосредственной близости от него, наступала немецкая 34-я пд. Она состояла из 80-го, 107-го, 253-го пп, 34-го артиллерийского полка и специальных батальонов.

В ночь с 12 на 13 октября части недавно созданного Московского Резервного фронта официально вошли в состав Западного фронта, в соответствии с приказом командующего войсками Западного фронта № 0346, составленным на основании директивы Ставки № 002910. Теперь все части, защищавшие Москву, подчинялись только Западному фронту, под общим командованием генерала армии Г. К. Жукова, а тыловой район — Московской зоне обороны. Этот же приказ все укрепрайоны МЛО, боевые участки Московского резервного фронта преобразовал в соответствующие армии Западного фронта. Всем армиям была поставлена задача: не допустить прорыва противника через линию укреплений.

Малоярославецкий УР вошёл в состав 43-й армии (командарм — генерал-лейтенант С. Д. Акимов). А. Ф. Наумов возвратился к исполнению своих прямых обязанностей. Теперь он отвечал только за оборону южного сектора Малоярославецкого участка, поэтому после передачи боевого участка, получил возможность перенести штаб 312-й дивизии из района Малоярославца (д. Чулково) в район Детчино — в д. Караськово.

13 октября 1079-й сп 312-й сд освободил занятую накануне немцами д. Машкино, а курсанты 4-го батальона ППУ вели успешный бой за д. Карамышево. Но ещё один полк 98-й пд обошёл курсантов с другого направления и зашёл им тыл, угрожая с юга району Детчино. Поэтому А. Ф. Наумов приказал им оставить Карамышево и перейти на промежуточный рубеж обороны Зажово-Фролово-Барановка, выс. 209,9. Детчино оборонял 1081-й сп 312-й сд.

В течение 14–16 октября немцы пытались окружить Детчино, со всем гарнизоном его защитников: северо-западнее Детчино наступление противника продолжалось от Малахово, в обход высоты 209,9 на Михеево — Берёзовку, чтобы там замкнуть окружение.

В составе зенитного дивизиона 312-й сд, использованного как последний резерв командира дивизии, 16 октября в бою за д. Берёзовка погиб политрук Иван Пантелеевич Пацаев — отец будущего летчика-космонавта Виктора Ивановича Пацаева.

В 4 км северо-западнее Детчино за высоту 209,9 и прилегающие деревни одновременно с 312-й сд вела тяжёлый семичасовой бой 2-я рота 175-го запасного сп, а также 15-я и 16-я роты 4-го батальона ППУ. Пытаясь вернуть высоту, курсанты наступали на неё с запада и северо-запада, со стороны д. Васисово.

Нижний ярус огневых точек высоты 209,9 16 октября пришлось брать атакой 15-й роты ППУ с группой бойцов 312-й сд. Овладеть этой высотой удалось, хотя и с большими потерями. Успех атаки стал возможным, благодаря подвигу старшины 15-й роты К. В. Китаева, проявившим мужество и поднявшим курсантов в атаку и погибшем в этом бою. Старшина К. В. Китаев посмертно был представлен к ордену Ленина.

17 октября во второй половине дня высота была окружена немцами. Но курсанты 15-й и 16-й рот ППУ и приданные им курсанты ПАУ до последнего вели бой в полном окружении.

Командир немецкого 282-го пп 98-й пд М. Гарайс, описывая боевые действия полков своей дивизии на Детчинском участке, не скрывает своего восхищения защитниками высоты 209,9 — курсантами Подольских училищ и 312-й сд, которую он, по незнанию, называет сибирской, а не казахской: «*Тут завязываются тяжёлые ближние бои с винтовками, автоматами, пулемётами и ручными гранатами; и становится ясно, откуда такая необычайная стойкость и решимость противника, почему оплот Детчино так долго и крепко оборонялся: его защитниками были курсанты военных училищ Подольска и свежие сибирские части! Каждое гнездо, каждый дот, каждый умело обустроенный участок траншеи приходилось брать с боем, ценой большой крови…*

Несмотря на безнадёжность положения, защитники оказывают сопротивление до последнего бойца, и такая стойкость не может не вызывать уважение» [1].

Б. Н. Попов.
Фото с сайта «Память народа»

34-я пд после взятия Калуги полдня 13 октября беспрепятственно продвигалась по Старо-Калужской дороге, но во второй половине ей преградила дорогу 9-я тбр в районе Башмаковка-Якимовка, и не давала ей продвинуться дальше с 13 по 16 октября, с 17 октября её сменил 2-й отдельный стрелковый Люберецкий полк.

Остатки 312-й сд 17–18 октября вышли к Малоярославцу, но немецкая 19-я танковая дивизия 57-го ТК в 11.00 18 октября заняла город и последующие 20 км Варшавского шоссе, т. е. перерезала путь дивизии по Ново-Калужской дороге и по Варшавскому шоссе. Поэтому 18–20 октября 312-сд была вынуждена

перейти на Старо-Калужскую дорогу, на рубеж р. Протва.

19 октября Ставкой был утверждён план отвода армий Западного фронта с Можайского оборонительного рубежа (директива Ставки ВГК командующему войсками Западного фронта № 003091. — *В. Ч.*)[2]. В соответствии с ним, часть полосы 43-й армии восточнее Старо-Калужской дороги, должны были прикрывать отдельные подразделения 53-й сд, до 18 октября оборонявшие Варшавское шоссе. В процессе передислокации 19–20–21 октября части 53-й сд оказались на Старой Калужской дороге. Отход частей 43-й армии (312-й, 53-й сд, 4-го батальона ППУ, артполков и других приданных им частей), проводимый в соответствии с этим приказом, на рубеже р. Протва на плановом подготовленном участке должна была прикрывать 17-я сд, но её командир самовольно начал отвод своей дивизии с указанного ему рубежа. 5 дней, выигранные с таким трудом и потерями в районе Детчино, постепенно, в связи с провалом обороны на Протве и Наре, теряли свою значимость для обороны Москвы. Большие потери вновь прибывших на Варшавское шоссе 5-го воздушно-десантного корпуса (вдк) в составе 10-й и 201-й воздушно-десантных бригад (вдбр), 93-й сд и других частей с 20 по 26 октября, объясняются именно этой, преждевременной сдачей планового рубежа обороны. Немецкие войска, на плечах бегущих, неожиданно быстро 21–22 октября появились в Тарутино и на территории Лопасненского района Московской области, а также обошли с юга обороняемый с 18 по 22 октября 9-й тбр, 152-й мсбр и 5-м вдк район Воробьи-Бухоловка на Варшавском шоссе. В итоге, им пришлось отойти за р. Нара.

Схема выхода группы Б.Н. Попова от Спас-Деменска к р. Угра[1]

Сведения об оставлении частями 43-й армии плановых рубежей обороны по рекам Протва и Нара к исходу 21 октября дошли до Москвы. Они усугублялись неутешительным положением и на Наро-Фоминском и Можайском направлениях. Поэтому в этот же день был издан приказ Ставки о создании заградотрядов. Был проведён разбор причин оставления рубежа р. Протва. В штаб Западного фронта в ночь на 22 октября было доложено, что по результатам расследования, 17-я сд из района Угодский Завод отошла с рубежа реки Протва самовольно, без давления противника. В результате этого отхода, фронт 43-й армии за один день сместился на 15 км на северо-восток. Последующий отход этой дивизии из района Тарутино со Старой Калужской дороги в район Стремилово внёс хаос в утверждённый Ставкой порядок отвода частей 43-й армии, Прорыв обороны одной армии мог спровоцировать падение всего Западного фронта. Москва находилась в серьёзной опасности.

Теперь задача по обороне Старо-Калужской дороги легла на плечи 53-й и 312-й сд и приданных им подразделений. В качестве заградотрядов командарм Голубев поставил оставшихся

курсантов ППУ, оборонявших Варшавское шоссе, бойцов 53-й сд и 17-й тбр. Часть курсантов была оставлена и для охраны штаба 43-й армии, располагавшегося с 18 октября в д. Каменке.

По воспоминаниям М. Гарайса, командира 282-го пп немецкой 98-й пд, главной целью немецкого наступления 23 октября была Москва, а у частей Красной армии — это был последний рубеж, поэтому день прошёл в ожесточеннейших боях как на Варшавском шоссе, так и южнее его. М. Гарайс считал, что к русским подошло подкрепление, но это были всё те же силы 53-й, 17-й и 312-й сд, собравших свои растянувшиеся подразделения, батальон 10-й вдбр, а также подошедшие из Крестов рота 17-го мотострелкового пулемётного батальона и 3 последних танка 17-й тбр, только что вышедшие из полуокружения под Малоярославцем.

В 43-й армии с 22 октября появилась новая 24-я тбр, а 25 октября прибыла новая 93-я сд из Бурятии. На рубеже рек Нара и Черничка жестокие бои шли с 23 октября. Некоторые деревни несколько раз переходили из рук в руки.

29 октября разведчики донесли А. Ф. Наумову, что противник начал окапываться у реки Чернички, это означало, что его силы и резервы заканчиваются и наступление на Москву останавливается[3]. Так, совместными усилиями, к 30 октября силы врага были вымотаны, как это приказывал делать всем частям Г. К. Жуков 8 октября, во время своей поездки на Можайскую линию обороны.

Для сохранения исторической памяти о боях на территории Малоярославецкого укрепрайона Можайской линии обороны и увековечивания его защитников за последние 2 года было сделано следующее:

– 21 июня 2019 г. на воинском мемориале в Детчино был установлен памятный знак воинам 312-й сд[4];
– летом 2020 года была издана книга Грин Г. Я., Чернов В. А. «Октябрь 1941. Детчинский сектор Малоярославецкого укрепрайона. Хроника», со ссылками на документы архивов ЦАМО РФ, НА ИРИ РАН, Бундесархив, NARA, а также на советские и немецкие мемуарные источники;
– в конце 2020 г. студия «Казахфильм», респ. Казахстан, сняла фильм о 312-й сд в обороне Москвы. Режиссёр Н. Раисов.

Примечания

[1] 98-я пехотная дивизия, [1939–1945] / Мартин Гарайс [пер. с нем. Л. Д. Ведерниковой]. М.: Центрполиграф, 2013. С. 110.
[2] Битва под Москвой. Хроника, факты, люди: В 2-х кн. Кн.1. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 363.
[3] *Наумов А. Ф.* На Варшавском шоссе // На Варшавском шоссе / лит. запись П. Якушева. Алма-Ата: Казахстан, 1968. С. 48.
[4] *Грин Г. Я., Чернов В. А.* Октябрь 1941. Детчинский сектор Малоярославецкого укрепрайона. Хроника. М.: Юстицинформ, 2020. С. 389.

ВЫХОД ИЗ ВЯЗЕМСКОГО КОТЛА ГРУППЫ ЧИСЛЕННОСТЬЮ 3 ТЫСЯЧИ ЧЕЛОВЕК ПОД КОМАНДОВАНИЕМ МАЙОРА Б. Н. ПОПОВА — НАЧАЛЬНИКА РАЗВЕДКИ 60-й сд (БЫВШАЯ 1-я ДНО). МАРШРУТ: СПАС-ДЕМЕНСК — ВЯЗЬМА — ЮХНОВ — БОРОВСК — ВЕРЕЯ — д. РЕДЬКИНО. 4–21 ОКТЯБРЯ 1941 г.

Г. Я. Грин,
исследователь военной истории

В большинстве случаев, из Вяземского котла части Красной Армии начинали выходить большими подразделениями, но выходили в расположение своих войск, как правило, уже небольшими группами, особенно, после рубежа р. Угра. Но была одна группа, командир которой сумел

вывести из Вяземского котла большую группу бойцов и командиров своей дивизии. Изначально в неё входили около 3 000 чел. из бывшей 1-й дивизии народного ополчения г. Москвы (ДНО) — 60-й стрелковой дивизии (сд), а вышли 2 312 чел. По дороге эта группа громила более мелкие немецкие гарнизоны, например на ст. Угра и в с. Всходы, уничтожали по пути меньшие по численности вражеские колонны, мотоциклистов, отдельные машины, конные и пешие дозоры, резали связь, взрывали мосты, уничтожали инженерные и технические сооружения, остающиеся на оккупируемой территории. В ночь с 16 на 17 октября эта группа освободила около 500 военнопленных из концлагеря в Юхнове. После тяжёлого боя в Боровском районе 21 октября 1941 г. группа вышла в расположение 110-й сд (бывш. 4-й ДНО).

Что же это за группа и кто ей командовал?

Беседы с её командиром, начальником разведки 60-й сд Борисом Николаевичем Поповым (1899 г.р.) были дважды проведены комиссией по изучению истории Великой Отечественной войны Института истории СССР АН СССР под рук. акад. И. И. Минца: 10 июля 1943 г.[1] и 23 апреля 1945 г..[2]

Перед началом операции «Тайфун» 60-я сд дислоцировалась в 5 км юго-западнее г. Спас-Деменск. 2 октября началось немецкое наступление. К исходу 3 октября 1941 г. немецкий 46-й танковый корпус (ТК) прорвал первую линию обороны дивизии. Бойцы дивизии у д. Яблоновка пулемётным огнём сумели отсечь немецкую пехоту от танков, в результате чего танки были вынуждены остановить свою первую атаку и отойти. Потери защитников составили 12 чел. Но силы наступающих и защитников были неравны. Командир дивизии генерал-лейтенант Котельников принял решение, отводить дивизию на Вязьму. Подразделения, принявшие первый бой у д. Яблоновка, выходили из боя по маршруту Приветки-Дарна-Сельцо-Болва.

Для выхода из котла дивизия была разделена на 2 группы. Первой (правой), состоящей из 2 и 3-го полков дивизии (1283 и 1285-го сп, неполностью) командовал командир дивизии генерал-лейтенант Котельников. Второй группой (левой), численностью 3 тыс. чел., состоящей из 1-го полка (1281-го сп), отдельного мотострелкового разведывательного батальона, политотдела, сапёрного взвода и группы в 270 чел. бойцов и командиров 53 и 303-й сд и других подразделений командовал сам майор Б. Н. Попов. Вооружение было личное, ручные и станковые пулемёты, 11 миномётов и носимый запас мин и взрывчатки.

На первом этапе обе группы разными путями должны были соединиться у выс. 242,1 около д. Лазинки в 12 км северо-западнее г. Спас-Деменск.

Правая колонна генерала Котельникова двигалась к д. Лазинки из д. Карпово, Приветок через Капустное, Семишено и Дубровку на Ново-Стребки, затем лесами до д. Стребки, где попала под сильный авианалет, там был очень упорный бой (свои потери — не меньше 80 чел.), после чего колонна распалась и выходила отдельными группами.

Левая группа Б. Н. Попова, численностью 3 тыс. чел. двигалась из д. Грозынь через д. Ново-Стребки — Бородино — Губинка. Весь путь до д. Лазинки колонны находились под непрерывным воздействием массированных ударов авиации противника с воздуха и обстреливались из леса и отдельных населённых пунктов группами автоматчиков, кочующими миномётчиками и артогнём из танков противника. У д. Лазинки группа встретилась, с «вражеским десантом» с артиллерией. На самом деле, это были уже основные силы немцев, имевшие задачей окружить и уничтожить части нашей армии, попавшие в котёл.

Левая колонна майора Попова от д. Лазинки продолжала выходить по ранее разработанному плану: обойдя д. Лазинки и выс. 242,1 с запада, следовала на северо-запад через Лукино, Высокое до д. Буды, которые уже были сожжены вражеской авиацией. В д. Буда колонна вторично подверглась массированному налёту авиации противника волнами до 150 самолётов.

В 21.00 4 октября группа приняла бой в д. Холмишки. Выдержала 10 атак, при этом потеряла 350 чел., 2 танкетки, 1 танк КВ, 4 орудия. Потери противника, по сведениям Б. Н. Попова, составили от 600 до 1000 солдат и офицеров, 8 пушек, 2 минбатареи, 7 БТР уничтожено и ещё 4

[1] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 69. Д. 6.
[2] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 69. Д. 32 а.
[3] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 69. Д. 32 б.

взято на ходу. Сам Б. Н. Попов был ранен в темя, потерял сознание, но был вынесен лучшим разведчиком дивизии 16-летним красноармейцем Иваном Александровичем Коротковым. В этом же бою И. А. Коротков был убит. Противник был выбит из д. Холмишки. Тогда же в бою был ранен и 18-летний доброволец Жарко Броз Тито — сын будущего маршала и главы Югославского правительства Иосипа Броза Тито. После выхода из окружения Б. Н. Попов будучи тяжело раненым, попал с ним в один госпиталь.

Далее группа шла через д. Петуховка, выс. 220,8 на Починок, Глотовка, Оселье, вступив в бой с противником на водном рубеже р. Угра. Там изменили направление движения на северо-восток, к Вязьме.

В середине дня 6 октября группа вступила бой за д. Холмы. Свои потери в этом бою составили 16 чел., потери противника — 300 чел. Продолжая двигаться на Вязьму лесами через д. Савино 7 октября пробивались через сплошной поток немецких войск, танков, артиллерии. Это наступал немецкий 7-й армейский корпус. Вступили в бой в д. Подрезово, где танки старались окружить группу. Как писал Б. Н. Попов: «…За д. П. немецкий отряд отбил отставший от нас обоз с продовольствием и тяжело ранеными… Противника мы отбили, но на месте обоза обнаружили лишь кучу дымящихся тел. Вот что сделала эти изверги: разгромив обоз, они захватили 4 автомашины с ранеными красноармейцами, выбросили их на землю, кололи штыками, дробили прикладами головы, отсекали руки, ноги, половые органы. Кололи глаза и, в довершение всего, облив бензином, сожгли…».

К 24.00 7 октября вышли на юго-западную окраину Вязьмы, но она уже была занята противником…

8 октября был жестокий бой у д. Минино, свои потери составили 250 чел., у противника столько же.

После боя у д. Бол. Ермаки, переправились обратно через р. Волоста, вновь пошли в направлении Вязьмы через д. Горбы, Мышинки, Ново-Селиваново, Леонидово, Красный Холм. Но от Вязьмы группа уже была отрезана подошедшим сюда от Спас-Деменска 46-м ТК. Майор Попов принял решение пробиваться на юг лесными массивами, т.к. дороги были заняты колоннами противника.

Вышли на ст. Угра, где находился немецкий гарнизон, 2 оставленных Красной армией эшелона с имуществом, и разгружался эшелон с немецкими самолётами. Произвели налёт на станцию с северо-востока. Гарнизон был полностью уничтожен, эшелоны с немецким авиаимуществом сожжены, при отходе уничтожено 2 деревянных ж/д моста. Как писал Б. Н. Попов, «…мы уничтожали станционные здания, пакгаузы. На ст. У. (Угра) мы уничтожили ж/д состав с боеприпасами и 28 чел. охраны…

13 октября ночью подошли к г. Всходы, где уничтожили и разогнали гарнизон города. Считать потери врага было некогда… по улицам валялось много немецких трупов… Ликвидировав гарнизон во Всходах… прошли через н.п. Заворонь, мимо Бутово, Баскаково, лесными массивами в напр. Юхнов, не имея столкновений с противником и боевых действий. К Юхнову шли в надежде, что он в наших руках. Артиллерия была уже уничтожена из-за отсутствия снарядов. Продовольственный запас закончился ещё 4 октября. Лошадей съели. Группа питалась подножным кормом: дикой клюквой, шиповником, рябиной, калиной, грибами. Под Ключиком на группу свыше 3000 чел. была заколота последняя лошадь — досталось меньше, чем по 100 г мяса на человека».

Настроение у всех было — драться до последнего патрона, а если не удастся прорваться к своим войскам (пробить линию фронта и выйти из окружения), то идти партизанить в район Брянских лесов, после чего установить связь через фронт с командованием. К 15 октября подошли к Юхнову.

В Журнале боевых действий немецкой 20-й танковой дивизии за 15 октября отмечено: «…В районе 15 км западнее Юхнова обнаружены 150 вооружённых русских, взято двадцать пленных, и, по сообщениям местных жителей, далее к западу есть ещё более крупные силы»[1]. Возможно, это были обнаружены передовые подразделения группы Б. Н. Попова.

[1] NARA. T. 315. R. 741. ЖБД 20 тд, 15 октября. Документ предоставлен И. А. Красильниковым, перевод

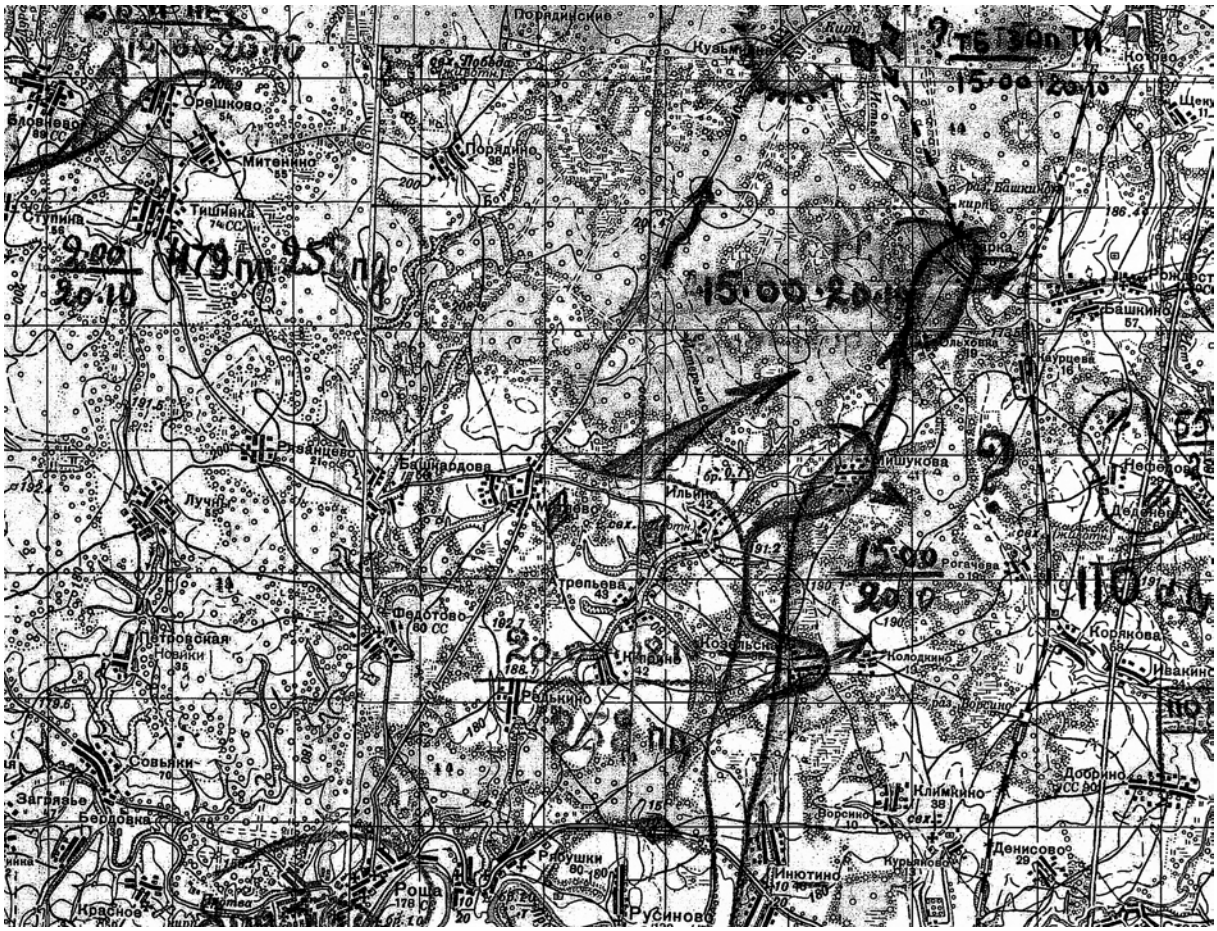


Схема выхода группы Б.Н. Попова от Спас-Деменска к р. Угра[1]

К исходу 15 октября, прошли мимо высоты 173 (западнее Гжатского тракта, между д. Федюково и г. Юхновом) Через местных жителей Б. Н. Попов установил, что «…прикрыт Юхнов силами около 10 тыс. немецкого гарнизона, а по шоссе двигается непрерывная колонна войск противника в сторону Москвы. На восточной окраине города на поле устроен лагерь для русских военнопленных за колючей проволокой в открытом поле… Ввиду многочисленности гарнизона Юхнова диверсии было делать невозможно. Тогда решили произвести налёт на лагерь военнопленных, перебить охрану, разрушить проволочную изгородь и дать возможность русским военнопленным бежать. К 24.00 16 октября был произведён налёт в составе 3-х рот со станковыми и ручными пулемётами на охрану лагеря… Штурмовой группой командовал артиллерист капитан Приходько. Проволока была прорвана, часть караула уничтожена, остальные разбежались до прихода частей немецкого гарнизона… Военнопленные бежали из-за проволоки в леса, поля и т.д. К нам присоединились до 500 чел. … В пути вооружались за счёт брошенного оружия и убитых немецких солдат и офицеров».

От Юхнова приняли решение сначала идти в направлении на Износки, затем двигались параллельно Варшавскому шоссе, минуя населённые пункты. Шли севернее Медыни, Малоярославца. Под д. Бородино был бой, в котором было уничтожено до 480 фашистов. В 5–6 км северо-западнее Малоярославца подверглись артминометному и ружейно-пулеметному обстрелу со стороны гарнизона Игнатьевское в направлении Дуброво и дороги на Бородухино. Группа Попова вышла на большак Малоярославец-Боровск, где встретила подвижную мотомехгруппу противника.

А. Солоденникова.

Они опоздали буквально на 1 день, т.к. 18 октября немцев на большаке ещё не было, а были наши 17-я тбр и 1-й сп 113-й сд, но утром 18 октября 17-я тбр приказом 43-й армии была направлена в Угодский завод, а 1-й сп 113-й сд — к ст. Балабаново. А вечером 18 октября немецкой 20-й танковой дивизией по радио был получен приказ 57-го танкового корпуса на зачистку местности севернее Варшавского шоссе: «20-я танковая дивизия принимает на себя с 19.10 с 9–00 защиту Малоярославца и очистку местности между дорогой Медынь — Малоярославец и разграничительной линией между 19-й танковой и 3-й моторизованной дивизией. Для этого дивизии подчинён 485-й пехотный полк»[1].

В результате, 19 октября группа Попова, не выходя на большак, повернула на север и шла параллельно ему лесами в направлении д. Каверино (8 км юго-западнее г. Боровск, 2 км южнее дороги Боровск-Медынь). В Каверино встретились с боровским партизанским отрядом Н. И. Рачкова, подарили им 2 компаса и немного боеприпасов. Об этой встрече комисси по изучению истори войны Института истории ССР в феврале 1942 г. рассказал и сам Н. И. Рачков.

Майор Попов принял решение сделать прорыв южнее Боровска. Он шёл на звук артиллерийской стрельбы на востоке, в поиске стыка немецких войск, чтобы там прорваться между частями. С наступлением темноты вышли разведывательные отряды, но встретили сопротивление противника со стороны полевых караулов и застав. Выяснилось, что впереди находится линия обороны противника и стоит большой гарнизон и штаб, в результате чего, кроме артминометного и ружейно-пулеметного огня, против группы Попова были выдвинуты танки и бронетранспортёры, которые вели непрерывный огонь по всей западной окраине леса в направлении выс. 180,2 (2,5 км южнее Боровска, 1 км южнее Комлево). Кроме того, самолёты забросали их массой мелких бомб. В этом бою закончились все носимые боеприпасы для миномётов, из-за чего бойцы отряда были вынуждены отечественные миномёты уничтожить, а сохранить только трофейные немецкие, т.к. под них можно было найти боеприпасы у противника. Под Боровском пробиться так и не удалось.

Отряд шёл с боями местного значения до Вереи, но и там пробиться также не удалось.

Весь путь группы от Спас-Деменска составил не менее 460 км, т.е. в течение 17 дней голодные люди, с вооружением, проходили не менее 27 км в день.

О последнем решающем бое сам Б. Н. Попов рассказывал так. Было установлено, по данным местных жителей и разведки, что у д. Митяево (5 км северо-восточнее Боровска) в ночь с 18 на 19 октября части генерала Рокоссовского перешли через линию фронта на нашу сторону. Б. Н. Попов решил, что противник не ожидает, что кто-то станет прорываться ещё раз на этом же участке. В ночь с 20 на 21 октября 1941 г. прошли по овражкам мимо деревни Рязанцево к переднему краю. Местный житель д. Митяево рассказал, что в этом районе проходят две линии обороны, а впереди немецкой линии обороны немцы использовали противотанковый ров. При этом, гарнизон д. Митяево составляет приблизительно до полка. Это были части немецкой 258-й пехотной дивизии. В 3.00 ударили по переднему краю противника в районе д. Митяево, что между г. Боровском и Верея и н.п. Башкардово-Редькино передовым отрядом, численностью до 600 чел. через 20 мин. ворвались на западную окраину д. Митяево, между крайним домами, колхозными сараями и скирдами, где были встречены бешеным автоматным и пулемётным огнём со стороны гарнизона Митяево. Оказалось, это были не колхозные скирды с сеном или соломой, а замаскированные ДОТы противника. Были подтянуты резервы группы, все понимали, что отходить больше некуда, и если сейчас не прорвать эти две линии обороны, то все будут уничтожены врагом. Немцы осветили всю местность осветительными ракетами на расстоянии 1 500 м, им всё было видно, как на ладони. В течение полутора часов было проведено не менее 4-х ожесточённых атак. Действовали только винтовками, автоматами и ручными пулемётами, т.к. другой техники уже не было. Противник накрыл наступающих артминометным огнём.

Б. Н. Попов обратился ко всем и сказал, что свобода — там, за линией фронта, на востоке, а на западе- смерть и неволя. Каждый сам понимал, что значит попасть в плен, и дрался за семерых. В результате седьмой ожесточённой атаки первая линия обороны противника была закидана гранатами, огневые точки его расстреляны. Десять человек бросились на пулемётный расчёт

[1] NARA. T. 315. R. 741. ЖБД 20 тд, 18 октября.

и подавили огневые точки. Так ворвались на вторую линию обороны врага. Завязался второй рукопашный бой. Дрались прикладами, штыками, ножами, зубами и давили за горло. Вторая линия обороны врага была смята. В узкий участок прорыва ринулись все оставшиеся в живых и могущие передвигаться раненые.

Между немецкой и нашей линией обороны посреди проходил противотанковый ров, запорошённый снегом. Оказалось, он заполнен до верха водой. Под действием артминометного огня и под тяжестью людей лёд проваливался, люди тонули, выкарабкивались и выходили на нашу сторону. До нашей передовой линии, по предположительным данным, оставалось до полукилометра, но это мёртвое пространство было пройти очень трудно, нужно было подниматься из оврага на высоту у д. Редькино. Противник открыл заградительный миномётный и артиллерийский огонь, расстреливая в лоб и в спину наши прорвавшиеся части. Во время прорыва погиб капитан Приходько, исполнявший обязанности начальника штаба группы. Когда до нашего переднего края оставалось 200–300 м, майор Попов был тяжело ранен. Его вынесли с поля боя на плащ-палатке. К началу атаки, по оценке Б. Н. Попова, было около 3 тыс. чел, в расположение 2-го полка 110-й сд вышло 2 312 чел., из них 312 раненых.

Между немецкой и нашей линией обороны посреди проходил противотанковый ров, запорошённый снегом. Оказалось, он заполнен до верха водой. Под действием артминометного огня и под тяжестью людей лёд проваливался, люди тонули, выкарабкивались и выходили на нашу сторону. До нашей передовой линии, по предположительным данным, оставалось до полукилометра, но это мёртвое пространство было пройти очень трудно, нужно было подниматься из оврага на высоту у д. Редькино. Противник открыл заградительный миномётный и артиллерийский огонь, расстреливая в лоб и в спину наши прорвавшиеся части. Во время прорыва погиб капитан Приходько, исполнявший обязанности начальника штаба группы. Когда до нашего переднего края оставалось 200–300 м, майор Попов был тяжело ранен. Его вынесли с поля боя на плащ-палатке. К началу атаки, по оценке Б. Н. Попова, было около 3 тыс. чел, в расположение 2-го полка 110-й сд вышло 2 312 чел., из них 312 раненых.

Имея сведения о положении противника, майор Попов, как разведчик, потребовал немедленно доставить его в штаб и в 10.00 21 октября дал командиру 110-й сд Петерсу[1] и его начальнику штаба полный отчёт об обстановке. Здесь он встретил своего знакомого — комиссара 2-го полка, бывшего секретаря Куйбышевского райкома партии г. Москвы. Всех накормили и сделали перевязки.

В этот момент, по воспоминаниям Б. Н. Попова, на участок 110-й сд прибыл генерал армии Г. К. Жуков, который приказал всех раненых, эвакуировать в Москву, а оставшихся в живых и способных к строю, обратить к боевым действиям. После этого майор Попов и другие раненые были отправлены в д. Каменское, откуда были эвакуированы в 105-й ППГ Западного фронта на ст. Одинцово. 22 октября он попал в 290-й эвакогоспиталь г. Москвы, а затем в г. Иваново. Приказом Западного фронта № 071 от 24.1.1943 за вывод частей дивизии из окружения майор Б. Н. Попов был награждён орденом Красного Знамени…

Многие детали этого боя достаточно точно воспроизведены в романе К. М. Симонова «Живые и мёртвые», в описании выхода дивизии генерала Серпилина из окружения из Белоруссии в район Ельни, куда она вышла 1 октября, т.е. непосредственно перед началом операции «Тайфун». От Ельни остатки той дивизии 2 октября (в день начала операции «Тайфун») направились на машинах по дороге Ельня — Спас-Деменск, далее до д. Людково на Варшавском шоссе, где попали под налёт, и колонна на рубеже реки разделилась на «живых и мёртвых». Маршрут движения проходил приблизительно в тех же районах, где шла группа Попова. Неподалёку от д. Людково — в д. Ключи — группа майора Попова съела последнюю лошадь и пошла на Юхнов.

[1] Командиром 110-й сд до 25 октября 1941 г. был полковник Степан Трофимович Гладышев, а полковник Георгий Борисович Петерс был начальником штаба инженерных войск 33-й армии.

Командиром 110-й сд дивизии Г. Б. Петерс стал с 16.11.1942 и был им по ноябрь 1943 или по октябрь 1944 г. С 05.05.1945 — Герой Советского Союза.

В октябре 1941 командиром 2-го (1289) полка 110-й сд до 08.12.41 был майор Николай Александрович Беззубов, нач. штаба 1289-го сп — капитан А. Булгаков, пом. нач. штаба по опер. части — И. Меренков, военком 2-го (1289) полка 110-й сд — батальонный комиссар Шамис.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 909.

В литературном описании прорыва дивизии генерала Серпилина описана местность, очень похожая на ту, которую описал майор Попов. В романе и в реальном выходе группы Попова неоднократно встречаются совпадения в деталях, даже тяжёлое ранение командира выходящей из окружения группы, встреча со старым знакомым в штабе, приезд командующего в штаб. Численность вышедших из окружения в романе указана созвучная — 312 чел. В группе Попова вышло 2312 чел. Главный герой романа — политрук Синцов выходил из окружения приблизительно тем же маршрутом, которым шла группа Попова от Юхнова: севернее Варшавского шоссе, через большак Медынь — Верея. В районе Вереи Синцов попал в плен, бежал и вышел в районе Боровска в расположение 17-й танковой бригады, той же, к которой вышли остатки дивизии Серпилина.

Номер именно этой танковой бригады, возможно, выбран писателем неслучайно. Танковая бригада с этим номером, на самом деле, ещё 2 дня назад вела успешный наступательный бой на Боровск по большаку Малоярославец — Боровск. В романе бригада с этим номером действует от начала до конца повествования, причём в её описании неоднократно встречаются детали, взятые из истории настоящей 17-й танковой бригады или отдельных её танкистов. В записной книжке писателя был адрес настоящего начальника штаба этой бригады — полковника А. С. Кислицына. Писатель сам говорил, что части, которые действуют в романе — это собирательные образы, но события он описывает те, которые видел на фронте сам или ему рассказывали его знакомые.

Но, возможно, этот бой произошёл не в районе д. Редькино, что в 3 км северо-восточнее Боровска, а у другой одноимённой деревни Редькино в 6 км западнее Наро-Фоминска, что больше подходит по описанию положения 110-й сд и немецкой 258-й пд по другим документам за 21 октября. В документах 110-й сд выход такой большой группы вообще не описан. А в документах 478-го пехотного полка немецкой 258-й пехотной дивизии в этот день в районе д. Чешково зафиксировано 200 убитых русских, которые не числились ни в одной из частей советской 33-й армии[1]. Уточнить место боя можно по месту нахождения противотанкового рва.

Но в какой бы из деревень ни случился этот бой, выход такой большой группы из окружения — это очень редкий случай, возможно, именно поэтому К. М. Симонов использовал его как один из самых ярких эпизодов своего романа.

ВАРШАВСКОЕ ШОССЕ КАК ВОЕННО-АВТОМОБИЛЬНАЯ ДОРОГА

А. М. Исаченко,
полковник запаса, журналист газеты «Малоярославецкий край»

Моему деду Ивану Михайловичу Булычёву,
сержанту, шофёру 210-й армейской артиллерийской
ремонтной мастерской 26-й армии, посвящаю

Про строительство этого первого в Калужском регионе шоссе писали многие авторы:
- Зеленов Вячеслав «Первые шоссейные дороги Калужского края». 1997. [1]
- Назарян Елена «Дороги и почтовая служба Малоярославецого края в XIX веке». 2002. [2]
- Глухарёв Сергей «Варшавское шоссе» 25.01.2021. [3]

Значительную роль шоссе сыграло в I мировую войну, но эта страница истории совершенно не исследована. В годы Великой Отечественной войны оно явилась одним из магистральных направлений, по которому Вермахт наступал на столицу СССР, а затем наступала Красная армия. В этом году будет отмечаться 80-я годовщина боёв в 37-м Малоярославецком укрепрайоне

[1] *Рэйди Д.* Дальше ни шагу: сражение за Наро-Фоминск 20–31 октября и 1–3 декабря 1941 года / Д. Рэйди, Ч. Шарп, Е. Г. Брунова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. 2020. Том 6. № 4(24). С. 149. DOI: 10.21684/2411–197X-2020–6–4–113–164.

Можайской линии обороны, большая часть которых так или иначе связана с Варшавкой. О боях вдоль этого шоссе написаны книги:

- Наумова А. Ф. «На Варшавском шоссе». 1968. [4]
- Стрельбицкого И. С. «На Варшавском шоссе». 1979. [5]
- Михеенкова Сергея «Дорога смерти. 43-я армия в боях на Варшавском шоссе. Схватка с «Тайфуном». 1941–1942». 2013 г. [6]
- Мосягина Максима и Илюшечкина Александра «Варшавское шоссе — любой ценой. Трагедия Зайцевой горы. 1942–1943». 2014 г. [7]
- Грин Галины и Чернова Владимира «Октябрь 1941. Варшавское шоссе». [8]
- Сумской Светланы статья «Начало эры автомобилизма» (МК 8.10.2020) об автопробеге в 1912 г. по Варшавскому шоссе с участием 75 автомашин ведущих европейских фирм для их последующей закупки для нужд военного министерства России. [9]

Но во всех них обходится стороной многотрудная, разноплановая и зачастую связанная с боями деятельность военных дорожников.

Не открою особого секрета, если скажу, что дороги на войне — это как кровеносные сосуды у живого организма: по ним идёт манёвр войск, снабжение фронта всем необходимым, эвакуация мирного населения и раненых, оборудования предприятий. Бомбёжки, артобстрелы, взрывы заложенных мин, интенсивное автодвижение, в том числе танков и другой тяжёлой техники, быстро выводят их из строя. Поэтому каждая сторона спешит восстановить дороги на своей стороне и всячески разрушать их на стороне противника или перед отступлением. И как вариант, обе стороны стремятся спецподразделениями захватить мосты на дорогах противной стороны и сберечь их для своих наступающих войск.

При подготовке данной статьи знания, полученные по военный истории и инженерной подготовке в военном училище и академии, оказались совершенно ничтожными. Если про пехотинцев, танкистов, лётчиков с моряками написано/снято столько, что можно утонуть в избытке материала, то при изучении темы военных дорожников главная проблема — в дефиците информации.

Кажется, что историю Варшавки должны знать и пропагандировать те, кто этой дорогой управляет. Но на сайте Управления автомагистрали Москва–Бобруйск ФДА «Росавтодор» на 27.01.2016 военный аспект изложен до бедности лаконично: «Вклад дорожников в Победу советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»: «172 моста было построено и 90 восстановлено дорожниками-мостовиками Западного фронта в ходе Московской битвы на Варшавском шоссе. 45 дорожных частей принимали участие в битве за Москву».

В 2020 г. на сайте автотрассы А-130 Москва-Рославль появился раздел «75 лет Победы», состоящий из подразделов «Памятные места» (фото памятников в Куйбышевском, Юхновском, Мосальском, Малоярославецком, Барятинском районах с кратким описанием боёв» и «Автомобильные дороги в период войны», в котором повторяются описания боёв вдоль дороги. О качестве текста говорит, например, такая фраза: «До начала Московской битвы Варшавка активно использовалась войсками Резервного фронта, которым командовал генерал армии Г. К. Жуков». Жуков до и с началом Московской битвы командовал Ленинградским фронтом, а Резервным фронтом командовал частично 8, полностью 9 и частично 10 октября, после чего этот фронт вошёл в состав Западного фронта, который он и возглавил. Здесь же есть упоминание об «обелиске, посвящённом военным водителям, которые внесли огромный вклад в организацию обороны Юхнова». [10] Вообще-то Юхнов был сдан немцам при незначительном сопротивлении группы десантников под командованием капитана Ивана Старчака, поэтому «огромный вклад в оборону» — явная гипербола. [11] Действительно в Юхновском районе у Варшавского шоссе на взгорке есть памятник десантникам Старчака, а рядом с ним маленький металлический обелиск стального цвета с изображением знаменитой полуторки и надписью: «Водителям В[еликой] О[течественной] в[ойны] от студентов ТГУ г. Тула». Как видим, памятник от студентов Тульского университета посвящён военным водителям вообще, а не участникам обороны Юхнова.

В подразделе про автодороги есть абзац, который хоть как-то приближает к дорожникам: «Во время Великой Отечественной войны Варшавское шоссе пострадало в результате ожесточённых многочисленных боёв. По мере отступления войск противника на Запад, следовавшие

за нашими войсками военные дорожники, объединённые под общим названием вадовцы, сразу же приступали к восстановлению разбитой трассы. Вместе с вадовцами десятки тысяч жителей освобождённых сел, деревень и городов с лопатами и топорами выходили расчищать трассу от снега и хлама, оставленного вражескими войсками. Кроме того, вадовцы принимали меры для обеспечения безопасности движения по Варшавскому шоссе, одной из которых была маскировка — для дезориентации противника делали ложные военные объекты и целые аэродромы. Вслед за вадовцами шли тыловые дорожники — строители. Они строили колейные дороги из брусьев, а на основной дороге реконструировали проезжую часть, устраивая одежду из щебня, обработанного органическим вяжущим веществом. Дорожниками-мостовиками Западного фронта за время Московской битвы было построено 172 и восстановлено более 90 мостов. Иные цели преследовали немецкие автодорожники, которые грабили и разрушали всё, что попадалось на их пути, используя в качестве материала для дорог и мостов наши деревянные и каменные постройки. Строевой лес, как правило, немцы вывозили в Германию, такая же участь постигла парковые сосны в городе Юхнове, которые были полностью спилены и разделаны на месте». И даже не даётся пояснения, что такое «вадовцы» — ВАД — военно-автомобильная дорога, официальная воинская структура. [12]

Примечательно, что в книге главы британской военной миссии в России во время Первой мировой войны Альфреда Нокса «Вместе с русской армией» отмечается хорошее качество дорог в 1914 г. в Восточной Пруссии и далее он пишет, что малоразвитая дорожная сеть в России мешала манёвру русской армии войсками и оружием, но и в значительной мере затрудняла немецкие наступательные действия. [13] Ситуация повторилась и в Великую Отечественную войну.

В её начальный период в основу дорожного обеспечения Красной армии был положен опыт испанской и финской войн, боестолкновений с японцами и даже в какой-то мере немецких блицкригов в Польше, Бельгии, Франции. Но уже с первых дней войны интенсивность движения войск и транспорта по автодорогам превзошла все ожидания, силы и средства дорожной службы Красной армии явно не справлялись со своими задачами. И в июле 41-го Государственный Комитет Обороны спецпостановлением развернул дорожный отдел Генштаба в автодорожное управление, а в штабах фронтов и армий были сформированы дорожные отделы, подчинённые начальнику Тыла Красной армии (фронта, армии). Документ предусматривал организацию 10 военно-автомобильных дорог (ВАД) центра: семь маршрутов, отходящих от Москвы (направления на Брянск и Киев можно связать с Малоярославцем). Для их обслуживания дополнительно формировалось 8 дорожно-эксплуатационных полков, 11 военно-дорожных и мостовых батальонов, 5 управлений ВАД с дорожными комендатурами, а для перевозок 50 отдельных автобатальонов. Кроме этого фронты и армии формировали свои автотранспортные части, в т.ч. Западный фронт (начальник автодорожного отдела полковник А. И. Сычёв) в августе — два дорожно-строительных батальона, один дорожно-эксплуатационный батальон, роту регулирования движения и управление фронтовой ВАД с несколькими комендатурами. Комплектование проводилось за счёт старших возрастов, нестроевыми и ограниченно годными к службе, зато многие из них были проверены гражданской войной, имели жизненный опыт и рабочие навыки. И начали они с создания мастерских для ремонта и изготовления кустарным способом жесточайшего дефицита — запасных частей для автотехники.

Также по постановлению ГКО от 15.09.1941 в Главном управлении шоссейных дорог («Гушосдор) НКВД было создано Управление строительства и содержания автодорог глубокого тыла, плюс 6 управлений военно-дорожных работ с 30 военно-дорожными отрядами. Гушосдору НКВД были подчинены в т.ч. местные дорожные органы. Таким образом, если сейчас в Малоярославецком районе имеются дороги трёх категорий (федеральные, региональные и местные [межпоселенческие и в населённых пунктах]), то в первый год войны наши дороги имели двойное (по линии наркоматов обороны и внутренних дел) подчинение. Такая параллельность в формировании, подчинении и снабжении дорожных частей не отвечала требованиям манёвренной войны и с июля 1942 г. все дорожные части были включены в состав дорожных войск Красной армии.

Не менее важным делом была охрана войсковых сообщений, наведение на них необходимого порядка, задержание дезертиров, выявление вражеских агентов и диверсантов. В этом плане интересен приказ № 33 от 23.07.1941, г. Вязьма по Управлению войсковой охраны тыла Западного фронта:

«Для наведения надлежащего порядка и обеспечения движения войсковых частей и транспортов на дорогах Великие Луки — Москва, Смоленск — Москва, Рославль — Москва ПРИКАЗЫВАЮ:

назначить начальниками охраны направлений … Рославль — Москва полковника Иванова, возложив на них ответственность за порядок на этих дорогах, контроль и оказание помощи в работе ДЭП.

2. В вопросах несения службы и наведения порядка на дорогах начальникам охраны направлений подчинить: все комендатуры и посты, выставленные на этих дорогах.

3. Для организации службы заграждения на указанных дорогах создать три контрольно-пропускных пункта из командного состава по 10 человек каждый, дислоцировав их в Волоколамск, Можайск, Медынь.

4. Назначить начальником КПП … Медынь капитана Кравченко.

5. Задачи КПП…

9. КПП убыть в пункты дислокации не позднее 10.00 … 23.7.41 г.

Начальник охраны войскового тыла Западного направления генерал-лейтенант Соколов

Военный комиссар и начальник ПО (политотдел. — *А. И.*) охраны войскового тыла Западного направления старший батальонный комиссар Шевченко».

2 октября 1941 г. противник прорвал оборону Резервного фронта и устремился вперёд на рославльско-юхновском направлении. При этом основная его моторизованная группировка двигалась в сторону Вязьмы, а находящийся во втором эшелоне 57-й танковый (по другим данным моторизованный) корпус нацелился по Варшавскому шоссе на Москву через Малоярославец.

Наибольший интерес с этого момента представляют воспоминания начальника автодорожного управления (АДУ) Генштаба генерала З. И. Кондратьева. [14] Он утверждает, что из всех фронтов хуже всего дело обстояло на западном направлении, где дорожные части смогли развернуться лишь в конце августа. АДУ было переподчинено Управлению Тыла Красной армии. По дорогам двигались тысячи машин различных типов, марок, ведомственной подчинённости. Многие срочно мобилизованные из народного хозяйства водители не имели военного обмундирования, машины сохраняли нумерацию мирного времени. Появилось много бесхозных, блуждающих машин и в то же время не на чем было осуществлять военное довольствие боевых действий и эвакуировать раненых. С помощью ГАИ НКВД была разработана система нумерации автотранспорта для всей армии и войск НКВД. Каждая серия имела первый знак — алфавитную букву, а затем пятизначное число. На дверцах кабин наносились условные обозначения, указывающие принадлежность машин к фронту, армии, войсковым соединениям. Серия РВГК означала резерв Верховного Главнокомандования. На реализацию этих мер было отведено 10 дней.

Всем дорожным подразделениям было приказано усилить контрольно-пропускные посты, бездокументные машины задерживать и передавать в резерв фронтов, где из них формировались автобаты. Сложность заключалась в том, что из-за отступления наших войск дорожные участки постоянно мигрировали, в ряде случаев им приходилось вступать в бой с десантами и даже с пехотой и танками противника. 41-й отдельный дорожно-эксплуатационный полк (командир подполковник С. П. Деменченко), обслуживавший дорогу от Смоленска до Вязьмы, имел даже свою артиллерию.

Обучение дорожных частей велось по ускоренным программам, большую помощь в их составлении оказали работники ГАИ Москвы под руководством Н. В. Соколова. [15] Подготовка регулировщиков для подмосковных дорог, начальников КПП и инспекторов-автомобилистов — тоже их дело. Из-за нехватки автотехники правительство разрешило сформировать за счёт народного хозяйства сто гужевых батальонов по 550 парных повозок в каждом. Не везде есть лошади и не всюду их можно использовать. На севере их заменили оленьи и собачьи упряжки, в донских степях и Южном Поволжье — волы и верблюды, в предгорьях Кавказа — ослиные и конные вьючные роты.

Дисциплина в наспех сформированных частях и многочисленных территориально разбросанных складах, мастерских, заготовительных командах была низкой, пришлось обращаться в Главное политуправление с просьбой создать политотдел. Его возглавил подполковник А. Я. Самодумов[1].

Многие дороги того времени представляли собой печальное зрелище: выбоина на выбоине, что ни мост, то загадка (многие мосты были деревянными без расчёта на проход тяжёлой техники), а Генштаб и сама обстановка требовали, чтобы они были в хорошем состоянии и без пробок. Люди работали на износ.

3 октября Кондратьев вместе с комиссаром Управления, бывшим преподавателем Военно-политической академии батальонным комиссаром В. Х. Мамаевым были в горящем Юхнове. В нескольких километрах от города в домике дорожного мастера на берегу Угры располагалось управление ВАД № 2 под командованием инженер-подполковника Е. М. Оприца и комиссара В. В. Боровикова. Усиливаются контрольные и регулировочные посты, мосты укрепляются и минируются, намечаются параллельные дороги и объезды. При хорошей погоде и яркой луне немецкие лётчики бомбят дорогу и примыкающие леса даже ночью (в других источниках сообщается, что такие автотрассы служили хорошим ориентиром для немецкой авиации при ночных налётах на Москву).

Кондратьев с Мамаевым с помощью регулировщиков, останавливающих машины, организуют отправку раненых из придорожной госпитальной палатки и захоронение убитых, разруливают пробки, занимаются эвакуацией склада драгоценного горючего и натыкаются на отряд десантников И. Г. Старчака, который готовит позиции для обороны.

Также на Варшавском шоссе были подразделения ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения и связи), располагавшие автотранспортом, радиостанциями и зенитными установками из счетверённых пулемётов, подразделения НКВД, выполняющие контрольно-пропускные, охранные (мостов) и фильтрационные функции, но их деятельность выходит за рамки данной работы.

В сентябре 2018 г. в личной беседе в Москве генерал-лейтенант в отставке Валентин Григорьевич Серебряков (последняя воинская должность — начальник политотдела академии Генерального штаба) сообщил мне, что в 1944 г. в возрасте 16 лет поступил в военное дорожно-строительное училище в Павловом Посаде, которое было создано на базе соответствующего учебного полка, где в первом периоде войны служил его приёмный отец, участник Октябрьской революции в Питере Щеглов Константин Тимофеевич, в 1943 г. командовавший 229-м отдельным дорожно-строительным батальоном 3-й гвардейской армии.

Вот ещё один любопытный документ за подписью начальника Малоярославецкого РО УНКВД М[осковской] О[бласти] лейтенанта госбезопасности Гречишникова

«Совершенно секретно. Только лично

Секретарю Малоярославецкого РК ВКП(б)

Тов. Боборыкину

Докладная записка о недостатках в работе Малоярославецкого Райвоенкомата …Райвоенкоматом без каких бы то ни было оснований не были призваны в РККА бывший зав. базой Роспотребсоюза Докучаев и бывший зав. доручастком Райисполкома Блинов. За время оттянутое Райвоенкоматом в их призыве, указанные лица успели устроиться на работу в 916 ДЭУ, откуда призыву не подлежат». [16]

Длина ответственности за Варшавской шоссе 916-го дорожно-эксплуатационного участка мне не известна, но судя по постановлению ГКО № 1199 от 23.01.1942 «О создании городских комитетов обороны в городах Московской области (Клин, Можайск, Малоярославец, Волоколамск), в соответствии с которым на Малоярославецкий район было возложено руководство дополнительно Боровским, Угодско-Заводским и Наро-Фоминским районами [17], можно предположить, что полномочия этого ДЭУ выходили далеко за границы собственно Малоярославецкого района.

Считаю необходимым продолжить исследование истории этой военно-автомобильной дороги.

Список литературы

[1]Воинское звание в современной интерпретации.

1. *Зеленов В. С.* Первые шоссейные дороги Калужского края // Песоченский историко-архивный сборник. Вып. 4. Ч. 1. Археология. История промышленности и ремёсел. Киров, 1997. С. 199–204.
2. *Назарян Е. А.* Дороги и почтовая служба Малоярославецого края в XIX веке // Малоярославец. История и современность. Калуга: Фридгельм, 2002. С. 139–150.
3. *Глухарёв С. Я.* Варшавское шоссе // Боровскъ — сердце моё. 25.01.2021.
4. *Наумов А. Ф.* На Варшавском шоссе. Алма-Ата, 1968.
5. *Стрельбицкий И. С.* На Варшавском шоссе. М.: Из-во ДОСААФ, 1979.
6. *Михеенков С. Е.* Дорога смерти. 43-я армия в боях на Варшавском шоссе. Схватка с «Тайфуном». 1941–1942. М.: Центрполиграф, 2013.
7. *Мосягин М. Н., Илюшечкин А. А.* Варшавское шоссе — любой ценой. Трагедия Зайцевой горы. 1942–1943. М., 2014.
8. *Грин Г. Я., Чернов В. А.* Октябрь 1941. Варшавское шоссе. М., 2018.
9. *Сумская С. Е.* Начало эры автомобилизма // Малоярославецкий край. 8.10.2020.
10. https://msk-bbr.rosavtodor.ru/department/75-yearsofvictory/avtomobilnye-dorogi-v-period-vojny.
11. О какой-либо заметной обороне Юхнова не говорится ни в главке в Википедии об этом городе, ни в книгах: *Грин Г. Я., Чернова В. А.* Октябрь 1941. Варшавское шоссе. М., 2018; *Глухарёва С. Я.* Противостояние под Боровском. Хроника, факты, документы 16 дней Московской битвы. М.: Перо, 2020.
12. https://msk-bbr.rosavtodor.ru/department/75-yearsofvictory/avtomobilnye-dorogi-v-period-vojny.
13. *Нокс А.* Вместе с русской армией. Дневники военного атташе. 1914–1917. М., Центрполиграф, 2014. С. 64. (Альфред Нокс, генерал-майор, глава британской военной миссии в России.)
14. Кондратьев Захар Иванович (1901–1973), в Красной армии с 1919 г., генерал-лейтенант технических войск (1943), автор книги «Дороги войны» (Воениздат, 1968).
15. Соколов Николай Васильевич (1899 —?), в ноябре 1941 г. майор милиции, в апреле 1943 г. — комиссар милиции III ранга.
16. ГАДНИКО, есть фото документа, данные по фонду не записал.
17. «Искра» — газета Малоярославецкого района. 10.02.1942.

ВЫДВИЖЕНИЕ А. Л. ЧИЖЕВСКОГО НА СОИСКАНИЕ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ

О. В. Сёмочкина,
кандидат педагогических наук, зав. кабинетом-музеем А. Л. Чижевского в Калужском государственном университете им. К. Э. Циолковского;
Н. Ю. Сёмочкин,
учащийся МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 13» г. Калуги

В сентябре 1956 г. Постановлением Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР были учреждены 50 Ленинских премий размером в 75 тыс. руб. каждая «за наиболее выдающиеся работы в области науки, техники, литературы и искусства» [1, с. 3].

А. Л. Чижевского за его исследования не раз выдвигали на соискание Ленинский премий в период его жизни в Караганде. Рассмотрим их.

В конце 1956 г. учёного на соискание Ленинской премии выдвигали дважды:

«Комитет по Ленинским премиям в области науки и техники сообщает, что на соискание Ленинских премий 1957 года поступили следующие работы:

ж) В области медицинских наук

11. Чижевский А. Л. “Исследования в области структурного анализа движущейся крови”.

Представлена Карагандинским областным онкологическим диспансером Министерства здравоохранения Казахской ССР.

н) В области химии и химической технологии

2. Чижевский А. Л. “Окраска изделий в электрическом поле”.

Представлена Карагандинским научно-исследовательским угольным институтом Министерства угольной промышленности СССР» [1, с. 3, 4].

Серия работ, посвящённых изучению структурного анализа движущейся крови была представлена Карагандинским областным онкологическим диспансером 5 ноября 1956 г. и представлена на секции медицины. В аннотации к работе читаем: «Работы, опубликованные в период 1952–1953 гг., содержат изложение основной идеи автора о том, что форменные элементы и главным образом, эритроциты не просто хаотически взвешены в жидкой части крови — плазме, но организованы в определённую движущуюся систему. Подчинённую физическим законам. Выводы автора базируются на данных математического анализа, частично подкреплённого экспериментальными исследованиями автора». Рецензентами были сотрудники Центрального института гематологии и переливания крови: зам. директора П. С. Васильев (профессор) и старший научный сотрудник Р. А. Рутберг (кандидат биологических наук), которые сделали выводы: «В работе имеются спорные положения в частности о патогенетическом значении отсутствия монетных столбиков для диагностики заболеваний, связи между РОЭ и структурой эритроцитов в кровотоке и др. Автор не указал значение установления им закономерностей для практической медицины. Концепция автора требует широкой апробации и проверки». Поэтому неудивительно, что решение секции было таким: «от 2.1.57 г. — рассмотрение работы отложить в связи с тем, что концепция автора не получила широкой апробации и экспериментальной проверки у биологов и врачей. Решение принято единогласно открытым голосованием». Сам учёный пытался бороться с таким решением, писал письма академикам А. Б. Бакулеву, А. Н. Несмеянову, доктору Л. Т. Киселёву, председателю Совета Министров СССР Н. А. Булганину, но получал либо отказы, либо письма адресатов переправлялись в Комитет по Ленинским премиям. Сам учёный утверждал, что его работы трудны для понимания как биологам (математические формулы), так и математикам (биологические термины), поэтому его рукопись уже 6 лет никак не могут издать. Единственным положительным моментом этой эпопеи стало то, что П. С. Васильев и Р. А. Рутберг рекомендовали напечатать монографию учёного «Динамика системы эритроцитов» [5, л. 153–206].

Окраска изделий в электрическом поле была выдвинута на присуждение Ленинской премии на заседании Учёного Совета Карагандинского научно-исследовательского угольного института от 26 ноября 1956 г. и представлена на секции машиностроения. Несмотря на положительные отзывы руководства института и инженеров, работавших с электроокраской, а также результатов голосования (за – 14 человек, отложить — 2, отклонить — 5) работа была отложена. Здесь, вероятно, сыграло свою роль мнение рецензента профессора А. А. Липгарта (инженер, доктор технических наук, неоднократный лауреат Сталинских премий, заслуженный деятель науки и техники, главный конструктор Горьковского автомобильного завода): «Способ окраски в электрическом поле позволяет применить его в конвейерном производстве и даёт большую экономию краски, рабочей силы, энергии, улучшает качество покрытий, удешевляет условия труда. Метод внедряется, но недостаточно интенсивно. Поддерживает присуждение при условии включения в коллектив работников автомобильной и химической промышленности» [4, л. 174–197].

Через год учёный попробовал повторить свою вторую работу, расширив её:

«Комитет по Ленинским премиям в области науки и техники сообщает, что на соискание Ленинских премий 1958 года поступили следующие работы:

з) В области машиностроения

22. Чижевский А. Л. “Электростатические распыление лакокрасочных материалов и окраска изделий в электрическом поле”.

Представлена Карагандинским научно-исследовательским угольным институтом» [2, с. 3].

Электростатические распыление лакокрасочных материалов и окраска изделий в электрическом поле было повторно выдвинуто на соискание Ленинской премии Карагандинским научно-исследовательским угольным институтом 5 октября 1957 г. В сопутствующих документах указывается, что «в деле внедрения изобретения … принимали участие инженер Горьковского автомобильного завода Э. Г. Руттер и инженер Всесоюзной конторы “Лакокраспокрытие” В. И. Дорренсдорф, то справедливость требует, чтобы Ленинская премия была распределена между указанными тремя лицами». Однако, директор угольного института Г. Е. Иванченко указывает на то, что

не считает последних двоих достойными соискателями премии, а также на то, что «Лакокраспокрытие» в течение «17 лет консервировало выдающееся изобретение А. Л. Чижевского». Пытаясь защитить своё выдвижение, учёный написал Н. С. Хрущёву, где просит дать указание Генеральной Прокуратуре о реабилитации, Комитету по Ленинским премиям о рассмотрении премирования, выплате авторского вознаграждения. Ответа Н. С. Хрущёва в деле нет. Рецензентами были профессора А. П. Михайлов и В. В. Бойцов (развивал методы типизации технологических процессов на основе научно обоснованной классификации объектов производства, их автоматизации и проблемы организации управления качеством изделий машиностроения). А. П. Михайлов не поддержал присуждение премии, а В. В. Бойцов предложил отложить работу на основании того, что «изобретение … сделано в 1931–1933 гг. и до сих пор не нашло широкого применения в нашей промышленности, так как он предложил метод без каких-либо рекомендаций относительно технологии и оборудования». В итоге результаты голосования были противоположными предыдущим (за—3 человека, отложить—2, отклонить—18), и работа была отклонена [7, л. 1–29].

Но жизнь и развитие идей А. Л. Чижевского продолжается. В 1962–1988 гг. группа врачей под руководством М. С. Мачабели, используя идеи учёного по электрогемодинамике, разработала теорию тромбогеморрагического синдрома, являющегося одним из ярких примеров нарушения пространственной структуры движущейся крови. Авторы этой теории в 1990 г. удостоены Государственной премии Грузии.

Список литературы

1. От Комитета по Ленинским премиям в области науки и техники при Совете Министров СССР // Известия. 1956. 23 дек. № 303 (12301).
2. От Комитета по Ленинским премиям в области науки и техники при Совете Министров СССР // Известия. 1957. 18 дек. № 298 (12605).
3. *Попов Ю. Г.* Александр Леонидович Чижевский в Карлаге, Степлаге и Караганде. Караганды: Болашак-Баспа, 2018.
4. РГАЭ. Ф. 180. Оп. 3. Д. 63.
5. РГАЭ. Ф. 180. Оп. 3. Д. 47.
6. РГАЭ. Ф. 180. Оп. 3. Д. 171.

ИСТОРИЯ ГОРОДА КАЛУГИ В ВЫСТАВКАХ И ПУБЛИКАЦИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ В XXI в.

Н. В. Зиновкина,
заместитель директора,
Государственный архив Калужской области

Сколько-нибудь полная история города Калуги, несмотря на безусловные успехи в её изучении[1], до настоящего времени не написана. При этом в калужском краеведении имеет место опасная тенденция в тиражировании слухов, мифов и других непроверенных сведений[2], что никоим образом не способствует ни накоплению знаний по истории города, ни даже формированию устойчивого интереса к изучению истории Калуги, превращая историю в набор случайных анекдотов. В свете сложившегося тревожного положения с изучением истории Калуги необходимо

[1] Улица Воскресенская. Музей под открытым небом / сост. И. В. Маркина, А. С. Днепровский-Орбелиани, М. А. Ефименкова. Калуга, 2015; Воскресенская. Вчера, сегодня, завтра / авт.-сост. И. В. Маркина. Калуга, 2016; Кирова, Театральная, Садовая… К 240-летию образования Калужского наместничества / авт.-сост. И. В. Маркина. Калуга, 2016; Их имена живут в названьях наших улиц: город Калуга / Управление культуры города Калуги; МБУ «Централизованная библиотечная система г. Калуги»; Отдел краеведения Центральной городской библиотеки им. Н. В. Гоголя. Калуга, 2020; сборники материалов городских краеведческих конференций «Калуга в шести веках» и др.

[2] *Урусов А.* Тайны старой Калуги: Легенды. Предания. Мистика. Калуга: Фридгельм, 2017 и др. книги автора.

ещё раз обратиться к источникам, прежде всего архивным. Мы не ратуем за изучение истории только по архивным источникам — это невозможно и бесперспективно. Но ещё более бесперспективно пытаться понять исторические закономерности без привлечения архивных источников, при изучении истории Калуги прежде всего тех, что хранятся в Государственном архиве Калужской области (ГАКО).

Введение в научный и краеведческий оборот новых источников является одной из задач любого архива. В настоящей статье мы не будем касаться исследовательских работ архивистов, а сосредоточимся на выставочных и публикаторских проектах ГАКО нового тысячелетия, поскольку принципы и методы нашей работы позволяют зрителю и читателю самостоятельно ознакомиться с документом и составить собственное независимое суждение. Рассказать обо всех выставках и публикациях в настоящей статье не получится, мы остановимся на самых крупных проектах.

Начало XXI в. в выставочной работе ГАКО чётко делится на 2 периода, границей является 2016 г. Такая периодизация объясняется, во-первых, отсутствием выставочных площадей в старом здании архива, из-за чего выставки, подготовленные ГАКО, чаще всего представляли собой выставки копий документов. Во-вторых, отсутствие собственной интернет-площадки не позволяло ГАКО включать в состав своей аудитории самые широкие слои населения. Таким образом, до 2016 г. ГАКО не имел возможности выставлять подлинные документы на длительный срок. Но и в этот период были подготовлены не лишённые интереса выставки по истории г. Калуги. С 2009 г. в коридоре первого этажа старого здания архива в Монастырском переулке работала выставка копий фотодокументов из личного фонда И. М. Юдина-Нестерова «Фотовзгляд из 30-х годов XX века». Эта выставка привлекала внимание всех посетителей архива, так что затруднительно определить количество её посмотревших. У этого стенда всегда находились заинтересованные посетители, рассматривавшие старые фотографии, узнавая и не узнавая город. Пожалуй, это был один из самых «народных» выставочных проектов ГАКО доинтернетной эпохи. А вот выставка 2011 г. «…Калуга, город юности моей», размещённая там же, в коридоре первого этажа и посвящённая 640-летию Калуги, привлекала гораздо меньше внимания. На выставке были представлены копии рисунков М. П. Сушкова из его личного фонда, выполненные тушью на картоне. На рисунках — дома, памятники, скверы Калуги конца 1960–1970-х годов. Художник-любитель, М. П. Сушков тщательно фиксировал облик Калуги, её меняющееся лицо. Рисунки Сушкова нами используются часто; его картины маслом «Новый порядок» и «Их участь» непременно присутствуют на выставках о периоде оккупации г. Калуги как свидетельства очевидца.

Вообще говоря, тема военной истории Калуги — одна из самых широко представленных не только на выставках, но и в публикациях. Окончание переезда в новое здание архива было ознаменовано большой выставкой, посвящённой 75-летию освобождения города от немецко-фашистских захватчиков «Калуга. 1941-й». В подготовке выставки принимали также участие Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО), Калужский объединённый музей-заповедник и клуб военной реконструкции «Батальон». Тематические блоки выставки позволили показать жизнь Калуги на протяжении 1941 г.: мирную жизнь от нового года до 22 июня, перестройку жизни на военные рельсы с 22 июня до 12 октября, оккупацию с 12 октября до 30 декабря, освобождение города, возвращение к советской жизни. Были использованы документы исполкома городского Совета депутатов трудящихся, калужских предприятий, учреждений и организаций (завода фруктовых вод, педагогического училища, средней школы № 9, МПВО г. Калуги, психиатрической больницы), фондов личного происхождения (калужских учителей, краеведов, артистов, руководителей предприятий), коллекции документов по Великой Отечественной войне, фондов организаций периода оккупации города, Государственного архива Калужской области. Отдельный блок — документы о еврейском гетто г. Калуги: списки евреев, пятиконечная звезда калужских евреев, продовольственная карточка для евреев, воспоминания, сочинения школьников. В разделе об освобождении города и возвращении к жизни без оккупантов были показаны школьные сочинения, акты об ущербе, причинённом предприятиям и организациям города немецко-фашистской оккупацией, фотографии, новогоднее письмо калужан своим освободителям (декабрь 1942 г.) и др., газетные вырезки. В 2017 г. выставку посмотрели 678 человек.

В 2020 г. в ГАКО была смонтирована выставка «Школьные годы полководцев», рассказывающая об учёбе в Калуге Героев Советского Союза Н. П. Пухова и В. В. Глаголева. К сожалению, выставку из-за ограничений, связанных с пандемией, успели посмотреть не так много посетителей, как хотелось бы (354 человека). Документы об учёбе будущих полководцев (Н. П. Пухова в Калужском духовном училище и Калужской духовной семинарии, В. В. Глаголева в Калужском казённом реальном училище): характеристики, балловые ведомости, протоколы педагогических советов, документы об образовании — были представлены вместе с документами, рассказывающими о жизни учеников разных учебных заведений Калуги. На выставке можно было увидеть учебники, по которым учились гимназисты, реалисты, ученики духовных учебных заведений, фотографии ученических спектаклей, отчёты об ученических экскурсиях, документы по истории реального училища, духовного училища и духовной семинарии в Калуге. Выставка наглядно опровергала убеждение в том, что для того, чтобы быть успешным, не нужно хорошо учиться.

С 8 апреля 2021 г. в выставочном зале ГАКО работает (до сентября 2021 г.) выставка, одновременно посвящённая 650-летию города и 60-летию первого полёта человека в космос. Выставка называется «Калуга. Космос как реальность» и рассказывает о К. Э. Циолковском в Калуге, о связях с Калугой советских космонавтов, о калужской молодёжи, интересующейся космосом. Вторая стационарная выставка 2021 г., посвящённая 650-летию Калуги, под условным пока названием «Калуга: от губернского центра к областной столице» будет работать с июля до конца года.

Стационарные выставки важны нам возможностью непосредственного общения с посетителями. Время работы ГАКО и расположение выставочного зала в центре здания архива не позволяют посетителям находиться в выставочном зале в одиночестве. Таким образом осмотр выставки в выставочном зале ГАКО — это всегда экскурсия. А поскольку нашу целевую аудиторию составляют прежде всего школьники и студенты, то на каждой экскурсии мы стараемся задать вопрос, ответ на который не является очевидным. Иногда получается вовлечь молодёжь в беседу, в обсуждение увиденного и услышанного.

В 2019 г. ГАКО в первый раз разместил на собственной странице сайта архивной службы Калужской области виртуальную выставку. Начался новый, современный, этап в выставочной работе архива. Виртуальные выставки — это возможность прочитать и осмыслить документ без посредников, в одиночестве, задать вопросы себе, не дожидаясь, пока это сделает архивист. Это другой, более самостоятельный этап взаимодействия с документом. Поэтому некоторые стационарные выставки подлинников мы планируем выкладывать на сайте как виртуальные выставки копий. В идеале к копиям можно будет обратиться после того, как в выставочном зале ознакомился с подлинниками. На стационарной выставке документ можно увидеть и услышать рассказ о нём, на виртуальной выставке документ можно прочитать, ибо там он размещён полностью. Сегодня у нас только одна такая выставка «Помните!..», посвящённая Великой Победе. Планируется виртуальный вариант выставки «Калуга. Космос как реальность».

К изучению истории Калуги можно привлекать материалы виртуальных выставок «Выставки и публикации архивных документов о калужском гетто как мемориализация событий оккупации Калуги немецко-фашистскими захватчиками в 1941 г.»[1], «Последствия оккупации немецко-фашистскими войсками г. Калуги»[2], «Улицы Героев»[3], «История Калужского драматического театра в афишах 50–60-х годов XX в.»[4]. Первые две выставки подготовлены в 2020 г. и посвящены времени оккупации Калуги немецко-фашистскими войсками. Первая рассказывает об истории еврейского гетто г. Калуги на основе документов старосты еврейского гетто, воспоминаний узников, документов городской управы г. Калуги периода оккупации. Вторая содержит акты об ущербе, причинённом Калуге немецко-фашистской оккупацией. Проект «Улицы Героев» посвящён улицам города, носящим имена участников Великой Отечественной войны. Здесь представлены решения о присвоении улицам города имён участников войны, справки о героях, фотографии.

[1] https://archive.admoblkaluga.ru/holokost.
[2] https://archive.admoblkaluga.ru/75_let_pobedy/object/43125993.
[3] htths;//archive.admobkaluga.ru/Ulicy_Geroev.
[4] https://archive.admoblkaluga.ru/teatr_afishi.

Копии 15 афиш Калужского драматического театра при их внимательном рассматривании могут рассказать о театре в Калуге в 1950–19160-х годов много интересного и поучительного.

Виртуальные выставки ГАКО снабжены вступительными статьями, но комментариев как правило не содержат. Они оставляют человека один на один с документом. Публикации документов комментарии включают обязательной составляющей. Публикатор ведёт читателя, осторожно и ненавязчиво помогает ему ориентироваться в документах. Поэтому подготовка документальной публикации — дело очень трудозатратное. В XXI в. ГАКО подготовил не так много публикаций, как выставок, но все они имеют отношение к истории г. Калуги.

В 2011 г. Совет ветеранов Московского округа г. Калуги в 70-летию освобождения Калуги от немецко-фашистской оккупации издал книгу «Мой город родной Калуга. Воспоминания ветеранов об оккупации и освобождении Калуги, история города, его современность и будущее в видении депутатов, учёных и простых калужан»[1]. В книге опубликованы извлечения из актов по учёту ущерба, причинённого оккупантами предприятиям и учреждениям Калуги[2], характеризующие состояние города до войны, а также фотографии довоенной Калуги из личного фонда И. М. Юдина-Нестерова[3]. О Калуге в оккупации рассказывает сборник документов «Война глазами детей»[4], второе издание которого вышло в 2020 г. Новый сборник включает в себя сочинения учеников калужских школ «Что я пережил во время немецкой оккупации», написанные в апреле 1942 г. В отличие от первого издания[5], сочинения включены в сборник в полном объёме, изменена структура сборника (документы систематизированы по признаку возрастных характеристик авторов сочинений), уточнены примечания к документам, добавлено одно сочинение. Всего в сборнике опубликовано 142 документа. Иллюстрируют сборник не только фотографии из фондов ГАКО, личного архива М. А. Добычиной и музея МБОУ «Средняя школа № 5» города Калуги, но и рисунки современных школьников, выполненные в рамках конкурса иллюстраций сочинений, проведённого уполномоченным по правам ребёнка в Калужской области и управлением по делам архивов Калужской области в 2020 г. Всего на конкурс поступило 78 работ, в сборник вошло 36. Как отметил министр образования и науки Калужской области А. С. Аникеев во вступительном слове к сборнику, опубликованные документы «интересны не только в познавательном и образовательном планах. Они — серьёзный, побуждающий к анализу и заставляющий мыслить воспитательный материал для современных школьников»[6]. Здесь история Калуги в один из сложнейших периодов представлена через восприятие молодых людей, подростков, младших школьников. Через идеологическую риторику пробиваются живые голоса, бесхитростно рассказывающие о страшных событиях. Сборник доступен на странице ГАКО сайта архивной службы Калужской области.

Отдельно необходимо сказать о всероссийском проекте «Без срока давности». В 2020 г. была осуществлена публикация серии сборников архивных документов «Без срока давности». Каждый том серии посвящён конкретному региону, на территории которого в годы оккупации периода Великой Отечественной войны нацисты и их пособники совершили массовые акции геноцида в отношении мирного населения. Том, посвящённый Калужской области[7], был подготовлен совместно ГАКО и ГАДНИКО при участии муниципальных архивов области, УФСБ по Калужской

---

[1] Мой город родной Калуга. Воспоминания ветеранов об оккупации и освобождении Калуги, история города, его современность и будущее в видении депутатов, учёных и простых калужан / сост. А. П. Веремеенко, С. Д. Коробцов, М. П. Леш. Калуга: Ноосфера, 2011.

[2] Там же. С. 87–90.

[3] Там же. С. 46–76.

[4] Война глазами детей: сборник документов. Изд. 2-е, испр. и доп. / сост. Н. В. Зиновкина, О. А. Моисеева, С. С. Симоненкова, О. В. Шитикова. Калуга: Издатель Захаров С. И. («СерНа»), 2020.

[5] Война глазами детей: сборник документов / сост. Л. Г. Белковская, Н. В. Зиновкина, М. А. Зорина, Л. С. Корсунова, О. М. Петрова. Калуга, 1993.

[6] Война глазами детей. Изд. 2-е. С. 4.

[7] Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Калужская область: сборник архивных документов / отв. ред. серии Е. П. Малышева, Е. М. Цунаева; отв. ред. Добычина М. А.; сост. Н. В. Зиновкина, В. Я. Агапова, А. В. Денисов, Ю. В. Изюкова, О. А. Моисеева, А. В. Прохоровский, Т. А. Свиридова, С. С. Симоненкова, С. А. Тарасов, О. В. Шитикова. М.: Фонд «Связь эпох»; Издательский центр «Воевода», 2020.

области и Государственного архива Российской Федерации. Сборник состоит из 4 разделов: «Карательные операции и массовое уничтожение мирного населения», «Жизнь в оккупации: издевательства, лишения и голод», «Преступления против детства», «Угон мирного населения». Научно-справочный аппарат сборника представлен предисловием, примечаниями по тексту и содержанию документов, списком сокращений, именным и географическим указателями; сборник снабжён приложениями: краткой справкой об административно-территориальном делении Калужской губернии (области) (ГАКО), датами начала временной фашистской оккупации и полного освобождения Красной армией районных центров и территорий районов Калужской области (в современных границах) (ГАДНИКО), справкой о зверствах немецко-фашистских оккупантов на территории Калужской области (ГАКО), копией Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 июля 1944 г. «Об образовании Калужской области в составе РСФСР» (ГАКО). В сборнике опубликовано 222 документа ГАКО, 3 фотографии, фото пятиконечной звезды — отличительного знака узников еврейского гетто в Калуге, 3 документа были сканированы для иллюстраций. Конкретно к Калуге относится 68 документов. Это акты об ущербе, сочинения школьников, воспоминания жителей города о периоде оккупации, приказы и другие документы городского головы и городской управы Калуги периода оккупации. Книга доступна на сайте Проекта «Без срока давности»[1].

Говоря о проекте «Без срока давности», нельзя не сказать о передвижной выставке копий документов. ГАКО был подготовлен (совместно с ГАДНИКО) региональный контент для Всероссийской выставки архивных документов «Без срока давности»: выявлены и отсканированы документы, написаны вводный текст и тексты к стендам, подготовленный материал направлен для изготовления стендов. Стенды отражают карательные операции немецко-фашистских оккупационных властей, новый порядок, установленный на оккупированной территории, преступления против детства, насильственный вывоз советских граждан с постоянного места жительства, историю еврейского гетто в Калуге. Выставка «Без срока давности» направлена на информирование широкой общественности о человеконенавистнической политике гитлеровских оккупантов, охрану и защиту исторической правды, противодействие фальсификациям истории и попыткам пересмотра итогов Второй мировой войны и призвана обеспечить с информационной точки зрения потребности общества в сфере научной, образовательной, просветительской и воспитательно-патриотической деятельности в документальном контенте о преступлениях нацистов и их пособников против мирного населения, а также свободного доступа к информации об этой трагической странице в истории Великой Отечественной войны. На выставке представлено 39 документов ГАКО, из них к Калуге относится 19. Готовая выставка была размещена сначала на втором ярусе выставочного зала ГАКО, её посетило 173 человека. затем с 16 декабря 2020 г. выставка находилась в КГУ им. К. Э. Циолковского. В настоящее время выставка размещена в здании филиала ПАО «Ростелеком» в Калуге.

Не обошли архивисты вниманием и Первую мировую войну. К 100-летию начала войны, в 2014 г., ГАКО совместно с Калужским областным краеведческим музеем опубликовал книгу, которую в строгом смысле нельзя назвать публикацией документов. «Книга Памяти. Воины Первой мировой войны, похороненные в Калуге»[2] составлена по метрическим книгам церквей г. Калуги за 1914–1917 гг. и включает сведения о военнослужащих, погребённых на кладбищах Калуги в период Первой мировой войны. О работе над этой книгой мы уже рассказывали на XVI конференции «Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья»[3]. Для истории Калуги эта книга важна, как минимум, тем, что обобщает сведения о захороненных на её территории участниках Первой мировой войны, в том числе военнопленных.

---

[1] https://yadi.sk/i/DNxIerAdTjScdw.

[2] Книга Памяти. Воины Первой мировой войны, похороненные в Калуге / сост. Н. В. Зиновкина, В. М. Красин, Ю. А. Нефёдов. Калуга, 2014.

[3] *Зиновкина Н. В.* Некоторые итоги и перспективы работы над Книгой Памяти о воинах Первой мировой войны (по документам Государственного архива Калужской области) // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: материалы XVI Всероссийской научной конференции, посвящённой 535-летию Великого стояния на Угре и 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Калуга, 2015. С. 199–202.

Говоря о кладбищах Калуги, нельзя умолчать об утраченных некрополях города. Некрополь Лаврентьевского монастыря привлекает внимание многих исследователей и краеведов и настоятельно требует изучения и как часть истории монастыря, и как часть биографических и генеалогических исследований. В ГАКО хранится рукописный текст, озаглавленный «Сочинение архимандрита Арсения. Взгляд на Лаврентиев монастырь». Текст публиковался в извлечениях[1], привлекался для исследований и требовал публикации. В 2019 г. сочинение было опубликовано полностью в сборнике Свято-Лаврентьевских краеведческих чтений[2]. Публикация не может считаться научной, она не содержит комментариев и была предпринята с целью исключить разного рода домыслы вокруг текста. Сегодня можно констатировать, что этот безусловно интереснейший документ по истории Калуги ещё не нашёл своего публикатора и исследователя.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в современных условиях источниковая база по истории Калуги широка как никогда, ГАКО стремится её расширять, вводить в краеведческий оборот новые документы. Хотелось бы, чтобы использование в исследованиях материалов выставок и публикаций ГАКО стало хорошим тоном.

АНАЛИЗ ТЕМАТИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЧИТАЛЬНОМ ЗАЛЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ В 2009–2020 гг.

С. С. Симоненкова,
заведующая отделом научно-исследовательской и методической работы,
Государственный архив Калужской области

Одним из важных направлений в работе Государственного архива Калужской области (ГАКО) является обеспечение доступа пользователей к архивным документам в читальном зале архива. Такая деятельность осуществляется в том числе и для удовлетворения законных прав и интересов граждан. Популярность работы в читальном зале архива у исследователей в последние годы растёт.

Тематика достаточно обширна, но условно исследования можно разделить на несколько направлений. Приоритетными являются темы, связанные с изучением истории Калуги и калужского края, истории усадеб, биографии и генеалогии, религии, истории учреждений. Менее востребованы темы общероссийской и военной истории.

История Калуги и калужского края составляет примерно 10% от общего количества исследований. Эта тематика включает в себя изучение социально-экономических, политических и культурных аспектов истории Калужского края и истории населённых пунктов нашего региона. На протяжении последнего десятилетия у пользователей не пропадает интерес к изучению истории ярмарок Калужской губернии, населённых пунктов, улиц и районов Калуги, рельефа города и его застройки, истории лесного и сельского хозяйства, промышленности, развития культуры калужского края, памятников истории и архитектуры; городского общественного управления Калуги XVIII–XIX вв.; выселения помещиков и раскулачивания крестьянства; истории казачества; крестьянской реформа 1861 г. в Калужской губернии. Историко-правовой аспект также прослеживается в темах изучения истории налоговой политики Российской империи, судебной реформы и контрреформы XIX столетия, становления уголовно-исполнительной системы Калужской области (в частности, истории и развития Калужской губернской тюрьмы).

---

[1] См., например: *Днепровский-Орбелиани А. С.* Лаврентьев монастырь, воссиявший в веках. Калуга: Фридгельм, 2015.

[2] Лаврентьев монастырь. История и современность. Материалы V юбилейных Свято-Лаврентьевских краеведческих чтений. Калуга: Фридгельм, 2019. С. 8–27.

История дворянских усадеб и их художественных собраний изучается ежегодно. Современное изучение этой темы тесно связано, во-первых, с возрождением в обществе интереса к усадебному пространству и быту, во-вторых, с необходимостью научного обоснования проектов реставрации и реконструкции сохранившихся усадебных комплексов. Как правило, такие исследования проводятся сотрудниками уполномоченных организаций, студентами для написания выпускных квалификационных работ и заинтересованными историками-краеведами. За последнее десятилетие исследователями было довольно подробно изучено большое количество усадеб губернии. Особый интерес у исследователей вызвали усадьбы Калужского уезда.

В последнее десятилетия обозначился всплеск интереса к изучению истории народонаселения, генеалогии, исторической демографии. Основной мотивацией проведения многих современных генеалогических исследований является желание людей восстановить историю своей семьи, своего рода, фамилии. В среднем, за последние 11 лет генеалогические исследования составляют почти 70% от всех исследований в читальном зале ГАКО. Исследователями выступают в основном частные генеалоги, производящие поиск архивной информации генеалогического и биографического характера на коммерческой основе. Как правило, они уже знакомы с методикой исследования и необходимой источниковой базой. Для новичков проводится консультация и предлагаются к изучению методические пособия и печатные издания по составлению родословной. Изредка, но всё же имеют место такие генеалогические исследования, как балтийско-немецкое дворянство на российской службе, генеалогия непривилегированных сословий Российской империи; источники по русской генеалогии.

Биографические исследования проводятся реже, и в основном историками и студентами. В последние годы темами для такого рода исследований стали жизнь и деятельность К. Э. Циолковского, биография С. В. Щербакова — последнего директора Николаевской гимназии (1906–1918), жизнь и деятельность А. Н. Савина и его научной школы, биография Г. И. Соколова — преподавателя Калужского частного училища Шахмагонова, жизнь и творчество Д. И. Малинина; жизнь и судьба калужского губернатора С. Д. Горчаков; биографии композиторов Е. М. Дрейзина и С. С. Туликова; Л. Н. Толстой и его семья; А. Л. Чижевский и его семья; жизнь в Калуге имама Шамиля и мн.др.

Изучение истории церкви составляет примерно 6% от основной массы исследований. Такие исследования проводятся в том числе для восстановления и реставрации храмов. Значимыми темами стали Русская Православная Церковь в провинции на примере епархии европейского центра России во второй половине XIX — начале XX вв; храмы и монастыри Калужской епархии; Калужская епархия в годы гонений. Традиционно изучается история иных конфессий и церквей на территории калужского края, в первую очередь старообрядчества.

Народное образование, просвещение и культура составляет ещё меньше, 2% от всех исследований. Общественная значимость данной темы обоснована интересом современного общества к проблеме школьного образования. Имеет смысл обращаться к истории становления образования в России, изучать его истоки, чтобы грамотно совершенствовать всю систему в дальнейшем. Изучаются такие темы, как реформы в системе образования в разные годы; история педагогики в губернии; история учебных заведений г. Калуги и калужского края; семейное воспитание XIX–XX вв.; музыкальная культура области 1920–1950-х гг.

Военная история также составляет около 2% исследований. Это история калужского края во время войн, биографические сведения о калужанах-участниках различных войн и боевых конфликтов. Особо интересными темами стали: Музей войны 1812 г. в Малоярославце; Отечественная война 1812 года; Крымская война1853–1856 гг. (калужское ополчение, калужане — герои Крымской войны); Калужская губерния и русско-турецкие войны конца XVIII — начала XIX вв.; Первая мировая война (военнопленные на территории Калужской губернии); Уроженцы Калужской губернии — участники Русского экспедиционного корпуса (1914–1920); Великая Отечественная война (предвоенная Калуга, немецко-фашистская оккупация, освобождение, восстановление, фашистский оккупационный режим, партизанское движение). Как правило, исследователями в данном направлении изучения являются историки, аспиранты и студенты.

Как уже отмечено ранее, это лишь основные направления в исследованиях, проводимые в читальном зале ГАКО.

Периодически в читальный зал обращаются пользователи по служебным заданиям и работают по таким темам, как подтверждение прав собственности организаций и учреждений, поиск документации по основной деятельности заводов и предприятий, мониторинг нормативно-правовых актов в отношении спорта, туризма, молодёжной политики, строительства и жилищно-коммунального хозяйства.

В читальном зале можно получить консультации по многим темам, обратившись к сотрудникам. Помимо архивных документов, в читальном зале можно ознакомиться с различными методическими пособиями по разным темам и печатными изданиями, хранящимися в научно-справочной библиотеке ГАКО. Хочется отметить, что многие труды, подготовленные краеведами-исследователями по документам ГАКО, активно используются сотрудниками и другими исследователями. За последние 11 лет в библиотеку архива поступило множество таких изданий, в том числе сборники материалов научных и краеведческих конференций. Поэтому очень важно, чтобы между архивом и исследователями был налажен взаимообмен опытом.

За последнее десятилетие работа читального зала в вопросе обслуживания пользователей в читальном зале, усовершенствования научно-справочного аппарата, шагнула далеко вперёд. Описи фондов оцифрованы и размещены на сайте архива, став доступными для удалённого просмотра. Зарегистрироваться и подать требование на выдачу архивных документов теперь можно по электронной почте. В электронный вид переведён каталог метрических и исповедных ведомостей, проведён приём на хранение метрических книг из архивных отделов муниципальных образований Калужской области, а также книг регистрации актовых записей из органов ЗАГС Калужской области до 1920 г. включительно. Понимая востребованность в первую очередь в читальном зале метрических книг, проводится оцифровка метрических книг и исповедных ведомостей, снижена стоимость копирования собственными средствами. Планируется дальнейшая разработка личного кабинета пользователя для удалённого просмотра архивных документов.

Характерной особенностью стало изменение контингента пользователей. Основной контингент пользователей — это конечно же, генеалоги, студенты, аспиранты, преподаватели вузов, краеведы, работники музеев и библиотек, церковно- и священнослужители, специалисты различных предприятий и организаций. Наряду с ними увеличилось число людей, обращающихся в архив по личным заявлениям.

Что касается количественного состава пользователей, то основной контингент составляют жители Москвы и Московской области — порядка 60 %, и это в основном генеалоги. Примерно 30 % исследователей составляют жители Калуги, это краеведы, историки, студенты и преподаватели. Остальная часть пользователей — это жители Калужской области и других регионов, работающая по различным темам, и пользователи по служебным заданиям.

Список литературы

1. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. Р-1584. Оп. 2. Д. 817.
2. Там же. Д. 937.
3. Там же. Д. 1061.
4. Там же. Д. 1106.
5. Там же. Д. 1150.
6. Там же. Д. 1349.
7. Там же. Д. 1377.
8. Там же. Д. 1403.

КАЛУЖСКИЙ ФЕНОМЕН КНИЖНЫХ ЗАПИСЕЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в. (ПО СОБРАНИЯМ РГАДА)

В. П. Пушков,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник археографической лаборатории исторического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Одной из древних традиций православной духовной жизни являются разнообразные имущественные вклады в пользу Церкви (земли, икон, церковной утвари и др.), обусловленные «вечным поминком» душ родителей и молениями за «многолетнее здравие» вкладчиков. Совершенно особое место среди такого рода дарений занимают книжные вклады, когда соответствующие записи непосредственно физически присутствуют на предмете вклада, а не отделены от него в приходных документах. Это принципиально важное обстоятельство позволяет воедино проследить как судьбу самой книги (траекторию её движения во времени и пространстве), так и сделанных на ней записей, которые, постоянно приращаясь, нередко представляли собой переплетение самых разнообразных текстов от маргиналий типа «проба пера» или «зри» до до многолистных владельческих скреп и вкладных записей. Огромное количество и разнообразие записей на старопечатных книгах делает их важным массовым источником не только по истории русской книжной культуры (география, обстоятельства, социальный состав записей), но и по целому ряду других вопросов (грамотность, стилистика текстов, жизнь приходов) вплоть до истории повседневности.

В данной статье мы приступаем к рассмотрению 98 калужских записей на 79 экземплярах 61 московского издания 14 названий богослужебных книг, выявленных по трём каталогам РГАДА[1]. Интерес к калужским записям был обусловлен, в первую очередь, их максимальным количеством по сравнению с десятками других городов (не считая, естественно, столичных записей). Так, калужане отметились на 60 экз. из 522 (11,5 %), описанных во втором выпуске каталогов РГАДА (этот феномен ждёт своего убедительного объяснения). Однако последними владельцами этих книг вполне могли быть местные старообрядцы. Такая гипотеза обусловлена тем, что третий выпуск каталога РГАДА описывает издания Печатного двора 1650–1675 гг., но книг с калужскими записями в нём оказалось только три, причём последняя из ниъ вышла в свет именно в 1653 г., когда патриарх Никон начал издавать отвергаемые староверами «новоисправленные» литургические книги. Впоследствии вышедшие до этого срока «правильные» книги могли быть изъяты у старообрядцев и какими-то путями попасть в библиотеку Московской синодальной типографии. Косвенным подтверждением выдвинутой версии служит интересная запись на Октоихе 1594 г., по которой эту книгу более чем через сто лет после её выхода в свет 13 сентября 1698 г. «дьячок» калужской Козьмодемьянской церкви Андрей «продал калуженину посадскому человеку Илье Тимофееву сыну Билибину» — представителю известного купеческого рода и предку художника И. Я. Билибина. Показательно, что эта книга была получена университетскими археографами в 1974 г. в старинном старообрядческом селе Воронок Стародубского района Брянской области[2].

Большинство калужских книжных записей (52) являются вкладными, 27 владельческими, остальные оформляли продажу/покупку книг (соответственно 9 и 3) и 1 запись была заёмной. Ещё по три записи сообщали о царских книжных «пожалованиях» ряду церквей и о проверке книг «поповскими старостами» в первой четверти XVIII в. (последние косвенно допускают возможность хранения книг в епархиальной консистории).

---

[1] Московские кириллические издания XVI–XVII вв. в собраниях РГАДА. Каталог. Вып. 1. 1556–1625 гг. М. 1996; Московские кириллические издания в собраниях РГАДА. Каталог. Вып. 2. 1626–1650 гг. М., 2002; Московские кириллические издания в собраниях РГАЛА. Вып. 3. 1651–1675 гг. М., 2003.

[2] *Поздеева И. В., Ерофеева В. И., Шитова Г. М.* Кириллические издания: XVI век — 1641 год. М,, 2000. № 35.

Впечатляет широта «чинов и званий» фигурирующих в записях, по меньшей мере, 55 человек: от крестьян и зависимых людей (3 случая) до князя Аф. Фед. Гагарина, но основная доля авторов (20 человек) была из состоятельного торгово-промышленного посадского населения, называвших себя «колужанами» (среди них по ремеслу записались лишь «кожевник» и «казённый кузнец»), что говорит об определённом демократизме инициаторов записей. Им заметно уступали 15 представителей духовенства: 4 протопопа, 9 священников («попов») и всего лишь по одному дьякону и «дьячку» (последний встретился только в уезде). Из иногородних встретились москвич «кадашевец»), «нижегородец», житель Можайска и «чёрный поп» из «Терского города». Несколько, видимо, известных в городе людей были записаны без обозначения их сословия: Ив. Никифорович Сабуров, Третьяк Гаврилович Корсаков, Тимофей Карпович, Бор. Семёнович Дворянинов, Ив. Андреев сын Бегичев, Гаврила Константинович Юшков, Дорофей прозвище Богдан Иванов сын Каманин и др.

Чаще всего эти люди предпочитали делать свои записи на месячных Минеях служебных (30 экз. 14 изданий): 1627 г. (1 июнь), 1636 (1 декабрь). И 28 экз. 12 изданий месячных Миней 1644–1646 гг.: по 4 апрельских и июльских, по 3 — ноябрь, декабрь, февраль, июнь; по 2 — сентябрь, октябрь, январь, август и по 1 — март и май. Помимо месячных была использована 1 Минея общая 1625 г. и и 2 Минеи общие с праздничной 1635 и 1637 г. На втором месте были 13 Триодей 9 изданий, в том числе 7 Триодей постных 1607, 1621 и 1630 г.) и 7 Триодей цветных 1591 (2 экз.), 1603, 1635 (2 экз.), 1644 и 1653 г. На других книгах калужских записей оказалось гораздо меньше. Это 5 Апостолов 1589, 1606 (2 экз.), 1631 и 1648 г.; 6 Октоихов 1594 (2 экз.), 1618, 1631 и 1638 (2 экз.); 4 Пролога 1641, 1643 (2 экз.) и 1656 г.; 4 Трефологиона 1637 1638 г. (3 экз.); 3 Псалтыри с восследованием 1632, 1636 и 1641 г.; 3 Шестоднева 1625 и 1635 г. (2 экз.); 3 экз. Поучений Ефрема Сирина 1647 и 1652 г.; 3 Псалтыри 1625, 1635 и 1653 г. И 4 богослужебные книги были представлены в единичном экземпляре: Житие Николая чудотворца 1640 г., Требник 1633 г., Служебник 1630 и Устав («Око церковное») 1633 г. Отметим непонятное полное равнодушие калужан к неоднократно издававшемуся в эти годы Евангелию напрестольному. Все эти книги были большого формата («в десть») и стоили дорого — 1–3 руб. серебром. Скорее всего все книги с записями были переплетены, так как в описаниях отдельных экземпляров постоянно отмечались их переплёты типа «доски в коже».

По 29 вкладным записям с соответствующими сведениями, временной интервал между выходом книги в свет и датой первого её вклада (нередко их бывало по два-три) составлял от 11 месяцев до 89 лет, но чаще всего (19 раз) этот разрыв был до 9 лет при моде в три года (5 раз). Отсюда следует, что книги для вкладов могли приобретаться как на первичном книжном рынке в Москве[1], так и в местных торговых рядах (в основном бывшие в употреблении).

Адресатами калужских книжных вкладов стали 16 городских храмов и один монастырь, среди которых в записях чаще других (по 8 раз) фигурировали Троицкий собор и Новодевичий монастырь Иконы Казанской Богородицы. В Благовещенскую, «что в Кожевниках» и Козьмодемьянскую церкви соответственно было вложено 7 и 5 книг. По 4 записи относятся к Михайловскому и Никольскому храму, «что на Посаде у Смирного двора/в Новой слободе построена каменная». По 3 записи были сделаны в Воскресенской, «что на Посаде» и Покровской, «что на Рву», церквях. В пяти храмах было оформлено по 2 вклада: Богоявленской церкви, «что на Посаде у Старого острога», Знаменской, «что на МШШ Посаде за Старым острогом», Ильинской, «что на Посаде, зовомая Зелёной», Сретенской, «что на Горе» и Преображенской, «что на Долу». И только по 1 вкладу получили четыре церкви: Мироносицкая, Петропавловская, Предтеченская и Успенская. Из общего ряда выделяется Георгиевская церковь, «что на Горе за лавками»: в неё поступил всего лишь один вклад, но было оформлено 3 владельческих, 2 продажных и 1 покупная книжные записи.

Вкладные и другие виды книжных записей не имели никакой правовой силы (не известно никаких официальных разбирательств по поводу их порчи или уничтожения). Относительно же сохранности книг в избранном ими месте вкладчики в своих записях уповали лишь на традиционную христианскую этику и «Страшный суд». Удивительно, что, как правило, приобретая книгу с уже целым рядом дефектных записей (владельческих, покупных, продажных, вкладных и др.),

[1] *Пушков В. П., Пушков Л. В.* Книжные покупки жителей Калуги в лавке Московского печатного двора в XVII веке // Вопросы истории, культуры и природы Верхнего Поочья (Материалы XIII Всероссийской научной конференции). Калуга, 2009. С. 166–168.

люди продолжали их вкладывать, никоим образом не смущаясь обнаруженным беспорядком и не теряя надежды на «вечный поминок» вновь записанных ими людей. Думается, что известная доля моральной ответственности за порчу и перемену мест книжных вкладов лежит на церковных настоятелях и монастырских начальниках как главных получателей духовно-материальных ценностей («божественных книг»), которые, видимо, в качестве гарантов вклада часто появлялись в текстах записей. Но приёмники духовного руководства, дусается, уже не были отягощены подобными заботами (нередки случаи продажи ими старопечатных книг старообрядцам). Сам факт вклада обозначался достаточно разнообразно, но чаще словами «положил/вложил» и реже — «дал — приложил — отдал/отдана». Как правило, физически собственно саму запись производили не лично вкладчики, а другие лица (в основном духовенство).

За недостатком места ограничимся описанием рядом интересных вкладов.

Самую раннюю калужскую вкладную запись 25 декабря 1616 г. оформили три брата Феодосий, Евтихий и Трофим (свою фамилию они не назвали), «положив» в этот день Триодь постную 1607 г. «в дом к Николе чудотворцу, что на Подоле у Смирного двора при священниках при Петре да при Иове и им пожаловать наши имена поминать за здравия»[1]. Последний же вклад XVII в. Калуге был сделан 15 декабря 1699 г., когда «посадский человек» Ив. Иванов сын Лебеданцов Большой вместе с сыновьями Фёдором и Яковом внёс в Никольскую церковь сразу четыре месячные служебные Минеи 1646 г. выпуска (февраль — июнь — мюль — август), причём соответствующие записи были сделаны на каждой из этих книг[2]. Единственный уездный вклад 22 января 1646 г. сделал боровский «старец» Филипп Андреев, который «дал» Триодь постную «к Всемилостивому Спасу Преображению, что на реке Оке в Колуском уезде прозвища На Глубоком, по своих родителех в вечной поминок»[3]. По трём привлечённым нами каталогам царь Михаил Фёдорович «пожаловал» в Калугу три книги. 3 мая 1633 г. в Троицкий собор он отправил Устав церковный, вышедший из печати 20 февраля того же года, а 22 и 26 августа 1635 г. в Новодевичий монастырь были отосланы Шестоднев и Псалтырь с восследованием (книги соответственно вышли 16 мая 1635 и 8 сентября 1632 г.). Текст дарения был следующим: «Сию книгу пожаловал государь царь и великий князь Михаил Фёдорович всеа Русии в Колугу в Новой девич монастырь Пречистые Богородицы Казанские …а подписал сию книгу Приказу Большого Дворца подьячей Любим Асманов»[4].

Опишем несколько интересных случаев продажи церковных книг. Так, 17 сентября 1638 г. через восемь лет после выхода в свет Триоди постной священник Георгиевской церкви Феодос за 2,5 руб. «продал» её крестьянину Богдану Лукьянову сыну Иконнику из села Спасского калужской вотчины боярина Ив. Никитича Романова. Любопытно, что в 1635 г. эта самая книга уже была «положена» в Ильинскую церковь «мажеитиным» (жителем Можайска) Савой Лукьяновым в помин своей жены и родителей, причём особо отмечалось, чтобы в настоящем и будущем священники этой церкви относились бы к этой книге «бережно»[5], но, как видим, его надежды не оправдались. 28 января 1710 г. «колуженин» Сём. Григорьев сын Фалеев за 3 руб. «продал» отпечатанную в 1642 г. Триодь постную Фед. Семёнову сыну Агееву, который «отдал» её в Георгиевскую церковь «во веки неизносимо», однако на книге есть недатированная запись о её принадлежности Успенской церкви села Родогоща Камарицкой волости[6]. Впечатляет крупная продажа за 20 руб. полного круга 12 служебных месячных Миней, совершённая 23 декабря 1675 г., когда священники Воскресенской церкви Иван и Василий «с прихожены» продали их священнику Покровской церкви Тимофею, о чём соответствующую запись сделал её прихожанин Мих. Иванов (вып. 2, № 26.4).

Из покупных записей о приобретении церковных книг отметим две. Так, священник Георгиевской церкви Ив. Григорьев в Перемышле «на свои деньги» купил Требник 1633 г. у игумена местного Никольского монастыря Феодосия Милущки. После смерти священника эта книга, видимо, поступила в церковную казну, о чём говорит запись: «церкви великомученика Георгия,

[1] Московские кириллические издания … Вып. 1, № 12.1.
[2] Московские кириллические издания …Вып. 2. № 94.4, 96.1, 978.4, 82.5.
[3] Там же. № 76.4.
[4] Там же. № 22.1,44.3, 23.5.
[5] Там же. № 15.2.
[6] Там же. № 76.2.

что за лавками»[1]. Групповая покупка произошла 24 февраля 1715 г., когда «на церковные сборные деньги» прихожан Успенской церкви, «что в Ямской слободе», была приобретена Триодь цветная 1635 г. выпуска. Хорошо понимая, что в последующие годы этой записи грозит уничтожение, её автор священник Илларион Пименов сын Протопопов 27 октября 1715 г. записал в ней, что если «хто злым умышлением сие писание от книги сея изведёт», то его ждёт Суд Божий. Любопытно, что для особой сохранности купленной книги он зашифровал часть своей охранной записи: «а сию книгу не износите от Илии Пророка к иной церкви на положение (т. е. для вклада. — *В. П.*) или заложит, или продаст, …тому будет суд на Страшном суде»[2].

Выявив источниковый потенциал калужских книжных записей, в продолжение данной темы планируется на основе современных информационных технологий[3] привлечь к исследованию подготовленные под руководством проф. И. В. Поздеевой ряд других каталогов старопечатной книжности XVI–XVII вв. (по Ростово-Ярославской земле, Твери, Переславлю-Залесскому, Костроме, Пермскому краю и др.).

ШТРИХИ К ИСТОРИИ УСАДЬБЫ ПАНСКОЕ ПОД МАЛОЯРОСЛАВЦЕМ

В. И. Меленчук,
кандидат географических наук, доцент кафедры географии,
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского

22 июля 1922 г. местный краевед И. И. Бессонов создал в Малоярославце уездное отделение КОИД (Калужского общества истории и древностей), ставшее единственным во всей Калужской губернии. Зарегистрировано оно было по адресу: ул. Кисловская, д. № 4 [15]. Этот дом в несколько перестроенном виде и сегодня можно увидеть на ул. С. Разина в старой части города. По иронии судьбы, на протяжении нескольких лет часть его у И. И. Бессонова снимала семья моего прадеда, Лебедева Николая Яковлевича, здесь же в декабре 1925 г. родился мой дедушка — Анатолий Лебедев.

В обязанности членов общества входило пополнение коллекции предметов музейного значения, проведение экскурсионной работы и закрепление памятников истории и культуры на учёт Главнауки, участие в археологических раскопках [17; 18]. Проводилась работа и по созданию музея местного края. В 1924–1929 гг. Малоярославецкое отделение КОИД размещалось в бывшем имении генерал-майора Д. И. Кудрявцева — в сельце Панское [22]. Ещё в 1923 г. планировался снос деревянного усадебного дома и только благодаря усилиям местных краеведов этот ценный памятник архитектуры был сохранён.

Одним из участников местного отделения или «Бессоновского кружка», стал преподаватель черчения и чистописания А. Е. Дмитриев, с 1918 г. постоянно проживавший в Малоярославце и работавший в разных учебных заведениях города. В создателе кружка он обрёл наставника и учителя во многих краеведческих вопросах. В апреле 1926 г. И. И. Бессонов подарил молодому краеведу свою фотографию с надписью — «На долгую и добрую память Александру Ефимовичу Дмитриеву от оригинала».

31 октября 1928 г. в Москве состоялось заседание Общества Русской усадьбы, на котором калужский краевед С. В. Бессонов прочитал доклад о проблеме с бедственным положением усадебного дома в Панском. В следующем году он выпустил небольшую книжку (очерк), целиком посвящённую усадьбе центром которой и являлся двухэтажный деревянный дом. Обследование усадьбы и дома калужским краеведом было проведено при содействии Малоярославецкого

[1] Московские кириллические издания …Вып. 2. № 26.1.

[2] Там же. № 47.2.

[3] *Богданов В. П.* Создание базы данных «Записи на экземплярах старопечатной кирмллицы XVI–XVIII вв.»: первые результаты // Федоровские чтения-2011. М., 2012. С. 67–76.

отделения КОИД и лично его председателя И. И. Бессонова. Первоначальный план сада снял Н. Н. Кременский (сын первого малоярославецкого краеведа, священника Н. В. Кременского. — *В. М.*). Другой представитель КОИД — В. А. Корнаков, провёл обмеры усадебного дома и выполнил его фотографии, вошедшие в качестве иллюстраций в издание С. В. Бессонова [4].

На 1923 г. в «Бессоновском кружке» состояло десять участников, одним из которых был А. Е. Дмитриев. В «списке членов Малоярославецкого кружка любителей старины» по профессии он был записан как «художник прикладного искусства». В середине 1920-х гг. А. Е. Дмитриев сделал несколько рисунков усадебного дома. Известны выполненные им карандашный рисунок (рис. 1) и набросок акварелью. На карандашном рисунке хорошо различимы детали правого крыла дома. Помимо полукруглого павильона видна и небольшая открытая веранда.

В 1938 г. «группой местных историков», как пишет А. Е. Дмитриев, было обследовано городище при д. Панское, на котором были обнаружены следы железного века [2]. В 1939 г. при содействии и всесторонней поддержке директора Бородинского музея С. И. Кожухова А. Е. Дмитриев создаёт Малоярославецкий музей 1812 года и через некоторое время становится его директором [20]. Помимо территории города, краевед проявляет интерес и ко многим замечательным уголкам Малоярославецкого района, среди которых была, конечно же, и бывшая помещичья усадьба Панское.

Великая Отечественная война пощадила дом Кудрявцевых, в котором после оккупации разместился летний пионерский лагерь, а с 1945 г. был организован детдом для сирот войны. В период с 1950 по 1957 г. здесь был организован санаторий для детей, больных трахомой, а затем — санаторный детский дом для дошкольников [16].

Директор Малоярославецкого музея 1812 года А. Е. Дмитриев, продолжавший совмещать эту должность с работой в школе и учительница истории М. Соколова в октябре 1944 г. на страницах областной газеты «Знамя» отмечали: «*Малоярославецкий район богат историческими памятниками. Среди них бывший помещичий дом в дер. Панское, выстроенный в стиле “ампир“, весьма*

Рис. 1. Карандашный рисунок усадебного дома в Панском, выполненный краеведом А. Е. Дмитриевым в середине 1920-х годов. Публикуется впервые

распространённом у нас со времени Отечественной войны 1812 года. Этот дом взят на учёт Наркомпросом, как музей-усадьба, как памятник крепостной России начала XIX столетия.

Не приходится говорить о том, как заботливо мы должны беречь то, что уцелело, и всемерно стараться восстановить попорченное и разрушенное гитлеровскими разбойниками. Но, к сожалению, некоторые руководители районных организаций Малоярославца мало думают об этом. Печальное зрелище представляет в настоящее время "музей-усадьба" в Панском. Стёкла выбиты, рамы оторваны, нет ни одной двери, и ветер свободно гуляет по старинным залам. Если теперь же не принять решительных мер по организации охраны этого замечательного исторического памятника, то, несомненно, через некоторое время он будет растащен буквально по брёвнам» [9].

При разработке содержания лекций и подготовке к экскурсиям директор музея применял материалы собранные С. В. Бессоновым, дополняя их своими личными изысканиями. Не имея возможности использовать в краеведческой работе оригинал книги С. В. Бессонова «Усадьба Панское», 7 августа 1945 г. А. Е. Дмитриев снял с неё рукописную копию, включая и копии планов [23].

Новая волна активизации краеведческой работы пришлась на первые послевоенные годы. О необходимости этого говорилось на первой конференции краеведов Калужской области [14]. Однако уже в 1946 г. на малоярославецкой земле были разработаны краеведческие маршруты. В это время А. Е. Дмитриев был приглашён на собрание пионерского актива Малоярославецкой средней школы и написал об этом: «*Стоял вопрос о путешествиях по родному краю. Старшая пионервожатая Клава Иванова доложила о материалах, напечатанных по этому поводу в "Пионерской правде". Я рассказал ребятам о том, что замечательного имеется в нашем районе, и как построить краеведческую работу…*». Всего было намечено девять маршрутов путешествий связанных с доисторические временами, событиями 1812 г. (два маршрута), местами жизни А. Н. Радищева, по р. Лужа, в с. Спас-Загорье, Полотняный Завод и г. Боровск. Одним из направлений была выбрана экскурсия под названием «Дворянское гнездо — усадьба Панское» [10].

Ряд сохранившихся до нашего времени материалов позволяет представить некоторые из этих экскурсий и походов к бывшей усадьбе. Например, заметка в областной газете от 8 августа 1948 г. знакомит нас с содержанием одной из разработанных А. Е. Дмитриевым экскурсий:

«*Каждое лето Малоярославецкий музей 1812 года систематически проводит лекционно-экскурсионную работу со школьниками города, с пионерами Москвы, летние лагеря которых постоянно устраиваются в наших местах.*

Один из таких походов с ночёвкой был недавно организован совместно с Домом пионеров на Панское городище. Отправившись в путешествие рано утром, мы остановились на старом Бессоновском кладбище. Этот уголок, помимо красивых панорам, открывающихся с него на долину реки Лужи, замечателен тем, что здесь перекликаются три разных эпохи: доисторическое время, 1812 год и период Великой Отечественной войны…

В живописно расположенной на пригорке деревне Кариже устраиваем привал. Уже само название деревни говорит о седой древности. Осматриваем старинную церковь 1701 года.

Следующий привал — деревня Панское. Перед нами — высокий дом с антресолями. В центре него шестиколонный портик с балюстрадой. На высоте антресолей колонны пересекает балкон. Когда-то от самого дома шла прекрасная берёзовая аллея. Теперь она засохла. Но старики рассказывают, что в давние времена по барской затее на эти берёзы сажали музыкантов, чтобы маршем невидимого оркестра встречать и удивлять гостей.

Панский дом, построенный дочерью польского короля Станислава, вышедшей замуж за генерал-майора Кудрявцева, представляет собой памятник русского деревянного ампира. Мы рассказываем ребятам историю этого типичного "Дворянского гнезда", которому посвящена повесть местной уроженки писательницы Яковлевой "Ночная бабочка".

После осмотра дома направляемся сказочно красивым берегом Лужи на Панское городище…

Приступаем к разбивке лагеря. Одни ребята распрягают лошадей, другие готовят костёр, удочки, устанавливают фотоаппарат. После общей беседы начинаются завтрак и чай. Утром на месте пребывания лагеря устанавливаем памятную доску (деревянная табличка с указанием маршрута и даты. — *В. М.*).

И так постепенно, поход за походом (у нас 7 маршрутов) мы изучаем нашу великую Родину, достопримечательности своего района, его историческое прошлое. Это помогает нам лучше понимать настоящее, с ещё большей энергией строить будущее» [11].

Большой вклад в популяризацию усадьбы Панское внёс А. Е. Дмитриев, как член Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний и как лектор районного отдела культпросвет работы. Только в 1951 г. он прочитал более 60 лекций, которые прослушали свыше 3000 человек. Одна из тем этих лекций неизменно была посвящена бывшей усадьбе Кудрявцевых в Панском [5].

Сохранились фрагменты машинописной рукописи А. Е. Дмитриева о Малоярославце и окрестностях, датированные предположительно серединой или второй половиной 1950-х гг. Часть этого материала позже вошла в книгу о городе. Здесь мы читаем:

«*От Карижи тропинка круто спускается под горку, пересекает небольшой лужок и, выйдя из леса, полем, подходит к околице Панского. Позади колхозных домов, с правой стороны, идёт земляной вал со рвом. По валу стоят старые вётлы. Это граница старого парка. Пройдя с полкилометра, мы встречаем ворота, за ними в глубине аллеи виднеется старинный бывший барский дом, принадлежащий теперь советским ребятам, ставшим наследниками и хозяевами помещичьих угодий…*

Дом, занятый в настоящее время межрайонным детским домом Калужского областного отдела образования, среди местного населения остался известен под именем "Панского дома". Это типичное бывшее "дворянское гнездо" прекрасная иллюстрация к произведениям Гоголя, Пушкина, Тургенева…

После осмотра панского дома нужно побывать на панском городище. Красота природы здесь кажется сказочной. Это самое излюбленное место наших туристов для привалов и ночных стоянок. Здесь можно замечательно отдохнуть и покупаться, и порыбачить» [8].

Далее в рукописи следует фрагмент, не вошедший в книгу: «*Весь фасад имеет строгий вид. От него веет величием и парадностью дворца. От дома к реке спускаются аллеи акаций. Против портика, на краю обрыва, обвалившийся каменный грот. В знойные дни здесь искали прохлады. Дом стоит на покате, со стороны деревни он несколько ниже, чем со стороны реки. Портик также имеет шесть дорических колонн. Это придаёт фасаду какую-то уютность, интимность, простоту. Хорошо было на этом балконе пить чай, поджидать гостей и поглядывать, чтобы мужички и бабы не ленились в работе и были порасторопней.*

Но Кудрявцевы хотели, чтобы и мужики по праздникам пили чай. И вот было приказано перед каждой избой сделать беседку из акаций со скамеечками и столами в центре. Много таких беседок сохранилось до сих пор».

На страницах местной прессы (районной газеты «Искра», с 1962 г. переименованной в «Маяк» — прим. В.М.) Александр Ефимович делился с читателями информацией о проведённых краеведческих походах. В них принимали участие учащиеся, отдыхающие во время летних каникул в пионерских лагерях, расположенных в окрестностях Малоярославца. Обязательным был маршрут в д. Панское, являвшийся продолжением экскурсии по городу (рис. 2). Рассказы о прошлом помещичьей усадьбы включали повествование о посещении её Н. В. Гоголем и А. С. Пушкиным (эту версию горячо поддерживал краевед. — *В. М.*) [12]. В неопубликованной части рукописи краевед также делится воспоминаниями о 1920-х гг.: «*Нам пришлось застать ещё в живых старушку няню Кудрявцевых, доживавшую свой век в брошенном доме. Она рассказывала, как проездом в Полотняный завод в Панское заезжали Пушкин и Гоголь*» [23].

Об особом и трепетном отношении директора музея к экскурсиям в бывшую усадьбу Кудрявцевых в беседах с автором этих строк неоднократно вспоминали почётные граждане Малоярославца П. Г. Семёнов и А. Г. Горюшкина, бывшие ученики А. Е. Дмитриева.

Важное событие произошло 16 апреля 1958 г. В этот день А. Е. Дмитриев имел беседу с директором Панского детского дома, который объяснил, что здание бывшего усадебного дома постройки 1814 г. в стиле «русский деревянный ампир» разобрано до основания с разрешения архитектора В. А. Фёдорова. Краевед был очень обеспокоен тем, что без отсутствия надзора за восстановлением со стороны «квалифицированного лица» будут внесены неточности в восстанавливаемую конструкцию [23]. На фотографии выполненной сыном Александра Ефимовича, Владимиром, можно увидеть вновь собранный на старом фундаменте дом (рис. 3). К сожалению, опасения А. Е. Дмитриева оправдались. Дом был возведён с частичной перепланировкой и нарушением ряда пропорций.

Рис. 2. Краевед А. Е. Дмитриев (в центре снимка, опирается локтем на декоративный вазон) с одной из экскурсий у входа в бывший усадебный дом Панское. Середина 1950-х гг. Публикуется впервые

Рис. 3. Усадебный дом собранный заново на старом фундаменте в 1958 г. и обшитый тёсом. Фото В. А. Дмитриева из цифрового архива автора. Публикуется впервые

Благодаря неутомимой краеведческой деятельности у директора музея появились сподвижники и среди учителей города. Например, учительница географии школы № 2 Л. В. Забельская (дочь учителя физкультуры В. В. Забельского, коллеги Дмитриева по школе). При консультационной помощи краеведа экскурсии и походы по малоярославецкой земле проводились пешком и на велосипедах, зимой — на лыжах. Самыми интересными и запоминающимися были экскурсии в населённые пункты Радищево, Спас-Загорье, Ерденево, Панское, в Боровск, Медынь, Балабаново, Полотняный Завод, Кондрово, к истокам реки Лужи. При этом юные туристы-краеведы «*...собрали большой материал по природе, истории и хозяйству района. Сделали много фотоснимков, зарисовок. Собрали гербарии растений, коллекции пород. Все материалы были предоставлены в Калужскую областную детскую экскурсионно-туристскую станцию. Жюри этой станции признало представленные материалы лучшими в области и дало им высокую оценку*» [6].

В 1960 г. вышла книга «Малоярославец», написанная краеведом А. Е. Дмитриевым и журналистом В. М. Беспаловым на основе собранных материалов о природе и истории местного края. Тираж в 5000 экземпляров разошёлся в считанные недели. На долгое время это небольшое издание стало настольной книгой среди жителей города и района. Авторы получили множество положительных рецензий из разных уголков страны, в том числе и на страницах журнала «Огонёк» [19].

В книге помимо краткого описания бывшей усадьбы упомянута и версия образования названия населённого пункта, якобы от польского происхождения хозяйки дома. Однако эта версия легко опровергается картографическими материалами периода генерального межевания, в которых на 1782 г. населённый пункт уже называется как «д. Панская», а хозяйка С. А. Кудрявцева (до замужества — Трощинская) прозванная «панной» появилась в этих местах не ранее 1810 г. [1].

В этом же году тиражом 7000 экземпляров были выпущены крохотные памятки «Панское. Памятник архитектуры XIX века», распространявшиеся через Малоярославецкий музей 1812 года. В них говорилось: «*Если с фасада дом несколько суховат, колонны не совсем пропорционально удлинены, то с противоположной стороны дом имеет более интересный и уютный вид. Здесь он двухэтажный, так как над окнами основного этажа находятся антресоли, в центре также устроен портик, фронтон которого опирается на шесть дорических колонн*» [21]. При оформлении обложки была использована фотография «Фасад дома от въезда» из очерка С. В. Бессонова.

В год 150-летия Отечественной войны 1812 года и по многочисленным просьбам со стороны читателей издание «Малоярославец» доработанное и исправленное было выпущено 20 000 тиражом. Специально для него краеведом Дмитриевым были выполнены карты-схемы. Одна — обзорная для территории района, а вторая — с обозначением туристских маршрутов начинающихся в Малоярославце. Именно эти схематичные карты оказали большую помощь многим туристам и краеведам на начальном этапе знакомства с родным краем. На карте-схеме «Памятных мест в окрестностях города Малоярославца» среди рекомендуемых для посещения объектов обозначено и Панское, указано на наличие в нём древнего городища и дома Кудрявцева, архитектурного памятника 1814 г. Упоминается, что в 1812 г. в этих местах была ставка атамана М. И. Платова [3].

С 24 по 29 июля 1962 г. калужская земля принимала VIII Всероссийский слёт юных туристов-краеведов. Лагерь туристов съехавшихся со всех уголков Советского Союза расположился под Малоярославцем в живописном бору у д. Скрипорово. И место это выбрано было не случайно, при непосредственном участии А. Е. Дмитриева, который в 1923–1929 гг. по совместительству работал в Скрипоровской детской школе колонии. Именно Александр Ефимович подготовил к этому важному для Малоярославца событию юных гидов, десятиклассников средней школы № 1, проводивших экскурсии для многочисленных гостей, в том числе в Карижу и далее — в Панское.

В 1962 г. в прессе освещались события о торжественных мероприятиях в Малоярославце. В областной газете «Знамя» публиковалась информация об открытии памятных обелисков в самом городе (на Монастырской площади и на Московской улице — прим. В.М.), в с. Спас-Загорье, дд. Радищево и Панское [7]. Следует уточнить, что первый обелиск в д. Радищево посвящённый писателю А. Н. Радищеву по инициативе А. Е. Дмитриева был открыт ещё в 1949 г. — вначале временный деревянный, позже заменённый капитальным. До наших дней он не сохранился. Ныне на этом месте памятный знак с надписью: «Здесь на Немцовских высотах 12–13 (24–25) октября 1812 г. было остановлено вторжение армии Наполеона в Россию». В Панском же был открыт

не обелиск, а памятная доска на стене бывшего усадебного дома. Надпись на ней гласила: «12/24-X-1812 г. здесь находилась ставка казачьего атамана М. И. Платова».

В последние годы жизни краевед, испытывавший проблемы со здоровьем, лишь изредка проводил небольшие экскурсии по берегу р. Лужи до Панского. Среди побывавших на них были близкие друзья и некоторых из бывших учеников. В этих экскурсиях-прогулках участвовали создатель коллектива русских народных инструментов А. Н. Пожарский, художник и скульптор Ю. Р. Гржешкевич и др.

В 1965 г. А. Е. Дмитриева ушёл из жизни и, к большому сожалению, уже не нашлось другого такого краеведа, который бы также увлекательно и регулярно проводил экскурсии в этот удивительный уголок окрестностей Малоярославца.

Прошли годы, в 1991 г. детский дом был расформирован, а усадьба пришла в запустение. В 1993 г. была предпринята попытка использовать двухэтажный деревянный усадебный дом под туристическую базу. Вот как об этом говориться в небольшом буклете, выпущенном Калужской областной станцией юных туристов: «*“Панское” может стать исходной и конечной точкой многодневных походов по Калужской области и прилегающим районам Московской… В окрестностях базы можно проводить туристские слёты и соревнования по спортивному ориентированию. Имеются крупномасштабные спортивные карты близлежащих окрестностей».* Предполагалось использование турбазы и в зимнее время: *«Лыжные трассы в долине р. Лужи удобны и живописны. Целебный воздух, первозданная тишина, прекрасные леса, чистые воды реки — красавицы Лужи, окрестности, богатые памятниками истории культуры, — вот чем влечёт к себе туристическая база “Панское”*» [13].

Какое-то время на территории усадьбы был сторож, помощниками которому были несколько собак. Но в последнее десятилетие дом пустовал, охраны и надзора не было. Всё трагически завершилось 10 апреля 2019 г. Дом, вновь возведённый в 1958 г. на фундаменте своего исторического предшественника, сгорел дотла, а Калужская область лишилась ещё одной из своих архитектурных жемчужин.

Нам же остаётся вспоминать образ усадебного дома лишь благодаря литературным произведениям, фотографиям, кинокадрам и видеозаписям, запечатлевшим красоту Панского в разные исторические периоды. Автор этих строк в обозримом будущем планирует часть подобных материалов включить в предстоящие документальные фильмы о краеведе А. Е. Дмитриеве и о событиях Великой Отечественной войны в Малоярославце. Несомненно, актуальным на сегодняшний день остаётся вопрос: найдутся ли желание, силы и средства для воссоздания усадебного дома на месте его исторического предшественника?

Список литературы

1. Атлас Калужского наместничества. 1782. СПб., 1782.
2. *Беспалов В. М., Дмитриев А. Е.* Малоярославец / В. М. Беспалов, А. Е. Дмитриев. Калуга: Кн. изд-во, 1960.
3. *Беспалов В. М., Дмитриев А. Е.* Малоярославец / В. М. Беспалов, А. Е. Дмитриев. 2-е изд., испр. и доп. Калуга: Кн. изд-во, 1962.
4. *Бессонов С. В.* Усадьба Панское / С. В. Безсонов; О-во изучения русской усадьбы. М.: О.И.Р.У., 1929 (Калуга: гостип. ГСНХ).
5. *Владимиров. Б.* Педагог, историк-краевед // Знамя. 1952. № 6 (10438). 8 января.
6. *Владимиров. Л.* Вечер туристов-краеведов // Искра. 1960. № 12 (4169). 29 января.
7. *Воробьёв П.* В древнем Малоярославце // Знамя. 1962. № 247 (13505). 19 октября.
8. *Дмитриев А. Е.* Малоярославец. Рукопись. Из личного цифрового архива автора.
9. *Дмитриев А., Соколова М.* В Малоярославце разрушают исторические памятники / Знамя. 1944. 15 октября.
10. *Дмитриев А. Е.* По родным местам. План туристских походов малоярославецких школьников / Знамя. 1946. № 112 (8952). 21 мая.
11. *Дмитриев А. Е.* По историческим местам / Знамя. 1948. № 157 (9557). 8 августа.
12. *Дмитриев А. Е.* В музее 1812 года / Знамя. 1956. № 85 (3620). 15 июля.

13. Калужская областная станция юных туристов (1953–1993). Буклет. Калуга, 1993.
14. Конференция калужских краеведов / Знамя. 1948. № 72 (9472). 10 апреля.
15. Краеведные учреждения СССР. Второе издание. Ленинград: Кн. изд-во, 1927. С. 30.
16. Из истории малоярославецких усадеб / Л. А. Бацанова и др.; под ред. Е. А. Назарян. Малоярославец: Виноградная лоза, 2014. С. 208.
17. *Меленчук В. И.* Малоярославецкий краевед Николай Павлович Ильин // Научные труды Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского: материалы докладов естественно-научных секций региональной университетской научно-практической конференции. Сер. «Естественные науки». Калуга, 2017. С. 430–439.
18. *Меленчук В. И.* Первый малоярославецкий краевед // Научные труды Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского. Калуга: Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, 2016. С. 50–58.
19. *Меленчук В. И.* Первая советская краеведческая книга о Малоярославце. (К 120-летию со дня рождения учителя и краеведа А. Е. Дмитриева) // Правовые, социально-экономические и духовно-нравственные аспекты молодёжного развития в современной России: материалы XVI Всероссийских научно-практических чтений памяти А. Н. Радищева. Малоярославец: Калужский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА, 2016. С. 79–88.
20. *Меленчук В. И.* Из истории краеведческой работы и туризма на Малоярославецкой земле // Вестник Калужского университета. Калуга. 2016. № 4. С. 62–79.
21. Панское. Памятник архитектуры / сост. К. Алексеева; ред. И. Ершова. Калуга: Калужская областная типография областного управления культуры, 1960.
22. *Суворова Е. В.* Малоярославецкое уездное отделение Калужского общества истории и древностей в деле сохранения памятников 1812 года и создании музея местного края // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях: материалы Всероссийской научной конференции. Малоярославец: ОАО «Малоярославецкая типография», 2005.
23. Цифровой архив автора.

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ ГРАВЮРЫ «СВЯТОЙ ИАКОВ СТАРШИЙ» И «СВЯТОЙ МАРК ЕВАНГЕЛИСТ» ИЗ СОБРАНИЯ ТАРУССКОЙ КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕИ

В. Д. Павельева,
научный сотрудник, Калужский музей изобразительных искусств

Одной из важнейших задач исследования, на мой взгляд, является демонстрация произведений, которые хранятся в фондах музея. Это позволяет их впервые представить, ввести в научный оборот, сделать вклад в наиболее полное представление о коллекции музея и, разумеется, привлечь к ним внимание специалистов.

В собрании Тарусской картинной галерее хранятся произведения западноевропейского искусства, в том числе и графика. Произведения западноевропейского искусства поступили из частного собрания. Оно принадлежало Николаю Петровичу Ракицкому (1888–1979), учёному-агроному, жившему в Тарусе с 1926 года.

В данной статье будут рассмотрены два произведения. Это гравюры с изображениями святых — апостола Иакова Старшего[1] (рис. 1) и евангелиста Марка[2] (рис. 2). Предпринимаются первые попытки описания и атрибуции данных предметов. В настоящее время я считаю необходимым описать данные произведения и, основываясь на этом, сделать предварительные выводы о времени и месте создания произведений.

Автором данных гравюр, согласно данным инвентарной книги Тарусской картинной галереи, является немецкий гравёр Франц Бохольд (Франц фон Бохольт). Однако, художественные особенности данных произведений говорят о том, что они не могли быть выполнены мастером

[1] Инвентарный номер: ТГ-111.
[2] Инвентарный номер: ТГ-112.

Рис. 1. Неизвестный мастер.
Святой Иаков Старший. Гравюра. XVII век (?)

Рис. 2. Неизвестный мастер.
Святой Марк Евангелист. Гравюра. XVII век (?)

XV века, в манере которого обнаруживаются черты, характерные для готического искусства. Их можно отнести к произведениям, созданным в более поздние эпохи.

Обратимся к первой гравюре, которая фигурирует в инвентарной книге под названием «Христос». Однако, данная гравюра является изображением не Христа, но святого Иакова Старшего, одного из двенадцати апостолов, брата Иоанна Богослова. Святой Иаков Старший — один из наиболее почитаемых святых в Западной Европе. Его смерть упоминается в Новом Завете — он был усечён мечом в Иерусалиме в 44 году по приказу Ирода Агриппы. В Испании, где его называют Сантьяго, с IX века хранились его мощи в монастыре Сантьяго-де-Компостела. Этот город был важнейшим центром паломничества в Средние века. По этой причине святой Иаков является покровителем паломников. В западноевропейской иконографии он изображается в одеянии пилигрима, с посохом в руках. Одним из характерных для него символов — ракушка морского гребешка, бывшая символом паломничества. Вернувшиеся из странствий паломники привозили с собой раковины, которых было множество на побережье в окрестностях этого монастыря.

В данном произведении апостол изображён с характерными для него атрибутами. Его фигура дана в профиль, а голова — в трёхчетвертном развороте влево. В одной руке он держит посох, в другой — книгу. Поверх одежды накинут плащ. Сзади — широкополая шляпа с ракушками, а также с изображениями скрещённых посохов. Под фигурой апостола расположена лента с текстом на немецком языке, написанном готическим шрифтом: «Welcher empfa(n)gen ist von den Heil. Geiste, / gebohren von der Jüngfrau Maria[1]». Это перевод стиха из Апостольского Символа Веры. Согласно Средневековым представлениям, каждый стих из него был связан с определённым апостолом. Именно этот принадлежал святому Иакову Старшему. В данном стихе речь идёт о Христе, с чем, вероятно, и связана ошибочная атрибуция произведения как изображения Христа.

В нижней части гравюры, под надписью, помещена сюжетная сцена. Это сцена казни святого Иакова. В центре изображена фигура святого. Над его головой — нимб. Справа от него стоит

[1] Который был зачат Святым Духом, рождён Девой Марией (нем.).

палач, занёсший над ним меч. Позади изображена толпа, наблюдающая за происходящим. Эта сцена помещена в соответствии с преданием о мученической кончине святого Иакова.

В настоящее время пока не установлен автор данной гравюры. Однако можно предположить, что она является частью обширного корпуса произведений, связанных с творчеством прославленного художника Петера Пауля Рубенса и его последователей. Известно, что многие живописные произведения Рубенса воспроизводились другими мастерами в гравюре. Образы апостолов из знаменитой серии полотен 1612 года были исполнены гравёром Николасом Рейккемансом в XVII веке[1]. Среди его работ есть и образ святого Иакова Старшего. Отмечается, что образ апостола в произведении Рубенса имеет сходство с итальянской гравюрой Маркантонио Раймонди, созданной на основе композиции Рафаэля на тот же сюжет[2]. Можно отметить сходство между этой гравюрой и тарусской, особенно в трактовке фигуры, одеяния и атрибутов, однако, решение лика различается. Вероятно, что тарусская гравюра была результатом соединения элементов из разных источников.

Рассмотрим вторую гравюру — «Святой Марк Евангелист». Святой Марк — апостол от семидесяти, был автором одного из четырых Евангелий и учеником апостола Петра. Святой Марк, облачённый в одежды, подобные античным, изображён работающим за письменным столом, который находится в комнате. Обстановка комнаты воспроизведена с большим вниманием к деталям повседневного быта, что характерно именно для искусства Северного Возрождения. У его ног справа лежит лев — атрибут святого. Надпись, помещённая в нижней части листа, следующая: «Das Bildnis dieses Evangelisten, ist en alten Bibliotheken zu sehn. Er war ein Discipul Petri[3]».

На тарусской гравюре отсутствует указание на имя создателя гравюры. Однако, удалось обнаружить идентичную композицию, в которой наличествует подпись гравёра. Гравюра с изображением святого Марка[4] была исполнена немецким гравёром Петером Трошелем[5] для так называемой «Kurfürstenbibel». Впервые изданной в 1641 году в Нюрнберге по заказу герцога Эрнста I Саксен-Готского. Она выдержала несколько изданий на протяжении XVII–XVIII веков. В некоторых изданиях располагались гравюры с изображениями четырёх евангелистов в начале каждого Евангелия. Они сопровождалась небольшим пояснительным текстом. Данную гравюру можно увидеть в издании 1653 года. Петер Трошель не был автором композиции, о чём говорит его подпись — «P. Troschel sculpsit». Он создал гравюру на основе работы другого мастера. Это была весьма распространённая практика в то время.

Гравюра Трошеля является несколько изменённой версией более ранней гравюры, исполненной известным голландским мастером Криспином ван де Пассе на рубеже XVI и XVII веков. Так, Трошель отказался от ряда элементов, при этом точно воспроизведя облик самого святого и льва. Первоисточником для работы этого мастера послужила композиция знаменитого нидерландского мастера эпохи Возрождения — Луки Лейденского[6]. След, который Лука Лейденский оставил в истории западноевропейского искусства, был весьма заметным. Он был известен не только как живописец, но и гравёр. Созданные им графические работы высоко ценились уже при жизни мастера и оказали большое влияние не только на современников, но и на мастеров последующих эпох[7].

Композиции обоих гравюр идентичны, за исключением небольших расхождений, что характерно при исполнении копии другим мастером. Надпись, которая сопровождает тарусскую

---

[1] Nicolaas Ryckemans. Saint James the Greater (URL: https://harvardartmuseums.org/collections/object/279599?position=3) (Дата обращения: 11.05.2021).

[2] Susan Urbach. Preliminary Remarks on the Sources of the Apostle Series of Rubens and Van Dyck. RACAR: Revue D'art Canadienne / Canadian Art Review, vol. 10, no. 1, 1983, pp. 5–22. (URL: www.jstor.org/stable/42630973). (Дата обращения: 10.05.2021).

[3] Образ этого евангелиста можно увидеть в старинных библиотеках. Он был учеником апостола Петра (нем.).

[4] Drucke des 17. Jahrhuderts (VD17)/ Biblia, Das ist/Die gantze Heil. Schrifft (URL: http://digitale.bibliothek.uni-halle.de/vd17/content/pageview/8471346) (Дата обращения: 12.05.2021).

[5] Петер Трошель (нем. Peter Troschel) (около 1620–1667) — гравёр из Нюрнберга.

[6] Evangelist Marcus. Crispijn van de Passe (URL: https://www.rijksmuseum.nl/nl/collectie/RP-P-1978–19) (Дата обращения: 11.05.2021).

[7] Bart C. Filedt Kok J. P. The Taste for Lucas Van Leyden Prints." Simiolus: Netherlands Quarterly for the History of Art, vol. 26, no. 1/2, 1998, pp. 18–86. (URL: www.jstor.org/stable/3780871) (Дата обращения: 10.05.2021).

гравюру, является сокращённой версией текста, помещённого на гравюре Трошеля. Таким образом, можно говорить о том, что существует несомненная связь между двумя произведениями.

На данный момент возможно сделать пока предварительные выводы относительно датировки и места создания произведений. Основываясь на стилистических особенностях произведений, можно предположить, что данные гравюры были выполнены не ранее середины XVII века. Место создания, очевидно, связано с немецкоязычными регионами. Предположительно, это южные немецкие области, с наибольшей долей вероятности — Бавария. Судя по всему, обе гравюры являются не самостоятельными графическими листами, но существовали в качестве книжных иллюстраций религиозной литературы (Библии, молитвенников и т.д.). Данные гравюры, видимо, происходят из разных книг. Работа над атрибуцией произведений будет продолжаться в ближайшее время.

Список литературы

1. *Холл Д.* Словарь сюжетов и символов в искусстве / пер. с англ. и вступ. ст. А. Майкапара. М.: Крон-Пресс, 1996.

Электронные ресурсы

1. Тарусская картинная галерея (URL: http://artmuseum.kaluga.ru/info/info_fil/info_fil1/) (Дата обращения: 11.05.2021)
2. Bart C. Filedt Kok J. P. The Taste for Lucas Van Leyden Prints. Simiolus: Netherlands Quarterly for the History of Art, vol. 26, no. 1/2, 1998, pp. 18–86. (URL: www.jstor.org/stable/3780871) (Дата обращения: 10.05.2021)
3. Drucke des 17. Jahrhuderts (VD17)/ Biblia, Das ist/Die gantze Heil. Schrifft (URL: http://digitale.bibliothek.uni-halle.de/vd17/content/pageview/8471346) (Дата обращения: 12.05.2021)
4. Evangelist Marcus. Crispijn van de Passe (URL: https://www.rijksmuseum.nl/nl/collectie/RP-P-1978–19) (Дата обращения: 11.05.2021)
5. Nicolaas Ryckemans. Saint James the Greater (URL: https://harvardartmuseums.org/collections/object/279599?position=3) (Дата обращения: 11.05.2021)
6. Peter Troschel | British Museum (URL: https://www.britishmuseum.org/collection/term/BIOG48888) (дата обращения: 10.05.2021)
7. Urbach S. Preliminary Remarks on the Sources of the Apostle Series of Rubens and Van Dyck. RACAR: Revue D'art Canadienne / Canadian Art Review, vol. 10, no. 1, 1983, pp. 5–22. (URL: www.jstor.org/stable/42630973). (Дата обращения: 10.05.2021)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ ПОЗДНИХ ПЕРЕДВИЖНИКОВ НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИЗ ФОНДОВ КАЛУЖСКОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ

Ю. С. Заложных,
заведующая экспозиционно-выставочным отделом,
Калужский музей изобразительных искусств

Художники-передвижники — одно из самых известных творческих объединений в русском искусстве, существовавшее до 1923 г. Широкой публике хорошо знакома их деятельность периода расцвета с 1870-х по 1890-е гг. Необходимо отметить, что творчество передвижников в последующие десятилетия обычно остаётся без такого пристального внимания, хотя и совершенно незаслуженно. В настоящей статье мы бы хотели коснуться данного вопроса и проследить основные тенденции художественных поисков поздних передвижников (с 1890-х по 1920-е гг.) на примере произведений из собрания КМИИ.

Развитие позднего передвижничества проходило в новых исторических условиях. Кроме изменений в социально-политической сфере, на «рубеже двух веков коренным образом меняются эстетические представления. Одной из важнейших задач времени становиться необходимость выработать новый пластический язык»[1]. Прежде всего это связано с исканиями импрессионистов, чьи

[1] *Неклюдова М. Г.* Традиции и новаторство в русском искусстве конца XIX — начала XX века. М.: Искусство, 1991. С. 75.

открытия приходят в Россию в 1880-е гг., сразу оказывают серьёзное влияние на развитие новых художественных направлений и находят большое число последователей среди русских мастеров. Импрессионизм с его стремлением уйти от традиционного изображения реальности, перенести на холст мимолётное впечатление, передать изменчивость окружающей действительности, наполнить работы светом и воздухом и запечатлеть настроение затрагивает творчество и ряда художников-передвижников. Специалисты отмечают, что наиболее значительные произведения рубежа веков «создаются теми передвижниками, которые особенно чутко откликнулись не только на социальные запросы времени, но и на новые эстетические тенденции»[1]. Важно отметить, что, не смотря на изменившееся понимание формы, сюжет и социальная обусловленность искусства для передвижников по-прежнему продолжают играть значительную роль. Так эстетическая программа поздних передвижников включала в себя: демократизм, введение искусства в гущу современных событий, ориентацию на передачу наибольшей жизненной убедительности, социальную заострённость содержания, поиски нового формотворчества, методов работы, новых тем и героев.

Деятельность передвижников в этот период имела широкий общественный резонанс. На рубеже веков работает много молодых художников, часть из которых является членами ТПХВ, а часть, не входя в состав товарищества, была близка идейно. Лучшие из них, восприняв заветы классиков передвижничества, создавали оригинальные работы с определёнными новыми качествами (С. Коровин, А. Архипов, Н. Касаткин и др.). Очень существенным фактом является то, что все крупные русские художники начала века в той или иной мере оказывались в сфере влияния передвижников и взаимодействовали с ними (И. Репин, В. Серов, Б. Кустодиев)[2]. Безусловно, что наследие позднего передвижничества неоднородно и неравноценно. Были и откровенно слабые работы, с преобладанием произведений с уклоном в этическое морализаторство в ущерб художественным качествам. Не обошло стороной и угождение обывательским вкусам и созданию произведений на потребу публике. Но всё-таки многие работы передвижников конца XIX в. — начала XX в. с их ориентацией на строгую взыскательность, стремление рассказать правду жизни и глубокое изучение действительности смогли отразить сущностные стороны современности, социальные проблемы и типичные образы, достигнув значительной силы воздействия на зрителя.

Позднее передвижничество знаменовало наступление нового этапа в развитии реализма. Можно отметить его следующие характерные черты: произведения в большинстве своём лишены повествовательности, развёрнутого изложения сюжета и конкретной характеристики персонажей старших передвижников, выразительность картины достигалась через лаконичные композиционные приёмы, отмечалось стремление к эмоциональному восприятию замысла и получению общего впечатления. Меньшее внимание уделялось портретному жанру, шло возрастание роли пейзажа, в котором усиливалась поэтическая интерпретация увиденного и передача общего настроения. Более того, пейзаж получает ведущую роль в создании общей смысловой тональности работы. Отсюда более широкое признание получает этюд, который теперь воспринимается как вполне законченное произведение, написанное с натуры и экспонируемое наравне с картинами. С технической точки зрения идёт высветленные палитры и поиск новых способов колористической выразительности[3].

Пейзаж

Примером развития пейзажа-этюда является творчество выдающегося художника В. Поленова (1844–1927), который в своих работах открыл зрителям притягательную красоту национальной природы. В фондах музея хранится небольшая картина *«Лес и поле»*[4]*, 1904* (рис. 1), поступившая из Государственного музейного фонда в 1925 г. Работа, выполненная в эскизной манере без тонкой проработки деталей, показывает наступление летнего вечера на лесной поляне. Условно решены деревья переднего плана и убегающая вглубь картины тропинка. Лёгкий, праздничный колорит, построенный на оттенках лимонно-жёлтого, оранжевого и травянисто-зелёного, гармонично сочетается с розовыми

[1] *Неклюдова М. Г.* Указ. соч. С. 136.

[2] Там же. С. 143, 151.

[3] См.: Товарищество передвижных художественных выставок. 1869–1899. Письма, документы. В 2-х кн. Кн. 1 / ред. С. Н. Гольдштейн. М.: Искусство, 1987. С. 25.

[4] Инв. Ж-103. Лес и поле (Полесок). 1904 г. Картон, бумага, масло, 25×44 см.

Рис. 1. В. Поленов «Лес и поле». 1904 г.

Рис. 2. Н. Дубовской» Красная поляна». 1912 г.

всполохами на небе. Работа наполнена радостной поэтизацией русской природы, всем своим строем, как бы, отражая душевное состояние художника в момент её создания. Картина с идентичным названием была выставлена В. Поленовым на 32-й выставке ТПХВ в 1904 г.

В начале XX в. продолжается развитие и другого типа пейзажа широкого эпического склада — пейзажа-картины. Принципы которого наиболее отчётливо проявились в работах Н. Дубовского (1859–1918), молодого представителя передвижников, вступившего в ТПХВ в 1880-е гг. Характерным примером является произведение *«Красная поляна»*[1]*, 1912* (рис. 2), где мастер, используя достижения в области пленэрной живописи, работает в светлой и радостной красочной гамме, проявляет интерес к состоянию воздуха, солнечного света, передаче пространства, одновременно показывая в небольшом по размерам формате масштабность и величие гор и размеренную жизнь людей рядом с ними.

Импрессионистические искания поздних передвижников наиболее ярко проявились в произведениях С. Жуковского (1873–1944) — картина *«Весна»*[2], *1909* (рис. 3) и П. Петровичева (1874–1947) с произведением *«Первый снежок»*[3]*, 1902* (рис. 4). В которых с особой поэтической силой и взволнованностью передана непосредственность и свежесть восприятия натуры в момент смены времени года. Пастозность мазков, особая материальность и плотность фактуры, многослойность письма — основные художественные приёмы, помогающие добиться поставленных задач. Близок к ним, но в тоже время совершенно по-своему работал один из интереснейших художников этого периода, входивший в состав ТПХВ, Л. Туржанский (1875–1945). *«Мурманский пейзаж»*[4]*, 1905* (рис. 5) которого представляет собой изображение непритязательной в своей простоте, но при этом показанной трогательно суровой северной природы. Художественное решение построено на сложном колорите с преобладанием землистых цветов, энергичной манерой работы, лаконичной композицией и минимализмом деталей.

Талантливым русским живописцем, выступавшим последователем традиций реализма, был сын известного передвижника В. Маковского, А. Маковский (1869–1924). Его работа *«Гуси»*[5]*, 1902* (рис. 6), относящаяся к этапу творческой зрелости мастера, показывает зрителю

[1] Инв. Ж-355. Красная поляна.1912. Холст, масло. 31×37 см.
[2] Инв. Ж-298. Весна. 1909. Холст, масло. 115×75 см.
[3] Инв. Ж-1305. Первый снежок. 1902. Картон, масло. 53,5×36,2 см.
[4] Инв. Ж-1303. Мурманский пейзаж. 1905. Холст, масло. 39,9×73 см.
[5] Инв. Ж-114. Гуси. 1902. Дерево, масло. 27×41 см.

Рис. 3. С. Жуковский «Весна». 1909 г.

Рис. 4. П. Петровичев «Первый снежок». 1902 г.

Рис. 5. Л. Туржанский «Мурманский пейзаж». 1905 г.

пройму небольшой реки, где на берегу пасётся выводок гусей в момент начала грозы. Используя активный свето-теневой контраст, мастер смог добиться необычного оптического эффекта. На пейзаже мы видим и миг резкого потемнения, какой обычно бывает перед наступлением непогоды, и ещё сохраняющиеся отголоски солнечного света, на которые уже стремительно наступает тень. Гармонична и изыскана цветовая гамма работы: болотно-изумрудная зелень травы, охристая поверхность холма, синевато-фиолетовое небо.

Рис. 6. А. Маковский «Гуси». 1902 г.

Рис. 7. А. Корин «Опять провалился». 1891 г.

Рис. 8. А. Корин «Возвращение». Кон. XIX — нач. XX в.

Бытовой жанр

В этот период новый виток развития продолжает бытовой жанр. Внимание целого ряда поздних передвижников привлекает жизнь трудовой интеллигенции и передовой части общества, в частности художественной и учащейся молодёжи. Создаются картины, раскрывающие жизнь современной деревни со всеми её противоречиями. Одним из первых в этом ряду — художник А. Корин (1865–1923), продолжающий линию развития жанра в небольших лиричных по тону картинах на сюжеты из повседневной российской жизни без остроты и многообразия сюжета, но с психологической тонкостью, мягкостью интонации.

Произведение *«Опять провалился»*[1]*, 1891* (рис. 7) из собрания КМИИ написано А. Кориным вскоре после окончания училища. В 1891 г. художник впервые участвует на XIX передвижной выставке ТПХВ, где выставляет эту работу. На картине изображена сцена из жизни простой городской семьи. Главный герой — юноша, провалившийся на очередном экзамене в гимназии. Тонко и с большой долей психологизма передан художником образ матери, обречённо облокотившейся на ручку кресла. Прототипом для неё стала тёща художника — А. Ф. Аммосова. Мастер уделил большое внимание деталям обстановки и предметам интерьера, работающим на создание достоверности представленной сцены и усиливающим смысловую характеристику.

Ещё одна картина художника *«Возвращение»*[2]*, кон. XIX — нач. XX в.* (рис. 8) принадлежит к числу последних работ. Её сюжет прост: за косогором изображён небольшой каменный храм с шатровой колокольней, откуда после богослужения возвращаются мужчина в возрасте, женщина и девочка. Картина, выдержанная в светлых тонах, создаёт ощущение спокойствия и лёгкой грусти. Способствует этому контрасты света и тени на переднем плане умело переданные художником.

Поздним передвижником, занимавшимся вместе с Н. Дубовским, А. Степановым и Н. Касаткиным руководством ТПХВ, был ученик В. Поленова В. Бакшеев (1862–1958). Причём в начале своего творчества он больше работал как жанрист, а после революции ведущим руслом его творчества стал пейзаж. В КМИИ хранится небольшой этюд мастера *«Крестьянка с косой» к картине «Перед приездом господ»*[3]*, 1900* (рис. 9), раскрывающий его как создателя типичной для передвижничества «житейской прозы», где главными героями становятся люди из бедных интеллигентских или мещанских семей, забытые крестьяне и др. С большой чуткостью подходит художник к изображению их печалей и трудностей.

---

[1] Инв. Ж- 270. Опять провалился. 1891. Холст, масло. 58×52 см.

[2] Инв. Ж-296. Возвращение. Кон. XIX — нач. XX в. Картон, масло. 68×84 см.

[3] Инв. Ж-680. Крестьянка с косой. 1900. Картон, холст, масло. 25×17 см.

Рис. 9. В. Бакшеев «Крестьянка с косой» к картине «Перед приездом господ». 1900 г.

Рис. 10. К. Лебедев «За чтением». 1905 г.

На стыке бытового и исторического жанров работал К. Лебедев (1852–1916), который в лучших своих произведениях с большим мастерством изображал небольшие сценки из жизни Древней Руси. Таков графический лист мастера *«За чтением»*[1], *1905* (рис. 10), где главные герои — маленькие люди, которые «изображены с сочувствием и мягким юмором, но настолько жизненно написаны, что кажутся списанными с натуры»[2].

Прекрасным художником-анималистом и создателем наряду с И. Левитаном «пейзажа настроения» был А. Степанов (1858–1923). Его работы отличаются тонкой живописью, светлым лирическим восприятием мира природы, а также показом тесной связи между ней и человеком. Жанровая работа *«Кумушки»*[3], *кон. XIX — нач. XX в.* (рис. 11) раскрывает стремление художника к поиску

Рис. 11. А. Степанов «Кумушки». Кон. XIX — нач. XX в.

Рис. 12. А. Степанов «Отъезд». Кон. XIX — нач. XX в.

[1] Инв. Г-1345. За чтением. 1905. Бумага, тушь. 11,5×16,5 см.

[2] *Рогинская Ф. С.* Товарищество передвижных художественных выставок. М.: Искусство, 1989. С. 354.

[3] Инв. Ж-246. Кумушки. Кон. XIX — нач. XX в. Холст, масло. 53×80 см.

Рис. 13. В. Маковский «Портрет старика». 1916 г.

Рис. 14. Д. Щербиновский «Крестьянка. Этюд». Посл. чет. XIX — пер. чет. XX в.

Рис. 15. Д. Щербиновский «Автопортрет». Посл. чет. XIX — пер. чет. XX в.

красоты в самых обыденных вещах, таких как, например, деревенский двор, а также отражение образа русского крестьянина, темы занимавшей художника с 1880-х гг. Можно назвать и картину художника *«Отъезд»*[1]*, кон. XIX — нач. XX в.* (рис. 12), где с особой добротой и умением им были переданы повадки и психология лошадей.

Портрет

В портретном жанре рубежа веков работали разные поколения передвижников. Прежде всего, это В. Маковский (1846–1920) — член ТПХВ с момента основания, чьё творчество высоко оценивал И. Крамской, называя его «нашей гордостью». В рассматриваемый период был создан *«Портрет старика»*[2]*, 1916* (рис. 13), выполненный в скупом колорите с преобладанием оливково-жёлтоватых и коричневых тонов. Художник всё внимание сосредотачивает на лице, и прежде всего, глазах портретируемого, создавая образ пожилого человека с полными тревожных дум глазами, устало глядящего на зрителя.

Особый художественный интерес представляют портреты позднего передвижника, любимого ученика П. Чистякова и И. Репина, художника Д. Щербиновского (1867–1926). Например, работы из фондов калужского музея — *«Крестьянка. Этюд»*[3]*, посл. чет. XIX — пер. чет. XX в.* (рис. 14) и *«Автопортрет»*[4]*, посл. чет. XIX — пер. чет. XX в.* (рис. 15) с характерной для мастера экспрессивностью техники, эскизностью в проработке деталей, нервным, импульсивным мазком и сложным цветовым замесом.

Представленные памятники русского искусства конца XIX — первых десятилетий XX в., являются характерными образцами творческих поисков поздних передвижников, а также отражают уникальность и своеобразие калужской коллекции этих мастеров. Они позволяют прикоснуться к такому крупному и поистине значительному явлению отечественной культуры как передвижничество, чей вектор определял потенции не только современных им художников, но и открыл перспективы развития русского искусства в последующие эпохи.

[1] Инв. Ж-406. Отъезд. Кон. XIX — нач. XX в. Холст, масло. 32,5×48 см.
[2] Инв. Ж-589. Портрет старика. 1916. Холст. Масло. 66×50 см (овал)
[3] Инв. Ж-426. Крестьянка. Этюд. посл. чет. XIX — пер. чет. XX в. Холст, масло. 73×61 см.
[4] Инв. Ж-121. Автопортрет. посл. чет. XIX — пер. чет. XX в. Холст, масло. 80×67 см.

ПОРТРЕТ Я. М. ЕВРЕИНОВА — НЕИЗВЕСТНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ Г. Г. ХОЙЗЕРА

В. Г. Пуцко,
заслуженный работник культуры РФ, старший научный сотрудник,
Калужский музей изобразительных искусств

Сравнительно недавно в Калужском музее изобразительных искусств изображение мужчины в красном камзоле, датируемое 1740-ми гг., определено как портрет Якова Матвеевича Евреинова (1700–1772) и по стилю живописи сближено с произведениями Г. Г. Хойзера (1719–1751) с некоторой долей условности[1] (рис. 1). Но было необходимо соотнести манеру письма с эталонными произведениями этого мастера, которые сегодня известны. Их сравнительно немного и, к сожалению, не все они доступны исследователям.

Рис. 1. Г. Г. Хойзер. Портрет Я. М. Евреинова. 1740-е гг. Калужский музей изобразительных искусств

Надо напомнить, что находящийся в Калуге портрет, размером 65×51,5 см, выполнен в технике масляной живописи и представляет погрудное изображение мужчины в парике, одетого в красный камзол. Художественные особенности нами были охарактеризованы следующим образом: «Особо надо отметить, искусную передачу бархата камзола. Несколько округлое лицо портретируемого, обрамлённое тёмно-пепельного цвета париком, обращено к зрителю. Следует подчеркнуть мягкую моделировку, с чёткой прорисовкой глаз, бровей, несколько широкого носа с характерным очертанием ноздрей, растянутые в лёгкой полуулыбке губы, волевой подбородок и, наконец, лёгкие рефлексирующие тени»[2]. Все перечисленные особенности индивидуальной манеры письма можно обнаружить в портрете мальчика — Василия Ефимовича Дарагана, датированном 1745 г., принадлежащем Черниговскому художественному музею и имеющем более крупные размеры (101×85 см), а также весьма неоднозначную атрибуцию в прошлом (рис. 2).

О личности изображённого и времени выполнения этого портрета есть запись на обороте, ныне скрытая под дублирующим полотном. Высокие похвалы за это произведение первоначально достались И. Я. Вишнякову, которому оно было приписано Э. Н. Ацаркиной[3]. В пользу данной атрибуции не одну страницу в своей книге отвела Т. В. Ильина с приложением рентгенограмм, существенно дискредитировав роль последних[4]. Но вся аргументация не убедила П. А. Белецкого, который всё же предположил работу зарубежного мастера[5]. Особое место занимает версия С. Шиманского, пытавшегося здесь увидеть произведение С. А. Мириса с изображением Яцека Тарновского[6]. Точка в споре поставлена в 1989 г. Т. Слобожаниной, обнаружившей имя подлинного автора

Рис. 2. Г. Г. Хойзер. Портрет Я. М. Евреинова. Фрагмент; Портрет В. Е. Дарагана. 1745 г. Фрагмент

Рис. 3. Г. Г. Хойзер. Портрет Н. Д. Разумовской. 1746 г. Москва, Государственный Исторический музей

на подрамнике, и как выяснилось в 1991 г. такая же авторская подпись на портрете Наталии Демьяновны Разумовской, 1746 г. — бабушки Василия Дарагана, хранящемся в Государственном Историческом музее в Москве[7] (рис. 3). Этот портрет известен главным образом в различных копиях, находящихся в украинских музеях и в Историко-художественном музее в Муроме[8]. Все они обнаруживают портретное сходство, но при этом не передают художественную характеристику, свойственную оригиналу. Привычка Г. Г. Хойзера ставить свою подпись вместе с датой на обратной стороне произведения в левом нижнем углу прослеживается и в датированных 1746 г. портретах Дмитрия Александровича Симонова (размером 84,5×65,5 см) и его жены Евдокии Дмитриевны Симоновой, рождённой Кологривовой (размером 85×65,5 см), принадлежащих Тверской картинной галерее, куда они поступили из Новоторжского краеведческого музея в 1938 г.[9]

Объём художественного наследия мастера остаётся неизвестным. Но временами с его именем связывают произведения, находящиеся в Государственном Эрмитаже и в Государственной Третьяковской галерее[10].

О художнике известно сравнительно немного, то, что сообщает Якоб Штелин: «Хойзер из Дерпта (в Лифляндии) — молодой человек, который был рождён живописцем и после слабого обучения в своём родном городе прекрасно сформировал себя сам. Он приехал в Петербург в 1748 году. Его умение очень скоро стало известно и за хорошую плату использовалось для портретов и исторических картин. Первые он представлял всегда в одной позе, очень живо, а во вторых он создавал хорошую композицию, ещё лучшую позу и изысканный колорит. Его собирались принять на службу к императорскому Двору, но он всем доходам предпочёл желание сначала усовершенствоваться в искусстве и отправился в Вену, чтобы оттуда на несколько лет поехать в Италию. Но в Вене он умер от горячки на тридцать втором году жизни в 1751 году. Придавал своим портретам всегда очень живую позу и бодрое выражение. Многие из них находятся ещё в частных домах Петербурга»[11]. Наиболее раннее упоминание о Генрихе Готтлибе Хойзере обнаружено в записях метрической книги евангелической церкви св. Анны за 20 сентября 1743 года, а последнее по времени упоминание газеты «Санктпетербургские ведомости» от 24 мая 1748 г. («скоро отсюда едет»)[12]. Таким образом, время работы Г. Г. Хойзера в Петербурге ограничивается 1743–1748 гг. В списках учащихся в Академии художеств в Вене от 20 октября 1749 г. он упомянут как «Хойзер Генрих Готлиб из Петербурга из Ингермангандии живописец, проживает в нижнем Фрайхаусе на Трайд-маркт»[13].

Можно напомнить некоторые сведения о Якове Матвеевиче Евреинове, уже приведённые при публикации его портрета. Он был сыном переселившегося из Польши (точнее — из Беларуси) еврея Матвея Григорьевича Евреинова, первостатейного купца в Москве и Петербурге. Пётр I послал его для обучения иностранным языкам за границу, где провёл четыре года, затем в 1723–1725 гг. являлся генеральным консулом в Кадиксе. С 1742 г. — советник Мануфактур-коллегии, с 1753 г. — её президент. При императрице Елизавете Петровне был дипломатическим консулом в Голландии. С 1728 г. женат на Евдокии Ивановне Феофилатьевой. Его потомки занимали высокие посты в Российской империи. Некоторые из них жили в пределах Калужской губернии. Это объясняет появление в Калужском музее изобразительных искусств и второго портрета Якова Матвеевича, с его изображением в более преклонном возрасте, кисти художника Привицкого, который в течение длительного времени безосновательно приписывали кисти знаменитого Д. Г. Левицкого.

Примечания

[1] *Пуцко В. Г.* Загадочный «портрет итальянца в красном камзоле» // Калуга в шести веках: материалы 12-й городской краеведческой конференции. Октябрь, 2018 год. Калуга, 2019. С. 44–50.
[2] Там же. С. 45.
[3] *Ацаркина Э. Н.* Портрет работы неизвестного мастера 40-х годов XVIII века // Сообщения Института истории искусств. Вып. 13–14. М., 1960. С. 104–113.
[4] *Ильина Т. В.* Иван Яковлевич Вишняков. Жизнь и творчество. М., 1979. С. 127–133. Ил. 17–23.
[5] *Белецкий П.* Украинская портретная живопись XVII–XVIII вв. Л., 1981. С. 215, 248.
[6] *Szymanski St.* Sylwester August Mirys. Warszawa, 1964. Nr. 57.
[7] Український портрет XVI–XVIII століть. Вид. 2-ге. Київ, 2006. С. 214. № 222. Размер портрета Н. Д. Разумовской 94,5×77,5 см. Инв. 70883/И1–1754.
[8] Український портрет XVI–XVIII століть. С. 213. № 221; *Купряшина Т.* Загадки фамильных портретов // Антиквариат. 2014. № 3(114). С. 84–86.
[9] «Из века в век переводя…»: Межрегиональный выставочный проект. «Россия царств земных отрада!». «В зеркале времени». Каталоги выставок. Тверь, 2013. С. 21.
[10] *Малиновский К. В.* Новые архивные материалы о двух картинах немецких художников XVIII века из фондов Государственного Эрмитажа // Музей. Художественные собрания СССР. Вып. 8. М., 1987. С. 218–220; Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Живопись XVIII–XX веков. Т. 2. М., 1998. С. 250–251. № 327, 328. Портреты приписаны Г. Г. Хойзеру условно.
[11] *Малиновский К. В.* Новые архивные материалы… С. 220 (с ссылкой на рукопись ГПБ. Ф. 871. Ед. хр. 6. Л. 26 об., 40).
[12] Там же. С. 220.
[13] *Маркина Л. А.* К вопросу о русско-немецких художественных связях середины XVIII века // Россия-Германия. Контакты и взаимовлияния. XVIII–XIX вв.: сборник статей. Государственная Третьяковская галерея. М., 1994. С. 16–20; Изобразительное искусство российских немцев XVIII–XIX веков (Словарь имён). Международный союз российских немцев. М., 1997. С. 130–131.

ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОЙ ИЗ СОБРАНИЯ КМИИ. ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТИ МОДЕЛИ

И. В. Гужова,
старший научный сотрудник, Калужский музей изобразительных искусств

В собрании Калужского музея изобразительных искусств находится «Портрет неизвестной с письмом» работы неизвестного художника первой трети XIX века[1]. Портрет неподписной и недатированный, но сразу видно, что его автор — профессиональный художник. В документах музея указано, что он поступил из собрания усадьбы Кашкиных Нижние Прыски Козельского уезда Калужской области.

На портрете изображена молодая женщина, сидящая в кресле. Её фигура написана в три четверти вправо, а лицо — в анфас обращено на зрителя. За её спиной виднеется часть спинки кресла, на котором она сидит, и подлокотник с обивкой. Модель одета в тёмно-бордовое платье с небольшим декольте, обрамлённое кружевом. Её фигура изысканно задрапирована в белую шаль с разноцветной каймой, перекинутой через правое плечо. Причёска с большими височными буклями соответствует моде середины 20-х годов XIX века. Над головой виден пучок из волос, заплетённых в косы и уложенных на макушке, заколотых дорогим гребнем. Взгляд модели обращён на зрителя. На шее — нити из жемчужных бус. В ушах серьги в виде звёздочек.

Особое внимание уделено художником изображению её рук. Они перекрещены: на левой руке на безымянном пальце обручальное кольцо, на указательном пальце — помолвочное кольцо с камнем, которое является подарком жениха во время помолвки и надевается на указательный

[1] Калужский музей изобразительных искусств. Ж-0174. Холст, масло. 80 х64.

Неизвестный художник I трети XIX в.
Портрет неизвестной с письмом. 1826 г. КМИИ

палец после венчания. В другой руке она демонстративно держит почтовый конверт, запечатанный красной сургучной печатью. Фон портрета нейтральный, живопись гладкая.

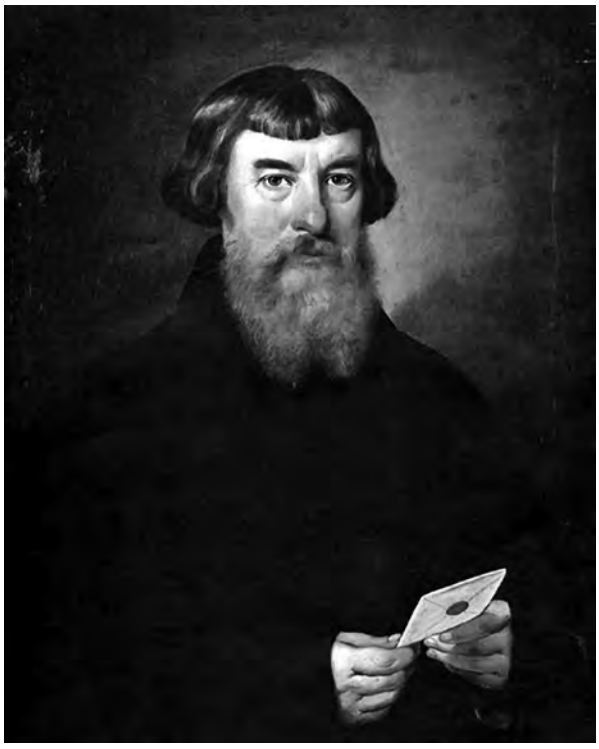
При первом взгляде на модель кажется, что это портрет дворянки, но при внимательном изучении её образа и деталей портрета появляется сомнение. Молодую женщину нельзя назвать красавицей: у неё удлинённый овал лица, с крупным прямым носом, большим ртом — лицо у неё простонародное. Во всём её облике чувствуется некоторая внутренняя скованность, держится она очень скромно, хотя и с достоинством. Несмотря на то что модель одета и причёсана по последней моде, в её внешности нет дворянского лоска. Позирующие дворянки держались более свободно, умели подать себя, подчеркнуть своё женское очарование.

При создании портрета использована распространённая в первой половине XIX века схема светского поясного портрета модели, сидящей в кресле, но в его художественном решении видны иконографические детали, характерные для купеческого портрета. Такой показательной деталью является введение в композицию конверта, изображённого с оборотной стороны, запечатанного сургучной печатью. Такая говорящая деталь характерна для портретов купцов. Она несёт смысловую нагрузку: говорит об их предпринимательской деятельности. На представленных аналогиях — портретах купцов, исполненных в первой половине XIX века художниками Н. Д. Мыльниковым и А. Г. Клюквиным, конверты с сургучными печатями в руках изображённых купцов указывают на переписку по торговым делам с компаньонами.

На конверте, который молодая женщина держит в руке, около её большого пальца виден штамп, по окружности которого можно прочесть надпись заглавными буквами — «ХОЛМЪ», а в центре дата — 1826 или 1828 год. Но это не деловая переписка как в портретах купцов, а письмо с сообщением о состоявшейся свадьбе или другом важном событии в жизни модели, а на печати указаны место написания и дата. Название места «ХОЛМЪ» и дата указывают на место и время создания портрета.

Черты сословной самобытности проявляются во внутреннем состоянии модели, в некоторой условности положения рук, которые характерны для женского купеческого портрета. На представленных портретах купчих у всех моделей руки скрещены на поясе, пальцы прижаты друг к другу, в руках — белые платочки. Художники не идеализируют своих моделей, а пишут их такими, какими они их видели. От портрета неизвестной с письмом представленные аналогии отличаются только профессионализмом исполнения. Авторами портретов купчих были неизвестные провинциальные художники, для творчества которых характерен стиль, идущий от парсуны, где форма и пространство переданы примитивно и упрощённо. Эти художники портретировали провинциальное купечество, и в созданных ими образах ощутимы отголоски старообрядческих представлений о личности женщины, этике её поведения, независимо от того, одета она по последней моде или сохраняет традиционный костюм.

Портрет неизвестной с письмом был написан профессиональным художником, опытным портретистом, им же была исполнена постановка композиции, драпировка модели шалью, но изображение рук и конверта написано по просьбе заказчицы. Автор портрета, видимо, портретировал не только дворянство, но и представителей купечества, и знал их требования.



Мыльников Н.Д. Портрет И.Г. Рахманова. 1826 г. ГИМ

Клюквин А.Г. Портрет неизвестного мужчины с письмом. 1822 г. Псково-Изборский объединённый музей-заповедник

И в нашем портрете, изображая модель, художник не идеализирует её, а пишет её такой, какой она была. Все эти иконографические черты указывают на изображение молодой купчихи, а не дворянки. Таким образом, этот портрет не может происходить из собрания Кашкиных, в котором находились портреты Кашкиных и представителей нескольких дворянских родов, родственных им.

Удалось выяснить время поступления портрета в художественный музей. На подрамнике стоит номер 122, написанный красной краской, который является порядковым номером по книге поступлений живописи 1920-х годов в художественный музей. Самая ранняя книга поступлений (КП), к сожалению, не сохранилась. Номер по КП очень ранний, что указывает на поступление портрета в первые годы существования музея. По данным отчёта подотдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины (губмузея) за 1921–1922 годы, в Калужский художественный музей до конца 1921 года поступило 135 произведений живописи из усадеб и от частных лиц[1]. Следовательно, портрет неизвестной с письмом также поступил в музей в 1921 году. При записи в инвентарную книгу в 1938 году старые номера сохранялись как знаменатель в двойном номере, поэтому впереди поставили № 129, и портрет имеет старый инвентарный № 129/122.

История поступления произведений из усадебного собрания Нижние Прыски в калужские музеи по сохранившимся документам известна. В 1919 году усадьба была обследована сотрудником губмузея. В описи приёма на учёт исторических и художественных ценностей, находящихся в имении Н. Прыски, составленной сотрудником губмузея Н. Д. Трубаевым 16 апреля 1920 года, перечислено: портретов — 35, икон — 23, гравюр — 31, бюст — 1, два гобелена, ценная мебель; в библиотеке книг на русском языке — 636 томов, книг на французском языке –2633 томов, среди них особо ценных — 650 томов, 23 тома родословной Кашкиных. Художественные ценности были вывезены в 1922 году в созданный в монастыре Оптина пустынь

[1] Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 6. Л. 14, 14 об

Неизвестный художник. Портрет молодой купчихи в жемчужном ожерелье и золотой цепочке, с серьгами. I пол. XIX в. ГМЗ «Зарайский кремль»

Неизвестный художник. Портрет купчихи. 1830-е гг. ГЭ

музей, который был филиалом ГИМ[1]. В 1927 году при его закрытии часть собрания была вывезена в Москву в ГИМ, часть поступила в собрание Калужского объединённого краеведческого музея[2]. В художественный музей произведения из усадьбы Нижние Прыски Кашкиных были переданы в 1939 году при реорганизации художественного музея. Таким образом, портрет неизвестной с письмом не может происходить из имения Кашкиных, у них разные пути поступления в собрание художественного музея.

Объяснить ошибочное указание на поступление портрета из имения Кашкиных можно только тем, что он был передан кем-то из семьи Кашкиных. Возможен такой вариант: портрет женщины с письмом могла передать в музей Мария Дмитриевна Кашкина (1877–1941), урождённая графиня Бутурлина, которая в марте 1921 года работала заведующей библиотекой художественного музея[3]. Возможно, кто-то из калужан передал портрет в музей через М. Д. Кашкину, поэтому он и был записан в документах музея как происходящий из имения Нижние Прыски.

Портрет происходит из какого-то калужского купеческого собрания. И модель принадлежит к знатному и богатому купеческому роду, представители которого ещё в 1826 году обращались с заказом о написании портретов к московским или петербургским известным художникам. Такой портрет в Калуге в 1820-е годы могли заказать только представительницы рода купцов Золотарёвых, Билибиных и ещё нескольких купеческих родов.

Название «ХОЛМЪ» занимает значимое место в личной жизни этой женщины, раз оно указано в портрете. Это может быть название имения, если девушка из купеческого сословия вышла замуж за дворянина. Были рассмотрены все варианты происхождения модели, в том числе из дворянского сословия: Т. Е. Ртищева, урождённая Кашкина; её племянницы, а также все

[1] ГАКО. Ф. Р-2878. Оп. 3. Д. 16. Л. 26–27.
[2] Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 130. Л. 321.
[3] ГАКО. Ф. 161, Оп. 1. Д. 435. Л. 2 об.

известные представительницы рода Кашкиных и смежных с ними дворянских родов[1]. Были рассмотрены имения с названием Холм калужских помещиков в других губерниях, но они не дали положительных результатов и совпадения с именем модели, которое удалось прочесть на обороте холста[2].

До реставрации портрета на обороте холста была плохо читаемая полустёртая надпись, исполненная чернилами. Она видна теперь только на фотографии. С трудом читаются отдельные буквы, по ним можно восстановить только отдельные слова — «Авдотья Леб…», далее только отдельные плохо различимые буквы. Таким образом, изображённую женщину звали Автотья.

Скорее всего, «ХОЛМЪ» — это название города. В России XIX — начала XX века было два города с таким названием: уездный город Холм Псковской губернии (в настоящее время — Новгородской области) и город Холм (Хелм), который по третьему разделу Польши в 1795 году отошёл в Австрии, а с 1815 года вошёл в Российскую империю в составе Царства Польского (в настоящее время в составе Польши).

Среди представителей калужского купечества есть фамилия, созвучная фамилии Кашкиных, — Кашины. Возможно, при записи портрета в музейное собрание перепутали две близкие по звучанию фамилии — Кашкиных и Кашиных и приписали происхождение портрета неизвестной с письмом к собранию Кашкиных. Если это так, то возникает вопрос: кто из представительниц разветвлённого рода купцов Кашиных изображён на портрете? Если портрет как-то связан с родом Кашиных, то это портрет одной из невесток семейства Кашиных.

Историей и генеалогией рода купцов и мещан Кашиных занималась покойная Наталья Ивановна Кожевникова (1948–2019), краевед, историк-генеалог. В своей статье «Купцы и мещане Кашины» она приводит интересную подробность из родословной одного из представителей этого рода: Михаил Сидорович Кашин, 1796 года рождения, купец-промышленник, был женат на Автодье Михайловне Лебедевой, 1802 года рождения, которая была дочерью купца 3-ей гильдии Михаила Евдокимовича Лебедева (1766–?). Семья Лебедевых была из вновь причисленных в калужское купечество из польской нации в 1812 году[3].

Разветвлённый купеческий род Кашиных в Калуге известен со второй половины XVII века. Его представители торговали за границей. В. В. Ханыков пишет об одной встрече с братьями Кашинами в Лейпциге: «1822 года мая 2 числа собиратель сей летописи в путешествии своём по Европе в Лейпциге встретил калужских купцов Якова и Севериана Кашиных, товары свои на русские ярмарки отправляющих»[4].

Отдельные представители этого рода были достаточно состоятельными. В Калуге было несколько домов, принадлежавших купцам Кашиным. Как записано в книге Калужской городской думы, для сбора денег с недвижимого имущества жителей Калуги за 1834 год санкт-петербургской купеческой жене Кашиной принадлежал каменный дом в Калуге в первой части 3-го квартала стоимостью шесть тысяч рублей[5]. Сама она по книге адресов Санкт-Петербурга в 1837 году проживала с мужем Егором Прокофьевичем Кашиным в Санкт-Петербурге по Невскому проспекту в доме № 143[6].

Возможно, на портрете изображена одна из представительниц рода Кашиных, и портрет можно идентифицировать как портрет неизвестной из рода Кашиных. Если говорить более конкретно, то, возможно, это портрет Авдотьи Евдокимовны Кашиной, урождённой Лебедевой.

---

[1] *Кашкин Н. Н.* Родословные разведки. Посмертное издание с портретом автора под редакцией Б. Л. Модзалевского. СПб., 1912.

[2] Автор не приводит все рассмотренные варианты из-за ограниченного объёма статьи.

[3] *Кожевникова Н. И.* Купцы и мещане Кашины // Морозовские чтения: материалы II и III научно-практических конференций, посвящённых библиографу, археографу и краеведу Г. М. Морозовой 19–20 апреля 2005 года и 25–26 апреля 2007 года. Калуга, 2007. С 75–76.

[4] *Ханыков В. В.* Летопись Калужская от отдалённых времён до 1841 года. Калуга, 1991. С. 83.

[5] ГАКО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 49. Л. 164 об. № 231.

[6] *Нистрем К.* Книга адресов С. Петербурга на 1837 годъ, изданная с разрешения и одобрения С.-Петербургского г. Военного генерал-губернатора Карлом Нистремом. СПб., 1837. С. 1328.

ПЁТР СУХОДОЛЬСКИЙ — УРОЖЕНЕЦ ЗЕМЛИ КАЛУЖСКОЙ: ХУДОЖНИК И ГРАЖДАНИН

Е. В. Сандакова,
методист, Калужский музей изобразительных искусств

Пётр Суходольский
(1835–1903)

В 2020 году исполнилось 185 лет со дня рождения Петра Суходольского — художника, мастера реалистического пейзажа, приверженца академической школы живописи середины XIX — начала XX вв[1].

Дворянин, академик Императорской Академии художеств, наш земляк. Его имя по праву должно стоять в одном ряду с такими именами мастеров русской школы живописи как И. Шишкин, И. Левитан, В. Поленов, А. Саврасов. Известный в научных кругах, но совершенно не знакомый широкой публике. Его считали любимым художником императора Александра III, а работы приобретал Павел Третьяков, который, как известно, имел чутьё и покупал произведения искусства очень избирательно.

Как вышло так, что его имя предано забвению на долгие годы? Почему художник умер почти в нищете, какова судьба произведений, вышедших из-под его кисти, и что стало с имением?

В Калужском музее изобразительных искусств хранятся произведения Петра Суходольского. Их немного, но они дают представление о полноте и многогранности таланта живописца.

В настоящей статье дан обзор биографических данных Петра Суходольского, связанных с Калужским краем, творческого становления и профессионального роста художника — уроженца Калужской земли, воспевавшего в своих пейзажных произведениях красоты родной природы, но так и не ставшим известным массовому зрителю.

Биографические сведения описываются в различных источниках единообразно, во многом с ошибочными данными. Встречаются публикации с непроверенными и заведомо недостоверными сведениями (год рождения указан 1836, а не 1835, незаконнорождённость Петра Суходольского и прочее, приписывание его картин однофамильцу Суходольскому Януарию)[2]. Многие неясные моменты, или пробелы в информации по годам, предстоит ещё выяснить. Продолжается работа с архивными документами, в том числе и с архивами Санкт-Петербурга, куда во второй половине XIX века переехал в поисках лучшей доли Пётр Суходольский и где в начале XX закончил свой земной путь.

Автор статьи выражает надежду, что проделанная работа даст возможность восстановить в хронологическом порядке всю творческую и личную биографию нашего земляка, многогранный талант которого неоспорим. По прошествии более ста лет, несколько работ Петра Суходольского, находясь на Калужской земле вызывают неподдельный восторг мастерством художника, его умением художественными средствами выразить красоту пейзажа средней полосы России, показать динамику движения в жанровых работах, а также погрузить зрителя в лирическую атмосферу южных широт.

Род Суходольских

Фамилия Суходольских, имеющая польские корни, впервые упоминается в Калужской губернии в последней четверти XVIII века в связи с отчётом предводителя Серпейского дворянства Петра Суходольского о последствиях пугачёвского восстания (1773–1775 гг.). Хотя в Калужском крае Пугачёва не было, но отголоски его мятежа были слышны и здесь[3].

Пётр Суходольский один из двух братьев прибывших в Россию в составе свиты князя Станислава Понятовского[4]. Один из братьев — Павел Суходольский обосновался в Боровском, а Пётр в Серпейском уезде Калужской губернии, граничившим с Мосальским, где в последствии при покупке земли в Дворянском банке и была построена усадьба дворян Суходольских — отцом будущего художника Александром Амплиевичем.

Во времена войны 1812 года Суходольские не остались в стороне от всеобщей беды и приняли активное участие в формировании ополчения[5].

Калужское ополчение довольно быстро достигло численности 15 тысяч человек. От Мосальского уезда в него вошли 1932 пеших воина и 186 конных. Калужское дворянство взяло на себя безвозмездное снабжение ополченцев в течение трёх месяцев и уплату им жалованья деньгами. Из Моасальского уезда в армию поступило 20 тысяч пудов сена — для лошадей, а также ржаная мука для солдатской кухни. Охранять границы было очень нелегко, но чётко продуманная система охраны существовала. В неё входили кордоны и пикеты, подчинявшиеся избранным из дворянства начальникам. Это были помещики братья Суходольские, имевшие офицерские чины.

Как мы видим, гражданская позиция дворян Суходольских — не оставаться в стороне от всеобщей беды, а оказывать всяческую помощь, как материальную, так и физическую. В роду Суходольских немало персоналий, которые в разные периоды времени выходят на авансцену исторических событий. Представители рода мужского пола — это преимущественно люди, имевшие воинские звания и чины государственной службы. Женщины — проявляли себя посредством призрения сирот, благотворительной деятельностью, а тётя по отцовской линии была настоятельницей монастыря в Нижегородской губернии.

Пётр Суходольский вобрал в себя нравственные принципы, благородство старинного дворянского рода, и отличался от многих других помещиков человечным и милосердным отношением к своим крепостным, а впоследствии после отмены крепостного права (1861) и к нанимавшимся в его имение на работы людям.

В метрической книге Фроловской церкви за 1835 год Мосальского уезда есть запись: «Первого числа у господина отставнаго поручика, сельца Владимирскаго Александра Амплиевича Суходольского и его законной жены Марии Петровны от первого их брака родился сын Пётр. Молитствовал, имя нарёк, крещение совершил Фоловской церкви иерей Пётр Вихров. При крещении были: диакон Николай Максимович Крылов». Там же: «Восприемниками были: отставной поручик и кавалер Амплий Петрович Суходольский (дед новорождённого) и вдова коллежского советника Мария Ивановна Пусторослева»[6]. (Эта фамилия нам встретится ещё лишь однажды, но будет упоминаться в связи с драматическими событиями личной истории Петра Суходольского. Возможно род Тверских бояр Пусторослевых состоял в родстве с Суходольскими или имел давние дружеские связи).

Жизнь в имении

В библиографических источниках встречаются сведения о том, что с раннего детства маленький Пётр предпочитал прочим занятиям — рисование[7]. Особенно любил природу. Места, где он вырос, были необыкновенно красивы: безграничный простор густых лесов, широкие луга, высокое небо. Пётр старательно переносил красоты родной природы на бумагу. Уже тогда родителям он выказывал свои намерения стать художником. Получив хорошее домашнее образование, однако, поступает учиться в Петербургский университет на историко-филологический факультет. Его отец Александр Амплиевич был против выбора сына, но Пётр ослушался воли родителя и все же поступил в университет. Вскоре, лишённый материального содержания, вынужден был оставить учёбу и вернуться в родной дом[8].

За помещиком Александром Суходольским (отцом художника) числилось 574 крепостных. Большой кирпичный усадебный дом, построенный в стиле классицизма, с флигелем, надворными постройками, липовыми аллеями, парком, более 500 десятин земли, что в пересчёте на новую единицу измерения равно 728 гектарам! Суходольский считался крупным помещиком, коих по факту в России было только 3 726 (по данным восьмой ревизии — 1833 года)[9].

Что послужило отказом сыну в содержании во время учёбы остаётся доподлинно не выясненным, хотя видно, что материально семья стеснена не была, несмотря на то, что была большой.

Учёба в Петербурге

В конце 50-х годов XIX столетия П. Суходольский поступил в Императорскую Академию художеств, в класс пейзажной живописи. Учителями его были известные русские пейзажисты: М. Воробьёв, Л. Лагорио, Г. Чернецов[10].

Надо отметить, что начинающий художник обладал не только старательностью и прилежанием в учёбе, но и талантом, о чём говорят факты: за время обучения в академии им были получены все утверждённые в учебном заведении Большие и Малые сначала, серебряные, а затем и золотые медали.

Окончание Императорской Академии художеств в 1864 году ознаменовано получением Большой золотой медали за выполнение дипломной работы «Деревня Желны в Калужской губернии». Его однокашниками по Академии были Константин Маковский, Генрих Семирадский, Илья Репин[11].

Впоследствии в 1865 году Петром Суходольским было получено право на пенсионерскую поездку в Италию сроком на шесть лет, для оттачивания художественного мастерства. По разрешению Совета Академии художеств ему было позволено разделить пенсионерство на пребывание в России три года и трехгодичное в Италии[12].

Калужская губерния

О периоде жизни Петра Суходольского и творчества в Калужской губернии с 1868 по 1878 г. мало что известно, так как большинство его произведений этого периода утрачено. По некоторым данным из-за пожара, произошедшего в усадьбе[13].

В этот период времени Суходольский служит председателем Съезда помещиков, мировым посредником 1-го участка Мосальского уезда и помощником надзирателя акционерных сборов[14].

В документальном источнике — метрической книге за 1874 году Фроловской церкви имеется запись о том, что 15 мая 1874 года 39 лет Пётр Александрович Суходольский вступил в первый брак с петербуржской мещанской девицей Любовью Ивановной Острецовой 33 лет[15]. На момент бракосочетания у пары было семеро детей.

Академиком Императорской Академии Художеств Петром Александровичем Суходольским было подано на высочайшее имя прошение об узаконении его детей Николая, Александра, Вениамина, Владимира, Варвары, рождённых до брака с его женой бывшей вольноотпущенной крестьянкой, сельца Рождественское, Зубцовского уезда Тверской губернии, помещика Пусторослева, Любовью Ивановной Острецовой. Ответом было разрешение «детям Суходольского принять фамилию их отца и пользоваться всеми правами и преимуществами законным детям принадлежащие»[16].

Помещик Пусторослев Тверской губернии снова нам встречается эта фамилия. Именно ему были проданы крепостные Острецовы в связи с тем, что у молодого дворянина Петра Суходольского возникли чувства к девице Любаше Острецовой и для того чтобы не допустить мезальянса Александр Амплиевич принимает решение о продаже всей семьи в другую губернию в надежде, что со временем сын забудет о своём увлечении.

Переезд в Петербург

После трагических событий в Калужском имении Суходольских[17] в 1877 году многочисленная семья переезжает в Петербург. Пётр Александрович возобновляет занятия живописью. Работает в мастерской, предоставленной ИАХ. Пишет пейзажи, батальные картины; выполняет портретные зарисовки, рисунки на темы народного быта.

На протяжении всего творческого пути П. А. Суходольский оставался продолжателем академических традиций. В 1878 году за картину «Весенний разлив Оки» удостоен звания академика[18]. В 1882 в числе других художников получил заказ от императора Александра III на серию картин о Русско-турецкой войне (1877–1878) с целью работы над натурными этюдами в 1885 совершил поездку в Болгарию. В 1888–1894 гг. как иллюстратор сотрудничал с журналами «Нива» и «Гусляр». В 1890-е годы обратился к морскому пейзажу. Побывал в Финляндии и Норвегии[19].

С 1859 принимал участие в выставках. Экспонировал работы в залах ИАХ (1859–1891, с перерывами), Общества выставок художественных произведений (1879), Московского общества любителей художеств (1866–1881, с перерывами), Общества поощрения художников (1864), Всемирных выставках в Париже (1867), Вене (1873), международных художественных выставках в Мюнхене (1869), Берлине (1886), Всероссийской промышленно-художественной выставке в Москве (1882)[20].

Скончался Пётр Александрович 7 (в ночь на 8-е) января 1903 г. в Санкт-Петербурге. Похоронен на Георгиевском кладбище Большой Охты в Петербурге. Могила художника не сохранилась[21].

После смерти отца, сыновья Суходольского Николай и Константин, по их просьбе, были внесены в дворянскую родословную книгу Калужской губернии[22].

Художественное наследие П. Суходольского в Калужском крае

Творческий путь Петра Суходольского остаётся пока полностью неизученным. Произведения нашего земляка находятся во многих музеях страны: Государственном Русском музее, Государственной Третьяковской галерее, Калужском музее изобразительных искусств и др.

Информация о частных коллекциях не обнародована и не все произведения атрибутированы. В последнее десятилетие в Государственной Третьяковской галерее прошли атрибуцию несколько произведений, которые по предположению владельцев коллекций, имели отношение к П. Суходольскому как автору. Семь работ получили подтверждение авторства П. Суходольского.

В Калужском музее изобразительных искусств находятся четыре работы, принадлежавшие кисти мастера. Ещё одна из работ — «Ночной пейзаж» П. Суходольского утрачена во времена фашистской оккупации. Возможно, она попала в частное собрание и со временем обнаружится на каком-либо аукционе. Вторая работа с таким же названием экспонируется в настоящее время в залах музея. Это лиричное по своему настроению произведение. Художник подробно описывает южную природу, сочетая её с жанровыми мотивами. Сельский быт с размеренным жизненным ритмом, как неторопливое течение изображаемой мастером реки, несущей свои воды на протяжении многих столетий.

Такая же по настроению работа «Крестьяне на опушке леса», где П. Суходольский выражает своё отношение к простому человеку, изображая его, как «дитя природы» — непосредственного и застенчивого. На картине зритель видит две группы детей, вышедших из леса на опушку. Высокая трава скрывает их по пояс. Летний зной, высокое, ясное небо. Полуденное солнце озаряет лица детей, лучами играет в ветвях деревьев и отблесками падает в траву. Благодаря колористическим решениям мастеру удаётся создать яркую и позитивную работу.

Два полотна, находящиеся в Тарусской картинной галерее, также принадлежат собранию Калужского музея изобразительных искусств. На первый взгляд парные работы написаны не в характерной манере П. Суходольского из чего можно предположить, что работы заказные. Сюжеты, изображаемые художником, не имеют ничего общего с пейзажными работами мастера, который стремился детализировать свои произведения, уделяя большое внимание композиционным нюансам, колориту. «Охота на ягуаров» — яркий пример жанрового произведения, в котором художник показывает динамичное развитие события самой охоты: вздыбленные конные фигуры, дикие животные, бегущие параллельно движению лошадей, напряжение в лицах охотников.

Произведение «Соколиная охота», напротив, изображает спокойную сцену общения двух людей, принадлежащих к знати, о чём говорят костюмы моделей, экипировка лошадей. На заднем плане виднеется замок — характерный признак европейского пейзажа.

Талант художника — Петра Суходольского раскрывается в этих нескольких произведениях, принадлежащих его кисти и написанных в разные периоды времени. Его работы дают представление о неповторимости художественной манеры мастера, который на протяжении всего творческого пути искал собственный стиль письма русского пейзажа.

Автор статьи выражает признательность Андрею Викторовичу Кадетскому, любезно предоставившему материалы из своего личного архива, а также сотрудникам Государственного архива Калужской области.

Примечания

[1] Калужская энциклопедия. Калуга: Издательство Н. Бочкарёвой, 2000.
[2] *Обухов А.* Калужские губернские ведомости. 2006. 13 декабря. № 44.
[3] *Малинин Д. И.* Отголоски пугачёвщины в Калужском крае. Калуга: ОКРЛИТ, 1930.
[4] *Понятовский С.* Мемуары / пер. с фр. Савицого. М.: ТЕРРА, 1995.
[5] *Зайцев А. Е.* Земля Мосальская: Пособие по краеведению для учителей и учащихся. Калуга: Гриф, 1997. С. 104.
[6] ГАКО. Ф. 549. Оп. 2. Д. 6. Запись в метрической книге Фроловской церкви села Желон Мосальского уезда Калужской губернии.
[7] *Горелов М. И.* П. А. Суходольский // Русское искусство. Очерки о жизни и творчестве художников. 2-я пол. XIX в. Кн. 11. М., 1971.
[8] *Кривонденченков С.* Мир музея. 1995. № 5.
[9] *Солнцева А.* Земельная собственность русских литераторов: Пушкин, Толстой, Островский. Выпуск журнала № 1 (16) 2004 Отечественные записки. URL: https://strana-oz.ru/2004/1/zemelnaya-sobstvennost-russkih-literatorov-pushkin-tolstoy-ostrovskiy (дата обращения: 12.04.21 г.)
[10] Калужская энциклопедия. Калуга: Издательство Н. Бочкарёвой, 2000.
[11] *Кондаков С.* Юбилейный справочник Академии художеств. 1764–1911. Т. 11. СПб., 1914.
[12] ЦГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 83. Л. 28. Ответ Г. Г. Гагарина на прошение П. А. Суходольского провести первые три года пенсионерства в России.
[13] ОР РНБ. Ф. 796. Оп. 2. Ед. хр. 717. Л. 20. Письмо П. А. Суходольского П. А. Черкасову от 29 сент. 1888 года.
[14] ГАКО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 720. Л. 211. Переписка сына П. А. Суходольского Николая с губернским предводителем дворянства.
[15] ГАКО. Ф. 66. Оп. 2. Д. 3016. Запись в метрической книге Фроловской церкви села Желон Мосальского уезда Калужской губернии.
[16] Там же.
[17] ЦГИА. Ф. 468. Оп. 17. Д. 108. Л. 54. Письмо П. А. Суходольского в Министерство императорского двора.
[18] *Александров Н.* По мастерским художников. П. А. Суходольский // Всемирная иллюстрация. 1894. № 1327. С. 13.
[19] Там же.
[20] Там же.
[21] Академик живописи П. А. Суходольский // Русское искусство. Очерки о жизни и творчестве художника. Вторая половина XIX века / под ред. А. И. Леонова. Ч. 2. М., 1971.
[22] *Булычёв Н.* Списки дворян, внесённых в дворянскую родословную книгу по 1 октября 1908 года. Калуга, 1908. С. 252.

РАБОТЫ В. В. ВЕРЕЩАГИНА В СОБРАНИИ КАЛУЖСКОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ

Э. А. Корнелюк,
ведущий методист, Калужский музей изобразительных искусств

Рассказывать о Василии Верещагине сложно: слишком он многогранен как личность, многозначен как творец. Бунтарь, пацифист, патриот, атеист… Принципы и философия великого баталиста и по сей день вызывают бурные споры среди историков и ценителей искусства.

В КМИИ хранятся две небатальные картины В. В. Верещагина — «Калмык на лошади в степи», «Проход Барскаун». Талант художника многогранен, и в некоторых его «небатальных» картинах столько же печали и сентиментальности, сколько динамики и энергии в других.

В зале, посвящённому творчеству художников-передвижников представлена работа В. Верещагина «Калмык на лошади в степи». Её колорит резко отличается на фоне других работ и приковывает взгляд. Работа представляет собой этюд, на котором изображён калмык в красном халате и шапке с меховым околышем, верхом на лошади карей масти, среди степей, покрытых пожелтевшей травой. Вдали — калмыцкая деревня. Подписи нет. Авторство Верещагина подтверждено Н. Машковцевым. Работа была закуплена в 1949 г. у гр. Музалевского М. М., счёт от 21 октября

Верещагин В.В. Калмык на лошади в степи. Россия. 2-я пол. XIX в. Холст, масло, 31×37

1949 г., акт художественного Совета от 23 ноября 1949 г. Представленное произведение — выполнено, скорее всего, во время второго путешествия по Туркестану. Изображена выжженная степь, с юртой у пригорка и какими-то сооружениями вдали. Скорее всего, это землянки и полуземлянки — жилища бедноты, со стенами из сырцовых или нарезанных из дёрна кирпичей, глиняной или дерновой крышей. На первом плане пожилой всадник в красноватом халате, сидящий на рыжем скаковом коне. Короткая тень указывает на полдень. Лицо персонажа не передаёт сложных душевных движений, а вот фигура и поза весьма выразительны. С большой наблюдательностью художник передаёт характерные внешние особенности определённого народа, его социальную принадлежность. Картина отличается живостью передачи воздуха и света, с большим мастерством выстроено её пространство. Эта работа демонстрирует достоинства В. Верещагина, как колориста: в ней есть живописное восприятие среднеазиатской природы. Палитра художника в этой работе светлая, звучная и чистая. Мы наблюдаем совершенствование художественного метода мастера, который сочетал в себе этнографа-исследователя, страстного путешественника и крупного художника. Этот небольшой по размерам этюд представляет собой тщательно написанное, законченное произведение небольшого размера, обладающее какой-то значительностью и ощущением необъятности степного простора.

В следующем зале основной музейной экспозиции, наряду с картинами передвижников, представлена работа «Проход Барскаун» (Барсово ущелье). Картина «Проход Барскаун», написанная Василием Верещагиным в 1869–1870 годах (ему тогда было 27 лет), относится так же к Туркестанской серии, созданной под впечатлением от путешествия по Средней Азии. Правда, картины писались преимущественно уже после путешествия.

На картине изображена окаймлённая деревьями речка, протекающая среди высоких гор. Склон горы слева в тени, гора справа и половина реки освещена солнцем. Работа в 1933 г. поступила из ГТГ. Ущелье Барскаун расположено на южном побережье озера Иссык-Куль в пойме одноимённой реки. Протяжённость ущелья около 10 км. Ущелье знаменито своими

Верещагин В.В. Проход Барскаун. Россия. Кон. XIX в. Холст, масло, 26×36

водопадами. Один из наиболее известных — «Слёзы барса». Многие мелкие речушки, впадающие в реку Барскоон — золотоносные, и в солнечные дни маленькие крупинки золотого песка сверкают у их берегов. Два года Василий Верещагин вместе с государственной комиссией колесил по степям и селениям, изучал нравы, историю, религиозные верования народов. Путешествуя по Семиреченской области (центром был город Верный, ныне — Алма-Ата), населённой преимущественно казахами и киргизами, он побывал на озере Иссык-Куль. Возможно, именно тогда Верещагин вдохновился на написание «Прохода Барскаун». В 1873 году, уже после возвращения, Верещагин решил выставить законченные картины Туркестанской серии на обозрение публики. Есть ещё несколько версий картины с аналогичным названием «Проход Барскаун»: Астраханская картинная галерея имени П. М. Догадина, 26,5×26,5; Краснодарский краевой художественный музей имени Ф. А. Коваленко, 26,8×36,1; Череповецкое музейное объединение, 17×26,3.

Для обеих работ из собрания КМИИ характерен точный контурный рисунок, линейно-пластическое решение формы, локальный, присущий предмету, цвет, линейно-перспективная композиция с чётким делением на планы. Русская живопись конца 60-х и начала 70-х годов больше строилась на эффектах светотени, а не на цветовом звучании и поэтому работы Василия Верещагина представляют собой интересное и необычное явление.

Верещагин-художник и Верещагин-писатель шли рука об руку. Наблюдательность живописца, вдумчивость этнографа, высокая культура русского интеллигента запечатлелись не только на холсте, но и в путевых записках «От Оренбурга до Ташкента», написанных в лучших традициях русской классической прозы — прозрачно, легко, доходчиво. Изображения В. В. Верещагина в сочетании с описаниями его путевых наблюдений составляют редкий научный источник по культуре и быту населения Центральной Азии, созданный очевидцем, относящийся к 1870-м годам и зафиксировавший местную жизнь, фактически до прихода русских в край.

Творчеству В. В. Верещагина очень близко творчеству передвижников: художник черпал свой материал в глубинах народной жизни, он новаторски решал задачи художественной формы, добивался простой и естественной композиции, верного и выразительного рисунка, пластической ясности объёма, правдивого колорита. Это родство наблюдалось не только в сфере творчества, но и в эстетических взглядах. Художник неоднократно принимал участие в выставках Товарищества передвижников, дружил со многими художниками-передвижниками и даже обратился с просьбой принять его в члены этого объединения в 1874 году, но собрание передвижников решило сначала принять его кандидатом в члены Товарищества. Впоследствии В. Верещагин так и не закрепил своё членство — то ли по причине занятости, то ли в следствии своего индивидуализма. Подобно передвижникам, Верещагин рассматривал своё искусство и свою деятельность как дело общественного служения, подчинял их интересам народа. Но художник не видел для себя необходимости в организационном сближении с передвижниками, видимо, на том основании, что его глубоко содержательные картины всегда привлекали к себе и без соседства с произведениями других художников огромные массы зрителей.

Живопись и графику, привезённые из Туркестана, художник представил в 1869 году в столице. Большинство работ были выполнены в этюдной манере. Благодаря картинам Верещагина посетители увидели неизвестную им Среднюю Азию: невольничий рынок, нищих опиумоедов и женщин, с головы до ног укрытых одеяниями.

После выставки Верещагин снова отправился в Туркестан. На этот раз его путь пролегал через Сибирь, киргизские земли и Западный Китай. Художник создавал портреты простых жителей, изображал сцены из их жизни. Он собрал множество местных орнаментов, зарисовал узоры, которые украшали оружие местных воинов. В поисках колоритных пейзажей он уезжал в горы близ Иссык-Куля, в Боомском ущелье и на перевалах горного хребта Алатау. В работах художник использовал тонкий мазок и яркие, насыщенные оттенки, которые лучше передавали зной азиатских пейзажей.

В 1871 году Василий Верещагин переехал в Мюнхен. В мастерской своего друга Теодора Горшельда художник писал свои восточные картины — «Богатого киргизского охотника с соколом», «Двери Тамерлана», серию батальных сцен «Варвары» и другие работы. Всего в Туркестанскую серию вошли 13 полотен, 81 этюд и 133 рисунка. В 1873 году Верещагин выставил весь цикл в Хрустальном дворце в Лондоне.

Художник хотел привезти всю серию в Россию, поэтому предупредил английских коллекционеров, что картины не продаются. В каталоге к выставке он разместил пояснение к каждому полотну, а о своём путешествии в Туркестан, об азиатской культуре и традициях написал очерк «Поездка по Средней Азии». Его опубликовал французский журнал Le Tour du Monde, позже работа вышла на страницах английской прессы.

Первая масштабная выставка Верещагина прошла в Петербурге в 1874 году. Тогда от желающих увидеть картины не было отбоя — залы Министерства внутренних дел едва вмещали всех посетителей. Весь тираж каталогов выставки — 30 тысяч экземпляров — раскупили.

Но высшие государственные чины не одобрили работ Верещагина: незадолго до выставки император подписал указ о всеобщей воинской повинности, и от художника ожидали триумфальных полотен с победными атаками, портретов военачальников с орденами. А Верещагин изображал обратную сторону батальных сцен: нечеловеческий труд, уставших, раненых, погибших людей. Художника обвинили в антипатриотизме и сочувствии к врагу.

Многие коллеги-художники упрекали Верещагина за стиль: он щедро использовал яркие краски, а это было нетипично для академической живописи тех лет. Однако Иван Крамской назвал серию успехом русской школы, а Павел Третьяков приобрёл весь туркестанский цикл за большие деньги — 97 000 рублей.

К картинам Верещагин заказал специальные рамы: массивные, обильно украшенные. Они становились частью работы и подчёркивали настроение каждой картины. На рамы Туркестанской серии Верещагин изначально планировал нанести арабскую вязь, однако арабского не знал. Он подготовил эскизы с узором, который перекликался с восточным орнаментом на дверях мечетей и дворцов. Багеты изготавливали из дерева, наносили глянцевую или матовую позолоту. Иногда рамы были настолько объёмные, что по площади превосходили само полотно.

Художник настолько детально описывал увиденное на холсте, что критик Бенуа сравнивал картины Верещагина с анатомическими атласами и гербариями. Как объясняет старший научный сотрудник Государственной Третьяковской галереи Любовь Головина, Верещагин придерживался позитивистской философии. «Для него факт — это Бог. Верещагин не ставил перед собой чисто художественных задач. А ставил глобальные, философские, мировые, общечеловеческие. И решал их так, как понимал»,— говорит Головина. А Островский сумел одной строчкой объяснить, почему одни Верещагиным восторгались, а другие — критиковали: «Творческому воображению художник не давал воли, и в этом была его и сила, и слабость».

«Верещагинский» реализм, таким образом, кардинально отличается от, привычного нам, представления о реализме, как творческом методе. Это, скорее, универсальный, противопоставленный «идеализму», принцип осмысления действительности — и не только образного осмысления. И в этом смысле реализм может указать новые пути восприятия мира и его обновления. Специфика Верещагина — в совмещении двух качеств. Во-первых, он во многом был не русским художником. Во-вторых, в первую очередь он был ориентирован всё-таки именно на русскую аудиторию, в том числе демонстрируя ей свой всемирный успех; например — открывая большую выставку в Петербурге уже после того, как о ней отозвались в зарубежной печати. Живописный язык Верещагина сформировался в период его учёбы у знаменитого французского ориенталиста Жерома. Интернационализм как художественного языка, так и сюжетов (от туркестанских до индийских) делает Верещагина международным художником.

В художественной карьере Верещагина больших заграничных выставок будет в два раза больше, чем отечественных, а русскую публику он будет изумлять непривычностью как живописи и оформления выставочных залов, так и способа преподносить себя аудитории.

Он стремился средствами живописи рассказывать — то есть представлять — динамику вместо схваченного выразительного мгновения. Эффект у зрителя должен был возникать на выставке при переходе от одной картины к другой; само движение наблюдателя вовлекало его в происходящее.

На своей петербургской выставке 1880 г. Верещагин даже пытался устроить оркестр, которым должен был управлять Римский-Корсаков. В последний момент дело расстроилось, но фонограф или, по возможности, фортепьянный аккомпанемент выставке Верещагин старательно создавал. Сами выставки обтягивались бордовой тканью, ставился электрический свет (по тем временам нечто невиданное), в залах звучала музыка.

Многочисленные работы Верещагина на темы мирной жизни народов, главным образом, народов Востока, отличаются не только глубокой правдой, типичностью образов, но и прогрессивной гуманистической направленностью, чем выгодно отличаются от бессчётного числа картин русских и ряда европейских художников X1X века, часто подходивших к подобной задаче с позиций колонизаторов и сочетавших интерес к экзотике с неуважением к народам Азии.

Список литературы

1. Василий Васильевич Верещагин. М.: Изобразительное искусство, 1974. С. 12–13, 16–17.
2. *Садовень В., Верещагин В. В.* Очерки по истории Русской живописи второй половины XIX века. М.: Издательство Государственной Третьяковской галереи, 1950. Г. 4, 5, 6. С. 35–36.
3. *Лебедев А. К.* Василий Васильевич Верещагин. Жизнь и творчество 1842–1904. М.: Искусство, 1972.
4. Туркестанская серия картин. В. Верещагин. Источник: https://ecoprog.ru/turkestanskaya-seriya-kartin-v-vereshchagin-vasilii-vereshchagin.html
5. Туркестанская серия художника-баталиста Верещагина. Источник: http://arkona.kz/turkestanskaya-seriya-xudozhnika-batalista-vereshhagina/

К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ ДВУХ АЛЬБОМОВ ИЗ СОБРАНИЯ КАЛУЖСКОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ

М. В. Зверева,
кандидат культурологии, заведующая отделом,
Калужский музей изобразительных искусств

В фонде Калужского музея изобразительных искусств (КМИИ) хранится ряд старинных альбомов гравюр, требующих уточнения авторства и датировок. Разобраться в сложном вопросе атрибуции этих альбомов бывает непросто. Речь идёт о сериях гравюр без титульного листа и без сведений об авторе. Примером вышесказанного может служить альбом гравюр[1] с иллюстрациями к первой части «Божественной комедии» Данте Алигьери — «Ад». Альбом «одет» в зелёный переплёт, на тёмно-красном корешке которого золочёными литерами вытиснено название: «INFERNO DI DANTE ALIGIERI». На первом листе карандашная надпись, сделанная рукой бывшего владельца альбома Д. С. Горчакова: «Не обрезать!». Бумага соответствует образцам конца XVIII — начала XIX века.

Рис. 1. Лист № 1 из альбома гравюр по сюжетам «Божественной комедии» Данте. Бумага, гравюра очерком. КМИИ. Инв. № Г-2392/1

Все листы, кроме одного[2], пронумерованы и снабжены соответствующей цитатой на итальянском языке, награвированной прописными буквами под изображением. Гравюра без надписи — единственная, не имеющая номера; кроме того, сюжет её неясен (рис. 1). Кто эти три загадочные женские фигуры, в ногах у которых ангелы держат ленту с надписью «AT SPES NON FRACNA» («Но надежда не потеряна» — лат.)? Почему лист не имеет номера? Каким образом сюжет может быть соотнесён с первой частью «Божественной комедии» Данте?. Все становится понятным при обращении ко второй песне «Ада»:

Зачем не светел смелою гордыней,
Когда у трёх благословенных жён
Ты в небесах обрёл слова защиты
И дивный путь тебе предвозвещен?
(перевод М. Лозинского).

Согласно комментариям С. Аверинцева и А. Михайлова[3], «три благословенные жены» — это Мария, Лючия и Беатриче. С этой гипотезой согласуется и надпись на ленте: «Но надежда не потеряна». Данную гравюру можно рассматривать в качестве иллюстрации к вступительной части поэмы.

[1] КМИИ. Инв. Г-2392/1–39.
[2] КМИИ. Инв. Г-2392/1.
[3] *Данте Алигьери.* Божественная комедия. Новая жизнь. М.: Издательство «Иностранка», 2017. С. 522.

Однако на листах нет ни подписи, ни монограммы гравёра, ни даты выпуска. Сопоставление изображений с гравюрами[1] по рисункам известного британского скульптора-классициста Джона Флаксмана (1755–1826) позволяет предположить, что именно он является автором оригинала. Действительно, в 1792 году Флаксман по заказу голландского банкира и коллекционера Томаса Хоупа создаёт серию из 110 иллюстраций к бессмертной «Божественной комедии» Данте Алигьери. «Возвышенной наивностью» рисунков Флаксмана восхищались многие современники мастера, видевшие в них воплощение идеала красоты. Ему удалось уловить драматическую суть каждой сцены и перевести достаточно сложный язык Данте в изысканные контурные рисунки, «очищенные» от всего лишнего. «Этрусский стиль» Флаксмана, основанный на изучении памятников древнего Рима и Помпеи, оказал огромное влияние на многих современных ему художников. Цикл иллюстраций к «Божественной комедии» стал самым значительным трудом всей жизни Флаксмана и сделал его знаменитым.

В 1793 году рисунки Флаксмана[2] были факсимильно воспроизведены итальянским гравёром Томмазо Пироли (1752–1824), приобретя при этом графическую законченность и чистоту[3]. Пироли был известным мастером резцовой гравюры по меди, другом знаменитого Джованни Баттиста Пиранези. Он много и плодотворно работал с сыновьями Пиранези над изданием увража «Antiquités d'Herculanum», награвировал ряд карикатур и портретов. Значительное количество произведений Пироли находится в коллекции Британского музея и Национального музея в Стокгольме.

Рис. 2. Томмазо Пироли (1752–1824). Титульный лист. Из серии гравюр очерком к «Аду» Данте по рисункам Джона Флаксмана. 1807. Королевская академия художеств. Лондон

Первое издание серии гравюр по Флаксману не было предназначено для широкого распространения, весь тираж Хоуп держал в тайне, распределив его между избранными заказчиками. Однако в 1802 году Пироли самовольно напечатал ещё несколько экземпляров из этого цикла[4], и гравюры быстро распространились по всей Европе. В 1807 году состоялось первое официальное издание альбома, дополненное титульным листом с изображением Данте Алигьери и выходными данными издания (рис. 2), включающими имена автора рисунков (Джона Флаксмана), гравёра (Томмазо Пироли), а также заказчика (Томаса Хоупа). Кроме того, наряду с датой выпуска (1807) стояла дата первой публикации (1793). От первого издания выпуск 1807 года отличался тем, что надписи на листах были награвированы на двух языках: итальянском и английском, печатными буквами (рис. 3). Что касается издания 1793 года, то надписи, сделанные Флаксманом вручную, были воспроизведены факсимильно (рис. 4) на всех листах.

На основании вышеизложенного можно сделать предположение, что наш альбом относится к первому изданию и был выпущен в свет в промежутке между 1793 и 1802 годами.

---

[1] *Bentley G. E.* The early engravings of Flaxman's classical designs (1964).

[2] Оригинальные рисунки Джона Флаксмана к «Божественной комедии» Данте Алигьери хранятся в библиотеке Гарвардского университета.

[3] *Флекель М. И.* От Маркантонио Раймонди до Остроумовой-Лебедевой. Очерки по истории и технике репродукционной гравюры XVI–XX веков. М., «Искусство». 1987. С. 203.

[4] La Divina Comedia di Dante Alighieri: cioè l'Inferno, Il Purgatorio ed il Paradiso / composto da Giovanni Flaxman, scultore inglese ed inciso da Tommaso Piroli. Roma, presso l'autore, 1802.

Рис. 3. Томмазо Пироли (1752–1824). Вергилий и Беатриче. Из серии гравюр очерком к «Аду» Данте по рисункам Джона Флаксмана. 1807. Королевская академия художеств. Лондон

Рис. 4. Томмазо Пироли (1752–1824). Вергилий и Беатриче. Из серии гравюр очерком к «Аду» Данте по рисункам Джона Флаксмана. 1793. КМИИ, Инв. № Г-2392/3

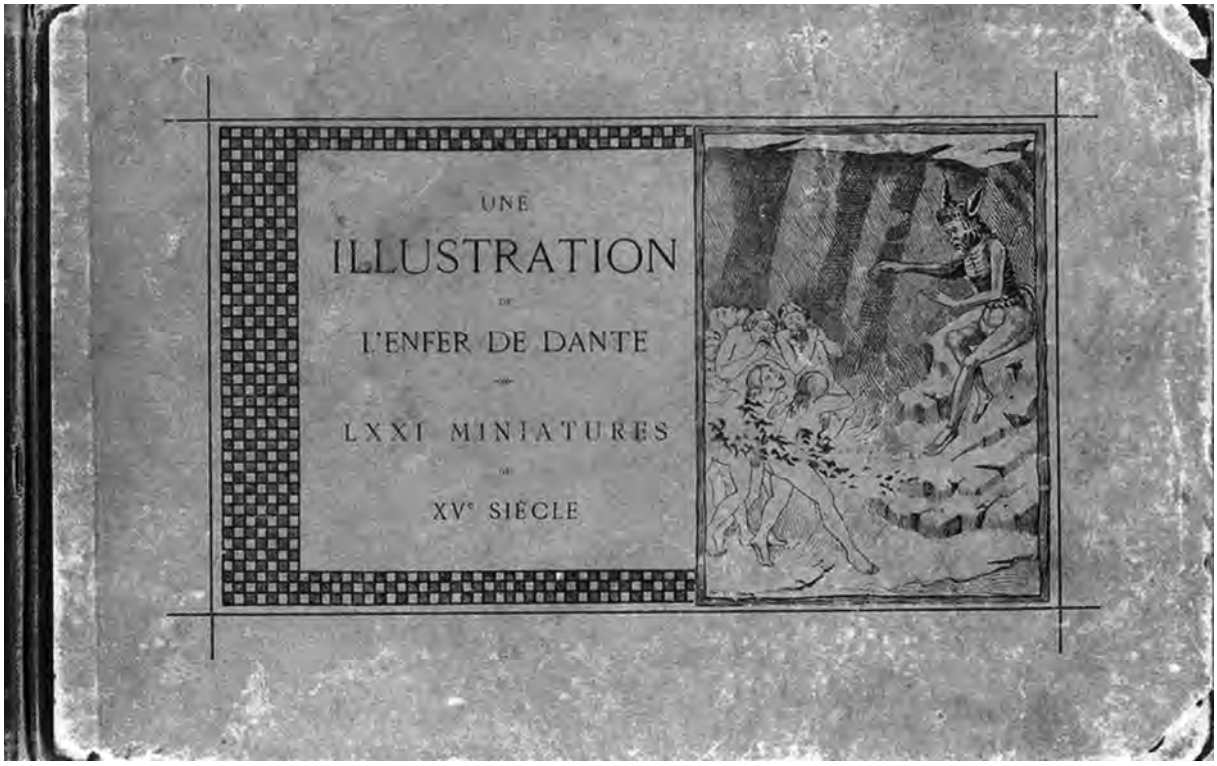
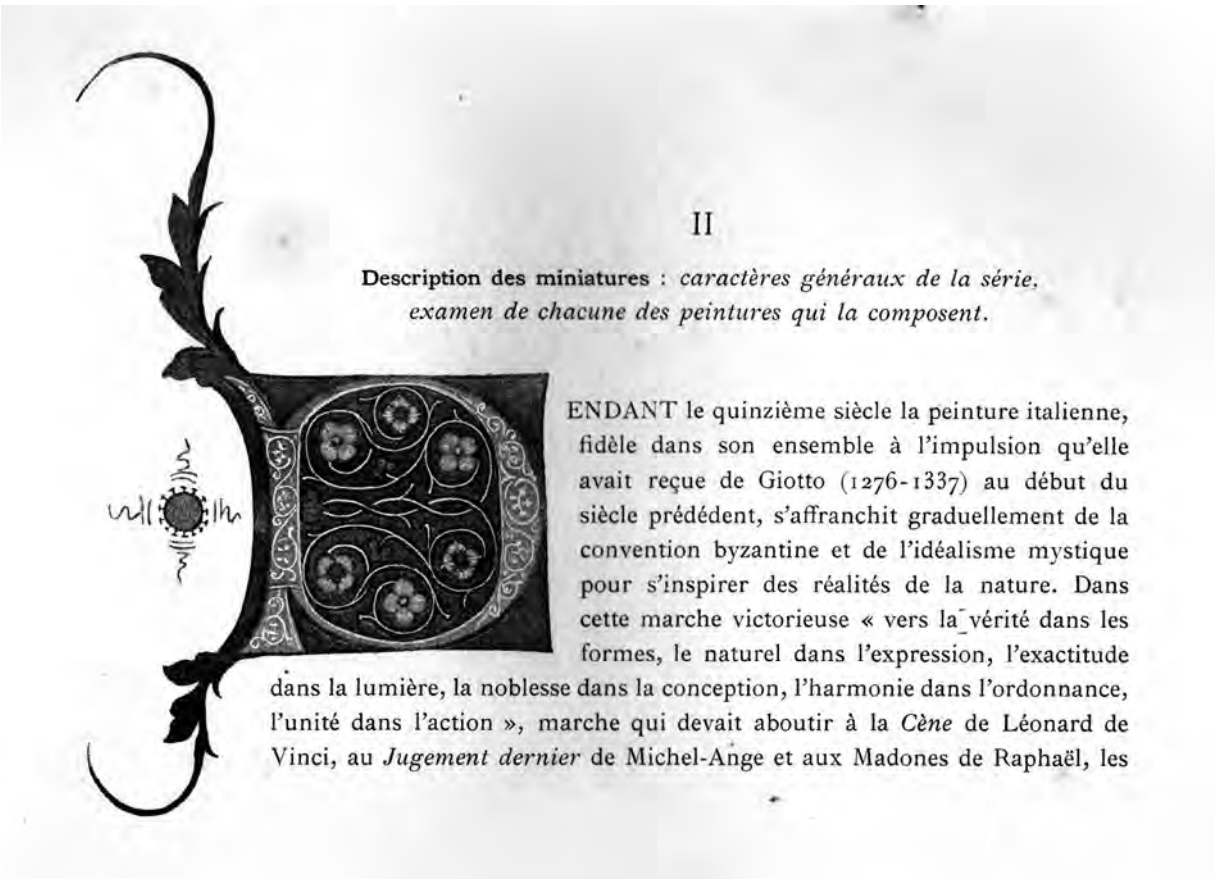


Рис. 5. Альбом иллюстраций к «Божественной комедии» Данте. 1896 г. КМИИ. Инв. № К-91

Однако проблемы при изучении того или иного произведения могут возникнуть и при наличии имени автора. Так, в фонде КМИИ имеется ещё один альбом с иллюстрациями к «Божественной комедии» Данте Алигьери[1] (рис. 5). Титульный лист содержит подробную информацию об издании: «UNE ILLUSTRATION / DE / L'ENFER DE DANTE / LXXI MINIATURES DU XV^eSIECLE / REPRODUCTION EN PHOTOTYPIE ET DESCRIPTION / PAR C. MOREL / CHANCELIER DE L'UNIVERSITE DE FRIBOURG EN SUISSE / PARIS / LIBRAIRIE UNIVERSITAIRE H. WELTER, EDITEUR / 59, RUE BONAPARTE, 59 / M.DCCC.

[1] КМИИ. Инв. К-91.



II

Description des miniatures : *caractères généraux de la série, examen de chacune des peintures qui la composent.*

PENDANT le quinzième siècle la peinture italienne, fidèle dans son ensemble à l'impulsion qu'elle avait reçue de Giotto (1276-1337) au début du siècle prédédent, s'affranchit graduellement de la convention byzantine et de l'idéalisme mystique pour s'inspirer des réalités de la nature. Dans cette marche victorieuse « vers la vérité dans les formes, le naturel dans l'expression, l'exactitude dans la lumière, la noblesse dans la conception, l'harmonie dans l'ordonnance, l'unité dans l'action », marche qui devait aboutir à la *Cène* de Léonard de Vinci, au *Jugement dernier* de Michel-Ange et aux Madones de Raphaël, les

Рис. 6. Лист из альбома иллюстраций к «Божественной комедии» Данте. 1896 г. КМИИ. Инв. № К-91

Рис. 7. Ад. Песнь третья. Вергилий и Данте у входа в Ад. Фототипия с миниатюры XV века (Имола). Лист из альбома иллюстраций к «Божественной комедии» Данте. 1896 г. КМИИ. Инв. № К-91/6

XCVI» — «Иллюстрации к Аду Данте. Семьдесят одна миниатюра XV века, воспроизведённая в технике фототипии, с описаниями К. Мореля, ректора Фрибурского университета в Швейцарии. Париж, Университетская библиотека. Издание Вельтера. Рю Бонапарт, 59. 1896». Далее следует лист с посвящением данного труда матери автора: «A ma mère / Hommage de l'amour le plus respectueux, le plus tendre et le plus devoué. Camille Morel».

К сожалению, биография автора текста — Камиля Мореля (1868–19…) — осталась неизвестной, как и дата его смерти. Удалось выяснить, что Морель был доктором филологических наук, специалистом по переводу старинных текстов с немецкого и итальянского языков на французский. Основной областью интересов Мореля было изучение средневековых изданий-инкунабул «Божественной комедии» Данте Алигьери[1]. В упомянутом выше альбоме он приводит описание манускрипта XV века, хранящегося в Национальной библиотеке Франции (рис. 6). Несколько листов из него находится в библиотеке итальянского города Имола. Издание представляет большую ценность для исследователей книжной миниатюры XV века, поскольку все иллюстрации выполнены в натуральную величину в технике фототипии, обеспечившей высокое качество воспроизведения (рис. 7). Кроме того, каждая миниатюра сопровождена соответствующим текстом и подробнейшим анализом, что, безусловно, заинтересует филологов-дантоведов.

Таким образом, нам удалось уточнить авторство данного альбома и раскрыть его содержание.

ГОРОДСКОЙ КОСТЮМ XVII — НАЧАЛО XX в. г. КАЛУГИ

И. А. Зубкова, *директор;*
Т. И. Фомичёва, *специалист по фольклору,*
Музейно-краеведческий центр «Палаты Коробовых»

Исследования, связанные с изучением русского костюма, в основном, были направлены на изучение предметов одежды крестьянства, сельского населения страны и её отдельных регионов. Научных изысканий, касающихся городской одежды, и, прежде всего, костюма жителей средних и малых городов, значительно меньше. Обращение к калужскому городскому костюму в связи с этим может представлять определённый интерес, дополняя сведения о провинциальном городском костюме в целом и позволяя при этом обратить внимание на особенности одежды в конкретном городе.

Одежде в быту горожан придавалось огромное значение, причём не только с утилитарной точки зрения. В отличие от крестьянской городская одежда несла и важную информативную функцию. И мужской, и женский костюм включал целую систему признаков, указывающих примерный возраст владельца, национальную принадлежность, социальную группу, а зачастую и квартал, где он живёт, холост, женат или вдов, богат или беден и даже — не подвергался ли наказанию или опале. В городе эти своего рода «знаковые системы» были значительно более разнообразны, чем в деревне, уже в силу самой специфики города как поселения с более сложным этническим и социальным составом.

Затрагивая тему русского городского костюма, исследователи неизменно отмечают, что продолжительное время основным элементом одежды крестьян и горожан, мужчин и женщин, богатых и бедных, независимо от региона, без которой вообще не мыслилась одежда, была рубаха или сорочка. Сорочка обозначала собственно нательную рубаху (у бедных людей единственную, у богатых — нижнюю). К XVI веку и мужская и женская рубашки были двух родов — нижние и верхние. Нижняя рубашка изготавливалась из более лёгкого, тонкого материала и меньше украшалась. Верхняя рубаха или «верхница» могла быть сшита из более плотного и красивого цветного материала и всегда украшена. О покрое рубах горожан в исторических документах имеется

[1] *Morel C. (Camille).* Les plus anciennes traductions françaises de la Divine comédie, publiées pour la première fois d'après les manuscrits. Paris, Librairie universitaire, 1897.

Рис. 1. Мужские и женские костюмы русские и инородческие
из альбома А. Мейерберга «Виды и бытовые картины России XVII в.»

очень мало сведений. Немногие дошедшие до нас рубахи XVI–XVII вв. — мужские — и все они принадлежат московской знати — членам царской семьи, князьям Скопину-Шуйскому, Пожарскому. Подробное описание одежды горожан приводит в своих записках «Путешествие в Московию» Август Мейерберг. К «Запискам» прилагается Альбом авторских рисунков, на которых, в частности, представлены и образцы мужского и женского платья жителей русского государства в XVII веке (рис. 1–3).

Рис. 2. Женские костюмы.
Из альбома А. Мейерберга «Виды и бытовые картины России XVII в.»

В начале XVIII века у высших слоёв городского населения русскую рубаху сменили «голландские» рубашки с жабо, затем появились рубашки, сшитые по тогдашней западноевропейской моде. У средних же и у низших слоёв городского населения русская рубаха (несколько изменённого покроя, с небольшим стоячим воротником) удержалась, по крайней мере, до середины XIX (кое-где и до XX века). Предпочтение отдавалось цветным рубахам (большей частью — красным). Женские верхние рубахи сохранились лишь в тех городах, где бытовала ещё традиционная одежда.

Рис. 3. Мужские костюмы русские и инородческие
из альбома А. Мейерберга «Виды и бытовые картины России XVII в.»

Русские мужские штаны были ближе к европейским и отличались от широких восточных шальвар. Порты, как и рубахи, очевидно, бывали нижние и верхние. Нижние порты должны были быть из тонкой материи — холщёвые или шёлковые, верхние — из более плотных цветных материй — сукна, а иногда шёлка, бархата и даже золотных материй, позднее — из плиса, из козьей шерсти или меха. В первые три периода развития городов (до конца XVII века) штаны горожан по покрою не отличались от крестьянских и, по-видимому, не имели карманов; все нужные мелкие вещи горожанин носил на поясе.

Из верхнего платья мужского населения городов в XVII веке наиболее старинным, как полагают историки моды и искусствоведы, являлась свита. Свита упоминается как одежда вплоть до середины XIX века. Историк М. Г. Рабинович указывает: «Судя по изображениям, верхняя одежда этого типа была длинной, примерно, до икр, плотно облегала стан и имела иногда отложной воротник и обшлага. Она могла быть глухой и распашной с красивыми застёжками, полы и обшлага могли быть украшены вышивкой». В письменных источниках XVI–XVII века упоминается также зипун. Возможно, были они как роскошные, так и простые, грубые. Одновременно с зипуном в качестве верхней одежды мужчин (реже — женщин) в XVII столетии существовал кафтан. В зависимости от назначения и моды кафтан шили длиннее или короче, свободный или в талию, но всегда из плотной, относительно хорошей материи. В XVI–XVII вв. слово «кафтан» распространяется на очень широкий круг одежд, так что понадобились дополнительные обозначения — русский, турский, польский, венгерский, терлик, указывающие на детали покроя и отделки, связанные с модой. Кафтан был настолько распространённой одеждой, что уже в XVI веке в русских городах работали мастера — портные — кафтанники.

Основным видом женской одежды жительниц городов была рубаха и сарафан. Интересно отметить, что до XVII столетия термин «сарафан» употреблялся применительно и к мужской одежде. В дальнейшем, в XVIII–XIX вв., сарафан повсеместно был основной одеждой русских горожанок на севере, на юге и в Центральной России. Женский сарафан в России имел и другое название: «шуба» или «шубка». Название «шубка» сохранялось за сарафанами ещё и в XIX веке в Московской, Рязанской, Калужской, Тульской и многих других губерниях. Калужский музей — заповедник располагает документами, которые в свадебной обрядности получили название «Свадебной сговорной записи» и представляют собой перечень предметов, составляющих приданое калужской невесты. В сговорной записи, датированной 1700 годом, среди предметов одежды, которую носили горожанки в конце XVII начале XVIII вв., указаны и — шубки: «Я, Алексеевской слободы посадский человек, Пётр Алексеев сын Каранов, в нынешнем, тысяча семисотом году, 22 июля сговорил дочь свою родную, девицу Екатерину, Петрову дочь, Семёновской слободы, за посадского человека Григория Ефимова, сына Рыбникова. …Да приданого даю: шубка камчатая (крытая узорчатой шёлковой тканью), шубка тёплая лудинная (т. е. крытая драгоценной тканью, в которой использованы золотые нити), шубка тёплая тафтяная на белках, шубка жёлтая холодная с кружевом; шубка киндяшная (крытая шёлковой тканью, которая чаще всего была красного цвета) тёплая на зайцах, две шубки кумашные холодные; кошник жемчужный на объяри; цепочка с крестами; две шубки крашенные новые; сундук с бельём»[1].

В XVIII веке продолжалось широкое распространение сарафана в городах. В середине XIX столетия сарафан был наиболее распространённой традиционной одеждой горожанок во всей России и, безусловно, в Калуге.

Почти повсеместно и очень долго востребованной плечевой одеждой горожанок была душегрея — короткая распашная кофта, собранная сзади во множество сборок, охватывающих талию пышным кольцом. Вариантом душегреи был появившийся в XVII веке бострог — безрукавка со сборами, которую шили обычно из недорогих тканей и носили не с сарафаном, а с юбкой. В Списке свадебной договорной росписи 1713 года, также из фондов Калужского объединённого музея-заповедника, в богатом приданом невесты указан и бострог: «А благославляю я Фёдор Елизарьев, сын Гурьев сестру свою, девицу Татьяну…да приданого даю платья: бострог камчатый с кружевом, юбка камчатая фалды камчатая. Кунтош камчатый с лисьим мехом. Бострог камчатый, юбка тафтяная фалды тафтяные. Кунтош китайчатый на заячьем меху. Бострог тафтяной, юбка китайчатая с фалдами. Телогрея камчатая беличья. …Чепец из объяри с кружевом, чепец камчатый с позументом, повойник камчатый…»[2]

Другой верхней одеждой можно назвать телогрею, которая также надевалась поверх сарафана и была похожа на него по крою, но имела длинные, сужавшиеся к кисти рукава, иногда откидные. Телогрея была распашной, застёгивалась на множество пуговиц. Шили её из шёлковых материй, на шёлковой подкладке или на меху.

---

[1] «Свадебная сговорная запись 1700». КОМЗ. КП 13984.

[2] «Список свадебной сговорной росписи 1713». КОМЗ. КП 13983.

В первый период развития городов верхняя тёплая одежда не отличалась разнообразием. Чаще всего упоминается кожух. Мало у кого из горожан не было овчинного кожуха или, как его позже стали называть — тулупа. Рядовые горожане одевались в нагольные кожухи или более короткие — полушубки. Люди побогаче шили роскошные кожухи, покрытые золотой византийской материей, обшитые кружевами, украшенные каменьями. Если народ носил кожухи, защищаясь от холода, то богачи щеголяли в них и в тёплое время года. В последующие периоды тёплой верхней одеждой горожан–мужчин и женщин-были шубы. Шубы отличались по покрою и материалу. Шубы состоятельных горожан сверху покрывались роскошными тканями, украшались кружевом, пуговицами серебряными и позолоченными.

В конце XVIII — начале XIX в. верхнее уличное платье изменилось больше всего. Хотя и в XIX веке среди городского населения был востребован тот же самый кожух или тулуп. В книге «Калуга и калужане» Евгений Фридгельм приводит интересный материал, связанный с этим видом одежды: «Ремесленник Ланеев, ставший затем маститым (калужским) купцом, сколотил состояние на пошиве нагольных тулупов и полушубков из простых русских овчин. Размах его предприятия достиг того, что он стал нанимать 40 и более работников. Идя по городу, купец тыкал пальцем в стороны: «Глянь, мой пошёл. И тот, на козлах, в моей овчине. Я свою работу за версту угляжу. Справно как»[1]. Конец XVII начало XVIII века — переломный этап в истории России и новый этап в развитии костюма русского общества. Реформы, проводимые Петром I, затронули все стороны жизни, происходит коренная ломка патриархального быта. В одежде на смену старорусскому долгополому платью приходит костюм западного образца: предписывалось носить платья «на манер венгерского» «всех чинов людям, кроме духовенства, извозчиков и пахотных крестьян». Первоначально костюмы новые по своему стилю были — редкостью. И, если дворянство довольно быстро стало осваивать новую одежду, то основной слой жителей просто приспосабливал традиционный русский костюм к европейскому наряду.

Известно с давних времён, что новая мода в провинциальные города проникала гораздо медленнее. И даже в середине XIX века некоторые представители купеческого сословия старались придерживаться, так называемого, традиционного костюма. Портрет калужского купца И. И. Антипина можно привести в качестве примера этого явления. Портретируемый купец, сохраняя свой патриархальный облик, позирует в кафтане старорусского покроя (рис. 4).

Рис. 4. Неизвестный художник. Портрет купца И. И. Антипина. Российская Империя. Первая половина XIX в. Холст, масло. КОМЗ

Горожанки «среднего состояния» — мещанки — носили в XVIII веке традиционный русский женский костюм с сарафаном. Но под влиянием западноевропейской моды появился женский городской костюм в виде «парочки» — юбки и бострога из одинаковой материи. Рядовой горожанин должен был иметь по крайней мере по три «перемены» одежды — платье «доброе», «поддоброе», «третье»– на разные случаи жизни. В одном ходили на гулянье, вообще на улицу, в церковь, в гости, другое предназначалось для дома, третье — для работы. В Калуге определённое время был интересный обычай: девушки лучшее платье надевали, отправляясь, как правило, целой компанией по воду. Это был своеобразный смотр невест. Замечательное описание подобного обычая мы находим у писателя П. П. Свиньина: «…жёны богатейших купцов надевали свои драгоценные кокошники и повязки, накладывая на плечи бархатные, соболями

[1] *Фридгельм Е.* Калуга и калужане. Быт и нравы жителей губернского города конца XIX — начала XX века. Калуга, 1998. С. 87.

опушённые душегрейки, и в сопровождении прислужниц, как царевны у Гомера, являлись на быстром Крутце полоскать бельё. Крутец так же, как баня у мусульман, был единственным гулянием для калужских красавиц; но преимущественнее и приятнее ещё тем, что каждой известно было, что любопытный взор жениха (которые по древнему русскому обычаю здесь могли только видеть своих невест) стережёт её прелести»[1].

Пестрота городской улицы в XVIII столетии усилилась благодаря смешению традиционной и новой одежды. Начиная с Петра I, развитие городского костюма в России уже шло в едином русле с общеевропейским (рис. 5). К ценным источникам информации, которые дают возможность представить, как отражались веяния времени на жителях разных регионов, в частности и Калужской земли, в выборе одежды, являются портреты. В Калужском объединённом музее-заповеднике находятся портреты XVIII и XIX вв., благодаря которым мы может судить о калужском городском костюме.

Рис. 5. Неизвестный художник. Портрет купца И. Н. Кишкина. Российская Империя 1782 г. Холст, масло. КОМЗ

В коллекции несомненный интерес представляет портрет Екатерины II в калужском кокошнике, на котором императрица изображена неизвестным художником. Оригинал картины в настоящее время хранится в Санкт-Петербурге в Государственном Эрмитаже. Это «Портрет Екатерины II в шугае и кокошнике, выполненный придворным живописцем Вигилиусом Эриксеном. В исследовании В. А. Бессонова «Портрет Екатерины II в калужском кокошнике» представлено подробное описание изображения императрицы: «…поясной портрет Екатерины II, выполненный на холсте масляными красками неизвестным художником. На нём императрица изображена в белом расшитом золотом, украшенном блёстками платье с массивными круглыми пуговицами. Поверх платья надета красного цвета душегрейка, отороченная чёрным мехом. Шея украшена жемчужным ожерельем в 4 нитки с 4 подвесками. На ушах — жемчужные серёжки, составляющие с ожерельем единый комплект. Голову императрицы покрывает чёрный кокошник, расшитый фигурными серебряными пластинками (в верхней части в форме ромбов; в нижней — в форме листьев и кругов), на которых закреплены разного размера бриллианты. Низ кокошника обрамлён 4 нитками жемчуга, а верх прикрыт белым, под цвет платья платком»[2] (рис. 6).

Рис. 6. Неизвестный художник. Портрет Екатерины II в калужском кокошнике. Холст, масло. Последняя четверть XVIII в. КОМЗ

[1] *Свиньин П. П.* Извлечения из Археологического путешествия по России в 1825 г. / Труды и Записки Общества истории и древностей Российских учреждённого при Императорском Московском университете. М., 1826. С. 185.

[2] *Бессонов В. А.* Портрет Екатерины II в калужском кокошнике // Калуга в шести веках: материалы 10-й городской краеведческой конференции. Калуга, 2015. С. 4.

Рис. 7. Калужский костюм XVIII в. Гравюра

В отличие от предыдущего времени на протяжении XVIII столетия силуэт мужского и женского костюма неоднократно менялся под влиянием моды. Новое, неведомое ранее русскому обществу явление — мода — доставляло много хлопот своим приверженцам. С течением времени появляются новые виды одежды: например, накидки, верх которых делался из ткани, подкладка — из меха. У накидки не было прорезей для рук и воротника. Накидку же с меховым воротником и прорезями для рук — называли епанчой. Другим видом тёплой одежды XVIII века был салоп. Зимние салопы шили на меху, длиною ниже колен, с капюшоном и прорезями для рук. Востребованной тёплой одеждой оставались — шубы разного покроя: одни в длину доходили до пят, другие — до колен; одни носили в рукава, другие накидывали на плечи. Наибольшим разнообразием отличалась одежда купчих, особенно состоятельных. К шубам часто надевали капор из чёрной тафты, шапочку, отороченную мехом или шапку с тульёй в форме колпака (рис. 7).

Основными предметами мужского костюма на протяжении всего XVIII столетия являлись: кафтан, камзол и короткие штаны-кюлоты. Покрой кафтана практически не менялся до конца этого века. В исследовании И. Г. Георги, известнейшего в XVIII века этнографа, академика Императорской академии наук и художеств много информации о том, какой костюм был характерен для населения разных регионов в середине XVIII века.

Этот материал особенно интересен, так как здесь мы находим и описание одежды калужан, представителей разных сословий. И. Г. Георги пишет: «…Купечество и мещанство Российское употребляют мундиры той губернии, в которой живут… как то: кафтан длинный, пониже икр, с частыми борами подпоясанный кушаком; полукафтанье пониже колен, но оно редко, а большею часть носят камзол длинный почти до колен и портки или широковатые на восточный образец штаны пестрядинные, кумачовые; редко немецкие суконные или плисовые; сверху портков висит выпущенная рубаха, как это видеть можно в прилагаемом здесь изображении калужского купца; зимою носят круглые шапки, тёплые, с околышем из бобра, соболя или куницы, а летом круглые шляпы. Хорошо одетый россиянин, по древнему своему обычаю, имеет вид красивый и важный. Зимою богачи имеют лисьи и другие меховые шубы, распашные и бекеши, а бедные (убогие) овечьи тулупы, покрытые сукном или китайкою, часто же и нагольные»[1] (рис. 8).

«В среде купеческой и поныне в большинстве сохраняются древние наряды. Но и те представительницы купеческого или мещанского сословия, которые носят платья из шёлковых или бумажных материй по немецкому образцу, большей частью повязывают голову шёлковыми платками, распушивая их очень высоко в виде корабельного корпуса, или же в виде турецкой чалмы с перевязкою; волосы подобраны, кроме небольших висков. В качестве верхней одежды они носят мантильи и асолопы (солопы) на мехах лисьих, куньих, заячьих и беличьих, крытых атласом и другими шёлковыми материями, редко — камелотом или другими полушерстяными и полушёлковыми тканями. Старинное же платье, употребляемое купеческими и мещанскими жёнами, есть

[1] *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Т. 4. СПб, 1779. С. 127.

Рис. 8. Калужский купец. Из книги И. Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов». 1799 г.

Рис. 9. Калужская женщина в зимнем платье. Из книги И. Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов». 1799 г.

сарафаны, душегреи из парчи, из шёлковых или бумажных материй, выложенных золотою или серебряною сеткою, а также позументом с серебряными или позолоченными пуговицами, насаженных спереди от верху донизу очень часто. Дополняют костюм кокошники, кички, повойники, подубрусники, туфли»[1] (рис. 9, 10, 11).

Описывая женские головные уборы, Георги отмечает: «Кокошники, употребляемые большей частью в Калуге, Ярославле, Москве и других, близ Москвы лежащих губерниях, имеют вид полумесяца, обращённого вниз концами, передняя площадка которого или сторона бывает вся унизана жемчугом, яхонтами, изумрудами и другими драгоценными каменьями, выложены золотыми позументами по краям. Подубрусники суть повязки на лбу, также унизанные жемчугом и драгоценными камнями, обложены золотыми позументами или сеткою. К кокошникам употребляется фата или покрывало, как у татарок; но оно висит назад, а не на перёд. Кокошник суть головной убор праздничный, а подубрусники — ежедневный. В Западной России в употреблении кички и повойники. Волосы у женщин (жён) подобраны под головные уборы совершенно» (рис. 12). Наряд женщины считается незавершённым, если она не дополнила его украшениями, поэтому: «Шею и всю почти грудь, которая всегда закрыта, купеческой и мещанской жены и девки увешивают кораллами, жемчугом, золотыми цепями; в уши вдевают серьги, с драгоценными каменьями, золотые или жемчужные; перстней носят во множестве и также

[1] *Георги И. Г.* Указ. соч. С. 129.

Рис. 10. Калужская купеческая жена в летнем платье. Из книги И. Г. Георги «Описание всех обитающих в российском государстве народов». 1799 г.

Рис. 11. Калужская девица спереди. Из книги И. Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов». 1799 г.

Рис. 12 Головной убор Калужской губернии

с каменьями; браслеты или зарукавья — тоже жемчужные. Завершается комплект обувью: «Молодые женщины носят башмаки без закаблучьев из парчи, шёлковых материй и из сафьяна, строченные золотом, и большей частью — красные. Чулки носят шерстяные синие с красными стрелками, также нитяные белые с красными стрелками. Словом, совершенный, или полный, женский убор на купеческих жёнах весьма многоценен и чрезвычайно хорош и великолепен»[1].

В XVIII столетии калужанки, прежде всего купчихи, прославились своими дорогими нарядами. Д. И. Малинин о наряде калужских женщин пишет следующее: «Из прежде бывших одежд и украшений замечателен женский головной убор — кокошник. Калужские женщины были большие охотницы до жемчугу, который они ценили выше дорогих каменьев. Часто можно было видеть на купчихе жемчугу до 160 зол., ценою

[1] *Георги И. Г.* Указ. соч. С. 130–131.

до 5 тысяч рублей и более. Женщины любили щеголять и кисеёю, которая с шитьём покупалась иногда по 12–15 рублей за аршин»[1].

Завершая обзор торговопромышленной деятельности в Калуге в XVIII веке, Д. И. Малинин приводит и другие, не менее интересные, факты: «Жители её (т. е. Калуги) были богаты, особенно купцы. У последних были кафтаны по 1 тыс. руб. стоимостью, а полный наряд купчихи, по словам д-ра Гуна, стоил иногда тысяч 15 рублей. «А всего количества жемчуга, в одной Калуге находящегося, на двух добрых лошадях увезти неможно»[2].

Рис. 13. Неизвестный художник. Портрет Н. А. Антипиной, жены калужского купца. Российская Империя. XIX в. Холст, масло. Из собрания КОМЗ

Любовь к жемчугу, так же, как и к головным уборам из него, калужанки сохранили и в более поздние времена. На портрете середины XIX века калужская купчиха Антипина позировала художнику в изящной шапочке из жемчуга и прекрасном ожерелье (рис. 13).

«Описания одежды калужан ярко представлены в журнале «Урания», которые подтверждаются и документами того времени, в частности — о разделе имущества граждан, завещаниями. Так, в прошении купца Максима Назаровича Рябчикова, подданном в суд в 1794 г. по поводу раздела имущества с невесткой, полный гардероб одежды последней оценён в 32 000 руб., очень значительную по тем временам сумму. В довольно обстоятельном перечне одежды упомянуты три душегрейки парчи золотной, два кокошника, епанча парчовая с отделкой собольим мехом (разновидность наплечной короткой кофты без рукавов), тулуп на лисьем меху, покрытый плотной жёлтой тканью. Не забыты и более скромные два сарафана — «шубки» из тёмно-синей китайки, но с серебряными пуговицами. Из украшений первое место в перечне принадлежит жемчугу, как в виде отдельных зёрен — «на зарукавья, так и в поднизи[3].

Следует заметить, что в костюме калужанок старинный головной убор — кокошник — сохранился до начала XIX века.

С XVIII веком связан ещё один предмет нарядного и повседневного женского туалета — это шарфы и шали. В России они появились в начале 1790-х годов и стали излюбленным дополнением женского костюма, были востребованы в дворянской, купеческой и мещанской среде. Очень модными и удобными оказались появившиеся длинные шали, преимущественно шерстяные, которые носили не только для красоты, но и для тепла, поскольку платья шили из тонких, лёгких тканей.

Калужская земля прославилась производством замечательных шалей и платков: в начале XIX века в городе Боровске появляется фабрика Е. А. Александрова (1826 год, с. Русиново) по выработке набивных шёлковых платков, которая впоследствии стала самым крупным текстильным предприятием в Боровском уезде. Продукция экспортировалась на турецкий и иранский рынки и успешно конкурировала с английскими товарами (рис. 14, 15).

Мужской костюм калужан конца XVIII начала XIX вв. включает в себя предметы одежды, характерные для жителей провинциальных городов. Прежде всего — это кафтан. В описи наследства калужского купца Степана Ивановича Теренина, составленной его сыном в 1804 году,

---

[1] *Малинин Д. И.* Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга, 1992. С. 49.

[2] *Малинин Д. И.* Указ. соч. С. 51.

[3] *Сафонова Г. Б.* Калужский городской костюм XVII — первой половины XIX в. Национальные формы // Калуга в шести веках: материалы 3-й городской краеведческой конференции. Калуга, 2000. С. 100.

Рис. 14. Калужский кокошник. Середина XIX в. Из коллекции Н. А. Шабельской

Рис. 15. Головной убор женский праздничный. Кокошник. Калужская губерния . Середина XIX в. Из коллекции Н. Л. Шабельской. Пожертвовано Николаем II в 1905 г. РЭМ

Рис.16. Худ. Lebode C. Портрет А. А. Рыжичкина. 1852 г. Картон; акварель. КОМЗ

упомянута мужская одежда горожанина среднего достатка: два кафтана синих суконных, полукафтан «китайчатый» (из тёмно-синей шерстяной ткани), тулуп серый овчинный. Практичный купец держал про запас и 2 десятиаршинных отреза «Тёмной лощёной китайки, купленной в Москве». Такому популярному предмету мужской одежды, как кафтан, была предназначена — долгая «жизнь». Он даже переходит в разряд униформы, становясь своеобразным мундиром людей, занимавших выборные должности в городском самоуправлении. В таком парадном мундире изображён калужский купец Аким Андреанович Рыжичкин на портрете, датированном 1852 годом, из собрания Калужского музея-заповедника (рис. 16).

В это же время калужские чиновники, которые раньше также носили мундир своей губернии, перешли от форменной одежды к обычным сюртукам. Наглядное представление об этом дают две акварели 1851 года из собрания Калужского музея-заповедника, изображающие группы местных чиновников (рис. 17).

В середине XIX века в костюме калужан происходил дальнейший процесс отхода от традиционных форм национальной одежды. Приверженность к традиционным формам национального костюма дольше всего сохраняли мещане и небогатое купечество, которые остались последними «островками» бытования старинного городского костюма, составлявшего почти полтора столетия достойную конкуренцию введённому петровскими реформами европейскому, а по народному определению «басурманскому» костюму (рис. 18).

Постепенно, к концу XIX века, на общеевропейское платье перешли многие представители среднего слоя горожан.. Идя по пути приспособления русского платья под европейское,

Рис. 17. Калужские чиновники. Рис. И. Алексеева. 1840-е гг. КОМЗ

Рис. 18. Женщина в праздничном костюме Калужской губернии. Из коллекции Н. Л. Шабельской. Конец XIX в. РЭМ

горожанки в первую очередь отказались от громоздких кокошников и кичек. Их заменили платки и косынки, повязанные на голове особым способом. Платок явился универсальным средством для создания разнообразных головных уборов. На купеческих портретах середины XIX века и фотографиях 1850–1860-х годов запечатлены разные варианты ношения головного платка. Самым простым считался такой способ: небольшой по размеру платок складывался в виде широкой ленты, оборачивался вокруг головы, а концы завязывались в бант или спереди или с боку (рис. 19).

Рис. 19. Неизвестный художник. Портрет неизвестной в красной шали. Вторая пол. XIX в. КОМЗ

С распространением головного платка разница между женским и девичьим головным убором начинает сглаживаться: факт весьма примечательный в истории русского женского костюма.

В городской одежде стал вытесняться из обихода сарафан юбками из парчи, тафты, штофа, ситца. Душегрейки, фуфайки, холодники, которые так хорошо сочетались с сарафаном, позже заменили кофты. Калужские купчихи стремились «подражать модам»: «кофты шили как можно ближе к покрою длинного платья, старались носить самые дорогие и модные материи, лучшие кружева и блонды. Часто юбку и кофту стали шить из одинаковой ткани, так появились платья. Быстрый переход горожанок от сарафанов к платьям, по-видимому, был связан с тем, что в 1840-е годы в моду вошёл кринолин — специальная конструкция в виде широкой юбки на обручах, который придавал юбке

Рис. 20. Накидка. Конец XIX. Калуга. КОМЗ

Рис. 21. Зимнее пальто. Конец XIX — нач. XX в. КОМЗ

колоколообразную форму. Пышность юбок достигала невероятных размеров. Эта мода воспринималась современниками с откровенным осуждением.

С середины XIX века наиболее популярной верхней одеждой и калужанок были салопы и капоты, которые вскоре стали активно вытесняться безрукавными накидками, мантильями и тальмами. Накидка конца XIX века хранится в фондах КОМЗ (рис. 20).

Наиболее распространённой верхней уличной одеждой рядовых горожан был халат — широкий и длинный, из нанки или сукна, он надевался поверх комнатного платья, иногда и поверх полушубка, являлся как будничной, так и праздничной одеждой. В нескольких городах России и в Калуге была отмечена чуйка — верхняя одежда, обычно суконная, с отложным воротником. Если чуйка была одеждой простонародной, то шинель не как форменная одежда стала востребована людьми более зажиточными, причём следящими за модой (например, в Боровске — преимущественно — для молодёжи).

Получает распространение в середине XIX века ещё один вид верхней одежды — пальто (рис. 21, 22).

Рис. 22. Фото XIX в. Калуга. КОМЗ

Пальто шили на овчинном меху, на вате из твида, коленкора, сукна и даже — сатина, они обычно имели меховой воротник, чаще всего лисий или бобровый. Для пошива женского пальто использовались шёлковые материи ярких цветов. Горожане, стремившиеся одеваться по-европейски, старались приобрести себе этот вид одежды.

Последующие изменения в одежде происходят уже в начале XX олея среди женского населения стали популярны платья-парочки из цветастого ситца или шёлка. В среде образованного слоя городского общества носили тёмные юбки и светлые кофты.. Изменения коснулись, конечно, и мужской одежды. Горожане стали приспосабливать короткий узкий европейский сюртук к удобному покрою русской одежды. Разновидностью сюртука явилась сибирка — это длинный двубортный сюртук, отрезной по талии, с небольшим отложным воротом и отворотами. Среди новых предметов мужской одежды, которые становятся особенно популярными — является жилет. В описях имущества калужан непременно значатся жилеты из нанки, атласа, сукна, плиса, бархата. Носили их поверх рубахи, надетой навыпуск (рис. 23).

Рис. 23. Мужской жилет.
Конец XIX — нач.XX в. КОМЗ

Рис.24. И. И. Голубятников и Ф. Ф. Вереитинова в день бракосочетания. Калуга. 1911 г.

В последней четверти XIX века, и особенно в начале XX века, в мужском костюме начинают преобладать пиджак и костюм-тройка. Пиджак стали носить буквально все сословия — от дворян до рабочих и крестьян.

Костюм — тройка считался выходным, и каждый уважающий себя мужчина должен был иметь его в своём гардеробе. С появлением «троек» появляются брюки, которые уже носили не как штаны, заправляя в сапоги, а навыпуск.

Какие изменения происходили в одежде жителей Калуги на фоне общих тенденций, связанных с развитием экономики, социальных отношений, направлений моды, как влияли исторические события на внешний вид калужан в начале XX века? Активно входят в обиход покупные ткани, чаще всего промышленного производства, из которых все слои населения шьют нательную и верхнюю одежду. Большая часть горожан стала пользоваться услугами портных, белошвеек. Покупали и готовые вещи в магазинах, в лавках, заказывали одежду и в мастерских.

«В Калуге были мастера, которые выполняли заказы не только по отечественным столичным модам, но и по заграничным.

Например, в Калуге была мастерская, в которой шляпы выполнялись по варшавским моделям. Женщины из обеспеченных семей, не довольствуясь местными возможностями, ездили приобретать платье в Москву, а из уездных городов — иногда в губернские. Ездили в Москву «справлять» наряд и приданое невесте»[1] (рис. 24). В 1890–1900-х годах старинную одежду ещё хранили в отдельных городских семьях Калуги, а частично и носили. Особенно стойко сохранились в быту среди жителей Калуги овчинные тулупы и различные шубы.

«О сохранении отдельных элементов старого костюма в быту небогатых, но имущих горожан свидетельствуют также записи калужского ломбарда за 1912–1915 гг. В числе заложенных

[1] *Анохина Л. А.* Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. На примере городов Калуга, Елец, Ефремов / М. Н. Шмелёва. М.: Наука, 1977. С. 169.

Рис. 25. О. М. Зеленецкая в костюме «Русский стиль». Калуга. Конец XIX в.

Рис. 26. Фото XIX в. Калуга. КОМЗ

вещей — большого количества сюртуков, различных пальто, пиджаков, жилетов, отрезов тканей — часто встречаются поддёвки, армяки, коротайки, полушубки, тулупы»[1].

«В начале 1900-х годов в Калуге, как и во многих городах, искусственно поддерживалось ношение старинной одежды, что отчасти было связано с распространением в то время в кругах буржуазной интеллигенции, купечества и дворян так называемого псевдорусского стиля, затронувшего до некоторой степени и прикладное искусство. Так называемый «русский стиль» появился в 70-х годах XIX века и просуществовал практически до 1917 года. Одной из характерных особенностей этого направления являлась разнообразная декоративная вышивка, а также использование в костюме предметов народной одежды: рубаха, сарафан, сапоги. В богатых семьях было принято одевать в народный костюм кормилиц, нянюшек, иногда дворников»[2] (рис. 25).

В одежде отдельных групп городского населения по-прежнему большое место продолжал занимать форменный костюм. Форму носили чиновники и другие служащие различных ведомств, в также некоторые категории учащихся (студенты, гимназисты, учащиеся реальных и епархиальных училищ). Форменная одежда была обязательной на службе или в учебном заведении, но её роль этим не ограничивалась. Новую форменную одежду или парадные её виды охотно надевали на гулянья и торжества, а старую донашивали дома. Бывший почтовый чиновник из Калуги вспоминает: «… когда выберешься прогуляться по Никитской улице, то форму обязательно наденешь. В штатском из чиновников мало кто ходил» (рис. 26, 27).

Повседневный и праздничный костюм большей части городского населения по составу и крою начал утрачивать признаки принадлежности его владельцев к определённому сословию.

[1] *Анохина Л. А.* Указ. соч. С. 174.
[2] Там же. С. 174–175.

Рис. 27. Фото. XIX в. Калуга. КОМЗ

Рис. 28. Выходной костюм рабочего

На смену старым сословным различиям в одежде приходили и новые, классовые. В литературе неоднократно был описан костюм, широко бытовавший в рабочей среде в предреволюционные годы в российских городах. У мужчин ситцевая или сатиновая рубаха — косоворотка (предпочтение отдавалось яркой расцветке) выпускалась поверх брюк и перехватывалась поясом; брюки заправлялись в сапоги; на голове носили картуз или фуражку. Поверх рубахи надевали пиджак, а иногда и жилет (рис. 28). Костюм, так называемая «тройка», был распространён особенно как праздничный наряд у калужской молодёжи. В холодное время поверх надевали ватное пальто, полушубок, тёплый пиджак.

В 1890–1900-е годы в женском костюме калужанок стойко держались длинная сборчатая или расклёшенная юбка и плотно прилегающая к телу блузка с баской и «грибами» или «пузырями» на рукавах (рис. 29). Основные формы женского костюма, характерные для широких слоёв городского населения,

Рис. 29. Конец XIX — начало XX в. Калуга

Рис. 30. Фото начала XX я. Калуга

Рис. 31. Женское платье. Начало XX в. Калуга. КОМЗ

можно отметить в описи вещей жены коллежского асессора М. И. Смирновой из Калуги: ситцевое синее платье, платья шёлковое и шерстяное, юбка шерстяная синяя, два шерстяных лифа, ситцевое цветочками платье с такой же кофтой, нитяные чулки, тёплый байковый платок и др…»[1]

В 1900-е годы в Калуге девушки из семей чиновников носили длинные юбки с блузками, жакеты, шубки, шляпки или меховые шапочки, муфты. Богатые женщины носили тальмы без рукавов, но большинство — жакеты в талию и белые шарфики. Шляпки с цветами («парижский шик») носили портнихи, учительницы, фельдшерицы, конторские служащие (рис. 30).

Начало XX века в истории одежды столичного и провинциального городского населения отмечено многими влияниями извне. Повсеместная популяризация спорта, а затем и — национального русского стиля и, конечно, Первая Мировая война, которая в одежде проявилась в стиле, получившим название «милитари». В моду входят тёмные цвета, которые раньше использовались лишь для верхней одежды: чёрный, серый, тёмно-синий и хаки. Силуэт платьев становится минималистичным, строгим, а главное — меняется длина юбки: она укорачивается. Одежда этого стиля отличалась к тому же большой практичностью и была чрезвычайно удобна (рис. 31). Приведённый материал даёт представление об основных направлениях развития одежды в условиях города XVII — начала XX в.

[1] ГАКО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 54. Л. 6.

НАРОДНЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В. Б. Востриков,
заведующий отделом декоративно-прикладного и изобразительного искусств,
Дом народного творчества и кино «Центральный»

В последнее время, особенно остро стоят вопросы, связанные с выживанием народных промыслов и ремёсел. Это касается их места в структуре современного общества, взаимодействия народного и профессионального прикладного искусства, наличия полноценной законодательной базы и прочего.

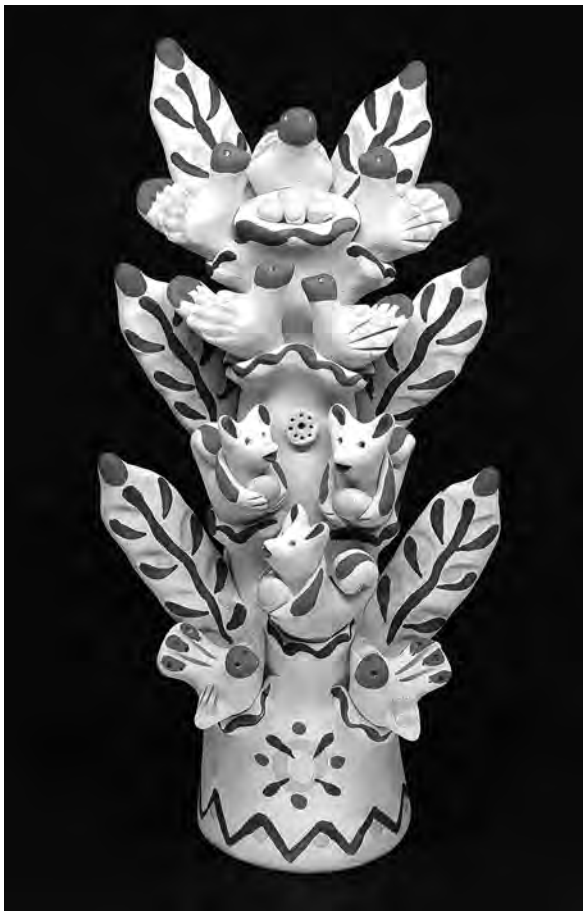
Происхождение народных промыслов различно. Они берут своё начало в крестьянском бытовом искусстве, связанном с натуральным хозяйством и изготовлением как повседневных, обиходных, так и праздничных нарядных бытовых предметов для себя и своей семьи. Так, например, ручное узорное ткачество, вышивка, которыми владели с детских лет крестьянки, выполняя одежду, полотенца, столешники и т.д., стали основой для сформировавшихся впоследствии многих оригинальных ткацких и вышивальных производств. Многие виды гончарства, плотницкая резьба, роспись по дереву издавна были областью деятельности мастеров-ремесленников. С течением времени, распространяясь в отдельных центрах, а нередко охватывая целые районы, превращались в крупные фабрики.

Калужский край имеет богатейшие традиции народного искусства. Уже в начале XVI века калужские кустарные изделия приобретают широкую известность. Это в основном упоминания об искусной выделки деревянной посуды. Переписная книга города Калуги 1617 года даёт очень пёструю картину промыслов, здесь и кузнецы, гончары, иконники, сапожники, бондари и многие другие. К началу XX века в Калужской губернии было около 75 разновидностей промыслов. Многие ушли в прошлое вместе со средой и условиями жизни, историческая преемственность прекратилась.

Из всего многообразия крестьянского народного искусства нашего региона следует выделить уникальные традиции, сложившиеся в локальную художественную систему и ставшие впоследствии признанными народными художественными промыслами.

Обращаясь непосредственно к примерам развития народных художественных традиций, следует начать с известного промысла Хлудневской керамики. С начала XIX века в д. Хлуднево Думиничского района занимались гончарством, лепили из глины игрушку, потом продавали на базарах и ярмарках. Предметом глубокого изучения и коллекционирования с 60-х годов XX века становится глиняная игрушка. Это самобытное явление народного искусства, основывается

Хлудневская керамика



Хлудневское «Дерево жизни»

на художественном опыте многих поколений. Сейчас этим промыслом занимаются мастера в д. Хлуднево, п. Думиничи и г. Калуги.

По существу своего изобразительного языка и особенностям пластического решения, игрушка тяготеет к двум направлениям. Первое, это простые «архаичные» формы, свистульки. Второе — сложные игрушки-скульптуры. Например, известный народный образ «Дерево жизни». Хлудневский промысел — это целое мировоззрение, выработанный неповторимый стиль, который продолжает развиваться и в настоящее время. Данная локальная художественная традиция имеет огромное значение для нашего региона. В связи с чем, проводится целый комплекс мероприятий по поддержке промысла. Это регулярное представительство изделий на фестивалях, выставках — ярмарках, конкурсах и других форумах культуры, от международных до городских; освещение деятельности мастеров в средствах массовой информации. Важным шагом стало проведение в г. Калуге Всероссийского фестиваля «Хлудневское древо». В Доме народного творчества создана коллекция образцов гончарной посуды д. Хлуднева (современные реконструкции).

Калужская крестьянская вышивка — один из видов художественного народного творчества. Преобладающие элементы её узора (зооморфный и геометрический) восходят к орнаменту древних насельников Верхнеокского края. Их декоративные мотивы сохранились в археологических материалах, в дошедших до нас остатках местной материальной культуры — ювелирных изделиях, керамике, в которых имеются орнаменты: ромбы, зубцы, бегущий зверь с причудливо изогнутым над спиной хвостом, птица, голова коня и другие.

Калужская вышивка по своей технике в основном представляет собой «перевить», по-местному «вырезы», распространённые в Тарусском, Перемышльском, Спас-Деменском и других районах Калужской губернии. «На территории Калужской области, наряду с различными видами орнаментации текстиля — цветным узорчатым тканьём, шитьём золотом,

Тарусская вышивка

кружевничеством, — издавна известно народное вышивальное мастерство. Оно живёт и совершенствуется и в настоящее время. Плодотворно работает в области искусства вышивки Тарусская артель вышивальщиц. Деятельность её заслуживает внимания. Эта артель — один из творческих коллективов, сохраняющих и развивающих лучшие традиции народной художественной вышивки Калужской области»[1].

Деятельность мастеров и художников фабрики связана с народным искусством своей творческой структурой и определяется традицией. Фабрика была первоначально основана как артель вышивальщиц в 1924 году. Целью создания организации было укрепление и развитие народной вышивки, которая имела богатые традиции на калужской земле. Первый период работы артели был периодом надомничества, сырьём для мастериц служили: крестьянский холст, цветная редина, нитки для вышивания употреблялись исключительно льняные. В 1930 году число членов артели достигло 300 человек.

Образцы узоров приносились в артель крестьянками Тарусского района, в вышивке использовались традиционные мотивы калужской народной вышивки: геометрические, растительные, зооморфные, антропоморфные. По этнографическим коллекциям Калужского краеведческого музея был составлен альбом узоров. Образцы шитья собирались художником артели Маргаритой Николаевной Гумилевской в колхозах, например, в селениях Перемышльского района Калужской области — Перемышль, Корекозево, Поляна. Использовались геометрические узоры тульской вышивки перевитью (часть мастериц была из-за реки Оки — жительницы Тульской области). Образцы узоров брали также и в Музее кустарной промышленности (г. Москва).

Тематика калужского шитья, как и других видов нашего народного искусства, с древних времён, с самых своих истоков идёт от изображения реальной жизни, природы, её животного и растительного мира. Калужская вышивка отличается богатством изобразительных элементов, для неё характерны фигуры птиц и животных, мотивы «дерево» или «куст». Вырезы шили «павлинами», «утками», «гусиными лапками», «петухами», «конями», «медведями», «садами», «ёлочками» и т. д. Значительное место в узорах занимают идущие одна за другой «утки» с изогнутыми шеями, с отогнутыми хохолками, с плоскими клювами.

С 1924 по 1967 г. главным художником фабрики была М. Н. Гумилевская — заслуженный деятель искусств РСФСР, член Союза художников, художник народных промыслов. Творчество М. Н. Гумилевской — это целый этап в деятельности производства, художественное наследие Маргариты Николаевны принадлежит истории отечественного декоративно-прикладного искусства, занимает особое место в пространстве народной культуры Калужского края.

Сейчас ООО НХП «Тарусская вышивка» производит строчевышитые изделия из льняных тканей (сувенирная продукция, столовое, постельное бельё, женская и мужская одежда) и её основной задачей является сохранение и развитие уникального художественного промысла, традиций народной вышивки Калужского края.

Сарафан. Тарусская фабрика художественной вышивки

[1] *Шереметьева М. Е.* Тарусская артель вышивальщиц // Советская этнография. 1953. № 2.

Изделия фабрики отличаются изысканным вкусом, высоким мастерством вышивки и многообразием приёмов её исполнения.

Также в Тарусском районе, богатом различными глинами, бытовали традиции гончарного дела. Работали кустари-надомники, производящие многоцветную поливную посуду, утилитарную керамику. В 1940-х годах XX века был образован Тарусский райпромкомбинат, который делал хорошую декоративную гончарную посуду (2 тыс. литров в год). В начале 70-х годов было принято решение о создании в г. Таруса экспериментальных производств Научно-исследовательского института художественной промышленности на базе завода бытовой химии. Планировалось сосредоточить народные художественные промыслы в нескольких направлениях: резьба и роспись по дереву, резьба по камню, художественная ковка из металла, роспись по ткани, керамика.

Дата 30 апреля 1974 года считается днём рождения предприятия. Организация деятельности легла на главного инженера НИИХП В. А. Крапивина, который был специалистом по керамике. Была проведена большая работа по разработке технологического цикла и созданию рабочих мест. Мастеров — исполнителей обучали и готовили на базе Тарусского городского профессионального училища № 34. В июле 1974 года Тарусский экспериментальный завод НИИ художественной промышленности вышел на производственные мощности. Для работы на предприятии были привлечены художники и мастера со всей России — это выпускники Мухинского, Абрамцевского и Кунгурского художественных учебных заведений.

С 1979 года выпускающиеся на заводе керамические изделия: посуда, блюда, тарелки, кашпо и сувениры пользовались большим успехом в Москве и именовались, как «Тарусская керамика» — отличающаяся, прежде всего многоцветностью. Успех пришёлся на 1980 год — год олимпийского заказа. Скульптурная фигурка талисман «Мишка — олимпиец» трёх размеров имела необычайный спрос.

Тарусскую керамику отличают простые, лаконичные формы, традиционные для жителей центральной России. Сейчас это более 300 видов изделий. Большей частью это продукция гончарного производства. Все изделия изготавливаются с применением ручного труда: литьё и формование в гипсовых формах, ручная лепка и точение на гончарном круге.

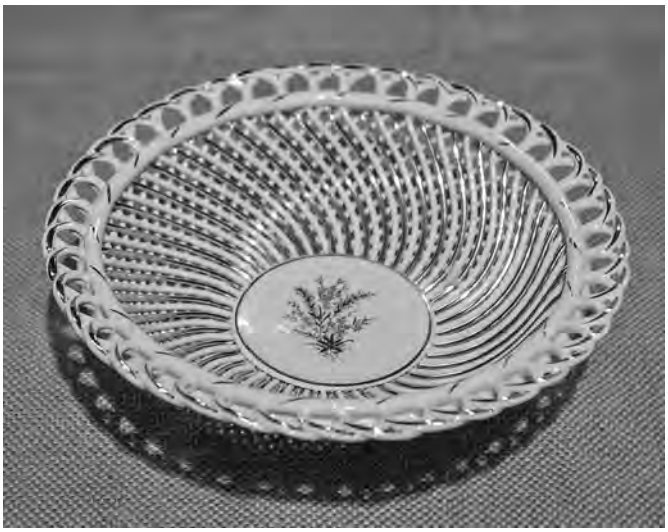
Талисманы «Олимпийский мишка» и «Катюша». 1980, 1985 гг.

Продукция ООО «Тарусский художник» разных лет

Основой декорирования изделий является растительный орнамент. Использование четырёх основных цветов — белого, жёлтого, зелёного, коричневого придают неповторимый стиль тарусской керамике. Основные художественные приёмы оформления изделий — фляндровка и декорирование в стиле «терракот» с применением лощения. В настоящее время ОАО «НХП «Тарусский художник» продолжает производство изделий народных художественных промыслов и работает над созданием новых видов образцов.

Калужская область по праву может гордиться красивой и изящной продукцией ООО «Фарфор» в г. Киров. Производственно — коммерческая фирма «Фарфор» является правопреемницей многовековых художественных традиций. В 1749 году завод был куплен Афанасием Абрамовичем Гончаровым, ему и его потомкам завод принадлежал 90 лет. В 1752 году А. А. Гончаров построил Нижнепесоченский молотовый завод. На протяжении XVIII–XIX вв. заводы выпускали предметы печного и кухонного литья, различные утилитарные и художественные изделия. В 1839 году песоченские заводы купил Иван Акимович Мальцов, перепрофилировавший Нижнепесоченский молотовый завод на выпуск фаянсовой посуды. При нём и его сыне Сергее Ивановиче Мальцове в смежных уездах Орловской, Смоленской и Калужской губерний складывается фабрично-заводской район или округ, куда вошла и Песочня. На базе Нижнего завода в 1853 г. было основано фаянсовое производство, и стала изготавливаться фаянсовая посуда в широком ассортименте. Фаянсовая посуда производилась из местной белой огнеупорной глины и вывозилась в Ростов-на-Дону, Нижний Новгород, Киев.

В 1898 году фабрика была арендована, а в 1911 году приобретена Товариществом производства фарфоровых и фаянсовых изделий М. С. Кузнецова. Смена собственника пошла предприятию на пользу — удалось увеличить объём производства в 5 раз. На заводе изготовлялась разнообразная посуда — столовые и чайные наборы, кувшины, подносы, пепельницы, а также элементы декора — подсвечники, вазы и т. д. В прейскуранте фабрики 1914 года значилась несколько



Сухарница. 1960-е гг.

Кувшин «Петух»

Скульптура «Василий Тёркин»

Сувенир «Соловей на яблоке»

сот наименований, а разнообразие товара достигало 2 900 фасонов. Среди них были изделия бытового назначения: умывальные и туалетные приборы, рукомойники, мыльницы, столовые, чайные, детские и игрушечные сервизы и наборы, маслёнки, фруктовницы, бонбоньерки и многое другое. В истории фабрики также имел место агитационный фаянс — изделия с сюжетной росписью и текстами в духе советских призывов 1920-х годов.

С 1936 года предприятие носило название «Кировский завод стройфарфора», из которого в 1994 году была выделена художественная часть. Особенной гордостью обширного ассортимента стали плетёные фаянсовые сухарницы, фруктовницы и лоточки, закрепившиеся именно на этом производстве.

В 1990-е годы в серийное производство были внедрены новые виды изделий, разработанные художниками предприятия. Это различные фасоны ваз для цветов, графины, питьевые наборы, подсвечники, а также мелкая пластика и интерьерная скульптура, в числе которой настольные напольные украшения («Глухарь», «Собака»). На фабрике возобновлён выпуск изделий по кузнецовским образцам начала XX века. Это супницы, чайники, маслёнки и др., в формах которых просматривается сочетание рациональной логики утилитарной вещи с органичным для неё художественным решением. В таком контакте со старинными моделями происходит преемственность художественных традиций, её освоение молодым поколением мастеров и художников. Большую известность приобрели — Кувшин «Петух», скульптура «Василий Тёркин», сувенир «Соловей на яблоке». Ежегодно предприятие изготовляет эксклюзивную лимитированную продукцию по заказу различных ведомств Калужской области.

Сегодня, изделия ООО «Фарфор» поставляется в большинство регионов нашей страны. Подарочные экземпляры ручной росписи находятся во многих странах мира. Фирма является дипломантом и лауреатом престижных всероссийских конкурсов. Происходит пополнение ассортимента продукции — камины, изразцы, декоративные скульптуры.

Уникальные народные традиции вносят поэтичность и красоту в повседневные бытовые вещи, органично сочетают утилитарные и декоративные качества предметов, представляет большую ценность для современного человека. В первой четверти XXI века искусство народных художественных промыслов — это квинтэссенция прекрасного, формировавшаяся веками. Именно её мы обязаны бережно сохранить и умножить в непростых условиях постиндустриального общества.

Список литературы

1. Архивные материалы Художественно-экспертного совета по народным художественным промыслам Калужской области.
2. Архивные материалы ГБУК КО «Дом народного творчества и кино «Центральный».
3. Электронная энциклопедия «Традиционная народная художественная культура Калужского края». Калуга, 2014.
4. *Попова О. С., Каплан Н. И.* Русские художественные промыслы. М., 1984.
5. *Личенко С. И.* Народное искусство Калужского края XIX–XX веков. Калуга, 2001.
6. *Цуренко И. Г., Насонова И. С., Насонов С. М.* Русский фаянс и фарфор. Империя Кузнецовых и Конаково. М.: Среди коллекционеров, 2010.

ИЗУЧЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ОБЩИХ И СЕМЕЙНЫХ ТЕХНИК ИЗГОТОВЛЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ХЛУДНЕВСКОЙ ИГРУШКИ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ СБОРАМ В ДУМИНИЧСКОМ РАЙОНЕ

Н. А. Моисеенко,
потомственный мастер глиняной игрушки;
М. В. Силаев
член клуба Евразийского Художественного Союза, мастер глиняной игрушки

Работаем игрушки не сами по себе,
а по родителям, с Божьей помощью.

Г. Л. Дайн[4]

Лучше наших, хлудневских,
не придумывайте.

Т. И. Бубнёва

Данная статья является промежуточным подведением итогов частного полевого исследования, проведённого авторами на территории Калужской области в период с июня 2018 г. по февраль 2021 г. с целью выявить основные базовые технологические приёмы ручной лепки из глины, в частности глиняных кукол-грематух; записать с использованием различных способов фиксации воспоминания и процесс лепки; проследить, как определённая последовательность действий (приёмов) мастера влияет на форму будущей игрушки; определить, есть ли базовые и семейные приёмы в лепке хлудневской игрушки.

Ни для кого не секрет, что интерес к хлудневской пластике, определяемой чаще всего как игрушка, стал проявляться сравнительно недавно, примерно с середины 60-х годов прошлого века[1]. Активное оживление началось с 1970 года после Всесоюзной выставки народного и самодеятельного творчества, проходившей в Москве, в Центральном выставочном зале, бывшем Манеже, где впервые экспонировались работы мастерицы из д. Хлуднево Анастасии Фёдоровны Гавриковой, которые были отмечены почётным дипломом журнала «Декоративное искусство СССР»[5].

В деревню потянулись любители народного творчества. Продукция стала находить сбыт, хотя и не всегда регулярный.[1] Всё это побудило местных мастериц к творческой активности, а исследователей к публикациям. В основном внимание было обращено на уже готовую — вылепленную, обожжённую, раскрашенную игрушку. Обсуждали её формы, сюжеты, роспись, сравнивали с глиняными игрушками других промыслов, отмечали неповторимость, искали схожесть и различия.

Нас же интересовала ещё не рождённая игрушка, то есть процесс её создания, лепки: как из комка глины в руках деревенских, самобытных мастеров за считанные минуты рождается фигурка. Глина в руках мастера меняет форму не произвольно, не случайно, а строго в определённой

Н. А. Моисеенко с мастерицей хлудневской игрушки Т. Д. Городничевой. 2018 г.

последовательности. Эти короткие значимые моменты и надо уловить с помощью видео- и фотосъёмки, аудиозаписи и непосредственного участия в процессе. «Я тебе схемку, схемку дам», — любила повторять в наши встречи Татьяна Дмитриевна Городничева.

Лепка из глины относится к нематериальному культурному наследию народной культуры и традиционное искусство существует только в своей естественной среде обитания. Для передачи приёмов лепки требуется непосредственный контакт (личностная коммуникация) с носителем традиции. Следовательно, необходимым и обязательным в нашем исследовании были поездки в места бытования игрушки, а именно в деревню Хлуднево и посёлок Новослободск, участие в деревенских праздниках, совместная лепка игрушек с потомственными мастерами, которые до сих пор лепят игрушку «как наша мама (бабушка) делала» и проживают в деревне: Татьяной Ивановной Рощиной (Бубнёвой) и Александром Ивановичем Бубнёвым (дочь и сын Татьяны Ивановны Бубнёвой, внуки Елены Дмитриевны Манушичевой), Инессой Алексеевной Ахаловой (внучкой Аграфены Фёдоровны Трифоновой), а так же Татьяной Дмитриевной Городничевой, последней из старейших игрушечниц, с которой встречались в Доме–интернате для престарелых и инвалидов (п. Новослободск) до её ухода из жизни.

Поиски процесса лепки в литературе дали лишь обрывочные описания. Видео материалов работы старых мастеров практически обнаружено не было.

В книге краеведа и коллекционера Владимира Никаноровича Ракова читаем воспоминания Аграфены Фёдоровны Трифоновой: «Помню, в детстве «ковыряла», грематушек маленьких делала. Это такая куколка, а внутри шарик. Он и гремел. Игрушка — куколка была без рук, очень простая». Там же опубликованы воспоминания Марии Васильевны Самошенковой: «Игрушку мы делали привлекательную. Сначала стан ей слепишь, потом лепишь ребёнка или птицу какую-нибудь. И на подол посадишь» [2]. Самое подробное описание процесса было сделано исследователем Галиной Львовной Дайн за Аграфеной Фёдоровной Трифоновой (1903 г. р.) в 1986 году во время экспедиции в Хлуднево: «Берём комочек глинки и работаем её. Гремотуху слепим. Юбку сделаем сначала, потом блинчик на ладони порубим и шариков в него положим три штучки — много накласть, так слипнутся, получилось дно гремотухи — его примажем. Теперь слепим отдельно головку на шейке, к ней шапочку примажем, а то и платком можно покрыть. Потом спицей дырку сделаем в юбке и голову туда посадим. Из колбаски воротничок наденем, зубчиками уберём и жерёлышки (ожерелье) спицей ткнём. Теперь цветок кукле дадим: наберём его из пяти колбасок, дырку сбоку провернём и вставим в неё цветочек. А с другой стороны посадим подмышку какого-нибудь зверя, пусть мишку. У него ушки лепим широкие, у коника — короткие, у лисички — остренькие, высоконькие. Собачке хвостик делаем закорюченный и лапки сложим — это уже всё знаем, как кого обрядить. Теперь цветочек и мишку обнимем колбаской и привяжем к кукле, чтобы крепче были. Напоследок руки примажем из колбаски, вставим их в дырки сзади и наперёд заведём, лишнее отщипнём, и пальцы на руках отметим. Вот и гремотуха» [6].

В августе 2019 году нами записан процесс лепки куколки Ахаловой Инессой Алексеевной: «Начинаем лепить грематушку. Сначала делаем столбик. Определяем — здесь будет верх, а здесь — низ. Обозначаем, где у барыни будет голова. Обнимаем шейку. Теперь нашей грематушке надо

Грематуха с цветком. Автор А. Ф. Трифонова

Куколка, найденная в д. Хлуднево возле горна Е. Д. Манушичевой. 2019 г.

сделать сарафан. Берём ножичек и вот там, где будет подол, делаем углубление, вырезаем. Ещё делаем углубление. Так делала бабушка Аграфена Фёдоровна. Она не применяла толкушку, деревяшку, как современные мастера. Она это делала ножичком. Было неглубоко. Теперь вымазываем лицо. Делаем головной убор. Они разные были. Кверху идёт как юбочка, а бывает прямой. Берём жгутик и как ободочек примазываем. В руки даём ребёночка. Теперь надо сделать руки. Можно проколоть с двух сторон дырки. Берём два одинаковых жгутика и вставляем. Вот она обнимает своего ребёночка. Теперь и барыню, и ребёночка надо разрисовать. Делаем глазки. Берём небольшой кусочек глинки и делаем носик. Обозначаем ротик и брови. Раз и прорезали. Теперь катаем шарики. Один, другой, третий. Шарики отправляем в подол и делаем круг, чтоб не выпали. Кружок примазываем к юбке».

Видим, что описание процесса бабушкой, Аграфеной Фёдоровной Трифоновой, и внучкой, Инессой Ахаловой, практически одинаков. Другая династия, представляющая интерес, Манушичевы — Бубнёвы — Рощина.

В ходе одной из экспедиционных поездок нам была подарена фигурка, найденная возле горна семьи Манушичевых. Если сравнить её, музейные и современные образцы игрушек, созданные в разное время членами этой семьи и реконструировать куклу по воспоминаниям Татьяны Ивановны Рощиной (Бубнёвой) о лепке бабушки, мамы и своей, то получится очень близкая к работам «бабы Алёны» и найденной фигурке куколка-грематушка. То есть прослеживается сохранение базовых и семейных приёмов лепки на протяжении трёх поколений.

«Сначала делаем туловище из единого куска. Голову не вставляла. Брала кусок глины, делала шею, вытягивала голову. Делала полностью фигуру. Руки точно не вкручивала. Лепила сзади, просто налепливала. Нет-нет, точно не сверлила. Она как бы раскатывала и сзади прилепливала каточек. Внутри делала дырку. Раньше всё делали рукой. Это сейчас придумали всякие разные

Грематухи. Слева направо: Е. Д. Манушичева, Т. И. Бубнева, Т. И. Рощина, М. В. Силаев

приспособления. Палку суют. Раскатывают. А раньше всё делалось от руки. Это я точно помню. У неё на столе лежал ножик, которым она обрезала свои свистульки и палочка прокалывать. С одной стороны острая, а с другой как лопаточка, из берёзы. Ножик маленький, обычный. И больше ничего кроме пальца. Она его облизывала, не мочила никакой губочкой. Она палец вот так вот облизывала, раз и об себя, о фартук, вот так вот вытерла, дальше облизала и вытянула. Не было никаких приспособлений, как вот сейчас по-современному. Раньше палец и всё. А сейчас боятся палец ко рту поднести. Она же руки мыла, прежде чем сесть лепить. Она дно не ножичком прорезала. Начинает пальцем дно разминать. Указательным пальцем крутит дно, а большим оттягивает юбку, чтоб она не столб была, а на барыню была похожа в платье или сарафане. Обязательно фартук сажали. Она же деревенская. Не делали городских барышень. Сажала в руки курицу и кошёлку или лукошко. Дырка неглубокая. Юбочка невысокая, на длину пальца. Руки в боки я не помню, чтобы мать делала. Обычно в руках что-то было. То двух детей посадит. Руки не были пустыми. Что-то держала. Руки на дитё положит и руками обнимает. Руки до пупка не опускала, на уровне груди. Если делала грематух, то каточки подсушивала. Каточки заранее делала, чтоб они не прилипали внутри. Тогда она делала блин, раскатывала и примазывала. Каточков не надо много. Скорее всего три. А зачем много? Нос делали перехватом, двумя пальцами. Раз — остро и чуть размазывали, и вот в тех вмятинах делали глаза. Пониже носа улыбка была. Они же делали не всё время серьёзных. Рот делали: приложили спицу и всё. Выражение лица получалось у них не бабское. Как пословица: «Я и лошадь, я и бык. Я и баба и мужик». Лицо натруженное, больше на мужика сходило, а стан величавой женщины, как царицы. Мама делала средних куколок, баба Алёна — невысоких, маленьких, как я. Не могу делать больших. Она шапочки делала, как козырёк. Страшные они были. Мы в них не играли».

В результате проведённого нами полевого исследования, детального изучения музейных образцов и осколков — черепков фигурок, найденных возле горнов, была зафиксирована базовая технология изготовления хлудневской игрушки, в частности, куколки-грематушки.

При всём внешнем различии грематух, вылепленных разными мастерами, в их конструктивной основе лежит погремушка: закрытый полый цилиндр или конус, внутри которого помещены глиняные шарики, гремящие при встряхивании[8].

Зафиксированы различия (семейные), на которые современные представители династий и делают акцент. В частности это касалось выминания дна куколки пальцами или вырезание ножом, вкручивание рук в дырки тулова или прилеп сзади по всей окружности, оформление носа прищипом или прилепом, голова лепится сразу вместе с туловом или вставляется в него, форма головных уборов — кокошник, корона, ободочек или же шапочка-козырёк.

Проведённый нами сравнительный анализ ранних музейных образцов фигурок говорит о том, что лепка из цельного куска глины, оформление лица прицип ом, выминание дна пальцами до уровня груди и ниже, небольшой размер куколок (от 10 до 13,5 см), положение рук под грудью или чуть ниже, было характерно практически для всех мастеров деревни Хлуднево, несмотря на то, что лепка была семейным ремеслом.[7] Также сохранялась ярко выраженная архаическая эстетика сочетания мужского и женского: фаллическая верхняя часть (столбик, чаще всего без шеи) и нижняя в виде юбки, «стана величавого» и прилепов в виде детей и животных. Дно закрывалось «блинчиком», внутрь клали несколько «каточков» (шариков) или оставляли открытым.

Предполагаем, что нож, как инструмент, облегчающий выемку глины из тулова куклы, связан с увеличением размера куклы. Здесь же появляется лепка из нескольких кусков (местная глина позволяет соединение разных частей без значительного снижения прочности сочленений), Для сравнения, размер фигурок М. В. Самошенкова — 70×70×155 (дно вымято пальцами), 85×75×250 (вырезано ножом, размято пальцами, углубление 6 см), Т. И. Бубнёва — 75×75×150 (дно вымято пальцами), К. П. Трифонова — 85×85×245, углубление 75×75×11 (вырезано ножом, размято пальцами)[7]. Несмотря на использование ножа, низ фигуры всё равно дорабатывался изнутри руками до линии груди и оформлялась «юбочка». То есть, по сути, канон оформления нижней части куколки оставался таким же.

Стоит обратить внимание, что важным является и название фигуры «грематушка, грематуха, куколка». Мария Васильевна Самошенкова при встрече с В. Н. Раковым вспоминала: «Их называли матрёшки — куколки, грематушками — погремушками»[3]. В наших записях находим слова Татьяны Дмитриевны Городничевой: «А ещё Русланиха (А. В. Студницкая) была. Никто, никто, деточка не делал таких матрёшек, как она. Да! Красивы! Встань, да глянь! Вот это куколки». Александр Иванович Бубнёв называет кукол «барыньками». Нам ни разу не встретилось употребление слова«баба» в отношении этих фигур. При расшифровке одной из аудиозаписей бросилось в глаза, что почти за полтора часа беседы Татьяна Ивановна Рощина ни разу не употребила слов «грематушка» или «куколка», только «она, ей, фигура, царица, барыня».

Результатами данного исследования стало повышение личной компетентности, создание коллекций кукол–грематушек, участие во Всероссийской выставке «Гончары России. Глиняная игрушка — 2018», Международной арктической выставке в Архангельске 2019, 2021 и появление стойкой уверенности, что традиция в глиняной игрушке передаётся в приёмах и последовательности лепки, которые ведут к созданию того или иного образа. Именно приёмы лепки, а не образы нуждаются в фиксации и тщательном изучении.

Хлудневские грематухи не имеют аналогов в ряду других русских игрушечных промыслов. Глиняные погремушки известны из многих кончарных центров, но нигде они не занимали такого места, как в Хлуднево. Только здесь полое тулово получило головку и превратилось в куколку[8]. Для сохранения уникального традиционного образа и формы куклы-грематухи, как обьекта нематериального культурного наследия народной культуры, необходима дальнейшая фиксация и изучение приёмов лепки, их алгоритма, запись воспоминаний потомственных мастеров — носителей деревенской традиции в прямом общении и диалоге, для дальнейшего издания этнографических эссе-описаний.

Примечания

1. *Пуцко В. Г.* Хлудневские глиняные фигуры // Родная старина: материалы II и III научно-практических конференций по проблемам сохранения и развития фольклора Калужской области. (Калуга, ноябрь 1997 и 2000 гг.). Калуга, 2001. С. 153–159.

2. *Раков В. Н.* Родники народного творчества. Калуга, 2009. С. 256, 259.
3. Там же. С. 254.
4. *Дайн Г. Л.* Как войти в народную культуру. Экспедиционные и методические материалы, исследования, статьи. 1990–2014. Сергиев Посад, 2015. С 208.
5. *Дайн Г. Л.* Игрушечных дел мастера. М., 1994. С. 245.
6. Там же. С. 249–250.
7. Находки сосредоточены в г. Калуга, фонды КОМЗ,«Дом мастеров», частная коллекция В. Н. Ракова; г. Сергиев Посад, «Художественно-педагогический музей игрушки им. Н. Д. Бартрама» и частный музей А. У. Грекова; г. Серпухов, Историко-художественный музей.
8. *Быков А. В.* Глиняная игрушка из деревни Хлуднево. Калужская область. М., 2013. С. 18–19.

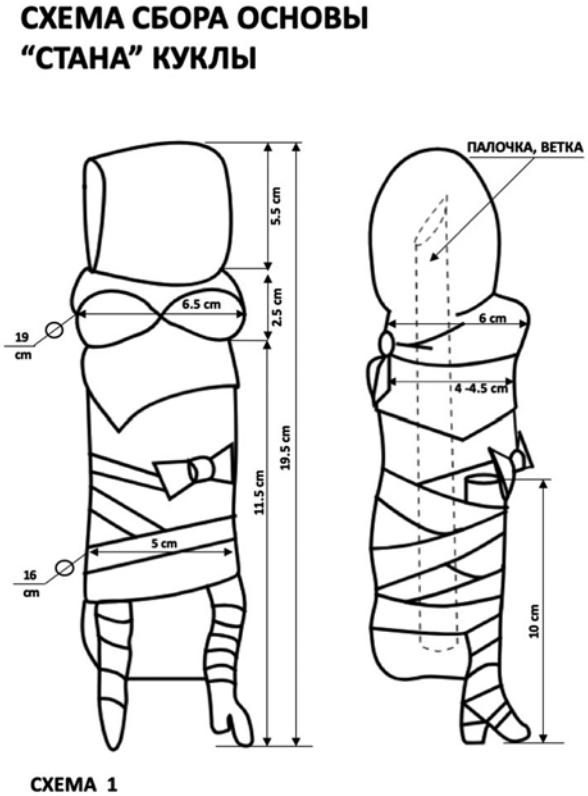
К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ВЛИЯНИЯ ТРОИЦКОЙ ОБРЯДНОСТИ НА БЫТОВАНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ КРЕСТЬЯНСКИХ КУКОЛ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА В БЫВШЕМ ЖИЗДРИНСКОМ УЕЗДЕ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ

Ж. Ф. Столярская,
исследователь, мастер по традиционной обрядовой кукле

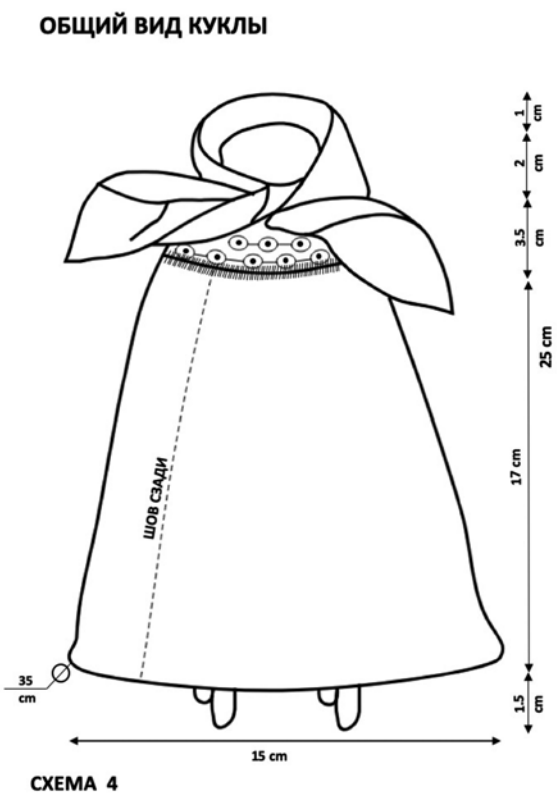
> Стержневая группа символов <…> имеет глубоко архаическую природу и восходит к дописьменной эпохе, когда определённые знаки представляли собой свёрнутые мнемонические программы текстов и сюжетов, хранящихся в устной памяти коллектива[1].
>
> *Ю. М. Лотман,*
> *советский и российский литературовед, культуролог, семиотик*

В XIX–XX вв. в реальной жизни на бескрайних просторах Жиздринского Полесья в начале лета можно было встретить девичьи процессии, отмечающие знаковый праздник Троицы по многовековой традиции с обрядом *«крестить (кстить)»* или *«хоронить кукушку»*[2]. Наиболее полно обряд был представлен в компактной зоне расселения летописных вятичей, расположенной в верховьях Оки и частично Десны, что в административном отношении соответствовало четырём юго-западным уездам Калужской губ. (Калужский, Козельский, Перемышльский, Мещовский, Жиздринский)[5]. Проведённое исследование обозначено в границах бывшего Жиздринского уезда, на территориальной основе которого с 1944 года были сформированы Думиничский, Жиздринский, Людиновский, Кировский (Песоченский), Ульяновский (Плохинский) и Хвастовичский районы Калужской области, обоснованно включённые в проводимое исследование[3].

В этнографической литературе XIX — начала XX в. сведения об обряде с кукушкой довольно многочисленны, но скудны в части описания деталей центрального атрибута и ритуалов, проводимых с ним[5]. Преподаватель Калужского уездного училища П. А. Ляметри в своих заметках в 1862 году уже подробнее описывает атрибут обряда и технологию его изготовления: *«…в селениях, пограничных Козельскому уезду, … В день Вознесения Господня крестьяне … отыскивают траву, называемую кукуша, или кукушка. Вырывши её из земли с корнем, надевают на неё заблаговременно приготовленную рубашку и, положив на землю, ставят над нею крестообразно дуги, накрыв которые платками, вывешивают с двух сторон кресты»*[4]. В начале XX в. в журнале «Этнографическое обозрение» тематический цикл публикаций Р. Кедриной, В. Харузиной, Е. Елеонской, А. Носовой, С. Сухотиной приводят ряд подробных описаний от участников обряда начала XIX века, в т. ч. и в самой Жиздре, о технологии изготовления куклы-«кукушки», деталях её оформления и использования в ритуалах[5]. Все исследователи подчёркивали сохранность архаичных черт обряда и его центрального атрибута, самое серьёзное отношение крестьянок к обряду: его старательно скрывают, обставляя большой таинственностью, и ни одна крестьянка не сознаётся, что умеет «*сряжать и кстить кукушку*»[2]. Природу этих особенностей исследователи[6]



Кукла-кукушка Жиздринского Полесья.
Схема сбора основы стана куклы



Кукла-кукушка Жиздринского Полесья.
Общий вид куклы

отнесли к очень древнему культу в женской среде: обряду девушек-невест-молодиц, вступающих в определённое время года в ритуальную связь между собой и в сакральную — с тайной, высшей силой, в образе птицы кукушки, особо отмечая кумовство, заключаемое через обрядовую куклу[5]. Участие в обряде для девушек было значимым обращением к покровительству женского божества, регулировалось устоявшимися в веках правилами и передавалось по наследству в устной традиции, в том числе и через саму куклу-«кукушку», в том обрядово-мифологическом пласте, который за ней сохраняла народная память. А следовательно, по законам сохранности сакральной информации в традиционной культуре рудименты описываемого обряда и его центрального атрибута вполне возможно обнаружить и в XX, и XXI веках[6].

Т. В. Бернштам, И. А. Морозов на основе опубликованных материалов и собственных записей дают сводное описание наиболее используемой в Троицкой обрядности *классической конструкции куклы-«кукушки». Кукушка* — трава-кукла: голова — раздвоенный корень растения ятрышник (*“кукушкины слёзки”*), а тулово — стебель без верхушки. Одежда кукушки — *“девичий наряд”:* рубаха, сарафан, пояс, платок, — одевали как девушку-невесту-покойницу[без фартука], укладывали в гробик или в любую коробочку. При изготовлении кукушки в лесу на неё надевали подготовленный принесённый наряд или украшали цветами, разноцветными лоскутами и лентами[2]. В Калужской губернии в одежде кукушки обязательно присутствовал красный цвет[5], в том числе и его тональные оттенки: розовый и оранжевый[6].

Троицкая традиция на Калужской земле оказалась гораздо живучее в сельской местности, где до 40-х (местами до 60-х) годов XX века в день Вознесения, Троицы, Петрова (Духова) дня этнографы продолжали фиксировать обряд кумовства, для которого девушки делали куклу-«кукушку», хоронили и кумились[12]. Бытование обряда позволило долгие годы сохранять в народной памяти и традицию изготовления центрального атрибута[6]. В подтверждение — большая коллекция этнографических кукол (сбор с 1991 года) Г. Н. Кузнецовой, методиста по фольклору

Городского культурно-досугового объединения г. Сосенского Калужской области. По воспоминаниям носителей традиции ею были изготовлены образцы с сохранившейся *классической конструкцией куклы-«кукушки» из травы*, используемые информантами как в праздновании Троицы, так и в детской игре[14].

Фольклорное наполнение и самобытные, отличающиеся от классического типа куклы-«кукушки» — "*здоровые девки из тряпок*", — чудом сохранившиеся в народной памяти Жиздринского Полесья, стали предметом научного интереса на рубеже веков уже нового поколения исследователей Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Государственной консерватории им. П. И. Чайковского (г. Москва) и специалистов Областного научно-методического Центра народного творчества, Дома мастеров (г. Калуга) и автора статьи, как мастера по тряпичной кукле. Анализ восьми образцов троицких и свадебных кукол, привезённых собирателями из экспедиционных поездок, предпринятых в разные точки бывшего Жиздринского уезда, выявил между ними много общих и характерных черт. Причём как в технологических приёмах изготовления, так и в эстетическом итоговом образе, вплоть до деталей, например, "*наведения личика*"[12]. Подобные троицким кукольные конструкции также были зафиксированы сотрудниками калужских учреждений культуры в этнографических сборах предметов крестьянского быта на данной территории. В 16 случаях информанты передавали прекрасно сохранившуюся в семье традицию изготовления ритуальной *куклы Жиздринского Полесья* («*Па абычию! Как матеря делали!*»), но ничего не знали об обряде *кукушки*. Очевидно, в условиях угасания обряд проигрывали и кукла становилась игровой, сохраняя при этом все архаичные черты с небольшой долей вариативности[16]. Список взятых для сравнения обрядовых и игровых крестьянских кукол с характерной для Жиздринского Полесья конструкцией представлены в табл. 1. Предположительно ареал распространения узнаваемого Жиздринского типа куклы Троицко-семицкого обряда не ограничивается обозначенной территорией уезда и может фиксироваться в границах бассейна р. Оки и её притоков[12].

Таблица 1

	Название, место сбора	Год сбора/ собиратель	Год /реконструкция
Куклы-«кукушки», зафиксированные в обрядовом использовании в Жиздринском Полесье			
1	Кукла-кукушка *«здоровая девка из тряпок»*, Жиздринский уезд, д. Большое Натарово[15]	1924–25 г./ сотр. РЭМ к. ф. н. Н. П. Гринкова, к. ф. н. Е. Э. Блонквист.	2010/ мастер Ж. Ф. Столярская
2, 3	Кукла-кукушка *«на каблучках»*, Людиновский р-н, д. Чёрный поток, Андронова Полина Ивановна, 1928 г. р., *два вида — женский и девичий*[11]	1995 г./ к. ф. н. Е. В. Миненок, фольклорист, ст.науч. сотр. РАН ИМЛ им. А. М. Горького.	2015/ мастер Ж. Ф. Столярская
4, 5	Кукла-кукушка *«слепая»* с птичьими ножками, Людиновский уезд, д. Сельцо, Кузьмина Аксинья Петровна, 1937 г. р.[8], д. Андреевы Палики, д. Коротец, Голубева П. Ф. 1926 г. р., *два вида*[9]	2005 г./ сотр. кабинета фолклора МГК им. П. И. Чайковского к. ис. н. Н. Н. Гилярова, к. ис.н М. С. Альтшулер.	2015/ мастер Ж. Ф. Столярская
6	Кукла свадебная *«в чёрных сапожках с монистами»*, д. Садовище, Куйбышевский р-н. Домна Ивановна Царькова, 1907 г. р.[13]	1989 г./ст. науч. сотр. Дома мастеров г. Калуги/ И. А. Зубкова	2000/ нар. мастер РФ Р. М. Головачева 2005/ к.ис.н. М. А. Мишина 2017/ мастер Ж. Ф. Столярская
7	Кукла-кукушка на ветке-рогачик *«на каблучках»*, Людиновский р-н, д. Чёрный поток, Зайцева Анна Ивановна, 1937 г. р.[17]	2018/ Ж. Ф. Столярская	2019/ мастер Ж. Ф. Столярская
8	Кукла-кукушка на ветке-рогачик *«с ногами»*, Людиновский р-н, д. Чёрный поток, Жиганова Нина Михайловна, 1940 г. р.[17]	2018/ Ж. Ф. Столярская	2019/ мастер Ж. Ф. Столярская

	Название, место сбора	Год сбора/ собиратель	Год /реконструкция
Варианты игровых кукол, зафиксированные в использовании в Жиздринском Полесье			
1–10	Кукла *«Краля с караликами»*, в платье в белый горох. (бывший Жиздринский у. Калужской губ., с 1944 года Кировский р-н Калужской обл.). Зубкова Мария Сергеевна, 1925 г.р., д. Бакеевка, *10 видов — девичий и женский*[16]	1995–2012 гг./ст.науч. сотр. Дома мастеров г. Калуга/ И. А. Зубкова, Р. М. Головачева/ сотр. ОНМЦ НТ г. Калуга/ А. Ш. Строк	1998/ нар. мастер РФ Р. М. Головачева 2000/ нар. мастер РФ Р. Я. Тарасова 2015/ мастер Ж. Ф. Столярская
11–12	Кукла *матрёна* с руками и ногами рогачиками, д. Труфаново, Барятинский р-н Калужской обл., Филиминова Анна Сергеевна, 1932 г.р., *два вида — девичий и женский*[17]	2017/ сотр. ДКАсмолово, А. А. Огородник, И. А. Соловьёва 2019/ Ж. Ф. Столярская	2017/ мастер А. А. Огородник 2020/ мастер Ж. Ф. Столярская
13–15	Кукла “на ножках”, с.Порой Добровский р-н Липецкой обл., *Фролова М. Е. 1917 г.р., дочь Ильина А. П., 1936 г.р., три вида*[18]	2000 г./сотр. отд. ТНК ОЦКНТ г. Липецк/ В. А. Живанович	2019/ мастер отд. ТНК ОЦКНТ В. А. Живанович
16	Кукла тряпичная для девочки, 1937 г.р.с.Ермолово, Скопинский р-н, Рязанской обл.[10]	1940 г./ коллекция В. Голубевой, г. Москва	В разработке

Для подтверждения выдвинутого предположения о возможном продолжении использования обрядовой традиции изготовления кукол в крестьянском быту была проведена реконструкция образцов кукольных сборов для экспериментальной проверки — следование технике изготовления основы и технологии внешнего оформления, — рождает в итоге идентичный эстетический образ. По результатам творческого исследования сложился свод общих и характерных черт обрядовых кукол-«кукушек», бытовавших на территории Жиздринского Полесья.

Перечень-классификатор релевантных черт обрядовых кукол-«кукушек», бытовавших на территории Жиздринского Полесья

1. Изготовление в определённое время (утро-вечер, весна-лето, повод).

2. Конструкция куклы сложная комбинированная (ветка+ткань), внутри основы куклы — обязательно наличие палочки, раздвоенной ветки (берёзы, ольхи, рябины), но информантом не акцентируется. При повторении — допускается вариативность во внешнем оформлении, в деталях, но конструкция-основа сохраняется во всех случаях неизменной.

3. Тулово куклы — мягкая скрутка или узловая голова на ветке с последующей накруткой ткани для тулова; укрепление и увеличение ветошью низа тулова как базы для крепления *«птичьих ног»*. В деталях — символизм дородности и достатка, выраженный эротизм, сексуальный подтекст по женскому типу. Крепление деталей прямым наложением *«внахлёст”*.

4. Всегда без рук, возможны пустые рукава, но с ножками из веток-рогачиков, чаще обкручены тканью и закреплены нитью.

5. В этнографическом размере от ладони до локтевого (50–55 см).

6. Внешнее оформление: широкая, мешкообразная имитация традиционной девичьей одежды без фартука *(рубаха, платье, юбка, кохта)*; покрыта платком *(белай цвятастый)* по-девичьи с узлом вперёд и концы разведены по диагонали, наличие имитации шейных украшений *(бузы, каралики)*.

7. *«Сляпая»* или с *“наведённым личиком”*: с птичьими, рыбьими глазами, косым носом-клювом, прямой рот — две ровные черты.

8. Возможные варианты использования (кумление-дарение, помещение в лапоть, коробку, игра в свадьбу, стояние на окне или у стеночки (смотрины, выхвалка).

9. Имя-прозвище — грубое деревенское или *кукла, дура* и т.п. (возможно наличие сказа).

10. Утилизация по итогу (циклу) использования, как правило, разорение (“*а, сделаю новаю!”*), оставление для саморазрушения: на лавке, в месте игры, сжигание в печи, захоронение, утопление.

Таким образом, проведённое сравнительное исследование позволяет предположить бытование на территории Жиздринского уезда различных по конструкции типов обрядовых кукол-«кукушек», одновременно родственных и независимых друг от друга, возможно, разведённых во времени бытования, но принадлежащих к одному фольклорно-этнографическому комплексу и имеющих широкий ареал распространения в границах всего Поочья[12]. Значимый символ птицы-божества[19], как яркий элемент локальной народной культуры, в связи с угасанием Троицких обрядов и их трансформацией в игровую деятельность хорошо сохранился в традиции крестьянских семей, перешёл вместе с её хранителями — детьми в игру и с большим достоинством сохранился до наших дней.

Описанные в исследовании образцы обрядовых и игровых кукол из этнографических сборов, реконструкции музейных образцов были использованы в рамках творческого проекта «Кукушки и Русалки» для организации выставок в городах Калуга, Москва, Сергиев Посад, Томск.

Примечания

1 *Лотман Ю. М.* Символ в системе культуры // Символ в системе культуры. Труды по знаковым системам. XXI. Тарту, 1998. С. 11.

2 *Елеонская Е. Н.* Крещение и похороны кукушки в Тульской и Калужской губ. // Этн. об-е. 1912. № 1–2. С. 149.

3 Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/ Жиздринский уезд/история/.

4 *Ляметри П. А.* Некоторые черты из крестьянского быта Мещовского уезда // Экономист. 1862. Кн. 7/8. С. 46.

5 *Бернштам Т. А.* Обряд «крещения и похороны кукушки» // Материальная культура и мифология: сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 37. Л.: Наука, 1981. С. 179–204.

6 *Морозов И. А.* Феномен куклы в традиционной и современной культуре // М.: Индрик. 2011. С. 161–178.

7 *Альтшулер М. С.* Троица // Музыкально-этнографический атлас. Комплексное мультимедийное музыкально-этнографическое описание народных традиций Калужской области. [Электронный ресурс] http://folk.rusign.com/s/56.html; Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского, 2009.

8 *Альтшулер М.* Похороны кукушки. Сайт фольклорно-этнографического центра «Дербеневка». [Электронный ресурс] // http://derbenevka.com/archive/articles/2271/.

9 *Дайн Г. Л.* Куда ведёт подлинник. Не проходите мимо // Как войти в народную культуру. Кн. 6. Экспедиционные и методические материалы, исследования, статьи 1990–2014. Сергиев Посад: Цветографика, 2015. С. 156.

10 *Дайн Г. Л.* Тряпичная кукла. Лоскутные мячики. Кн. 4. Хотьково: Цветографика, 2012. С. 79.

11 *Минненок Е. В.* Крещение и похороны кукушки в д. Чёрный Поток Людиновского района Калужской области. Сайт «Культура.РФ». [Электронный ресурс] // https://www.culture.ru/objects/2089/kreshenie-i-pokhorony-kukushki-v-d-chernyi-potok-lyudinovskogo-raiona-kaluzhskoi-oblasti.

12 *Минненок Е. В.* Некоторые характерные черты и атрибуты «зелёных» святок в деревнях калужско-брянско-смоленского пограничья // Традиционная обрядовая кукла-кукушка: сборник методических материалов I творческой лаборатории «Традиционная текстильная кукла». Калуга, 2010. С. 28–34.

13 *Головачёва Р. М.* Обрядовые куклы. Куклы-обереги. Калуга: ТипографЪ, 2003. С. 50.

14 *Кузнецова Г. Н.* Атрибуты и элементы обряда «крещение и похороны кукушки» в Козельском районе Калужской области // Традиционная обрядовая кукла-кукушка: сборник методических материалов I творческой лаборатории «Традиционная текстильная кукла». Калуга, 2010. С. 47–51, ил.

15 Документ Отдела этнографии русских ФГУК РЭМ (г. Санкт-Петербург). Опись коллекции 4201–83, л. 21.

16 *Столярская Ж. Ф.* Сундучок кукол бабушки Зубковой // Сборник статей II областной научно-практической конференции. Калуга: Эйдос, 2019. С. 31–48.

17 Материалы личного архива Ж. Ф. Столярской.

18 *Живанович В. А.* Технология изготовления тряпичной куклы «на каблучках» с. Порой Добровского района Липецкой области. [Электронный ресурс] https://vk.com/@-144961270-tehnologiya-izgotovleniya-tryapichnoi-kukly-na-kabluchkah-s/ Сайт ОБУК ОЦКНТ Липецкая область.

19 *Никитина А. В.* Кукушка в славянском фольклоре. СПб.: Филологический фак-т СПбГУ, 2002. С. 163–164.

БОРТОВАЯ БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ К. Э. ЦИОЛКОВСКОГО: ИСТОРИЯ И СОСТАВ. К 60-ЛЕТИЮ ПЕРВОГО ПОЛЁТА ЧЕЛОВЕКА В КОСМОС

Е. В. Архипцева,
заведующая научно-методическим отделом,
Государственный музей истории космонавтики им. К. Э. Циолковского

Тема бортовой библиотеки в научной литературе рассматривалась неоднократно[1]. Цель настоящего исследования — свести воедино разрозненные источники, дополнить их материалами из собрания Государственного музея истории космонавтики (ГМИК) им. К. Э. Циолковского, отметив творчество сподвижников идеи бортовой библиотеки, стараниями которых она создавалась и пополнялась.

Первый полёт человека в космос положил начало освоению космического пространства. 108 гагаринских минут превратились в годы пребывания на орбите. Вместе с этим встал вопрос о взаимодействии членов космического экипажа, психологической совместимости в космосе. Примечательно, что накануне авиакатастрофы Ю. А. Гагарин (1934–1968) поставил авторскую подпись на вёрстке книги «Психология и космос»[2]. Книга была написана совместно с В. И. Лебедевым (1929–2004), одним из создателей космической психологии, исследовавшим проблемы экстремальной психоневрологии — поведение и психическое состояние человека, процессы взаимодействия людей в особых условиях существования[3]. Обратив внимание на влияние специально подобранных книг на психику человека в длительных космических экспедициях, авторы заложили предпосылки для формирования библиотеки на орбите.

Первой в мире космической путешественницей стало миниатюрное издание автобиографии американского учёного Р. Годдарда («The autobiography of Robert Hutchings Goddard, father of the space age; early years to 1927»), которое в 1966 г. осуществил коллекционер Эйчилл Сэнт Онж (США). Вместе с астронавтом Э. Олдрином на космическом корабле (КК) «Аполлон-11» в 1969 г. книга побывала в космосе и на Луне. В 2007 г. Олдрин продал её на аукционе[4].

В Советском Союзе зачинателем «космической книжной эпопеи» был Н. А. Варваров (1912–1995), журналист, популяризатор космонавтики, работавший в Центральном научно-исследовательском институте машиностроения[5] (ЦНИИМ). Сначала в космос отправляли книги обычного формата. Но при старте космического корабля огромное значение имеет его вес. В целях экономии полезной нагрузки предпочтение стали отдавать миниатюрным изданиям. Следуя рекомендациям специалистов о благотворном влиянии на психику поэзии, космонавты охотно брали в космос сборники стихов. Наряду с лирикой в космосе побывала проза. Проясним судьбу отдельных изданий.

Так, в 1971 г. экипажу КК «Союз-11» лётчик-космонавт СССР А. А. Леонов передал две миниатюрные книги — томик стихов С. А. Есенина и поэму Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Первоначально к длительной командировке в космос готовился экипаж в составе А. А. Леонова и В. Н. Кубасова. Но перед самым стартом здоровье Кубасова ухудшилось, и экипаж заменили. В полёт отправились Г. Т. Добровольский, В. Н. Волков и В. И. Пацаев. Полёт завершился трагически (космонавты погибли при спуске), но книги благополучно вернулись на Землю[6].

---

[1] *Иванова Л. В.* Чтение на Земле и в космосе // Библиотековедение. 2011. № 2. С. 50–56; *Костюк Я. Н.* Книга в космосе — космос в книге // Новости Космонавтики. 2008. № 10. С. 62–63; *Костюк Я. Н.* Миниатюрные книги, побывавшие в космосе // Гагаринский сборник: материалы XLVII Общественно-научных чтений, посвящённых памяти Ю. А. Гагарина. Гагарин, 2020. Ч. II. С. 76–91; *Побединская М. А.* Реквием внеземной библиотеке // Новости космонавтики. 2001. № 3. С. 27; *Самбуров С. Н.* Космическая библиотека // Циолковский К. Э. Вне Земли: сборник научно-популярных и научно-фантастических работ. М.: Луч, 2008. С. 321–336.

[2] *Костюк Я. Н.* Миниатюрные книги, побывавшие в космосе. С. 77.

[3] URL: https://u.wikipedia.org/wiki/Лебедев,_Владимир_Иванович_(психолог) (дата обращения: 25.03.2021).

[4] *Костюк Я. Н.* Миниатюрные книги, побывавшие в космосе. С. 78.

[5] Там же. С. 76.

[6] *Иванова Л. В.* Чтение на Земле и в космосе. С. 53; Следует отметить: книга «Стихи о матери», изданная в 1972 г., не могла быть отправлена в космос в июне 1971 г. См.: *Костюк Я. Н.* Миниатюрные книги, побывавшие в космосе. С. 78.

Сборник стихов «Вершы» (1972), побывавший на борту КК «Союз-18» и орбитальной станции (ОС) «Салют-4», лётчик-космонавт СССР П. И. Климук передал в Государственный литературно-мемориальный музей Якуба Коласа (Минск, Белоруссия). Книгу Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре», побывавшую на КК «Союз-24» и ОС «Салют-5», лётчик-космонавт СССР Ю. Глазков передал в Музей дружбы народов АН Грузии (Тбилиси). Во время полугодового полёта лётчиков-космонавтов СССР Л. И. Попова и В. В. Рюмина на ОС «Салют-6» в космосе побывало более десяти мини-изданий, в том числе фотоальбом «Космонавты СССР» (1977), который после полёта поступил в Научную библиотеку МГУ им. М. В. Ломоносова. Книгу А. Тумбасова «Капельки: лирические этюды» (Пермь) после полёта на КК «Союз Т-8» лётчик-космонавт СССР Г. М. Стрекалов передал в Дом культуры «Октябрь» города Пласт (Челябинская область). Поэтический сборник М. Ю. Лермонтова «Последние стихи», побывавший на орбитальном комплексе (ОК) «Союз Т-11» — «Салют-7», лётчик-космонавт СССР Ю. В. Малышев передал Пятигорскому музею-заповеднику. Необычна судьба трёхтомника Л. И. Брежнева «Малая земля», «Возрождение», «Целина» (1979). В 1982 г. с лётчиками-космонавтами СССР А. Н. Березовым и В. В. Лебедевым книги побывали на ОК «Союз Т-7» — «Салют-7». Подтверждением тому оттиск штемпеля от 24.06.1982 г., автографы космонавтов А. Н. Березового, В. В. Лебедева, Л. И. Попова и А. А. Сереброва. Космический подарок предполагалось преподнести Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу, но в связи с его смертью книги были проданы на аукционе «Sotheby`s»[1]. На книжной выставке, открывшейся в 1987 г. на ВДНХ СССР в павильоне «Космос», среди побывавших в космосе изданий внимание посетителей привлекал поэтический сборник «Нерв» В. Высоцкого, который побывал на борту ОС «Салют-7» с лётчиком-космонавтом СССР А. Н. Березовым[2].

В ходе программы «Интеркосмос» (1978–1988) на орбиту отправлялись издания преимущественно общественно-политического характера. Как символ нерушимой дружбы соцстран, такие издания передавались в посольства, литературные музеи, музеи политической истории. Так, среди побывавших в космосе изданий были «Коммунистический манифест» (1976) и «Конституция ПНР» (1977), «Манифест Коммунистической партии ГДР», книга о ГДР и трёхтомник И. Ф. Гёте «Фауст», тексты выступлений Хосе Марти и руководителя Кубы Фиделя Кастро (1975), «Конституция МНР», «Устав КПСС» (1972)[3]. Отдельные издания переданы в ГМИК им. К. Э. Циолковского. Среди них книга «Интеркосмос и Венгрия» (Будапешт, 1980), которая находилась на ОК «Салют-6» — «Союз-35» — «Союз-36» во время полёта пятого международного экипажа по программе «Интеркосмос»[4].

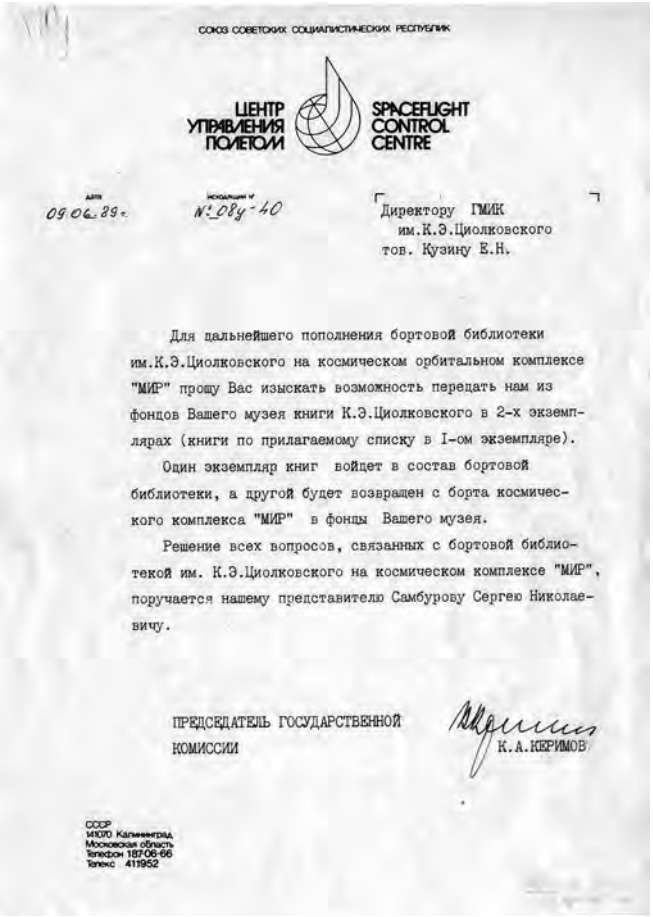
Не все запуски были удачными, не всем книгам суждено было вернуться на Землю. Так, в 1979 г. две матери, М. Н. Баланина (Королёва) и А. Т. Гагарина, для первой советско-болгарской экспедиции передали в космос книги своих сыновей. «По-матерински обнимаю Вас и Ваших гостей по космическому дому. Доброго Вам здоровья и наилучших успехов в Вашей нелёгкой работе на околоземной орбите», — на книге «Дорога в космос» (1961) написала Анна Тимофеевна. «Буду весьма признательна, если Вы возвратите мне эту самую дорогую для меня книгу сына с Вашими подписями», — на книге «Ракетный полёт в стратосфере» (1934) написала Мария Николаевна. Но по техническим причинам стыковка КК «Союз-33» с ОС «Салют-6» не состоялась, книги сгорели вместе с космическим аппаратом, превратились в пепел. «А пепел потом со временем осел на нашу Землю, как память об этих великих людях, которые эти книги написали», — сказал советский космонавт Н. Н. Рукавишников в документальном фильме «Книга в звёздном океане» (1989)[5].

На ОС «Салют-7» книги отправлялись в транспортных кораблях. Они укладывались в мягкие контейнеры вместе с прессой. Формированием контейнеров занимались сотрудники группы психологической поддержки Института медико-биологических проблем (ИМБП). Наряду с изданиями психологической поддержки в контейнеры укладывали техническую литературу. Формировались

[1] *Костюк Я. Н.* Миниатюрные книги, побывавшие в космосе. С. 78–80, 82–83.
[2] *Иванова Л. В.* Чтение на Земле и в космосе. С. 55.
[3] *Костюк Я. Н.* Миниатюрные книги, побывавшие в космосе. С. 79, 81–82.
[4] ГМИК. КП-2729 К-1859.
[5] *Иванова Л. В.* Чтение на Земле и в космосе. С. 54.

контейнеры и от семей экипажей[1]. Поэтому на ОК «Мир» литература была уже на любой вкус. Так, Ю. В. Усачев находил возможность перечитывать произведения М. А. Булгакова; Г. И. Падалка в минуты досуга наслаждался любимым А. П. Чеховым; Н. М. Бударину жить и работать в космосе помогал Омар Хайям; без исторических книг не мог обходиться А. Ю. Калери. Астронавт К. М. Фоул, прекрасно владея русским языком, читал А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского. Произведения И. Ильфа и Е. Петрова радовали всех[2].

В период 1987–1992 гг. доставкой контейнеров от семей космонавтов и контейнеров психподдержки от ИМБП на космодром Байконур занимался С. Н. Самбуров, сотрудник подразделения лётно-испытательной службы Научно-производственного объединения «Энергия» (ныне главный ведущий специалист Ракетно-космической корпорации «Энергия» им. С. П. Королёва), правнук К. Э. Циолковского[3]. Перечень укладываемой на каждый корабль «Прогресс» литературы для отправки на ОК «Мир» оформлялся Самбуровым техническим актом. Благодаря его усилиям многие научные труды К. Э. Циолковского попали в космос. Они стали не просто свидетелями, а участниками космических полётов! Их читают космонавты! Мог ли такое представить Константин Эдуардович?



СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ЦЕНТР УПРАВЛЕНИЯ ПОЛЕТАМИ — SPACEFLIGHT CONTROL CENTRE

Дата 09.06.89г. Исходящий № 084-40

Директору ГМИК
им.К.Э.Циолковского
тов. Кузину Е.Н.

Для дальнейшего пополнения бортовой библиотеки им.К.Э.Циолковского на космическом орбитальном комплексе "МИР" прошу Вас изыскать возможность передать нам из фондов Вашего музея книги К.Э.Циолковского в 2-х экземплярах (книги по прилагаемому списку в I-ом экземпляре).

Один экземпляр книг войдет в состав бортовой библиотеки, а другой будет возвращен с борта космического комплекса "МИР" в фонды Вашего музея.

Решение всех вопросов, связанных с бортовой библиотекой им. К.Э.Циолковского на космическом комплексе "МИР", поручается нашему представителю Самбурову Сергею Николаевичу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ К.А.КЕРИМОВ

СССР
141070 Калининград
Московская область
Телефон 187-06-66
Телекс 411952

Письмо председателя Государственной комиссии К. А. Керимова директору ГМИК им. К. Э. Циолковского Е. Н. Кузину (из собрания ГМИК им. К. Э. Циолковского)

Первая официальная отправка брошюр К. Э. Циолковского на орбиту состоялась в июле 1975 г. — лётчик-космонавт СССР А. А. Леонов, участник международной программы «Союз» — «Аполлон», взял на КК «Союз-19» три прижизненных издания учёного: «Исследование мировых пространств реактивными приборами» (1914), «Космические ракетные поезда» (1929), «Цели звездоплавания» (1929)[4]. С бортовыми автографами советских космонавтов А. Леонова и В. Кубасова, американского астронавта США Т. Стаффорда книги были возвращены на Землю и переданы в ГМИК им. КЭ. Циолковского. Музей осуществил факсимильные издания. Благодаря стараниям Н. А. Варварова, они были отправлены на ОК «Мир» и легли в основу бортовой библиотеки, как и 14 редких книг, которые перед затоплением ОС «Салют-7» в мае-июне 1986 г. лётчики-космонавты СССР В. А. Соловьёв и Л. Д. Кизим в КК «Союз Т-15» перевезли на ОК «Мир». Библиотека нуждалась в пополнении. Варваров решил передать космонавтам труды учёного из своей личной библиотеки и призвал коллег последовать его примеру. На призыв пополнить библиотеку изданиями Циолковского откликнулись владельцы брошюр, в том числе те, которым посчастливилось получить их от самого Константина Эдуардовича. Прижизненными изданиями учёного поделились А. А. Космодемьянский,

[1] *Самбуров С. Н.* Космическая библиотека. С. 323.
[2] *Иванова Л. В.* Чтение на Земле и в космосе. С. 55.
[3] *Самбуров С. Н.* Космическая библиотека. С. 323.
[4] *Самбуров С. Н.* Космическая библиотека. С. 322; ГМИК. КП-1849 К-1699; КП-1850 К-1700; КП-1851 К-1701.

Экслибрис Бортовой библиотеки им. К. Э. Циолковского

А. Т. Улугбеков, В. А. Сытин, С. А. Соколова, потомки К. Э. Циолковского[1].

Так, брошюра «Ракета в космическое пространство» (1924) со вступительной статьёй на немецком языке, перевод которой выполнил А. Л. Чижевский, «с любовью» передана Н. А. Варваровым в «дар первой в мире космической библиотеке» в апреле 1987 года[2]. Символично, что на брошюре имелся автограф Германа Оберта, поскольку её выход — это ответ Циолковского на статью немецкого учёного «Ракета в межпланетные пространства» в защиту своего приоритета в области ракетодинамики. Очевидно, автограф сделан в сентябре 1982 г., когда Г. Оберт приезжал в СССР, посетил Калугу, побывал в Доме-музее К. Э. Циолковского, с экспозицией которого его познакомил внук учёного А. В. Костин[3]. Брошюра была отправлена на ОК «Мир», как и ещё одна из тех, что хранились у Варварова. Это брошюра «Звездоплавателям» (1930) с автографами Г. Оберта, советских космонавтов, А. Т. Гагариной и М. Н. Баланиной, с инскриптом: «Дар Николая Александровича Варварова библиотеке орбитального научно-исследовательского комплекса «Мир»[4]. Среди книг, отправленных в космос в 1980-е гг., были брошюры «Нирвана» (1914) и «Растение будущего. Животное космоса. Самозарождение» (1929). На первой из них дарственная надпись: «В дар библиотеке орбитального комплекса «Мир» от семьи Циолковского» от 17 сентября 1987 г. с четырьмя автографами дарителей[5]. На второй книге инскрипт: «Библиотеке орбитального комплекса «Мир» от профессора механики Космодемьянского Аркадия Александровича. С уважением. Из книг, подаренных мне К. Э. Циолковским в 1932 году»[6]. На обеих книгах оттиски штемпеля ОК «Мир». В 1987 г. на ОК «Мир» впервые была организована выставка книг из бортовой библиотеки, презентация которой транслировалась на Землю, в Центр управления полётами. Советские космонавты В. Г. Титов и М. Х. Манаров показали землянам редкие, наиболее ценные издания, рассказали о том, как книги попали в космос[7].

Печатные труды Циолковского у космонавтов пользовались спросом. В ГМИК им. К. Э. Циолковского хранятся уникальные документы, связанные с пополнением бортовой библиотеки ОК «Мир»[8]. Среди них письмо за № 08у-40 от 9 июня 1989 г. председателя Государственной комиссии К. А. Керимова директору музея Е. Н. Кузину, в котором сказано: «Для

[1] *Самбуров С. Н.* Космическая библиотека. С. 322–323, 325, 328.
[2] Там же. С. 325.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 327.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] *Иванова Л. В.* Чтение на Земле и в космосе. С. 55.
[8] Документы по вопросу пополнения бортовой библиотеки им. К. Э. Циолковского на космическом орбитальном комплексе «Мир». Типографская печать, компьютерная печать, машинопись, автограф. 9 июня — 5 сентября 1989 г. 7 л. // ГМИК. КП-4726, КП-4727.

дальнейшего пополнения бортовой библиотеки им. К. Э. Циолковского на космическом орбитальном комплексе «Мир» прошу изыскать возможность передать нам из фондов Вашего музея книги К. Э. Циолковского в 2-х экземплярах (книги по прилагаемому списку в 1-м экземпляре). Один экземпляр книг войдет в состав бортовой библиотеки, а другой будет возвращён с борта космического комплекса «Мир» в фонды Вашего музея»[1]. К письму приложен перечень из 28 наименований трудов Циолковского[2]. Инициатива обращения руководства НПО «Энергия» в лице заместителя Генерального конструктора В. В. Рюмина и председателя Государственной комиссии К. А. Керимова в музей с просьбой подобрать для бортовой библиотеки печатные труды К. Э. Циолковского принадлежала С. Н. Самбурову[3]. Ему же поручили решение всех вопросов, связанных с пополнением бортовой библиотеки[4].

Книга К. Э. Циолковского, побывавшая на борту ОК «Мир»

Музей отправил в космос 20 брошюр Циолковского, находящихся «на материальном учёте». Сохранился фотоснимок с изображением всех 20 брошюр, выполненный Самбуровым[5]. Об укладке книг на пилотируемый КК «Союз ТМ-8» с целью доставки на ОК «Мир» для бортовой библиотеки свидетельствует составленный на Байконуре акт от 5 сентября 1989 г., хранящийся в музее[6]. По акту проходит 36 брошюр, видимо, 16 брошюр были собраны Сергеем Николаевичем дополнительно, в том числе потомками Циолковского. В июне 1989 г. в НПО «Энергия» специально для брошюр был изготовлен шёлковый чехол[7]. Доставку брошюр на борт станции и возвращение их на Землю осуществил экипаж КК «Союз ТМ-8» в составе А. А. Сереброва и А. С. Викторенко[8]. Благодаря этому на ОК «Мир» была сформирована уникальная библиотека, получившая имя К. Э. Циолковского. Художник А. И. Калашников по просьбе Н. А. Варварова создал экслибрис с изображением портрета учёного, ОК «Мир» и надписью: «Из бортовой библиотеки им. К. Э. Циолковского на орбитальном комплексе «Мир»[9]. Экслибрис был доставлен на КК «Союз ТМ-7» советско-французским экипажем в составе А. Волкова, С. Крикалева и Ж.-Л. Кретьена[10]. Распечатанные экземпляры экслибриса Самбуров наклеивал на обложки, либо на титульный лист. На обложках космонавты проставляли оттиски штемпеля с символикой ОК «Мир». 10 брошюр в феврале

[1] Документальное наследие К. Э. Циолковского в собрании Государственного музея истории космонавтики имени К. Э. Циолковского: каталог. — Калуга, 2017. — С. 176; ГМИК. КП-4726.

[2] Документальное наследие К. Э. Циолковского. С. 177.

[3] *Самбуров С. Н.* Космическая библиотека. С. 329.

[4] ГМИК. КП-4726.

[5] *Самбуров С. Н.* Космическая библиотека. С. 321.

[6] ГМИК. КП-4727 Дк-3342.

[7] ГМИК. КП-6785 Т-298.

[8] ГМИК. КП-4727 Дк-3342.

[9] *Самбуров С. Н.* Космическая библиотека. С. 328.

[10] Там же.

Автобиографические заметки К. Э. Циолковского, побывавшие на МКС

1990 г. вернулись в музей. Книги находились в полёте в период 5 сентября 1989 г.— 19 февраля 1990 г. В 2021 г. в экспозиции Второй очереди музея посетители впервые увидели подлинные документы, чехол и побывавшие в космосе брошюры: «Космические ракетные поезда» (1929), «Цели звездоплавания» (1929), «Звездоплавателям» (1930), «Образование Земли и солнечных систем» (1915), «Причина космоса» (1925), «Прошедшее Земли» (1928), «Общественная организация человечества» (1928), «Воля Вселенной. Неизвестные разумные силы» (1928), «Современное состояние Земли» (1929), «Монизм Вселенной» (1931)[1].

Кроме того, усилиями Самбурова на ОК «Мир» были отправлены публикации научных трудов учёного и научно-популярные издания 1950-х — 1990-х гг., многие из которых с дарственными надписями потомков Константина Эдуардовича и других дарителей. Среди них «На Луне» (1957; 1988), «Мысли о будущем» (1958), «Вне Земли» (1958), «Грёзы о Земле и небе» (1959; 1986), «Высказывания Константина Эдуардовича Циолковского о межпланетных сообщениях (1959), «Путь к звёздам» (1960), «Ракета в космическое пространство» (1963), «Циолковский в воспоминаниях современников» (1971), «К. Э. Циолковский в воспоминаниях современников» (1983), «Константин Эдуардович Циолковский: исследование научного наследия» (1989), «Промышленное освоение космоса» (1989), «Очерки о Вселенной» (1992)[2]. Как правило, на книгах проставлялись оттиски штемпеля, свидетельствующие о космическом полёте.

Весной 1999 г. в Российское авиационно-космическое агентство поступил запрос из комиссии по культуре Государственной Думы Федерального Собрания РФ, в котором указывалось на необходимость возвращения с ОК «Мир» раритетов, в том числе печатных трудов выдающихся деятелей космонавтики, особую ценность среди которых представляли прижизненные издания, книги с автографами. В РКК «Энергия» им. С. П. Королёва была создана комиссия по определению приоритета возвращаемых предметов. Руководство полёта отправило 6 мая 1999 г. на борт радиограмму с просьбой провести инвентаризацию. Экипаж в составе В. М. Афанасьева

[1] ГМИК. КП-4505/1 К-5370; КП-4505/5 К-5374; КП-4505/9 К-5378; КП-4505/12 К-5381; КП-4505/13 К-5382; КП-4505/14 К-5383; КП-4505/15 К-5384; КП-4505/16 К-5385; КП-4505/19 К-5388; КП-4505/21 К-5390.

[2] *Самбуров С. Н.* Космическая библиотека. С. 323–326.

Космонавт О. Г. Артемьев за чтением научно-фантастической повести К. Э. Циолковского «На Луне» на борту МКС. 2017 г.

и С. В. Авдеева её осуществил[1]. Но перевезти библиотеку на Международную космическую станцию (МКС) не удалось[2]. Сохранились лишь отдельные издания, отправленные с борта станции ранее, например, брошюра Циолковского «Звездоплавателям» (1930). В честь сотового пилотируемого полёта в космос астронавтов США она побывала на ОК «Мир» и STS-71 (космический полёт МТКК «Атлантис» по программе «Спейс шаттл»), чему способствовал российский космонавт Н. М. Бударин[3].

С 2000 г. постоянным домом на орбите стала МКС. В период 8 марта — 22 августа 2001 г. на борту МКС находился «Информационный бюллетень о жизни и деятельности основоположника теоретической космонавтики К. Э. Циолковского» для членов 2-й основной экспедиции (Ю. Усачёв, Д. Восс, С. Хелмс). Ныне он хранится в музее[4]. На борт МКС продолжали отправляться миниатюрные издания о космосе, фотопортреты учёного и его печатные труды. Во многом этому способствовал Самбуров. Так, одна из брошюр «Ракета в космическое пространство» (1924), дважды побывавшая на ОК «Мир», побывала также на борту МКС, о чём свидетельствуют оттиски штемпелей[5]. От потомков Константина Эдуардовича были отправлены сборники «Промышленное освоение космоса» (1989), «Очерки о Вселенной» (1992; 2001), «Грёзы о Земле и небе» (1959, 1986), «Суд космоса» (1993) и семь экземпляров автобиографических заметок учёного «Черты из моей жизни» (2002). В 2007 г., в честь 150-летия со дня рождения К. Э. Циолковского, на орбиту были отправлены издания Калужского общественного фонда К. Э. Циолковского. Среди них «Идеальный строй жизни» (1998), «Что делать на Земле. Жизнь человечества» (1999), «Первопричина» (1999), «Монистический материализм» (2007),

[1] *Иванова Л. В.* Чтение на Земле и в космосе. С. 56.
[2] *Побединская М. А.* Реквием внеземной библиотеке.
[3] *Самбуров С. Н.* Космическая библиотека. С. 330.
[4] ГМИК. КП-7882/5.
[5] *Самбуров С. Н.* Космическая библиотека. С. 325.

«Щит научной веры» (2007)[1]. На многих книгах автографы космонавтов и астронавтов, оттиски штемпелей с борта станции. К 160-летию К. Э. Циолковского на борт МКС была оправлена книга «На Луне», прекрасно изданная Юго-Западным государственным университетом г. Курск, которую с удовольствием читал космонавт О. Г. Артемьев и сделал замечательные снимки с ней на борту. Космическим долгожителем числится миниатюрный фотоальбом «С. П. Королёв: к 100-летию со дня рождения» (2007). В основе издания трёхтомник Н. С. Королёвой «Отец», заказчиком выступила РКК «Энергия» им. С. П. Королёва, издание подготовлено Я. Н. Костюк при финансовой поддержке Совета по космосу Президиума РАН.

Подведём итоги. Знаменательно, что у истоков космической библиотеки стоял Ю. А. Гагарин. Книги, побывавшие на орбите, становились раритетами. Судьбу 80 миниатюрных изданий старался проследить Я. Н. Костюк. Интересуясь, много ли в космосе читают, в ответ он слышал: не хватает времени. Но на Циолковского космонавты время находят. Причём, наибольшим спросом пользуется научно-фантастическая повесть учёного «Вне Земли», в которой идёт речь о цивилизации землян 2017-го года. В 2017 г. Роскосмос выпустил документальный фильм «К. Э. Циолковский. Космический пророк», в котором российские космонавты озвучивают самые интересные, на их взгляд, фрагменты повести, комментируя точность описанных учёным явлений невесомости, поражаясь его прозорливости относительно развития космической техники. Усилиями Варварова и Самбурова на ОК «Мир» были отправлены брошюры Циолковского с автографами и дарственными надписями видных деятелей космонавтики, потомков Константина Эдуардовича, прижизненные издания учёного из собрания музея. За два года до затопления ОС «Мир» библиотека насчитывала около 400 книг, включая 28 брошюр Циолковского. Судьба Бортовой библиотеки имени К. Э. Циолковского печальна: она погибла вместе со станцией.

На посту Президента общественного фонда К. Э. Циолковского С. Н. Самбуров много лет ведёт большую работу просветительского характера, освещая в научных кругах, научно-популярных изданиях вопросы формирования библиотечного фонда на орбите, историю пополнения библиотеки. Сергей Николаевич и сегодня прилагает немало усилий для того, чтобы на борту МКС космонавты могли знакомиться с научными трудами основоположника теоретической космонавтики. К сожалению, на МКС книги долго не задерживаются — космонавты забирают их в память о полётах. Музей осуществил выпуск сувенирного комплекта из десяти брошюр К. Э. Циолковского под общим названием «К. Э. Циолковский. 10 калужских раритетов». На каждой книге портрет учёного 1919 г. Но это не репринтные издания, они вышли в обработке автора-составителя. И это не те книги, которые побывали в космосе. Однако подготовить для посетителей факсимильные издания десяти брошюр учёного, побывавших в космосе, с экслибрисами бортовой библиотеки, ещё не поздно. В сувенирный комплект можно включить и три издания, вернувшиеся из полёта по программе «Союз» — «Аполлон». Эти брошюры для нас особенно ценны, ведь их держали в руках и К. Э. Циолковский, и космонавты. Овеянные космической славой, эти уникальные памятники культуры действительно могут стать раритетными сувенирами, дорогими сердцу каждого посетителя ГМИК им. К. Э. Циолковского.

[1] *Самбуров С. Н.* Космическая библиотека. С. 329–330.

К ВОПРОСУ ОБ УСТАНОВКЕ ПАМЯТНОГО ЗНАКА В ЧЕСТЬ ЮРИЯ ГАГАРИНА НА ПЛОЩАДИ СТАРЫЙ ТОРГ В КАЛУГЕ

Н. А. Максимовская,
член рабочей группы по сохранению исторической памяти
при губернаторе Калужской области, член Союза журналистов России;
А. А. Спиченко,
доцент кафедры инженерных и технологических дисциплин,
Инженерно-технологический институт КГУ им. К. Э. Циолковского

Идея установки памятного знака в честь Юрия Гагарина на площади Старый Торг в Калуге возникла четыре года назад. Она была выдвинута Н. А. Максимовской и прозвучала на заседании рабочей группы по сохранению исторической памяти при губернаторе Калужской области (далее «рабочая группа»), проходившем в апреле 2017 г. Автор идеи предлагал установить памятную доску в честь первого космонавта планеты Ю. А. Гагарина в связи с его исторической встречей с тысячами калужан на площади Ленина (сегодня пл. Старый Торг) 13 июня 1961 г.

Обратимся к страницам калужской космической летописи 60-летней давности. Дата 13 июня 1961 г. связана с визитом в Калугу Юрия Алексеевича Гагарина спустя два месяца после его легендарного 108-минутного полёта в космос. Самолёт ЛИ-2 с первым космонавтом прибыл на военный аэродром в Орешково под Воротынском, после чего автомобиль с открытым верхом «Зил-110», в который пересел Гагарин, и весь сопровождавший его кортеж направились в Калугу. Последовательность этапов продвижения космонавта по городу была следующей: въезд в город по Смоленской улице, парк им. К. Э. Циолковского, возложение венков на могилу учёного; церемония закладки Гагариным первого камня в фундамент будущего Государственного музея истории космонавтики им. К. Э. Циолковского; сквер Мира и возложение цветов к памятнику учёному; автомобильное шествие по «живому коридору» ликующих горожан к площади Ленина, где состоялся грандиозный митинг.

Везде, где Гагарин проезжал, стояли приветствовавшие космонавта толпы людей с цветами и плакатами, многие бежали вслед за кортежем. Полёт первого человека в космос вызвал эйфорию на всей планете и, естественно, был невероятно радостным событием для всего советского народа. Не случайно народное ликование, связанное с незабываемым днём 12 апреля 1961 г., сравнивали тогда с 9 мая 1945 г., Днём Победы.

Площадь Ленина, последний пункт маршрута Гагарина по Калуге, вместила в тот день, по оценкам журналистов, несколько десятков тысяч человек, над которыми возвышались плакаты с лозунгами и портреты Ю. А. Гагарина, К. Э. Циолковского, В. И. Ленина, членов правительства СССР. Такого скопления людей площадь не знала ни до, ни после. Она рукоплескала и взрывалась приветственными возгласами, в небо взмывали стайки выпущенных голубей. Люди горели желанием воочию увидеть героя планеты, впервые полетевшего в космос.

Трибуна, на которую поднялся первый космонавт, была установлена вдоль и по центру Гостиных рядов (сторона, выходящая на площадь). Рядом с Гагариным вплотную стояли руководящие лица области и города, почётные представители трудовых коллективов, учебных заведений, журналисты. В самом начале митинга Юрию Алексеевичу был вручён диплом Почётного гражданина города Калуги — звание, присвоенное первому космонавту примерно за месяц до этого. Затем ему предоставили слово [1, 2, 3].

В своём выступлении, продолжавшимся около шести минут, Гагарин высказал слова благодарности за тёплую встречу калужан, выразил своё мнение относительно значения научных трудов Циолковского и осуществления его идей на практике, а также надежду на дальнейшее успешное развитие космонавтики. Запись речи легендарного космонавта впоследствии, в течение десятилетий звучала в радиожурнале «Калуга и космос», всякий раз вызывая восхищение человеком, покорившим всех своим мужеством, обаянием, искренностью и простотой. Это редкостное сочетание качеств, видимо, и позволило в тот день Гагарину магически овладеть многолюдной

Ю. А. Гагарин на площади Ленина в Калуге

площадью, что особенно ярко проявилось, когда он остановил внезапно возникшее движение в гигантском народном монолите: толпа слегка колыхнулась — и послышались крики и визг детей. Самообладание не покинуло Юрия Алексеевича на земле, как и в космосе.

«Товарищи, — тут же обратился он к народу, — *хороший митинг у нас сейчас проводится. Всем хочется видеть, всем хочется посмотреть… Давайте будем спокойно себя вести. Мы ещё много раз будем встречаться, так что все увидим друг друга, поговорим…»*. Площадь замерла и следом разразилась аплодисментами. *«А вы почаще приезжайте!»* — послышался возглас кого-то из участников митинга. *«Я приеду, не волнуйтесь!»* — добродушно засмеялся космонавт и добавил: *«Детей здесь много, жалко детей, можно подавить…»*. Затем продолжил: *«Очень приятно и почётно быть в том городе, где жил и творил Константин Эдуардович Циолковский… Значение трудов Константина Эдуардовича трудно даже представить человеку, который не связан с этим делом. Все труды учёного в настоящее время очень тщательно изучаются… и те положения, которые описаны в его трудах, скажем, очень красочно и хорошо он описал поведение человека, его самочувствие в невесомости, — всё это подтверждается практикой…»*[4].

Митинг на площади Ленина в Калуге 13 июня 1961 года отражён в воспоминаниях калужан, запечатлён на множестве фотоснимков, которые и сегодня поражают грандиозностью события и свидетельствуют о силе всенародной любви к Юрию Гагарину. Аудиозапись речи первого космонавта, дополняет его портрет чертами национального героя. Сохранились также чёрно-белые кадры кинохроники. Современные технические возможности позволили сделать вариант кинодокумента в цвете.

Это событие, представляющее историческую важность как для всей Калужской земли, так и для города, именуемого «колыбелью космонавтики», и было предложено, как сказано выше, увековечить памятным знаком на площади, теперь уже имеющей название Старый Торг. Предложение было рассмотрено и поддержано на заседании рабочей группы. Предлагалось изготовить по соответствующему проекту памятную доску и установить её рядом с тем местом, где стояла трибуна, с которой выступал Гагарин, а именно: на обращённой к площади стене Гостиных рядов,

слева от центрального входа, симметрично доске с текстом об этом архитектурном памятнике, находящейся с противоположной, правой стороны от центрального входа Гостиных рядов. Был также предложен рабочий вариант текста для памятной доски следующего содержания:

«13 ИЮНЯ 1961 г. НА ЭТОЙ ПЛОЩАДИ ПЕРЕД ТЫСЯЧАМИ КАЛУЖАН ВЫСТУПАЛ ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ГАГАРИН, ПЕРВЫЙ КОСМОНАВТ ЗЕМЛИ, ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ПОЧЁТНЫЙ ГРАЖДАНИН ГОРОДА КАЛУГИ»

Решение рабочей группы было направлено на рассмотрение в Горуправу. Также Министерство культуры Калужской области было проинформировано по этому вопросу.

Довольно продолжительное время вопрос не решался практически, но, как принято в таких случаях говорить, находился в стадии проработки. В год 60-летия первого полёта человека в космос и 650-летия со времени основания Калуги дело сдвинулось с места. В настоящее время осуществляется разработка эскиза проекта памятной доски архитектором Антоном Алексеевичем Спиченко, доцентом кафедры инженерных и технологических дисциплин Инженерно-технологического института КГУ им. К. Э. Циолковского. В работе принимают участие член Калужского отделения Союза художников России Ольга Алексеевна Кузьминова, а также несколько студентов 1–3 курсов института.

Содержание эскизов доски (их несколько вариантов) включает на данном этапе портрет Юрия Гагарина, взлетающую ракету и текст. Основные принципы, которыми руководствуется автор проекта при разработке эскиза,— информативность, наглядность, эстетичность. Данная памятная доска должна быть выполнена так, чтобы она привлекала внимание и чтобы не было диссонанса с памятной доской, содержащей текст о Гостиных рядах.

Основной объём памятной доски планируется сделать из архитектурного бетона с возможной колеровкой в массе или без неё. Если в эскиз в окончательном варианте войдёт взлетающая ракета, то предполагается, что она будет выполнена из металла (бронза или нержавеющая сталь), чтобы создать эффект взлёта, отрыва от поверхности. Из того же материала, возможно, будет выполнен и какой-то другой элемент, например дата — с целью выделения на общем фоне и в поддержку материалу ракеты.

Окончательный проект памятной доски, разрабатываемый с учётом рекомендаций апрельского заседания рабочей группы, будет представлен в Горуправу для рассмотрения и утверждения.

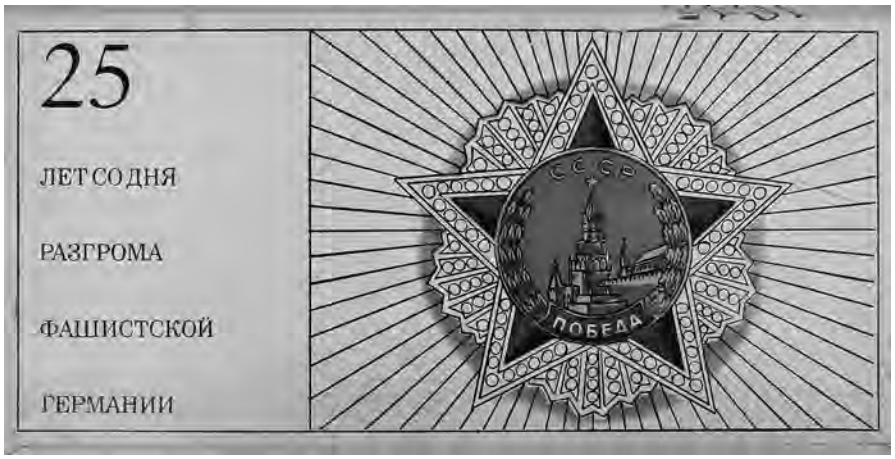
Примечания

[1] Наш Гагарин. Каталог. Калуга, 2006.
[2] *Максимовская Н. А.* Площадь помнит Гагарина // Калужские Губернские ведомости. 2018. 5 окт.
[3] *Шапкин В.* Калужская орбита космонавтов. Тула, 1987. С. 17–32.
[4] Выступление Гагарина Ю. А. в Калуге на пл. Ленина 13 июня 1961 г. Аудиозапись // Личный архив Н. А. Максимовской.

«ЭТОТ ДЕНЬ ПОБЕДЫ». ПРЕДМЕТЫ ФОНДА «ФИЛУМЕНИЯ» КАЛУЖСКОГО ОБЪЕДИНЁННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА, ПОСВЯЩЁННЫЕ ДНЮ ПОБЕДЫ

Г. И. Роянова,
заслуженный работник культуры РФ, хранитель фондов отдела фондов,
Калужский объединённый музей-заповедник

«Это был день великого торжества советского народа, его Вооружённых сил, наших союзников в этой войне и народов всего мира»[1]. В своих воспоминаниях Маршал Георгий Константинович Жуков отметил роль журналистов и фотографов в момент подписания Акта о капитуляции Германии: «С утра 8 мая начали прибывать в Берлин журналисты, корреспонденты всех крупнейших газет и журналов мира, фотожурналисты, чтобы запечатлеть исторический момент



юридического оформления разгрома фашистской Германии, признания ею необратимого крушения всех фашистских планов, всех её человеконенавистнических целей»[2].

На протяжении Великой Отечественной войны писатели, журналисты, фотокорреспонденты, художники вносили свой вклад в увековечивании памяти военных героических лет. Фотографы запечатлели ликующие лица людей в Москве 9 мая 1945 года. Парад Победы 24 июня 1945 год в Москве был главным торжеством Победы в Великой Отечественной войне. С 1947 года день 9 мая стал отмечаться как День Победы. Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1965 года день 9 мая стал праздничным выходным днём. К юбилеям Победы (20, 25, 30 лет) на советских спичечных фабриках были созданы сувенирные спичечные наборы. На этикетках спичечных коробков нашли отражение фотографии и живописные полотна, созданные в период Великой Отечественной войны.

Коллекционер, автор каталога «Спичечные этикетки Великой Отечественной войны» Владимир Бармаков пишет: «За весь период Великой Отечественной войны спичек было выпущено в три раза меньше, чем в предыдущие пять лет, однако, чрезвычайной ситуации их нехватки не произошло, фронт бесперебойно снабжался спичками. Война заставила разработать десятки новых видов спичечной продукции»[3].

К данной теме Калужский объединённый музей-заповедник обращался в опубликованной статье «Спичечное производство фабрики «Гигант» им. Ворошилова в период 1940–1945 гг.»[4] Если в 1940 году по спецмальным заказам на фабрике выпускали подарочные наборы делегатам съездов и конференций. Например, были выпущены наборы «Делегатам IV Всероссийского съезда Советов», «Делегатам Конгресса Коминтерна», то в период Великой Отечественной войны

было разрешено предприятиям местной промышленности делать упаковку для спичек в мягкой таре, в бумажных пакетах.

События Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. нашли отражение на спичечных этикетках. Изображения и тексты были основными сюжетами и несли в массы антифашистскую пропаганду. Сохранился коробок с текстом «Смерть немецким оккупантам». После Великой Отечественной войны и в последующие десятилетия события военного времени стали сюжетами многочисленных спичечных этикеток. Часть из них вошли в состав юбилейных наборов. В фондах Калужского объединённого музея-заповедника хранятся сувенирные спичечные наборы, посвящённые Дню Победы.

Набор, посвящённый «25-летию разгрома фашистской Германии» создан в Калужской области на Балабановской экспериментальной фабрике ВНИИДРЕВ в 1970 году[5]. Основа коробков сделана из древесного шпона, этикетки цветные с рисованного макета. На рисунках изображение военных событий, партизан и работников тыла. Неизвестный автор создал на спичечных коробках художественный образ военного времени в виде мини плакатов. В этом его художественная ценность.

В 1990 году вместе с основной коллекцией с СМК «Гигант» в Калужский областной краеведческий музей были переданы праздничные сувенирные наборы, посвящённые 30-летию Победы. Они различны по внешнему оформлению. Все внешние коробки уникальны. В художественное оформление внесены цветное изображение событий, инкрустация из различного по цвету деревянного шпона, полировка. Крышка одной из коробок набора украшена этикеткой с изображением салюта в День 30-детия Победы. На крышке другой сувенирной коробки изображена девушка, выносящая с поля боя раненого солдата[6]. Это очень редкий сюжет спичечной этикетки. Возможно, что набор с данным сюжетом был выполнен специально.

Следует отметить, что именно в начале мая 1975 года в Калуге был открыт памятник медицинским работникам, авторы Н. Н. Клиндухов, Л. В. Присяжнюк, Е. И. Киреев, П. Т. Перминов. Спичечные коробки выполнены из картона с наклеенными цветными этикетками, отражающие военные события. Предполагаем, что ряд сюжетов взяты с военных фотографий с нанесением цвета. Например, на одной из этикеток изображён офицер Красной армии в летней форме, надпись «Коммунисты, вперёд!» В книге Г. К. Жукова изображённый офицер назван политруком. Этот сюжет взят с фотографии фотографа Макса Алиперта. Он сфотографировал этого офицера в пилотке летом 1942 года, когда тот поднимал солдат в атаку и был убит. Попытки узнать имя молодого офицера Красной армии не увенчались успехом. Сам фотограф считал, что это командир батальона.

Ещё одна этикетка «Бой за Севастополь», имеет первоначальное авторство и является частью художественного полотна художника А. А. Дейнека. Александр Александрович Дейнека в феврале 1942 года ездил в район боевых действий под Юхнов. А в конце февраля 1942 года начал работу над «Севастополем». Закончил художественное полотно к выставке «Великая Отечественная война», которая была открыта осенью 1942 года.

Один из вариантов Праздничного набора был создан по заказу Минспичпрома СССР, НПО» Союзнаучплитпрома СССР»[7]. Основная коробка сделана из дерева с лакированной поверхностью крышки и изображением парада Победы в 1945 году. На этикетках изображение памятников

в городах-героях СССР и зарубежных странах: в Вене, Белграде, Варшаве, Берлине. Данные изображения могут стать уникальными, так как памятники разрушаются и по причине природных условий, и по причине человеческого вандализма

Следующий набор коробков с этикетками повторяет предыдущий. Набор отличает только внешняя коробка. Она деревянная, на крышке инкрустация из шпона разных пород дерева с портретом В. И. Ленина и памятника в Волгограде [8].

Ещё один набор по сюжету повторяет предыдущий. Наборная из шпона лакированная поверхность. На крышке изображение портрета Л. И. Брежнева. На цветных этикетках изображение событий Великой Отечественной войны. На одном кабинетном коробке- ордена Победы [9].

Шестой набор по внешнему виду скромнее предыдущих. Коробка из светлого картона с печатным изображением на крышке ордена Отечественной войны в обрамлении Георгиевской ленты. Внутри спичечные коробки 25 штук. Основной коробок кабинетный с этикеткой «Взятие Рейхстага».

Последний набор, хранящийся в музее, был выпущены Балабановской экспериментальной фабрикой под названием «С днём Победы». На коробках из мелованного картона фотоспособом произведены изображения участников Великих сражений: от Петра I до генеральского корпуса и маршалов Великой Отечественной войны [10].

Фонд «Филумении» Калужского объединённого музея-заповедника даёт возможность сформировать выставки военно-патриотического направления «И помнит мир спасённый», «Этот День Победы», которые уже демонстрируются в филиалах музея-заповедника.

Примечания

1 *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1979. Т. 2. С. 319.
2 Там же. С. 322.
3 *Бармаков В. Г.* Каталог-альбом спичечных этикеток Великой Отечественной войны. М., 2004. С. 10.
4 *Роянова Г. И., Телеганова Е. А.* «Маленькие шедевры большого искусства». Спичечная этикетка как предмет декоративно-прикладной промышленной графики // Вопросы истории, археологии, природы, культуры Верхнего Поочья. Калуга, 2016. С. 243–247.
5 КОМЗ. Инв. № КП 11801/12.
6 КОМЗ. Инв. № КП 11861/16.
7 КОМЗ. Инв. № КП 11861/1.
8 КОМЗ. Инв. № КП 11861/13.
9 КОМЗ. Инв. № КП 11804/5.
10 КОМЗ. Инв. № КП 13761/25.

ОПЫТ РАБОТЫ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ «КРЕМЁНКИ» В РАБОТЕ С ДЕТЬМИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

С. В. Золотова,
директор военно-исторического музея «Кремёнки»,
ГБУК КО «Калужский объединённый музей-заповедник»

Музей — это место, куда можно ходить всю жизнь, постоянно открывая для себя что-то новое.

Целью духовно-нравственного воспитания учащихся общеобразовательных школ, а также, дополнительного образования детей с ограниченными возможностями здоровья является социально-педагогическая поддержка становления и развития высоконравственного, творческого, компетентного гражданина России, принимающего судьбу Отечества, как свою личную.

Человека, осознающего ответственность за настоящее и будущее своей страны, укоренённого в духовных и культурных традициях многонационального народа Российской Федерации.

Одной из главных воспитательных задач является:

– приобщение детей к культурным традициям, общечеловеческим ценностям;
– военно-патриотическое воспитание подрастающего поколения;
– социализация детей с ограниченными возможностями здоровья.

Музейная педагогика, как одно из направлений деятельности музея, становится все более востребованной в практике духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания личности.

В военно-историческом музее «Кременки» эта работа ведётся на протяжении 2-х лет, и подобная практика позволяет сформулировать основные направления работы музея с детьми, в том числе, детьми с ограниченными возможностями здоровья.

На первый взгляд, работать с детьми просто, но, на самом деле, это самая сложная и требовательная аудитория. Дети, в силу возрастной открытости, не умеют притворяться. Если сегодня ребёнку в музее не понравится, не будет интересно, то завтра он не захочет прийти. Это ещё в большей степени относится к детям с ограниченными возможностями здоровья.

Современные реалии требуют поиска новых методов и подходов к работе по этому направлению.

Основные требования организации работы с детьми в музее:

1. Экскурсия (занятие, квест, викторина, мастер-класс, урок в музее) должна быть яркой и понятной ребёнку.
2. Необходимо соблюдение связи между предметами и информацией.
3. Возможность тактильного контакта, наличие такой зоны в музее.
4. Наличие в музее зоны познания, зоны закрепления полученных знаний.

Основные направления работы с детьми в военно-историческом музее «Кременки»:

В Военно-историческом музее «Кремёнки» на сегодняшний день можно выделить несколько основных направлений работы с детьми:

1. Экскурсионное обслуживание.

Экскурсия для детей отличается от экскурсии для взрослых. Рассказ экскурсовода должен соответствовать возрасту экскурсантов и содержать вопросы, обращения к детям для создания интерактивной связи. Дети лучше всего воспринимают материал через образы. В военно-историческом музее «Кременки» пространство организовано таким образом, что рядом с витриной экспонатов немецкой армии располагаются манекены в форме рядового и танкиста Вермахта в экипировке, рядом с витриной экспонатов советской армии — рядовой РККА и морской пехотинец. Образ солдата дети связывают и с историческими предметами в витринах. Наличие в музее объёмных макетов, инсталляции штаба всегда привлекает детей, и им становится более интересен рассказ экскурсовода.

Весь подаваемый материал делится на тематические разделы и позволяет детям участвовать в экскурсии и, как результат, закрепления полученного объёма информации.

Мы предлагаем детям пройти своеобразный игровой тест: отгадать кроссворд, найти на макете боевые машины и различные модификации танков, найти на фотовыставке образцы военного оружия и назвать их.

Также, в учебном зале организована зона кроссворда на военную тему. Один раз в месяц задания кроссворда меняются.

2. Пешеходная экскурсия.

Отдельный и широко используемый формат экскурсионного обслуживания. Пешеходная экскурсия — это один из видов занятий по ознакомлению учащихся с окружающим миром.

В чём заключается преимущество экскурсий перед другими видами деятельности по ознакомлению детей с окружающим миром? По мнению И. П. Павлова, чем больше анализаторов участвует в восприятии, тем точнее, богаче, ярче и содержательнее полученное представление.

Учащимся важно иметь возможность посмотреть объекты, потрогать, пощупать, понюхать, ощутить их тяжесть и так далее. На экскурсии у детей развиваются наблюдательность. Они приучаются всматриваться в предмет и подмечать характерные особенности. Это вызывает у учеников глубокие переживания, яркие впечатления, способствует развитию эстетических чувств. На этой основе формируется более объёмное понимание мира.

В каждом городе обязательно есть несколько памятных мест, и мы связали их в экскурсионный маршрут, который объединяет одна тема, в нашем случае, бои на Непокорённом рубеже. Пешеходная экскурсия заканчивается у музея. Также, в неё входят обзор фортификационных сооружений, сохранившихся со времён Великой Отечественной войны.

3. Квест.

Современный и очень интересный формат для детей. Сейчас у нас проводится квест «Танки». Задача пройти 7 испытаний и найти монеты с изображением Неизвестного солдата с девочкой на руках. Эти монеты — оплата за ключ. По карте дети находят для полученного ключа замок на сундуке. В сундуке большие пазлы — части танка Т-34 и сладости.

Квест включает в себя и физические, и умственные испытания для учащихся. Темп, свежий воздух (квесты поводятся круглогодично, испытания меняются в зависимости от погоды), момент неизведанного и конечно Победа и приз.

4. Мастер-класс.

Известный и очень распространённый формат работы с детьми. У нас происходит постоянная разработка новых мастер-классов, главное, чтобы результат был применим в жизни: роспись по стеклу, вышивка, изготовление моделей на основе деревянной заготовки. Вещи, которые делают дети, применимы в их повседневной жизни.

5. «Уроки мужества».

Уроки мужества в музее проводятся часто. Это и встречи с ветеранами, с узниками войны. Это встречи с участниками локальных войн. Но самый интересный формат — это встреча с курсантами военно-патриотических клубов. У нас тесный контакт с военно-патриотическим клубом «Армеец» г. Протвино Московской области. Курсанты приезжают в музей на торжественные мероприятия, выставляют караул, возлагают венки к Вечному огню. С радостью приезжают на Уроки мужества в музей. И тогда наши школьники много узнают от ребят-сверстников про экипировку, боевую технику, оружие, а самое интересное — это стрельба в электронном тире.

6. «Музей в чемодане».

Это интерактивное экскурсионное обслуживание, которое широко применяется, как на территории музея, так и на территории учебных и дошкольных учреждений, на территории школ-интернатов для детей с ограниченными возможностями здоровья.

Нами разработана методика построения экскурсии «Музей в чемодане».

На сегодняшний день мы проводим экскурсия «Музей в чемодане» по трём темам: «Предметы войны», «Что написано пером…», «Стереоскоп. 3D в XIX веке.»

Очень большим спросом эта экскурсионная программа пользовалась в период пандемии, когда дети не могли посещать музей, а музей сам «приходил» к ним в школу.

7. Урок в музее.

Новый для нас формат. Нами сейчас разработан и проводится урок химии в музее «Металлы на войне». На основе представленных в экспозиции предметов, ученики на практике закрепляют знания о металлах, их свойствах, применение. Урок ведётся с помощью параллельной презентации на экране, что поддерживает связь между названием химического элемента, его общепринятой записью, свойствами и областью применения. Для закрепления урока — кроссворд по теме «Металлы на войне».

Сейчас мы приступили к разработке урока химии для детей с ограниченными возможностями здоровья, так как, по ФГОС введена Адаптивная рабочая программа «Химия для детей с ограниченными возможностями здоровья».

Формат работы с детьми «Урок в музее» строится на основе методических рекомендаций ФГОС по построению урока и понятен детям.

Ведётся разработка урока по физике, математике, биологии.

Хороший резонанс получило проведение Урока по музыке. Мы используем наши разработки, проводя дополнительные музыкальные занятия для детей с ограниченными возможностями здоровья.

Новые методы и подходы к музейной деятельности расширяют сферу влияния музея на сознание подрастающего поколения и формируют тесные связи со школьным образовательным процессом.

ПОПОВСКИЙ РОДНИК НА РЕКЕ УГРЕ

В. П. Новиков,
кандидат геолого-минералогических наук, Национальный парк «Угра»

Поповский родник находится на окраине одноимённой деревни Юхновского района Калужской области, на левом берегу р.Угры, в 800 м от её русла [1]. Современный выход источника обозначен двумя группами мощных песчаных грифонов на дне водоёма глубиной 1,5–2 м, который поверху обрамлён деревянным срубом размером 6,5×12 м (рис. 1). Из сруба родниковая вода перетекает в зарастающий пруд (акватория 40×65 м), вокруг которого протягивается подковообразный земляной вал с растущими на нём деревьями. Его длина 180 м, а высота достигает 4 м в месте слива воды — у плотины, где с 30-х до 60-х годов XX века работала мукомольная мельница (рис. 2). В средней части пруда, на его дне имеется ещё один рассредоточенный выход подземной воды (также восходящий), окружённый истлевшими деревянными плахами (рис. 3). Ниже плотины начинается ручей, который через 2,5 км впадает в Угру.

Сведения о геологической позиции рассматриваемого родника, а также его общие характеристики оставались весьма скудными вплоть до конца 90-х годов прошедшего столетия. В опубликованной литературе они практически отсутствовали, а в геологических отчётах родник относили то к ясно-полянскому (бобриковско-тульскому), то к алексинско-тарусскому водоносным горизонтам нижнего карбона (последнее утверждение встречается до сих пор [2]). Данные о химическом составе воды источника были неполными, а в отношении его дебита повторялась одна и та же цифра — 200 л/с [3]. Первые более или менее полноценные работы по изучению гидрогеологии и истории родника, а также его благоустройству начались лишь после организации национального парка «Угра» [4].

В итоге стало очевидным, что напорные воды Поповского родника связаны с тульским водоносным горизонтом, верхняя толща которого представлена чередованием кварцевых песков и глин

Рис. 1. Общий вид Поповского родника (фото В. П. Новикова, 2019)

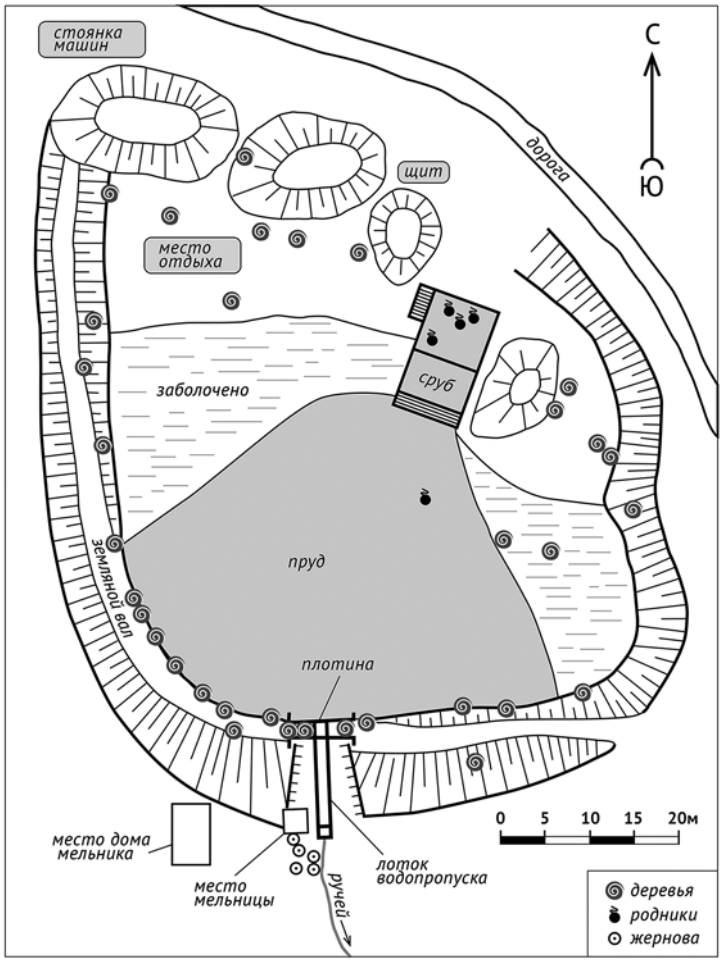


Рис. 2. Схема родникового пруда (обмеры 2019 г., тахеометрическая основа А. Н. Филина)

Рис. 3. Источник на осушенном дне пруда (фото В. П. Новикова, 2019)

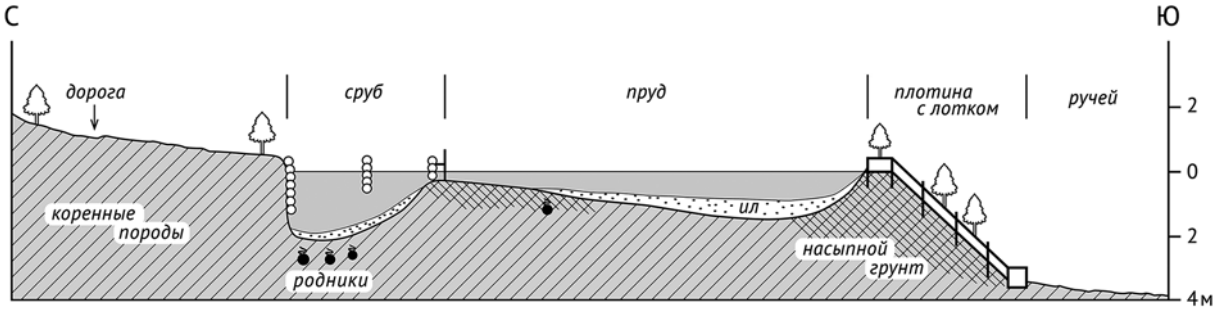


Рис. 4. Схематический профиль Поповского пруда

с прослоями известняков [5]. Эти отложения, судя по картам государственной геологической съёмки масштаба 1:200 000 (1974 г.) и данным геофизических исследований геологического факультета МГУ (лето 2019 г., руководитель И. Н. Модин), залегают здесь неглубоко от поверхности земли (не более 2–4 м) и перекрываются суглинками и песками четвертичного возраста. Хорошо промытые тульские пески выносятся струями подземной воды в местах её выхода как в срубе, так и в акватории пруда. В остальных частях водоёма донные отложения представлены вязким иломсапропелем, который формируется за счёт листового опада окружающих пруд деревьев и отмирания водорослей, а также прибрежной полуводной растительности. Мощность ила не превышает 0,8 м, а глубина воды в пруду при его максимальном заполнении — 1 м (рис. 4).

Отдельного рассмотрения требует вопрос о дебите Поповского родника. Для уточнения прежних оценок был использован «поплавковый» метод измерений в ручье, вытекающем из пруда[6]. В результате нескольких замеров, выполненных в период с 2008 по 2019 годы (с мая по сентябрь) порядок расхода воды в роднике составил 50–60 л/с (максимум 70, но никак не 200 л/с, как считалось ранее). При этом преобладающая часть дебита источника связана с основным выходом в срубе, на долю другого (на дне пруда) приходится не более 10–12 л/с.

По химическому составу вода Поповского родника гидрокарбонатная кальциевая, и по показателям минерализации, жёсткости и карбонатности (табл. 1) сопоставима с общими характеристиками как бобриковско-тульского водоносного горизонта, так и вышележащего алексинско-тарусского. Главное отличие тульских вод заключается в высоком содержании железа — оно в них в среднем на порядок выше, нежели у алексинско-тарусских (для угорских родников — 0,9 мг/дм^3 против 0,08 мг/дм^3)[7]. В Поповском роднике количество этого компонента на протяжении последних 20 с лишним лет колеблется от 1,9 до 3,3 мг/дм^3 и, похоже, несколько убывает с течением времени (табл. 1).

Таблица 1

Результаты химического анализа воды Поповского родника

№ п/п	pH	ЭП	М	Ж	ПО	Ca	Mg	HCO	SO_4	PO_4	NH_4	NO_3	Si	Fe
1	7,25	209	–	5,2	–	72,0	19,4	272,0	8,6	0	0,015	0,1	9,0	3,3
2	7,83	–	492	4,9	1,8	72,4	15,7	305,0	12,4	0,06	0,57	0,1	–	2,7
3	7,26	467	236	5,03	0,34	72,1	17,4	243,9	15,9	0,1	0,287	0,022	5,9	2,0
4	7,27	458	264	4,91	0,25	70,9	16,7	242,2	15,3	0,1	0,164	0,022	5,9	2,09
5	7,19	468	238	4,89	0,25	71,5	16,1	243,9	16,3	0,086	0,123	0,018	6,0	1,86
6	6,64	511	278	4,6	0,76	69,1	18,4	230,0	12,9	0,056	0,133	0,044	–	1,94

Примечания: А) ЭП — удельная электропроводность (мкСм/см), М — общая минерализация (мг/дм^3), Ж — общая жёсткость (мг.экв/дм^3), ПО — перманганатная окисляемость (мгO_2/дм^3); прочерк — отсутствие данных; содержания химических компонентов приведены в мг/дм^3.

Б) Лаборатории и годы определений: 1 — НПО «Тайфун», г. Обнинск (1997); 2 — Лаборатория по качеству пищевых продуктов, продовольственного сырья и экологии — ИЛКППЭ, г. Калуга (2008); 3–6 — НПО «Тайфун» (2019): 3 — вода в срубе, 4 — в середине пруда, 5 — на сливе, 6 — из источника на дне пруда.

Ближайшим аналогом рассматриваемого объекта являются железистые воды Троица-Екатерининских источников, расположенных в 18 км южнее на р. Тече [8]. Вода последних, правда, отличается более высокой карбонатностью, что объясняется приуроченностью их выходов к известнякам, но по содержанию железа (в среднем 1,7, максимум 2,8 мг/дм^3) она вполне сопоставима с поповской. Как известно, повышенная железистость тульских вод является их региональной особенностью и повсеместно связана с угленосностью вмещающих отложений, содержащих примесь тонкораспыленных (реже в виде микроконкреций) сульфидов железа — марказита и пирита, а также сидерита — карбоната железа.

Помимо общего химического анализа, вода Поповского родника исследовалась на содержание некоторых микроэлементов. В небольших количествах (ниже ПДК для питьевой воды и часто на уровне чувствительности приборов) спектроскопическим методом определены: Zn, Cu, Pb, Ni, Cr, Co, Ag, Mn, Cd, As, Hg, B, Se, Sr. Вредные органические компоненты и органолептические свойства воды, по данным Госцентра питьевой воды (г. Москва), также находятся в норме. Биологическое состояние воды, по заключению лаборатории ИЛКППЭ (г. Калуга), хорошее: общее микробное число и величины коли-индекса не превышают допустимых величин. Вода родника издавна используется местными жителями для бытовых целей (в наши дни путём откачивания электронасосами из сруба). После отстаивания и выпадения железистого осадка она вполне пригодна и для питья.

Настоящим украшением Поповского родника является живописное царство водорослей, сплошь покрывающих дно и поверхность водоёмов. На поверхности пруда они ассоциируют с железобактериями, придающими им золотисто-бурую окраску. Среди водорослей Н. В. Воронкиной, С. И. Журавлёвым и Ю. А. Лебедевой установлено свыше 45 таксономических единиц, принадлежащих 5 отделам: сине-зеленые (6), зелёные (10), диатомовые (25), эвгленовые (3), жгутиковые (2) (табл. 2).

Таблица 2

Водоросли родникового пруда в д. Поповка

Сине-зеленые	Зелёные	Диатомовые	Эвгленовые	Жгутиковые
*Anabaena sp.**	*Scenedesmus*	*Melosira sp.**	*Euglena sp.**	*Peridinium sp.*
A.vaiabilis	*oblonquus*	*M.italica**	*E.mutabilis*	*Gymnodinium sp.*
Arthospira	*Closterium leibleinii*	*M.varians**	*Phacus alatus*	
*jenneri**	*C.pritchardianum*	*Sinedra ulna*		
*Oscillatoria sp.**	*C.ehrenbergii*	*Fragilaria virescens*		
*O.limosa**	*Cosmarium*	*Amphora ovalis**		
O.tenuis	*pafephorium*	*Cymbella neogena*		
	Pleurotaenium	*Gomphonema constrictum**		
	truncatum	*Girosigma attenuatum*		
	*Clorella vulgaris**	*Diatoma sp.**		
	*Stigeocolonium tenue**	*Eunotia praerupta*		
	*Vausheria sp.**	*Navicula sp.**		
	Oedogonium sp.	*N.angusta*		
		N.amphiceropsis		
		N.lanceolata		
		N.libonensis		
		N.peroblonga		
		N.radiosa		
		N.subrhynchocephala		
		N.vulpina		
		*Nitzschia sp.**		
		Planothidium lanceolatum		
		*Pinnularia sp.**		
		P.viridis		
		P.perspicua		

Примечание: сборы проведены 17.10.1997 г. (*) и 22.09.2018 г.

Наибольшим разнообразием отличаются диатомовые и зелёные. Диатомовые распространены повсеместно и составляют основу донных сообществ и планктона. Зелёные встречаются преимущественно на поверхности пруда, в дернинах обрастаний полуводной растительности, а также в ручье, вытекающем из пруда. Синезеленые, кроме планктона, образуют скопления на брёвнах сруба, а эвгленовые встречаются в ручье. Наиболее благоприятной средой для жгутиковых водорослей, по-видимому, является бентос, т.к. они обнаружены в основном в пробах ила. Общая масса водорослей наиболее обильна весной и летом (температура воды 6,8–7 °С) и заметно оскудевает поздней осенью и зимой при понижении солнечной активности (и температуре воды 5,4–5,8 °С). Наиболее «живучими» в это время являются железобактерии, колонии которых зимой становятся багряно-красными.

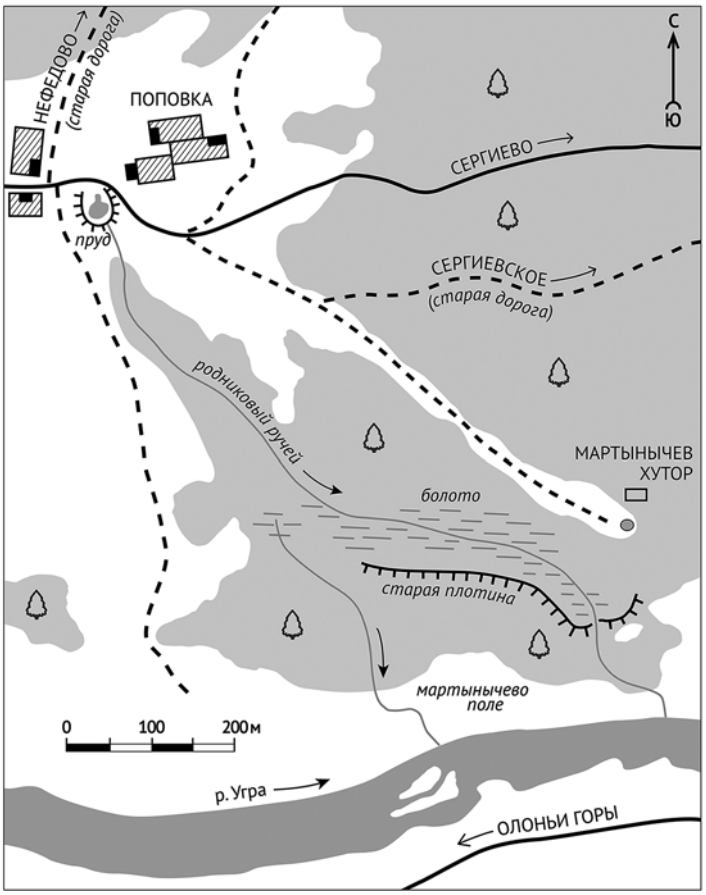


Рис. 5. Окрестности Поповки: современный план с старыми дорогами и плотиной бумажной фабрики на родниковом ручье

Национальным парком «Угра» периодически проводится благоустройство Поповского родника. У выхода источника, на срубе оборудованы смотровая площадка и мостик, рядом установлен информационный щит. В 2019 году территория вокруг пруда расчищена от древесно-кустарниковых зарослей, а на сливе воды построена новая плотина с специальным водопропускным сооружением, состоящим из подъёмного щита-шандора, 7,5-метрового деревянного лотка и колодца-«гасителя» (при участии Центра охраны дикой природы и поддержке Группы HSBC$; эскиз сооружения — ООО «Калугаводпроект»).

История использования Поповского родника в хозяйственных целях не ограничивается уже упоминавшейся деревенской мельницей. Столетием раньше, с 30–40-х годов XIX века, на родниковом ручьём работала даже бумажная фабрика, плотина которой сохранилась до сегодняшнего дня. Она располагается в 150–200 м от р.Угры и перегораживает долину ручья, прослеживаясь вдоль него на расстояние около 500 м (рис. 5). Бумажная фабрика принадлежала вначале дворянам Коробьиным — владельцам имения в соседнем волостном центре, селе Сергиевское (Черменское). Затем её приобрёл отставной поручик А. И. Яковлев, у которого поблизости уже была другая бумажная фабрика на р.Вережке у д.Никитино. Оба производства имели однотипное устройство: по 2 ролла для размалывания исходного тряпичного сырья и 3 черпальных чана для ручного отлива бумаги. На каждой фабрике выпускали по 5 сортов бумаги, но из-за высокой конкуренции с другими предприятиями обе они просуществовали не более четверти века [9].

Таким образом, Поповский родник является уникальным историко-природным памятником, демонстрирующим яркий пример редкого природного явления в сочетании с долговременной историей его хозяйственного использования. Теперь это популярный туристский объект, который занимает достойное место в ряду других достопримечательностей национального парка «Угра» [10].

Примечания

[1] См.: *Новиков В. П.* Поповский родник // Угра. № 2 (15). 2019. С. 12–13.

[2] См.: *Филипович В. Ф.* Природа и геологическое строение Калужской области. Калуга, 2013.— 118 с.

[3] См.: *Новиков В. П., Крюкова Т. В.* Источники подземных вод в долине р. Угры как объекты особой охраны // Биологическое разнообразие Калужской области. Проблемы и перспективы развития особо охраняемых природных территорий. Ч. 1. Калуга, 1996. С. 22–25.

[4] См.: *Новиков В. П., Воронкина Н. В., Журавлёв С. И., Семёнова И. В.* Биолого-гидрохимические особенности Поповского родника // Природа и история Поугорья (краеведческие очерки). Калуга, 1999. С. 22–24; *Новиков В. П., Гордеева Т. А., Супрычев В. В.* Источники подземных вод в долине р.Угры (территория НП «Угра») // Вопросы истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XIII Всероссийской научной конференции. Калуга, 2009. С. 317–324.

[5] См.: *Петров В. Г.* Геологические строение и полезные ископаемые Калужской области. Калуга, 2003. С. 277–280.

[6] Суть этого приближенно-количественного метода состоит в определении расхода потока в расчётном створе по формуле $Q = V \cdot S \cdot K$, где Q — расход воды, V — скорость течения, S — площадь живого сечения потока (при глубине 0,1–0,3 м), K — коэффициент турбулентности (0,5–0,8 в зависимости от грунта).

[7] См.: *Новиков В. П., Гордеева Т. А., Супрычев В. В.* Источники подземных вод в долине р. Угры (территория НП «Угра»). С. 321.

[8] См.: *Новиков В. П.* Троица-Екатерининские источники на реке Тече: природа и эволюция // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: материалы XVIII Всероссийской научной конференции. Калуга, 2021.

[9] См.: Военно-статистическое обозрение Российской империи. Том VI. Часть 6. Калужская губерния. Спб., 1949 (таблицы); *Новиков В. П.* Поповский родник: история использования // Природа и история Поугорья. Вып. 10. Калуга, 2021.

[10] См.: *Новиков В. П.* Минеральные источники в национальном парке «Угра» // Состояние и охрана окружающей среды в Калуге. Информационный обзор. Калуга, 2019. С. 37–39; *Новиков В. П., Зименко А. В.* Родники национального парка «Угра»: использование в экопросвещении и туризме // Научные исследования: от истоков к вершинам. Шестые международные чтения памяти Н. М. Пржевальского. Смоленск, 2019. С. 225–229.

К ЧЁРНОЙ КНИГЕ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ (ЖИВОТНЫЙ МИР): ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЧУЖЕРОДНЫХ БЕСПОЗВОНОЧНЫХ

В. В. Алексанов,
кандидат биологических наук, главный специалист,
Государственное бюджетное учреждение Калужской области «Дирекция парков»

Трансформация экосистем чужеродными видами стала одной из наиболее острых экологических проблем современности. В целях предоставления широкому кругу исследователей и природопользователей сведений о вредоносных или нежелательных чужеродных видах создаются чёрные книги и чёрные списки видов. Для многих регионов России опубликованы чёрные книги сосудистых растений. Весьма подробная Чёрная книга растений издана и в Калужской области (Решетникова и др., 2019). Мировой опыт ведения чёрных книг в отношении животных гораздо более скромный. Из русскоязычной литературы необходимо отметить Чёрную книгу инвазивных видов животных Беларуси (2016), а также не претендующее на роль Чёрной книги, но близкое по тематике издание «Самые опасные инвазионные виды России» (2018).

Подготовка Чёрной книги Калужской области предполагает решение следующих вопросов:

1) критерии включения видов в Чёрную книгу и её структуре;
2) примерный спектр видов, планируемых к включению в Чёрную книгу, либо его объём;
3) источники и способы получения данных о видах;
4) состав и структура данных о видах.

Общепринятого определения «чернокнижных» видов на сегодняшний день нет, поэтому можно выделить следующие критерии включения вида в Чёрную книгу, присутствующие в явной или неявной форме в литературе по данной теме:

1) чужеродное происхождение;
2) натурализация как устойчивое воспроизводство без участия человека;
3) инвазия в природные и полуприродные экосистемы;
4) негативное влияние на экосистемы и / или опасность для здоровья человека;
5) возможность и необходимость борьбы.

В Чёрной книге сосудистых растений Калужской области виды разделены на 4 категории борьбы; дополнительно приведён мониторинговый список («кандидаты в Чёрную книгу») — виды, редко встречающиеся в регионе, но проявляющие инвазионную активность на сопредельных территориях, либо активно расселяющиеся виды, чьё влияние на естественные сообщества не очевидно. В Чёрной книге животных Беларуси принята бельгийская классификация чужеродных видов (Branquart et al., 2009): различаются виды с высоким воздействием на среду (black list, чёрный список) и виды с умеренным воздействием на среду (watch list, список наблюдения). Внутри каждой из этих категорий выделены три группы по «инвазивной стадии» (ареалу распространения в стране). Дополнительно предусмотрен «тревожный список» (alert list) для угрожающих видов, пока не найденных в стране.

В Калужской области влияние чужеродных животных на природные экосистемы гораздо менее заметно по сравнению с чужеродными растениями, меры борьбы разработаны слабее и, по-видимому, не могут быть разложены по уровням с такой же детальностью. В связи с небольшими размерами региона по сравнению с отдельными государствами, вероятно, нет необходимости в детализации инвазивных видов по ареалу распространения. Поэтому в Чёрной книге видов животных Калужской области целесообразно предусмотреть два списка (категории) видов.

1) Чёрный список — чужеродные виды животных, внедряющиеся в природные и полуприродные экосистемы и оказывающие на них негативное влияние либо способные оказать негативное влияние (по литературным данным в других регионах). К группе природных и полуприродных экосистем мы относим леса всех типов и другие залесенные территории (в т. ч. «парки» поселений преимущественно из аборигенных видов древесных растений и преобладанием процессов саморазвития растительности), луга, прибрежные кустарниковые заросли, болота, водные объекты (кроме заключённых в коллекторы).

2) Мониторинговый список — чужеродные виды животных, внедряющиеся в природные и полуприродные экосистемы, влияние которых на экосистемы неочевидно, а также чужеродные виды, оказывающие негативное воздействие на антропогенные экосистемы, инвазия которых в природные экосистемы не доказана, но не исключена, учитывая их недавнее вселение в регион.

Таким образом, в Чёрную книгу не нужно включать большинство традиционных вредителей сельского хозяйства, технических вредителей, синантропных животных, не внедряющихся в природные и полуприродные экосистемы. Более дискуссионным представляется включение видов, которые много лет вредят культурным растениям, встречаются в природных экосистемах, но, по-видимому, не оказывают на них существенного воздействия, напр., колорадский картофельный жук *Leptinotarsa decemlineata* (Say, 1824).

На данный момент реальная угроза природным экосистемам Калужской области очевидна лишь в отношении одного чужеродного вида беспозвоночных животных — ясеневой изумрудной узкотелой златки *Agrilus planipennis* Fairmaire, 1888 (Орлова-Беньковская и др., 2019).

Также мы предлагаем включить в чёрный список виды, способные оказать негативное влияние на нижние ярусы экосистем региона. Слизни кавказского происхождения *Deroceras caucasicum* (Simroth, 1901) и *Krynickillus melanocephalus* (Kaleniczenko, 1851) в настоящее время стали массовыми вредителями на сельскохозяйственных участках региона, потеснив традиционного полевого вредителя *Deroceras reticulatum* (O. F. Müller, 1774). Однако первый вид неоднократно обнаружен на опушках лесов, а его экологические и биологические признаки делают весьма вероятными негативные последствия его инвазии в природные и полуприродные экосистемы. Второй вид также найден в нескольких памятниках природы, которые мы рассматриваем как полуприродные

местообитания, увеличивает свою встречаемость год от года, в других регионах оценивается как опасный инвазивный вид (Чёрная книга инвазивных видов животных Беларуси, 2016).

Божья коровка *Harmonia axyridis* (Pallas, 1773) рассматривается как опасный чужеродный вид в обоих указанных выше русскоязычных изданиях. Её негативное влияние на экосистемы, хозяйство и здоровье людей в Калужской области в настоящее время не выявлено, однако с учётом стремительно возрастающей встречаемости вида связанные с ним проблемы представляются весьма вероятными.

Возможно, по итогам обсуждения специалистами включения в чёрный список заслуживает ряд дендробионтных видов жесткокрылых и чешуекрылых.

С учётом будущих исследований, можно ожидать включения в чёрный список чужеродных видов животных Калужской области до десятка видов беспозвоночных.

Примером вида из мониторингового списка служит мокрица *Hyloniscus riparius* C. Koch, 1838. Этот вид широко распространён и многочислен в относительно влажных лиственных лесах Калужской области, особенно вдоль водотоков и вблизи населённых пунктов. Его влияние на автохтонное биоразнообразие не доказано, однако не исключено (Гонгальский и др., 2013). Наличие данного вида может служить одним из показателей антропогенной нарушенности экосистемы.

Другой случай мониторингового вида — наземная улитка *Oxychilus translucidus* (Mortillet, 1853). Показано, что этот вид может влиять на другие виды наземных моллюсков как хищник (Шиков, 2016). Однако в Калужской области улитка пока обнаружена только в трёх местообитаниях г. Калуги.

Также в мониторинговый список предлагается включить виды с низкой встречаемостью / изолированными популяциями в Калужской области, воздействие которых на экосистемы отмечалось или предполагалось в других регионах. Это, например: виноградная улитка *Helix pomatia* Linnaeus, 1758, «испанский» слизень *Arion vulgaris* Moquin-Tandon, 1855, цикада горбатка-буйвол *Stictocephala bisonia* Kopp & Yonke, 1977.

Ожидаемый объём мониторингового списка — примерно в полтора раза больше, чем объём чёрного списка видов.

Основные источники сведений об инвазивных видах животных Калужской области:

- документация организаций, осуществляющих борьбу с вредными видами организмов (напр., лесопатологические материалы);
- исследования чужеродных видов в масштабах более крупных регионов (напр., европейской части России);
- инвентаризация биоразнообразия особо охраняемых природных территорий (ООПТ);
- исследования отдельных систематических групп в Калужской области, проводимые заинтересованными специалистами;
- наблюдения любителей природы.

В Калужской области систематическая инвентаризация биоразнообразия ведётся в заповеднике «Калужские засеки» и национальном парке «Угра», а с 2020 г. — на особо охраняемых природных территориях регионального значения силами ГБУ КО «Дирекция парков». В настоящем сообщении нет возможности обсуждать всю фаунистическую литературу, однако необходимо отметить неравномерность изученности территории Калужской области: большинство работ охватывают юго-восток, восток региона, г. Калугу и территорию названного национального парка. Относительно равномерная изученность территории Калужской области в ходе составления аннотированных списков флоры и фауны на ООПТ регионального значения может быть достигнута примерно через пять лет. Поэтому для специального изучения чужеродных видов нужно заложить мониторинговые и скрининговые пункты в разных физико-географических районах и типах экосистем Калужской области.

Немало данных о присутствии чужеродных видов можно извлечь из наблюдений любителей природы на платформе iNaturalist (например, много находок *Harmonia axyridis*). Более проблематичен вопрос об обилии изучаемых видов и их экологической значимости.

Концепция Чёрной книги чужеродных видов животных Калужской области нуждается в дальнейшем обсуждении с участием широкого круга специалистов.

Список литературы

1. *Гонгальский К. Б., Кузнецова Д. М., Филимонова Ж. В., Шахаб С. В.* Распространение и экология инвазивного вида мокриц Hyloniscus riparius (C. Koch, 1838) (Isopoda, Oniscidea, Trichoniscidae) в России // Российский журнал биологических инвазий. 2013. Т. 6. № 1. С. 2–7.
2. *Орлова-Беньковская М.Я., Беньковский А. О., Волкович М. Г., Гусаров В. И., Дрогваленко А. Н., Журавлёва Е. Н. и др.* Справочник по чужеродным жесткокрылым европейской части России. Электронные текстовые и граф. данные в формате PDF (13.3 Мб). Ливны, 2019. 882 с/ Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_39322086_72373177.pdf
3. *Решетникова Н. М., Майоров С. Р., Крылов А. В.* Чёрная книга Калужской области. Сосудистые растения. Калуга: ООО «Ваш Домъ», 2019.
4. Самые опасные инвазионные виды России (ТОП-100) / ред. Ю. Ю. Дгебуадзе, В. Г. Петросян, Л. А. Хляп. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2018.
5. Чёрная книга инвазивных видов животных Беларуси / сост. А. В. Алехнович [и др.]; под общ. ред. В. П. Семенченко. Минск: Беларуская навука, 2016.
6. *Шиков Е. В.* Адвентивные виды наземной малакофауны центра Русской равнины // Ruthenica. 2016. 26(3–4). С. 153–164.
7. *Branquart E., Verreyken H., Vanderhoeven S., and Van Rossum F.* ISEIA, a Belgian non-native species assessment protocol // Science facing aliens. Belgian Biodiversity Platform. Brussels, Belgium, 2009. P. 11–18.

ЧЕШУЕКРЫЛЫЕ (INSECTA, LEPIDOPTERA) ООПТ РЕГИОНАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ПАМЯТНИК ПРИРОДЫ «РЕКА ВЫТЕБЕТЬ И ЕЁ ПОЙМА»

И. В. Шмытова,
кандидат биологических наук, заслуженный работник культуры Калужской области, заместитель генерального директора по развитию и научно-методической работе, Калужский объединённый музей-заповедник

Методика работ: 6–9.07.2020 проводился учёт и отлов имаго ночью на свет ртутной лампы ДРЛ-400 с широким подсветом (источник света — бензиновый генератор), учёт и отлов имаго днём энтомологическим сачком, фотофиксация объектов исследований и стаций их обитания.

Точка сборов: 4750 м на вост.-ю-в от с. Клён Хвастовичского района (N 53°27’19,0”; E 35°33’20,08”), левый берег р. Вытебеть. Исследования проведены впервые.

Выявлены 77 видов из 17 семейств. Номенклатура в большинстве семейств в основном дана по [Каталог…, 2008].

Список видов

Семейство Adelidae
1. Nemophora metallica (Poda, 1761)

Семейство Zygaenidae
2. Adscita statices (Linnaeus, 1758)

Семейство Tortricidae
3. Choristoneura diversana (Hübner, [1817])
4. Pandemis cerasana (Hübner, 1796)
5. Celypha cespitana (Hübner, [1817])

Семейство Crambidae
6. Chrysoteuchia culmella (Linnaeus, 1758)
7. Elophila nymphaeata (Linnaeus, 1758)
8. Pleuroptya ruralis (Scopoli, 1763)

Семейство Thyatiridae
9. Thyatira batis (Linnaeus, 1758)
10. *Tetheella fluctuosa* (Hübner, [1803])

Семейство Geometridae
11. Abraxas sylvata (Scopoli, 1763)
12. Lomaspilis marginata (Linnaeus, 1758)
13. Biston betularia (Linnaeus, 1758)
14. Epirrhoe alternata (Muller, 1764)
15. E. galiata ([Denis & Schiffermuller], 1775)

16. *Mesoleuca albicillata* (Linnaeus, 1758)
17. Colostygia pectinataria (Knoch, 1781)
18. Gandaritis pyraliata ([Denis & Schiffermuller], 1775)
19. *Perizoma alchemillata* (Linnaeus, 1758)

Семейство Lasiocampidae
20. Malacosoma neustrium (Linnaeus, 1758)
21. Euthrix potatoria (Linnaeus, 1758)
22. Gastropacha quercifolia (Linnaeus, 1758)
23. Odonestis pruni (Linnaeus, 1758)

Семейство Sphingidae
24. Hyloicus pinastri (Linnaeus, 1758)
25. Smerinthus ocellatus (Linnaeus, 1758)
26. Laothoe populi (Linnaeus, 1758)
27. Deilephila elpenor (Linnaeus, 1758)
28. Choerocampa porcellus (Linnaeus, 1758)

Семейство Notodontidae
29. Clostera curtula (Linnaeus, 1758)
*30, Pheosia gnoma (*Fabricius, 1776)
31. Furcula bifida (Brahm, 1787)
32. Phalera bucephala (Linnaeus, 1758)
33. Stauropus fagi (Linnaeus, 1758)

Семейство Нолиды
34. Rhynchopalpus albula ([Denis & Schiffermuller], 1775)

Семейство Эребиды
Подсемейство Arctiidae
35, Rhyparia purpurata (Linnaeus, 1758)
36. Spilosoma lubricipedum (Linnaeus, 1758)
37. Spilarctia lutea (Hufnagel, 1766)
38. Phagmatobia fuliginosa (Linnaeus, 1758)
39. Miltochrista miniata (Forster, 1771)

Семейство Noctuidae
40. Abrostola triplasia (Linnaeus, 1758)
41. Diachrysia chrysitis (Linnaeus, 1758)
42. D. stenochrysis (Warren, 1913)
43. Plusia festucae (Linnaeus, 1758)
44. Deltote bankiana (Fabricius, 1775)
45. Acronicta. rumicis (Linnaeus, 1758)
46. Dypterygia scabriuscula (Linnaeus, 1758)
47. Trachea atriplicis (Linnaeus, 1758)
48. *Euplexia lucipara* (Linnaeus, 1758)
49. Apamea remissa (Hübner, [1809])
50. Cerapteryx graminis (Linnaeus, 1758)
51. Polia bombycina (Hufnagel, 1766)
52. P. hepatica (Clerck, 1759)
53. Melanchra persicaria (Linnaeus, 1761)
54. Sideridis rivularis (Fabricius, 1775)
*55. Mythimna c*onigera ([Denis & Schiffermuller], 1775)
56. M. turca (Linnaeus, 1761)
57. Axylia putris (Linnaeus, 1761)
58. Anaplectoides prasina ([Denis & Schiffermuller], 1775)
59. Xestia baja ([Denis & Schiffermuller], 1775)
60. X. ditrapezium ([Denis & Schiffermuller], 1775)

Семейство Hesperidae
61. Pyrgus malvae (Linnaeus, 1758)
62. Thymelicus sylvestris Poda

Семейство Pieridae
63. Pieris rapae (Linnaeus, 1758)
64. Gonopteryx rhamni (Linnaeus, 1758)

Семейство Lycaenidae
65. Lycaena virgaureae (Linnaeus, 1758)

Семейство Nymphalidae
66. Apatura ilia ([Denis & Schiffermuller], 1775)
67. Apatura iris (Linnaeus, 1758)
68. Nymphalis urticae (Linnaeus, 1758)
69. Polygonia c-album (Linnaeus, 1758)
70. Melitaea didyma (Esper, [1778])
71. *M. phoebe* ([Denis & Schiffermuller], 1775)
72. Arginnis aglaja (Linnaeus, 1758)
73. A. paphia (Linnaeus, 1758)

Семейство Satyridae
74. Coenonympha glycerion (Borkhausen, 1788)
75. Aphantopus hyperanthus (Linnaeus, 1758)
76. Maniola jurtina (Linnaeus, 1758)
77. Minois dryas (Scopoli, 1763)

Выводы

Выявлены 2 охраняемых на территории Калужской области вида:

1. Шашечница красная, или Дидима — *Melitaea didyma* (Esper, 1799) (3 категория)
2. Шашечница желтоватая, или Феба — *Melitaea phoebe* ([Denis & Schiffermuller], 1775) (3 категория)

Выявлен 1 уязвимый вид, нуждающийся в особом контроле за состоянием на территории Калужской области:

1. Медведица пурпурная — *Rhyparia purpurata* (Linnaeus, 1758).

Выявлены 2 вида, встречающиеся нечасто:

1. Вилохвост буковый — *Stauropus fagi* (Linnaeus, 1758).
2. Пяденица подмаренниковая — *Colostygia pectinataria* (Knoch, 1781).

Рекомендуется к внесению в Красную книгу Калужской области 1 вид:

1. Сатир дриада — *Minois dryas* (Scopoli, 1763), семейство Сатиры (Satyridae). С конца 1930-х до 2019 г. находок в Калужской области не было [Чернышов, 1919, 1923; Сироткин, 1969, 1976, 1982, 1986; Большаков 1996, 2009; Большаков, Алексеев и др., 2010–2013, 2017; Волкова, 1996; Большаков, Андреев, Пискунов 2008; Шмытова 1996, 2001, 2003, 2006, 2009, 2017, 2020; Шмытова, Алексеев и др.2003; Шмытова, Новиков 2013]. В 2019 г. вид отмечен нами у д. Речица Думиничского района, материковый берег р. Жиздры, 1 экз. (фото 1); в 2020 г., также 1 экз. — на территории описываемого ООПТ (фото 2).

Список литературы

1. *Большаков Л. В.* Угрожаемые и редкие виды дневных чешуекрылых (Lepidoptera, Rhopalocera) лесных экосистем Окско-Жиздринского водораздела (Козельский р-н Калужской области) // Биологическое разнообразие Калужской области. Проблемы и перспективы особо охраняемых природных территорий. Материалы науч.-пр. конф. Калуга, апрель 1996 г. Ч. II. Калуга, 1996. С. 132–142.
2. *Большаков Л. В.* Предложения об изменении перечня чешуекрылых в Красной книге Калужской области // Известия Калужского общества изучения природы местного края. Кн. 9. Калуга, 2009. С. 147–160.
3. *Большаков Л. В., Андреев С. А., Пискунов В. И.* Дополнения и уточнения к фауне чешуекрылых (Insecta, Lepidoptera) Калужской области. 1 // Известия Калужского общества изучения природы местного края. Кн. 8. Калуга, 2008. С. 140–187.
4. *Большаков Л. В., Алексеев С. К., Пискунов В. И.* Дополнения и уточнения к фауне чешуекрылых (Lepidoptera) Калужской области. 2 // Эверсманния. Энтомологические исследования в России и соседних регионах. Вып. 23–24. Тула, 2010. С. 50–63.
5. *Большаков Л. В., Алексеев С. К., Аникин В. В., Пискунов В. И.* Дополнения и уточнения к фауне чешуекрылых (Insecta: Lepidoptera) Калужской области. 3 // Эверсманния. Энтомологические исследования в России и соседних регионах. Вып. 27–28. Тула, 2011. С. 104–114.
6. *Большаков Л. В., Алексеев С. К., Аникин В. В., Пискунов В. И., Андреев С. А.* Дополнения и уточнения к фауне и экологии чешуекрылых (Lepidoptera) Калужской области. 5 // Эверсманния. Энтомологические исследования в России и соседних регионах. Вып. 31–32. Тула, 2012а. С. 89–99.
7. *Большаков Л. В., Алексеев С. К., Аникин В. В., Пискунов В. И., Андреев С. А.* Дополнения и уточнения к фауне и экологии чешуекрылых (Lepidoptera) Калужской области. 4 // Труды заповедника «Калужский засеки». Вып. 2. Калуга: Эйдос, 2012 б. С. 128–188.
8. *Большаков Л. В., Алексеев С. К., Синев С. Ю., Свиридов А. В., Аникин В. В.* Дополнения и уточнения к фауне и экологии чешуекрылых (Lepidoptera) Калужской области. 6 // Эверсманния. Энтомологические исследования в России и соседних регионах. Вып. 36. Тула, 2013. С. 36–41.
9. *Большаков Л. В., Алексеев С. К., Перов В. В., Пискунов В. И., Аникин В. В.* Дополнения и уточнения к фауне и экологии чешуекрылых (Lepidoptera) Калужской области. 8 // Эверсманния. Энтомологические исследования в России и соседних регионах. Вып. 50. Тула, 2017. С. 44–50.
10. *Волкова Л. Б.* Насекомые как индикаторы сохранности степных и лесных сообществ Калужско-Алексинского каньона Оки // Биологическое разнообразие Калужской области. Проблемы и перспективы особо охраняемых природных территорий. Материалы науч.-пр. конф. Калуга, апрель 1996 г. Ч. I. Калуга, 1996. С. 92–100.
11. Каталог чешуекрылых (Lepidoptera) России / под ред. С. Ю. Синева. М.: Тов-во научных изд. КМК, 2008.
12. *Сироткин М. И.* Чешуекрылые (Macrolepidoptera) Московской и Калужской областей РСФСР (рукопись). 1969.
13. *Сироткин М. И.* Чешуекрылые (Macrolepidoptera) Московской и Калужской областей РСФСР. М. 1976. 167 с. [Деп. В ВИНИТИ, № 3815–76 ДЕП.]
14. *Сироткин М. И.* Чешуекрылые (Macrolepidoptera) Московской и Калужской областей РСФСР. 1-е дополнение (за 1975–81 г. вкл.) М., 1982. 18 с. [Деп. в ВИНИТИ, № 2545–82, ДЕП.]
15. *Сироткин М. И.* Список чешуекрылых (Macrolepidoptera) Московской и Калужской областей // Энтомологическое обозрение. 1986. Т. 65. Вып.2. С. 318–358.

16. *Чернышов А. П.* Список бабочек Калужского и Перемышльского уездов Калужской губернии // Изв. Калуж. общ-ва изучения природы местного края. Кн. 3-я. Калуга, 1919. С. 131–152.
17. *Чернышов А. П.* 1-е дополнение к списку бабочек (Lepidoptera) Калужской губернии // Фауна насекомых Калужской губернии. Вып. 1. Калуга, 1923. С. 17.
18. *Шмытова И. В.* Редкие виды Macrolepidoptera на территории НП «Угра» в Калужской области (1988–1995 гг.) // Сб. тез. докл. «Биологическое разнообразие Калужской области. Проблемы и перспективы развития особо охраняемых природных территорий». Калуга, 1996. Ч. 1. С. 101–109.
19. *Шмытова И. В.* Аннотированный список чешуекрылых (Insecta, Lepidoptera) Калужской области // Известия Калужского общества изучения природы местного края. Книга четвёртая. — Калуга: Изд-во КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2001а. С. 60–172.
20. *Шмытова И. В.* Очерки по экологии редких и исчезающих видов чешуекрылых Калужской области. Калуга: Изд-во Н. Бочкарёвой, 2001б. 46 с.
21. *Шмытова И. В.* Находки редких видов чешуекрылых в бассейне р. Угры в Калужской и Смоленской областях // Природа и история Поугорья. Вып. 2. Калуга: Полиграф-Информ, 2001в. С. 35–39.
22. *Шмытова И. В.* Особенности охраны редких видов чешуекрылых// Известия Калужского общества изучения природы местного края. Книга четвёртая. — Калуга: Изд-во КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2001. С. 173–178.
23. *Шмытова И. В.* Сборы чешуекрылых (Insecta, Lepidoptera) на южном участке заповедника «Калужские засеки» (окрестности д. Кирейково Ульяновского района) в 1996 г. // Труды заповедника «Калужские засеки». Вып. 1. Калуга: изд-во «Полиграф-Информ», 2003. С. 116–130.
24. *Шмытова И. В.* Отряд Чешуекрылые — Lepidoptera // Красная книга Калужской области. Калуга: Изд-во «Золотая Аллея», 2006. С. 307–427.
25. *Шмытова И. В.* Находки новых и редких видов чешуекрылых в Калужской области // Вопросы истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XIII Всероссийской научной конф. Калуга, 7–9 апреля 2009 г. Калуга: Изд-во «Полиграф-Информ», 2009. С. 392–395.
26. *Шмытова И. В.* Новые и редкие виды чешуекрылых (Insecta, Lepidoptera) в Калужской области в 2010–2011 гг. // Экология антропогенных ландшафтов: тенденции изменения, проблема сохранения биоразнообразия Калужского края. Материалы науч. симпозиума. Калуга, 5–7 апреля 2011 г. Калуга, ООО «Полиграф-Информ», 2012. С. 95–99.
27. *Шмытова И. В.* Чешуекрылые //Красная книга калужской области. Т. 2. Животный мир. Калуга: ООО «Ваш Домъ», 2017. С. 101–211.
28. *Шмытова И. В.* Фауна чешуекрылых // Ландшафт реки Серена. (Серия «Кадастровые и мониторинговые исследования биологического разнообразия Калужской области»). Вып. 7. Калуга: ООО «Ваш Домъ», 2020. С. 38–44.
29. *Шмытова И. В., Алексеев С. К., Перов В. В., Бакланова С. П.* Новые находки чешуекрылых в заповеднике «Калужские засеки» // Тр. заповедника «Калужские засеки». Вып. 1. Калуга: изд-во ООО «Полиграф-Информ», 2003. С. 130–144.
30. *Шмытова И. В., Новиков В. А.* Новые и редкие виды чешуекрылых (Insecta, Lepidoptera) для Калужской и Смоленской областей // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: материалы XV Всерос. науч. конф. Калуга — Полотняный Завод, 2–4 апреля 2013 г. Калуга: ООО «Полиграф-Информ», 2013. С. 403–410.

ВОДОРОСЛИ ОЗЕРА СВЯТОЕ ДЗЕРЖИНСКОГО РАЙОНА КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Н. В. Воронкина, *кандидат биологических наук, доцент;*
Ю. А. Лебедева, *магистр биологии,*
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского

Озеро Святое расположено в Дзержинском районе Калужской области между деревнями Маковцы и Петрушино. Озеро в очертании округлое. Со стороны дороги подход открытый и примерно 6 метров от берега сплошные заросли осоки, сабельника, наумбургии кистецветной, и других растений. С других сторон берега заросли ивами, местами берёзами и осинами. Много тростника. На противоположной от дороги части озера развита сплавина, образованная

корневищами высших болотных растений: шейхцерии [5], сабельника, белокрыльника и др. На сплавине — сфагнум, среди зарослей которого растёт росянка круглолистная, а в 1991 была отмечена р. английская (МНА –1991, KLH — 1992, КККО — 2015) и плодоносит клюква четыхлепестная. Оба вида росянок занесены в Красную книгу Калужской области [5]. Вода в озере тёмная. В последние годы площадь этой сплавины сильно уменьшилась из-за разрастания тростника и ив.

Рис. 1. Космический снимок оз. Святое

Материал и методика

Пробы воды и ила отобраны из заболоченной части озера, среди зарослей осок, сабельника и водных мхов. Материал обработан и проанализирован в лаборатории ботаники, экологии и микробиологии КГУ им. К. Э. Циолковского при помощи микроскопа Биомед-2. Микрофотографии выполнены фотоаппаратом «Nicon COOLPIX4500» при увеличении в 640 раз. Определение производилось при помощи определителей [1,2,3,4,6,7,8,9,10,11].

Результаты исследования

Обнаружен 51 вид водорослей, относящихся к 5 отделам.

I. Отдел Сине-зеленые водоросли *Cyanophyta* (3 вида)
Класс Гормогониевые *Hormogoneae*

Семейство Осцилляториевые *Oscillatoriaceae: Oscillatoria sp.*

Семейство Мерисмопедиевые *Merismopediaceae:* Мерисмопедия изящная *Merismopedia elegans* A. Br.

Семейство Микроцистиевые *Microcystidaceae:* Микроцистис *Microsictis sp.*

II. Отдел Зелёные водоросли *Chlorophyta* (40 видов)
Класс Собственно зелёные водоросли *Euchlorophyceae*

Семейство Целастровые *Coelastraceae:* Целаструм мелкопористый *Coelastrum microporum* Nägeh.

Семейство Гидродиктиациевые *Hydrodictyaceae:* Педиаструм угловатый *Pediastrum angulosum* (Ehrenb.) Menegh., П. Бориев *P. boryanum* (Turp.) Menegh. var.*boryanum,* П. двойной *P. duplex* Meyenvar. *duplex,* П. тетрадный *P. tetras* (Ehrenb.) Ralfs.

Семейство Радиококковые *Radiococcaceae:* Пальмодикцион зелёный *Palmodictyon viride* Kützing.

Семейство Селенастровые *Selenastraceae:* Анкистродесмус серповидный *Ankistrodesmus falcatus* (Corda) Ralfs, А. спиральный *A.spiralis* (Turn.) Lemmermann.

Семейство Сценедесмусовые *Scenedesmaceae*: Сценедесмус заострённый *Scenedesmus acutiformis* Schröder, С. мелкоколючковый *S. microspina* Chodat, С. тупой *S. obtusus* Meyen, С. четырехвостый *S. quadricauda* (Turp.) Brebisson, С. пильчатый *S. serratus* (Corda) Bohlin, Диморфококк полулунный *Dimorforcocus lunatus*A. Braun.

Класс Коньюгаты *Conjugatophyceae*

Семейство Десмидиевые *Desmidiaceae:* Бамбузина Бребиссона *Bambusina brebissonii* var. *Gracilescens* Küts.

Клостериум суженный *Closterium angustatum* Kütz., К. рожковый *C. ceratium* Perty, К. грациозный *C. gracile* Breb., К. промежуточный *C. intermedium* Ralfs, К. Дженнера *C. Jenneri* Ralfs, К. правильный *C. regulare* Breb., К. щетинковый *C. setaceum* Ehrenb.

Космариум стиснутый *Cosmarium contractum* Kirchn. var. *minutum* (Delp.) W. et G. S. West, К. псевдобрумеанский *C. pseudobroomei* Willevar. *Pseudobroomei* Wille, К. шеститочечный *Cosmarium sexnotatum* Gutw.

Космоаструм чередующейся *Cosmoastrum alternans*var *alternans* (Breb.) Pal.—Mordv., К. многоволосый *C. polytrichum* (Perty) Pal.—Mordv.

Нетриум *Netrium sp.*

Эуаструм зубчатый *Euastrum denticulatum* (Kirchn.) Gay, Э. Гея *E. Gayanum* DeToni, Э. бородавчатый *E. verrucosum* Ehrenb.

Микростериас усечённый *Microsterias truncata* (Corba) Bréb.

Пахифориум неясный *Pachyphorium obsoletum (Cosmarium obsoletum)* (Hantzsch) Reinsch,

Пениум двойчатоплодный *Penium didymocarpum* Lund.

Стауродесмус сросшийся *Staurodesmusconnatus* (Lund.) Thom., С. сходящийся *S. convergens* var.*convergens* (Her.) Teil., С. Крупноиглый *S. megacanthus var. megacanthus* (Lund.) Thunm.

Ксантидиум шиповатый *Xantidium aculeatum* Ehr.

Семейство Зигнемовые *Zygnemataceae*: Мужоция *Mougeotia sp.*

III. **Отдел** Диатомовые *Diatomeae* (4 вида)

Класс *Bacillariophyceae*

Семейство Эвноциевые *Eunotiaceae: Encyonema latens* (Krasske) D. G. Mann.

Класс Пеннатные *Pennatae.*

Семейство Навикуловые *Naviculaceae: Pinnularia viridiformis* Krammer, *Navicula venerablis* Hohn & Hellerman

Семейство Сурирелловые *Surirellaceae: Surirella brebissonii* Krammer & Lange-Bertalot.

IV.Отдел Эвгленовые *Euglenophyta* (2 вида)

Класс Эвгленовые *Euglenophyceae*

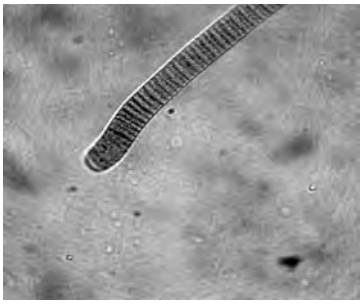
Семейство Эвгленовые *Euglenales:* Эвглена удлинённая *Euglena elongate* Schew., Факус Арнольди *Phacus Arnoldii* Stokes*var. Ovatus* Popova.

V. Отдел Жгутиковые *Flagellatae* (2 вида)

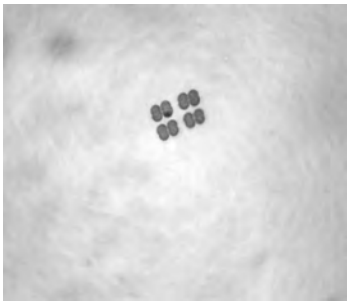
Класс Динофлагеляты *Dinoflagellatae*

Семейство Динофитовые *Dinophysiaceae:* Перидиниум *Peridinium sp.* Ehrenb., Гимнодиниум *Gymnodinium sp.* Stein

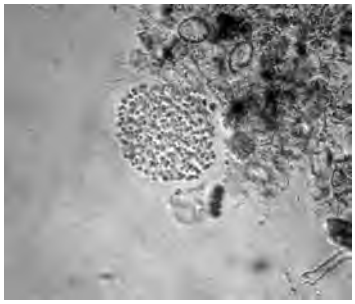
I. Отдел Сине-зеленые водоросли *Cyanophyta.* **Класс** Гормогониевые *Hormogoneae.* 3 вида



1. *Oscillatoria sp.*



2. Мерисмопедия изящная *Merismopedia elegans* A. Br.

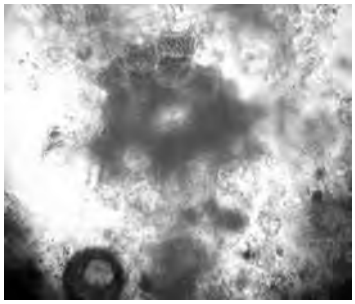


3. *Microsictis sp.*

II. Отдел Зелёные водоросли *Chlorophyta*. **Класс** Собственно зелёные водоросли *Euchlorophyceae.*13 видов

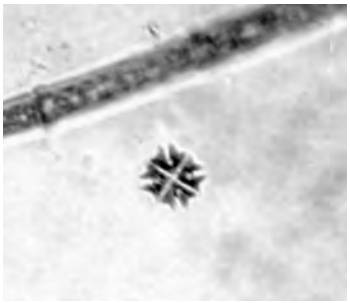
4. Целаструм мелкопористый *Coelastrum microporum* Nägeh

5. Педиаструм угловатый *Pediastrum angulosum* (Ehrenb.) Menegh.

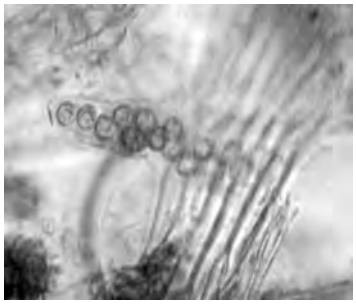


6. Педиаструм Бориев *Pediastrum boryanum* (Turp.) Menegh. var. *boryanum*

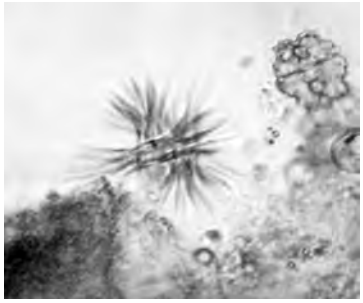
7. Педиаструм двойной *Pediastrum duplex* Meyen var. *duplex*



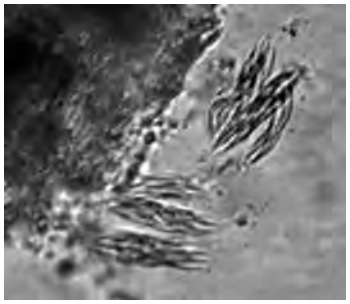
8. Педиаструм тетрадный *Pediastrum tetras* (Ehrenb.) Ralfs



9. Пальмодикцион зелёный *Palmodictyon viride* Kützing

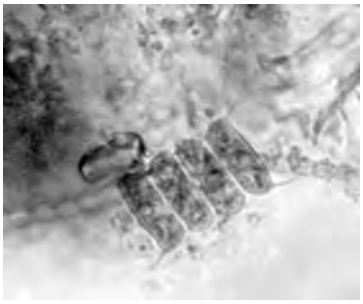


10. Анкистродесмус серповидный *Ankistrodesmus falcatus*(Corda) Ralfs

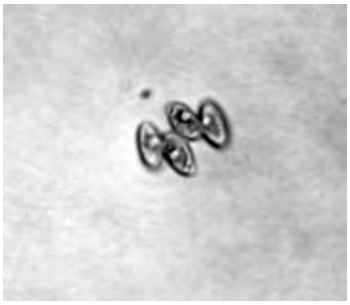


11. Анкистродесмус спиральный *Ankistrodesmus spiralis*(Turn.) Lemmermann

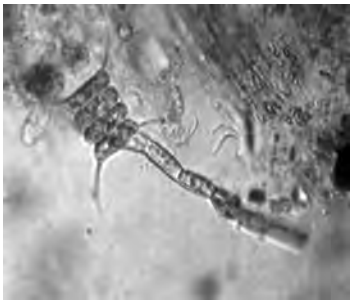
12. Сценедесмус заострённый *Scenedesmus acutiformis* Schröder



13. Сценедесмус мелкоколючковый *Scenedesmus microspina* Chodat



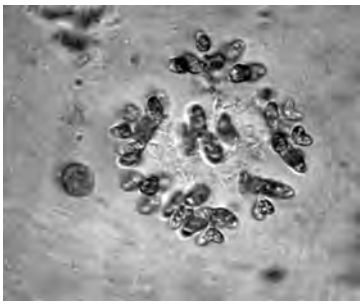
14. Сценедесмус тупой *Scenedesmus obtusus* Meyen



15. Сценедесмус четыреххвостый *Scenedesmus quadricauda* (Turp.) Brebisson

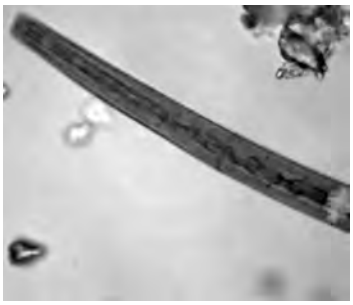
16. Сценедесмус пильчатый *Scenedesmus serratus* (Corda) Bohlin

Класс Коньюгаты *Conjugatophyceae.*



17. Диморфококк полулунный *Dimorforcocus lunatus* A. Braun

18. Бамбузина Бребиссона *Bambusina brebissonii* var. *gracilescens* Küts.



19. Клостериум суженный *Closterium angustatum* Kütz.

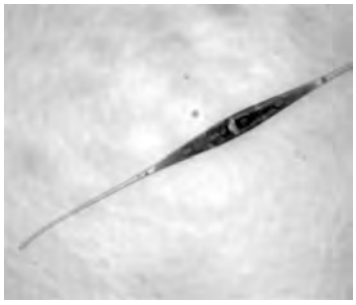
20. Клостериум рожковый *Closterium ceratium* Perty

21. Клостериум грациозный *Closterium gracile* Breb.

22. Клостериум промежуточный *Closterium intermedium* Ralfs

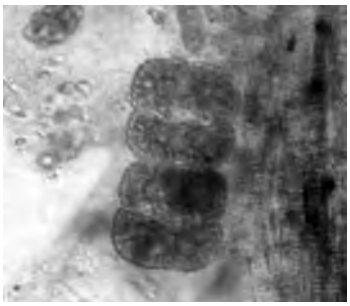
23. Клостериум Дженнера *Closterium Jenneri* Ralfs

24. Клостериум правильный *Closterium regulare* Breb.

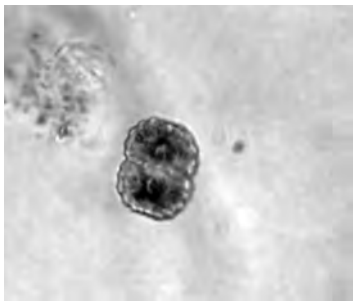


25. Клостериум щетинковый *Closterium setaceum* Ehrenb.

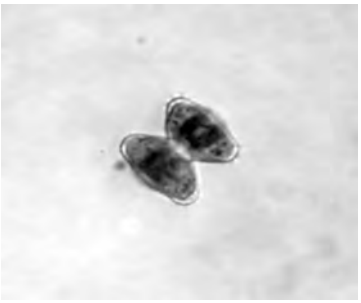
26. Космариум стиснутый *Cosmarium contractum* Kirchn. var. *minutum* (Delp.) W. et G. S. West



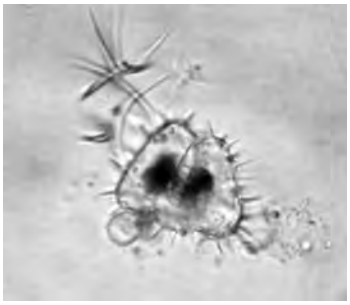
27. Космариум псевдобрумеанский *Cosmarium pseudobroomei* Wille var. *Pseudobroomei* Wille



28. Космариум шеститочечный *Cosmarium sexnotatum* Gutw.

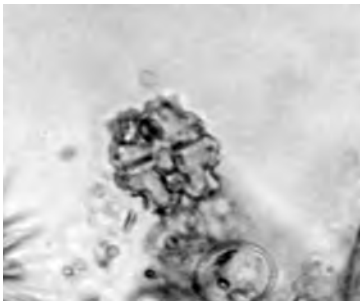


29. Космоаструм чередующейся *Cosmoastrum alternans* var. *alternans* (Breb.) Pal.—Mordv.



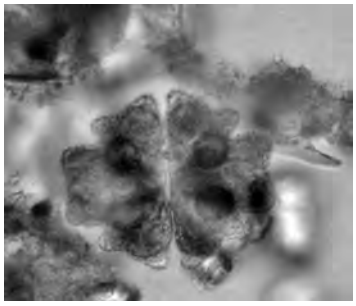
30. Космоаструм многоволосый *Cosmoastrum polytrichum* (Perty) Pal.—Mordv.

31. Нетриум *Netrium sp.*

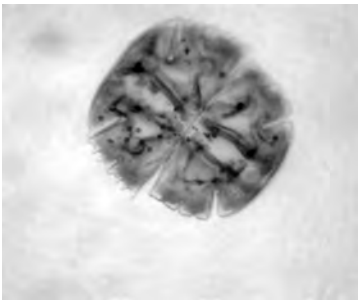


32. Эуаструм зубчатый *Euastrum denticulatum* (Kirchn.) Gay

33. Эуаструм Гея *Euastrum Gayanum* De Toni

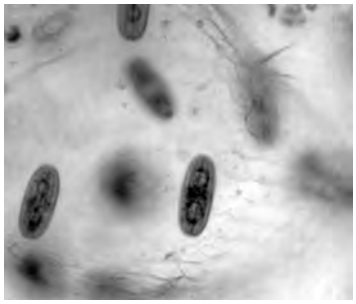


34. Эуаструм бородавчатый *Euastrum verrucosum* Ehrenb.



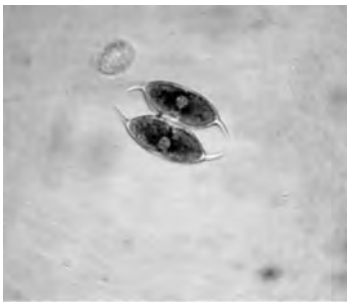
35. Микростериас усечённый *Micrasterias truncata* (Corba) Bréb.

36. Пахифориум неясный *Pachyphorium obsoletum (Cosmarium obsoletum)* (Hantzsch) Reinsch

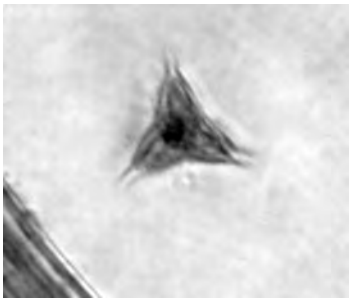


37. Пениум двойчатоплодный *Penium didymocarpum* Lund.

38. Стауродесмус сросшийся *Staurodesmus connatus* (Lund.) Thom.

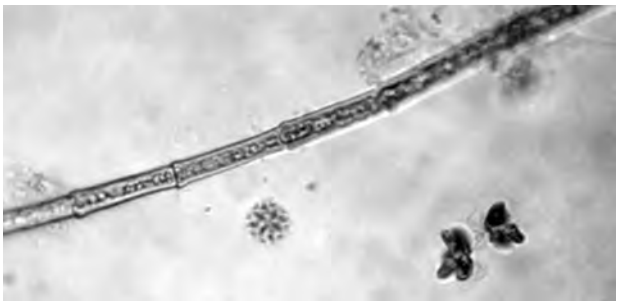


39. Стауродесмус сходящийся *Staurodesmus convergens* var. *convergens* (Her.) Teil.



40. Стауродесмус крупноиглый *Staurodesmus megacanthus* var. *megacanthus* (Lund.) Thunm.

41. Ксантидиум шиповатый *Xantidium aculeatum* Ehr.

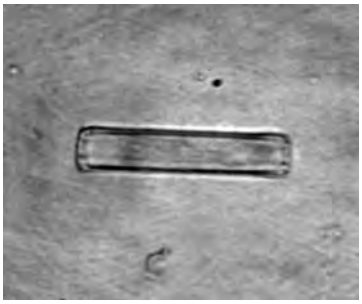


42. Мужоция *Mougeotia sp*

III. **Отдел** Диатомовые *Diatomeae*. **Класс** *Bacillariophyceae* 1 вида

43. *Encyonema latens* (Krasske) D. G. Mann

Класс Пеннатные *Pennatae* 3 вида

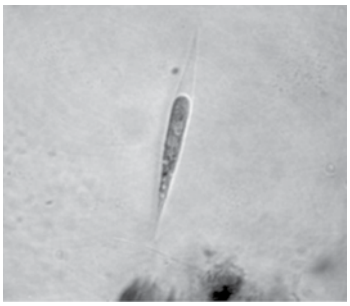


44. *Pinnularia viridiformis* Krammer

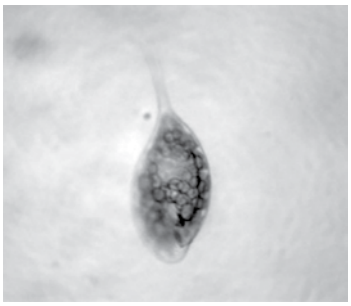
45. *Navicula venerablis* Hohn & Hellerman

46. *Surirella brebissonii* Krammer & Lange-Bertalot

IV. Отдел Эвгленовые *Euglenophyta.* **Класс** Эвгленовые *Euglenophyceae.* 2 вида

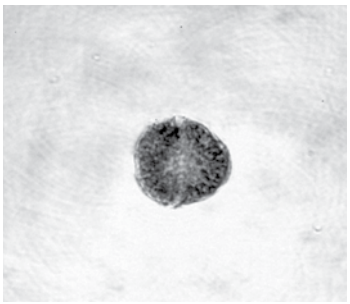


47. Эвглена удлинённая
Euglena elongata Schew.



48. Факус Арнольди
Phacus Arnoldii Stokes var. *ovatus* Popova.

V. Отдел Жгутиковые *Flagellatae.* **Класс** Динофлагеляты *Dinoflagellatae* 2 вида



49. *Peridinium sp.* Ehrenb.

50. *Gymnodinium sp.* Stein

Флора водорослей оз. Святого Дзержинского района имеет сходство с флорой водорослей оз. Шелоховка Юхновского района [3]. Оба озера полноводны и питаются грунтовыми водами. Очевидно господство в обоих водоёмах Десмидиевых из класса Конъюгаты отдела Зелёные. Небольшое количество водорослей из класса Собственно зелёных отдела Зелёные и из отдела Эвгленовые. В оз. Святом присутствуют в небольшом количестве Диатомовые, Сине-зеленые и Жгутиковые, отсутствующие в оз. Шелоховка.

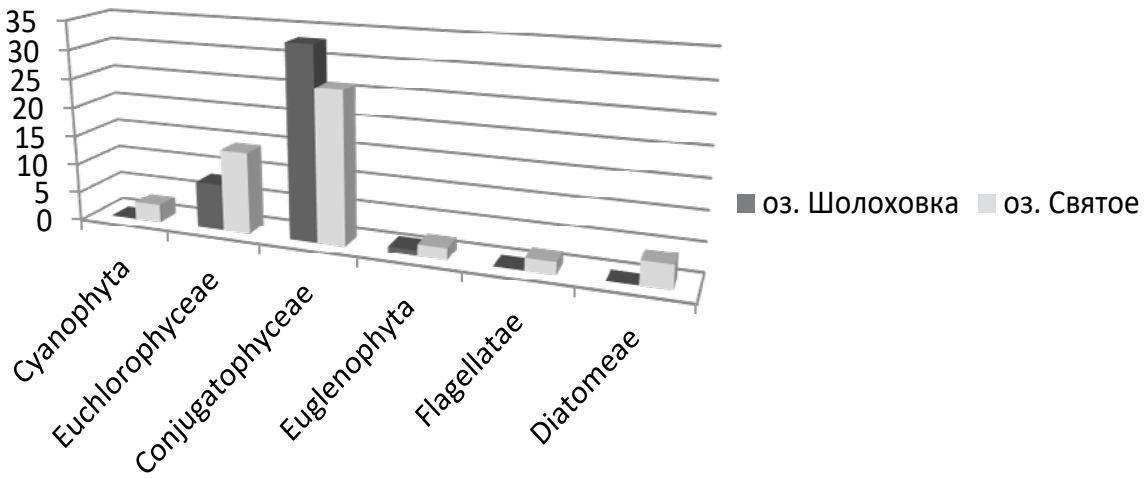


Рис. 2 Сравнение флор водорослей оз. Святое и Шелоховка

Список литературы

1. *Виноградова К. Л., Голлербах М. М., Зауер Л. М., Сдобникова Н. В.* Определитель пресноводных водорослей СССР. Вып. 13. Зелёные, красные и бурые водоросли. Л.: Наука, 1980.
2. *Забелина М. М.,. Киселёв И. А., Прошкина-Лавренко А. И., Щещукова В. С.* Определитель пресноводных водорослей СССР. Вып. 4. Диатомовые водоросли. М.: Советская наука, 1951.
3. *Воронкина Н. В., Лебедева Ю. А.* Анализ видового разнообразия водорослей оз. Шелоховка // VII Международная научно-практическая конференция «У истоков российской государственности». Исследования, материалы. Калуга: Издательство КГУ им. К. Э. Циолковского, 2015.
4. *Косинская Е. К.* Флора споровых растений СССР. Т. 5. Коньюгаты, или Сцеплянки (2) Десмидиевые водоросли. М.–Л.: Издательство академии наук СССР, 1960.
5. Красная книга Калужской области. Т. 1. Растительный мир. Калуга: Министерство природных ресурсов, экологии и благоустройства Калужской области, 2015.
6. *Куликовский М. С., Глущенко А. М., Генкал С. И., Кузнецова И. В.* Определитель диатомовых водорослей России. Ярославль: Филигрань, 2016.
7. *Курсанов Л. И.* Определитель низших растений. Т. 1. Водоросли. М.: Советская наука, 1953.
8. *Мошкова Н. А., Голлербах М. М.* Определитель пресноводных водорослей СССР. Вып. 10 (1). Зелёные водоросли. Класс Улотриксовые (1).— Л.: Наука, 1986.
9. *Паламарь-Мордвинцева Г. М.* Определитель пресноводных водорослей СССР. Вып. 11 (2), Зелёные водоросли Класс Коньюгаты Порядок Десмидиевые. Л.: Наука, 1982.
10. *Попова Т. Г.* Определитель пресноводных водорослей СССР. Эвгленовые водоросли. М.: Советская наука, 1955.
11. *Царенко П. М.* Краткий определитель хлорококковых водорослей Украинской ССР / АН УССР. Ин-т ботаники им. Н. Г. Холодного; отв. ред. Г. М. Панамарь-Мордвинцева.Киев: Наук. думка, 1990.

ЗИМНЯЯ ОРНИТОФАУНА АЭРОДРОМА КАЛУГА (ГРАБЦЕВО)

Е. А. Попов,

кандидат биологических наук, инженер по орнитологическому обеспечению безопасности полётов, АО «Международный аэропорт «Калуга»

За зимнюю орнитофауну аэродрома Калуга (Грабцево) мы условно принимаем птиц, встречающихся на аэродроме и, в его ближайших, до 1 км окрестностях, в период с 1 декабря до 28 (29) февраля. Строго говоря, к зимней орнитофауне можно относить и большинство птиц, встречающихся в районе обследования со второй половины ноября, а также в первой декаде марта, но даты границ наступления и окончания зимы для птиц достаточно размыты и колеблются год от года в довольно значительных пределах. Данные наблюдений, используемые в этом исследовании, получены с начала декабря 2015 по конец февраля 2021 гг. За этот период проведено около 1 646 часов наблюдений, зарегистрировано 27 843 птицы. Методика наблюдений была стандартной на протяжении всего описываемого периода и включала в себя маршрутные учёты птиц и учёты птиц на постоянных наблюдательных пунктах. Основные принципы данного метода описаны в работе Э. И. Гаврилова (1977). Постоянство методики наблюдений позволяет получить в высокой степени сравнимые результаты несмотря на возможные ограничения и недостатки используемого метода.

Климатические особенности периода наблюдений

В течение 6 лет наблюдений каждая из зим имела свои климатические особенности.

Таблица 1

Некоторые климатические параметры в январе в разные годы

По данным «rp5.ru расписание погоды»:

Архив погоды в Калуге / им. К. Э. Циолковского (аэропорт), METAR

Год	$T_{ср.}$, °C	$T_{мин.}$, °C	$T_{макс.}$, °C	Сумма осадков, мм	Число дней с осадками	Высота снежного покрова (см)	
						Среднее значение	Максимальное значение
2017	–7,6	–25	+1	240	23	34,6	38

Год	$T_{ср.}$, °C	$T_{мин.}$, °C	$T_{макс.}$, °C	Сумма осадков, мм	Число дней с осадками	Высота снежного покрова (см)	
						Среднее значение	Максимальное значение
2018	–5,1	–14	+3,5	52	24	7,6	24
2019	–7,4	–21,5	+2	48	29	34,3	44
2020	–0,5	–6,7	+3,6	53	26	5,5	15
2021	–5,5	–28	+4	57	27	27,3	35

Таблица 2

Некоторые климатические параметры в феврале в разные годы

По данным «rp5.ru расписание погоды»:
Архив погоды в Калуге / им. К. Э. Циолковского (аэропорт), METAR

Год	$T_{ср.}$, °C	$T_{мин.}$, °C	$T_{макс.}$, °C	Сумма осадков, мм	Число дней с осадками	Высота снежного покрова, см	
						Среднее значение	Максимальное значение
2017	–5,9	–9	–3	19	23	35,7	39
2018	–8,7	–25	+2	37	24	32,0	37
2019	–1,6	–14	+5	18	22	31,5	44
2020	–0,4	–17	+8	41	20	3,5	12
2021	–10,4	–26	+6,1	78	18	52,2	73

Из ряда наблюдений зима 2019–2020 гг. была наиболее тёплой. Средняя температура февраля составила лишь немногим ниже 0 °C. Ещё более радикально, на порядок, снизилась высота снежного покрова, с обычных 30+ см, до 3,5 см в феврале 2020 г. Соответствующим образом изменился ландшафт аэродрома в этот период, если, например в 2019 г. аэродромное поле представляло из себя до марта сплошную снежную равнину, то в 2020 г. и в январе и, особенно в феврале тонкий слой снега лишь эпизодически покрывал почву, что стало локальной катастрофой в 2020 г. для некоторых видов животных, в частности для грызунов (*Rodentia*), населяющих газоны аэродромного поля и чей зимний период жизненного цикла напрямую зависит от высоты снежного покрова. Надо помнить, что некоторые из этих животных имеют большое значение в формировании орнитологической обстановки на обследуемой территории как трофическая составляющая птиц зимующих в районе аэродрома, таких как канюки (Buteo sp.), пустельги (Falco tinnunculus), вороновые птицы, в т. ч. вороны (Corvus corax), серые вороны (Corvus cornix), а при обилии грызунов галки (Corvus monedula) и сороки (Pica pica). Мелкие грызуны также составляют основную часть питания зимующих серых сорокопутов (Lanius excubitor)/

Состав зимней орнитофауны аэродрома Калуга (Грабцево)

Ниже приводится соотношение таксономического состава птиц в отдельные зимние месяцы в разные годы (табл. 3). Число таксономических групп птиц различалось в разные месяцы зимы. Наибольшее число таксономических групп, в среднем 18,7, отмечалось в декабре. В январе оно было минимальным, в среднем 13, а в феврале вновь возрастало, в среднем 17. Суммарно за 6 зим наблюдений максимальное число таксономических групп отмечено в декабре — 40 (табл. 4), в январе — 32 (табл. 5), а в феврале — 39 (табл. 6).

Таблица 3

Число отмеченных систематических групп в зимний период на аэродроме Калуга (Грабцево)

	2015–2016	2016–2017	2017–2018	2018–2019	2019–2020	2020–2021	*Всего*
Декабрь	24	15	19	21	16	17	*40*
Январь	8	11	16	12	14	17	*32*
Февраль	22	12	15	15	21	17	*39*

Таблица 4

Перечень систематических групп птиц, встреченных в декабре 2015–2020 гг.

№	Таксон (рус.(лат.))	Число встреч	%
1	Вороновые (Corvidae)	10 768	54,29
2	Галка (Corvus monedula)	2 159	10,89
3	Ворон (Corvus corax)	1 524	7,68
4	Серая ворона (Corvus cornix)	1 173	5,91
5	Сорока (Pica pica)	779	3,93
6	Пуночка (Plectrophenax nivalis)	553	2,79
7	Воробьинообразные (Passeriformes)	389	1,96
8	Обыкновенная чечётка (Acanthis flammea)	369	1,86
9	Чиж (Spinus spinus)	343	1,73
10	Черноголовый щегол (Carduelis carduelis)	257	1,30
11	Дрозд (Turdus sp.)	255	1,29
12	Полевой воробей (Passer montanus)	186	0,94
13	Обыкновенная овсянка (Emberiza citrinella)	181	0,91
14	Пустельга (Falco tinnunculus)	143	0,72
15	Канюк (Buteo buteo)	126	0,64
16	Рябинник (Turdus pilaris)	107	0,54
17	Свиристель (Bombycilla garrulus)	91	0,46
18	Большая синица (Parus major)	90	0,45
19	Зимняк (Buteo lagopus)	65	0,33
20	Вьюрковые (Fringillidae)	62	0,31
21	Канюки (Buteo sp.)	56	0,28
22	Голуби (Columba sp.)	37	0,19
23	Снегирь (Pyrrhula pyrrhula)	34	0,17
24	Сизый голубь (Columba livia)	23	0,12
25	Серая куропатка (Perdix perdix)	16	0,08
26	Серый сорокопут (Lanius excubitor)	14	0,07
27	Обыкновенная лазоревка (Cyanistes caeruleus)	7	0,04
28	Синица (Parus sp.)	5	0,03
29	Ястребиные (Accipitridae)	4	0,02
30	Грач (Corvus frugilegus)	4	0,02
31	Зяблик (Fringilla coelebs)	2	0,01
32	Ястреба (Accipiter sp.)	2	0,01
33	Сизая чайка (Larus canus)	2	0,01
34	Седой дятел (Picus canus)	1	0,01
35	Обыкновенный скворец (Sturnus vulgaris)	1	0,01
36	Сойка (Garrulus glandarius)	1	0,01
37	Тетеревятник (Accipiter gentilis)	1	0,01
38	Перепелятник (Accipiter nisus)	1	0,01
39	Утиные (Anatidae)	1	0,01
40	Ушастая сова (Asio otus)	1	0,01
Всего		*19 833*	*100,00*

Таблица 5

Перечень систематических групп птиц, встреченных в январе 2016–2021 гг.

№	Таксон (рус.(лат.))	Число встреч	%
1	Серая ворона (Corvus cornix)	680	23,71
2	Ворон (Corvus corax)	437	15,24
3	Галка (Corvus monedula)	418	14,57
4	Вороновые (Corvidae)	378	13,18
5	Пуночка (Plectrophenax nivalis)	348	12,13
6	Сорока (Pica pica)	130	4,53
7	Пустельга (Falco tinnunculus)	97	3,38
8	Свиристель (Bombycilla garrulus)	83	2,89
9	Вьюрковые (Fringillidae)	60	2,09
10	Серая куропатка (Perdix perdix)	45	1,57
11	Канюки (Buteo sp.)	37	1,29
12	Снегирь (Pyrrhula pyrrhula)	24	0,84
13	Дрозд (Turdus sp.)	22	0,77
14	Воробьинообразные (Passeriformes)	15	0,52
15	Черноголовый щегол (Carduelis carduelis)	12	0,42
16	Серый сорокопут (Lanius excubitor)	10	0,35
17	Обыкновенная чечётка (Acanthis flammea)	9	0,31
18	Канюк (Buteo buteo)	9	0,31
19	Зимняк (Buteo lagopus)	9	0,31
20	Рябинник (Turdus pilaris)	8	0,28
21	Голуби (Columba sp.)	8	0,28
22	Полевой воробей (Passer montanus)	7	0,24
23	Сизый голубь (Columba livia)	4	0,14
24	Вороны (Corvus sp.)	4	0,14
25	Большая синица (Parus major)	3	0,10
26	Серая неясыть (Strix aluco)	3	0,10
27	Большой пёстрый дятел (Dendrocopos major)	2	0,07
28	Тетеревятник (Accipiter gentilis)	2	0,07
29	Перепелятник (Accipiter nisus)	1	0,03
30	Ястреба (Accipiter sp.)	1	0,03
31	Ушастые совы (Asio sp.)	1	0,03
32	Полевой лунь (Circus cyaneus)	1	0,03
Всего		*2 868*	*100,00*

Таблица 6

Перечень систематических групп птиц, встреченных в феврале 2016–2021 гг.

№	Таксон (рус.(лат.))	Число встреч	%
1	Галка (Corvus monedula)	1 079	20,98
2	Ворон (Corvus corax)	1 062	20,65
3	Серая ворона (Corvus cornix)	768	14,94
4	Сорока (Pica pica)	593	11,53
5	Вороновые (Corvidae)	372	7,23
6	Пуночка (Plectrophenax nivalis)	298	5,80
7	Воробьинообразные (Passeriformes)	240	4,67
8	Свиристель (Bombycilla garrulus)	187	3,64
9	Пустельга (Falco tinnunculus)	76	1,48
10	Снегирь (Pyrrhula pyrrhula)	66	1,28
11	Большая синица (Parus major)	54	1,05
12	Серая куропатка (Perdix perdix)	51	0,99
13	Черноголовый щегол (Carduelis carduelis)	42	0,82
14	Полевой воробей (Passer montanus)	33	0,64
15	Обыкновенная чечётка (Acanthis flammea)	31	0,60
16	Вьюрковые (Fringillidae)	30	0,58
17	Рябинник (Turdus pilaris)	30	0,58
18	Голуби (Columba sp.)	20	0,39
19	Канюк (Buteo buteo)	18	0,35
20	Канюки (Buteo sp.)	14	0,27
21	Серый сорокопут (Lanius excubitor)	12	0,23
22	Зимняк (Buteo lagopus)	11	0,21
23	Сойка (Garrulus glandarius)	9	0,18
24	Чиж (Spinus spinus)	9	0,18
25	Сизый голубь (Columba livia)	8	0,16
26	Грач (Corvus frugilegus)	6	0,12
27	Дрозд (Turdus sp.)	5	0,10
28	Обыкновенная овсянка (Emberiza citrinella)	4	0,08
29	Коноплянка (Acanthis cannabina)	3	0,06
30	Желна (Dryocopus martius)	2	0,04
31	Ястреба (Accipiter sp.)	1	0,02
32	Жаворонковые (Alaudidae)	1	0,02
33	Филин (Bubo bubo)	1	0,02
34	Обыкновенная лазоревка (Cyanistes caeruleus)	1	0,02
35	Большой пёстрый дятел (Dendrocopos major)	1	0,02
36	Овсянки (Emberiza sp.)	1	0,02
37	Чайки (Larus sp.)	1	0,02
38	Синица (Parus sp.)	1	0,02
39	Обыкновенный поползень (Sitta europaea)	1	0,02
Всего		*5 142*	*100,00*

Таблица 7

Перечень систематических групп птиц, встреченных зимой 2016–2021 гг. на аэродроме Калуга (Грабцево)

№	Таксон (рус.(лат.))	Число встреч	%
1	Вороновые (Corvidae)	11 518	41,37
2	Галка (Corvus monedula)	3 656	13,13
3	Ворон (Corvus corax)	3 023	10,86
4	Серая ворона (Corvus cornix)	2 621	9,41
5	Сорока (Pica pica)	1 502	5,39
6	Пуночка (Plectrophenax nivalis)	1 199	4,31
7	Воробьинообразные (Passeriformes)	644	2,31
8	Обыкновенная чечётка (Acanthis flammea)	409	1,47
9	Свиристель (Bombycilla garrulus)	361	1,30
10	Чиж (Spinus spinus)	352	1,26
11	Пустельга (Falco tinnunculus)	316	1,13
12	Черноголовый щегол (Carduelis carduelis)	311	1,12
13	Дрозд (Turdus sp.)	282	1,01
14	Полевой воробей (Passer montanus)	226	0,81
15	Обыкновенная овсянка (Emberiza citrinella)	185	0,66
16	Канюк (Buteo buteo)	153	0,55
17	Вьюрковые (Fringillidae)	152	0,55
18	Большая синица (Parus major)	147	0,53
19	Рябинник (Turdus pilaris)	145	0,52
20	Снегирь (Pyrrhula pyrrhula)	124	0,45
21	Серая куропатка (Perdix perdix)	112	0,40
22	Канюки (Buteo sp.)	107	0,38
23	Зимняк (Buteo lagopus)	85	0,31
24	Голуби (Columba sp.)	65	0,23
25	Серый сорокопут (Lanius excubitor)	36	0,13
26	Сизый голубь (Columba livia)	35	0,13
27	Грач (Corvus frugilegus)	10	0,04
28	Сойка (Garrulus glandarius)	10	0,04
29	Обыкновенная лазоревка (Cyanistes caeruleus)	8	0,03
30	Синица (Parus sp.)	6	0,02
31	Ястреба (Accipiter sp.)	4	0,01
32	Ястребиные (Accipitridae)	4	0,01
33	Вороны (Corvus sp.)	4	0,01
34	Коноплянка (Acanthis cannabina)	3	0,01
35	Тетеревятник (Accipiter gentilis)	3	0,01
36	Большой пёстрый дятел (Dendrocopos major)	3	0,01
37	Серая неясыть (Strix aluco)	3	0,01
38	Перепелятник (Accipiter nisus)	2	0,01
39	Желна (Dryocopus martius)	2	0,01

№	Таксон (рус.(лат.))	Число встреч	%
40	Зяблик (Fringilla coelebs)	2	0,01
41	Сизая чайка (Larus canus)	2	0,01
42	Жаворонковые (Alaudidae)	1	0,00
43	Утиные (Anatidae)	1	0,00
44	Ушастая сова (Asio otus)	1	0,00
45	Ушастые совы (Asio sp.)	1	0,00
46	Филин (Bubo bubo)	1	0,00
47	Полевой лунь (Circus cyaneus)	1	0,00
48	Овсянки (Emberiza sp.)	1	0,00
49	Чайки (Larus sp.)	1	0,00
50	Седой дятел (Picus canus)	1	0,00
51	Обыкновенный поползень (Sitta europaea)	1	0,00
52	Обыкновенный скворец (Sturnus vulgaris)	1	0,00
Всего		*27 843*	*100,00*

Наибольшее для зимы разнообразие птиц, наблюдавшееся в декабре (табл. 4), может быть связано с тем, что в это время ещё встречаются птицы по тем или иным причинам не улетевшие к местам зимовки. Минимальное разнообразие отмечено в январе (табл. 5). В феврале разнообразие увеличивается по сравнению с январём, что может происходить за счёт птиц, прилетевших к концу месяца с расположенных южнее или западнее зимовок, «раньше срока» при благоприятных для птиц климатических условиях (табл. 6).

В целом, за описываемый зимний период выявлено 52 систематических группы птиц (табл. 7). Из их состава однозначно, до вида определены 71 % птиц, т.е. 37 видов. Ниже определённые виды разделены по статусу пребывания на аэродроме на три группы: фоновые зимующие виды, это виды, наблюдавшиеся на аэродроме с той или иной степенью постоянства на протяжении всех шести описываемых зим; виды, не связанные с аэродромными станциями — виды, транзитно пересекающие аэродром и встречаемые здесь не в каждую зиму. Не характерные для зимнего периода виды — птицы по тем или иным причинам задержавшиеся до зимы, не улетевшие к местам зимовки (табл. 8).

Таблица 8

Перечень видов птиц, встреченных зимой 2015–2021 гг. на аэродроме Калуга (Грабцево)

№	Таксон (рус.(лат.))	Кол-во встреч	%
	Фоновые зимующие виды		
1	Галка (Corvus monedula)	3 656	24,29
2	Ворон (Corvus corax)	3 023	20,09
3	Серая ворона (Corvus cornix)	2 621	17,41
4	Сорока (Pica pica)	1 502	9,98
5	Пуночка (Plectrophenax nivalis)	1 199	7,97
6	Обыкновенная чечётка (Acanthis flammea)	409	2,72
7	Свиристель (Bombycilla garrulus)	361	2,40
8	Чиж (Spinus spinus)	352	2,34
9	Пустельга (Falco tinnunculus)	316	2,10
10	Черноголовый щегол (Carduelis carduelis)	311	2,07
11	Полевой воробей (Passer montanus)	226	1,50
12	Обыкновенная овсянка (Emberiza citrinella)	185	1,23
13	Канюк (Buteo buteo)	153	1,02
14	Большая синица (Parus major)	147	0,98

№	Таксон (рус.(лат.))	Кол-во встреч	%
15	Рябинник (Turdus pilaris)	145	0,96
16	Снегирь (Pyrrhula pyrrhula)	124	0,82
17	Серая куропатка (Perdix perdix)	112	0,74
18	Зимняк (Buteo lagopus)	85	0,56
19	Серый сорокопут (Lanius excubitor)	36	0,24
20	Сизый голубь (Columba livia)	35	0,23
21	Сойка (Garrulus glandarius)	10	0,07
22	Обыкновенная лазоревка (Cyanistes caeruleus)	8	0,05
Виды, не связанные с аэродромными стациями			
23	Грач (Corvus frugilegus)	10	0,07
24	Большой пёстрый дятел (Dendrocopos major)	3	0,02
25	Тетеревятник (Accipiter gentilis)	3	0,02
26	Серая неясыть (Strix aluco)	3	0,02
27	Перепелятник (Accipiter nisus)	2	0,01
28	Желна (Dryocopus martius)	2	0,01
29	Обыкновенный поползень (Sitta europaea)	1	0,01
30	Седой дятел (Picus canus)	1	0,01
31	Ушастая сова (Asio otus)	1	0,01
32	Филин (Bubo bubo)	1	0,01
Нехарактерные для зимнего периода виды			
33	Коноплянка (Acanthis cannabina)	3	0,02
34	Сизая чайка (Larus canus)	2	0,01
35	Зяблик (Fringilla coelebs)	2	0,01
36	Обыкновенный скворец (Sturnus vulgaris)	1	0,01
37	Полевой лунь (Circus cyaneus)	1	0,01
Всего		*15 051*	*100,00*

В список видов (табл. 8) не попали птицы, определённые до более общей систематической группы (табл. 7), но присутствие которых или транзит через район аэродрома высоковероятны. Это, например, птицы из семейства вьюрковых; вероятно присутствие щура (Pinicola enucleator), обыкновенного дубоноса (Coccothraustes coccothraustes), из овсянок (Emberiza sp.) высока вероятность присутствия камышовой овсянки (Emberiza schoeniclus). Жаворонковые, вероятно, представлены полевым жаворонком (Alauda arvensis) (Марголин, Баранов, 2002). Утиные — кряква (Anas platyrhynchos), чирок свистунок (Anas crecca), свиязь (Anas penelope), чирок-трескунок (Anas querquedula) и другие могут задерживаться до декабря или вообще зимовать в окрестностях Калуги при наличии незамерзающих полыней на водоёмах. Чайки — озёрная (Larus ridibundus) и серебристая (Larus argentatus) небольшое число птиц обычно задерживается до декабря пока последние полыньи не затягиваются льдом (Марголин, 2000).

Стации аэродрома Калуга и его ближайших окрестностей не отличаются обилием или разнообразием экологических ниш, хотя бы из-за ограниченности территории — в общей сложности около 200 га. Здесь отсутствуют крупные водоёмы и речные потоки. Река Городенка, протекающая неподалёку от аэродрома с восточной стороны слишком мала и зимой полностью перемерзает, и поэтому не влияет на состав зимней орнитофауны описываемой территории. Велика доля сильно урбанизированных ландшафтов. Тем не менее, можно считать, что в этом районе в зимнее время встречается до 40 видов птиц. В зимы с разными экологическими и климатическими условиями видовой состав птиц может сокращаться или увеличиваться, могут добавляться некоторые не описанные в данной статье виды и исчезать упомянутые. Но, по-видимому, в целом количественные характеристики видового состава зимней орнитофауны здесь или в экологически сходных территориях будут сходны

с описанным, что может служить сравнительным материалом для работ в других ландшафтах Калужской области или соседних областей. Надо также иметь ввиду, что представленным списком видов не ограничивается зимняя орнитофауна Калужской области. В других станциях: хвойных, лиственных и смешанных лесах, приречных биотопах, и т.п. состав зимней орнитофауны будет отличаться в той или иной степени от представленного в данной работе. Сведения изложенные в этой публикации могут быть использованы при расследовании возможных инцидентов между птицами и воздушными судами в международном аэропорту Калуга (Грабцево) в зимний период.

Список литературы

1. *Гаврилов Э. И.* Методика сбора и обработки материалов по количественной характеристике видимых миграций птиц // Методы изучения миграций птиц. М., 1977. С. 96–117.
2. *Марголин В. А.* Птицы Калужской области. Ч. 1. Неворобьиные. Калуга: Издательство Н. Бочкарёвой, 2000.
3. *Марголин В. А., Баранов Л. С.* Птицы Калужской области. Ч. 2. Воробьинообразные. Калуга: Издательство Н. Бочкарёвой, 2002.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ СПИСОК СОСУДИСТЫХ РАСТЕНИЙ ООПТ РЕГИОНАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ПАМЯТНИК ПРИРОДЫ «РЕКА ВЫТЕБЕТЬ И ЕЕ ПОЙМА»

А. А. Шмытов,
лавный специалист ГБУ КО «Дирекция парков»

Территория памятника природы «Река Вытебеть и её пойма» расположена на левом берегу реки Вытебеть в пределах Хвастовичского района Калужской области и включает в себя левобережную пойму реки и ряд лесных кварталов, согласно Карте-схеме границ ООПТ [Паспорт ООПТ …, приложение № 3] (рис. 1).

Рис.1. Расположение и границы территории памятника природы «Река Вытебеть и её пойма»

Иследование состава видов растений выполнено: 06–10.07.2020 г., для этого мы условно разбили территорию памятника природы на три части: юго-западную, среднюю и северо-восточную, изучив их, в основном, в виде отдельных маршрутов.

В среднюю часть (рис. 2), расположенную напротив д. Вытебеть (Орловская обл., правый берег р. Вытебеть), мы включили всю левобережную часть поймы реки от, примерно, магистрали газопровода высокого давления, пересекающего территорию ООПТ и р. Вытебеть на юге участка, до схождения границ 85 и 80 кварталов Тургеневского участкового лесничества на севере.

На луговой пойме средней части ООПТ расположены участки земель сельхозназначения: 40:23:110000:107; 40:23:000000:749/5 и 749/6, границы которых совпадают со внутренними границами памятника природы.

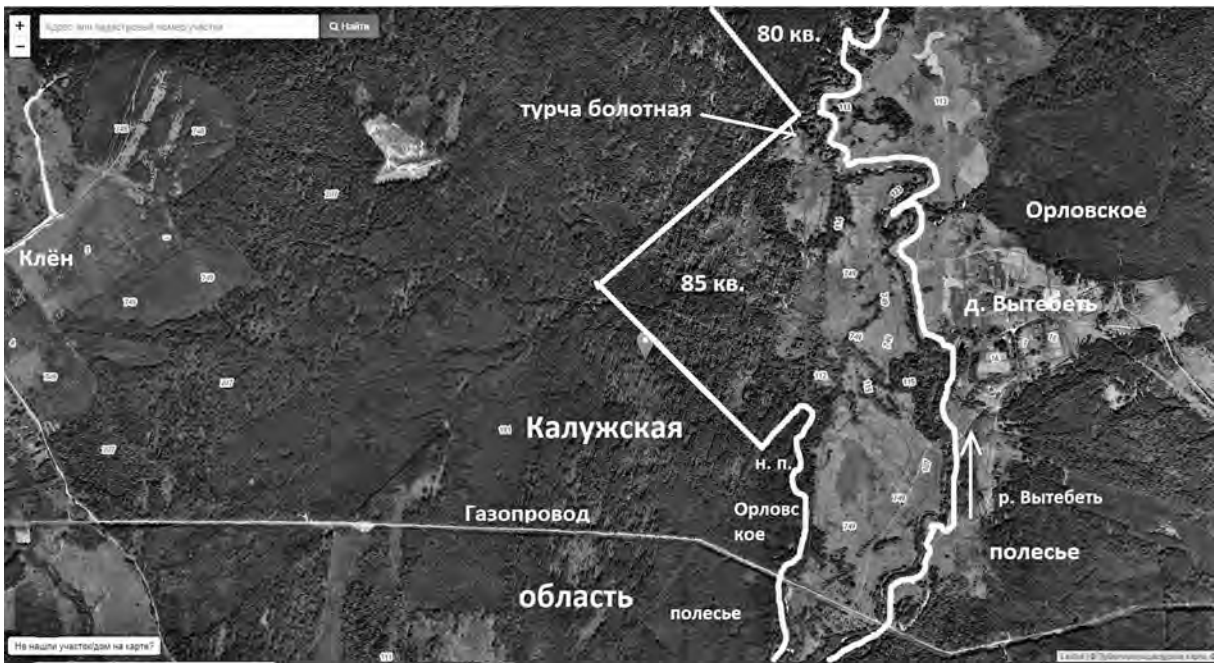


Рис. 2. Средняя часть территории памятника природы «Река Вытебеть и её пойма»

Последние два внесены в ЕГРН только 18.03.2021 г. и, видимо, поэтому о них нет сведений в Паспорте ООПТ. Таким образом, наибольшая часть лугов внутри средней части ООПТ не имеет охранного статуса и, вероятно, используется для сенокошения, хотя мы не заметили следов заготовки сена на этих участках в последние годы. В целом режим сенокосных угодий может благоприятно сказываться на сохранении луговых сообществ, препятствуя возобновлению древесно-кустарниковой растительности.

Просеки и границы 85 квартала на местности не сохранились, половина его территории расположена на склоне долины и занята разновозрастными липняками, приемущественно молодыми и средневозрастными с примесью берёзы пушистой и с подлеском из орешника с многочисленными завалами. В нижней части склона, при выходе на пойму образовалась система притеррасных болот и стариц, заросших пойменным лесом и, местами, тростником. Ближе к 80 кварталу есть посадки ели, а на плакорных участках растёт сосново-мелколиственный лес жерднякового и среднего класса возрастов с участием липы.

Луговая растительность ООПТ сосредоточена, преимущественно, на пойме в средней части ООПТ напротив д. Вытебеть. В неё входят, в основном, луга незатапливаемой части поймы, большую часть которых составляют участки низинных лугов, образованные крупнозлаковыми ассоциациями с преобладанием овсяницы луговой (*Festuca pratensis*), ежи сборной (*Dactylis glomerata*), тимофеевки луговой (*Phleum pratense*), мятлика лугового (*Poa pratensis*).

На юге средней части, близ газопровода и вдоль русла р. Вытебеть, до 100 м от берега и, местами, в юго-западной части значительную территорию занимают суходольные луга, которые можно отнести к мелкозлаковой ассоциации с преобладанием полевицы тонкой (*Agrostis capillaris*), здесь в большом количестве растёт земляника зелёная (*Fragaria viridis*). На заболоченных лугах и зарастающих старицах доминируют таволга вязолистная (*Filipendula ulmaria*) и осока острая (*Carex acuta*), встречаются чемерица Лобеля (*Veratrum lobelianum*), борец шерстистоустый (*Aconitum lasiostomum*), купальница европейская (*Trollius europaeus*), кровохлёбка лекарственная (*Sanguisorba officinalis*) и др. гигрофиты.

Юго-западная часть территории памятника природы (рис. 3 — показана не полностью) в виде длинного «аппендикса» глубоко вдаётся в территорию Орловской области вдоль русла р. Вытебеть и, таким образом, почти со всех сторон окружена территорией национального парка «Орловское полесье». Ширина «калужской земли» здесь колеблется от нескольких десятков метров до почти

Рис. 3. Юго-западная часть территории памятника природы «Река Вытебеть и её пойма»

1 км у юго-западного конца территории памятника. Растительность здесь представлена припойменным редколесьем, опушками, лугами, участками березняков, ольшаников. Часто встречаются отдельные старовозрастные деревья дуба, заболоченные и покрытые ряской старицы, есть небольшое низинное болотце, окружённое низкотравными луговинами.

Северо-восточную часть территории памятника природы мы изучили частично, пройдя маршрутом по просекам вдоль границ 80 и 81 кварталов Тургеневского участкового лесничества до устья р. Лютня и вернувшись по их долинной части вдоль левого берега р. Вытебеть к месту полевого лагеря. Растительность 78 квартала мы могли немного наблюдать лишь вдоль его юго-западной границы от грунтовой дороги на д. Шваново до устья р. Лютня. При составлении очерка по данной ООПТ в книге Памятники природы Калужской области (2019) материал был собран при обследовании прежде всего со стороны д. Шваново, поэтому растения и их сообщества в 78 квартале были более полно изучены (80 видов) и, вероятно, взяты за основу для всей территории памятника.

Речка Лютня, впадающая в р. Вытебеть, в этой части очень мелководна с песчаным дном и умеренным течением, шириной от 1 до 1,5 м, глубиной 5–15 см, в бочажках до 50 см.

В 80 и 81 кварталах, на склонах долины р. Вытебеть идут, преимущественно, средневозрастные липняки с примесью осины и берёзы пушистой (*Betula pubescens*) с диаметром ствола до 25 см. Встречаются отдельные спелые деревья дуба, клёна платанолистного, сосны, ели, липы. За пределами долины, до внешних границ Памятника липняк сменяется березняком в смеси с сосной, с примесью осины, иногда с подростом из елового молодняка. Встречаются чистые посадки из елового жердняка, чаще с примесью берёзы пушистой и липы, реже — клёна. У р. Вытебеть встречаются небольшие участки черноольшаников. У границы 80 и 81 кварталов на пойме р. Вытебеть есть и луговые участки, в основном, высокотравные.

Из водных растений стоит отметить кувшинку белоснежную (*Nymphaea candida*) в р. Вытебеть у д. Вытебеть и немного ниже неё по течению. В окнах заболоченных стариц изредка встречается турча болотная (*Hottonia palustris*).

Из охраняемых растений Красной книги Калужской области (2015) отмечены 7 видов, 1 из них в Красной книге РФ (2008):

Пальчатокоренник балтийский — *Dactylorhiza baltica* (3 категория для Калужской области; 2 категория для РФ): На левом берегу р. Вытебеть напротив д. Вытебеть встречено два

растения на пойменном лугу в сыроватом месте (N53°27’21,65» E35°33’15,79») и несколько растений на низинном заболоченном лугу (болото) выше по течению от газопровода (N53°26’16,0» E35°32’16,9»), в юго-западной части оопт (рис. 3).

Лунник оживающий — *Lunaria rediviva* (5 категория. Восстанавливаемый и восстанавливающийся вид): Левый берег р. Вытебеть, выше устья р. Лютни, 81 квартал Тургеневского участкового лесничества, на прирусловом валу среди лип и ольхи. Площадь, занятая растением (пятно), примерно, 10×3 м (N53°29’20,2» E35°33’56,0») (рис. 4). Также ещё рядом несколько малых групп растения и выше от реки на склоне коренного берега в липняке с дубом и у дороги вдоль реки. Хорошая группировка!

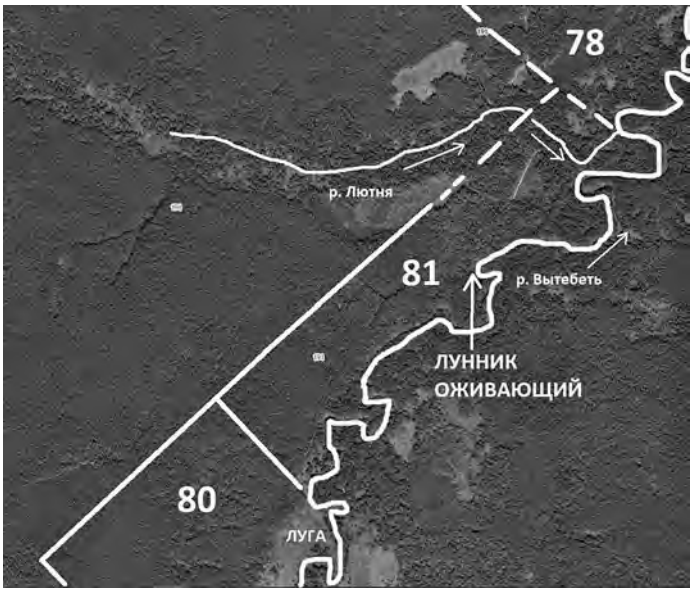


Рис. 4. Северо-восточная часть территории памятника природы «Река Вытебеть и её пойма»

Бересклет европейский — *Euonymus europaea* (5 категория. Восстанавливаемый и восстанавливающийся вид): На пойме вдоль берега реки на всём протяжении ООПТ, часто.

Зверобой волосистый — *Hypericum hirsutum* (3 категория. Редкий вид): Левый берег р. Вытебеть, выше по течению от газопровода, на крутом склоне берега на повороте русла над омутом, ниже прируслового вала. Всего 15 растений (N53°25’40,6» E35°31’20,7») (рис. 3).

Горичник горный, или Горногоречник чёрный — *Peucedanum oreoselinum* (3 категория. Редкий вид): Левый высокий берег р. Вытебеть, выше по течению от газопровода, сухая поляна в петле р. Вытебеть. Площадь, занятая растением, примерно, 1500 м² с расстоянием от 0,5 до 1,5 м между растениями вокруг точки N53°26’33,3» E35°32’31,3»; далее, выше по течению вдоль луговой дороги, рассеянно от точки N53°26’30,5» E35°32’23,4» до точки N53°26’28,2» E35°32’21,1», где на небольшой поляне вид местами встречался обильно. Найдено ещё 2 таких местообитания выше по течению реки на ООПТ: N53°25’47,8» E35°31’40,6»; N53°25’40,0» E35°31’21,8» (рис. 3).

Турча болотная — *Hottonia palustris* (5 категория. Восстанавливаемый и восстанавливающийся вид): Старичный вид. Найдено 2 местообитания близ устья речки Клён на ООПТ: N53°28’03,5» E35°32’46,2» (рис. 2).

Бодяк речной — *Cirsium rivulare* (4 категория. Неопределённый по статусу вид): Левый берег р. Вытебеть, выше по течению от газопровода, низинный заболоченный луг (болото). Растение растёт рассеяно на площади, примерно, 25×20 м (N53°26’16,0» E35°32’16,9») (рис. 3).

Отмечены 5 видов, нуждающиеся на территории Калужской области в особом контроле за их состоянием (Красная книга…, 2015):

Чемерица Лобеля — *Veratrum lobelianum.* На пойменных сырых лугах Вытебети напротив 85 квартала Тургеневского участкового лесничества и выше по течению от газопровода, низинный заболоченный луг (болото). Изредка.

Сурепка прямая — *Barbarea stricta*. У речки Клён в 85 квартале Тургеневского участкового лесничества. Всего несколько растений.

Чина чёрная — *Lathyrus niger.* Встречена в долине Вытебети на опушке широколиственного леса в 81 квартале Тургеневского участкового лесничества

Волчеягодник (Волчник) обыкновенный, или Волчье лыко — *Daphne mezereum.* 85 квартал Тургеневского участкового лесничества. Широколиственный лес на склоне вблизи подножия у поймы р. Вытебеть.

Пупырник японский — *Torilis japonica*. Встречается, в основном, в тенистых местах широколиственного леса в долине Вытебети, в зарослях подроста, у кустарников, иногда — на открытых местах на всех частях территории.

Из **адвентивных растений**, которые могут быть опасны для аборигенных фитоценозов [Решетникова и др., 2019], встречены на территории ООПТ локально и в небольшом числе: **райграс высокий, или французский (***Arrhenatherum elatius***)** — на лугах в пойме на левом берегу р. Вытебеть напротив д. Вытебеть; **свидина белая (***Cornus alba***)** — единственная заросль встречена в пойменном лесу на левом берегу р. Вытебеть напротив д. Вытебеть; **золотарник канадский** (*Solidago canadensis*) — изредка встречаются куртины практически во всех частях ООПТ, на лугах и вдоль лесных дорог; **мелколепестник однолетний** (*Erigeron annuus*), встречается на территории ООПТ в разных биотопах в небольшом числе.

Общий систематический список сосудистых растений, отмеченных на территории памятника природы «Река Вытебеть и её пойма»

Виды растений приводятся, преимущественно, по сводке П. Ф. Маевского (2006).

1. *Matteuccia struthiopteris* (L.) Todaro — Страусник обыкновенный, или Страусовое перо.
2. *Athyrium filix-femina* (L.) Roth — Кочедыжник женский, или Папоротник женский.
3. *Gymnocarpium dryopteris* (L.) Newm. — Голокучник обыкновенный.
4. *Dryopteris carthusiana* (Vill.) H. P. Fuchs — Щитовник шартрский, или игольчатый, «Картузиуса».
5. *Dryopteris filix-mas* (L.) Schott — Щитовник мужской, или Папоротник мужской.
6. *Phegopteris connectilis* (Michx.) Watt — Фегоптерис связывающий.
7. *Pteridium aquilinum* (L.) Kuhn [*Pteris aquilina* L.] — Орляк обыкновенный.
8. *Equisetum arvense* L. — Хвощ полевой.
9. *Equisetum fluviatile* L. [*E. heleocharis* Ehrh., *E. limosum* L.] — Хвощ речной, или топяной.
10. *Equisetum hyemale* L. — Хвощ зимующий, или зимний.
11. *Equisetum pratense* Ehrh. — Хвощ луговой.
12. *Equisetum sylvaticum* L. — Хвощ лесной.
13. *Lycopodium annotinum* L. — Плаун годичный.
14. *Picea abies* (L.) Karst. [*P. excelsa* (Lam.) Link, *P. vulgaris* Link] — Ель обыкновенная.
15. *Pinus sylvestris* L. — Сосна обыкновенная, или лесная.
16. *Sparganium emersum* Rehm. [*S. simplex* Huds.] — Ежеголовник простой, или всплывший.
17. *Sparganium erectum* L. [*S. ramosum* Huds.] — Ежеголовник прямой, или ветвистый.
18. *Potamogeton lucens* L. — Рдест блестящий.
19. *Potamogeton perfoliatus* L. — Рдест пронзённолистный.
20. *Alisma plantago-aquatica* L. — Частуха обыкновенная, или подорожниковая.
21. *Sagittaria sagittifolia* L. — Стрелолист обыкновенный, или стрелолистный.
22. *Butomus umbellatus* L. — Сусак зонтичный.
23. AiN *Elodea canadensis* Michx. — Элодея канадская, или Водяная зараза.
24. *Agrostis canina* L. — Полевица собачья.
25. *Agrostis capillaris* L. [*A. tenuis* Sibth.] — Полевица тонкая, или волосовидная.
26. *Agrostis stolonifera* L. [*A. vulgaris* Sibth. p. p.] — Полевица побегоносная.
27. *Alopecurus pratensis* L. — Лисохвост луговой.
28. *Arrhenatherum elatius* (L.) Beauv. ex J. et C. Presl — Райграс высокий, или французский.
29. *Brachypodium sylvaticum* (Huds.) Beauv. — Коротконожка лесная.
30. *Briza media* L. — Трясунка средняя.
31. *Bromopsis inermis* (Leyss.) Holub [*Bromus inermis* Leyss.] — Кострец безостый.
32. *Calamagrostis arundinacea* (L.) Roth — Вейник тростниковый, или лесной.
33. *Calamagrostis canescens* (Web.) Roth [*C. lanceolata* Roth] — Вейник седеющий.
34. *Calamagrostis epigeios* (L.) Roth — Вейник наземный.

35. *Dactylis glomerata* L.—Ежа сборная.
36. *Deschampsia cespitosa* (L.) Beauv.—Щучка дернистая, или Луговик.
37. *Elymus caninus* (L.) L. [*Triticum caninum* L.]—Пырейник собачий.
38. *Elytrigia repens* (L.) Nevski [*Triticum repens* L.]—Пырей ползучий.
39. *Festuca gigantea* (L.) Vill.—Овсяница гигантская.
40. *Festuca pratensis* Huds. [*F. elatior* L. p.p., nom. ambig.]—Овсяница луговая.
41. *Festuca rubra* L.—Овсяница красная.
42. *Glyceria fluitans* (L.) R. Br.—Манник плавающий, или обыкновенный.
43. *Glyceria maxima* (Hartm.) Holmb.—Манник большой.
44. *Helictotrichon pubescens* (Huds.) Pilg.—Овсец опушённый, или Овёс заячий.
45. *Hierochloë odorata* (L.) Beauv.—Зубровка душистая, или Чаполоть.
46. *Melica nutans* L.—Перловник поникший.
47. *Milium effusum* L.—Бор развесистый.
48. *Molinia caerulea* (L.) Moench—Молиния голубая.
49. *Phalaroides arundinacea* (L.) Rauschert—Двукисточник тростниковидный.
50. *Phleum pratense* L.—Тимофеевка луговая, или Тимофеева трава.
51. *Phragmites australis* (Cav.) Trin. ex Steud.—Тростник южный, или обыкновенный.
52. *Poa palustris* L. [*P. serotina* Ehrh., *P. fertilis* Host.]—Мятлик болотный.
53. *Poa pratensis* L.—Мятлик луговой.
54. *Carex acuta* L. [*C. gracilis* Curt.]—Осока острая.
55. *Carex cespitosa* L.—Осока дернистая.
56. *Carex contigua* Hoppe—Осока соседняя, или шершавая.
57. *Carex digitata* L.—Осока пальчатая.
58. *Carex elongata* L.—Осока удлинённая.
59. *Carex hirta* L.—Осока мохнатая.
60. *Carex leporina* L.—Осока заячья.
61. *Carex nigra* (L.) Reichard [*C. vulgaris* Fries]—Осока чёрная.
62. *Carex pallescens* L.—Осока бледноватая.
63. *Carex pilosa* Scop.—Осока волосистая.
64. *Carex praecox* Schreb. [*C. schreberi* Schrank]—Осока ранняя.
65. *Carex pseudocyperus* L.—Осока ложносытевая.
66. *Carex riparia* Curt.—Осока береговая.
67. *Carex vesicaria* L.—Осока пузырчатая.
68. *Carex vulpína* L.—Осока лисья.
69. *Scirpus sylvaticus* L.—Камыш лесной.
70. *Calla palustris* L.—Белокрыльник болотный.
71. *Lemna minor* L.—Ряска малая.
72. *Juncus articulatus L. [J. lampocarpus Ehrh. ex Hoffm.]—Ситник членистый.*
73. *Juncus effusus* L.—Ситник развесистый.
74. AiN *Juncus tenuis* Willd.—Ситник тонкий.
75. *Luzula multiflora* (Ehrh.) Lej.—Ожика многоцветковая.
76. *Luzula pallescens* Sw.—Ожика бледноватая.
77. *Luzula pilosa* (L.) Willd.—Ожика волосистая.
78. *Allium oleraceum* L.—Лук огородный, или съедобный.
79. *Convallaria majalis* L.—Ландыш майский.
80. *Maianthemum bifolium* (L.) F. W. Schmidt—Майник двулистный.
81. *Paris quadrifolia* L.—Вороний глаз четырёхлистный.
82. *Polygonatum multiflorum* (L.) All.—Купена многоцветковая
83. *Polygonatum odoratum* (Mill.) Druce—Купена душистая, или лекарственная.
84. ! *Veratrum lobelianum* Bernh.—Чемерица Лобеля.
85. *Iris pseudacorus* L.—Касатик (Ирис) ложноаирный, или водный.

86. **! К**К *Dactylorhiza baltica* (Klinge) Orlova — Пальчатокоренник балтийский.
87. *Populus tremula* L. — Тополь дрожащий, или Осина.
88. *Salix aurita* L. — Ива ушастая.
89. *Salix caprea* L. — Ива козья, или Бредина.
90. *Salix cinerea* L. — Ива пепельная.
91. *Salix fragilis* L. — Ива ломкая, или Ракита.
92. *Salix gmelinii* Pall. [*S. dasyclados* Wimm.] — Ива Гмелина, или шерстистопобеговая.
93. *Salix myrsinifolia* Salisb. [*S. nigricans* Smith] — Ива мирзинолистная, или чернеющая.
94. *Salix pentandra* L. — Ива пятитычинковая, или Чернотал.
95. *Salix triandra* L. [*S. amygdalina* L.] — Ива трёхтычинковая, или миндальная.
96. *Salix viminalis* L. — Ива корзиночная, или Лоза.
97. *Alnus glutinosa* (L.) Gaertn. — Ольха чёрная, или клейкая.
98. *Betula pendula* Roth [*B. verrucosa* Ehrh.] — Берёза повислая, или бородавчатая.
99. *Betula pubescens* Ehrh. [*B. alba* L., nom. reject.] — Берёза пушистая, или белая.
100. *Corylus avellana* L. — Лещина обыкновенная, или Орешник, Лесной орех.
101. *Quercus robur* L. [*Q. pedunculata* Ehrh.] — Дуб черешчатый.
102. *Ulmus glabra* Huds. [*U. montana* Stokes, *U. scabra* Mill.] — Вяз голый, или шероховатый.
103. *Ulmus laevis* Pall. [*U. pedunculata* Foug.] — Вяз гладкий.
104. *Humulus lupulus* L. — Хмель обыкновенный.
105. *Urtica dioica* L. — Крапива двудомная.
106. *Asarum europaeum* L. — Копытень европейский.
107. *Polygonum amphibium* L. [*Persicaria amphibia* (L.) S. F. Gray] — Горец земноводный.
108. *Polygonum bistorta* L. [*Bistorta major* S. F. Gray] — Горец змеиный, или Раковые шейки.
109. *Polygonum convolvulus* L. [*Fallopia convolvulus* (L.) A. Löve] — Горец вьюнковый.
110. *Polygonum hydropiper* L. — Горец перечный, или Водяной перец.
111. *Polygonum minus* Huds. — Горец малый.
112. *Rumex acetosa* L. s. str. — Щавель кислый.
113. *Rumex acetosella* L. — Щавель кисловатый, или Щавелёк, Воробьиный щавель.
114. *Rumex aquaticus* L. — Щавель водный.
115. *Rumex confertus* Willd. — Щавель густой, или Конский щавель.
116. *Rumex crispus* L. — Щавель курчавый.
117. *Rumex obtusifolius* L. — Щавель туполистный.
118. *Coronaria flos-cuculi* (L.) A. Br. — Горицвет кукушкин, или Кукушкин цвет.
119. *Dianthus deltoides* L. — Гвоздика травянка.
120. *Moehringia trinervia* (L.) Clairv. — Мёрингия трёхжилковая.
121. *Saponaria officinalis* L. — Мыльнянка лекарственная.
122. *Silene alba* (Mill.) E. H. L. Krause — Смолёвка (Дрёма) белая.
123. *Silene nutans* L. — Смолёвка поникшая.
124. *Silene vulgaris* (Moench) Garcke — Смолёвка обыкновенная, или Хлопушка.
125. *Spergula arvensis* L. — Торица полевая.
126. *Stellaria graminea* L. — Звездчатка злаковая, или Пьяная трава, Ситичек.
127. *Stellaria holostea* L. — Звездчатка жёстколистная.
128. *Stellaria media* (L.) Vill. [*Alsine media* L.] — Звездчатка средняя, или Мокрица.
129. *Stellaria nemorum* L. [*Hylebia nemorum* (L.) Fourr.] — Звездчатка дубравная.
130. *Stellaria palustris* Retz. [*S. glauca* With] — Звездчатка болотная.
131. *Steris viscaria* (L.) Rafin. — Смолка обыкновенная.
132. *Nuphar lutea* (L.) Smith — Кубышка жёлтая.
133. *Nymphaea candida* J. et C. Presl — Кувшинка белоснежная.
134. *Aconitum lasiostomum* Reichenb. ex Bess. — Борец (Аконит) шерстистоустый.
135. *Caltha palustris* L. — Калужница болотная.
136. *Ranunculus acris* L. — Лютик едкий.

137. *Ranunculus flammula* L.—Лютик жгучий.
138. *Ranunculus polyanthemos* L.—Лютик многоцветковый.
139. *Ranunculus repens* L.—Лютик ползучий.
140. *Thalictrum aquilegifolium* L.—Василисник водосборолистный.
141. *Thalictrum lucidum* L. [*T. angustifolium* auct.]—Василисник блестящий.
142. *Trollius europaeus* L.—Купальница европейская.
143. *Chelidonium majus* L.—Чистотел большой.
144. **!** *Barbarea stricta* Andrz.—Сурепка прямая.
145. *Berteroa incana* (L.) DC.—Икотник серо-зелёный.
146. *Bunias orientalis* L.—Свербига восточная.
147. *Cardamine amara* L.—Сердечник горький.
148. *Cardamine impatiens* L.—Сердечник недотрога.
149. *Rorippa amphibia* (L.) Bess. [*Nasturtium amphium* (L.) R. Br.]—Жерушник земноводный.
150. *Rorippa palustris* (L.) Bess. [*Nasturtium palustre* Ait.]—Жерушник болотный.
151. *Turritis glabra* L. [*Arabis glabra* (L.) Bernh.]—Вяжечка (Башенница) голая.
152. *Ribes nigrum* L.—Смородина чёрная.
153. *Agrimonia eupatoria* L.—Репешок обыкновенный, или лекарственный.
154. *Agrimonia pilosa* Ledeb.—Репешок волосистый.
155. *Alchemilla vulgaris* L. s.l.—Манжетка обыкновенная.
156. *Comarum palustre* L. [*Potentilla palustris* (L.) Scop.]—Сабельник болотный.
157. *Filipendula ulmaria* (L.) Maxim.—Таволга вязолистная, или Лабазник вязолистный.
158. *Filipendula vulgaris* Moench—Таволга обыкновенная, Земляные орешки.
159. *Fragaria vesca* L.—Земляника лесная.
160. *Fragaria viridis* (Duch.) Weston—Земляника зелёная, или Поляника, Луговая клубника.
161. *Geum rivale* L.—Гравилат речной.
162. *Geum urbanum* L.—Гравилат городской.
163. *Malus domestica* Borkh.—Яблоня домашняя.
164. *Malus sylvestris* Mill.—Яблоня лесная.
165. *Padus avium* Mill. [*Prunus padus* L.]—Черёмуха обыкновенная.
166. *Potentilla anserina* L.—Лапчатка гусиная, или Гусиная лапка.
167. *Potentilla argentea* L.—Лапчатка серебристая.
168. *Potentilla erecta* (L.) Raeusch.—Лапчатка прямостоячая, или Калган.
169. *Potentilla intermedia* L.—Лапчатка средняя.
170. *Potentilla thuringiaca* Bernh. [*P. goldbachii* Rupr.]—Лапчатка тюрингская, или Гольдбаха.
171. *Pyrus communis* L.—Груша обыкновенная.
172. *Rosa majalis* Herrm.—Шиповник майский, или коричный.
173. *Rubus caesius* L.—Ежевика сизая.
174. *Rubus idaeus* L.—Малина обыкновенная, или лесная.
175. *Rubus nessensis* W. Hall [*R. suberectus* G. Andrs. ex Smith]—Куманика.
176. *Rubus saxatilis* L.—Костяника.
177. *Sanguisorba officinalis* L.—Кровохлёбка лекарственная.
178. *Sorbus aucuparia* L. [*Pyrus aucuparia* Gaert.]—Рябина обыкновенная.
179. **!** *Lathyrus niger* (L.) Bernh. [*Orobus niger* L.]—Чина чёрная
180. *Lathyrus pratensis* L.—Чина луговая.
181. *Lathyrus sylvestris* L.—Чина лесная.
182. *Lathyrus vernus* (L.) Bernh. [*Orobus vernus* L.]—Чина весенняя, или Сочевичник весенний.
183. *Lotus corniculatus* L.—Лядвенец рогатый.
184. *Medicago falcata* L.—Люцерна серповидная.
185. *Trifolium aureum* Poll.—Клевер золотистый.
186. *Trifolium hybridum* L. [*Amoria hybrida* (L.) C. Presl]—Клевер гибридный, или розовый.
187. *Trifolium medium* L.—Клевер средний.

188. *Trifolium pratense* L. [*T. sativum* (Schreb.) Crome] — Клевер луговой.
189. *Trifolium repens* L. [*Amoria repens* (L.) C. Presl] — Клевер ползучий, или белый.
190. *Vicia cracca* L. — Горошек мышиный.
191. *Vicia hirsuta* (L.) S. F. Gray [*Ervum hirsutum* L.] — Горошек волосистый.
192. *Vicia sepium* L. — Горошек заборный.
193. *Vicia sylvatica* L. — Горошек лесной.
194. *Geranium pratense* L. — Герань луговая.
195. *Geranium sylvaticum* L. — Герань лесная.
196. *Oxalis acetosella* L. — Кислица обыкновенная.
197. *Polygala comosa* Schkuhr — Истод хохлатый.
198. *Euphorbia virgata* Waldst. et Kit. — Молочай прутьевидный, или лозный.
199. *Mercurialis perennis* L. — Пролесник многолетний.
200. *Callitriche cophocarpa* Sendtner [*C. polymorpha* Loennr.] — Болотник короткоплодный.
201. **КК** *Euonymus europaea* L. — Бересклет европейский.
202. *Euonymus verrucosa* Scop. — Бересклет бородавчатый.
203. *Acer platanoides* L. — Клён остролистный, или платановидный.
204. *Impatiens noli-tangere* L. — Недотрога обыкновенная.
205. *Frangula alnus* Mill. [*Rhamnus frangula* L.] — Крушина ломкая, или ольховидная.
206. *Tilia cordata* Mill. — Липа сердцевидная, или мелколистная.
207. **! КК** *Hypericum hirsutum* L. — Зверобой волосистый.
208. *Hypericum maculatum Crantz* [*H. quadrangulum auct.*] — Зверобой пятнистый.
209. *Hypericum perforatum* L. — Зверобой продырявленный.
210. *Viola canina* L. — Фиалка собачья.
211. *Viola hirta* L. — Фиалка опушённая.
212. *Viola mirabilis* L. — Фиалка удивительная.
213. *Viola palustris* L. — Фиалка болотная.
214. *Viola tricolor* L. — Фиалка трёхцветная.
215. ! *Daphne mezereum* L. — Волчеягодник (Волчник) обыкновенный, или Волчье лыко.
216. *Lythrum salicaria* L. — Дербенник иволистный, или обыкновенный, Плакун-трава.
217. *Peplis portula* L. [*Lythrum portula* (L.) Webb] — Бутерлак портулаковый.
218. *Chamerion angustifolium* (L.) Holub — Иван-чай узколистный, или Копорский чай.
219. *Epilobium montanum* L. — Кипрей горный.
220. *Epilobium palustre* L. — Кипрей болотный.
221. *Oenothera biennis* L. [*Onagra biennis* (L.) Scop.] — Ослинник двулетний.
222. *Myriophyllum verticillatum* L. — Уруть мутовчатая.
223. *Aegopodium podagraria* L. — Сныть обыкновенная.
224. *Angelica archangelica* L. — Дудник лекарственный, или Дягиль.
225. *Angelica sylvestris* L. — Дудник лесной.
226. *Anthriscus sylvestris* (L.) Hoffm. — Купырь лесной.
227. *Cicuta virosa* L. [incl. *C. tenuifolia* (Koch.) Froelich] — Вех ядовитый, или Цикута.
228. *Heracleum sibiricum* L. — Борщевик сибирский.
229. *Oenanthe aquatica* (L.) Poir. [*O. phellandrium* Lam.] — Омежник водяной.
230. *Pastinaca sativa* L. — Пастернак посевной.
231. **! КК** *Peucedanum oreoselinum* (L.) Moench — Горечник горный, Горногоречник чёрный.
232. *Pimpinella saxifraga* L. — Бедренец камнеломка.
233. *Selinum carvifolia* (L.) L. — Гирча тминолистная.
234. *Seseli libanotis* (L.) Koch [*Libanotis intermedia* Rupr.] — Жабрица порезниковая.
235. *Thyselinum palustre* (L.) Rafin. [*Peucedanum palustre* (L.) Moench] — Тиселинум болотный.
236. **!** *Torilis japonica* (Houtt.) DC. [*Torilis anthriscus* Gaertn.] — Пупырник японский.
237. *Cornus alba* L. [*C. sibirica* Lodd., *Swida alba* (L.) Opiz] — Свидина белая, или Дёрен белый.
238. *Orthilia secunda* (L.) House [*Ramischia secunda* (L.) Garcke] — Ортилия однобокая.

239. *Pyrola minor* L. — Грушанка малая.
240. *Calluna vulgaris* (L.) Hull — Вереск обыкновенный
241. *Vaccinium vitis-idaea* L. — Брусника.
242. *Vaccinium myrtillus* L. — Черника.
243. **КК** *Hottonia palustris* L. — Турча болотная.
244. *Lysimachia nummularia* L. — Вербейник монетчатый.
245. *Lysimachia vulgaris* L. — Вербейник обыкновенный.
246. *Naumburgia thyrsiflora* (L.) Reichenb. — Кизляк (Наумбургия) кистецветный.
247. *Primula veris* L. [*P. officinalis* Jacq.] — Первоцвет весенний.
248. *Trientalis europaea* L. — Седмичник европейский.
249. *Calystegia sepium* (L.) R. Br. — Повой заборный, или Калистегия заборная.
250. *Convolvulus arvensis* L. — Вьюнок полевой.
251. *Polemonium caeruleum* L. — Синюха голубая.
252. *Myosotis arvensis* (L.) Hill [*M. intermedia* Link] — Незабудка полевая.
253. *Myosotis palustris* (L.) L. — Незабудка болотная.
254. *Pulmonaria obscura* Dumort. [*P. officinalis* auct., non L.] — Медуница неясная.
255. *Ajuga reptans* L. — Живучка ползучая.
256. *Betonica officinalis* L. [*Stachys betonica* Benth.] — Буквица лекарственная.
257. *Clinopodium vulgare* L. [*Calamintha clinopodium* Spenn.] — Пахучка обыкновенная.
258. *Galeobdolon luteum* Huds. [*Lamium galeobdolon* L.] — Зеленчук жёлтый.
259. *Glechoma hederacea* L. [*Nepeta glechoma* Benth.] — Будра плющевидная.
260. *Lamium maculatum* (L.) L. — Яснотка пятнистая.
261. *Leonurus villosus* Desf. ex D'Urv. — Пустырник пятилопастной, или волосистый.
262. *Lycopus europaeus* L. — Зюзник европейский.
263. *Mentha arvensis* L. — Мята полевая.
264. *Prunella vulgaris* L. [*Brunella vulgaris* L.] — Черноголовка обыкновенная.
265. *Scutellaria galericulata* L. — Шлемник обыкновенный.
266. *Stachys palustris* L. — Чистец болотный.
267. *Stachys sylvatica* L. — Чистец лесной.
268. *Solanum dulcamara* L. — Паслён сладко-горький.
269. *Linaria vulgaris* Mill. — Льнянка обыкновенная.
270. *Melampyrum nemorosum* L. — Марьянник дубравный.
271. *Melampyrum pratense* L. — Марьянник луговой.
272. *Rhinanthus minor* L. — Погремок малый.
273. *Scrophularia nodosa* L. — Норичник шишковатый.
274. *Verbascum nigrum* L. — Коровяк чёрный.
275. *Verbascum thapsus* L. — Коровяк медвежье ухо, или обыкновенный.
276. *Veronica anagallis-aquatica* L. — Вероника ключевая.
277. *Veronica chamaedrys* L. — Вероника дубравная.
278. *Veronica longifolia* L. — Вероника длиннолистная.
279. *Veronica officinalis* L. — Вероника лекарственная.
280. *Plantago lanceolata* L. — Подорожник ланцетный.
281. *Plantago major* L. — Подорожник большой.
282. *Plantago media* L. — Подорожник средний.
283. *Galium aparine* L. — Подмаренник цепкий.
284. *Galium boreale* L. — Подмаренник северный.
285. *Galium mollugo* L. — Подмаренник мягкий.
286. *Galium odoratum* (L.) Scop. [*Asperula odorata* L.] — Подмаренник душистый.
287. *Galium palustre* L. — Подмаренник болотный.
288. *Galium rivale* (Sibth. et Smith) Griseb. — Подмаренник приручейный.
289. *Galium verum* L. — Подмаренник настоящий.

290. *Lonicera xylosteum* L. — Жимолость обыкновенная.
291. *Sambucus racemosa* L. — Бузина красная, или кистевидная.
292. *Viburnum opulus* L. — Калина обыкновенная.
293. *Adoxa moschatellina* L. — Адокса мускусная.
294. *Valeriana officinalis* L. s.l. — Валериана аптечная.
295. *Knautia arvensis* (L.) Coult. — Короставник полевой.
296. *Succisa pratensis* Moench — Сивец луговой.
297. *Campanula glomerata* L. — Колокольчик сборный.
298. *Campanula patula* L. — Колокольчик раскидистый.
299. *Campanula persicifolia* L. — Колокольчик персиколистный.
300. *Campanula rapunculoides* L. — Колокольчик рапунцелевидный.
301. *Campanula trachelium* L. — Колокольчик крапиволистный.
302. *Jasione montana* L. — Букашник горный.
303. *Achillea cartilaginea* Ledeb. [*Ptarmica cartilaginea* Ledeb.] — Тысячелистник хрящеватый.
304. *Achillea millefolium* L. — Тысячелистник обыкновенный.
305. *Arctium tomentosum* Mill. [*Lappa tomentosa* Lam.] — Репейник (Лопух) паутинистый.
306. *Artemisia campestris* L. — Полынь равнинная.
307. *Artemisia vulgaris* L. — Полынь обыкновенная, или Чернобыльник.
308. *Bidens tripartita* L. — Череда трёхраздельная.
309. *Carduus crispus* L. — Чертополох курчавый.
310. *Centaurea jacea* L. — Василёк луговой.
311. *Centaurea phrygia* L. — Василёк фригийский.
312. *Cichorium intybus* L. — Цикорий обыкновенный.
313. *Cirsium arvense* (L.) Scop. s. str. — Бодяк полевой.
314. *Cirsium palustre* (L.) Scop. — Бодяк болотный.
315. *Cirsium polonicum* (Petrak) Iljin [*C. eriophorum* auct., non Scop.] — Бодяк польский.
316. **! КК** *Cirsium rivulare* (Jacq.) All. — Бодяк приречный.
317. *Cirsium setosum* (Willd.) Bess. [*C. arvense* auct., non (L.) Scop.] — Бодяк щетинистый.
318. *Erigeron acris* L. — Мелколепестник острый.
319. *Erigeron annuus* (L.) Pers. [*Stenactis annua* (L.) Cass.] — Мелколепестник однолетний.
320. *Erigeron canadensis* L. — Мелколепестник канадский.
321. *Gnaphalium sylvaticum* L. — Сушеница лесная.
322. *Hieracium pilosella* L. s.l. — Ястребинка зонтичная.
323. *Hieracium umbellatum* L. — Ястребинка зонтичная.
324. *Lapsana communis* L. — Бородавник обыкновенный.
325. *Leontodon autumnalis* L. — Кульбаба осенняя.
326. *Leontodon hispidus* L. [*L. hastilis* L.] — Кульбаба шершавая.
327. *Leucanthemum vulgare* Lam. — Поповник (Нивяник) обыкновенный.
328. *Senecio fluviatilis* Wallr. [*S. sarracenicus* L., nom. ambig.] — Крестовник приречный.
329. *Senecio jacobaea* L. — Крестовник Якова.
330. *Solidago canadensis* L. — Золотарник канадский.
331. *Solidago virgaurea* L. — Золотарник обыкновенный, или Золотая розга.
332. *Sonchus arvensis* L. — Осот полевой.
333. *Tanacetum vulgare* L. — Пижма обыкновенная.
334. *Taraxacum officinale* Wigg. — Одуванчик лекарственный.
335. *Tragopogon orientalis* L. — Козлобородник восточный.
336. *Tussilago farfara* L. — Мать-и-мачеха обыкновенная.

Видовой состав растений богат. При дальнейшем, более подробном изучении должны быть находки и других редких растений Красной книги Калужской области, прежде всего в период мая — июня.

Список литературы

1. Красная книга Калужской области. Т. 1. Растительный мир. — Калуга: ООО «Ваш Домъ», 2015.
2. Красная книга Российской Федерации (растения и грибы) / Министерство природных ресурсов и экологии РФ; Федеральная служба по надзору в сфере природопользования; РАН; Российское ботаническое общество; МГУ им. М. В. Ломоносова; Гл. редколл.: Ю. П. Трутнев и др.; сост. Р. В. Камелин и др. — М., 2008.
3. *Маевский П. Ф.* Флора средней полосы Европейской России. 10-е изд. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006.
4. Памятники природы Калужской области. Кадастровые сведения об особо охраняемых природных территориях регионального значения. Т. 1 / В. А. Антохина, О. А. Новикова. — Калуга: ООО Ваш «Домъ», 2019.
5. *Решетникова Н. М., Майоров С. Р., Крылов А. В.* Чёрная книга Калужской области. Сосудистые растения. — Калуга: ООО «Ваш Домъ», 2019.
6. Паспорт ООПТ регионального значения памятник природы «Река Вытебеть и её пойма».
7. За основу карт взяты космоснимки Google и Bing через публичную кадастровую карту URL: https://egrp365.org/map/?kadnum=40:23:000000:749 (период обращения: 8.06.2021–23.09.2021).

ВОПРОСЫ
АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ
И ПРИРОДЫ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Материалы
XIX Всероссийской научной конференции,
посвящённой 650-летию Калуги, 125-летию Г. К. Жукова
и 60-летию Первого полёта человека в космос

Корректор *Н. Г. Любомудрова*
Компьютерная вёрстка *С. И. Захаров*

Издатель Захаров С. И. («СерНа»)
Тел. 8-910-914-95-30
E-mail: sergeizah@gmail.com

Подписано в печать 08.08.21. Формат 60×84 $^{1}/_{8}$.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объём 36 п. л.
Тираж 150 экз.

Отпечатано в типографии «Наша Полиграфия»
г. Калуга, ул. Грабцевское шоссе, 126
Лиц. ПЛД № 42–29 от 23.12.99
Тел. (4842) 77-00-75